

В. М. Тихонов, Кан Мангиль
ИСТОРИЯ КОРЕИ

В. М. Тихонов, Кан Мангиль
ИСТОРИЯ КОРЕИ

Том
1

С древнейших времен
до 1904 года

Том
1

 Orientalia
et Classica

Russian
State University
for the Humanities

● **Orientalia**

et **Classica**

Papers of the Institute of Oriental
and Classical Studies

Issue XLI

V.M. Tikhonov, Kang Man'gil

HISTORY OF KOREA

In two volumes

Volume 1

**From the Earliest Times
to 1904**

Moscow

2011

Российский
государственный гуманитарный
университет

● **Orientalia**

et **Classica**

Труды Института восточных культур
и античности

Выпуск XLI

В.М. Тихонов, Кан Мангиль

ИСТОРИЯ КОРЕИ

В двух томах

Том 1

С древнейших времен
до 1904 г.

Москва

2011

УДК 950(519)
ББК 63.3(5)я73
Т 46

Orientalia et Classica:
Труды Института восточных культур и античности
Выпуск XLI
Том 1

Под редакцией *И.С. Смирнова*

Оформление переплета – *Михаил Гуров*

На переплете: *Чосон тхонбо* – первая монета Чосона.
Выпускалась в 1423–1636 гг.

ISBN 978-5-8062-0343-5
ISBN 978-5-8062-0344-2

© Тихонов В.М., 2011
© Симбирцева Т.М., хронологические
таблицы, указатель, составление, 2011
© Издательство «Наталис», 2011

Оглавление

От автора. Предисловие ко второму изданию	9
Назначение, структура и особенности книги	9
Русская транскрипция корейских слов	12
Административное деление Кореи	12
Введение. Географические и природно-климатические условия Кореи	14
 ЧАСТЬ 1. Доисторическое прошлое Корейского полуострова.	
Древние протокорейские культуры (до объединения Корейского полуострова в VII в. н. э.)	25
Глава 1. Проблема палеолита на Корейском полуострове	25
Глава 2. Неолит Корейского полуострова (V тыс. — X в. до н. э.)	31
Глава 3. а) Бронзовый век Корейского полуострова (X—III вв. до н. э.). Проблема происхождения Древнего Чосона (X—IV вв. до н. э.)	46
1. Бронзовый век Корейского полуострова (X—III вв. до н. э.)	47
2. Проблема происхождения Древнего Чосона	61
б) Ранний железный век на Корейском полуострове. Расцвет и падение Чосона. Китайская колонизация северной части Корейского полуострова (III—I вв. до н. э.)	66
1. Ранний железный век на Корейском полуострове	66
2. Расцвет и падение Чосона	71
3. Китайская колонизация северной части Корейского полуострова	75
Глава 4. Культура развитого железа. Ранний период в истории трех государств (I—III вв.)	78
а) Формирование ранней государственности у племенной группы <i>когурё</i> на севере полуострова (I—III вв.)	79
б) Южнокорейская племенная группа <i>махан</i> и проблема раннего Пэкче (I—III вв.)	87
в) Южнокорейские племенные группы <i>чинхан</i> и <i>пёнхан</i> и проблема ранних Силла (Саро) и Кая (I—III вв.)	91

Глава 5. Дальнейшее развитие трех государств и объединение Корейского полуострова под властью Силла (IV–VII вв.)	97
а) Оформление зрелой государственности в Когурё и Пэкче и их борьба за гегемонию на Корейском полуострове (IV–V вв.)	97
б) Постепенное развитие ранней государственности в Силла. Изменения в протогосударствах Кая (IV–V вв.)	107
в) Когурё, Пэкче и Силла в VI в. Усиление Силла	113
г) Ситуация на Корейском полуострове в VII в. Объединение Корейского полуострова под властью Силла	132

ЧАСТЬ 2. Аристократия и чиновничество в Корее: Объединенное Силла и Корё (конец VII — конец XIV вв.)

Глава 6. Завершение объединительных войн и расцвет Объединенного Силла (661–780 гг.)	161
а) Усиление государственной централизации в конце VII в.	161
б) Расцвет буддийской мысли. Вонхё и Ыйсан	166
в) Центральная власть и аристократия в первой половине — середине VIII в.	174
г) Силлаское село VIII в.	182
д) Культурная и религиозная политика в Объединенном Силла VIII в.	184

Глава 7. «Поздний период» в силлаской истории (780–935): социальные перемены и падение Силла	192
а) Кризис центральной власти в конце VIII–IX вв.	192
б) Социально-политический распад Объединенного Силла и войны между его наследниками	200
в) «Девять школ» буддизма <i>сон</i> IX–X вв.	205

Глава 8. Ранний период правления династии Корё — централизованная бюрократия и «сильные дома» (936–1170 гг.)	215
а) Центральная власть, аристократия и чиновничество в X в.	215
б) Система управления и социальные отношения в раннем Корё	226
в) Внешняя политика Корё в X–XI вв.	240
г) Расцвет корёской культуры в XI–XII вв.	244
д) Корё и чжурчжэни	250
е) Двор и аристократия в XII в. Военное восстание 1170 г.	252

Глава 9. Поздний период правления династии Корё: власть военных, монгольское завоевание и борьба с ним (1170–1392 гг.).....	258
а) «Смутное время» конца XII в. Диктатура клана Чхве и борьба с монгольской агрессией в первой половине XIII в.	258
б) Корё как сателлит империи Юань (сер. XIII — сер. XIV вв.)	271
в) Освобождение от монгольского ига и падение династии Корё (вторая половина XIV в.)	280

ЧАСТЬ 3. Бюрократическая неоконфуцианская монархия в обществе мелких и средних землевладельцев (династия Чосон, 1392–1910 гг.).....	288
--	------------

Глава 10. Начальный этап утверждения бюрократической неоконфуцианской монархии: ранний Чосон (1392–1598 гг.)	288
а) XV в. — стабилизация центральной власти и складывание социально-политической системы Чосона	288
б) XVI в. — «неоконфуцианизация» Чосона и японская агрессия 1592–1598 гг.	304
в) Система управления и социально-экономический уклад раннего Чосона	317

Глава 11. Постепенный распад сословной системы и развитие товарной экономики в бюрократическом неоконфуцианском обществе: поздний Чосон (1598–1876 гг.)	335
а) XVII в. — борьба янбанских группировок и кризис сословной системы	335
б) XVIII в. — временная стабилизация центральной власти	349
в) XVII–XVIII вв. — развитие товарно-денежных отношений, социальные сдвиги и идеологические вызовы	353
г) XIX в. — социально-политический кризис и насильственная интеграция в мировую капиталистическую систему	365

Глава 12. Неудачи реформистской политики Коджона и японо-китайское соперничество на Корейском полуострове (1876–1894)	386
а) Консервативная реакция на Канхваский договор (1876–1880 гг.)....	386
б) Полуреформы 1880–1882 гг.	391
в) Военный бунт 1882 г. и усиление китайского влияния в Корее	398
г) Закрепление китайского господства и складывание радикальной реформаторской группировки (1882–1884 гг.)	403
д) Попытка радикального переворота в 1884 г. и ее последствия	411

е) 1885–1894 гг. — разложение традиционного уклада и неудачи модернизации	416
Глава 13. Крестьянская война, падение китайской гегемонии и радикальные реформы 1894–1895 гг.	425
а) Истоки, характер и ход первого этапа крестьянской войны	425
б) Японская интервенция, китайско-японская война и второй этап крестьянской войны	433
в) Радикальные реформы «сверху»: 1894–1895 гг.	443
Глава 14. «Прогресс и реформы» приходят в Корею: бегство Коджона в российскую миссию, провозглашение Корейской Империи, взлет и падение «Общества Независимости» (1896–1898).	454
а) Пребывание Коджона в российской миссии (11 февраля 1896 — 20 февраля 1897 г.) — умеренная «вестернизация» сверху	454
б) Провозглашение Кореи империей и радикальное националистическое движение (12 октября 1897 — конец 1898 г.)....	462
Глава 15. Новый виток умеренной «вестернизации сверху» — монархия Коджона в 1899–1904 гг.	474
а) Курс Коджона — дипломатические маневры и укрепление абсолютной монархии	474
б) Импорт слов, идей и институтов — процесс вестернизации в корейской культуре	486

ПРИЛОЖЕНИЯ

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ИСТОРИИ КИТАЯ	499
ТРАДИЦИОННАЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ЧОСОНА (в конфуцианской историографии Кореи XIV–XIX вв.)	500
ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ ИСТОРИИ КОРЕИ ДО 1904 г. (составила Т. М. Симбирцева)	500
ПРАВИТЕЛИ КОРЕИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН до 1910 г.	519
ПЕРИОДИЗАЦИЯ КОРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ	525
УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН (составила Т. М. Симбирцева)	526

От автора

ПРЕДИСЛОВИЕ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Назначение, структура и особенности книги

Прошло уже восемь лет со времени первого издания первого тома «Истории Кореи», охватывавшего период от древнейших времен до 1876 г. За это время автору удалось расширить первый том книги материалами по истории Кореи в 1876–1905 гг., а также подготовить к изданию 2-й том «Истории Кореи», в который вошло как авторское описание истории страны в период японского протектората (1905–1910) и прямого колониального правления (1910–1945), так и перевод (сделанный Т. М. Симбирцевой) части обобщающего труда патриарха южнокорейской прогрессивной историографии проф. Кан Мангиля, освещающей события 1945–1992 гг. Таким образом, к печати подготовлен труд, представляющий историю Кореи с первобытных времен и до последних десятилетий как целое.

Как расширение и углубление экономических и культурных связей между Россией и Республикой Корея в новом тысячелетии, так и международная актуальность проблем, связанных с радикальными изменениями в оборонной политике Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) в последние годы (упор на ускоренное создание ядерного оружия и развитие ракетной технологии, вызвавший отрицательную реакцию со стороны соседних государств и ряда международных организаций) стали факторами повышенного интереса к истории Кореи среди русскоязычной публики. Этот интерес вызвал к жизни своеобразный «бум» в издании обобщающих трудов по истории Кореи на русском языке за последнее десятилетие. Так, важными вехами в ознакомлении русскоязычных читателей с историей Кореи стала публикация монографии д. и. н. С. О. Курбанова «Курс лекций по истории Кореи: с древности до конца XX в.» (СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2002), ее расширенного переиздания «История Кореи: с древности до начала XXI в.» (2009) и коллективной монографии под редакцией д. п. н. А. В. Торкунова «История Кореи (новое прочтение)» (М.: МГИМО —

РОССПЭН, 2003). Определенное признание получил также русский перевод ставшего классическим учебного пособия известного южнокорейского историка Ли Ги Бэка (1924–2004) «История Кореи — новая трактовка» (М.: Русское слово, 2000).

В чем же своеобразие этой книги, отличающее ее от ряда обобщающих трудов, которые обогатили библиотеку русскоязычной литературы по Корее в начале нового тысячелетия? Во-первых, автор поставил своей целью достичь оптимального сочетания традиционной хронологической подачи материала с элементами исторической теории, которые должны довести до читателя как своеобразие истории Кореи, так и ее место в русле всемирно-исторического процесса в целом. Во-вторых, история социально-экономического базиса сочетается в книге с подробным изложением материала по религиозно-идеологической надстройке корейского общества. Пристальное внимание уделяется как традиционным религиозно-философским учениям, особенно буддизму, так и идеологическому оформлению Нового Времени в Корее, в частности, идеологии социал-дарвинизма начала XX в. В-третьих, подача материала на основе первоисточников дополняется широким освещением трактовок этих материалов — особенно трактовок исследователей Южной Кореи, подходы которых во многих случаях мало знакомы русскоязычной публике. Наконец, книга снабжена обширным иллюстративным материалом, расширяющим возможности визуального восприятия истории Кореи и дающим читателю возможность познакомиться с рядом важных археологических памятников и предметов искусства. Кроме того, данное издание дополнено хронологическими таблицами и указателем имен, любезно составленными Т. М. Симбирцевой.

В первую очередь, эта книга — учебник, предназначенный для студентов и магистрантов, занимающихся историей Кореи и связанными с ней предметами. Ею могут также пользоваться специалисты смежных областей как справочником по корейской истории. Учебно-справочный характер книги обуславливает особенности ее оформления: примечания даются в самой сжатой форме, справочный аппарат сведен к списку первоисточников, их переводов (если имеются в наличии) и исследовательской литературы в конце каждой главы. Подробные ссылки на каждый конкретный источник не даются. Для получения более подробной информации по корееведческой литературе читателю рекомендуется недавно вышедший труд Л. Р. Концевича «Избранная библиография литературы по Корее на русском и западноевропейских языках (с XIX века по 2007 год)» (М.: Первое марта, 2008), особенно стр. 246–298 (литература по истории). Изложение в целом следует общепринятым в научной литературе положениям; в случае, если интерпретация того или иного исторического факта является на данный момент предметом дискуссии, даются мнения спорящих сторон и мнение автора.

Завершая эти предварительные замечания, хотелось бы искренне поблагодарить учителей и коллег автора, бескорыстная и искренняя помощь которых сделала возможным появление настоящей работы. Прежде всего хотелось бы воздать должное покойному Михаилу Николаевичу Паку (1918–2009), пионерские исследования которого послужили основой для этой книги. Именно концепция М. Н. Пака о решающей роли государства и государственного аппарата в процессе формирования классового общества в Корее в первые века н. э., о централизованно-государственном характере раннего феодализма в Корее и стала теоретическим фундаментом данной работы. Автор надеется, что издание этой книги даст ему возможность хотя бы частично отдать долг признательности М. Н. Паку — Учителю автора и нескольких поколений советских и российских корееведов, с кончиной которого закончилась целая эпоха в изучении истории Кореи в бывшем СССР. Бесценной поддержкой для автора были также усилия к. и. н. Т. М. Симбирцевой, которую с полным правом можно назвать соавтором этой книги. Опробовав первое издание в своей работе, прочитав на его основе курс традиционной истории Кореи на 2–3 курсах Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ), она в результате высказала ряд пожеланий и советов, которые автор постарался учесть во втором издании. Т. М. Симбирцева также составила таблицы и указатель к настоящему тому, внесла целый ряд ценнейших исправлений и проделала большую корректорскую работу. Ее энтузиазм, искренняя любовь к истории Кореи и бескорыстная поддержка и были силой, позволившей автору довести свой труд до конца.

После издания первого тома «Истории Кореи» ряд специалистов-археологов сделали автору существенные замечания по разделам книги, касающимся доисторического прошлого Корейского полуострова и ранней истории Кореи, реконструируемой с использованием археологических материалов. Бесценную помощь автору в исправлении недочетов в этой части книги оказал к. и. н. С. В. Алкин — известный археолог, специалист по археологии Дунбэя (северо-восточного Китая), глава центра корееведения Новосибирского государственного университета (НГУ). Являясь учеником новосибирской школы археологии Дальнего Востока, представленной такими знаменитыми исследователями, как А. П. Окладников, В. Е. Ларичев, А. П. Деревянко и другие, он участвовал в археологической работе как на Дальнем Востоке Сибири и в Китае, так и в Корее. Его понимание археологии Кореи как органической части археологического прошлого Северной Евразии стало большим подспорьем в совершенствовании настоящей работы. Кроме того, хотелось бы выразить горячую признательность известному российскому специалисту по элитным слоям традиционного Дальнего Востока, д. и. н. С. В. Волкову, прочитавшему рукопись и сделавшему ряд важных замечаний и исправлений как фактологического, так и методико-концептуального характера.

Наконец, автор хотел бы также отдать долг благодарности патриарху постсоветского корееведения Л. Р. Концевичу, чья система транскрипции корейских слов использована в данной работе.

Русская транскрипция корейских слов

Русская транскрипция корейских слов дается по упрощенному варианту системы Холодовича — Концевича, принятой в большинстве государственных учреждений и издательств России. Корейская буква «ㅏ» (в научном варианте нашей транскрипционной системы передается как «о») передается здесь через «о», а «ㅑ» (в научном варианте — «ё») — через «ё». Буква «ㅇ» в финальной позиции в слове передается как «н», за некоторыми исключениями (научный вариант — «нь»). Произношение иероглифических слов дается по принятому на настоящий момент в Республике Корея (Южная Корея) методу, отличающемуся от северо-корейского в основном или отказом от воспроизведения китайской инициали «л», или ее произношением как «н» (а не как «р»; так, китайский иероглиф 力 «ли» — «сила» записывается на Севере как 력 и произносится «рёк», в то время, как на Юге он записывается 역 и произносится «ёк»). В то же время сохраняются традиционные для российской практики написания фамилий Ли (а не И), Лю (а не Ю), Лим (а не Им), но вместо традиционного написания фамилии Цой используется более приближенная к его оригинальному звучанию форма Чхве. Исключением являются личные имена граждан Северной Кореи, при записи которых применяются северо-корейские орфографические нормы. Порядок написания фамилий и имен принят такой же, как и в корейском языке (и других языках Дальнего Востока), т. е. сначала следует фамилия, потом имя. В транскрибировании географических названий автор придерживается «Словаря географических названий Кореи» (М., ГУГК, 1973) и географических карт Кореи, изданных на русском языке после 1973 г. Для некоторых географических названий (например, Сеул, Пхеньян и др.) сохраняется традиционное написание.

Административное деление Кореи

Горные хребты, реки и озера делили традиционную Корею на ряд естественных географических и культурных регионов. Так, преимущественно равнинный район на юго-западе полуострова, ограниченный к востоку хребтом Собэк и с севера — рекой Кымган, известен как Хонам («к югу от [реки] Хо», т. е. Кымган), а район к северо-западу от р. Кымган — как Хосо («к западу от [реки] Хо»). На восток от Собэка, к югу от перевала Чорён, лежит регион Ённам («к югу от перевала»), а террито-

рия к северу и северо-востоку от другого перевала, Тэгваллён, известна как Ёндон («к востоку от перевала»). Северная часть Кореи, в свою очередь, делится на относительно равнинные «Западные провинции» — Содо (или Квансо), и почти сплошь гористые «Северные провинции» — Пукто (или Кванбук). Наконец, центральная часть Кореи, прежде всего окрестности современной столицы Южной Кореи — Сеула, известна под традиционным названием Кынги («Центральные земли близ столицы»), или, чаще, Кихо («Столичное озеро»).

Административно, к концу XIX в. Корея делилась на восемь провинций-*до*: Чолла (в основном совпадает с регионом Хонам), Кёнсан (в основном совпадает с регионом Ённам), Чхунчхон (в основном, но не полностью, совпадает с регионом Хосо), Канвон (в основном совпадает с регионом Ёндон), Кёнги (столичная провинция, образует центральную часть региона Кихо), Хванхэ и Пхёнан (совпадает с регионом Содо), и Хамгён (совпадает с регионом Пукто). Каждая провинция, в свою очередь, делилась на «левую» (восточную или северную) и «правую» (обычно западную) части. Исторически сложившееся и географически обоснованное, это деление легло в основу административного деления как в Южной, так и в Северной Корее, подвергнувшись, впрочем, значительным изменениям. Так, в Северной Корее провинции Хванхэ, Пхёнан и Хамгён разделены на «южные» и «северные» части (примерно в соответствии с традиционным делением на «правые» и «левые» провинции соответственно), и то же самое произошло с провинциями Чолла, Чхунчхон и Кёнсан на Юге. Север выделил в две новые провинции (Чаган и Янган) гористые территории к югу от корейско-китайской границы, а Юг сделал самостоятельной провинцией остров Чеджудо. Искусственное разделение территории полуострова на два государства по 38-ой параллели «разорвало» провинции Кёнги и Канвон — большая часть их территории отошла к Южной Корее, меньшая — к Северной. Столицы и большие города Юга и Севера (Сеул, Пусан, Кванджу, Инчхон, Тэгу, Тэджон, Ульсан на Юге; Пхеньян, Нампхо, Кэсон — на Севере) выделяются в обоих государствах в отдельные административные территории.

В Южной Корее провинция включает в себя города-*си* в высокоурбанизированных зонах (население более 50 тыс. чел) и уезды-*кун* в преимущественно сельской местности. Уезд управляется из уездного города-*ып* (население до 20 тыс. чел.) и состоит из 5–10 волостей-*мён*. Низшей административной единицей внутри волости является деревня-*ли*, а города состоят из районов-*ку* и кварталов-*тон*. Похожая система существует и в Северной Корее — она отличается, главным образом, отсутствием волостного деления и, соответственно, большим числом уездов.

Введение

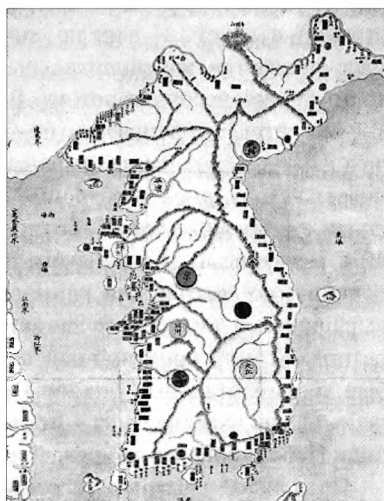
ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ КОРЕИ

Корейский полуостров — главная арена корейской истории — занимает территорию приблизительно 220 тыс. кв. км, немногим уступая по величине, скажем, Великобритании. Он располагается между 33-й и 43-й параллелями северного полушария, т. е. примерно на тех же широтах, что Греция или Испания. Корейский полуостров омывается с запада Желтым морем (корейцы традиционно именуют его Западным), мелко-водная прибрежная часть которого изобилует маленькими островами. К югу полуостров отделен от Японских островов Цусимским (Корейским) проливом, в котором лежит самый большой остров Кореи — Чеджудо (старое европейское название — Квельпарт). С востока корейский берег омывает глубокое Японское (Восточное) море, где, за несколькими исключениями, островов почти нет. Окруженный морями с трех сторон, Корейский полуостров с древности стоял на перекрестке международных торговых путей и был открыт культурным влияниям с разных сторон.

Корейский полуостров отделяют от материкового Китая впадающая в Желтое море р. Амноккан (кит. Ялуцзян) и впадающая в Японское (Восточное) море р. Туманган (кит. Тумэньцзян, традиционное русское наименование — Туманная). По последней проходит сейчас и 16-километровая граница Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) с Россией. Геологический «позвонок» полуострова составляет тянущийся с севера на юг горный хребет Тхэбэк (Пэкту) — «большой стержень», как его часто называют корейцы. Центр и наивысшая точка этой горной системы — гора Пэктусан (кит. Байтоушань, буквально «белоголовая»; по одной из версий, названа так из-за некогда покрывавших ее вершину снегов; высота — 2,744 м) на корейско-китайской границе, окруженная обширными высокогорными плато. С древности считавшаяся священной, гора эта до сих пор является национальным символом как в Южной, так и в Северной Корее (КНДР). Беря свое начало на гористом севере, хребет Тхэбэк идет на юг по восточной части полуострова, параллельно берегу Японского (Восточного) моря. По-

этому, в то время, как западная часть Северной и Центральной Кореи — преимущественно плодородная равнина, восточный берег полуострова представляет собой нагромождение горных цепей и узких каменистых долин. Крупнейшие речные долины Северной и Центральной Кореи — долина р. Тэдонган (на которой стоит столица современной Северной Кореи г. Пхеньян) на севере и р. Ханган (на которой расположена столица Южной Кореи, г. Сеул) к югу — стали центрами культуры и государственности уже в древности. К востоку от них, на побережье Японского (Восточного) моря, находится горный массив Кымгансан (часто переводится как «Алмазные горы»; высшая точка — пик Пиробон, 1,638 м), за свою красоту считающийся «жемчужиной Кореи». Далее к югу, хребет Тхэбэк переходит во множество отрогов, расходящихся по южной части полуострова; крупнейший из них, Собэк (высшая точка — гора Чирисан, 1,915 м), служит естественной границей между центральной, юго-западной и юго-восточной частями Кореи.

Как и долина реки Ханган в центре полуострова, аллювиальные долины рек Кымган и Ёнсанган в юго-западной его части с древности славились своим плодородием. Естественным центром юго-восточной Кореи являлась, в свою очередь, долина р. Нактонган — «Нила Кореи», второй по длине реки в стране, в долине которой зарождалась древняя корейская культура. Примерно 70% территории Кореи покрыто горами и холмами и непригодно для земледелия, что вызывает неправдоподобно высокую концентрацию населения в речных долинах. Впрочем, и в долинах, за исключением аллювиальных почв у речных берегов, почвы — в основном желтоземы и красноземы с высоким содержанием песка и горных пород — требуют применения удобрений для получения сносных урожаев. В условиях муссонного климата Кореи, когда за несколько недель сезона дождей (кор. *чанма*) выпадает около 60% всех годовых осадков, нет ничего удивительного в том, что реки, высыхающие и становящиеся несудоходными зимой, почти всегда разливаются летом. Учитывая, что культура риса — основной пищи корейцев, до сих пор выращиваемой 80% корейских крестьян, — требует полива полей еще до начала сезо-

Так, в виде гигантского ствола с мощными ветвями, представляли себе горные хребты полуострова традиционные географы Кореи.

на дождей, становится понятным, сколь важной была и является для Кореи ирригация — строительство дамб, плотин и водохранилищ, способных сохранить воду до сева весной и спасти недозревший рис от наводнений летом. Крупномасштабные ирригационные работы же требуют, в свою очередь, сильной централизованной власти, способной мобилизовать население на строительство и гарантировать поддержание дамб и плотин в порядке. Поэтому неудивительно, что тенденция к высокой степени государственной централизации красной нитью проходит через всю историю традиционной Кореи и ощутимо дает себя знать сегодня (см. ниже).

Климатически Корея (за исключением высокогорных плато Севера и части о. Чеджудо) относится к зоне умеренного климата, но, как уже говорилось, сильно подвержена влиянию муссонов. Это и неудивительно — ведь полуостров находится на границе континентальной климатической зоны Северо-Восточной Азии и западного «ободка» Тихого океана. Холодные ветры, дующие зимой с северной части континента (Сибирь, Дальний Восток) в направлении океана, делают зиму относительно холодной (средняя температура января $0 \dots -5^\circ$ в средней части страны) и сухой. К апрелю, однако, давление сибирских воздушных масс снижается, континентальные ветры слабеют, и на полуостров приходит теплая весенняя погода. В конце июля приходят муссонные океанские ветры и начинается продолжающийся до начала августа сезон дождей — за этот период выпадает до 600–700 мм осадков, что обеспечивает всходы риса необходимой влагой. 80–90-процентная влажность, почти ежедневные ливни и относительно высокие температуры (до $38\text{--}40^\circ\text{C}$ в жаркие дни) корейского лета — не самая лучшая погода для европейца, но именно эта климатическая комбинация благоприятна для выращивания риса — традиционно основной пищи обитателей полуострова. Самой приятной считается в Корее осенняя погода, когда слабые континентальные циклоны обеспечивают свежий ветерок и ясное небо. Осень издавна была в Корее сезоном праздников — люди благодарили Небо и предков за урожай и подводили итоги прошедшего года.

Возможно, что когда-то равнины Кореи были покрыты лесами, но сейчас практически вся равнинная территория страны или заселена, или распахана — ведь уровень плотности населения в Корее и так один из самых высоких в мире (около 450 чел. на кв. км в современной Южной Корее и 167 чел. на кв. км в Северной Корее), а горные массивы, составляющие большую часть территории страны, непригодны для жилья! Для современного корейца, «лес» означает «горы» — ибо корейские горы представляют собой непревзойденное по красоте гармоническое сочетание скалистых отрогов и пиков с лесами и рощами. Горы полуострова покрыты как хвойными (сосна, кедр), так и лиственными (каштан, клен, различные виды дуба, дзельква из семейства ильмовых, береза, и т. д.) и вечнозелеными лиственными деревьями, а на острове Чеджудо, с

его субтропическим климатом, прижились даже завезенные туда уже в Новое Время мандарины, пальмы и бананы. Некогда в горах в изобилии водились давно исчезнувшие на равнине тигры, дикие кабаны, олени и козули, но, в результате «наступления» человека — охоты, войн, развития туризма в последние десятилетия и т. д. — они сохранились, скорее всего, лишь в труднодоступных частях горных массивов Севера. В целом, как можно заметить, экологическую систему Кореи характеризует высокий уровень *антропогенности* — влияния деятельности человека.

Всегда ли Корея была такой, какой мы видим ее сейчас — перенаселенной страной с не очень плодородными почвами даже на равнине, где распахана или застроена большая часть равнинных земель, а понятия «дикая флора» или «дикая фауна» постепенно утрачивают свое значение? Если сейчас, кроме относительно крупных залежей золота, магнетита и графита, а также некоторого количества известняка, молибдена, вольфрама, свинцово-цинковых и никелевых руд и некоторых других минералов, Корея практически не имеет никаких других природных ресурсов, то была ли она также бедна ресурсами и в древности? Древние китайские и японские памятники позволяют с уверенностью сказать, что, по меркам древних времен, Корея отнюдь не была лишена того, что считалось «ресурсами» с точки зрения современников. Так, священная дворцовая хроника древней Японии, *Кодзики* (712 г.), говорит о государстве Силла в юго-восточной части Кореи, как о «стране, изобилующей золотом, серебром, и разными видами редких сокровищ»¹. Китайские хроники, начиная с *Саньго чжи* (сост. в конце III в., дополнена в V в.), восхваляли плодородие земель южной части полуострова («пригодных для возделывания пяти злаков») и подчеркивали, что именно небольшие владения (по современной терминологии, протогосударства) южной Кореи снабжали железом китайские колонии на севере полуострова и Японские острова². Все эти письменные данные о добыче и обработке металлических руд в древней Корее прекрасно подтверждены материалами археологических раскопок. Итак, по меркам своей эпохи древняя Корея вовсе не была бедна ресурсами — наоборот, богатые по тому времени залежи железных и золотых руд (а также яшмы; на побережье добывался и жемчуг) и передовые технологии их обработки позволяли ей играть важную роль в международных торговых связях. Но от перенаселенности она страдала уже тогда: по данным китайской хроники *Синь Тан шу* (составлена в 1044–1060 гг.), в древнекорейском государстве Пэкче на момент его гибели (660 г.) было 760 тыс. дворов, т. е. проживало около трех с половиной миллионов человек. Примерно столько же крестьянских дворов (740 тыс.) насчитывается на бывших пэкческих

¹ Кодзики. Пер. и коммент. Курано Хэндзи. Токио: Изд-во Иванами, 1995. С. 270.

² *Кая са сарё чипсон* (Собрание материалов по истории Кая). Ред. Ким Тхэсик, Ли Икчу. Сеул, 1992. С. 119.

землях (современные провинции Чхунчхон, Чолла и Чеджудо) и сейчас. Даже если учесть, что в XX в. урбанизация сильно сократила население корейской деревни, нельзя не отметить, что уже в VII в. число жителей этой части страны приближалось к экологически максимально допустимому уровню. Впрочем, определенный опыт урбанизации Корея имела уже в древности — к концу IX в. в столице государства Силла (совр. г. Кёнджу) и ее окрестностях, согласно данным письменных источников (возможно, несколько преувеличенным), было около 180 тыс. дворов, т. е. жило около 800–900 тыс. человек. Положение в сельской части Силла этого периода помогают понять обнаруженные в японском императорском хранилище Сёсоин в 1933 г. силлаские налоговые документы (составленные, по-видимому, в 695 или 755 г.). Из этого источника видно, что, при относительно большом (по сравнению с позднейшими эпохами) размере надела на крестьянский двор в среднем, примерно 66% дворов все же относилось к самой низшей из девяти налоговых категорий — им не хватало или земли, или работников. Беднейшие дворы, неспособные самостоятельно нести бремя налогов и повинностей, были вынуждены или прибегать к патронажу богатых соседей, или уходить из родных мест в поисках лучшей доли³. Об истоках отраженной в налоговых документах деревенского неравенства и бедности идет много споров, но, как кажется, наряду с факторами социальными — чрезмерной эксплуатацией со стороны государства и местных старейшин, скупкой и захватом крестьянских земель местными чиновниками и старейшинами, низкой средней продолжительностью жизни (20–30 лет) и частыми потерями кормильцев, ввергающими семью в нищету, и т. д. — действовал и базовый экологический фактор — ограниченность доступного земельного фонда, невозможность для растущего (по вышеуказанным причинам) числа безземельных и малоземельных поправить свои дела за счет поднятия целины. Не лучшим было положение в деревне с землей вплоть до начала массовой урбанизации и в современный период — к концу японской колониальной эпохи на одного корейского крестьянина (а крестьяне тогда составляли более 65% всего населения) приходилось всего 0,3 гектара обрабатываемой земли, что мало даже по дальневосточным меркам.

Чтобы прокормить большое население в стесненных и ухудшающихся экологических условиях, Корея уже в древности не могла не сделать в области сельского хозяйства выбор в пользу самой эффективной и высокоурожайной из известных традиционному дальневосточному обществу технологий — заливного риса. Эта технология требует системы искусственного орошения, и таковая на уровне отдельных деревень начала

³ Юн Сонтхэ. *Силла тхонильги вансир-ый чхоллак чибэ* (Государственное управление деревнями в период Объединенного Силла). Докторская диссертация (рукопись). Сеул: Сеульский Гос. Университет, 2000.

создаваться в Корее с очень древних времен, а с началом оформления ранней государственности в I–IV вв. государственная бюрократия, заинтересованная в стабилизации и увеличении налоговых поступлений, естественным образом берет на себя ответственность за строительство и поддержание в порядке крупных гидротехнических сооружений. В 330 г. Пэкче впервые строит большое водохранилище (окружностью в «1800 шагов»⁴) — диаметр силлаской столичной крепости тех времен). Почти через столетие, в 429 г., дамба еще большего размера («2170 шагов») сооружается в Силла, а после того, как в начале VI в. в Силла начинает закрепляться централизованная административная организация, приказы местным властям по всей стране отремонтировать дамбы и плотины (первый из которых был издан в 531 г.) становятся регулярным — и очень важным — элементом государственного управления⁵. О том, что означал государев приказ такого рода на практике, нам могут поведать памятные стелы той эпохи, подробно фиксировавшие детали строительства и ремонта гидротехнических сооружений — скажем, стела 536 г. (деревня Тонам уезда Ёнчхон пров. Сев. Кёнсан), повествующая о том, как семь тысяч местных крестьян, мобилизованных столичными и местными чиновниками, строили большую плотину и водохранилище в этих местах, или стела 578 г. (найдена в г. Тэгу в 1946 г.), рассказывающая о том, как сравнительно небольшую (окружностью в 140 «шагов») деревенскую плотину строили 13 дней 312 местных жителей, руководимых столичными монахами и местными администраторами⁶. Укоренившиеся в IV–VI вв., государственные мобилизации населения на гидротехнические работы оставались типичны для корейской реальности вплоть до конца традиционного периода. Какой же эффект государственное вмешательство в аграрную экономику и система «призыва» жителей на выполнение трудовой повинности имели на формирование административной практики как целого, а также государственного сознания управленцев и управляемых?

В принципе, «ирригационные» мобилизации были только частью мобилизационной системы в целом, направленной прежде всего на военные задачи (укомплектование армии и строительство крепостей), а также на обслуживание нужд бюрократического аппарата (строительство складов) и престижного потребления правящей верхушки (строительство дворцов). Но, в отличие от разорительных войн или раздражавших народ мобилизаций на ненужное ему дворцовое строительство, государственная забота об ирригации приносила пользу не только ад-

⁴ Один «шаг» как мера длины в ту эпоху равнялся примерно 1 м 80 см.

⁵ Ким Бусик. *Самгук саги*. Пер. и комм. Ли Джэхю. Сеул: Изд-во Квансин, 1993. С. 60, 69, 81.

⁶ *Хангук кодэ кымсокмун* (Древнекорейская эпиграфика). Сеул, 1992. Т. 2. С. 24–29, 97–102.

министраторам (в виде увеличивавшихся налоговых поступлений), но и населению — в условиях ограниченности земельного фонда, о которых упоминалось выше, лишь крупномасштабные технические усовершенствования, такие, как дамбы и плотины, могли обеспечить общинникам стабильное расширенное воспроизводство. В результате у народа укреплялось существовавшее и до этого представление о государстве — которое виделось законным наследником более ранних родо-племенных институтов — как «благодетеле» подданных, обеспечивающем их экономическое благосостояние и потому имеющем право требовать от них безусловной лояльности. Вмешательство государства в экономическую жизнь стало восприниматься как естественное и, более того, необходимое, а то, что «активная» экономическая политика государства отрывала тысячи людей от их хозяйств — как нормальная часть социальной жизни. Одним словом, через свою ирригационную деятельность государство легитимизировало свое право на вмешательство в экономику вообще и свое право ограничивать личную свободу подданных, используя их время и труд по своему усмотрению. Административная необходимость — воспринимаемая теперь как синоним «общего блага» — получила неоспариваемый приоритет перед личными нуждами и заботами низов. Трудовые мобилизации — на сельскохозяйственные работы, строительство и т. д. — практикуются на регулярной основе и сейчас в Северной Корее, не вызывая особенного недовольства населения, для которого идея законного права администраторов на распоряжение рабочей силой и временем управляемых — естественно, «в интересах» управляемых — давно уже стала частью культурной традиции. Но, при всех негативных долговременных эффектах «мобилизационной культуры» традиционной Кореи, о которых заставляют задуматься и сегодняшние политические реалии полуострова, не надо забывать, что в течение долгих веков государственная ирригационная политика играла положительную хозяйственную роль, выводя общество из экологического кризиса, неизбежного в природных условиях Кореи. В густонаселенной стране с ограниченными ресурсами (прежде всего земельными и водными) вмешательство государства ради «выживания всех» считалось и будет считаться благом, даже если при этом нарушаются права и интересы отдельной личности.

Кроме легитимизации мобилизационных функций власти, ирригационная экономика традиционной Кореи имела своим последствием идентификацию «власти» прежде всего со «знанием». Идея, что знающий имеет право управлять незнающими, и последние обязаны обеспечивать материальное благосостояние первого, содержалась в теоретическом виде во взятых корейскими государствами уже с «формативного» периода на вооружение в качестве идеологии власти конфуцианских писаниях. Но практически она демонстрировалась общинникам прежде всего тогда, когда грамотный чиновник и образованные техники из столицы

приезжали в окраинные деревни мобилизовать крестьян, руководить сооружением дамб и резервуаров, и фиксировать все детали этих работ на каменных стенах. Общинники привыкали к тому, что знание не только освобождает от необходимости работать руками, но и дает право распоряжаться чужим трудом. После того, как в X в. система конфуцианских государственных экзаменов стала важным (а потом и основным) каналом социальной мобильности, эта популярная идея «знания как пути к власти» дала импульс широчайшей конфуцианизации корейской жизни — распространению не только самих конфуцианских знаний (нужных для успеха на экзаменах), но и сопутствующих им норм, обычаев, морали. Стремление к образованию — прежде всего, конечно, как к средству повышения социального статуса, — и жесткие представления о конфуцианских «приличиях» и «этике» остаются частью жизни обеих Корей по сей день.

Конечно, нельзя соглашаться полностью со сторонниками географического детерминизма — теми, кто считает, что природные условия жестко определяют ход истории того или иного общества. Далеки автор и от популярной в свое время теории «восточного деспотизма», согласно которой высокий уровень государственной централизации ряда незападных обществ выводился из их зависимости от искусственной ирригации. Но, не абсолютизируя ни в коем случае роль природных факторов, нельзя в то же время не отметить, что перманентное ощущение экологического кризиса, постоянная актуальность проблемы выживания коллектива как целого в неблагоприятных природных условиях не могли не оставить определенного отпечатка на корейском обществе, его представлениях о роли государства, его этике «благодарности» и «преданности».

В традициях советской историографии, с ее до предела упрощенным «формационным» подходом, было искать в истории корейского общества «поступательное движение» — от «раннего феодализма» к «зрелому феодализму», а затем и к «зачаткам капиталистического развития». В историографии КНДР те же тенденции оказались доведенными до абсурда: раннеклассовое общество в Корее на самом раннем этапе (Древний Чосон) безо всяких серьезных оснований причисляется к «рабовладельческому», протогосударственные образования с II—I вв. до н. э. объявляются «феодальными», а с XVI в. начинаются усиленные поиски «капиталистического развития». Схематизмом, хотя и несколько иного рода, грешит и националистическая историография Южной Кореи: как «древние государства» (II–X вв.), так и династия Корё (X–XIV вв.) объявляются «аристократическими обществами», в то время как в отношении династии Чосон (XIV–XX вв.) постоянно подчеркивается ее «централизованно-бюрократический» характер, как будто чосонские землевладельцы-чиновники чем-то качественно обличались от своих корёских предшественников. Путаница с терминами является неизбежным

следствием коренного несоответствия современной историографической терминологии, в основном выработанной на опыте изучения европейского прошлого, и реалий традиционного классового общества Корейского полуострова.

Модель, на которой были построены первые государства полуострова и которая в основных своих чертах дожила до IX в., основывалась на сочетании трех основных элементов. Во-первых, власть и богатство (прежде всего крупная земельная собственность) были монополизированы очень узким слоем родовой знати из нескольких, а иногда даже практически одного (как в Силла) расширенного клана. По явному сходству этого сословия с тем, что в европейской истории известно как «аристократия», раннеклассовое общество Корейского полуострова можно в определенном смысле именовать «аристократическим». Но при этом нельзя забывать, что, в отличие, скажем, от феодальной аристократии Европы схожего периода (V–X вв.), ничего похожего на автономию от центральной власти знать Корейского полуострова не имела: в связи с описанными выше особенностями географии, демографии и социальной структуры (перенаселение и необходимость в ирригации и мобилизациях на гидротехнические работы), вторым ключевым элементом «корейской модели» была сильная централизованная власть. Действуя в интересах господствующего сословия как целого, власть постоянно входила в конфликты с отдельными «аристократическими» кланами, которые и составляют основное содержание политической истории в Объединенном Силла (VII–X вв.). Пока центральный административный аппарат был достаточно силен, он мог защищать третий элемент модели — свободных крестьян-налогоплательщиков, содержавших государственную власть, — от произвола со стороны знати. Но как только (к концу IX в.) государственная власть оказалась достаточно расшатанной, крупные землевладельцы на местах быстро превратили ранее свободных общинников в подобие крепостных. Раннегосударственная модель, основывавшаяся на балансе между государственной администрацией и «аристократическим» обществом, рухнула, и на какое-то время (IX–X вв.) Корейский полуостров, разделенный на множество частей знатными землевладельцами и их вооруженными вассалами, стал напоминать Западную Европу того же периода.

Однако, в отличие от Европы, на перенаселенном Корейском полуострове феодальная раздробленность серьезно угрожала основному производственному процессу — интенсивному земледелию, основанному на ирригации. В итоге, к концу X в. раннегосударственная модель — баланс между землевладельческими и государственными интересами — оказалась воспроизведенной в обществе Корё, но уже на качественно совершенно другом, более высоком и сложном уровне. С одной стороны, крупное и среднее привилегированное землевладельческое («аристократическое») сословие стало гораздо шире, в его составе появ-

вились разнообразные субстраты. Периоды нестабильности (десятилетия после военного мятежа 1170 гг., время монгольского нашествия) давали возможность порой даже выходцам из самых низов общества (рабов) обзавестись землей и «аристократическим» статусом. С другой стороны, значительно сложнее стал и государственный аппарат, более похожий на китайские образцы. Формирование бюрократии по меритократическому принципу («за заслуги и таланты» — через государственные экзамены) повышало социальную мобильность прежде всего внутри господствующего сословия — на высшие должности мог претендовать, при определенных личных качествах, даже небогатый провинциальный землевладелец. Эта модель была закреплена, усложнена и развита в чосонском обществе. Гарантировав землевладельческой элите (*янбанам*) ее собственность и привилегии и жестко ограничив все возможности социального роста для свободных общинников, правители раннего Чосона в XV в. укрепили и усложнили государственный аппарат до уровня, достигнутого во всем мире в тот период лишь Минским Китаем. В результате общество стабилизировалось. С конца XV в. Корея практически не знала сепаратистских мятежей, и даже дворцовые перевороты были относительно редки: разветвленная и рациональная административная система давала практически всем членам господствующего сословия в той или иной степени возможности для участия в общественной и политической жизни. Одно из самых стабильных и хорошо управляемых обществ тогдашнего мира, Корея отличалась очень высоким уровнем грамотности, образования и здравоохранения. В то же время «корейская модель» практически не оставляла пространства для серьезного развития товарно-денежных отношений — привилегированная корпорация землевладельцев-чиновников разными путями (налоги, арендная плата за землю, вымогательство, и т. д.) экспроприировала у непосредственных производителей практически весь прибавочный продукт, в то же время совершенно не используя его для целей капиталистического накопления. Модель, к тому же сцементированная идеализировавшей натуральное хозяйство неоконфуцианской идеологией, была слишком стабильна для того, чтобы позволить произойти каким-либо серьезным переменам в производственных отношениях. Прогресс в сельском хозяйстве и развитие торговли в XVIII–XIX вв. стимулировали коррупцию и вымогательство, которые в итоге в значительной степени свели на нет положительные подвижки в экономике. Корея не являлась «феодальным» обществом, развивавшемся по направлению к «капитализму». Если вооруженная интервенция империалистических держав в конце XIX в. не включила бы Корею в мировую капиталистическую экономику, административный хаос и кризис были бы, скорее всего, преодолены через основание новой династии, в которой «корейская модель» — корпоративное господство землевладельцев-чиновников над свободными общинниками — вышла бы на качественно новый уровень.

Возможно, что в очень далекой перспективе эта модель могла привести к развитию товарно-денежных отношений и формированию капиталистического общества. Однако в реальном историческом времени этот потенциал традиционного корейского общества значительного развития не получил.

Различаясь в характеристике социальной структуры традиционной Кореи, историографические традиции Южной и Северной Кореи в то же время похожи друг на друга утверждением, что «корейский народ», «субъект корейской истории», сформировался якобы уже в древности. Если северокорейские историки возводят формирование «гомогенной корейской нации» уже ко временам Древнего Чосона (а в последнее время — вообще чуть ли не к палеолиту), то даже те южнокорейские специалисты, которые справедливо указывают на значительные различия в этнокультурных комплексах Пэкче, Когурё и Силла, часто утверждают, что в период Объединенного Силла якобы произошла уже «гомогенизация» подчиненного силласким правителям населения. Утверждения подобного характера, однако, весьма спорны — источники показывают, что вплоть до конца этого периода потомки подданных Когурё и Пэкче упрямо считали себя именно когурёсцами и пэкчесцами. Крайне сложным является и вопрос о «гомогенизации» населения в период Корё. С одной стороны, формирование общего этнокультурного самосознания, которое очень условно можно назвать «протонациональным», было ускорено общенародной борьбой с монгольскими завоевателями. С другой стороны, однако, сепаратистские мятежи под лозунгом, скажем, восстановления государства Силла, случались и в этот период. О формировании более или менее гомогенного общекорейского правящего сословия можно, по-видимому, говорить лишь в применении к XV в. — периоду общей стабилизации в политическом, социальном и культурном отношении. В то же время, несмотря на то, что изобретение корейского алфавита облегчило проникновение конфуцианских норм в простонародную среду, простолюдины различных уездов и провинций оставались, в условиях натуральной экономики, практически изолированными друг от друга. Мышление господствующего слоя — хотя он и был относительно гомогенным в культурном отношении — до самого конца чосонского периода основывалось на сословных конфуцианских, но не «национальных» ценностях. Горизонт же простолюдинов — на которых конфуцианская идеология также оказывала немалое влияние — был ограничен рамками «своего» села или района. В этом смысле, нельзя забывать, что в данной работе мы именуем подданных традиционных династий Корейского полуострова «корейцами» лишь условно: те элементы «протонационального» сознания, что существовали в развитом классовом обществе Корейского полуострова, все равно оставались вторичны по отношению к сословной этике или региональной идентичности.

Часть 1

ДОИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОШЛОЕ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА. ДРЕВНИЕ ПРОТОКОРЕЙСКИЕ КУЛЬТУРЫ (до объединения Корейского полуострова в VII в. н. э.)

Глава 1

ПРОБЛЕМА ПАЛЕОЛИТА НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Начало изучению палеолита на Дальнем Востоке было положено в начале 20-х гг. XX в., когда европейские исследователи (и среди них — знаменитый католический философ П.Тейяр де Шарден) впервые обнаружили палеолитические орудия в пров. Ганьсу, а затем и останки палеолитического человека (впоследствии названного «пекинским человеком», или «синантропом» — «китайским человеком») на стоянке Чжоукоудянь близ Пекина. Уже к концу 30-х гг. результаты раскопок этой стоянки показали, что первобытные люди (принадлежавшие к виду *Homo erectus* — «людям прямоходящим») обитали на территории нынешнего Китая, по меньшей мере, около 500–400 тыс. лет назад, в эпоху раннего палеолита. Встал закономерный вопрос — не существовал ли палеолит и на соседнем Корейском полуострове?

Ответ на этот вопрос могли дать остатки палеолитических орудий труда и окаменелостей, обнаруженные японскими экспедициями в 1933–34 гг. В результате палеозоологического и археологического анализа находок уже в 1939–40 гг. стали раздаваться предположения о том, что они относятся к древнекаменному веку (эту идею высказал, в частности, известный японский археолог Наора Нобуо). Однако подобная гипотеза не отвечала идеологическим запросам тогдашних колониальных хозяев полуострова, японцев, — получалось, что Корея, которую они привыкли считать «отсталой» страной, «облагодетельствованной» «братской помощью» Японской империи, имела палеолит, который отсутствовал в Японии (позже, после войны, палеолитические стоянки

были обнаружены и в Японии). Историческая истина была принесена в жертву националистическому самолюбию, и подробное исследование корейского палеолита было отложено на долгие годы. Лишь после того, как в уже освобожденной от японского ига Корее были почти одновременно обнаружены позднепалеолитические рубила и резцы на Севере в 1962–1963 гг. (стоянка Кульпхори, уезд Унги, пров. Сев. Хамгён) и раннепалеолитические орудия на Юге в 1964 г. (стоянка Сокчанни, уезд Конджу, пров. Юж. Чхунчхон), палеолитический период был включен в общепринятую систему периодизации корейской истории.

Как считается сейчас, хронологически корейский палеолит «стартовал» несколько раньше, чем известный по материалам стоянок Хосино и Содзудай японский палеолит (самые ранние слои которого датируются примерно 50–40 тысячелетиями до н. э.) — около 400 тыс. лет назад. Раскопки самой древней пещерной палеолитической стоянки Севера, Комынмору (или Хыгури) в уезде Санвон (пров. Юж. Пхёнан, 40 км к югу от Пхеньяна), дали сравнительно немного находок палеолитических орудий — одно ядрище, напоминающее «классическое» каменное ручное рубило, и пять грубых, неретушированных камней, использование которых древними людьми вызывает сомнения у ряда ученых. Зато богатым оказался «урожай» находок для палеозоологов и палеоботаников — из пещеры были извлечены окаменевшие кости носорогов, бизонов, слонов и пещерных медведей, давшие ученым бесценную информацию о фауне времен палеолита на полуострове. Как оказалось, она обнаруживает значительное сходство с экологической средой, в которой существовали палеолитические насельники стоянки Чжоукоудянь в Китае. Типичными для раннего палеолита Северной Кореи считаются орудия, найденные при раскопках стоянки Кульпхори — каменные скребки, резцы, чопперы, кремневые отщепные орудия. Похожий набор орудий был обнаружен также в пяти километрах, на стоянке Токсан. Техника изготовления этих орудий сводилась в основном к отделению порфириновым отбойником мелких отщепов от куска кремня, положенного на порфириновую же «наковальню». Первобытные люди жили в Кульпхори на протяжении достаточно долгого периода времени (приблизительно до 40 тысячелетия до н. э.), и каменные орудия постепенно совершенствовались, становились более легкими и тщательно отесанными.

Кто населял территорию нынешней Северной Кореи в древнекаменном веке? Вопрос о раннепалеолитических (400–150 тыс. лет назад) насельниках Северной Кореи пока не прояснен до конца, но несколько находок останков среднепалеолитических (150–40 тыс. лет назад) обитателей северной части полуострова получили широкую известность. Так, в 1972 г. в пещере на горе Сынни («Победная») в уезде Токчхон пров. Юж. Пхёнан были обнаружены часть нижней челюсти и ключица, предположительно принадлежавшие неандертальцу — представителю ископаемого вида *Homo Neanderthalensis* (населявшего, как известно значи-

тельную часть Старого Света 150–40 тыс. лет назад). Следы окаменевших растений, обнаруженные вместе с этими останками, позволяют датировать находку периодом Рисс-Вюрмского межледникового — последнего известного нам периода между оледенениями. В пещере Тэхёндон (г. Пхеньян, район Ёкпхо) был обнаружен скелет мальчика, представляющий промежуточный этап эволюции древних насельников северной Кореи — от раннепалеолитического вида *Homo Erectus* («Человек прямоходящий») к неандертальцу. Другие находки из этой пещеры включали лобную кость и надглазную дугу неандертальца. Пещера Мандалли (недалеко от Пхеньяна) содержит останки, принадлежавшие, скорее всего, уже «человеку разумному» — позднепалеолитическому представителю вида *Homo sapiens*. Таким образом, находки останков палеолитического человека в северной Корее дают определенное представление о биологической эволюции обитателей северной части полуострова, по крайней мере, в среднем и позднем палеолите.

Из южнокорейских палеолитических памятников «классическим» считается Сокчанни (исследовалась в 1964–72 гг.). Корейские исследователи выделяют двенадцать культурных слоев в материалах раскопок, относя древнейшие шесть слоев к раннему палеолиту и определяя находки как кварцевые чопперы и ручные рубила. В то же время, ряд зарубежных исследователей не считает 1–6 слои «культурными» и подвергает серьезному сомнению факт искусственной обработки содержащихся в них каменных находок. Действительно, грубая форма и отсутствие ясных признаков обработанности делает сложным причисление находок из предположительно древнейших палеолитических слоев Сокчанни к орудиям труда. В слоях, относимых к среднему и позднему палеолиту (7–12), встречаются характерные скребки и резцы из кремня, риолита и порфира, а также клиновидные нуклеусы, известные по раскопкам позднепалеолитических стоянок Сибири.

Другая интересная палеолитическая стоянка Южной Кореи, Чонгонни (уезд Ёнчхон пров. Кёнгги), была случайно обнаружена американскими военными в 1978 г. и затем подробно исследована в 1979–1983 гг. Вулканический базальт, покрывающий территорию стоянки, затвердел приблизительно 270 тыс. лет назад, и после этого, т. е. уже в раннем палеолите, началось заселение этих мест человеком. Международную известность этой стоянке принесла находка четырех кремневых рубил из крупных отщепов с двусторонней обработкой, с заметным, хотя и притупленным острием (рабочим краем) посередине. При всей грубости отделки этих рубил (сохранении естественной «коры» камня на верхней, нерабочей, поверхности, тупом угле обтеса рабочей поверхности и т. д.), находка опровергает сложившееся в мировой археологии с конца 40-х гг. мнение об отсутствии ашельской (типичной для раннепалеолитической Африки и Европы) технологии изготовления кремневых ручных рубил на Дальнем Востоке и соответственной «культурной отста-

лости» Восточной Азии в раннем палеолите. Интересны и найденные в Чонгонни раннепалеолитические скребки, сильно напоминающие аналогичные орудия, связанные с раннепалеолитической техникой леваллуа в Европе, но с менее четкой и дробной ретушью — ретуширование производилось, скорее всего, тяжелым камнем-отбойником. Большое количество находок (1126) дает основание предположить, что стоянка была мастерской древнекаменного века.

Рис. 1. Ручной каменный топор корейского палеолита (пещера Кымгуль, уезд Танян, пров. Сев. Чхунчхон).

Отсутствие останков человека и животных среди находок в Чонгонни восполняется обнаружением большого количества окаменелых костей животных (мускусный олень, тигр, пещерный медведь, и т. д.) в пещере Ёнгуль (деревня Чоммаль, уезд Чевон пров. Сев. Чхунчхон) и почти полного скелета семилетнего ребенка в пещере Хынсу у горы Турубон (уезд Чхонвон, пров. Сев. Чхунчхон). Скелет — погребенный вместе с рядом каменных орудий — относится к среднепалеолитическому периоду. В другой пещере у той же горы Турубон были обнаружены кости гигантской макаки (ныне вымершей), известной также по раскопкам в Чжоукоудянь. Это говорит о значительном сходстве доисторической фауны Китая и Кореи.

Вопрос о существовании ритуала и искусства в позднепалеолитический период в Корее пока что не решен окончательно. Ряд корейских ученых считает некоторые из обнаруженных при раскопках позднепалеолитических стоянок костей предметами искусства. Однако эти теории вызывают серьезные возражения западных археологов, отрицающих наличие каких бы то не было следов художественной обработки. Некоторые комбинации медвежьих и оленьих костей, обнаруженные в корейских палеолитических пещерах, намекают на ритуальное поведение, но точных доказательств пока нет.

Из недавно исследованных позднепалеолитических стоянок Южной Кореи наиболее известна открытая стоянка Суянгэ (уезд Танян, пров. Сев. Чхунчхон), обнаруженная в ходе подготовки к строительству дамбы и исследованная в 1982–1985 гг. Как выяснилось, эти места были заселены уже в среднем палеолите, но большая часть находок относится к позднему палеолиту — каменные ножи вытянутой прямоугольной формы, продолговатые и клювовидные скребки, небольшие (4,5–4,6 см) наконечники метательных орудий с черешком (насаживавшиеся, по-видимому, на древко; см. рис. 2) и множество «заготовок» для изготовления т. н. микролитов (мелких ретушированных каменных орудий). Находки большого количества недообработанного материала, каменных «наковален» и от-

бойников показывают, что здесь находилась мастерская древнекаменного века. Найдены были также и остатки палеолитического жилья — очажные камни и столбовые ямки от опорных столбов кровли, поддерживавших крышу полужемлянки. Приблизительная датировка памятника — около 20-го тысячелетия до н. э.

Вопрос о корейском мезолите (среднекаменном веке) — периоде, характеризующем обычно широким распространением мелких ретушированных каменных изделий и началом одомашнивания животных, — пока окончательно не решен. К мезолиту (12–6 тыс. лет до н. э.) относят иногда большие (до 500 орудий) скопления мелких каменных изделий, находимые в пров. Канвон, а также один из слоев пещеры Ёнгуль (в основном скребки и ножи), датируемый приблизительно 11-м тысячелетием до н. э.

Самым сложным и запутанным является вопрос о связях между палеолитическими насельниками Кореи, Китая и Японии, и о преемственности между позднепалеолитическими и хронологически следующими за ними неолитическими культурами Корейского полуострова. Раннепалеолитические насельники Кореи (самые ранние обитатели стоянок Кульпхо, Сокчанни и Чонгонни) связываются иногда по типу материальной культуры с синантропами (первыми обитателями стоянки Чжоукоудянь), но эта гипотеза вызывает у некоторых ученых возражения. Сходство раннепалеолитических находок российского Дальнего Востока, Северного Китая, Кореи и Японии подталкивает к предположению, что Япония (тогда еще соединенная с континентом сухопутным «мостиком») была заселена в раннем палеолите несколькими волнами *Homo Erectus*, двигавшимися с северо-запада на юго-восток — из Сибири и Дальнего Востока через современную Маньчжурию в Корею и Японию. Впрочем, относительная малочисленность раннепалеолитических находок пока не позволяет утверждать что-то с уверенностью. Среднепалеолитические комплексы Кореи, в которых доминируют кремневые ручные рубила, привязывают к культуре динцунь (пров. Шаньси, КНР), демонстрирующей определенные мустьерские характеристики, и ордосской культуре среднего и позднего палеолита. Складывание современного человеческого физического типа и отчетливое выделение монголоидных расовых признаков у древних обитателей Дальнего Востока приходится на период позднего палеолита. Корейские материалы этого периода часто сопоставляются с современными им изделиями из Внутренней Монголии и Маньчжурии, а также редкими позднепалеолитическими культурами Японии — ивадзаки (Хонсю) и юбецу (Хоккайдо). По-видимому, насельники Северо-Восточной Азии этого пе-

Рис. 2. Каменные наконечники метательных орудий с черешком (стоянка Суянгэ).

риода уже демонстрировали характерные признаки континентальных монголоидов — депигментацию, крупные абсолютные размеры лица, ослабление его горизонтальной профилировки, и т. д. На вопрос о том, можно ли считать позднепалеолитических *Homo Sapiens* Корейского полуострова предками современных корейцев, современная северококорейская историография отвечает однозначно положительно, — подчеркивая, таким образом, «гомогенность» корейского народа, его «исконную связь» с нынешней территорией обитания. В то же время южнокорейские историки традиционно подходили к этой проблеме более осторожно, упирая на решающую роль неолитических и более поздних миграций в формировании корейского этноса. В последнее время новое поколение южнокорейских ученых, подвергая законному сомнению утверждения северококорейской историографии о «физической преемственности» обитателей позднепалеолитической пещеры Мандалли и современных корейцев, пытается, тем не менее, проследить сходные черты в материальной культуре позднего палеолита и раннего неолита и все же в какой-то мере «привязать» более поздних насельников полуострова к палеолитическим культурным истокам.

Источники и литература

А) Первоисточники:

1. То Юхо (도유호). «О корейской палеолитической культуре Кульпхори» («조선의 구석기 시대 문화, 굴포리 문화에 대하여») // *Кого минсок* (<고고민속>), 1964, N. 2.
2. Рю Бёнхун (류병훈). «Впервые обнаруженные в пещере Тэхёндон палеолитические памятники» («새로 발견된 대현동 구석기 시대 유적») // *Ёкса Квахак* (<역사과학>), 1972, N. 2.
3. Sohn P. K., «The Early Paleolithic Industries of Sokchangni, Korea» // *Early Paleolithic in South and East Asia*, ed. by F. Ikawa-Smith. The Hague: Mouton, 1978.
4. Сон Боги (손보기). *Отчет о раскопках пещеры Ёнгуль у деревни Чоммаль* (<점말 용굴 발굴 보고서>). Сеул, 1980.
5. Ли Юнджо (이웅조). *Предварительный отчет о раскопках палеолитической культуры в пещере 2 у горы Турубон, уезд Чхонвон* (<청원 두루봉 제2 굴 구석기 문화 중간 보고서>). Сеул, 1981.
6. Институт культурного достояния (문화재 연구소), ред., *Чонгонни* (<전곡리>). Сеул, 1984.

Б) Литература:

1. Nelson, S. *The Archaeology of Korea*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993, pp. 26–57.
2. Kim Jeong-hak. *The Prehistory of Korea*. Honolulu: The University Press of Hawaii, 1978, pp. 1–10.

3. Ким Воллён (金元龍). *Археология Кореи* (<韓國考古學概說>). Сеул, 1992, С. 7–21.
4. Деревянко А. П. *Палеолит Дальнего Востока и Кореи*. Новосибирск: Наука, 1983.

Глава 2

НЕОЛИТ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА (V тыс. — X в. до н. э.)

Неолит (новокаменный век) — эпоха в человеческой истории, относящаяся к геологическому периоду голоцена (последледниковья), наступившему после конца последнего (вюрмского) оледенения приблизительно 12–10 тыс. лет назад. Этот период характеризуется резким потеплением климата, значительным повышением уровня морей в связи с таянием ледников, затоплением части суши, вымиранием многих крупных представителей ледниковой фауны, и т. д. Именно в этот период оформились геотектонические и географические очертания Восточной Азии, в той форме, как мы знаем их сегодня — в частности, Япония окончательно стала островом в связи с затоплением связывавших ее с континентом перешейков. Вымирание крупных животных (в частности, мамонтов) и быстрый рост населения в улучшившихся природно-климатических условиях заставили людей голоцена искать новые источники пищи, способные дополнить уменьшающуюся добычу от охоты. В результате, первоначально как «побочное ответвление» собирательства, возникло и стало развиваться земледелие (примерно 10 тыс. лет назад на Ближнем Востоке, приблизительно тогда же — в северном Китае). Несколько ранее было положено начало одомашниванию животных — собаки и овцы (примерно 10 500 лет назад, Ближний Восток). Задача сохранения излишков зерна и мяса от порчи начала решаться с изобретением керамики — другим важным признаком наступления неолитического периода. Одомашивание растений и животных означало коренной перелом в человеческом хозяйстве. От собирания пищи человек перешел к ее производству, получив также возможность хранить излишки и впоследствии перераспределять их. Резкое увеличение производительных сил общества («неолитическая революция») дало стимул к развитию обмена, а значит, и к более активной культурной диффузии, к постепенному складыванию культурно гомогенных областей и регионов. Земледельцы, в отличие от палеолитических охотников, имели возможность вести более или менее оседлую жизнь, создавать крупные поселения. Кроме того, в обществе постепенно стали выделяться группы, отвечающие за распоряжение излишками, их перераспределение и об-

мен — прообраз правящих слоев классового общества в будущем. В целом неолитическая культура характеризуется как доклассовая. Неолитические люди жили, по-видимому, еще в относительно эгалитарном обществе, не знавшем, в частности, масштабных вооруженных стычек и конфликтов. Однако наличие излишков, концентрировавшихся в центрах неолитического обмена — «протогородах» (таких, как известное городище Чатал-Гуюк в Малой Азии) уже стимулировало выделение вооруженного насилия в особый и жизненно важный род человеческой деятельности. Большие поселения начинают обноситься стенами, в неолитических «некрополях» появляются массовые захоронения людей, погибших насильственной смертью. В области производства орудий труда неолит характеризуется переходом к шлифовке и полированию каменных орудий и широким распространением плоских плечиковых топоров (необходимых первобытным людям прежде всего для заготовки топлива — рубки деревьев и кустов). Как считается, неолит завершается с началом использования металлических украшений и орудий труда — в V тыс. до н. э. на Среднем Востоке, IV тыс. до н. э. в Египте и самом конце III тыс. до н. э. в Китае.

Во всемирной истории в целом неолит характеризуется как период развития первобытного земледелия, скотоводства и керамического производства. В принципе, эти характеристики распространяются, с определенными поправками, и на неолит Дальнего Востока в целом. Неолитической культуре яншао (долина Хуанхэ, V—III тыс. до н. э.) в Китае была уже известна керамика. При всей сильной зависимости людей яншао от рыболовства, они занимались уже выращиванием проса и разведением свиней и собак. В то же время, обитатели неолитической Японии (культура дзёмон — «веревочной керамики»; X тыс. — III в. до н. э.) познакомились с керамикой очень рано (X тыс. до н. э.), но, занимаясь в основном собирательством и рыболовством (и в меньшей степени охотой), перешли к интенсивному земледелию (рисоводству) очень поздно — только в I тыс. до н. э. (хотя эпизодическая domestикация ряда злаков угадывается уже по материалам сер. IV тыс. до н. э.). В Корее, как и в Японии, приход неолита знаменуется появлением керамики и шлифованных каменных орудий (V тыс. до н. э.), но не развитием земледелия. Земледелие — выращивание проса — пришло в Корею относительно поздно (III тыс. до н. э.) и основным признаком корейского неолита не считается. Первоначально корейский неолит определялся как «культура гребенчатой керамики» — по типичному для многих корейских керамических изделий эпохи неолита узору, наносившемуся инструментом типа гребенки, который и оставлял характерные оттиски. Однако сейчас, с открытием других разновидностей корейской неолитической керамики, представляется более точным определить корейский неолит прежде всего как эпоху, начавшуюся с появлением керамики (начало V тыс. до н. э.) и закончившуюся с массовым изго-

товлением гладкой (неорнаментированной) керамики и переходом к обработке металла в начале I тыс. до н. э. Подобные особенности корейского и японского неолита связаны как с типологической принадлежностью этих культур к северному, «сибирскому» ареалу, характеризовавшемуся преимущественным развитием рыболовства и охоты (см. ниже), так и с природными условиями Корейского полуострова и Японских островов — «открытость» морям с теплыми течениями (Курисио и т. д.) и, соответственно, обильной съедобной фауной. Также следует сразу отменить, что, в отличие от неолитических (раннеземледельческих) обществ Ближнего Востока или Средиземноморья, отличавшихся значительным размером излишков и, соответственно, определенной степенью межобщинной и внутриобщинной дифференциации (т. е. появлением богатых общин и «сильных семей»), и страдавших уже от межобщинных вооруженных столкновений, корейскому неолиту серьезное социальное расслоение и заметное вооруженное насилие не были свойственны. Причина проста — примитивное земледельческо-рыболовческое хозяйство без значительной роли скотоводства (отличавшей, как известно, неолитический Ближний Восток) не давало излишков, достаточных для освобождения верхушки общества от физического труда и делавших рентабельной организацию грабительских военных экспедиций.

Исследование неолита на территории Корейского полуострова было начато японскими учеными после аннексии Кореи (1910 г.). В 1916 г. Тории Рюдзо (впоследствии прославившийся своими исследованиями корейских дольменов) начал изучение неолитической раковинной кучи на о. Сидо (напротив Инчхона, у побережья Желтого моря). В 1925–1932 гг. несколько японских археологов — Фудзита Рёсаку, Аримицу Кёити, Ёкояма Сёдзабуро и др. — исследовали основные неолитические памятники, прежде всего в районе Сеула (поселение Амсадон) и Пусана (поселение Тонсамдон). Анализ исследованного материала позволил Фудзита — «патриарху» тогдашней японской колониальной археологии в Корее — выдвинуть теорию о принадлежности корейского неолита к общеевразийской культуре «гребенчатой керамики», известной по относящимся к IV–II тыс. до н. э. керамическим находкам из Скандинавии, Северной России, Сибири и Дальнего Востока (например, камская и волосовская культуры V–II тыс. до н. э.). Эта теория в целом связывала заселение Корейского полуострова в неолите с миграцией сибирских рыболовов-охотников на юг, в Маньчжурию, Корею и Японию, тем самым подчеркивая «северные», «сибирские» истоки корейской культуры. Исследования корейских археологов после освобождения страны (1945 г.) дали более подробный материал, позволяющий несколько скорректировать предположения Фудзита, но в целом подтверждающий истинность «северной» теории. Так, стало ясно, что корейская гребенчатая керамика несколько древнее сибирской и генетически связана с предшествующими ей этапами в развитии керамики на полуострове, особенно с керами-

кой с «зубчатыми» узорами на горлышке (V тыс. до н. э.; см. ниже). Кроме того, вовсе не все «гребенчатые» керамические узоры Евразии сопоставимы с корейскими — корейский узор «в елочку», наносившийся, видимо, как протаскиванием, так и вдавливанием гребня или рыбьей кости, мало напоминал ряд вдавленностей — «точек», типичный для ямочно-гребенчатой керамики Поволжья или Скандинавии. Ясно также, что наиболее сходен с неолитическим корейским (и раннедзёмонским японским) «гребенчатый» узор байкало-амурских керамических изделий IV—III тыс. до н. э. В связи с этим большинство исследователей предпочитает говорить не просто о диффузии сибирского неолита на юго-восток, а об одновременном развитии в определенной степени взаимосвязанных культур в Японии, Корее, Сев. Маньчжурии и на российском Дальнем Востоке. Такое развитие не исключало как обратного влияния «юго-востока» (в том числе культур Корейского полуострова) на «северо-запад» (Прибайкалье и Приамурье), так и разнообразия региональных тенденций. В то же время часть ученых (прежде всего некоторые археологи США) полностью отрицает теорию Фудзита, подчеркивая прежде всего связи между керамикой японского и корейского неолита и не видя особого сходства между сибирской и корейской «гребенчатой» керамикой. Как кажется, вряд ли стоит полностью отрицать типологическую принадлежности корейского неолита к североевразийскому ареалу. Она явствует хотя бы из сходства хозяйственного типа, который характеризовался как на полуострове, так и в Северной Евразии (особенно Юж. Сибирь, Дальний Восток), преобладанием рыболовства и охоты, полным отсутствием (или поздним началом) земледелия, поселениями в виде скопления полужемлянок на берегах рек и озер, и т. д. В этом смысле теория Фудзита не утратила своего значения, хотя нельзя и не признать, что во многих деталях она устарела.

Существуют несколько вариантов периодизации корейского неолита. Здесь мы будем следовать передизационной схеме проф. Ким Воллёна, который, отталкиваясь от типологии керамики, выделяет в корейском неолите «догребенчатый» период (5000—4000 гг. до н. э.; гладкая керамика или выпуклый узор), ранний период (4000—3000 гг. до н. э.; гребенчатая керамика), средний период (3000—2000 гг. до н. э.; гребенчатая керамика и первобытное земледелие) и поздний период (2000—1000 гг. до н. э.; гребенчатая и гладкая керамика с выпуклым дном, земледелие, постепенное заселение внутренних районов полуострова). Схема эта, как легко заметить, отличается «округленностью» и приближительна, но в целом дает верное общее представление о важнейших этапах в развитии неолитической культуры.

1) «Догребенчатый» период (5000—4000 гг. до н. э.). Впервые идея о том, что неолит как культура керамики начался в Корее не с гребенчатой керамики, а с более ранних форм, была высказана после того, как в самых древних неолитических слоях стоянки Кульпхори была обнару-

жена гладкая керамика. Аналогичные образцы вскоре были извлечены и из древнейших слоев других неолитических стоянок Северной Кореи. Через некоторое время подобные же открытия были сделаны и на Юге. Гладкие сосуды с относительно маленьким плоским доньшком, датируемые V тыс. до н. э., были извлечены из самых нижних слоев неолитических стоянок Тонсамдон (остров Ёндо, г. Пусан) и Саннодэ (остров Саннодэдо, уезд Тхонъён, пров. Юж. Кёнсан). Особенно интересными считаются находки со стоянки Тонсамдон, исследовавшейся японскими археологами в 1920–30-е гг., американскими — в 1963 г., и южнокорейскими — в 1969–1971 гг. Кроме гладких сосудов, самый нижний (5-й, по корейской классификации) слой Тонсамдона (V тыс. до н. э.) содержал сосуды со вдавленным узором и, самое интересное, сосуды с наlepным орнаментом (кор. *юнгимун*) зигзагообразной формы. Такие сосуды хорошо известны, в том числе, и по японским стоянкам раннего Дзёмона, особенно по пещере Фукуи (о. Кюсю), при раскопках которой была обнаружена предположительно древнейшая керамика в мире (по радиоуглеродной датировке, сделана 12 500 лет назад). Другое доказательство активных контактов самых ранних насельников Тонсамдона с обитателями Кюсю — обнаружение на этой стоянке фрагментов керамики стиля тодороки (ранний дзёмон, V тыс. до н. э.). Ясно, что культуры южной части Корейского полуострова и острова Кюсю развивались в V тыс. до н. э. в тесной взаимной связи.

Исследования древнейших пластов корейского неолита продолжались в связи с раскопками на стоянке Осанни (уезд Янъян провинции Канвон) в 1981 г. Там были обнаружены фрагменты сосудов с вдавленными или иногда выпуклыми зигзагообразными узорами на горлышке, датируемые по радиоуглеродной методологии 5200–4800 гг. до н. э. и заметно сходные с тонсамдонскими находками. Стало ясно, что именно из таких сосудов впоследствии развилась культура корейской гребенчатой керамики. Сосуды с очень сходным узором были найдены при раскопках стоянки Косидака (о. Цусима), нижние слои которой датируются VI–V тыс. до н. э., и на стоянке Новопетровка (Приамурье), существовавшей приблизительно с VIII тыс. до н. э. Учитывая, что японские находки несколько древнее, и что насельники Японских островов периода ранний дзёмон уже умели изготавливать морские лодки, предположения о диффузии «керамики с выпуклым узором» с островов на континент не кажутся невероятными. В то же время

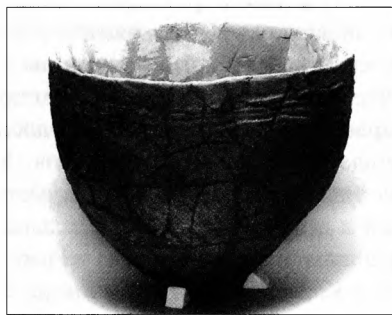

Рис. 3. Сосуд с наlepным узором (найден в раковинной куче Сондо, город Ёсу, пров. Юж. Чолла).

находки соотносимых по времени с японскими похожих образцов в Маньчжурии говорят о том, что маршруты распространения древнейшей керамической культуры могли быть и значительно более сложными.

Другое интересное свидетельство древнейших контактов обитателей южного побережья Кореи с островом Кюсю — находка в самом нижнем тонсамдонском культурном слое скребков из сорта обсидиана, встречающегося лишь в преф. Сага (о. Кюсю) и на о.Ики (преф. Нагасаки). Уже в неолитические времена приморские части Кореи и ближайшие к ним острова Японского архипелага были связаны цепью обменов, что предвосхищало торговые связи последующих эпох. С другой стороны, южнокорейские и японские ученые соглашаются, что составные рыболовные крючки из глинистого сланца, известные по самым ранним слоям Тонсамдона и Осанни, были прототипами более поздних образцов из неолитических стоянок Кюсю. Если основным источником обсидиана — главного сырья для изготовления каменных орудий в неолите — для насельников Тонсамдона был о. Кюсю, то обитатели Осанни получали обсидиан из района горы Пэктусан на самом севере полуострова. Как и у населения Японских островов времен раннего дзёмона, основным занятием самых ранних неолитических насельников Кореи было в основном рыболовство. Они умели не только собирать моллюсков у берега, но и ловить в открытом море сельдь, треску и даже китов. В реках ловился карась. Меньшее значение имела охота, прежде всего на оленей и свиней. Видимо, с этим промыслом связано грубое глиняное изображение свиньи, которое было обнаружено в самом нижнем слое Тонсамдона.

2) Ранний период (4000–3000 гг. до н. э.). Основным признаком этого периода является появление «гребенчатой керамики». Обычно такие сосуды делались из пород глины с высоким содержанием слюды и песка. Чтобы сделать сосуды крепче и предохранить их от трещин при обжиге, древние гончары специально добавляли асбест и тальк, а иногда и размолотые раковины моллюсков. Изготавливали первые «гребенчатые» сосуды без гончарного круга, методом «наворачивания» (налепа). Один слой глины спиралью накладывали на другой, затем поверхность выравнивали и заглаживали. «Гребенчатая керамика» восточного побережья Кореи отличалась небольшим плоским донышком, а для стоянок в районах современных Сеула и Пусана были типичны остродонные сосуды. Узор на горлышке в виде точек или коротких зигзагообразных линий наносили обычно пальцем или краем моллюска. Верхняя и средняя часть тулова сосуда покрывали — видимо, с помощью рыбьей кости, — узором «елочкой». Он и придавал гребенчатой керамике ее специфический вид. Наконец, ближе к донышку сосуда наносили обычно параллельные косые линии, однако у более поздних сосудов эта часть часто остается гладкой. Обжигали сосуды при температуре 600–700 градусов. Такова была керамика, определявшая, как считается, специфику корейского неолита в целом.

Рис. 4. Типичный «гребенчатый» сосуд корейского неолита (стоянка Ссанчхонни, уезд Чхонвон, пров. Сев. Чхунчхон).

Носители культуры ранней гребенчатой керамики жили в основном в устьях крупных рек и занимались как морским, так и пресноводным рыболовством. В КНДР раскопаны типичные поселения этого времени: Читхамни (устье р. Сохынчхон, пров. Хванхэ) и Кунсанни (берег Желтого моря недалеко от устья р. Тэдонган; уезд Ончхон, пров. Юж. Пхёнан). В Кунсанни обнаружили остатки ранненеолитических полужемлянок с ямками для подпиравших крышу деревянных столбов и следами очагов. Классическая ранненеолитическая стоянка Южной Кореи — Амсари, недалеко от устья р. Ханган. Ныне деревня Амсари стала частью г. Сеула (квартал Амсадон), и на месте раскопок организован своеобразный музей под открытым небом — Парк первобытной культуры. Раскопки этой стоянки дали богатый материал по ранненеолитическому жилищу. Было обследовано большое скопление землянок, располагавшихся на песчаном берегу реки Ханган. На основе раскопок была проведена реконструкция жилища IV тыс. до н. э. Она позволяет воссоздать «жилищные условия» насельников Корейского полуострова того времени следующим образом. В земле копали круглый или прямоугольный (часто со срезанными углами) котлован глубиной около 0,6–1 м и площадью 20–30 кв. м. «Пол» котлована утрамбовывали, часто в него втапывали раковины моллюсков, чтобы сделать его крепче. По-видимому, на этот «пол» потом стелили звериные шкуры или солому. По краям «пола» выкапывали несколько ямок, куда вбивали деревянные столбы — подпорки для покрываемой соломой кровли. Пространство между столбами забивали глиной — таким образом создавались «стены». В середине полужемлянки обычно находилась окруженная закопченными камнями очажная яма, а также несколько вкопанных в землю больших горшков для пищи. Ко входу из полужемлянки (обычно располагавшемуся на южной стороне) вели глиняные ступеньки.

В целом, конструкция протокорейской неолитической каркасно-столбовой полужемлянки схожа как со строениями китайского неолита (культуры круга яншао-луншань, IV–III тыс. до н. э.), так и с прямоугольными каркасно-столбовыми полужемлянками приамурского и приморского неолита (V–II тыс. до н. э.). Обычно в одной землянке жили два поколения (4–6 человек) — родители и дети. Поселение образовывали несколько десятков жилищ. Насельники их составляли, по-видимому, родовую общину. Центром социальной жизни коллектива был

«большой дом» в центре поселка, в котором в обычные дни женщины сообща трудились над изготовлением керамики.

Если женщины отвечали за собирательство, изготовление керамики и приготовление пищи, то мужчинам приходилось ловить рыбу, охотиться, а также запасать дрова для очага. Для выполнения последней задачи ранненеолитические «главы семейств» пользовались оббитыми или — значительно реже — пришлифованными каменными топорами — основным орудием данного периода. Чтобы изготовить оббитый каменный топор, нужно было подшлифовать с двух сторон предварительно отбитый осколок песчаника. Иногда в качестве материала использовались базальтовые или — особенно в районе современного Пусана — кремнистые сланцевые породы. Таким же путем изготавливались скребки и рубила для обработки деревянных изделий и шкур. Типичные образцы оббитых каменных орудий можно найти в материалах нижних неолитических слоев стоянок долины р. Ханган — Амсари, Мисари (окрестности Сеула; обследована в 1960–1962, раскопана в 1981) и др. Несколько позже, к концу раннепалеолитического периода, пришла на полуостров и сложная техника изготовления изящных, тщательно обтесанных и отшлифованных с двух сторон каменных топоров.

Главным занятием ранненеолитических мужчин полуострова было рыболовство. Ему служили костяные (часто из оленьего рога) гарпуны и крючки. Археологи находят их, как правило, в «раковинных кучах». «Раковинная куча» — это состоящая обычно в основном из раковин моллюсков и прочих отходов морепродуктов свалка кухонных отходов древнего человека. Такие свалки продолжали существовать и в более поздние периоды.

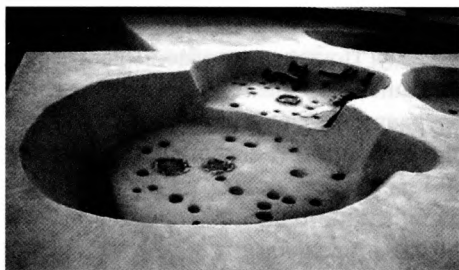

Рис. 5. «Пол» и «лестница» ранненеолитической полуземлянки (стоянка Амсари).

Другим — и, видимо, более эффективным — методом рыболовства было использование сетей с каменными грузилами. Образцы их обнаружены при раскопках стоянок Амсари, Мисари и Осанни. Продолжали готовить и уже известные нам по «догребенчатому» периоду составные рыболовные крючки из камня. Они использовались, по-видимому, для лова рыбы на глубине. Судя по остаткам, находимым в «раковинных кучах»,

древние насельники южного побережья полуострова уже употребляли в пищу практически все известные нам сейчас сорта съедобных прибрежных рыб и моллюсков (около 30 видов). В некоторых ранненеолитических стоянках (Сев. Корея — Кунсанни и Читхамни; Юж. Корея — Осанни и др.) были обнаружены каменные и костяные орудия, по форме напоминающие позднейшие сошники, жатвенные ножи и мотыги. В связи с этим выдвигались предположения о существовании уже в этот период зачатков земледелия на полуострове. Однако как отсутствие находок семян одомашненных злаков, так и недостаток свидетельств, подтверждающих ранненеолитические контакты с земледельческими культурами Северного Китая, заставляют большинство ученых относиться к этим гипотезам очень осторожно. Скорее всего, вышеупомянутые орудия использовались при собирании съедобных растений.

Вопрос об исторических контактах корейского раннего неолита за пределами полуострова давно уже привлекает внимание ученых. Сравнение между тонсамдонским типом «гребенчатого» узора — толстыми, глубокими, уверенными линиями, — и значительно менее ярко выраженным типом амсари наводит на мысль, что культура «гребенчатой керамики» распространялась из центральных районов Кореи на юг (хотя и не ясно, была ли это лишь диффузия культурного типа или миграция населения). В свою очередь, многие ученые (прежде всего проф. Им Хёджэ Сеульского Гос. Ун-та, Юж. Корея) говорят о воздействии тонсамдонского типа керамики на формирование известной по одноименной стоянке в префектуре Сага раннедзёмонской культуры собата (вторая половина IV тыс. до н. э.). Предполагается даже диффузия тонсамдонского культурного типа далее на юг, к неолитическим насельникам о. Окинава. Однако находка образцов керамики собата в ранненеолитических слоях Тонсамдона заставляет также предположить более сложный, взаимный характер ранненеолитических культурных контактов между полуостровом и архипелагом.

3) средний период (3000–2000 гг. до н. э.). Этот период (исследуемый в основном по второму слою Тонсамдона, 3–5 слоям «раковинной кучи» Сугари в окрестностях Пусана, поздним слоям Читхамни и Кунсанни, и т. д.) отличается дальнейшим развитием культуры гребенчатой керамики и доказанным зарождением первобытного земледелия (хотя оно не стало еще основным видом хозяйства). В японской неолитической культуре этот период соответствует среднему дзёмону, прежде всего керамической культуре адака (несколько экземпляров керамики адака обнаружены во втором слое Тонсамдона).

Изменения, происшедшие в этот период с гребенчатой керамикой, можно объяснить увеличением разнообразия и развитием стилевой дифференциации по мере роста населения и общего усложнения материальной культуры. На сосудах из района Сеула (прежде всего поселение Амсари) или появляются концентрические полукруги из точек у

горлышка, или особый узор у горлышка исчезает вообще и весь сосуд покрывается параллельными косыми линиями. В то же время на некоторых сосудах имеется лишь узор у горлышка, а средняя и нижняя часть сосуда оставляется гладкой. Происходит, таким образом, эволюция по направлению к гладкой керамике. Становится более разнообразной и форма сосудов. Появляются чаши с широким плоским дном, «кувшины» с зауженным горлышком, и т. д. Как считают некоторые американские и южнокорейские специалисты, эволюция средненеолитической керамики района Сеула происходила под определенным влиянием современной ей северокитайской земледельческой культуры. Эволюция к гладкому типу явственно чувствуется и в средненеолитической керамике Тонсамдона-Сугари (района Пусана). Там появляется все больше совершенно гладких сосудов с выпуклым донышком. Другой тип керамики, типичный в этот период в основном на Севере, в долине Тумангана (равно как и на территориях нынешнего Российского Приморья) — это сосуды с «громовым» узором, т. е. с меандрообразными комбинациями из наклоненных параллельных линий. Подобный тип орнамента также хорошо известен по материалам неолита и Инь-Чжоу (III–I тыс. до н. э.). «Громовой» узор отождествлялся в более поздние эпохи с культами грома, дождя и плодородия. Меандрические узоры символизировали, по-видимому, вихрь, гром и ливень. В целом, органически связанная с культурами сопредельных регионов корейская керамическая культура среднего неолита претерпевала значительные изменения, становясь сложнее и разнообразнее.

Основой жизнеобеспечения и в период среднего неолита оставалось, по-видимому, рыболовство и собирательство, в сочетании с охотой на оленей и кабанов. Их кости часто извлекают из стоянок этого периода. Некоторые исследователи предполагают, что обнаруженные при раскопках памятников Кунсанни (под Пхеньяном) и Читхамни (пров. Хванхэ) зерна чумизы относятся к средненеолитическому периоду и могут свидетельствовать о существовании уже тогда примитивного земледелия. Учитывая, что к среднему неолиту относится ряд костяных и каменных мотыг (обнаруженных, например, на стоянках Северной Кореи) и каменных ручных мельниц, можно предположить, что в этот период процесс выделения земледелия из собирательства уже вступал в свою завершающую стадию. Однако понадобилось еще почти два тысячелетия для того, чтобы земледелие прочно стало основой экономики полуострова. Находки ручных пряслиц в раковинной куче на стоянке Сугари (близ Пусана) и пеньковой нити (вдетой в иглу) на территории КНДР говорят о возможности зарождении также раннего плетения и ткачества в этот период. В китайском неолите, для сравнения, ткачество было известно обитателям низовий р. Янцзы уже в первой половине V тыс. до н. э.

4) поздний период (2000–1000 гг. до н. э.). Этот период, известный прежде всего по первому культурному слою Сугари, второму слою Тон-

самдона и стоянкам на островах Тэхыксандо (юго-западное побережье Кореи, административно принадлежит уезду Синан пров. Юж. Чолла) и Сидо (побережье Желтого моря напротив Инчхона, пров. Кёнги), отличается радикальными изменениями в облике керамических изделий и жилищ и широким распространением земледелия. Благодаря этому человек смог проникнуть в отдаленные от берегов моря и рек центральные районы полуострова.

В области керамики — главного индикатора культурных изменений в неолите — происходит постепенный переход к новой форме сосудов — остродонных, с более утолщенной нижней частью, удлинненным горлышком, иногда подставкой (поддоном) внизу. С придонной и средней части сосуда орнамент исчезает полностью. На горлышке остается узор из точек и штришков, составленных в параллельные друг другу наклонные линии. С течением времени узор упрощается, и конец периода отмечен появлением совсем уже безузорной (гладкой) керамики. В самых северных районах полуострова (долина р. Амноккан) появляется и керамика с геометрическим узором, явно связанная с современными ей китайскими культурными веяниями. Видимо, переход к гладкой керамике говорит о постепенном изменении этнического состава населения полуострова (возможно, о притоке новых групп из районов нынешней Маньчжурии и Приморья). Кроме того, техническое усложнение сосудов — выделение подставки (поддона), шейки, иногда даже носика — говорит о внутреннем развитии неолитической культуры.

Классическим образцом поздненеолитического жилища Кореи считается полуземлянки каркасно-столбовой конструкции, обнаруженные при раскопках стоянки Кымтханни (район Садон г. Пхеньяна). Как видно по результатам раскопок, на этом этапе жилища приобретают более строгую прямоугольную (часто почти квадратную) форму. Круглые или полукруглые полуземлянки, характерные для более ранних стадий, больше не встречаются. Во внутренних районах полуострова — где на более ранних этапах поселения не было вовсе — попадаются и пещерные жилища на склонах гор и холмов, с характерными закопченными потолками. Судя по отдельным археологическим свидетельствам, уже тогда существовал известный по более поздним источникам обычай хоронить мертвых там, где они скончались, и потом строить новый дом в другом месте. Как и во многих других культурах, смерть у неолитических протокорейцев ассоциировалась с ритуальной «нечистотой», от которой живым лучше было уйти на новое место.

Главной «приметой» позднего неолита Кореи в хозяйственной области считается гораздо более широкое, по сравнению с предыдущим периодом, распространение примитивного земледелия и развитие орудий земледельческого труда. Окаменелые семена чумизы, найденные в поздненеолитических слоях памятника Намгённи под Пхеньяном, говорят о том, что, как и в неолите Северного и Центрального Китая,

земледелие в неолитической Корее началось с одомашивания именно этого злака. Ряд японских ученых высказывает также предположение, что примитивные формы рисосеяния, выработанные уже в конце III тыс. до н. э. неолитическими насельниками низовий р. Янцзы (южный вариант культуры цюйцзялин), могли быть известны и поздненеолитическим обитателям долины р. Ёнсанган на юго-западе полуострова. Но даже если это и так, чумизу все равно следует считать основной культурой древнейших земледельцев Кореи вплоть до распространения поливного рисосеяния на среднем этапе бронзового века (середина I тыс. до н. э.). На конечном этапе позднего неолита возделываться стали также соевые бобы, играющие громадную роль в рационе корейцев вплоть до сего дня. Из сельскохозяйственных орудий чаще всего встречаются жатвенные ножи полулунной формы (известные также развитому неолиту Китая — культуре луншань), плечиковые мотыги-топоры, каменные и костяные лопаты (классические образцы их найдены на стоянке Кунсанни, уезд Ончхон пров. Юж. Пхёнан), костяные серпы (часто изготавливавшиеся из клыков дикого кабана) и многочисленные каменные зернотерки. Для раннеземледельческого комплекса как на Севере (долины р. Амноккан и Туманган), так и в центральной части полуострова весьма типично каменное орудие, условно идентифицируемое как лемех неолитического «плуга». Оно представляет собой обработанный с нескольких сторон кусок зернистой вулканической породы овальной формы, заостренная часть которого использовалась, по-видимому, для разрыхления земли (см. рис. 6). Одновременно с земледелием развивались и примитивные формы содержания домашних животных, прежде всего — как и в китайском неолите — свиньи и собаки. Несмотря на постепенное развитие производящих форм хозяйства, по-прежнему сохраняли свое экономическое значение и присваивающие формы: рыболовство с использованием сетей в прибрежных районах, охота на оленей и диких кабанов и собирание дикорастущих злаков, корней и орехов — во внутренних. Около полутора-двух тысячелетий понадобилось для того, чтобы земледелие — уже с использованием более производительных железных орудий — смогло бы стать основой хозяйства.

Однако даже в своем несовершенном неолитическом виде примитивное земледелие сыграло громадную роль в ускорении процесса исторической эволюции на полуострове, дав населению надежный дополнительный источник питания и избавив его от безусловной зависимости от рыболовства, вынуждавшей людей селиться прежде всего по берегам морей и рек. Население позднего неолита значительно увеличилось благодаря новому источнику пищи. Оно начало основывать поселения в прежде малоосвоенных внутренних районах полуострова. Активно осваиваются районы к югу от р. Пукханган (западная часть пров. Канвон), территория нынешней пров. Сев. Чхунчхон (к северу от р. Кымган) и

т. д. Освоение значительных территорий и необходимость гарантировать выживание небольших деревенских кровнородственных коллективов в случае неурожая заставляли жителей различных деревень одного и того же района вступать между собой в более тесные отношения, активнее обмениваться продуктами и материалами, заключать долговременные союзы, и т. д. Именно из этих первых форм «наддеревенской» социальной организации позднего неолита впоследствии вырастали чифдомы (вождества) и племена.

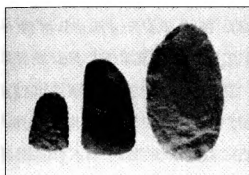

Рис. 6. Каменные лемехи неолитического плуга, найденные в дер. Ссанчхонни уезда Чхонвон пров. Сев. Чхунчхон на месте поздненеолитического жилища. Длина — 14,7 см (коллекция Государственного музея г. Чхонджу).

Весьма возможно, что оседлая жизнь, укрепившиеся межобщинные связи внутри полуострова и оживленные контакты с представителями других неолитических культурных комплексов вне Кореи (луншаньской и луншаноидных культур Китая, культуры дзёмон Японских островов, и т. д.) могли способствовать, особенно на поздних этапах корейского неолита, появлению первых форм протоэтнического сознания (в самом общем виде — классификации «мы-они» в отношениях с представителями других культурных горизонтов). Однако в целом на этой стадии, при отсутствии устоявшихся надобщинных политических структур, говорить об этнической принадлежности можно только очень условно.

Внутри общины, по-видимому, продолжали господствовать родовые эгалитарные формы. Социальный контроль (в той мере, в которой он был вообще необходим в обществе этого уровня) основывался на традиционных коллективистских нормах, брачных отношениях, институтах старшинства и лидерства. Лидеры в обществах такого типа обычно выбираются на основе личных качеств, а не накопленного в роду богатства, что характерно для более поздних этапов социального развития. Они не имеют права приказывать общинникам или принуждать их (т. е. обладают авторитетом, но не властью) и мало отличаются от остальных общинников по уровню потребления. Действительно, археологические материалы не дают возможности говорить о существовании сколько-нибудь серьезного социально-имущественного расслоения в неолитической Кореи. Не было, как кажется, в корейском неолитическом обществе и серьезных межобщинных вооруженных столкновений. По крайней мере, следов массового насилия археологи в соответствующих слоях пока что не находили. Это и неудивительно — ведь война появляется лишь на том этапе развития общества, когда добыча от вооруженных грабительских набегов на соседние общины превышает потенциальные

риски для самих нападающих, т. е. когда определенный уровень развития производительных сил позволяет накапливать значительные излишки. Как представляется, в неолитической Корее такой уровень так и не был достигнут.

Материалов, позволяющих судить об искусстве и в особенности о религиозных верованиях позднего неолита (да, по сути, и корейского неолита в целом), практически нет. Костяные изображения собачьих, свиных и змеиных голов, найденные на стоянке Сопхохан (устье р. Туман, близ границы КНДР с Россией) интерпретируются скорее как декоративные, чем ритуальные. То же можно сказать и о глиняных изображениях птиц и собак, найденных на другой северокорейской неолитической стоянке, Нонпходон (близ г. Чхонджин, пров. Сев. Хамгён). С зачатками религиозного культа, по-видимому, можно безусловно связать лишь знаменитую маску-изображение человеческого лица из раковины (с дырочками на месте рта и глаз), найденную в третьем слое Тонсамдона (см. рис. 7). Видимо, она, как и найденное в Осанни очень похожее глиняное изображение человеческого лица, представляла человекоподобных духов — покровителей общины. Традиция изображать лики духов-покровителей, защитников от «нечистой силы», на черепице, бронзовых пластинах, и т. д., жила в Корее еще очень долго, и весьма возможно, что ее корни следует искать в этой примитивной неолитической маске. Неолитических погребений известно в Корее пока еще очень мало, и вывести какие-то общие закономерности погребального ритуала пока что не представляется возможным. Ясно, что покойников хоронили в вытянутой позе, головой большей частью к востоку или юго-востоку, иногда с каменными топорами или нефритовыми браслетами. Следов серьезной социальной стратификации погребения не дают.

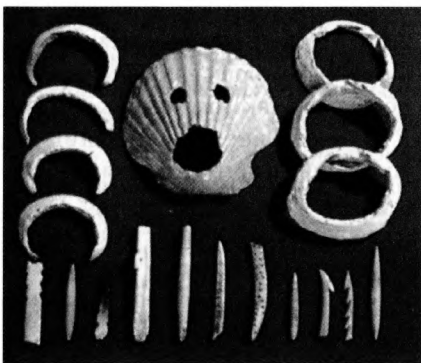

Рис. 7. Знаменитая тонсамдонская маска, в окружении костяных украшений и рыболовецких орудий.

Антропологический, прежде всего краниологический, анализ останков людей, обнаруженных в одном из северокорейских неолитических захоронений (г. Унги, пров. Сев. Хамгён), показал их принадлежность к короткоголовому (брахицефальному) типу восточных монголоидов, с высокими и плоскими лицами и сильно развитыми скулами. Правдоподобными кажутся предположения об этническом родстве не-

олитических насельников Кореи с дотунгусским палеоазиатским неолитическим населением Восточной Сибири и Дальнего Востока. Однако

следует также помнить, что на той ступени развития, на которой находились неолитические обитатели Кореи, понятие «этнической принадлежности» или «этнической гомогенности» еще отсутствовало в коллективном сознании.

Жители маленьких рыбацких или земледельческих поселков ощущали себя просто членами своей общины и мало задумывались о том, к какой общности более высокого уровня они принадлежат. Впрочем, при этом возможно, что носители совершенно инородных культурных комплексов (скажем, протокитайского неолитического) ощущались уже как более «чуждые», чем жители других общин полуострова. Мы можем, по ряду археологических признаков, выделять протокорейский неолитический культурный комплекс как гомогенную культурную общность, легко отличимую от соседних (скажем, протокитайского комплекса яншао-луншань или протояпонской неолитической культуры дзёмон). Однако нет оснований считать, что представление о «культурной общности» было в серьезной мере присуще и самим носителям протокорейской неолитической культуры. Формирование этнического сознания как фактора социальной жизни — примета следующей эпохи в эволюции корейской культуры, бронзового века.

Источники и литература

А) Первоисточники:

1. Фудзита Рёсаку (藤田亮策). *Исследования по корейской археологии* (<Тё:сэн кокогаку кэнкю >). Киото, 1948, С. 140–168.
2. Sample, L. «Tongsamdong: a contribution to Korean Neolithic Culture History», — *Arctic Anthropology*, Vol. 11, No. 2, 1974, pp. 1–125.
3. Nelson, S. *Chulmun Period Villages on the Han River in Korea: Subsistence and Settlement*. PhD Dissertation, University of Michigan, 1973.
4. Им Хёджэ (任孝宰). *Отчет о срочных раскопках и исследовании памятников Амсадона* (<岩寺洞遺跡緊急發掘調査報告>). Сеул, 1985.
5. Им Хёджэ, Квон Хаксу (權鶴洙). *Памятники Осанни* (<鰲山里遺跡>). Сеул, 1984.
6. Институт Археологии КНДР. *Отчет о раскопках первобытных памятников Читхамни* (<지탑리원시유적발굴보고서>). Пхеньян, 1961.

Б) Литература:

1. Nelson, S. *The Archaeology of Korea*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993, pp. 58–109.
2. Kim Jeong-hak. *The Prehistory of Korea*. Honolulu: The University Press of Hawaii, 1978.
3. Ким Воллён (金元龍). *Археология Кореи* (<韓國考古學概說>). Сеул, 1992. С. 22–69.

Глава 3

а) БРОНЗОВЫЙ ВЕК КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА (X–III вв. до н. э.). ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ДРЕВНЕГО ЧОСОНА (X–IV вв. до н. э.).

1. Бронзовый век Корейского полуострова (X–III вв. до н. э.)

Как известно, в истории человечества в целом бронзовый век — период, когда применение металла способствовало ускоренному росту производительных сил общества, а, соответственно, и скачкообразным преобразованиям в его структуре. Окончательно утвердились иерархические отношения как внутри каждого социума, так и между различными обществами. Появилась ранняя государственность, т. е. социальные иерархии нескольких регионов слились в одну комплексную и относительно унифицированную структуру с определенными границами и центром. Ранняя государственность бронзового века оказалась способной как на невиданную в прошлом по масштабам организацию общественного труда, так и на беспрецедентное массовое насилие и принуждение. Государственность означала окончательное закрепление основанных на насилии (или угрозе его применения) отношений власти-подчинения по вертикали общества, а также легитимизацию организованного насилия (войн) по отношению к другим обществам. Культуры земного шара начали структуризоваться в иерархию и «по горизонтали». Более «передовые» культуры Южной Евразии (прежде всего Средиземноморья, Ближнего Востока, долин Инда, Ганга и Хуанхэ) и Северной Африки, с развитой металлургией и уже оформившейся государственностью, образовали своего рода «ядро» мировой системы бронзового века. Возможности применения крупномасштабного насилия — технологические и организационные — которыми обладало «ядро», как правило, значительно превосходили способность догосударственной «периферии» к обороне. Это давало ранним государствам бронзового века возможность шаг за шагом успешно колонизировать и эксплуатировать «варварскую периферию», перераспределять ее ресурсы в свою пользу. В то же время политические образования «ближней периферии» имели тенденцию, в ответ на цивилизационный вызов со стороны «центра», заимствовать металлургическую технологию и образовывать свою собственную («вторичную», по отношению к «центру») государственность. Попытки «ближней периферии» вырвать у «центра» цивилизационную гегемонию (в комплексе часто именуемые «варварскими вторжениями») создавали как постоянное напряжение внутри мировой системы, так и возможности для ее развития.

Каким же образом были распределены культуры бронзового века в Евразии? Что представлял собой бронзовый век в регионах, прилегаю-

щих к Корейскому полуострову? Бронза (сплав меди и олова) вошла в употребление в Египте и на Ближнем Востоке (прежде всего в Месопотамии) в середине III тыс. до н. э. Она стала основой для оформления там древнейших в Евразии очагов государственности. С запада бронза постепенно распространялась на восток — уже в сер. III тыс. до н. э. она была известна в долине Инда. С середины II тыс. до н. э. бронза стала широко распространяться и на «варварской периферии» тогдашнего «цивилизованного мира» — в Южной Сибири (прежде всего на Алтае и в Саянах). Бронзовые культуры индоевропейцев Урала и Южной Сибири — афанасьевская (III–II тыс. до н. э.), андроновская (середина — конец II тыс. до н. э.), срубная (II тыс. до н. э.) и тагарская (I тыс. до н. э.) — оказали значительное влияние на развитие бронзовой металлургии как на Корейском полуострове, так и на территории современного Китая. Китай, с точки зрения общеевразийского контекста, значительно «отставал» в освоении металлургии и развитии раннеклассовых общественных форм. Бронзовый век пришел туда лишь на рубеже III–II тыс. до н. э. и, как предполагает ряд ученых, через посредство более «передовых» западных соседей. Классической культурой раннего бронзового века в Китае считается культура эрлитоу (по названию стоянки Эрлитоу в Яньши, пров. Хэнань), датируемая XXI–XVI вв. до н. э. Освоение бронзовой культуры дало протокитайскому населению долины р. Хуанхэ возможность относительно скоро (приблизительно в XIV в. до н. э. — т. н. «аньянский» этап в развитии Шан-Иньской культуры) создать первый в истории восточноазиатского региона мощный центр «классической» ранней государственности. Типичными чертами такого центра были обожествленные правители (монополизировавшие как производство бронзовых изделий, так и право на контакт с высшими божествами), аристократия воинов-колесничих (четко отделенная от рядовых общинников), и тенденция к распространению своего влияния — как политического, так и культурного — на окружающие «варварские» племена. В результате с середины II тыс. до н. э. культура долины р. Хуанхэ стала «ядром» региональной восточноазиатской системы. «Периферийные» некитайские этносы, стремящиеся защитить себя от перспективы утери политической самостоятельности и этнической идентичности, вынуждены активно заимствовать материальную культуру «ядра». Они также начали создавать, в значительной степени на основе исторического опыта «ядра», общественные институты, способные выдержать натиск более «передовых» соседей. Так в процессе поисков ответа на исторический вызов «ядра», динамической адаптации к требованиям новой культурно-политической ситуации в регионе формировались «периферийные» культуры Восточной Азии, в том числе и протокорейская бронзовая культура.

На настоящий момент кажется доказанным, что истоки бронзовой культуры Корейского полуострова следует искать в непосредственно

прилегающих к северным границам современной КНДР районах Южной Маньчжурии. Именно там, под воздействием протокитайской шаньиньской, южносибирских (карасукской и прочих) и северокаитайской ордосской бронзовой культуры, сформировался на рубеже II—I тыс. до н. э. оригинальный комплекс, в течение I тыс. до н. э. распространившийся постепенно на юг, по всей территории Корейского полуострова. Основные черты этого комплекса — бронзовые предметы (скрипковидные бронзовые кинжалы и ритуальные зеркала — знаки влияния военных вождей и жрецов), яшма как символ престижа формирующейся знати, гладкая керамика разнообразной формы и цвета, захоронения в каменных ящиках-гробах, мегалиты-дольмены над захоронениями элиты, и значительно более важная роль земледелия в общей структуре хозяйства. При этом следует отметить, что, в отличие от вождей и жрецов, простые общинники в основном продолжали пользоваться каменными, деревянными и костяными орудиями труда, в том числе и в земледелии.

С этнолингвистической точки зрения, носители бронзовой культуры в Южной Маньчжурии и на Корейском полуострове принадлежали, как считается, к монголоидной прототунгусской группе, условно отождествляемой с насельниками северных границ китайской культурной сферы, известными из китайских источников как *емэк* (кит. *вэймо*). Эта группа, по-видимому, отчетливо отличалась, как по языку, так и по облику материальной культуры, от неолитических насельников Корейского полуострова, родственных, скорее всего, современным палеоазиатским народностям Приамурья. В то же время вряд ли стоит, как это делают некоторые южнокорейские исследователи, изображать *емэк* как чуть ли не «гомогенную протокорейскую народность» с «единой культурой и языком». Археологические находки довольно ясно показывают, что бронзовая культура маньчжурско-корейского ареала была сложным, разнородным конгломератом региональных вариаций, объединенных лишь несколькими общими чертами.

Процесс распространения культуры бронзы по Корейскому полуострову, с севера на юг, в X–V вв. до н. э., был одновременно и процессом смешения «северных пришельцев» (условно отождествляемых с *емэк* древнекаитайской историографии) с автохтонным неолитическим населением полуострова. Распространенное в южнокорейской исторической науке представление об этом процессе как о «завоевании» полуострова «северянами» кажется чрезмерно упрощенным. Во многих случаях «северная» культура могла проникать на полуостров постепенно, в течение столетий торговых контактов, культурных заимствований и смешанных браков. Смешанное постнеолитическое население во многом продолжало традиции неолитической культуры. Это заметно, скажем, по формам жилищ, облику орудий труда, и т. д. Но в то же время культура металла, которой владели «пришельцы с Севера», не могла не занять в обществе доминирующего положения. Результатом ассимиляции неолитического

населения полуострова в более развитую бронзовую культуру Севера и было формирование этнического субстрата, условно идентифицируемого как маньчжурско-протокорейский. Именно к этому субстрату и относилась племенная группа, сумевшая к IV–III вв. до н. э. создать в северной части Корейского полуострова и на прилегающей территории Маньчжурии протогосударство Древний Чосон.

III в. до н. э. был временем, когда древние чосонцы начали активно и широко заимствовать культуру железа из Китая. Считается, что на этом и закончился бронзовый век на полуострове. Начало же корейского бронзового века большинство южнокорейских и западных ученых относит к XI–X вв. до н. э. Именно этим временем датируются самые ранние из найденных на территории полуострова бронзовых вещей. Среди них — бронзовые нож и шишкообразное украшение из Синанни (уезд Ёнчхон пров. Сев. Пхёнан), бронзовый резец из 3-го культурного слоя Кымтханни (г. Пхеньян), литейная форма для изготовления бронзовых «шишек» из Самбонни (уезд Чонсон, пров. Сев. Хамгён), и т. д. Тенденция современной северокорейской исторической науки возводить начало бронзового века в Корею чуть ли не к началу II тыс. до н. э. (т. е. искусственно «удревнять» корейскую бронзу до уровня китайской шан-иньской бронзовой культуры) связана с «политическим заказом» северокорейских властей и вряд ли имеет отношение к историческим фактам.

1) Бронзовые изделия

а) оружие

Типичным образцом церемониального вооружения бронзового века Корейского полуострова и Южной Маньчжурии является т. н. «скрипкообразные» (*пипха-хён*) кинжалы (известны также как кинжалы ляонинского, или маньчжурского типа). Это обычно относительно короткие (до 40–50 см.) бронзовые клинки с профилированным лезвием (похожим на деку струнного инструмента — отсюда и название), резко выделяющимися «зубцами» с обеих сторон посередине, и постепенным сужением клинка к концу (рис. 8). Т-образная рукоятка, часто орнаментированная меандрическим «громовым» узором, изготовлялась обычно отдельно. По внешнему виду такие кинжалы легко отличимы от образцов современной им иньской, чжоуской, или ордосской бронзы.

Самые ранние образцы «скрипкообразных» кинжалов известны по южноманьчжурским памятникам рубежа II–I тыс. до н. э. — в частности, по находкам в уезде Синьцзинь пров. Ляонин. Их отличает резкое выделение «зубцов», располагавшихся ближе к концу клинка. На территорию Корейского полуострова эта форма, как кажется, не проникла. Более поздняя форма — укороченные клинки с «зубцами» почти точно посередине — известна по классическим находкам 1958 г. в местечке Шиэртайинцзы под Чаояном. Она и распространилась по территории северной части Корейского полуострова, за исключением земель современ-

ной провинции Хамгён, долго остававшихся вне зоны влияния бронзовой культуры. Наконец, появившаяся позднее (VII–IV вв. до н. э.) измененная форма — с удлинненным клинком и уплощенным «зубцом» — распространилась из Южной Маньчжурии по западному берегу Корейского полуострова вплоть до самых южных его районов. В целом, к V в. до н. э. большая часть его территории (за исключением восточного побережья) входила в сферу влияния «культуры скрипкообразных кинжалов».

Определенная стандартизация формы важнейшего ритуального предмета на большей части полуострова говорит о начале гомогенизации его населения, т. е. о прогрессе в формировании маньчжурско-протокорейской этнокультурной общности. Начиная с конца IV — начала III в. до н. э., ближе к периоду железа, по всему протяжению этой сферы (от Южной Маньчжурии до Южной Кореи) «скрипкообразные» бронзовые кинжалы переходят в «узкие» — с зауженным, почти прямым лезвием и выемкой в боковой части. В северной части полуострова эти изменения в типе бронзового оружия предшествуют появлению железа, а в южной — практически совпадают с началом железного века.

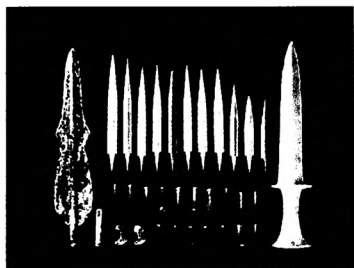

Рис. 8. Скрипковидный бронзовый кинжал (вместе с сопутствующими находками). Длина 33,4 см. Обнаружен на стоянке Сонгунни (уезд Пуё, пров. Юж. Чхунчхон). Датируется приблизительно V в. до н. э. К этому времени бронзовая культура уже прочто закрепилась в южной части Корейского полуострова.

Кроме бронзовых кинжалов, на значительной части территории Корейского полуострова были распространены бронзовые секиры (*тонбу*), явственно восходящие к уральской и южносибирской (андроновской и карасукской) бронзовым традициям. Этот вид оружия встречается как на стоянке Мисонни (уезд Ыйджу пров. Сев. Пхёнан) на северной границе Кореи, так и на стоянке Сонгунни в южной части страны. В отличие от ритуально-церемониальных по функциям бронзовых кинжалов и секир, бронзовые наконечники стрел с двумя жальцами (по форме напоминающими птичьи крылья) использовались в войне и на охоте. Кроме оружия, из бронзы иногда изготавливались некоторые орудия труда, например, резцы (*тонккыль*) и ручные ножи (*тоджа*). Но основная часть орудий труда (серпы, лопаты, плуги) по-прежнему делалась из дерева, камня и кости. Как и в шан-иньском Китае II тыс. до н. э., использование бронзы было в ранней Корее привилегией зарождающейся знати.

б) Зеркала и украшения

В древних культурах Южной Маньчжурии, Корейского полуострова и Японских островов, как и во многих других обществах бронзового века, бронзовым зеркалам придавался особый, ритуально-магический смысл. Они считались важной принадлежностью жреца или шамана, с помощью которой служители культа могли «концентрировать» в своих руках свет (основную составляющую сакрального космоса) и «управлять» им. Обычно зеркала клали в могилы жрецов и причастных к культовым функциям знатных людей, причем, как правило, в сломанном виде. Дело в том, что «тот» свет мыслился полной противоположностью «этому», и то, что было целым «здесь», должно было непременно быть нецелым «там». Поскольку зеркала считались сакральными предметами, то производить их «серийно» было не принято. Для каждого нового зеркала глиняную формочку делали заново. Среди известных археологам протокорейских зеркал бронзового века не найти двух одинаковых. От китайских зеркал протокорейские отличались наличием не одной, а двух-трех ручек-держателей на оборотной стороне, а также упрощенным, в основном геометрическим узором. Среди типичных узоров часто можно встретить концентрические круги, линии, образующие лучеобразные треугольники, крестообразные украшения, зигзагообразные линии, и т. д. (рис. 9). К концу бронзового века узор становится сложнее и изящнее. С началом железного века и общим укреплением связей с Китаем, на полуостров (как и на Японские острова) начали в большом количестве проникать китайские бронзовые зеркала с изображениями мифических «благовещих» животных и благопожелательными надписями. Очень скоро они стали важнейшим элементом общественного престижа для зарождающейся элиты. Их форме и дизайну начали подражать и местные ремесленники.

Рис. 9. Два бронзовых зеркала относительно архаического типа, обнаруженные при раскопках в квартале Кведжондон г. Тэджона в 1967 г. Диаметр 8,4 и 11,3 см. Одно из них сломано перед тем, как положить его в могилу. Интересен специфический геометрический узор в виде «звездных лучей», расходящихся из центра, и более мелких «лучиков» у ободка. Возможно, этот тип узора связан с культом Солнца.

Кроме зеркал, престиж зарождающихся аристократии и жречества поддерживал целый ряд церимональных и ритуальных бронзовых изделий — «шишечки» (*тонпхо*), щитки (часто с крестовидным узором), разнообразные бубенчики и колокольчики. Последние были особенно характерны для самого позднего этапа бронзового века.

2) Каменные изделия

Как уже упоминалось выше, наступление бронзового века вовсе не означало полной замены каменных орудий бронзовыми. Скорее наоборот — каменная индустрия Корейского полуострова прогрессировала. Увеличился, по сравнению с неолитом, ассортимент изделий, изящней и тоньше стала шлифовка. Каменные орудия оставались, как и в неолите, основой производящего хозяйства и важным элементом общественной жизни. Гладко отшлифованные каменные мечи, по форме явно скопированные с раннежоуских китайских бронзовых мечей, использовались на войне и охоте, при разделке туш, и т. д. Рукоять и лезвие обычно вытачивались из одного куска камня. По бокам лезвия делались желобки, которые позволяли крови стечь. Каменные мечи стали ритуальным элементом (частью погребального инвентаря) только к концу бронзового века. Также в основном на охоте использовались и каменные наконечники стрел и копий, значительно более доступные, чем бронзовые. Для работы с деревом огромное значение имели каменные ступенчатые тесла (*юдан сокпу*). Этот вид орудий, малоизвестный в Северном Китае, был широко распространен в Южном Китае и Индокитае. Видимо, он проник на полуостров из Южного Китая вместе с культурой риса (о ней ниже), а затем распространился и на Японских островах.

Самым важным производственным орудием бронзового века были каменные жатвенные ножи, как правило, «полулунной» формы. Они сильно напоминают аналогичные орудия китайского неолита (культура луншань) и бронзового века. Разница состояла лишь в том, что китайские жатвенные ножи имели полукруглую («полулунную») «спинку» и прямое, обточенное с двух сторон лезвие, а корейские — прямую «спинку» и полукруглое, обточенное с одной стороны лезвие. Обычно нож имел несколько дырочек. Туда вставляли ремешок, которым нож фиксировался к ладони во время работы. По-видимому, жатвенное орудие было заимствовано у протокитайского населения вместе с примитивным земледельческим комплексом в целом. Возможно, это произошло еще до наступления бронзового века.

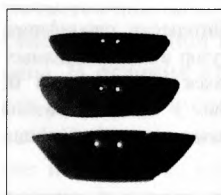

Рис. 10. «Полулунные» жатвенные ножи, обнаруженные в деревне Хачхонни под г. Чхунджу (пров. Сев. Чхунчхон). С помощью такого ножа можно было срезать лишь по одному или нескольким колосьям. Жатва требовала больших усилий и времени.

3) Керамика

В целом, основным признаком керамики бронзового века, отличающим ее от предшествующей неолитической, является, как правило, отсутствие узора. Отсюда и одно из наименований бронзового века в Ко-

рее — «эпоха гладкой керамики» (*мумун тхоги сидэ*). Исключением являются несколько образцов разрисованной черно-серой керамики, обнаруженных на крайнем севере полуострова — на стоянках Синамни и Унги в долинах рек Ялуцзян (Амноккан) и Тумэньцзян (Туманган). Эти образцы явно связаны с маньчжурской и, в конечном итоге, китайской неолитической традицией. Но в основном керамика корейского бронзового века — неорнаментированная. Она отличается значительно большим разнообразием типов и региональных стилей, чем во времена неолита. Обычно сосуды плоскодонные, донышко сравнительно узкое, стенки довольно толстые (5–7 мм), цвет зачастую темно-каштановый. На стенках сосудов иногда можно заметить шишкообразные ручки, на «шейке» — своеобразный «венчик» (налепное глиняное утолщение) и иногда скромное украшение — ряд штрихов или отверстий.

Практически во всех районах полуострова можно обнаружить глубокие миски цилиндрической формы. Они, по-видимому, использовались для приготовления пищи на огне. У некоторых таких сосудов можно заметить маленькую дырочку внизу. Видимо, это были предшественники пароварок (*сиру*) будущего. Один из региональных типов керамики бронзового века — т. н. «волчкообразные» сосуды. Они названы так по их сфероконической форме, чем-то напоминающей популярную корейскую детскую игрушку — волчок (*пхэньи*): узенькое донышко, расширенная верхняя часть, утолщенная шейка. Распространены эти сосуды были лишь в северной части полуострова — к северу от р. Ханган. По-видимому, их оригинальная форма продолжала традиции остродонной неолитической керамики.

Из сосудов, предназначенных не для приготовления, а для хранения пищи, можно выделить весьма сходный с «волчкообразной» керамикой региональный тип, характерный для средней части долины р. Ялуцзян (Амноккан). Он известен как тип «конгвири» (по названию стоянки у г. Канге, пров. Сев. Пхёнан). Сосуды этого типа отличает сероватый цвет, очень узкое донышко и раздутые, выпуклые стенки. На значительно более широкой территории севера Кореи (к северу от р. Чхончхонган) и Южной Маньчжурии была распространена другая разновидность сосудов, известная как тип мисонни (по названию стоянки у г. Ёйджу, пров. Сев. Пхёнан). Она отличается по двум ручкам с боков, относительно расширенному донышку, выпуклым стенкам, и особенно расширяющейся кверху «шейке». Видимо, сосуды этого типа использовались для переноски воды на голове — отсюда и расширенное донышко (рис. 11а).

С линией «волчкообразных» сосудов кажется связанной специфическая керамика центральных районов

Рис. 11а.

Кувшинообразный сосуд типа мисонни. Высота 19,5 см.

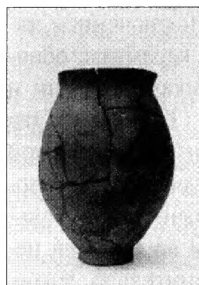

Рис. 11б.

Сосуд
типа сонгунни.

Корейского полуострова VII–VI вв. до н. э. Обнаруженная впервые на стоянке Карак в сеульском районе Кандонгу, она получила название тип карак. Среди сосудов этого типа присутствуют как расширяющиеся кверху горшки, так и кувшинообразные изделия с коротким горлышком. От этого «центрального» типа значительно отличается «южный» тип, характерный для слоев VI–V вв. до н. э. на территории современных провинций Юж. Чхунчхон и Чолла. Он известен как тип сонгунни, по названию стоянки, где изделия этого типа были впервые обнаружены. Керамикой сонгунни, отличавшейся не-

большим доньшком, отсутствием «шейки» и несколько выпуклыми стенками (рис. 11б), пользовалось, по-видимому, оседлое рисоводческое население, испытывавшее влияние южнокитайской и австронезийской культур.

Наконец, в основном в мегалитических погребениях (реже — в жилищах) встречается особая, изящная кувшинообразная керамика красноватого цвета (раскраска производилась окисью железа). Часто лошенная, эта керамика изготавливалась из чистого по составу теста, с тонкими стенками (рис. 11в). По-видимому, она использовалась лишь выделяющейся в этот период верхушкой общества в ритуальных целях. В целом, керамика бронзового века говорит об усложнившейся структуре хозяйства, усилившейся региональной культурной дифференциации и углубившемся социальном расслоении.

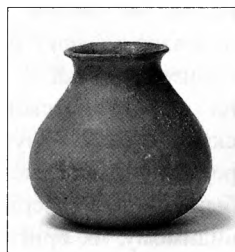

Рис. 11в. Красный
лошенный кувшино-
образный сосуд
из погребения
на территории
совр. пров. Кёнсан.

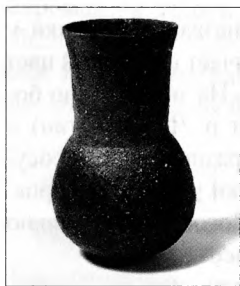

Рис. 12. Черный
шлифованный сосуд.
Обнаружен в квартале
Ёйдон г. Чонджу,
пров. Сев. Чолла.

К концу бронзового века (V–IV вв.) в южной части Корейского полуострова появляется новый тип керамики — черные шлифованные сосуды с выпуклым корпусом и удлинённым толстым горлом. Они изготавливались из хорошей глины с добавками магнетитовых и графитовых красителей (отсюда и черный цвет). Обычно сосуды этого типа обнаруживают в каменных погребениях общинной знати, вместе с бронзовым оружием. Появление нового, более изящного типа керамики свидетельствует об общем культурном прогрессе, усложнении социальной структуры.

4) Хозяйство и жилища

Носители культуры бронзы, постепенно заселившие Корейский полуостров в течение первой половины I тыс. до н. э., были по своему хозяйственному типу прежде всего земледельцами. От неолитических земледельцев их отличало хорошее знакомство с культурой риса. К V—IV вв. до н. э. рисосеяние распространилось уже по всей территории полуострова. Обугленные рисовые зерна обнаружены как на севере Кореи (стоянка Намгён под Пхеньяном) и в центральной ее части (стоянка Хынамни; уезд Ёджу, пров. Кёнги), так и на юге (стоянка Сонгунни). Как проник рис в Корею — загадка. Предполагается, что культура риса могла прийти на полуостров либо сухопутным путем через Маньчжурию, либо по морю из Южного Китая. «Морская» версия кажется многим ученым более вероятной. Однако тот факт, что рис пришел в Корею уже адаптированным к условиям умеренного климата, свидетельствует скорее в пользу «маньчжурского» варианта. Разновидность риса, характерная для бронзового века Кореи — холодоустойчивый короткозернистый рис *jaronica*. Уже в поздний период бронзового века протокорейские земледельцы были знакомы с техникой заливного рисосеяния (до сева на поля пускается вода), предполагающей определенный уровень ирригационных и дренажных навыков. Из Кореи техника заливного рисосеяния, вместе с керамикой типа сонгунни, шлифованными каменными мечами и наконечниками стрел и другими элементами позднебронзового культурного комплекса, распространилась на о. Кюсю (V—IV вв. до н. э.). По-видимому, как диффузия земледельческой культуры бронзового века, так и прямые миграции с Корейского полуострова сыграли решающую роль в переходе к бронзовому веку (период *яёй*) на Японских островах (конец IV в. до н. э.).

Кроме основной культуры, риса, земледельцы бронзового века выращивали также ячмень, просо, пшеницу, бобовые. Дополняли их рацион овощи и фрукты — огурцы, абрикосы, персики. При примитивных орудиях труда (в основном каменные и деревянные мотыги, лопаты и жатвенные ножи) урожайность была относительно низкой. Одна небольшая долина не могла прокормить больше, чем несколько десятков семей. Типичный поселок бронзового века — несколько десятков полуземлянок на склоне небольшого холма, возвышающегося над распаханной долиной. Культивировались и домашние животные — собаки, свиньи, быки. Однако основу рациона мясо не составляло. Многие виды домашнего скота (например, овца) оставались неизвестными в первобытной Корее. Преимущественно злаковая диета дополнялась рыбой и дичью. Судя по находкам каменных пряслиц, прядение и ткачество, известные уже с неолитических времен, продолжали развиваться и в бронзовом веке. Важно отметить, что к концу бронзового века профессиональное разделение труда зашло уже весьма далеко. Гончары и кузнецы явно выделились в отдельные специализированные группы, занимавшие особое положение в обществе.

Рис. 13. Бронзовый щиток с изображением обнаженного земледельца, пахущего поле мотыгой. Возможно, рисунок зафиксировал какой-то обряд, связанный с культом плодородия (отсюда и нагота, обычно имеющая ритуальный контекст в аграрных культурах). Обнаружен при раскопках в квартале Кведжондон, г. Тэджон.

Жилища бронзового века явно ведут свою генеалогию от неолитических. Обычно это — все та же прямоугольная полуземлянка. Иногда встречаются жилища круглой формы (преимущественно в юго-западных областях). Пол утрамбовывался глиной, иногда покрывался плитками. Столбы у стен и в центре поддерживали двухскатную крышу. Обычно площадь жилища варьировалась от 20 до 50 кв. м. В первом случае, скорее всего, в жилища обитала молодая пара, во втором — семья из двух-трех поколений. На одного человека обычно приходилось около 10 кв.м. жилой площади — почти в два раза больше, чем в неолите. В поселке обычно имелось несколько «больших домов» — центров общинной жизни и ремесленного производства.

5) Погребения. Проблема мегалитов на Корейском полуострове

Начавшую выделяться из общинного коллектива в бронзовом веке прото-элиту хоронили в могилах из каменных плит («каменные ящики»). По своим истокам этот вид погребений связан, как кажется, с южносибирской культурой бронзы II—I тыс. до н. э. (андроновской и карасукской). Распространенные как на Корейском полуострове, так и в Южной Маньчжурии, эти погребения представляют собой подобию ящиков, сложенные из сланцевых плиток. Иногда встречаются сравнительно длинные (до 2,5 м) «ящики», позволявшие хоронить тело в выпрямленной позе. В более тесные погребения тело укладывалось в скорченном виде.

Как считают многие ученые, свое продолжение культура захоронений в «каменных ящиках» нашла в дольменах. Дольмены, как и другие виды мегалитов (масштабных каменных сооружений), — примета бронзовой культуры, типичная для значительной части Евразии. Дольмены можно встретить в Европе (знаменитый Стоунхедж в Великобритании), Южной Индии, Юго-Восточной Азии, Северном Китае. Корейские дольмены, в их классической форме, почти не отличаются от дольменов Южной Маньчжурии. Классический корейский (маньчжурский) дольмен (точнее, дольменообразный склеп) — столовидное сооружение, где две большие подпорки поддерживают широкую и тяжелую «крышу». Пространство между «крышей» и подпорками служило, по-видимому, погребальной камерой. В этом смысле классический дольмен представлял собой погребение в каменном ящике (склеп), вынесенное наружу, на землю, и значительно увеличенное в размерах. Район наибольшего рас-

пространения классических дольменов — Южная Маньчжурия и северная часть Корейского полуострова (к северу от р. Ханган). Поэтому их часто называют «северными».

В свою очередь, модифицированная форма дольмена — очень большая «крыша» и низенькие удлиненные подпорки — известна как «южная». Этот тип встречается преимущественно к югу от р. Ханган. Под «южным» дольменом обычно можно найти подземное погребение в «каменном ящике». Наименования «северный» и «южный» достаточно условны. Оба типа, в принципе, можно встретить по всей территории полуострова (за исключением крайнего северо-востока), часто в близком соседстве. Речь идет лишь о сравнительной частоте распространения этих типов на севере и на юге. Как предполагается, дольмены классического типа пришли на полуостров вместе с бронзовой культурой из Южной Маньчжурии в начале I тыс. до н. э. Переход к модифицированному стилю произошел, видимо, где-то в III в до н. э. и был, возможно, связан с серьезными культурными сдвигами (распространение железа и т. д.). Всего на Корейском полуострове насчитывается около 30 тыс. дольменов. Их не без основания считают символом корейской бронзовой культуры.

Будучи прежде всего могилами общинных родоначальников и старейшин, дольмены служили одновременно и местами общинного культа. Именно связь этих гигантских погребений с религиозными обрядами давала зарождавшейся родовой верхушке возможность мобилизовать общинников на строительство. Таким образом, принципиально новая по содержанию социальная акция (строительство гигантского погребения для общинного старейшины), реально повышавшая прежде всего престиж старейшины и его потомков, подавалась как органическое продолжение общинной традиции. Тенденция к идентификации рудиментарных форм отчуждения общинного труда с общинными традициями и религиозными обрядами вообще характерна для первобытных социумов на начальных этапах процесса классовообразования. На этих этапах зарождающаяся знать еще слишком слаба для того, чтобы использовать в отношении общинников открытое принуждение и полностью свести отношения «лидер-общинники» к вертикальной связи «начальник-подчиненные».

Дольмены в Корее часто встречаются в форме скоплений в плодородных долинах — центрах жизнедеятельности людей бронзового века.

Рис. 14. Знаменитый дольмен «северного» типа у деревни Пугынни на о. Канхвадо. Под этим мегалитом может пройти человек. В окрестностях этого дольмена известно еще около 80 дольменов меньшего размера.

Одно из наиболее известных скоплений обнаружено в районе деревень Чуннимни и Тосанни в уезде Кочхан пров. Сев. Чолла. Там найдено около 1000 дольменов, в основном располагавшихся на склонах холмов, между древними поселениями на холмах и полями. Дольмены там образуют своеобразные «ряды». По-видимому, захоронения производила одна и та же община на протяжении долгого времени. Кочханское скопление — самое южное массовое скопление «северных» дольменов (хотя определенный процент составляют в нем и дольмены «южного» типа). «Крышки» кочханских дольменов часто напоминают облик черепахи — символа плодородия и долгожительства у протокорейцев. Ориентированы дольмены Кочхана обычно по оси восток-запад, что намекает на их возможную связь с культом Солнца.

Рис. 15. Один из самых больших «северных» дольменов Кочхана. «Крыша» весит более 10 тонн. Ее переноска требовала мобилизации труда 80–90 человек. Выщербы на стыке подпорок и «крышки» заделывались кусочками глинистой слюды.

Рис. 16. Черепахообразный дольмен в деревне Куамни, уезд Пуан пров. Сев. Чолла. Видимо, был культовым центром бронзового века. Черепаха в корейской архаической культуре символизировала долголетие и плодородие.

Воздвижение дольменов требовало единовременной мобилизации значительных людских ресурсов. То, что такая мобилизация была возможна, говорит о возросшем уровне организации общества. Кроме того, обнаруживается значительная разница в величине дольменов в одном скоплении, различия в количестве и качестве бронзовых и каменных предметов, найденных в дольменных погребениях. Это говорит о начавшемся процессе расслоения как внутри каждой общины, так и между сильными и слабыми общинами. В то же время, дольмен следует рассматривать не просто как «погребение могущественного вождя» и «символ влияния общинной знати» (односторонняя интерпретация в этом направлении популярна среди южнокорейских специалистов), но одновременно и как сакральный символ общины в целом, центр родовой и общинной культовой жизни. Учитывая отсутствие серьезных конструктивных различий между дольменами одного и того же типа (отличается только величина) и значительное типологическое сходство

предметов престижа из практически всех дольменных погребений, степень социального расслоения «дольменного общества» не стоит преувеличивать. За исключением части территории Северной Кореи и Маньчжурии, где процесс классообразования зашел достаточно далеко, протокорейское общество оставалось в целом на достаточно примитивном этапе процесса социального расслоения вплоть до наступления раннего железного века.

6) Религия и искусство

К сожалению, материалов по духовной жизни протокорейцев бронзового века сохранилось очень мало. Ясно, что важнейшим центром культовой жизни общины были дольмены — погребения предков вождей. В представлениях протокорейцев духи предков были, по-видимому, хранителями общины, ответственными за плодородие земли и урожай злаков. В этом смысле представления о «духах предков» и «духах злаков» сливались друг с другом. С дольменами также связывают культ камней и гор, который затем получил свое дальнейшее развитие на более поздних этапах древнекорейской истории. Все эти формы религии достаточно типичны для раннеземледельческих обществ. Расположение дольменов в некоторых скоплениях, напоминающее по форме созвездие Большой Медведицы, заставило некоторых ученых предположить, что широко распространенный до сих пор шаманский культ Большой Медведицы восходит к бронзовому веку. Так это или нет, неясно. Понятно лишь, что на дольмене концентрировалась духовная жизнь коллектива в ее самой ранней, синкретической форме, когда из общинного обряда не выделились еще до конца различные виды культов и различные жанры искусства.

Кроме дольменов, центрами культовой жизни были, по-видимому, скалы у берегов рек, испещренные петроглифами. О времени появления корейских петроглифов в том виде, в котором они дошли до нас, идет много дискуссий. Существует мнение, что в большинстве случаев изображения выполнялись уже железными орудиями в раннем железном веке. Возможно, что это действительно так. Но и в этом случае изображения делались, скорее всего, на скалах, имевших религиозное значение и ранее, в эпоху бронзы, и по канонам, восходившим к бронзовому веку. Часто встречающийся в корейских петроглифах геометрический мотив круга и расходящихся концентрических линий связан, как кажется, с культом Солнца — источника света и плодородия.

Рис. 17. Петроглифы на скале Пангудэ.

Самые известные петроглифы с реалистическими изображениями — скала Пангудэ (деревня Тэгонни под г. Ульсан, пров. Юж. Кёнсан) на небольшой речке Тэгокчхон (приток р. Тхэхваган, впадающей в Японское море). Кол-

лектив охотников, обитавший в этих местах, наверное, еще с неолитических времен, изображал на этой скале многочисленных животных, охотничьи сцены и обряды. Рисунки морских черепах и китов с детенышами говорят, по-видимому, как о религиозном почитании этих животных, так и об их роли в хозяйственной жизни. Изображение кита, проткнутого гарпуном, и сцен охоты на китов и тюленей могло служить также своеобразным «учебником» охоты для молодых поколений. Из сухопутных животных изображены кабаны, олени, тигры. Люди изображаются в различных, в том числе ритуальных позах — в маске (видимо, шаманской), с поднятыми кверху или широко раскинутыми руками, танцующими и т. д. Изображения лодок можно истолковать и как реалистические, и как религиозно-символические — рассказывающие о пути души через водный поток (отделяющий «этот» мир от «того») в царство смерти. Кроме скалы Пангудэ, о религии бронзового века говорит и одно из изображений на уже упоминавшемся

Рис. 18. Изображения птичек на бронзовом щитке из Кведжондона (г. Тэджон).

ся выше в связи с «земледельческими» рисунками бронзовом щитке из квартала Кведжондон (г. Тэджон). На нем изображены две птицы на ветви дерева. По-видимому, эта картинка может рассказать нам об истоках характерного для ранних государств Кореи культа птиц — символов Небесного мира и отделившейся от тела души человека. Впрочем, подобный культ не являлся характерным только лишь для Кореи, будучи свойствен и многим другим древним обществам.

В целом, к бронзовому веку относится отчетливо запечатленный в памятниках искусства процесс первичного зарождения основных культов древнекорейского общества. Среди них можно назвать солярные и астральные верования, культ предков — духов плодородия, культы, связанные с животными, и т. д. В то же время — за исключением, быть может, более развитых южноманьчжурских и северокорейских территорий — Корея бронзового века не знала еще институционализированной религии. Разрозненные обряды (магические танцы в масках и т. д.) и представления (о магической роли изображений Солнца, птиц, черепах) не были пока объединены в единую и связную систему; шаманы и маги не стали еще профессиональными служителями культа, частью идеологической «настройки» классового общества. На том раннем этапе процесса социальной стратификации, на котором находилось протокорейское общество бронзового века, они были, скорее, выразителями «коллективного сознания» общины как целого, хранителями ее обрядов и традиций.

2. Проблема происхождения Древнего Чосона

Вопрос о Древнем Чосоне — протогосударственном объединении протокорейских племен севера Корейского полуострова и Южной Маньчжурии I тыс. до н. э. — один из наиболее дискутируемых в корейской исторической науке. По многим аспектам этой проблемы мнения ученых значительно расходятся, что не в последнюю очередь связано с крайней скудностью материала. Основные аутентичные упоминания о Древнем Чосоне мы находим в китайских источниках ханьского времени (II в. до н. э. — II в. н. э.) в крайне разрозненном виде. Другой фактор, осложняющий выработку единой научной позиции, — политическое «звучание» проблемы. Традиционно с конца XIII в. Древний Чосон считался «первым корейским государством», родоначальником корейской государственной традиции. Мифический «основатель» Древнего Чосона, Тангун, почитался как «прародитель» корейской нации, символ этнического единства корейцев, самостоятельности истоков их культуры. Впрочем, при этом доминирующего положения в позднесредневековой неоконфуцианской системе культурных символов он не занимал. В колониальный период (1910–1945), борясь против ассимиляционистской политикой японской администрации и, в то же время, соглашаясь, по сути, с популярным у части японских националистов догматом о «чистой», «чистокровной» нации как высшей форме существования этноса, корейские националисты превратили Тангуна в высший символ «корейской этнической гомогенности». Как в Южной, так и Северной Корее, вплоть до настоящего времени, Тангун как символ «единокровной нации» используется для националистической индоктринации в системе образования. В этих условиях попытки объективно-исторического подхода к проблеме Древнего Чосона не могут не натолкнуться на трудности. В Северной Корее, где власти объявили Тангуна «реальной исторической фигурой» и даже «обнаружили его останки» (рис. 19), такие попытки сейчас и вовсе невозможны. В связи с этим любые истолкования проблем, связанных с Древним Чосоном, должны восприниматься не просто как «историографические теории», а как формы осознания и интерпретации традиционных культурно-политических символов определенными общественными группами, преследующими определенные цели.

Согласно известному лишь в записи конца XIII в. мифу о Тангуне (в более ранних памятниках не зафиксирован; здесь использована версия, приводимая в составленном буддийским монахом Ирёном в 1285 г. сборнике *Самгук юса*), Государь Небес Хванин послал некогда своего сына, «Небесного Правителя» Хвануна, управлять Землей из Священного Города на вершине горы, под Деревом Божественного Алтаря. Хванун управлял всем сущим, в том числе земледельческими работами, с помощью духов Ветра, Облаков и Дождя. Медведь и тигр, желавшие превратиться в людей, обратились к Хвануну с просьбой помочь им в

Рис. 19. Объявив Тангуна «реально существовавшим историческим лицом», северокорейские власти «обнаружили в результате раскопок» «останки» Тангуна и его семьи и возвели для них в 1994 г. громадный мавзолей.

этом. Дав им волшебной полыни и чеснока, Хванун приказал поститься в пещере сто дней. В итоге лишь медведь выдержал все испытания и успешно превратился в женщину. Став временной супругой Хвануна, женщина-медведица родила Тангун-Вангома, взошедшего на престол в Пхеньяне на пятидесятом году правления китайского императора Яо (XXIV в. до н. э.; более поздние толкования относили восшествие Тангуна на престол к 2333 г. до н. э.) и управлявшего основанным им государством Чосон полторы тысячи лет. В 1122 г. до н. э., когда мудрец Цзицзы был послан Чжоуской династией

управлять землями «восточных варваров», Тангун отказался от престола и превратился в горного духа, всего прожив 1908 лет.

Даже поверхностное знакомство с вышеприведенным мифом позволяет отметить, прежде всего, явные хронологические несообразности. Так, значительна разница между якобы «полуторатысячелетним» «правлением» Тангуна и конкретно упомянутыми датами его «восшествия на трон» и «превращения в духа» («пятидесятый год правления Яо» в XXIV в. и 1122 гг. до н. э.). Явственны и многочисленные наслоения поздних религиозно-философских представлений. Скажем, написание имени Хванин заимствовано из китайских транскрипций имени буддийского божества Шакра Деванам Индра. Искусственным кажется и приурочивание «восшествия Тангуна на престол» к одному из годов царствования мифического первого императора Китая, Яо. Ясно, что, сопоставляя Тангуна с Яо, корейская элита XIII в. желала «удревнить» истоки своей культуры, поставить ее в один ряд с референтной для региона китайской. Однако, при трезвом учете объема поздних «наносных» элементов в мифе, не следует полностью отказываться и от попыток найти в нем «коренной» слой, в той или иной форме отражающий реалии протокорейской культуры бронзового века.

Так, представление о сакральности общинного центра, построенного на священном холме под «деревом духов», кажется действительно относящимся к религиозным реалиям бронзового века. Это представление — вариант универсальной мифологемы «мировой оси», представляющей священный «центр мира» в виде пространственной вертикали (мирового дерева или горы). По-видимому, на основе подобных представлений эпохи бронзы сложился культ священных деревьев и гор, свойственный протокорейцам раннего железного века. Культ верховного

небесного божества, отвечающего за плодородие во Вселенной (т. е., на языке мифа, «повелевающего духами облаков и ветров»), также вполне мог присутствовать у ранних земледельцев Кореи. Конечно, имя Хванин было приписано этому божеству гораздо позже. Употребление культовых снадобий (из считавшихся священными полыни и чеснока), в сочетании с изоляцией в пещере, действительно могло быть частью принятых у протокорейцев инициационных обрядов (связанных, как и везде в мире, с взрослением, браком, и т. д.). Культ медведя и тигра мог присутствовать еще у неолитических обитателей Корейского полуострова и Южной Маньчжурии, хотя археологически доказать этот тезис пока не представляется возможным. Возможно, заслуживает внимания и популярная в южнокорейских научных кругах теория, согласно которой упоминание этих животных в мифе о Тангуне может отражать процесс ассимиляции неолитического населения протокорейской бронзовой культурой (хотя и этот тезис не кажется на сегодня доказуемым). Представление о государе как «сыне» верховного небесного божества, возможно, относилось уже к самому позднему этапу существования Чосона (III–II вв. до н. э., эпоха раннего железа), когда верховная власть могла попытаться использовать традиционный культ Неба как идеологический инструмент, для легитимизации своего положения. Небезынтересно (хотя, опять-таки, недоказуемо) и бытовавшее еще с колониальных времен в корейских исторических кругах предположение, что именно титулом самых поздних государей Чосона и было двуединое наименование «Тангун-Вангом», расшифровывающееся, якобы, как «жрец-государь». Как и во многих ранних государствах древности, в Чосоне на последнем этапе его развития правящая верхушка могла сочетать административно-военные и культовые функции (хотя ничего похожего на монументальные культовые памятники древних ближневосточных теократий в чосонских археологических слоях и не найдено). В целом, основы мифа о Тангуне сложились, скорее всего, как часть идеологического комплекса чосонской монархии на самом позднем этапе существования Чосона (III–II вв. до н. э.). Хотя они, как кажется, и создавались на базе протокорейских культов предшествующей, бронзовой, эпохи, скудость дошедших до нас в поздней обработке материалов по Тангуну делает крайне гипотетичной реконструкцию более ранних верований на основе этого мифа.

Рис. 20. Изображение Тангуна, официально принятое в Южной Корее. В отличие от Северной Кореи, официально современные южнокорейские власти не настаивают на "реальности" Тангуна, но все равно активно используют связанную с ним символику.

정부지정 표준 단군영정

Что же представляло собой социально-политическое состояние протокорейских племен Южной Маньчжурии и северной части Корейского полуострова в эпоху бронзы? Чем был Чосон до наступления эпохи железа (рубеж IV–III вв. до н. э.)? Видимо, этноним «чосон» первоначально относился к группе протокорейских общин Ляодуна (земель к востоку от р. Ляохэ), выделявшихся по определенным признакам (керамика, форма церемониального оружия) из общего массива носителей культуры «скрипкообразных» мечей (*дунъи* — «восточные варвары» — в китайской терминологии) и составлявших достаточно рыхлую общность. Возможно, эта общность претендовала на какое-то (скорее всего, преимущественно культурно-религиозное) влияние над соседними, более слабыми вождествами. Однако необходимо заметить, что вплоть до V–IV вв. до н. э. признаки масштабной и институционализированной стратификации (как межобщинной, так и внутриобщинной) в протокорейских погребениях прослеживаются очень плохо. Конечно, бронзовое оружие выделяло зарождавшуюся общинную знать, но это был символ, скорее, авторитета (основанного на добровольном следовании общинников за лидером), чем власти (основанной на возможности легитимного применения силы по отношению к непослушным). Точно так же строительство дольменов, возвышавшее, в реальности, авторитет вождей и жрецов, было, с точки зрения общинников, религиозно-культовым мероприятием, нужным всей общине и основанным на ее традициях. В этом смысле протокорейские племена до V в. до н. э., несмотря на присутствие бронзы, не перешли еще полностью грани, отделяющей докласовое общество от раннеклассового. Особенную разницу в уровне богатства между погребениями различных общин первой половины I тыс. до н. э. также трудно отметить. Протокорейское общество было еще мало стратифицировано как по «вертикали», так и по «горизонтали».

Однако в V–IV вв. до н. э. ситуация начала радикально меняться. Междоусобицы периода Воюющих Царств (Чжаньго) заставили мигрировать на Ляодун тысячи китайских семей, принесших с собой более развитую культуру металла, лучшие навыки земледелия, и отчетливые представления о государственности. Протокорейские общины, сумевшие эффективно освоить новые социально-культурные навыки, начинают заметно выделяться на общем фоне. В некоторых могилах этого периода обнаруживается по несколько десятков (а иногда и сотен) бронзовых предметов, что явственно показывает резкое усиление внутриобщинной и межобщинной стратификации. Рыхлый союз более сильных общин превращается теперь в жестче организованную конфедерацию, известную как «Чосон». Чосон пытается усилить влияние на менее развитых соседей. Сильнейшие общины конфедерации, в свою очередь, начинают выдвигать лидеров, претендующих уже на представительство интересов всех протокорейских племен как целого. Именно такими лидерами были, по-видимому, «государи» Чосона на-

чала IV в. до н. э., упоминаемые в китайских источниках. Пользуясь поддержкой менее значительных вождей, они смело шли на конфронтацию с китайским государством Янь (район современного Пекина), вторгаясь в его пределы и препятствуя его экспансии на север. Противостояние китайской экспансии сопровождалось одновременным заимствованием более развитой китайской культуры: без этого эффективное сопротивление было бы невозможно. Постепенно протокорейские общины становились вождествами (чифдомами). Вождество — это политический организм, где правитель и знатные кланы уже выделены, но институты государственного принуждения еще не оформлены. Военно-политической конфедерацией протокорейских вождеств и был Чосон к началу IV в. до н. э.

К концу IV в. до н. э. укрепление Янь, активизация яньской экспансии на север и торговли китайцев с северо-восточными соседями опять действуют как катализаторы процесса социального развития в Чосоне. На рубеже IV—III вв. до н. э. яньский полководец Цинь Кай совершает поход на север и подчиняет (по крайней мере, формально) значительную часть населенных протокорейцами ляодунских земель. Центр Чосонской конфедерации перемещается с Ляодуна в район современного Пхеньяна (на р. Тэдонган). Сама конфедерация значительно укрепляется. Отпор китайской экспансии начинает осознаваться протокорейскими вождями как важнейшая общая задача. В то же время заимствованная у китайцев в начале III в. до н. э. технология железа сделала сельское хозяйство чосонских общин продуктивней и дала чосонским дружинам новое, более эффективное оружие. Излишки сельскохозяйственного производства становятся предметом активной торговли с яньцами. Ножевидные китайские монеты *миндао* в большом количестве обнаруживают в северных районах Корейского полуострова, тогдашнем «пограничье» между Янь и Чосоном. Торговля обогащала зарождающуюся чосонскую элиту, еще больше возвышая ее над соплеменниками. Символом престижа чосонских вождей становится распространившийся к югу от р. Чхончхонган с начала III в. до н. э. узкий бронзовый кинжал (*сехён тонгом*). В то же время для собственно военных целей начинает использоваться железное оружие. Максимально используя контакты с Янь, нарождающаяся чосонская элита III в. до н. э. не допустила в то же время распространения китайской экспансии на территории к югу от р. Чхончхонган, предотвратив тем самым ассимиляцию протокорейцев древнекитайским этносом. Чосон — конфедерация протокорейских вождеств III в. до н. э. — был типичным «вторичным» раннеклассовым обществом. Развитие социального неравенства и отношений власти-подчинения было катализировано у чосонцев влиянием более древней и развитой («первичной») культуры и в целом шло по модели этой культуры.

б) РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ. РАСЦВЕТ И ПАДЕНИЕ ЧОСОНА. КИТАЙСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА. (III–I вв. до н. э.)

1. Ранний железный век на Корейском полуострове

Массовое проникновение железных изделий китайского производства (часто вместе с северокайскими ножевидными монетами) в северные районы Корейского полуострова началось на рубеже IV–III вв. до н. э., когда в связи с экспансией Янь на север центр Древнечосонской конфедерации переместился в район современного Пхеньяна. Первоначально большая часть железных предметов импортировалась из Северного Китая. Для более позднего периода характерно местное производство, в основном, по-видимому, силами китайских эмигрантов. Ко II–I вв. до н. э. железо, вместе со многими другими элементами маньчжурско-северокайского культурного комплекса (прежде всего коневодством), распространилось вплоть до самых южных районов полуострова. Применение железа кардинально изменило облик протокорейского общества. Увеличилась производительность сельскохозяйственного труда и объём излишков, а значит, и возможности элиты по изъятию и перераспределению прибавочного продукта. С появлением нового, железного, вооружения, значительно ожесточенней стали войны между вождествами. Ускорился процесс усиления более «передовых» (быстрее заимствовавших новую технологию) вождеств, покорявших и облагавших данью более слабых соседей. Не могла не укрепиться и Древнечосонская конфедерация, к началу II в. до н. э. приобретающая некоторые черты раннего протогосударства. С падением Чосона в 108 г до н. э. значительная часть северокорейских территорий оказалась под прямым контролем ханьского Китая, что не могло не катализировать развитие материальной культуры и этнического самосознания. Значительное число чосонских беженцев оказалось в южных областях полуострова, что сильно ускорило распространение там передовых технологий и форм хозяйства. Наконец, на всем протяжении эпохи раннего железа протокорейские эмигранты продолжали прибывать на острова Японского архипелага (прежде всего на север о. Кюсю), принося туда более совершенные формы рисоводства, культуру железа, новые формы погребений, и т. д. В целом, эпоха раннего железа была решающим этапом в процессе перехода к классовому обществу на Корейском полуострове, в оформлении протокорейской этнокультурной общности.

В области материальной культуры, железо использовалось прежде всего для практических целей, в производстве хозяйственных и военных орудий. Типичное бронзовое орудие III–II вв. до н. э. — литой бронзо-

вый топор-мотыга (*чхольбу*). Железные серпы — по крайней мере, в северной части полуострова, — начинают в массовом порядке вытеснять каменные жатвенные ножи предшествующей эпохи. К I в. до н. э. железные ножи как оружие начинают использоваться и в самых южных районах полуострова. Если железные орудия III–II вв. до н. э. были в основном литыми, то в I в. до н. э. распространяется, в том числе и на юге полуострова, мастерствоковки. Очень скоро производство железа и железных орудий стало своеобразной «специализацией» южных районов Кореи. Уже во II–III вв. н. э. железные орудия мастеров южной части полуострова начинают экспортироваться в китайские колонии на севере полуострова и на Японские острова. Так заимствованная у китайцев техника обработки железа быстро и успешно укоренилась и стала самостоятельно развиваться в протокорейском обществе.

Рис. 21. Так реконструируют этнографы облик хозяина «погребения с деревянным внешним гробом», раскопанного у деревни Тахори под г. Чханвон (пров. Юж. Кёнсан). В погребении, относящемся, по-видимому, к самому позднему периоду раннего железного века, были обнаружены как кованые железные орудия и оружие (ножи и копья) вместе с кузнечными принадлежностями (молот, наковальня, щипцы), так и китайские монеты и кисти для письма. Ясно, что к этому времени влияние северокитайско-маньчжурского культурного комплекса (включавшего начатки китайского иероглифического письма) уже дошло до крайнего юга полуострова. Кроме того, в погребении обнаружены сосуды, покрытые как черным, так и красным лаком, что говорит о раннем заимствовании техники лакировки протокорейцами.

Бронзовое ритуальное оружие — символ власти племенных вождей — приобрело в раннем железном веке новую форму, известную как «узкие бронзовые кинжалы» (*сехён тонгом*). Узкое и почти прямое лезвие (обычно очень хрупкое) резко отличает эту форму от «скрипковидных» кинжалов бронзового века (рис. 22). Престиж хозяина «узкого кинжала» почеркивала роскошно украшенная рукоятка (изготавливавшаяся отдельно). Украшения на рукоятке часто имели сакральное значение — изображались животные, служившие объектами религиозного культа (птицы, лошади, и т. д.). Весьма возможно, что это показывает

двойственный статус вождей раннего железного века, по-прежнему исполнявших определенные жреческие функции. Престиж вождя повышали также ножны ритуального бронзового оружия, часто украшавшиеся искусно отлитыми бронзовыми пластинами (рис. 23). Центром культуры «узких кинжалов» был Древний Чосон, и именно с масштабом его влияния на ближних и дальних соседей связывают быстрое распространение этой культуры вплоть до крайнего юга Кореи.

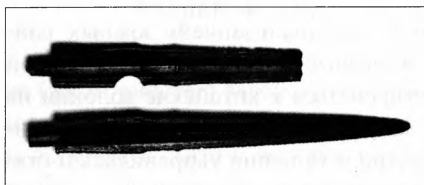

Рис. 22. Два «узких кинжала» позднего типа, обнаруженные в 1966 г. в квартале Манчхондон района Сусонгу г. Тэгу.

Если бронзовое оружие символизировало военно-административный авторитет нарождавшегося правящего класса, то многочисленные бронзовые культовые предметы раннего бронзового века подчеркивали сакральный, религиозный авторитет племенных вождей. Наиболее широко из-

вестная категория бронзовых ритуальных предметов этой эпохи — бубенцы и колокольчики различной формы. Украшенные затейливым «растительным» узором, они использовались для того, чтобы «отогнать» злых духов и «призывать» добрых. Бубенцы используются с теми же целями в корейских шаманских ритуалах по сей день. Технология изготовления ритуальных бронзовых колокольчиков распространилась из южной части Корейского полуострова на Японские острова. Там бронзовые колокольчики (*дотаку*) стали одной из примет позднего этапа культуры яёй.

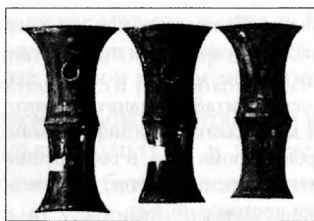

Рис. 23. Так выглядели бронзовые украшения, приделывавшиеся к ножнам ритуального бронзового оружия раннего железного века (найлены в квартале Кведжондон, г. Тэджон, в 1967 г.).

Вместе с музыкальными инструментами, важную ритуальную роль продолжали играть бронзовые зеркала, теперь покрывавшиеся частым, более изящным и упорядоченным геометрическим узором. В узор важную роль играло число 8, которое в древнекорейской, как и в древнеяпонской культуре, символизировало «многочисленность», «богатство» и «плодородие». Другим средством поддержания и повышения престижа правящего класса были бронзовые и яшмовые украшения как часть парадного одеяния. Некоторые из этих бронзовых украшений выполнены под явным влиянием мотивов скифо-сибирского «звериного

стиля» и северокайского искусства ханьского времени. Таковы, скажем, бронзовые изображения тигра и лошади, носившиеся на поясе. Использование яшмы для украшения парадных и ритуальных предметов распространилось из Кореи на Японские острова, став важным элементом культуры яёй.

Все вышеперечисленные ритуальные предметы и символы престижа (бронзовое оружие, зеркала, колокольчики и бубенчики, бронзовые и яшмовые украшения, и т. д.) были в раннем железном веке принадлежностью зараждавшегося господствующего класса в целом. Окончательное отделение ритуально-жреческих функций от военно-административных произошло значительно позже, в первые века нашей эры. В раннем железном веке вожди сочетали функции жрецов и претендовали на соответствующий сакральный авторитет, укрепляя тем самым свои еще не институализированные власть и влияние.

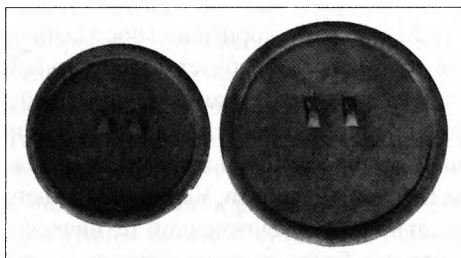

Рис. 24. Бронзовые зеркала раннего железного века (стоянка Тэгонни, уезд Хвасун, пров. Южная Чолла). Отличаются наличием более чем одной ручки, очень гладкой отшлифованной поверхностью и характерным геометрическим узором из нескольких concentрических кругов и расходящихся от центра пучками лучеобразных линий. Предполагается связь с культом Солнца.

В области погребального ритуала также, при общем продолжении традиций бронзового века, наблюдались определенные изменения. С одной стороны, продолжали использоваться погребения типа «каменного ящика», унаследованные от предыдущей эпохи. Типичный пример таких погребений из эпохи раннего железа — могилы, обнаруженные в районе Кведжондон г. Тэджона. Ориентированные по оси север-юг и достаточно длинные, они позволяли класть тело покойного в полный рост. С другой стороны, под влиянием китайской (и, возможно, южно-сибирской бронзовой) культуры начинают использоваться деревянные склепы (так называемые «внешние гробы» — *мокквак*), над которыми часто делалась земляная насыпь — прототип будущих курганов IV–V вв. н. э. Как и в Китае и Японии, для погребения детей и подростков часто использовались также урны (*онгван*) — глиняные сосуды больших размеров.

Рис. 25. Протокорейские бронзовые колокольчики (квартал Кведжондон, г. Тэджон) — прототип более поздних бронзовых колокольчиков периода Яёй на Японских островах. В историческое время колокольчики очень похожей формы привешивались к стрехе. При дуновении ветра они издавали звук, отпугивавший, по поверьям, злых духов.

В быт обитателей Корейского полуострова ранний железный век принес немалые изменения. Процесс увеличения наземной части дома-полуземлянки за счет подземной в итоге привел к появлению «нормального» надземного жилища, хорошо известного по более поздним памятникам. На севере полуострова начинает распространяться подогреваемый пол (*кудыль*, или *ондоль*) — оригинальное техническое приспособление, которому в итоге суждено будет стать главной отличительной чертой традиционного жилища в маньчжурско-корейском культурном ареале. По своему происхождению это приспособление, несомненно, связано с традицией использования подогреваемых лежанок (кит. *кан*) в северо-восточном Китае в древности. Керамика раннего железного века становится значительно более усложненной технически. Появляется ряд черт, сохранившихся и в более поздние периоды — высокая подставка (поддон), тонкая и длинная шейка, и т. д. Выделяются особые виды керамики (скажем, гладкие черные сосуды), использующиеся преимущественно в ритуальных целях. Это говорит о растущем усложнении религиозного сознания. Производить керамику становится теперь быстрее и проще, так как гончарный круг и гончарная печь получают повсеместное распространение.

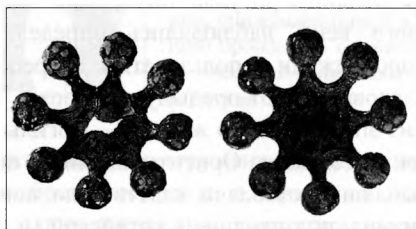

Рис. 26. Знаменитые «восьмиконечные бронзовые бубенчики» (*пхальджурён*). Обнаружены в 1971 г. при раскопках на стоянке Тэгонни (уезд Хвасун, пров. Юж. Чолла). Изделия подобного типа обычно обнаруживаются парами. По-видимому, во время шаманской церемонии вождь-жрец держал по одному такому бубенчику в каждой руке. Украшены узором в виде солнечных лучей, что свидетельствует о характере ритуалов, в которых эти бубенчики использовались.

В целом, как можно заметить, развитие материальной и духовной культуры в процессе расширения контактов с высокоразвитой китайской цивилизацией создало все предпосылки для политического оформления вожеств полуострова и Южной Маньчжурии в протогосударственную общность. Именно в такую общность и переросла в III—II вв. до н. э. конфедерация протокорейских вожеств, известная как Древний Чосон.

2. Расцвет и падение Чосона

В III—II вв. до н. э. в связи с общим ростом производительных сил и невиданным ранее укреплением контактов с Северным Китаем в центральных районах Древнечосонской конфедерации начинается период скачкообразного усиления социальной дифференциации и создания новых, протогосударственных структур. Именно в этот период племенных вождей начинают хоронить особым образом — отдельно от остальных, в деревянных гробах северокайского типа, с большим количеством боевого железного и ритуального бронзового вооружения. В этот период традиционное влияние и авторитет вождей переросли уже в ранние формы институционализированной власти. Вожди, опираясь на переданные их кланам дружины, получили возможность применять открытое принуждение по отношению к рядовым общинникам и стали резко выделяться особым стилем жизни и культурой. Одновременно с укреплением власти вождей как социального слоя происходит и институализация власти лидеров Древнечосонской конфедерации над сферой их военно-политического влияния. Из «первых среди равных» они становятся военно-политическими и религиозными лидерами, обладающими правом мобилизовать протокорейские племена на войны с китайцами и монополизировавшими, до определенной степени, торговлю с Янь и распределение «престижных товаров» из Китая.

Постоянные стычки с яньцами весьма помогали древнечосонским властителям укрепить их власть. Противостояние китайцам было общей задачей. Оно давало право мобилизовать все подчиненные Древнему Чосону протокорейские вожества на войну и глубже вмешиваться в их внутреннюю политику. Военно-политическое усиление древнечосонских правителей отразилось и в культово-религиозной области. Именно в III в. до н. э. был, по-видимому, окончательно кодифицирован миф о Тангуне, дававший древнечосонскому правящему клану «право» на освященную верховным божеством Неба власть, одновременно светскую и духовную. Легенда о древнекайском мудреце Цзи-цзы (кор. Киджа), якобы «пришедшим на царство» в Чосон в конце II тыс. до н. э. и «наследовавшим» «династии Тангуна», окончательно оформилась, по-видимому, позже, чем миф о Тангуне, а именно — в раннеханьскую эпоху. Весьма популярная в последующие века как «свидетельство»

«исконной» принадлежности Кореи к китайскому цивилизационному ареалу, она отражала в то же время значительное влияние северо-китайской культуры на процесс становления древнечосонской государственности. В целом, к концу III в. до н. э. Древний Чосон обладал уже многими характерными признаками классического протогосударства. Власть правителя носила, как кажется, смешанный светско-духовный характер. Он обладал солидными мобилизационными полномочиями. Правящий клан монополизировал, до определенной степени, сношения с «передовыми» соседями и редистрибуцию (перераспределение) «престижных товаров» из-за рубежа.

Древнечосонская государственность формировалась под определяющим влиянием более ранних и передовых по тому времени древнекитайских моделей. В этом смысле ее можно считать «вторичной» — оформившейся на цивилизационной периферии в процессе противостояния цивилизационному центру и заимствования его культуры. «Вторичный» характер Древнего Чосона ярко выявился в процессе прихода к власти в 194 г. до н. э. беженца из Янь по имени Вэй Мань (кор. Ви Ман). Вэй Мань (возможно, китаизированный протокореец) и его группа иммигрантов были носителями технических и военных знаний, особенно ценных с точки зрения древнечосонской элиты. Они были радушно приняты правителем Древнего Чосона Чунем, им были пожалованы для поселения земли на западной окраине государства. Видимо, Чун надеялся, что яньский сепаратист Вэй Мань, желавший отделить Янь от Ханьской империи, и его дружина смогут защитить древнечосонские земли от экспансии Хань. Надежды его, однако, оказались необоснованными. Освоившись в древнечосонском обществе, Вэй Мань поднял мятеж и с группой преданных ему сторонников (преимущественно китайских иммигрантов) захватил трон, вынудив Чуна бежать в южные районы Корейского полуострова. Так было положено начало «Чосону Вэй Маня» (194–108 гг. до н. э.) — историческому наследнику Древнего Чосона (до 194 г. до н. э.).

Приход китайского иммигранта к власти не означал, конечно, полной китаизации чосонского общества в этническом аспекте. Вэй Мань и его сравнительно немногочисленная (около тысячи человек) иммигрантская община опирались прежде всего на традиционную древнечосонскую знать и воспринимались как преемники древнечосонских правителей. Их политика была направлена на укрепление государственных начал в целом, что соответствовало и интересам чосонской знати. Опираясь на ее поддержку, Вэй Мань установил тесные отношения с Ханьской империей (признав себя формально вассалом Хань). Вооружив свою дружину железным оружием ханьского образца, он покорил целый ряд окрестных племен (*чинбон*, *имдун*, *окчо* и т. д.). Покоренные племена стали данниками Чосона, что дало в руки Вэй Маню и его преемникам значительные материальные ресурсы. Вэй Мань продолжил начатую еще

правителями Древнего Чосона политику монополизации торговли с китайцами. Он отказывался пропускать торгово-данныческие миссии протокорейских племен юга полуострова к ханьским властям, стремясь выступать в роли торгово-дипломатического посредника. Это приносило ему как авторитет перераспределителя «престижных товаров», так и значительные экономические выгоды. При Вэй Мане и его преемниках Чосон стал серьезным политическим образованием, главным посредником в распространении китайской культуры среди протокорейских племен. С ним не могли не считаться и ханьские имперские власти.

По своему социально-политическому развитию Чосон Вэй Маня оставался, однако, на уровне протогосударства. Основной политико-административной единицей были, как и в Древнем Чосоне, вожества. В каждом из них клан вождя управлял районом из нескольких десятков, а иногда и сотен поселений (обычно всего из 500–2000 дворов). Вожества выставляли, по призыву чосонского правителя, свои войска и обычно не могли регулярно сноситься с китайцами от своего имени. В остальном, однако, они были практически независимы. Вождей Чосона китайская историография именует «министрами» (кор. *сан*), хотя ничего общего с позднейшей бюрократией они не имели. Этот слой обладал решающим влиянием на выработку правителем политического курса.

Бюрократии, способной обуздать местную знать, у Вэй Маня и его наследников практически не было. Основой их влияния была преданная им дружина, возглавлявшаяся воеводой с титулом «помощника правителя» (кор. *пиван*). В военное время ополчением подчиненных Чосону вожеств командовали «полководцы» правителя. Чосонское общество знало уже патриархальное рабство (обычай карал обращением в раба за воровство), но основой социально-экономической системы оставался труд свободных общинников. Часть его присваивалась знатю в форме освященных традицией церемониальных подношений. Земля оставалась, по-видимому, в общинной собственности. В целом, чосонское общество II в. до н. э. демонстрировало типичную черту протогосударства — зародышевый характер армии, налоговой системы, законов и прочих институтов классового принуждения. Из ранних политических образований Китая, Чосон этого периода можно в какой-то степени сравнить с обществом Шан-Инь начала II тыс. до н. э. по общему типу социальной структуры, хотя по абсолютным размерам последнее контролировало значительно большую территорию.

Существование в северной части Корейского полуострова тесно связанного с Китаем «туземного» протогосударства не могло не сыграть роль катализатора в развитии классового общества у протокорейских племен центральной и южной частей полуострова. Приток чосонских и китайских товаров и иммигрантов ускорил выделение у них племенной верхушки, институализацию ее привилегий. Однако власть, узурпированная Вэй Манем, оказалась недолговечной. Проводившаяся Вэй Ма-

нем и его наследниками политика монополизации обменов с Китаем вызвала серьезное недовольство Ханьской империи. Последняя желала, чтобы возможно большее число древнекорейских политий установили бы с ней прямые отношения формального «вассалитета». Это было важно для поддержания имперского престижа среди не китайских племен Северо-Востока. Недовольство ханьских правителей стала разделять и определенная часть чосонских вождей. Чосонская верхушка начала опасаться, что чрезмерно усилившийся двор Вэй Маня может в итоге покуситься на ее прерогативы и автономию. В конце II в. до н. э. некоторые протокорейские вожди, прежде подчинявшиеся Чосону, стали искать возможности перейти под прямой сюзеренитет империи Хань. Это было плохим предзнаменованием для правившего тогда внука Вэй Маня — Вэй Юсюя (кор. Ви Уго). В 109 г. до н. э. ханьский император У-ди, известный своей экспансионистской политикой, спровоцировал конфликт с Юсюем и послал на покорение Чосона более чем 50-тысячное войско. Чосонская армия оказалась способной нанести китайским интервентам несколько поражений, что говорит о достаточно высоких мобилизационных и военно-технических возможностях чосонского общества. Однако антивоенные, проханьские настроения среди определенной части чосонских вождей, от которых сильно зависел Юсюй, решили судьбу Чосона. Несмотря на разногласия и препирательства между ханьскими военачальниками, армия У-ди сумела взять столицу Чосона, крепость Вангомсон (район совр. Пхеньяна). Тем самым чосонцы лишились политической независимости (108 г. до н. э.). На месте Чосона были основаны четыре ханьские округа, из которых наиболее значительным и долговечным был Лолан (кор. Наннан), с центром в районе Пхеньяна.

Чосон, как первая раннеклассовая полития протокорейских племен, занимает в древней истории Кореи особое место. Как известно, этот этнопоним использовался и позже как наименование последней традиционной корейской династии (1392–1910), Сейчас он является этническим самоназванием корейцев КНДР. Это показывает, что Чосон традиционно воспринимался — и воспринимается — как «родоначальник», «источник» независимой корейской государственности, корейского этнического самосознания. Такую же роль в этническом самосознании китайцев играла покорившая Чосон династия Хань. «Ханьцами» стали в конце концов именоваться все этнические китайцы вообще. О том, что более поздняя «государственная» мифология сделала мифического основателя Древнего Чосона, Тангуна, «родоначальником» всех корейцев, уже говорилось выше. Чем же объясняется особое место Чосона в позднейшем этногосударственном самосознании?

Существование раннеклассового протогосударственного общества в северной части Корейского полуострова оказало громадное катализирующее влияние на протокорейские племена Центра и Юга Кореи. Вос-

приняв культуру железа и начатки представлений о государственности от чосонских иммигрантов (или от китайцев, мигрировавших через Чосон), они стали теснее отождествлять себя с более развитыми северянами, стремиться к более обширным культурным контактам с Севером. Эти контакты и привели протокорейцев в конечном счете к представлению о всех насельниках полуострова и примыкающей к нему части Южной Маньчжурии как единой общности. Идеи такого рода стали впоследствии основой для складывания древнекорейского этнического самосознания, в котором Чосону, как «первопроходцу» государственной культуры в протокорейской среде, отводилось особое место.

3. Китайская колонизация северной части Корейского полуострова

С разгромом Чосона подчинявшиеся ему территории были включены в состав вновь созданных в северной Корее и южной Маньчжурии четырех ханьских округов (кор. *хансагун*). Из них самым жизнеспособным и долговечным оказался Лолан (кор. Наннан), основанный на месте бывшего центрального района Чосона Вэй Маня. Административным и культурным ядром Лолана была Чосонская префектура (кор. Чосон-хён). Центр ее оставался там же, где ранее находилась столица Чосона крепость Вангомсон, т. е. в районе нынешнего Пхеньяна. Отсюда можно понять, что, будучи китайской колонией, Лолан, тем не менее, сохранял определенную преемственность по отношению к режиму Вэй Маня и, шире, древнечосонской политической традиции. Подчеркивание такой преемственности было остро необходимо для китайской администрации Лолана. Будучи меньшинством в этнически чуждом районе и не всегда имея возможность рассчитывать на быструю помощь из Китая, администрация Лолана во многом зависела от готовности местной протокорейской знати к подчинению и сотрудничеству. А для того чтобы сделать такое сотрудничество более приемлемым с социально-психологической точки зрения, необходимо было подчеркнуть, что в какой-то мере политическая традиция Чосона продолжается новыми властями.

Примирительная политика китайской администрации была в значительной мере успешной. Находки археологов показывают, что многие представители протокорейской знати приезжали жить в центральный город Лолана (нынешний Пхеньян); иногда их даже хоронили там. Получаемые от лоланских властей почетные титулы и «престижные товары» повышали их авторитет в глазах соплеменников. Во многих случаях долго сотрудничавшие с лоланскими властями местные знатные кланы в значительной степени китаизировались в культурном отношении. В то же время и китайские переселенцы, жившие в Лолане из поколения в поколение, часто перенимали местные традиции и обычаи. Высокий уровень межкультурного взаимодействия и взаимо-

влияния позволил китайской колонии просуществовать на чужой земле весьма долго, вплоть до 313 г., когда ее покорило государство Когурё. В периоды смут и мятежей в метрополии (скажем, в конце II — середине III вв.) Лолан практически автономизировался и управлялся местной китайской элитой.

Лолан, как китайская колония, был прежде всего торгово-дипломатическим (и в меньшей степени военным) форпостом Китая в землях «север-восточных варваров». В дипломатическом плане, лоланские правители имели возможность «жаловать» знать протокорейских и протояпонских племен китайскими званиями, титулами и «престижными товарами». Особенно ценились местной знатью китайские печати и зеркала. В обмен требовалось формально признать «вассалитет» по отношению к Китаю и поднести «дань местными продуктами» (лошади, железо, рыба, соль, древесина и т. д.). Конечно, формальные «вассальные» отношения не давали Лолану возможности всерьез контролировать ситуацию за пределами его непосредственных владений — к югу от р. Ханган и к северу от р. Амноккан. Однако часто власти Лолана прибегали в отношении своих «внешних вассалов» к политике «разделяй и властвуй». Поощряя обильными дарами более прокитайски настроенных вождей, лоланские администраторы натравливали их на менее послушных и более независимых. Подобная политика не могла не замедлить процесс оформления сильных протогосударственных центров и объединения вокруг них более слабых вожеств в южнокорейских землях. Однако, замедляющая политическая роль лоланского влияния в значительной степени компенсировалась громадным значением торговли с Лоланом для процесса концентрации материальных ресурсов в руках вождей и племенной знати. Вожди, имеющие доступ к роскошным и соблазнительным китайским товарам, воспринимались теперь как носители «высшей», «передовой» культуры, став тем самым обладателями особого типа престижа и авторитета. Такая культурная стратификация не могла не ускорить общий процесс социального расслоения в среде протокорейских племен. Ко II–III вв., когда этот процесс достиг достаточно высокой ступени, в среде южнокорейских племен усилилось стремление объединить свои силы и дать отпор китайцам. В 246 г. правитель округа Дайфан, созданного лоланскими властями в 206 г. из южнололанских земель (с центром к северу от совр. Сеула), выступил в карательный поход против племен юго-западной Кореи. Поход окончился поражением китайцев и гибелью самого правителя. Хотя последовавшие за этой неудачей карательные акции китайцев и были более успешными, сопротивление 246 г. значительно повысило авторитет его организатора — вожества Пэкче. Вскоре окрепшее Пэкче стало одним из Трех государств древней Кореи.

Материальная культура Лолана стояла на одном уровне с культурой Ханьской империи в целом. Раскопки административного центра Лола-

на (в основном южная часть современного Пхеньяна) производились японскими археологами в 1934–35 гг. Они дали представление о том, как жила верхушка китайских поселенцев и окитаившаяся протокорейская знать. В административном центре были мощные улицы и система подземной канализации. Подобные удобства были характерны лишь для городской жизни наиболее развитых регионов Евразии того времени (эллинистическое Средиземноморье, Индия). Добротные деревянные и кирпичные дома крылись черепицей. Именно через Лолан техника изготовления черепицы и черепичной кладки проникла в южную Корею. Погребения мало чем отличаются от современных им ханьских. В более ранних используется деревянный гроб (иногда вместе с внешним деревянным склепом), в более поздних — кирпичная погребальная камера. Техника изготовления и использования кирпича также пришла в Корею через Лолан.

Среди изделий, обнаруженных в гробницах, выделяются лакированная утварь сычуаньского типа, наборные пояса из золотых блях, декоративные яшмовые подвески, металлические курильницы в форме фантастических гор, и, конечно, печати и знаменитые ханьские бронзовые зеркала с благопожелательными иероглифическими надписями. Искусством изготовления всех этих изделий впоследствии через посредство Лолана овладели и корейские ремесленники. Нельзя не отметить, что китайская колония, призванная укреплять престиж имперского Китая на

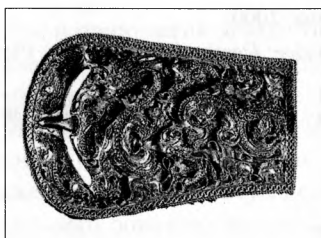

Рис. 27. Роскошная поясная застёжка лоланского производства (I–II вв.). Изготовлена из золота, инкрустирована яшмой. Украшена изображениями семи драконов. Именно подобные предметы роскоши делали отношения с Лоланом притягательными для протокорейской знати.

северо-восточных рубежах и «держать в узде» «варваров», сыграла в то же время весьма важную роль в стимулировании технологического развития древнекорейского общества. И конечно же, самым важным вкладом Лолана в развитие корейской культуры было распространение китайской иероглифической письменности (и, возможно, начатков конфуцианских представлений) среди знати протокорейских племен. Впоследствии именно классическому китайскому языку было суждено стать языком древнекорейской «высокой» культуры, сделав ее органической частью общерегиональной культуры Дальнего Востока.

Источники и литература

А) Первоисточники:

1. Сыма Цянь. *Записки историка (Ши Цзи)*. Сер. *Сы бу бэй яо*, Шанхай, 1936, цзюань 115 (*Чaosянь чжуань*). См. также Сыма Цянь. *Ши цзи*. т. VIII. М., 2003 (пер. Р. В. Вяткина и А. М. Карапетянца).
2. *Свод по древней культуре Кореи* (<朝鮮古文化綜鑑>). Т. 1–3. Сеул, 1949.
3. Институт Археологии КНДР. *Отчет о раскопках первобытных памятников Конгвири под городом Канге* (<강계시공귀리원시유적발굴보고서>). Пхень-ян, 1959.
4. Музей Сеульского Государственного Университета. *[Стоянка] Хынамни* (<欣岩里>). Т. 1–4. Сеул, 1973–1978 гг.
5. [Центральный] Государственный Музей. *Исследование корейских дольменов* (<韓國支石墓研究>). Сеул, 1967.
6. [Центральный] Государственный Музей. *[Стоянка] Сонгунни* (<松菊里>). Т. 1. Сеул, 1978.
7. Университет Тонгук (東國). *Пангудэ* (<盤龜臺>). Сеул, 1984.

Б) Литература:

1. Ch'oe Mongnyong (崔夢龍). *A Study of the Yöngsan River Valley Culture — The Rise of Chieftdom Society and State in Ancient Korea*. Seoul, 1984.
2. Pai, Hyung Il (배형일). *Constructing «Korean» origins: a critical review of archaeology, historiography, and racial myth in Korean state-formation theories*. Cambridge, MA: Harvard University Asia Center, 2000.
3. Nelson, S. *The Archaeology of Korea*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 110–205.
4. Ким Воллён (金元龍). *Археология Кореи* (<韓國考古學概說>). Сеул, 1992. С. 60–127.

Глава 4

КУЛЬТУРА РАЗВИТОГО ЖЕЛЕЗА.

РАННИЙ ПЕРИОД В ИСТОРИИ ТРЕХ ГОСУДАРСТВ (I–III вв.)

Широкое распространение железа и несравненно более тесные контакты с китайской культурой стимулировали процессы формирования начальных форм государственности у протокорейских племен, особенно в соседней с Китаем северной части полуострова. Используя ту же модель, что и правители Чосона, но на более высокой ступени развития материальной культуры, знать сильнейших вожеств монополизировала контакты с Китаем, брала на себя функции распределителя предметов престижа из Китая, и начинала мобилизовывать более слабых соседей

на отпор китайской экспансии (или вторжениям протояпонских племен). Тем самым она ставила себя в положение лидера племенной федерации, а вскоре — и центра формирующегося протогосударства. Открывавшиеся в ходе развития производительных сил новые возможности присвоения прибавочного продукта, а также необходимость давать отпор китайской экспансии и стремление воспроизвести «референтные» китайские формы постепенно вело эти протогосударства в сторону усиления централизованного начала. Раньше других этот процесс пошел у протокорейцев северной части полуострова и Маньчжурии, сохранивших в какой-то степени историческую память о Чосоне. Ранняя государственность сложилась у них в основном в I–II вв. Она отличалась слабыми зачатками центрального аппарата и важной ролью традиционной племенной знати на местах. Лишь в III–IV вв., в результате разложения социально-экономического базиса традиционной местной знати (общины и общинной собственности на землю), государство смогло завершить начальный этап процесса административно-политической централизации. У более отсталых племен юго-востока полуострова те же результаты были достигнуты значительно позже, к началу VI в.

а) Формирование ранней государственности у племенной группы *когурё* на севере полуострова (I–III вв.)

Традиционные предания, использовавшиеся позже как обоснование власти и привилегий элиты государственного периода, приписывали основание Когурё герою Чумону (это означает «хороший лучник»). Согласно легенде, Чумон, выходец из северного племени *пуё* (район реки Сунгари), был сыном Небесного божества и «дочери бога реки». Последняя, видимо, играла роль локальной богини плодородия. Представление об основателе государства как сыне мужского небесного божества и женского божества земли/воды сближает эту легенду с уже упомянутым выше чосонским мифом о Тангуне. Далее, повествует легенда, зависть менее одаренных братьев вынудила обладавшего рядом сверхъестественных свойств Чумона бежать на юг, в долину р. Ялуцзян (Амноккан). Там, заключив брачные связи с одними местными вождями и подчинив других, он и основал государство Когурё в 37 г. до н. э.

Судя по определенному влиянию *пуё*ской ритуальной бронзовой культуры на церемониальную бронзу средней долины Амноккана, переселенцы с севера действительно могли сыграть какую-то роль в этногенезе *когурё*. Однако, в целом, как археологические источники, так и китайские письменные материалы показывают, что культура долин среднего течения Амноккана развивалась в раннем железном веке достаточно независимо. Если и можно говорить о влиянии соседей на этот процесс, то прежде всего — о влиянии Чосона и северокитайской культуры

железа. Уже к концу II в. до н. э. обитатели долин среднего течения Амноккана вырабатывают свой, оригинальный стиль захоронений — насыпные каменные могилы (*чоксокчхон*). К этому же времени относятся контакты сложных вожеств этого региона — так называемых *на* (это буквально означает «земля», «страна») — с ханьцами. По-видимому, именно тогда особая племенная группа *курё* (позже более известная как *когурё*) выделилась из общей массы протокорейских племен как политическая и этнокультурная общность.

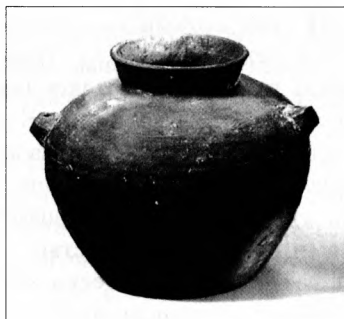
После крушения Чосона *курё/когурё* оказались под административным контролем китайской администрации, но ненадолго. Уже в середине I в. до н. э. концентрация племенных сил возвращает им независимость. В процессе борьбы с китайской оккупацией из общей массы вожеств-*на* выделился лидер — вожество Соно (район совр. города Хуаньжэнь близ границы КНР с КНДР). Оно сумело сплотить *когурё* в конфедерацию, подобную древнеchosонской. Вскоре, однако, гегемония в конфедерации перешла к более сильному вождеству Керубу, сумевшему более эффективно использовать элементы материальной культуры и социальной организации Китая. Какая-то часть вождей Керубу считала себя потомками пуёсцев. Отсюда и предания о походе божественного пуёсца Чумона на юг, которыми потомки этих вождей, ранние государи Когурё, обосновывали своё право на власть. Керубу сумело — как силой, так и искусной дипломатией брачных альянсов — подчинить себе большую часть когурёских *на* долины Амноккана к 30–20 гг. I в. до н. э. В этом смысле приведенную в мифе о Чумоне дату основания Когурё (37 г. до н. э.) можно считать в известной мере отражением исторической реальности. Конечно, политическое образование, сколоченное тогда вождями Керубу, было скорее протогосударством, чем государством в историографическом смысле слова.

Очень скоро, однако, правители молодой когурёской политики значительно укрепили свою власть, монополизировав все контакты с китайцами и сделав себя единственными распределителями предметов престижа из Китая. Уже к 30-м гг. I в. китайцы признают когурёского правителя ваном — самостоятельным государем. На протяжении всего I в. Когурё военным путем подчинят целый ряд племен северной Кореи и южной Маньчжурии (*чона*, *кэма*, *хэнин*), что предоставляет новые ресурсы в распоряжение правящей верхушки. В ходе военных мобилизаций складывается определенная властная структура. В целом, период непосредственного правления государя Тхэджо-вана (53–121 гг., по традиционной хронологии, после чего «делами государства» стал заведовать его младший брат) можно рассматривать как время становления у *когурё* ранней государственности.

Основной «несущей конструкцией» раннегосударственной структуры, сформировавшейся при Тхэджо, были местные политики — *пу*. Они сохранили многие черты прежде независимых когурёских вожеств —

на. Каждое *ну* — всего их было пять — обладало своей иерархией знатных кланов (в основном унаследованной от прежних *на*) и контролировало определенную территорию. Оно облагало подвластное население (обычно около 30–40 тыс. чел.) податями и повинностями в свою пользу и выставляло дружины знати и ополчение общинников в случае войны. Центральное *ну* — Керубу — в целом имело ту же структуру, что и четыре провинциальных *ну*. Оно выделялось, однако, монополиями на контакты с Китаем, перераспределение китайских товаров и устройство общекогурёских священных праздников в честь мифического предка Керубу Чумона (признанного общекогурёским божеством). Если в каждом *ну* важные дела решал совет из 3–4 аристократов (потомков правителей вожеств-*на*), то дела государства в целом решались на совете *кочхуга* и *тэга* — представителей полуавтономных *ну*. *Кочхуга* и *тэга*, наследовавшие харизму традиционных племенных вождей *когурё*, осуществляли свою власть в каждом *ну* — и в государстве в целом — с помощью лично преданных им вассалов. Последние именовались «лучшими людьми» (*сонин*) или «посланниками» (*саджа*). Знать сильнейших *ну* — обладатели рангов *тэро* или *пхэджа* — назначалась «помощниками государя» и полководцами. Постольку, поскольку завоевания на периферии совершались силами дружин и ополчений *ну* (другой армии у Когурё в I–II вв. еще не было) то и контроль над данниками-инородцами оставался в руках сильнейших *ну* (в основном Керубу). Чтобы подчеркнуть и усилить единство всех *ну* Когурё, Керубу организовывало в 10 месяце общегосударственный праздник урожая *тонмэн* («клятвенное единение Востока»). На него в центр страны, крепость Куннэсон (у слияния р. Амноккан с ее притоком, р. Тунгоу), сходились представители всех местных общин. Совместные ритуалы в честь общих божеств (Бога Неба, Богини плодородия и их сына Чумона), равно как и общие песни и пляски, создавали и укрепляли представление об общекогурёском единстве, ритуальном и одновременно политическом. Так старая традиция общинных осенних праздников урожая была «присвоена» ранним государством и наделена новым религиозно-идеологическим значением.

Рис. 28. Типичный когурёский сосуд. Найден при раскопках жилищ когурёского времени в деревне Сонсинни (уезд Тэдон, пров. Юж. Пхёнан). Расширяющееся кверху короткое горлышко, плоское доньшко и две ручки с дырочками — важные приметы когурёской керамики. Черный цвет роднит этот тип керамики с ханьской, пришедшей к когурёсцам через посредство Лолана.

II—III вв. привнесли в жизнь Когурё большие перемены. Распространение больших ханьских железных плугов увеличило производительность труда в земледелии, что создало предпосылки для расслоения в общинной среде. Начался постепенный раздел общинных земель между отдельными семьями. Появились как богатые крестьяне, так и безземельные и батраки, легко попадавшие в полную зависимость от знати. В то же время расслоение в общинной среде подрывало позиции более слабых *ну*, не имевших возможности выставлять сильные дружины и зависевших от общинного ополчения. Одновременно с этим за счет более слабых *ну* усиливаются сильнейшие центральные *ну* — Керубу и Ённобу (последнее поставляло жен ванам из Керубу). Этому помогло и заимствование у Хань тяжелого кавалеристского вооружения (включавшего латы для всадника и лошади), дававшего дружинам Керубу отсутствовавшее у них ранее решающее преимущество в военной силе. Постепенно уходил в прошлое важнейший элемент племенной системы — общинное землевладение. В Когурё создавались основы для формирования централизованной государственности.

Важнейшим элементом нового политического устройства, оформившимся уже к середине III в., была единая общегосударственная ранговая система, объединившая влиятельных выходцев из различных *ну* в более или менее унифицированное правящее сословие. Высшую прослойку этого сословия, вобравшую в себя традиционную знать различных *ну*, составляли носители рангов с элементом *хён*. *Хён* буквально переводится как «старший брат». Это название указывает на аналогии с архаической кланово-племенной системой. Средний и низший слои господствующего сословия составляли носители рангов с элементом *саджа* («посланник»). Они происходили, по-видимому, из кланов, связанных отношениями вассалитета с аристократией *ну*. Таким образом, разнородная аристократия *ну* оформилась, наконец, в одну сословную группу, формализовав и увековечив свое привилегированное положение. Единение всех *ну* вокруг центра подчеркивалось и переименованием их по сторонам света (Керубу объявили «центральным» *ну*). Роль представителя интересов аристократии всех 5 *ну* как целого (а также ключевого помощника государя в административных делах) стал выполнять «государственный министр» (*куксан*; должность учреждена в 166 г.). Унификация в рядах правящего класса позволила государству создать также начальные элементы административной системы на местах. «Коренные» земли *когурё* были поделены на «долины» — *кок*, управлявшиеся присылавшимися из центра «управителями» — *чэ*. Границы этих новых административных единиц зачастую совпадали с границами традиционных вожеств. Военачальники (и по совместительству — администраторы) из центра посылались также в стратегически важные крепости. Существование вышеописанных зачатков централизованной системы управления позволило

государству со 194 г. выдавать малоимущим общинникам ссуды в случае плохого урожая. Тем самым смягчались последствия усилившейся стратификации в крестьянской среде.

Определенное усиление элементов централизации толкало окрепшее Когурё на активную внешнюю политику. Войны и завоевания приносили аристократии добычу, в том числе в виде высоко ценимых китайских изделий, рабов и данников. Первая половина II в. ознаменовалась целым рядом успешных грабительских рейдов когурёсцев против Лолана, значительно ослабивших китайскую колонию. В то же время на рубеже II–III вв. этнические ханьцы из северокитайских областей массами мигрировали в Когурё, спасаясь от смут, наступивших в связи с развалом империи Хань. Это обогатило Когурё ценными людскими ресурсами. Наследник Хань, северокитайское государство Вэй, подчинило себе (не без помощи когурёсцев) Лолан, но потом совершило крупномасштабный поход против Когурё, желая устранить эту помеху китайской экспансии на северо-восток. В результате этой экспедиции столица Когурё была разрушена, страна потерпела громадный урон (244 г.). Это, однако, не остановило когурёсцев в их попытках избавиться от китайского присутствия на Ляодуне, успешно завершившихся в 313 г. разгромом Лолана и окончательной ликвидацией остатков китайского колониального владычества на землях протокорейских племен. В то же время значительное число китайцев Лолана продолжило жить на Ляодуне, став подданными Когурё и внося позже громадный вклад в развитие ремесел, искусств и государственной системы.

После этого триумфа Когурё потерпело, однако, целую серию внешнеполитических неудач. В 342 г. его столица была сравнена с землей и опустошена карательной экспедицией сяньбийцев-мужунов — кочевников, основавших в Северном Китае династию Ранняя Янь. В 371 г. государь Когурё погиб в бою с войсками южнокорейского государства Пэкче. Выходом из внешнеполитического кризиса, в котором оказалось Когурё к концу III в., могло быть только дальнейшее укрепление государственной централизации, создание административных институтов по образцу китайских. Именно эти цели и преследовала политика государя Сосурима (371–384), восстановившего после всех поражений могущество Когурё.

Важным источником материальных и людских ресурсов для Когурё было попавшее в конце I в. в данническую зависимость от него протокорейское племя *окчо*, заселявшее Хамхынскую равнину на побережье Восточного (Японского) моря. По языку, обычаям и культуре *окчо* мало отличались от *когурё*, но шансов развить свою собственную раннюю государственность у них уже не было. Вожди *окчо* были вынуждены отдавать большую часть прибавочного продукта в виде дани когурёсцам и тем самым лишались возможности сконцентрировать в своих руках ресурсы, необходимые для оформления более сложных политических структур. Политическая организация *окчо* остановилась на уровне не-

больших вождеств, которые китайцы сравнивали по величине с низшей административной единицей тогдашнего Китая — округом (*сюань*). Главы этих политий, вожди-*косу*, сами предпочитали именовать себя «старейшинами», тем самым подчеркивая традиционно-патриархальный характер своего статуса. В их обязанность входило собирать дань рыбой, солью, рабами и полотном и отправлять ее в Когурё. Интересным патриархальным обычаем *окчо*, зафиксированным у корейцев — особенно среди бедноты — и в более поздние времена, была особая форма брака, когда будущую невесту с ранних лет брали на воспитание в дом родителей жениха, а затем «выкупали» и выдавали замуж по достижении брачного возраста. Кроме этого, согласно китайской *Истории Трех Государств* (*Саньго чжи*, составлена в конце III в.), у *окчо* также были распространены «семейные» погребения, означавшие, что кости всех членов семьи перезахоранивали после их смерти в один деревянный «семейный» гроб. Этот обычай хорошо отражал традиционные кланово-племенные представления о семье как «коллективном 'я'», нерушимом едином целом.

Другим данником Когурё из числа протокорейских племен северо-восточных районов полуострова были *тонье* (восточные *е*), покоренные когурёсцами к концу II в. Они обитали южнее *окчо* по морскому побережью, в районе современного города Вонсана (КНДР). Обладая значительным населением (около 20 тыс. дворов), *тонье* сумели развить некоторые зародышевые элементы раннегосударственной организации. Так, вождь одной из политий *тонье* получил от лоланцев титул вана и обладал аппаратом «помощников» — личных вассалов. Однако, как и в случае с *окчо*, данническая зависимость от Когурё лишала *тонье* материальных ресурсов, необходимых для окончательного отделения элиты от масс и создания раннегосударственной структуры. Границы между политиями *тонье* считались священными, их нарушители наказывались штрафом рабами и домашним скотом. Это говорит как о существовании у *тонье* патриархального рабства, так и о слабости элементов общеплеменной организации (хотя у *тонье* уже были общеплеменные праздники урожая, связанные с культом Небесного Божества). Воровства у *тонье*, как отмечали китайские документы, почти не было, что возможно лишь при господстве общинной собственности и общинно-племенного уклада. Деревенские общины *тонье* были экзогамными, т. е. избегали внутриобщинных брачных контактов. Дань, поставлявшаяся когурёсцам, включала шкуры морских животных, луки из березового дерева и низкорослых лошадей местной породы.

Соседом и соперником Когурё было раннее государство протокорейского племени *пуё*, располагавшееся в долине р. Сунгари (Северная Маньчжурия). Как уже говорилось, мифический основатель Когурё, Чумон, считался выходцем из Пуё, но это не мешало Когурё и Пуё ожесточенно соперничать друг с другом за контроль над маньчжурскими зем-

лями. Как и в Когурё, верховный вождь Пуё с середины I в. титуловал себя ваном, подчеркивая существование у *пуё* государственности. Но власть *вана* сильно ограничивалась советом племенных вождей — *ка*. Они имели даже право в случае природных бедствий призвать вана к ответу и предложить ему или отречься от престола, или покончить жизнь самоубийством. Представления о «священном царе» — о связи власти в социуме с гармонией в космосе и об ответственности правителя за природные бедствия — существовали в большинстве раннеклассовых обществ. В Пуё эти представления использовались аристократией для контроля над властью правителя. В спорных случаях арбитром в вопросе о престолонаследии также выступал совет знати. Основой могущества знати был контроль над традиционными племенными территориями и наличие множества лично зависимых (*хахо*), сидевших на господской земле или прислуживавших господину. В то же время Пуё имело уже зачатки территориальной администрации и центрального управленческого аппарата. До какой-то степени было кодифицировано и обычное право племенной эпохи. Убийцы, ревнивые жены и прелюбодейки карались смертью, воры наказывались тяжелыми штрафами, в столице существовали тюрьмы. Символом общегосударственного единства был, как и в Когурё, праздник урожая, справлявшийся в декабре. Принеся жертвы верховному божеству — Небу, — собравшиеся в столице представители местной знати решали судебные дела и объявляли амнистии. Название этого праздника — «Встреча [духов] с барабанами» (*ёнго*) дает представление и о его ритуальной стороне — песнях и плясках под аккомпанемент музыкальных инструментов. Из других обычаев Пуё интересен известный по Ветхому Завету *левират* — право младшего брата на жену старшего в случае смерти последнего.

Политически, государи Пуё старались наладить выгодные для них торгово-дипломатические отношения с Хань, формально признавая себя «внешними вассалами» Ханьской империи. Когда после краха Хань Лолан обрел в начале III в. политическую автономию, Пуё вошло с ним в тесные союзнические отношения. Когда северокитайское государство Вэй напало в 244 г. на Когурё, пуёсцы выступили на стороне китайцев, снабжая последних продовольствием. Стремление правителей Пуё к тесным отношениям с Китаем вполне объяснимо. Именно перераспределение престижных китайских товаров в среде аристократии было для властей Пуё важнейшим источником авторитета. Однако после разрушительного набега сяньбийцев в 346 г. Пуё было вынуждено все более опираться на усилившегося к тому времени южного соседа — Когурё. К концу IV в. к Когурё отошла значительная часть южных территорий Пуё. Вскоре клан пуёского правителя мигрировал в Когурё, и Пуё прекратило своё существование в результате непрестанных сяньбийских набегов. В конечном счете, именно постоянные вторжения северных кочевых соседей лишили пуёсцев возможности подобное Когурё централизованное государство.

**б) Южнокорейская племенная группа *махан*
и проблема раннего Пэкче (I–III вв.)**

Этнотопоним *махан* относился, как считается, к особой группе протокорейских племен, занимавшей в I–IV вв. обширные территории — от северных рубежей современной пров. Кёнги к северу до южного побережья Кореи к югу. В число территорий, заселенных некогда маханцами, включаются земли современных провинций Кёнги, Чхунчхон и Чолла. Население Махана, согласно китайским наблюдениям сер. III в., достигало примерно 100 тыс. дворов (т. е. около 400–500 тыс. чел.). Судя по сведениям китайских источников, к III в. пятьдесят четыре вождества Махана отличались очень высокой степенью дифференциации между собой. Те из них, что были расположены вдали от китайских владений, на крайнем юге полуострова (совр. пров. Чолла), «не знали церемоний коленопреклонения», «использовали лошадей и коров исключительно для жертвоприношений на похоронах» и «не ценили золота и серебра». В целом, в глазах китайцев, они «походили на толпу [бывших] заключенных и рабов». В то же время маханские вождества долины реки Ханган, поддерживавшие регулярные контакты с китайскими округами, считались китайцами «уже несколько усвоившими наши церемонии и правила». Другим источником цивилизационного влияния для обитателей долины реки Ханган (о чем китайские документы предпочитали не упоминать) было постоянное переселение в эти плодородные места групп когурёского и пуёского населения. По-видимому, именно в долине р. Ханган и к югу от нее, на территории нынешней пров. Юж. Чхунчхон, находились упоминавшиеся китайцами «сильные» вождества Махана, имевшие под своим контролем более 10 тыс. дворов каждое. Из вождеств более развитого северного Махана китайцы часто упоминали Мокчи (другое чтение — Вольчи) как общемаханского лидера, Это вождество находилось, скорее всего, в районе современного города Чхонан на севере пров. Юж. Чхунчхон. Правитель Мокчи вплоть до сер. III в. обладал значительным политическим и культурным влиянием на все южнокорейские племена в целом. Одним из источников влияния Мокчи был тот факт, что часть этиты этого вождества составляли беженцы из Чосона — носители более развитой протогосударственной культуры. Однако в итоге роль объединителя маханской племенной группы выпала на долю соперника Мокчи — вождества Пэкче с центром на месте современного г. Сеул.

Основание Пэкче позднейшие мифы приписывают двум сыновьям основателя Когурё Чумона, ушедшим на юг (уже знакомый нам по когурёскому мифу о Чумоне мотив!) из-за соперничества с предполагавшимся наследником отца. После прибытия в долину р. Ханган младший брат, Онджо, обосновался к северу от реки, в крепости Северный Виресон. Эта крепость локализуется в районе речки Чуннанчхон в северной

части современного Сеула. Старший брат, Пирю, выбрал для поселения долину Мичхухоль на берегу Желтого моря (совр. город Инчхон). Затем, поняв, что место выбрано неудачно (земля на морском берегу была слишком болотистая), Пирю «умер от огорчения», а его соратники присоединились к Онджо. До этого момента владение Онджо именовалось Сипче. Это название буквально переводится как «десять перешедших». Так называли себя десять самых влиятельных приближенных Онджо. После воссоединения с группой Пирю название было изменено на Пэкче. Пэкче переводится как «сто перешедших», т. е. «все переселенцы». В древней Корее «сто» могло обозначать «все», «всё». Центр новорожденного Пэкче был перенесен на южный берег р. Ханган (район Сонпха совр. г. Сеул), в крепость, названную Южный Виресон. Предание показывает, как небольшие вождества долины р. Ханган, связанные общностью северного (весьма возможно, что именно когурёского) происхождения их правителей, постепенно объединяли свои силы. Традиционная хронология относит «основание» Пэкче к 18 г. до н. э. Конечно, говорить о существовании государства в столь ранний период вряд ли возможно. Однако переселение северян-когурёсцев на юг и захват ими гегемонии в вождествах долины р. Ханган вполне могли начаться где-то на рубеже нашей эры.

Ранняя история сложного вождества Пэкче заполнена постоянными войнами с северными прототунгусскими кочевниками *мохэ* и соперничавшими с пэкчесцами вождествами Махана. В ходе войн Пэкче к началу III в. сумело утвердить свою гегемонию над районом современной пров. Кёнги, сплотив мелкие вождества этого района в достаточно сильную протогосударственную структуру. Завладев месторождениями железа в районе современных уездов Чхунджу и Чечхон пров. Сев. Чхунчхон, правители Пэкче сумели обеспечить свои дружины железным оружием, а общинников ханганской долины — разнообразными железными орудиями труда.

Эти орудия (железные серпы, мотыги, лопаты) во множестве обнаруживаются в ранних пэкческих захоронениях и поселениях долины р. Ханган. Основным сельскохозяйственным продуктом раннего Пэкче был ячмень. Его культивировали преимущественно на «сухих», богар-

Рис. 29. Раннепэкческие «насыпные» каменные курганы когурёского типа (квартал Сокчхондон района Сонпха, г. Сеул).

ных полях. Под рис оставались в основном затоплявшиеся в разлив зоны «естественного» орошения. Однако крепнущая центральная власть активно поощряла строительство ирригационных сооружений и рисоводство на орошаемой земле. С укреплением зачатков протогосударственных структур в долине Хангана начинает к середине III в. вырабатываться и единый раннепэкческий стиль керамики — гладкие сосуды черного цвета, часто с крышкой. Сосуды демонстрируют явное влияние китайского и когурёского стилей. Явно напоминают когурёские и могилы раннепэкческой знати — каменные курганы в виде кучи камней, обычно насыпавшиеся на речном берегу.

Рис. 30а. Образец южномаханского *сиру* — керамического сосуда с отверстиями в дне. Сосуд помещали на котел с кипящей водой и использовали при варке на пару (преимущественно при приготовлении рисовых хлебцев — *тток*). находка подобного сосуда при раскопках маханских жилищ (уезд Сунчхон пров. Юж. Чолла) свидетельствует о использовании маханцами техники варки на пару при приготовлении пищи.

Середина III в. была временем резких перемен в политической ситуации в Пэкче. Правящая верхушка, укрепив свои позиции в процессе постепенного роста производительных сил в сельском хозяйстве и за

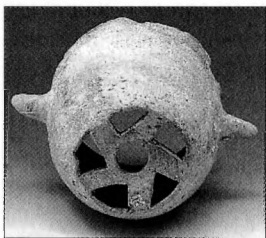

Рис. 30б. Так выглядело протокорейское *сиру* (южная часть полуострова, I–III вв.) со стороны дна.

счет активных сношений с китайскими округами, начала проводить более решительную централизаторскую и военно-экспансионистскую политику. Именно тогда в административном центре Пэкче, на низеньком холме на берегу р. Ханган, строится окруженная рвом крепость со стенами общей длиной около 3 км (ныне остатки этой крепости известны как «крепость Мончхон» в районе Сонпха г. Сеула). Эта крепость, способная вместить до 10 тыс. человек, стала символом оборонных возможностей пэкческих правителей, их власти и могущества. Остатки цзиньских сосудов, найденные на территории этой крепости, говорят об активных обменах с Китаем. Но, с другой стороны, администрация китайских округов стремилась усилить престиж вождей соперничавших с Пэкче маханских поли-

тий и тем сдерживать рост влияния Пэкче. Эта политика вызывала понятное раздражение пэкческих правителей. Вскоре, накопив сил и восполь-

зовавшись благоприятным случаем (китайские войска были отвлечены на войну с Когурё), Пэкче напало на Лолан и увело в плен большое число китайских поселенцев (246 г.). Последующая карательная акция китайцев заставила Пэкче вернуть пленных, но главный эффект был достигнут. Авторитет Пэкче среди маханских вожеств несравненно усилился.

Вскоре, к концу III в. (предположительно в 290–291 гг.), пэкчесцы сумели подчинить себе главного соперника в борьбе за гегемонию над северомаханскими землями — вожество Мокчи (Вольчи). Тем самым территория Пэкче расширилась, включив теперь большую часть современных провинций Кёнги и Чхунчхон, т. е. весь северный и центральный Махан. В своих взаимоотношениях с китайцами Пэкче сочетало активные торгово-дипломатические связи с государством Цзинь (импортируя передовые ремесленные технологии и «престижные товары») и китайскими колониями к северу с непрестанной борьбой против попыток администрации китайских округов «поставить на место» пэкчесцев. В ходе этой борьбы двое пэкческих правителей рубежа III–IV вв. погибли от рук китайцев. Однако в итоге желаемый результат был достигнут. В 313–314 гг. китайские округа были ликвидированы под ударами когурёских и пэкческих войск. Никто не мог более остановить властителей Пэкче в их стремлении установить свою гегемонию над всеми маханскими племенами.

Усилилась к тому времени и внутренняя структура пэкческой политики. Активный реформатор государь Кои (234–286) начал процесс объединения племенной аристократии в единый правящий класс. Были заложены основы единой общегосударственной ранговой системы. Знать, ранее всевластную на местах, начали назначать на центральные административные должности со строго очерченными полномочиями. Выработке единой консенсуальной политики и балансированию интересов формирующейся монархии и знати служили советы государя с представителями знати в Южном Зале (*намдан*) дворца. Насыпные каменные курганы правителей стали с конца III — начала IV вв. строиться в Пэкче по когурёскому образцу — в виде громадных ступенчатых пирамид из хорошо прилаженных друг к другу камней. Такие погребения, доступные лишь членам правящего дома, символизировали особое положение клана правителя в новой политической системе. Так Пэкче постепенно становилось более централизованным государством. Этот процесс, равно как и борьба за подчинение все еще сохранявших независимость южномаханских вожеств, завершился, однако, несколько позже, во второй половине IV в.

В то время, как политики северного и центрального Махана постепенно теряли независимость и подпадали под власть Пэкче, Южный Махан, и прежде всего густонаселенная долина р. Ёнсанган, оставался независимой конфедерацией более чем 20 мелких вожеств. Возглавля-

ли ее влиятельные вождества долины р. Сампхоган (приток р. Ёнсанган). Отличительной чертой ритуальной культуры южномаханских вождеств стали с конца III — начала IV вв. погребения знати в урнах (*онгванмё*), над которыми сооружался земляной курган значительных размеров. Подобные погребения были известны во многих районах полуострова, но главным видом погребений знати они стали только в Южном Махане. Основой хозяйства южномаханских племен было высокопроизводительное рисоводство на орошаемых полях плодородной аллювиальной долины р. Ёнсанган и морского побережья. Широко распространились железные орудия труда и оружие. Уже с конца III в. южномаханские вождества начинают, соперничая с Пэкче, завязывать самостоятельные связи с Китаем (династия Цзинь) и протояпонскими племенами. Подчинение этого региона пэкчесами началось только во второй половине IV в. Вплоть до рубежа V–VI вв. знать этого региона, признавая верховный суверенитет Пэкче, сохраняла определенную автономию.

О нравах и обычаях маханцев сер. III в. китайские источники сообщают немало любопытного. Известно, скажем, что важными в жизни маханцев были инициационные обряды. Подростки, желавшие получить признание в качестве полноправных членов взрослого коллектива, обязаны были в ходе общественных работ переносить тяжелые бревна на ремнях, вдетых под кожу спины, демонстрируя тем самым мужество и презрение к боли. Вообще отличительной чертой характера маханцев, как подчеркивали китайские наблюдатели, были смелость и выдержка. Как и протокорейские племена Севера, маханцы торжественными песнями и плясками справляли в десятом лунном месяце праздник урожая. Основным божеством признавался Бог Неба, служители которого, «небесные князья» (*чхонгун*), обладали значительной автономией от военно-политической власти вождей. Их святилища, *сото*, легко узнавались по деревьям с навешенными на них священными барабанами и бубенцами (они символизировали сакральную Вертикальную Ось Мира). Они обладали правом предоставления убежища всем беженцам, включая тех, кого обычное право раннеклассового общества признавало преступником. Такая дихотомия светской и духовной власти придавала обществу определенную устойчивость, необходимую в сложное и болезненное время социального расслоения и конфликтов. Среди некоторых маханских племен распространен был обычай татуировки.

в) Южнокорейские племенные группы *чинхан* и *пёнхан* и проблема ранних Силла (Саро) и Кая (I–III вв.)

Подобно тому, как Керубу объединило когурёские, а Пэкче — маханские племена, объединителем племенной группы *чинхан* на юго-востоке

полуострова (современная пров. Сев. Кёнсан), стало сложное вожжество Саро (более поздняя форма этого топонима — Силла). Оно контролировало плодородную Кёнджускую равнину по берегам р. Хёнсанган. К середине I в. до н. э. эту долину делили между собой шесть небольших вожеств, знать которых включала некоторое количество переселенцев из Чосона. Переселенцы с севера принесли как развитую культуру железа и навыки коневодства, так и чосонские мифологемы. Как и чосонские правители, знать вожеств Кёнджуской долины провозглашала своих предков «сыновьями Неба», якобы спустившимися с Неба на священные горы в окрестностях этой долины.

Где-то в середине или конце I в. до н. э. (традиционная дата — 57 г. до н. э.) вожества Кёнджуской долины были объединены в сложное вожжество Саро. Согласно позднейшим мифам, инициаторами объединения выступили все шесть вождей Кёнджуской долины. Они собрались недалеко от священных гор Намсан в центре долины и начали молиться Небу о «даровании» им «государя». Далее, согласно мифу, Небо откликнулось на молитву. Свыше спустилась лошадь, даровавшая вождям яйцо, из которого родился божественный младенец Пак Хёккосе. Он и стал позже государем Саро. Женой рожденного Небом Пак Хёккосе была, согласно мифу, божественная девица Арён, рожденная похожим на курицу драконом из священного колодца. Как видно, по своей структуре этот миф соотносим с чосонскими и когурёскими мифами, связывавшими основание государства с браком Небесного и Земного/Водного божеств. «Основатель» Пак Хёккосе был, по-видимому, обожеествленным предком клана Пак — влиятельного местного рода. Этот род контролировал священные места центральной части Кёнджуской долины и, инициировав объединение шести вожеств, некоторое время выдвигал из своей среды верховных вождей.

Как можно понять уже по имени Хёккосе («Освещающий Мир»), верховные вожди из клана Пак долгое время совмещали и верховные жреческие функции, отвечая за отправление культа главного божества чинханцев — Неба/Света. В то же время, как ясно видно из мифа, объединение шести вожеств было основано, скорее, не на военной силе клана Пак, а на консенсусе в среде племенной знати долины. Знать Саро желала, по-видимому, институционализировать и укрепить таким образом свое привилегированное положение. Гегемония клана Пак сильно зависела от поддержки со стороны других влиятельных кланов и не была неоспоримой. В I–III вв. на «троне» Саро попеременно находились также представители сильных кланов Ким и Сок, и к 356 г. он был окончательно «монополизирован» кланом Ким. В целом, Саро в I–III вв. управлялось племенной олигархией в значительной мере на консенсусальной основе и сохраняло сильные элементы синтеза между светской и духовной властью, вообще характерные для ранней государственности протокорейских племен.

Рост и развитие сложного вожества Саро проходили в процессе непрестанных военных столкновений как с соседними вождествами (прежде всего пёнханцами и маханцами), так и с китайскими поселенцами Лолана и протояпонскими племенами. В войнах против «внешних» племен Саро старалось выступать как защитник интересов всех чинханцев, тем самым привлекая на свою сторону и постепенно подчиняя себе соседние чинханские вождества. К концу II в. под контролем Саро уже оказалась значительная часть южных и центральных районов современной пров. Сев. Кёнсан (уезды Чхондо, Кёнсан, Кимчхон, Кунви, Ыйсон, и др.). К середине III в. владения Саро достигли на северо-западе района современного уезда Санджу, соприкоснувшись со сферой влияния Пэкче. Подчиняя чинханские вождества, Саро старалось привлекать местную знать на свою сторону, сохраняя в большинстве случаев ее привилегированные позиции, гарантируя ей права на ее прежние территории. Саро требовало лишь сохранять верность центру в военно-политическом отношении, посылать дань и выставять дружины и ополчения в случае серьезной войны. В этом смысле контроль Саро над районом расселения *чинхан* сохранял к концу III в. сильный конфедеративный характер.

В процессе постепенного развития протогосударственных начал в Саро укреплялась гегемония знати Кёнджуской долины, и прежде всего привилегированных кланов Ким, Пак и Сок. Коллективным выразителем воли привилегированной верхушки был Совет Знати. Решениям этого Совета должен был подчиняться и верховный вождь — правитель Саро. Помощники верховного вождя — носители должностей *каккана* (высшая), *ичхана* и *пхаджинчхана* — назначались вождем и Советом Знати обычно из числа членов кланов Ким, Пак и Сок. Они обладали большими полномочиями в решении государственных дел и распоряжении воинскими силами, сохранявшими характер клановых дружин и племенных ополчений. Правитель, опиравшийся прежде всего на свой клан и его дружины, исполнял властные функции (ритуальные, юридические, общественные и военные) в совокупности в ходе церемониальных объездов страны («полюдь» — *сунхэн*), считавшихся важнейшим символом общеплеменной верховной власти. Во время «полюдь» взаималась дань, собиралась информация о положении хозяйства общинников, оказывалась (из общеплеменного фонда) помощь нуждающимся, и, что очень важно, справлялись ритуалы жертвоприношений Горам и Морю, от которых, по представлениям *чинхан*, зависело плодородие земли. С течением времени, по мере активизации экспансионистской политики Саро, «полюдь» все более акцентирует военные функции — смотр дружин и укреплений на беспокойных окраинах. Как заместители правителя, обряд «полюдь» могли выполнять его личные подчиненные — «посланники» (*саджа*). Зачатки постоянной администрации в провинциях, в виде военачальников с дружинами, постоянно контролировав-

шими периферийную территорию из местного центра, появились у Саро лишь к концу II в.

Переломным пунктом в развитии раннегосударственных начал стал для Саро (как и для Пэкче) конец III в. В это время правители Саро значительно усилили свой авторитет, завязав торгово-дипломатические связи с китайской династией Цзинь и получив возможность перераспределять престижные китайские товары среди чинханских вождей. Связи с ослабевающим под ударами Когурё и Пэкче Лоланом теряют значение для чинханской знати, и Саро укрепляет свою позицию регионального лидера. Попытка знати юго-западного района Чинхана, во главе которой стояли потомки правителей присоединенного к Саро в конце II в. вожества Исо (уезд Чхондо пров. Сев. Кёнсан), напасть на центр Саро и ослабить сароское влияние на чинханскую периферию не увенчалась успехом (297 г.). После разгрома этого выступления гегемония Саро над племенами *чинхан* стала неоспоримой. Примерно с этого времени правители Саро начинают возводить себе громадные насыпные каменные курганы с деревянными гробами внутри. Этот тип могил, неизвестный доселе периферийной чинханской знати, внушал ей страх перед могуществом Саро и его верховных вождей. Раннее государство, основы которого были заложены к концу III в., еще более укрепилось позже, в IV в., с дальнейшим развитием внешних связей Саро и эскалацией межгосударственных войн на полуострове.

Рис. 31. Уткуобразный сосуд (*апхён тхоги*) III в. Обнаружен на территории Кёнджуской долины (квартал Кёдон г. Кёнджу). Высота — 34,4 см. Обожжен при температуре 800–900 градусов, что сообщало глине прочность, сравнимую с прочностью черепицы. Отсюда и укоренившееся в южнокорейской науке название такой керамики — *ваджиль тхоги*, или «черепицеобразная керамика». Сосуды этого типа часто обнаруживают в чинханских и пёнханских погребениях. Видимо, они имели ритуальное значение и были как-то связаны с распространенным среди южнокорейских племен культом птиц.

В то время, как Саро стремилось к объединению чинханских племен, населявшие долину р. Нактонган (в основном современная провинция Юж. Кёнсан) племена *пёнхан* (или *пёнджин*), близкие родственники *чинхан*, по-прежнему оставались раздробленными. Но это вовсе не означает, что по интенсивности контактов с внешним миром (прежде всего китайскими округами) и развитию материальной культуры они отставали от *чинхан*. Скорее наоборот — ряд районов обитания *пёнхан*, и прежде всего устье р. Нактонган (современный город Кимхэ), издавна славилось месторождениями железной руды. Уже в I–II вв. сильное вождество этого района, Куя (или Южная Кая), стало поставщиком железа

для Лолана и протояпонских племен. Через гавани Куя проходил морской путь из Лолана на Японские острова, и вожди Куя активно использовали это обстоятельство для развития посреднической торговли и накопления богатств. Могилы вождей Куя конца II — начала III вв., раскопанные в поселке Яндонни под городом Кимхэ в 1990–1996 гг., показывают, что местную знать хоронили в роскошных деревянных склепах лоланского типа и клали ей в могилы китайские бронзовые зеркала, железные сабли, яшмовые бусы, и т. д. По уровню богатства элита Куя I–II вв. вполне могла соперничать с Саро. Однако, в отличие от Чинхана, другие пёнханские вождества, также разбогатевшие на посреднической торговле, были способны отстоять свою независимость от гегемонистских претензий Куя. В какой-то степени, Куя смогла объединить Пёнхан в подобие региональной конфедерации, но к началу III в. позиции этого вождества значительно ослабли, возможно, в связи с нестабильностью в отношениях с Лоланом. Идеологической базой для вождей Куя был миф о рождении основателя этой политики, Суро, верховным божеством Неба и Горой-Черепайкой. Он схож по структуре с чосонскими, когурёскими и сароскими мифами об основании государства в результате брачных связей небесных и земных/водных божеств. Как и у чинханцев, у пёнханцев был сильно развит культ птиц. По их верованиям, в птицу превращалась душа человека после смерти. Умение исполнять обряды, частью которых было ритуальное «превращение в птицу», считалось важным для жреца или вождя.

В середине — второй половине III в. (примерно тогда же, когда Пэкче утвердило гегемонию над северным и центральным Маханом, а Саро — над большей частью Чинхана) в культурной и политической жизни Куя наступает резкий перелом. Появляется новый тип керамики — прочные (обжигавшиеся при температуре 1200 градусов) сосуды с двумя ручками, низеньким горлышком и круглым доньшком, часто с подставкой. Этот стиль явно испытал цзиньское влияние. Погребения вождей (раскопанные, в частности, в районе Тэсондон г. Кимхэ, пров. Юж. Кёнсан) становятся несравненно богаче, чем прежде. В потустороннюю жизнь вождя сопровождают теперь по несколько умерщвленных на похоронах (или совершивших самоубийство) слуг или дружинников. Такой же обычай существовал и в Саро, но там он возник позже, чем в Куя. В могилах начинают в массовом порядке встречаться предметы типично «северного» обихода — бронзовые котлы (*чхондонбок*) ордосского стиля, доспехи всадника и конские доспехи, связанные с развитой культурой металла и наездничества. Весьма возможно, что эти изменения в культуре были связаны с проникновением в пёнханский регион пуёских или когурёских групп, бежавших от опустошительных вэйских и сяньбийских нашествий III — начала IV вв.

Примерно с этого времени у Куя появились новые названия — Кымгван («Страна железа»), или Пон-Кая («Основная Кая»). Этнотопоним

Кая стал все активнее вытеснять прежнее наименование *пёнхан*. Кымгван сумело к концу III в. институционализировать гегемонию над каяским регионом. Остальные вождества сохранили внутреннюю автономию, но вынуждены были смириться с определенной монополизацией кымгванцами внешних сношений и торговли. В это время Кымгван начало приобретать определенные черты раннего государства — унифицированную систему рангов и должностей для племенной знати, зачатки административных структур на местах, и т. д. Расширяется и география внешних связей Кымгван. Устанавливаются активные контакты с протояпонскими политиями центра о. Хонсю (Кинай), на развитие которых каяские эмигранты оказали значительное влияние. В следующем, IV, столетии, ставшем временем расцвета Кымгван, этому раннему государству было суждено сыграть значительную роль в развитии межгосударственных отношений на полуострове.

Рис. 32.

Латы (доспех), защищавшие тяжеловооруженного кавалериста Кымгван. Обнаружены при раскопках в поселении Тхверэри под городом Кимхэ, датируются приблизительно началом IV в. Высота — 64,8 см. Обычно украшались птичьими перьями, что было связано с представлениями о птицах как символе Неба и посмертного существования.

В целом, в ходе многообразных контактов с внешним миром и активного внутреннего развития, к концу III в. у двух северных протокорейских племен — *пуё* и *когурё* — ранняя государственность достигла достаточно высокого уровня. Менее развитые гегемоны южнокорейских племен *махан*, *чинхан* и *пёнхан* — Пэкче, Саро и Куя (Кымгван) соответственно — сумели, сохранив сильные элементы племенного строя, заложить основы раннегогосударственных институтов. Как мы видим, можно говорить, по крайней мере, о пяти очагах ранней государственности в протокорейской племенной среде. Однако в итоге, ко времени объединения полуострова (середина VII в.) лишь три государства — Когурё, Пэкче и Силла (более позднее наименование Саро) — оспаривали роль объединителя. Пуё, как уже говорилось, рухнуло в результате сяньбийских набегов, а Кымгван было присоединено к Силла в 532 г. Этот факт побудил традиционную корейскую историографию присвоить всему периоду I–VII вв. наименование «эпохи Трех государств». Пуё и каяские ранние государства оказались, таким образом, исключены из «большой»

древнекорейской истории. Значение истории *пуё* и *пёнхан*/Кая для понимания корейской древности в целом вполне осознается историками сегодня. Тем не менее, большинство историков предпочитает придерживаться традиционного наименования «Трех государств», прежде всего из соображений научной преемственности. Это наименование, при всей его условности, используется и здесь.

Источники и литература

А) Первоисточники:

1. Чэнь Шоу. *История Трех Государств (Саньго чжи)*: Пак М. Н. «Описание корейских племен начала нашей эры (По Саньго чжи)» // *Проблемы востоковедения*, 1961, № 1.
2. Ким Бусик. *Самкук саги*. Изд. текста, пер., вступит. статья и коммент. М. Н. Пака / Отв. ред. А. М. Рогачев. М., 1959 (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия. I).
3. Lee, P. H. and de Bary, Wm. T. (eds.). *Sourcebook of Korean Tradition*. New York: Columbia Un-ty Press, 1997. Vol. 1. P. 13–56.

Б) Литература:

1. Ким Воллён (金元龍). *Археология Кореи* (<韓國考古學概說>). Сеул, 1992. С. 128–145.
2. Пак М. Н. *Очерки ранней истории Кореи*. М., 1979.
3. Концевич Л. Р. *Корееведение. Избранные работы*. М., 2001. С. 403–537.
4. Джарылгасинова Р. Ш. *Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики («Стела Квангэтхо-вана»)*. М., 1979.
5. Gardiner, K. H. J. *The Early History of Korea: The Historical Development of the Peninsula up to the Introduction of Buddhism in the Fourth Century A. D.* Honolulu: University of Hawaii Press, 1969.

Глава 5

ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ТРЕХ ГОСУДАРСТВ И ОБЪЕДИНЕНИЕ КОРЕЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА ПОД ВЛАСТЬЮ СИЛЛА (IV–VII вв.)

а) Оформление зрелой государственности в Когурё и Пэкче и их борьба за гегемонию на Корейском полуострове (IV–V вв.)

С исчезновением с карты полуострова китайских округов (313 г.) Пэкче (куда иммигрировало немало проживавших к северу от долины Хангана китайских переселенцев) получило возможность еще более ук-

репиться и усилить свое влияние на полуострове. Государство начинает, по примеру династий Китая, все более активно вмешиваться в основной производственный процесс, мобилизуя десятки тысяч общинников на строительство больших по тому времени водохранилищ. Первый пример масштабных ирригационных работ зафиксирован в источниках под 330 г. Укрепив свое право распоряжаться рабочей силой подданных,

Рис. 33. Политическая карта Корейского полуострова в конце IV — начале V вв. (Источник: Ким Бусик. *Самгук саги*. Т. 3. М.: Восточная литература, 2002. С. 444.)

сделав более регулярным сбор государственных податей с населения, ограничив эксплуатацию зависимых местной знатью и упрочив влияние наместников центра на периферии, Пэкче с воцарением государя Кынчхого (346–375), представителя новой линии правящей династии, перешло к активной экспансионистской политике.

Рис. 34. Знаменитый «семиветвистый меч», хранящийся ныне в синтоистском храме Иси-но-ками в Японии. Сделан из железа. Длина — 74,9 см. В надписи на этом мече (61 иероглиф) остаются «темные места», позволяющие по-разному истолковывать дату и смысл «дарения».

Успешно отразив в 369 г. когурёский набег, Пэкче (при поддержке активно торговавших с маханцами и пёнханцами протояпонских политий) смогло навязать свою внешнеполитическую гегемонию ряду вожеств в бассейнах рек Ёнсанган и Сомджинган и по верхнему течению р. Нактонган. Оно сумело до какой-то степени занять позицию ведущего торгово-дипломатического партнера протояпонских племен на полуострове. При этом необходимо отметить, что вожества этих районов сохранили политическую самостоятельность и культурную самобытность.

Их обязательства по отношению к Пэкче свелись к уступкам в торгово-дипломатической сфере и выплате нерегулярной дани. Обретенное пэкчесцами положение главного поставщика «престижных товаров» с континента на Японские острова было сильным ударом и по внешнеполитическим позициям Кымгван, начавшего ослабевать с того времени. Пэкче оформило свои новые отношения с господствовавшей в то время на Японских островах политией (видимо, протогосударством Ематай в районе Кинай), послав (скорее всего, в 372 г., хотя некоторые ученые сомневаются в этой дате) великолепный «семиветвистый меч» в подарок японскому правителю. С этого времени и до конца независимого существования Пэкче политические образования Японских островов становятся стратегически важными союзниками пэкчесцев, восприимчиками передовой пэкческой культуры.

Укрепив свой южный «тыл», государь Кынчхого в 371 г. атаковал главного соперника, Когурё, и одержал внушительную победу. Дойдя с 30-тысячным войском до района совр. Пхеньяна, он разгромил когурёсцев в битве, в которой пал также когурёский ван Когугвон. В результате Пэкче не только утвердило себя в качестве самого могущественного государства полуострова, но и захватило значительную часть территории бывшего китайского округа Дайфан (нынешняя пров. Хванхэ). Там, по видимому, оставалось еще китайское население — искусные ремесленники и обученные грамоте выходцы из чиновных семей. Дальнейшему приобщению Пэкче к китайской культурной сфере способствовало ус-

тановление с 372 г. тесных отношений с южнокитайской династией Восточная Цзинь (317–420) — центром передовых по тому времени техники и общественной организации. Связи с Цзинь внесли громадный вклад в развитие пэкческой культуры и практически утвердили Пэкче в статусе главного посредника в распространении «престижных товаров» из Китая в южной Корее и на Японских островах. В это же время, ориентируясь на «референтную» китайскую традицию, пэкческие власти привлекли интеллектуала китайского происхождения, Ко Хына (Гао Сина) к составлению первой истории Пэкче, «Исторических записей» (*Согги*; не сохранились). Одновременно пэкческая элита знакомится с популярными в Южном Китае в то время даосской философией и буддизмом. Первый буддийский храм был основан в столице Пэкче в 385 г. Символом мощи Пэкче конца IV в. считается величавый курган № 3 в сеульском районе Сокчхондон (возможно, могила вана Кынчхого). Однако к началу 390-х гг. бесконечные войны с Когурё, чрезмерные мобилизации населения на строительство дворцов и крепостей, а также борьба крупнейшего аристократического клана, рода Чин, против усиления монархии, значительно ослабили Пэкче изнутри.

Рис. 35. Курган № 3 в районе Сокчхондон (длина — 50 м, высота — 4 м)

Неожиданное усиление Пэкче было для когурёской элиты шоком и дало когурёской монархии повод заставить своевольную аристократию согласиться с дальнейшим укреплением центрального государственного начала. В правление вана Сосурима были осуществлены важнейшие реформы, преобразившие страну в «цивилизованное», по дальневосточным понятиям того времени, государство. Новые письменные законы (*юллён*), провозглашенные в 373 г., заложили юридические основы функционирования «регулярного» государственного аппарата в центре и на местах. Существовавшие доселе аристократические ранги и титулы были выстроены в единую систему. Столичную область (*нэхён*) разде-

лили на пять районов (*ну*), а собственно когурёскую (не иноэтническую) периферию (*вепхён*) — на 5 провинций и несколько десятков военно-административных районов с центрами в крепостях (*сон*), управлявшихся присланными из центра чиновниками. Главной их задачей была мобилизация населения в армию и на строительные работы (прежде всего строительство крепостей), а также сбор подушной подати зерном и полотном. Размер подати, как и в Китае, варьировался в зависимости от величины земельного надела. При этом аристократическое начало осталось в обществе достаточно сильным. Высшие ранги и соответствовавшие им должности давались в основном выходцам из старой знати *ну* и верхушке китайских (и других иноэтнических) переселенцев. Присвоение наивысшего ранга *тэдэро* оформлялось решением совета столичной знати. Власть традиционной местной знати над населением не ушла в прошлое полностью, но была значительно ограничена.

Идеологической основой «регулярного» государства стало преподававшееся в основанной в 372 г. Высшей Государственной Школе (прототип государственных конфуцианских университетов будущих династий) конфуцианство. Общенациональным культом, базой для эмоционально сплочения полиэтнического населения страны, преодоления наследия племенной раздробленности и распространения грамотности был заимствованный из Северного Китая буддизм (372 г.). Когурё смогло теперь более успешно отбивать сянбийские и пэкческие атаки. Однако период настоящего расцвета когурёской государственности и культуры пришелся на время царствования возшедшего на трон в 18-летнем возрасте племянника Сосурима, известного по посмертному титулу Квангэтхован («Государь — расширитель земель»; 391–413). Подобно китайским государям того времени, он избрал и девиз для своего правления — Ён-нак («Вечная радость»).

22 года правления Квангэтхо-вана были увенчаны целой серией блестящих побед над соседями, сделавшей Когурё одним из крупнейших и сильнейших государств тогдашней Восточной Азии. Начав войну с главным соперником, пэкчесцами, с первого же года своего восшествия на престол, Квангэтхо одержал ряд внушительных побед, овладев значительными территориями в плодородной долине реки Есонган. Важным союзником Квангэтхо-вана в ожесточенной схватке с Пэкче стало государство Силла (Саро), столкнувшееся с пэкчесцами в ходе присоединения северо-западных районов Чинхана и страдавшее от нападений дружественных Пэкче протояпонцев. С 392 г. Силла признало себя «вассалом» (фактически младшим союзником) Когурё. В дальнейшем когурёское влияние значительно ускорило развитие силлаской государственности. Воспользовавшись в качестве предлога пэкческими и японскими атаками на Силла, Квангэтхо-ван в 396 г. совершил (с использованием как сухопутной армии, так и флота) масштабный поход на пэкческую столицу, осадил ее и в итоге вынудил пэкческого вана Асина принести

унизительную клятву покорности. Формально Пэкче стало таким же когурёским «вассалом», как и союзное Силла.

Пэкче, однако, не желало смириться ни с этим унижением, ни с фактической потерей контроля над значительной частью долины р. Ханган. Укрепив союзнические связи с протояпонцами и каясцами, пэкчесцы готовились к решающей схватке с когурёским завоевателем. Но не терял времени и Квангэтхо-ван. Опять воспользовавшись японскими набегами на «вассальное» Силла как предлогом, он в 400 г. с 50-тысячной армией наголову разгромил вторгнувшихся на территорию Силла протояпонцев. Одновременно он помог силласцам взять под контроль стратегически расположенные на южном побережье полуострова к востоку и западу от Кымгван каяские земли (район совр. городов Чханвон и Тоннэ). С этого момента ослабленное Кымгван прекратило претендовать на гегемонию в среде каяских общин. Пэкче (вновь разгромленное когурёсцами в 407 г.) также потеряло большую долю своего влияния на полуострове. Отношения Силла с Когурё приобрели до какой-то степени характер действительного вассалитета. Силлаский государь не только отправлял в когурёскую столицу символическую «дань» (*чогон*), но также вынужден был смириться с присутствием когурёских гарнизонов в силласких землях и активным вмешательством когурёсцев во внутренние дела Силла (скажем, в вопросы престолонаследия). Одним словом, благодаря победам Квангэтхо-вана Когурё практически стало гегемоном южной части Корейского полуострова. Не менее значительными были и победы когурёсцев на севере. Были разгромлены киданьские племена, в состав Когурё вошли земли Восточного Пуё (низовья р. Тумэньцзян), данниками когурёсцев стали северо-восточные прототунгусские племена *сушень*. Завладев значительной частью маньчжурских земель, Когурё выросло в военно-политическую силу, с которой и правителям китайских династий приходилось разговаривать практически на равных. В то же время формально Когурё поддерживало «вассальные» отношения с той или иной китайской династией и в этот период. В правление Квангэтхо-вана Пхеньян украсился буддийскими храмами, а государев дворец в столице был заново отстроен. После смерти великого завоевателя, в 414 г., у его могилы была поставлена стела с надписью на классическом китайском языке (1802 иероглифа), подробно повествующей, в торжественном евлогическом стиле, о походах и подвигах покойного. Эта стела считается самым ранним из значительных памятников древнекорейской письменности.

Период правления сына Квангэтхо, государя Чансу («Долголетний»; 413–491 гг.), был своеобразным «золотым веком» когурёской государственности и культуры. В 427 г. столицу перенесли с берегов р. Амноккан к югу, в город Пхеньян (ныне — столица КНДР), центр плодородной равнины на реке Тэдонган. Этим ван стремился как укрепить своё влияние на центральную аристократию, не имевшую на новом месте тех

«корней», что были у нее в долине Амноккана, так и активизировать когурёскую экспансию далее на юг, в долину р. Ханган. Чувствуя новую опасность, Пэкче заключило в 433 г. союз с Силла, желавшим ограничить чрезмерное, по мнению силласких государей, вмешательство могущественного северного соседа во внутреннюю политику. Вскоре (в начале 450-х гг.) Силла выходит из когурёской сферы влияния и начинает проводить самостоятельную внешнюю политику. Теснее сближаясь с Пэкче, Силла помогает теперь по мере сил пэкчесцам в борьбе против когурёских вторжений.

По отношению к китайским государствам *ван* Чансу проводил сложную политику, признавая себя формальным «вассалом» могущественной северной династии Поздняя Вэй (386–534 гг.) и в то же время поддерживая активные отношения с соперником Вэй, южной династией Сун (420–479 гг.) и сдерживая тем агрессивные притязания вэйцев. Используя этот факт, Пэкче пыталось обвинить Когурё в «неверности» вэйцам, заключить на этой основе антикогурёский союз с Поздней Вэй и тем спасти себя от надвигающейся угрозы когурёского нашествия. Дипломатические усилия, однако, не помогли пэкчесцам. В 475 г. 30-тысячная когурёская армия штурмом взяла пэкческую столицу и окончательно отняла у Пэкче долину р. Ханган и прилегающие земли. Пэкческий государь Кэро погиб. Пэкческая столица была перенесена из района современного Сеула на юг, в г. Унджин (ныне г. Конджу пров. Юж. Чхунчхон). Хотя обретенное при Квангэтхо-ване положение «старшего государства» по отношению к Силла и было утрачено, победа 475 г. сделала когурёсцев хозяевами большей части полуострова. Символом власти и могущества когурёской элиты того времени были вошедшие тогда в моду роскошные каменные гробницы в китайском стиле. Как и в Китае, стены усыпальниц нередко украшали высокохудожественные фрески. Часто эти фрески реалистично отражали жизнь когурёсцев.

Рис. 36. Стела Квангэтхо-вана (высота — 6,34 м). Ныне находится в Тунгоу (уезд Цзиань, пров. Ляонин, КНР). Текст стелы является ценнейшим источником по древнекорейской истории. Он содержит упоминания о событиях, совершенно проигнорированных более поздними историческими памятниками, равно как и богатейшую информацию по топонимике древней Кореи, административной системе Когурё, и т. д.

Что же послужило причиной сокрушительных поражений, понесенных Пэкче от когурёсцев в 396, 400, 407, и снова в 475 гг.? По-видимому, значение имело то, что вплоть до конца IV в. высшие должности были практически монополизированы кланом Чин, не дававшим монархии

возможности эффективно завершить централизаторскую политику вана Кынчхого. После 405 г. новый ван, Чонджи (405–420), опиравшийся на связанный с ним брачным альянсом знатный род Хэ, сумел ограничить влияние Чинов. Однако взамен он вынужден был смириться с возросшим влиянием клана Хэ во всех областях государственного управления. В следующее царствование (ван Куисин, 420–427 гг.) клан Хэ был потеснен другим знатным родом, Мок, пользовавшимся значительным влиянием на соседние с Пэкче каяские вожества. Затем, при вane Пию (427–455 гг.), Хэ опять восстановили свои позиции. Бесконечная борьба между тремя знатными кланами вносила хаос в государственное управление, не давая, скажем, возможности эффективно оказывать помощь голодающим во время неурожая. Все это приводило к массовым эмиграциям населения в Силла и общему «кризису доверия» к власти. Пытаясь упорядочить администрацию, ван Чонджи ввел с 408 г. должность главного министра (*санчванхён*) — «полномочного представителя» государя, наделенного значительными правами и полномочиями. Однако в итоге и эта должность оказалась в распоряжении всемогущего клана Хэ (429 г.). Аристократическая традиция оставалась господствующей в обществе.

Рис. 37. Фреска, изображающая «хозяина» гробницы. Обнаружена археологами КНДР при раскопках погребений в деревне Токхынни под городом Тэан (пров. Юж. Пхёнан) в августе 1976 г. Из сохранившейся надписи ясно, что захороненный был китайским иммигрантом по имени Чжэнь (кор. Чин), выходцем из окрестностей современного Пекина (в то время — территория государства Позднее Янь, существовавшего в 384–408 гг.). Он умер и был похоронен в 408 г. Занимая высокий пост в администрации Квангэтхо-вана (о чем говорит чиновничий головной убор из синих шелковых нитей) и управляя бывшими лоланскими территориями в окрестностях современного Пхеньяна, Чжэнь был полезен как авторитетный и лояльный лидер китайского населения бывшего Лолана. В то же время подобные ему знатные китайцы, не имевшие прочных «корней» среди когурёской

аристократии, использовались и как орудие укрепления независимой от аристократической среды централизованной государственной власти.

Активными — но в итоге неудачными — были попытки государя Кэро (455–475) обуздать произвол аристократов и усилить централистские начала. Опираясь на поддержку клана Мок, Кэро стал назначать на

все основные должности членов государева рода. По его ходатайству ближайший партнер (и формальный «сюзерен») Пэкче этого периода, южнокитайская династия Сун, присвоил целому ряду его близких родственников (и некоторым членам клана Мок) пышные китайские титулы, что должно было поднять их престиж. Одновременно в стране поощрялось развитие буддизма, универсалистские положения которого должны были, как надеялся Кэро, вытеснить традиционный аристократический клановый этос. Государство также активно использовало свое право на мобилизацию рабочей силы общинников: строились новые крепости на границах, а также роскошные дворцы для государя и его семьи. Однако итог этой политики был печален. Недовольные жесткой централизаторской линией государя, часто приобретающей ярко репрессивный характер в отношении оппозиционной знати, многие аристократы предпочитали эмигрировать в Когурё. В глазах разоренных поборами и мобилизациями общинников государство теряло всякий авторитет. Выражением общего недовольства были популярные слухи о том, что чрезмерное дворцовое строительство ведется якобы по наущению втершихся в доверие государя когурёских шпионов, желающих разорить Пэкче. Так это было или нет, мы вряд ли когда-нибудь узнаем. Однако несомненно, что именно общая атмосфера недовольства в стране сделала возможной решительную победу когурёсцев в 475 г. Показательно, что, после того как пэкческая столица Хансон была взята когурёским войском, именно эмигрировавшие ранее в Когурё пэкческие аристократы нагнали и убили государя Кэро. Перед казнью государю публично трижды плюнули в лицо, что должно было лишить побежденного пэкческого вана последних остатков престижа. Этот эпизод хорошо показывает масштабы всеобщего недовольства, порожденного чрезмерно крутой централизаторской политикой.

Понеся громадные потери (колыбель Пэкче, долина р. Ханган, была утеряна, более 8 тысяч пэкчесцев уведены в когурёский плен), Пэкче, теперь уже со столицей в Унджине на реке Кымган, приступило с конца 470-х гг. к постепенному восстановлению пошатнувшейся государственности. Однако работа по укреплению централизации с самого начала натолкнулась на ряд препятствий. Сразу после переноса столицы на юг, воспользовавшись эмиграцией значительной части клана Мок в Японию, фактическую власть снова захватил род Хэ. Он вошел в союз с кланом Ён, представлявшим местную знать долины р. Кымган. Клан Хэ и Ён не остановились перед тем, чтобы убить препятствовавшего им государя Мунджу (475–477) и возвести на престол своего малолетнего ставленника. В итоге, однако, их выступление было подавлено кланом Чин, вошедшим в союз с Пэк — могущественным родом из окрестностей Унджина. К концу 470-х гг. в среде пэкческой знати установилось определенное равновесие сил, что позволило монархии приступить к постепенному укреплению своих позиций.

Государем, сумевшим до какой-то степени восстановить пошатнувшееся после катастрофического поражения 475 г. влияние Пэкче, был Тонсон-ван (479–501), племянник трагически погибшего Мунджу. Заключение политический альянс с местной знатью долины р. Кымган (кланами Са, Ён и Пэк), Тонсон сумел в определенной мере политически изолировать наиболее опасную для монархии «старую» центральную знать (кланы Хэ и Чин). Как и его предшественник Кэро, Тонсон искусно поднимал престиж своих родственников и ближайших сторонников, рекомендуя их к присвоению пышных китайских титулов от номинального «сюзерена» Пэкче того периода, династии Южная Ци (479–502), наследовавшей Сун.

Традиции Кэро продолжались и в другом аспекте: государство активно пользовалось своими мобилизационными полномочиями, регулярно сгоня общинников на строительство крепостей на границах и в окрестностях столицы, а также дворцов, мостов и роскошных павильонов в столице. Постоянно происходили также наборы в армию, смотры и тренировки войск. Эта политика, равно как и прочный союз с Силла, скрепленный брком государя с дочерью силлаского аристократа (493 г.), способствовали значительным успехам Пэкче в борьбе с когурёской экспансией. Дальнейшее продвижение когурёсцев на юг было практически остановлено. Наоборот, на юг активно продвигались сами пэкчесцы. Пэкческие форпосты в долине р. Ёнсанган, впервые появившиеся уже на рубеже IV–V вв., были дополнительно усилены. В регион стала активно проникать пэкческая материальная культура. Данником Пэкче стало вождество, контролировавшее о. Чеджудо (тогда назывался Тхамна), а торгово-дипломатические контакты с ранними государствами Японии стали еще интенсивнее. Однако, как и в случае с активной централизаторской политикой Кэро, чрезмерные мобилизации в войско и на стройки вызвали широкое недовольство населения, массовое бегство в соседние страны. Ситуацией воспользовался усилившийся род Пэк, организовавший убийство вана Тонсона. Как показывают неудачи централизаторских мероприятий Кэро и Тонсона, пэкческая монархия не смогла установить твердого контроля над верхушкой аристократии вплоть до конца V в.

Рис. 38.

Образец пэкческой керамики из района Унджина — гладкий сосуд серого цвета с плоским доньшком и расширенными «плечиками» (высота — 17 см). Обоженный при относительно низкой температуре, сосуд отличался хорошими абсорбционными качествами.

**в) Постепенное развитие ранней государственности в Силла.
Изменения в протогосударствах Кая (IV–V вв.)**

Ранняя государственность, основы которой были заложены в Силла на рубеже III–IV вв., укрепилась в ходе преобразований конца IV в. Именно в это время трон Силла окончательно закрепляется за кланом Ким, составившим основу силлаской центральной аристократии как таковой. Базой влияния Кимов было их господствующее положение в двух центральных *ну* Кёнджуской долины — Кымнян (другое наименование — Тхак) и Сарян. *Лу* — полуавтономные политии, созданные на основе вожеств племенной эпохи и управлявшиеся одним или, чаще, несколькими аристократическими родами. Как и в Когурё II–IV вв., они составляли в Силла IV–V вв. основу политической и административной структуры. Их дружины, являвшиеся костяком силлаской армии, контролировали завоеванную силласцами периферию. Их представители в Совете Знати оказывали решающее влияние на выработку важнейших политических решений. Традиционные поборы с рядовых членов *ну* были экономической основой существования аристократии. Другие аристократические роды Кёнджуской долины (прежде всего Пак и Сок), утратив влияние на центральные *ну* и права на трон, сохраняют с конца IV в. свое политическое влияние лишь в контексте брачных связей с Кимами. Окончательно монополизировав трон за своим кланом, правитель из рода Ким Нэмуль (356–402) принял новый титул *марипкана* («главенствующий вождь»). Следуя примеру Когурё, он установил в 381 г. дипломатические отношения с династией Ранняя Цинь (351–394), которая объединила большую часть Северного Китая. Кроме того, в этот период аристократия центральных *ну* Кёнджуской долины начала строительство гигантских насыпных каменных курганов с несколькими деревянными саркофагами, где вместе с хозяевами хоронили также принесенных в жертву на похоронах рабов. Все эти меры должны были поднять престиж клана Ким и поддерживавших его слоев аристократии. Но в то же время нельзя не отметить, что, укрепив описанным выше способом свое привилегированное положение, клан Ким и возглавляемые им центральные *ну* все равно вынуждены были вплоть до начала VI в. сохранять практически конфедеративные отношения с остальными четырьмя *ну* Кёнджуской долины. *Марипканы* признавали автономию этих четырех *ну* во внутренних делах, привлекали их к участию в управлении и считались с интересами их аристократии. И конечно же, на периферии у Силла существовали лишь зародыши администрации. В основном связь периферии с центром исчерпывалась выплатой дани.

С 392 г. Силла практически признает «сюзеренитет» Когурё. В столице Силла, Сораболь (ныне г. Кёнджу) активно воспринимается когурёская культура, сыновья силлаского государя посылаются заложниками в Когурё. Сами силлаские государи преподносят когурёским ванам ри-

туальную «дань» (*чогон*). На этот шаг силласцы пошли как в связи с усилением Когурё в правление государей Сосурима и Квангэтхо, так и из желания обезопасить себя от японских и пэкческих набегов и, особенно, от конкуренции со стороны конфедерации южнокаяских политий во главе с Кымгван. Именно конец IV в. был периодом наивысшего расцвета южнокаяских политий, вместе с Пэкче игравших роль главных торговых партнеров японских протогосударств на Корейском полуострове. Именно южнокаяская полития Тхаксун (по-видимому, располагавшаяся в районе совр. города Чханвон, пров. Юж. Кёнсан) сыграла роль посредника в установлении отношений между Пэкче и японцами в 360-х гг. Южнокаяские могилы этого времени изобилуют железным оружием, латами и кавалеристским снаряжением явно «северного» (пуйёского или когурёского) типа, а также предметами роскоши и престижа (саблями с декорированными рукоятками, яшмовыми и золотыми украшениями, и т.д.). Как раз в этот период вырабатывается отличавший позже Кая стиль керамики — неглубокие сосуды на высоких ножках или подставках, сосуды с выпуклыми боками и короткой шейкой, а также специфичные для этого региона сосуды с длинным горлышком и отдельно изготавливавшейся подставкой. Появление самостоятельного керамического стиля говорит о том, что в этот период в Кая начала складываться отдельная этнокультурная общность.

Союзники Кая — японцы — активно использовали каяскую территорию для нападений на Силла. Это спровоцировало в 400 г. масштабную карательную акцию со стороны «сюзерена» Силла, когурёского Квангэтхо-вана. Японцы были наголову разгромлены, а значительная часть южных районов Кая (прежде всего территория современного города Тоннэ близ стратегически важного устья р. Нактонган) подпала под влияние местных союзников Когурё — силласцев. Вскоре Кымгван, потеряв своё господствующее положение в среде южнокаяских политий и подвергнувшись нападению со стороны соседних каяских ранних государств, была вынуждена обратиться к Силла за военной помощью. Так, благодаря союзу с могущественным Когурё, было устранено серьезное препятствие на пути экспансии Силла в южном направлении.

V в. был для Силла временем стабильного развития производительных сил и культуры, а также серьезных постепенных изменений в социальной организации. Постепенно распространяется пахота на быках, дававшая более глубокую вспашку и несравненно лучшие урожаи. С 502 г. этот метод земледелия официально поощряется государством. Расширяется круг владельцев железных орудий сельскохозяйственного труда, прежде всего лопат и серпов. Как кажется, именно в этот период силласцы впервые знакомятся со снабженным железным сошником плугом. Государство организует крупномасштабные ирригационные работы на местах. Один пример масштабной мобилизации такого рода известен из источников под 429 г. В результате, в Силла, как и в Когурё III в., постепен-

но подтачиваются основы общинной собственности на землю. Поля, формально оставаясь общинным достоянием (и, в идеале, собственно-стью государства), реально переходят в распоряжение отдельных семей.

Рис. 39. Набор ритуальных бронзовых цилиндров с язычками внутри (Кымгван, IV–V вв.). Видимо, подобного рода цилиндрические «колокольчики» играли роль священных музыкальных инструментов. Они использовались для призывания добрых духов и изгнания злых на религиозных церемониях. Похожие инструменты бытовали в описываемую эпоху и в районе Кинай в центре о. Хонсю (Япония). Длина — до 14 см.

В ходе этого процесса выделяется слой богатых крестьян (*хомин*). Владельцы часто недоступных для бедноты железных орудий труда и тяглового скота, они захватывают в свои руки общинное самоуправление, организацию общинного ополчения, и т. д. Одновременно беднейшие крестьяне начинают разоряться, переходя на положение батраков или бродяг. Расслоение в крестьянской среде ослабляет позиции традиционной знати *ну*, привыкшей опираться на традиции общинной солидарности. Но в то же время разложение кровнородственной общины укрепляет позиции государства, получившего возможность постепенно перейти к налоговой и мобилизационной эксплуатации каждого крестьянина индивидуально (вместо традиционных нерегулярных поборов с общины как целого). Процесс распространения железных орудий также в значительной мере контролировался государством, монополизировавшим основные железнорудные ресурсы и центры производства железа. Другим источником доходов для государства был открытый в 490 г. в столице рынок, где богатые крестьяне могли продавать свои продукты. Таким образом, постепенное развитие частной собственности и торговли, углубляющееся расслоение крестьянства способствовали, в конечном счете, укреплению государственной власти.

Рис. 40. Железный серп каяского производства, IV–V вв. Обнаружен при раскопках в деревне Тоханни, уезд Хаман, пров. Юж. Кёнсан. Длина — 16 см., ширина — 3,6 см. Похожие орудия использовались и силласкими крестьянами того времени.

Общему повышению роли государства в жизни общества способствовала и мобилизационная атмосфера, связанная со сложной и напря-

женной международной ситуацией V в. С середины V в. Силла избавилось от положения «вассала» Когурё, став в 433 г. союзником Пэкче и активно участвуя с 450-х гг., вместе с пэкчесцами и каясцами, в борьбе с продвижением когурёсцев на юг. Однако в связи с этим Силла начало подвергаться постоянным атакам когурёсцев и их союзников *мохэ*, и было вынуждено заняться строительством линии крепостей на своих северных и западных границах. Мобилизации на крепостное строительство и армейскую службу укрепляли роль военно-административной верхушки (рекрутировавшейся практически только из клана Ким) и способствовали постепенному формированию представлений о единстве, однородности силлаского социума, вне зависимости от традиционных родоплеменных подразделений. Тот же эффект вызывала и необходимость противостояния участвовавшим набегам японских пиратов, воспринимавшихся как старые, извечные враги Силла.

В процессе борьбы с японцами складывались легенды о преданных и отважных подданных, с готовностью пожертвовавших жизнью в борьбе с традиционным противником Силла, и эти легенды становились одной из основ нового, государственного самосознания. Особенно популярно было литературно дополненное и обработанное позже предание о правителе силласких земель на крайнем юге страны (ныне — г. Янсан в окрестностях г. Пусан), *кане* Пак Чесане. Он, согласно легенде, выручил в 418 г. из когурёского и японского заложничества братьев вана Нульджи (417–458), но был жестоко казнен (сожжен на костре) в отместку за это японцами. По преданию, в ответ на предложение японского государя предать Силла, стать японским подданным и тем сохранить себе жизнь Пак Чесан ответил, что он скорее готов стать «собакой или свиньей» в Силла, чем знатным слугой вражеского владыки. Эта модель поведения стала референтной для силлаского патриотизма на долгое время и была активно использована правящим слоем позже, в ходе боев за объединение полуострова под властью Силла. Другим способом обеспечить эмоциональное единение силласцев было основание в 487 г. (по другим источникам, даже ранее) Дворца Богов (*Сингун*) — центрального общесиллаского храма. Построенный на месте рождения легендарного Пак Хёккосе, он был посвящен обожевленным предкам кланов Ким и Пак и божествам Неба и Земли в целом. Так закладывались основы силлаской этно-культурной идентичности.

О том, какой уровень роскоши был необходим для поддержания престижа владык Силла этого времени, можно судить по материалам раскопок расположенных в основном в центре современного г. Кёнджу насыпных каменных курганов с деревянными саркофагами. Предположительно, это погребения силласких правителей V — начала VI вв. Верования того времени требовали снабжать покойных всем необходимым для загробной жизни, представлявшейся продолжением земного существования. Поэтому обстановка погребений дает представление о том,

какими благами покойные пользовались при жизни. Так, один из самых известных силласких курганов этого времени, Гробница Небесной Лошади (*Чхонмачхон*; названа так исследователями по найденной в гробнице детали конской сбруи с великолепным рисунком летящей лошади), представляет собой круглую по форме каменную насыпь 6-метровой высоты. Над ней сложен земляной курган (общая высота — 12 м, радиус — 51 м). В саркофаге под насыпью (*мёгвак*) найдены прекрасная золотая корона, золотая шапка, наборный золотой пояс с множеством ювелирно выделанных подвесок различной формы (рыбы, ножики, и т. д.), сосуд из голубого стекла, предметы конской сбруи, оружие, и т. д. Все эти предметы, в которых явно чувствуется китайское, скифо-сибирское, а иногда даже и романо-переднеазиатское (как в случае со стеклянными сосудами) влияние, использовались погребенным (видимо,

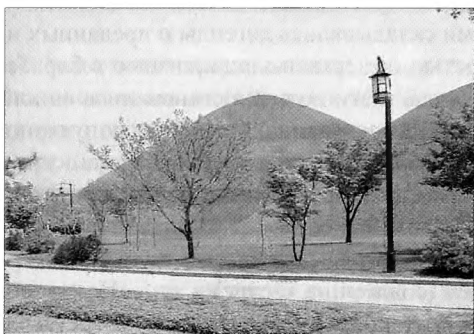

Рис. 41. Так выглядит сейчас раскопанная в 1973 г. и позже превращенная в музей Гробница Небесной Лошади

бончхон и *Хваннамтэчхон*. Неудивительно, что, зная о роскоши, окружавшей силласких владык того времени, японцы называли Силла «страной золота и серебра».

медвежьим хвостом. Считалось, что *цилинь* появляется на земле с приходом на нее совершенномудрого властителя. Изображения *цилиндя* встречаются на фресках Когурё; возможно, что его образ повлиял и на искусство Силла.

одним из государей Силла V в.) при жизни для утверждения личного и династийно-кланового престижа. Золотые короны и пояса, роскошные сабли, редкие и драгоценные для того времени стеклянные сосуды, а часто и кости десятков умерщвленных на похоронах людей (рабов или слуг) обнаружены и в других громадных погребениях этого периода: Кургане Золотой Короны (*Кымгванчхон*), курганах *Со-*

Рис. 42. Изображение летящей небесной лошади, давшее название знаменитому кургану. Образ летящей лошади («гибрид» лошади и птицы) был, по-видимому, связан с издавна существовавшим у чинханских племен культом верховного небесного божества. Возможно, однако, что влияние на данный образ также оказали и китайские представления о фантастическом животном *цилинь* (кор. *кирин*) с туловищем лошади, копытами оленя, рогами, головой дракона и

Усиление Силла в V в. влекло за собой расширение силлаской экспансии на юг, в южно-каяские области, постепенное вовлечение небольших ранних государств южнокаяского региона (прежде всего Кымгван) в орбиту силлаской дипломатии, политики и культуры. Однако это вовсе не означало утраты каясками политической самостоятельности и этнокультурной самобытности. Вместо Кымгван центром притяжения для северных и центральных каяских политий (верхнее течение р. Нактонган, районы современных уездов Корён, Хапчхон, Ёйрён, Кочхан и Санчхон провинций Северная и Южная Кёнсан) стало усилившееся к концу V в. раннее государство Тэгая. Буквально его название переводится как «Большая Кая». Располагалось оно в центре современного уезда Корён. Укреплению Тэгая способствовало временное ослабление Пэкче после катастрофического поражения, понесенного от когурёсцев в 475 г. Избавившись от навязанной пэкчесцами еще во времена Кынчхого-вана «опеки», северные каясцы, и прежде всего Тэгая, смогли уверенно выйти на сцену в качестве самостоятельной военно-политической и культурной силы.

В 479 г. государь Тэгая, подобно пэкческому, завязывает дипломатические отношения с китайской династией Южная Ци и получает от китайцев формальную инвеституру (хотя и более низкого ранга, чем ван Пэкче). Это символизирует вхождение Тэгая в ряды «цивилизованных» государств Восточной Азии того времени. Вместе с Пэкче и Силла, Тэгая становится частью антикогурёского альянса, и на равных с двумя могущественными соседями участвует в борьбе с продвижением когурёсцев на юг. Как и ранее Кымгван, Тэгая завязывает традиционные для каяских политий тесные контакты с японцами. Впрочем, даже более тесными, чем у Тэгая, были связи с японцами у другой северокаяской политии, Ара. Имевшая также другой вариант названия, Алла, эта полития располагалась на территории современного уезда Хаман провинции Южная Кёнсан. На ее землях с 20–30-х гг. VI в. даже располагилась постоянная торгово-дипломатическая миссия японского раннего государства Ямато.

В культурном отношении, Тэгая и окружающие ее северокаяские политии вырабатывают свой оригинальный стиль в керамике — сосуды с длинным горлышком и крышкой, часто с приделанной подставкой. Это является важным свидетельством формирования определенной этнокультурной общности. Активную культурную политику проводил тэгайский правитель Хаджи (другой вариант этого имени — Касиль), получивший от Южной Ци официальную инвеституру. Желая ритуальным путем закрепить единение северокаяских политий вокруг Тэгая, он инициировал собрание ритуальной музыки северокаяских земель и ее переработку в единый общекаяский музыкальный «канон». Эта «каноническая» музыка исполнялась на *каягыме* («каяской цитре»). Каягым, новый музыкальный инструмент, вскоре вошедший в сокровищницу древ-

некорейской музыкальной культуры, был создан в Тэгая музыкантом Урыком на основе китайской двенадцатиструнной цитры. Тот факт, что власти Тэгая имели возможность проводить столь активную культурную политику, показывает существенный рост экономических ресурсов и политического влияния этой политии. Вскоре, в начале VI в., Тэгая, наравне с Силла и Пэкче, станет одним из главных игроков на политической сцене южной Кореи.

Рис. 43.

Могилы тэгаяских государей и знати, расположенные в районе Чисандон города Корёна. В нескольких из этих громадных курганов были обнаружены золотые короны, роскошные сабли, кавалеристское снаряжение и многочисленные останки погребенных вместе с хозяевами слуг и рабов.

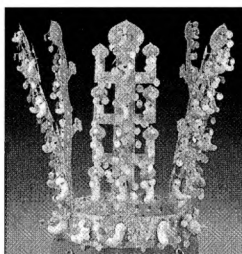

Рис. 44.

Золотые короны Силла (сверху; найдена в Гробнице Небесной Лошади) и Тэгая (снизу). Сличение этих двух памятников дает хорошее представление о различиях в ритуальных убранствах силласких и каяских владык. На силласких коронах обычны украшения в форме деревьев с 3–4 уровнями ветвей и стилизованных оленьих рогов. Эти украшения несут на себе отпечатки шаманских представлений о Мировом Дереве в центре мира (каковым в ритуале считался государь), а также связаны со свойственным всем древним корейцам культом оленя. Тэгаяская корона украшена стилизованными изображениями стеблей травы с тремя уровнями листьев. Это связано с представлениями о трехчастной структуре мира — Небо, Земля и Подземное царство.

в) Когурё, Пэкче и Силла в VI в. Усиление Силла

К середине VI в. Когурё продолжало оставаться сильнейшим государством региона, заслуженно известным и как центр ремесла, торговли и культуры. Но во внутривластной структуре Когурё происходят серьезные изменения. Авторитарная власть монарха ослабевает, и все более важную роль в политике начинает играть Совет Знати. Он представлял прежде всего центральную столичную аристократию — обладателей высших рангов и должностей. Между клановыми кликами («партиями») в Совете часто случались распри, иногда заканчивавшиеся

масштабными вооруженными побоищами и жестокими «чистками» в отношении проигравших. Иногда (по сообщениям японских источников) жертвами междоусобной борьбы в аристократической среде становились и государи. Престиж государственной власти падает, среди ее функций повышается роль ритуально-представительной. Все большее значение в деятельности государя приобретают священные охоты, жертвоприношения обожествленному предку династии Чумону, и т. д. Реальные же полномочия постепенно оказываются в руках преобладавших в Совете аристократических кланов, иногда родственников ванских жен.

Определенное ослабление государственной мощи Когурё, вызванное этими переменами, дополнялось внешнеполитическими осложнениями. Северный Китай вступил в 530-е гг. в полосу смуты, вылившейся в войну между двумя наследниками государства Вэй — Западным и Восточным Вэй. Это не могло не сказаться на безопасности когурёских границ. Затем, с основанием в 552 г. Тюркского каганата, преобладающей силой в Великой Степи к северу от Китая становятся тюрки. Как сами тюрки, так и их маньчжурские союзники (племена *кидань* и *мохэ*) начинают тревожить Когурё своими набегами. Положение изменилось после поражения, нанесенного тюркам империей Суй (583 г.). Последней вскоре (589 г.) удалось объединить под своей властью весь Китай, закончив тем самым продолжавшийся почти четыре столетия период раздробленности и владычества «варварских» династий на Севере. Однако очень скоро Суй, желавшая вернуть у Когурё принадлежавшие некогда ханьской династии ляодунские земли и, по возможности, полностью подчинить и само Когурё, превратилась сама в серьезнейшую угрозу для когурёской государственности. Таким образом, в VI в. Когурё, при всем его несомненном могуществе, не имело возможностей для проведения активной внешней политики на юге полуострова. Как скоро выяснилось, оно не было даже способно эффективно защищать свои южные рубежи от Пэкче и Силла. Однако, несмотря на все политические осложнения, VI в. был временем активного развития когурёской культуры, расцвета когурёского буддизма. В Когурё приезжали учиться силлаские монахи, а сочинения когурёских буддистов пользовались популярностью даже в Китае. На фресках когурёских гробниц этого времени буддийские мотивы становятся явно более выраженными.

Рис. 45. Изображение буддийского символа, лотоса, из гробницы № 4 в поселении Чинпхари под Пхеньяном (конец V в.). Считалось, что лотос, растущий среди мутных вод, сам остается при этом чистым. В глазах верующих он символизировал жизнь верного заповедям буддиста среди грехов и соблазнов этого мира.

По контрасту с определенным ослаблением Когурё, главный соперник когурёсцев, Пэкче, переживало в VI в. период культурного и социально-политического расцвета. После более чем столетия внутренних конфликтов в Пэкче начали, наконец, вырисовываться очертания централизованной монархии и более или менее унитарного и сплоченного правящего класса. В правление Мурён-вана (501–523), государство, поставленное в сложные условия чередой неурожая, эпидемий и других бедствий, нашло определенный компромисс между насущной потребностью в централизации и упорным желанием аристократических фамилий сохранить свои прерогативы. С одной стороны, именно в этот период страна обрела единую систему управления на местах. Вся периферия была поделена на 22 «губерний», управлять которыми посылали в основном членов государева клана. «Губернии» эти назывались *тамно*, от пэкческого слова *тара* — «окружной город». Конечно, «посланцы центра» и их дружины не могли полностью заместить местную знать и общинно-территориальное самоуправление, но влияние их было весьма значительным. Как раз с этого времени традиционные формы погребений в юго-западных районах Пэкче (былые маханские вожества района р. Ёнсанган) полностью уступают место типичным для центральных областей гробницам с каменной погребальной камерой (*соксильбун*). Это говорит о явном усилении влияния центра на места. С другой стороны, на важнейшие посты выдвигаются представители как «старой»

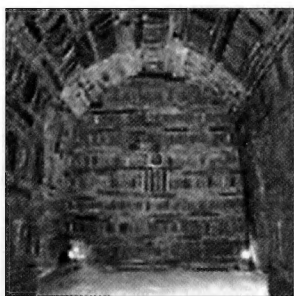

Рис. 46. Кирпичная погребальная камера гробницы Мурён-вана (высота — 3,14 м) и золотое украшение парадного головного убора государя (высота — 30,7 см).

(роды Хэ и Мок), так и «новой» (род Са) знати. Государство, таким образом, находит определенный компромисс со всеми основными группировками господствующего класса. Чтобы придать устойчивость властной структуре в целом, государство проводит обширные ирригационные работы, сажает бродяг и безземельных на вновь освоенные земли и тем самым укрепляет свою налоговую базу. Во внешней политике, Пэкче удается отбить у когурёсцев некоторую часть земель Ханганской долины и вести активную экспансию в окраинных каяских районах долины р. Сомджинган (уезды Имсиль и Намвон пров. Сев. Чолла). Пэкче под-

держивает тесные отношения как с японским ранним государством Ямато, так и с южнокитайским царством Лян (502–557). К концу своего правления (521 г.) Мурён-ван горделиво заявлял лянскому владыке, что Пэкче «вновь стало сильным государством», и эта самооценка кажется достаточно реалистичной. Роскошь, окружавшая проставленного государя при жизни, хорошо видна по множеству драгоценных вещей, найденных археологами в 1971 г. при раскопках гробницы Мурёна-вана. Сама эта гробница, с типичной для Лян кирпичной погребальной камерой в форме арки, и множество найденных в ней китайских вещей, говорят об интенсивности усвоения пэкчесцами южнокитайской культуры.

С приходом к власти сына Мурёна, государя Сона (523–554), Пэкче вступило в эпоху успешной административно-политической централизации и культурного расцвета. Новый государь перевел в 538 г. столицу в город Саби (ныне г. Пуё пров. Юж. Чхунчхон) и официально переименовал страну в «Южное Пуё». Впрочем, в обиходе название Пэкче продолжало быть общеупотребительным. Перенос столицы замыслился уже государем Тонсоном, желавшим избавиться от чрезмерного влияния унджинских аристократических кланов, но цель эта была достигнута лишь ваном Соном почти через полстолетия. Новая столица была разделена на пять районов (*ну*), каждый из которых выставял по 500 воинов. Также на пять «провинций» (*пан*) во главе с присылаемыми из центра верховными администраторами (*паннён*) и их помощниками (*панджва*) была разделена вся территория страны. «Провинции», в свою очередь, делились на 7–10 уездов (*кун*), состоявших из округов с центрами в крепостях (*сон*). Главной обязанностью провинциальных администраторов был сбор налогов и мобилизация населения в армию и на трудовые повинности. Каждый уезд выставял около 1000 ополченцев, и соответственно «провинция» — около 10000. Эта новая единообразная и разветвленная административная система позволяла государству значительно жестче контролировать население страны, практически исключив традиционную знать из местного управления. Впрочем, значительная часть местной знати была привлечена к работе в центральном административном аппарате.

В делах центральной администрации государь по-прежнему не был единовластен. В важнейших делах он вынужден был учитывать мнение Совета Знати, состоявшего из представителей 8 знатнейших фамилий с наивысшим рангом *чвапхёна*. Однако значительная часть повседневной административной работы выполнялась 22 центральными ведомствами (*нуса*) — Законов, Внешних сношений, Уголовных дел, Налогов, Военных дел, и т. д. Начальники этих ведомств (*чанса*), сменявшиеся через каждые три года и полностью подконтрольные государю, часто были выходцами из местной «второстепенной» знати или эмигрантских фамилий, всем обязанными верховной власти и целиком ей преданными. Общее усиление централизованных властных начал чувствовалось и в

углубившемся влиянии китайских конфуцианских и буддийских идей. Космический трансцендентализм этих развитых философско-религиозных учений подчеркивал внутреннее единство и имманентную иерархию всех явлений материального и духовного мира. Различия между ними объявлялись поверхностными и несущественными. Подобные концепции позволяли преодолеть традиции аристократически-кланового партикуляризма, создавали основу для представлений об общегосударственном единстве. Государь, как хранитель и покровитель буддийского учения и образец конфуцианских добродетелей, возвышался теперь в фигуру, несравнимую по масштабам с окружавшими его замкнутыми мирками кланово-племенных традиций. Традиционные культы богов плодородия, морских драконов и священных гор сохранили значительное влияние, но подверглись серьезному «огосударствлению», т. е. систематизации и обработке в духе китайских традиций и философии.

Рис. 47а (слева). Типичная для Пэкче VI в. глиняная чернильница. Диаметр — 23,5 см. Чернильницу поддерживали 19 искусно орнаментированных ножек. Находка этой и подобных чернильниц на месте пэкческой столицы Саби говорит о широком распространении в Пэкче грамотности и письменной культуры.

Рис. 47б. Вотивная бронзовая статуэтка Будды Шакьямуни и двух прислуживающих ему бодхисаттв (т. н. «буддийская троица»). Высота — 8,5 см. Она была, судя по сопроводительной иероглифической надписи, отлита неким Чон Дживоном, молившимся о том, чтобы его умершая жена не перевоплощалась после смерти в «трех плохих мирах» (аду, мирах животных и голодных духов). Особой художественной выразительностью отличается «огненный» нимб Будды — символ его божественной энергии. Частые находки таких статуэток в пэкческих памятниках VI–VII вв. говорят о распространении буддистских верований среди широких слоев населения.

Внешние связи Пэкче периода правления Сон-вана отличались необычной широтой и интенсивностью. С одной стороны, Пэкче поддерживало очень тесные отношения с династией Лян, приглашая оттуда мастеров для украшения новой столицы, специалистов по конфуцианскому этикету, древнекитайской канонической поэзии и буддийским писаниям. С другой стороны, захватив к 530-м гг. у каясцев практически весь торговый путь по р. Сомджинган и порт Таса (ныне Хадон) в устье

этой реки, Сон-ван установил тесные контакты с Японией, посылая туда пэкческих техников и специалистов по медицине, астрономии, астрологии и конфуцианским канонам (некоторые из них — интеллигенты китайского происхождения). Именно в его правление (и, скорее всего, через пэкческие официальные миссии) японцы начали заимствовать у Пэкче буддийские идеи и ритуальные предметы, что положило начало распространению буддийской религии на Японских островах. По традиционной версии, оспариваемой многими учеными, это произошло в 552 г. Дипломатический замысел Сон-вана заключался в использовании японской помощи для дальнейшей экспансии в северо-каяские районы и для активной борьбы с Когурё за возвращение долины р. Ханган.

Однако результаты усилий пэкческого государя были, скорее, противоположны его намерениям. Учрежденная по его инициативе торгово-дипломатическая миссия Ямато в каяском раннем государстве Ара защищала не пэкческие, а каяские интересы и все больше принимала просилласкую линию. Она стремилась играть роль посредника в отношениях между Силла и северокаяскими политиями. Силла же, поглотив уже в начале 530-х гг. южнокаяские владения (Кымгван — в 532 г.), медленно, но неуклонно углубляла в 540-е гг. свое влияние на стратегически важный северо-каяский регион. Ведя активную закулисную борьбу с Пэкче, Силла продолжало использовать пэкщесцев как союзников в борьбе с продвижением Когурё на юг. Конфликт Пэкче с Силла, обусловленный прежде всего столкновением экспансионистских амбиций обоих государств в каяском регионе, вылился наружу в 550–553 гг. После того, как Силла и Пэкче в ходе совместной военной акции отняли у Когурё долину Хангана, Силла, заключив (с точки зрения пэкщесцев, крайне вероломно) тайный союз с Когурё, изгнало из ханганской долины пэкческие войска. Вся эта территория была превращена в силласкую область под названием Синджу.

Беспредельно разгневанный (ведь возвращение ханганских земель, колыбели пэкческой государственности, было делом чести для его династии!), Сон-ван усилил свою армию отрядами каяских и японских союзников и напал в 554 г. на Силла. Однако битва под силлаской крепостью Квансансон (ныне город Окчхон) закончилась для пэкческого владыки трагически. Силласцы, успевшие стяжать расположение большей части северо-каяской знати, наголову разгромили пэкческие войска, сам же Сон-ван попал в засаду и был убит. По японским источникам, силласцы поручили обезглавить пэкческого государя рабу, чтобы как можно сильнее унижить своего врага. Долина Хангана стала органической частью силлаского государства, а северо-каяские политии были присоединены к Силла к 562 г. Ставка на японскую помощь, сделанная Сон-ваном, была трагической для судеб Пэкче ошибкой. Ямато не располагало реальными средствами для эффективной помощи своим континентальным союзникам. Другой серьезной ошибкой Сон-вана была явная

недооценка возможностей Силла и серьезности силласких экспансионистских амбиций. В итоге поражения 554 г. экспансия Пэкче на восток (в каяские районы) и север (в долину р. Ханган) оказалась крайне затрудненной.

Поражение и гибель Сон-вана — и практический крах его внешне-политической линии — сильно подорвали авторитет монархии внутри страны. Вновь усиливается аристократия, сумевшая теперь обеспечить себе преимущественное право на высшие назначения в системе 22 центральных ведомств. Попытки монархии приподнять свой престиж через военный реванш совершенно не имеют успеха. Силла способно было с середины VI в. эффективно отражать пэкческие атаки на пограничные территории. Потеряв Силла как союзника в борьбе против Когурё, Пэкче

Рис. 48. Массивный (высота — 74 см) аркообразный гранитный реликварий, сделанный (судя по надписи) в 567 г. по заказу сестры Видок-вана (554–598). Реликварии (*сарихам*), ящики для мощей Будды или буддийских подвижников, являлись в Пэкче (как и в Китае) предметом особого культа.

вынуждено было изменить свою политику в отношении китайских государств и сконцентрироваться на укреплении связей не с южными (как раньше), а с северными династиями — соседями и потенциальными противниками когурёсцев. Особенно стремились пэкческие правящие круги к тесному союзу с объединившей Китай в 589 г. империей Суй (наследница предыдущего формального «сюзерена» Пэкче — государства Северное Чжоу, 557–581). Они надеялись, что последняя разгромит Когурё и тем кардинально изменит всю ситуацию на полуострове. Пэкче предлагало суйцам даже план совместного нападения на Когурё. Однако надежды пэкческой монархии опять оказались в итоге несостоятельными. Когурёсцы сумели разгромить суйские полчища, что в итоге привело Суй к падению.

Активные контакты с Китаем способствовали дальнейшему развитию в Пэкче второй половины VI в. буддизма, расцвету буддийского искусства (особенно скульптуры), своеобразно трансформировавшего

пришлые стилистические каноны. Интересно, что, подражая покровительствовавшим буддизму китайским правителям, пэкческий ван Поп (599–600) издал в порыве религиозного энтузиазма даже официальный указ о запрещении убивать животных и заниматься охотой и рыбной ловлей. Ясно, что этот указ не был рассчитан на строгое соблюдение. Однако сам факт его издания говорит о том, насколько буддизм к тому времени преобладал в сознании пэкческих правителей над традицион-

ными местными культами, в которых ритуальные охоты и жертвоприношения играли важную роль.

В то время, как в Когурё и Пэкче к концу VI в. централизованные монархии были вынуждены пойти на ряд уступок аристократическому обществу, в относительно отсталом Силла только закладывались первые основы централизованной системы управления. К началу VI в. стержнем общественной и административной организации Силла по-прежнему оставались полуавтономные *ну*. Каждое управлялось своей собственной традиционной аристократией. Государь и его ближайший помощник *кальмунван* (можно интерпретировать как «государев помощник»), назначавшийся из числа ближайших государевых родственников, прямо контролировали лишь два центральных *ну* — Кымнян и Сарян соответственно. Государев клан также сумел монополизировать за собой право на назначение провинциальных управителей и воевод (*моса* и *кунджу*). Они отвечали не только за администрацию и оборону, то также и за сбор (пока что не очень регулярных) поборов в пользу центральной власти. Отчужденный таким образом прибавочный продукт «с мест» попадал на склады клана Ким в столице и использовался позже для перераспределения в пользу других аристократических кланов центра, оказания помощи крестьянам в случае природных бедствий, внешнего обмена, и т. д. Заведовал государевыми складами член клана Ким, имевший должность *пхумджу* (буквально — «хозяин амбаров»). Хотя система отчуждения и перераспределения прибавочного продукта и находилась в руках клана Ким, решения по всем серьезным вопросам принимались Советом Знати, состоявшим из 6–7 представителей сильнейших *ну*. В этот совет, на правах «первых среди равных», входили и государь вместе с *кальмунваном*. Как государь, так и все члены этого совета одинаково титуловались «ван», что подчеркивало самостоятельность и достоинство силласких *ну* и их знати.

Первые шаги в сторону централизации были сделаны в начале VI в. государем Чиджином (500–514). Он стремился прочнее опереться на богатых крестьян и горожан, недовольных самоуправством знати и видевших в усилении централизованного государства больше возможностей для социального роста. Чиджин открыл в столице новый рынок и принял ряд мер к поощрению пахоты на быках, строительству судов для перевозки товаров, и т. д. Мероприятия Чиджина по переселению столичного, «коренного» силлаского населения на окраины страны способствовали укреплению единородности силлаского общества. Ориентируясь на «цивилизованные» конфуцианско-буддийские нормы, Чиджин принудил знать *ну* отказаться от старой традиции убийства на похоронах и сопогребения вместе с аристократами рабов и зависимых людей. Тогда же привилась в Силла и другая «цивилизованная» традиция — давать государям после смерти посмертные храмовые имена (кор. *сихо*), отличавшие их от «простых смертных». Однако по-настоящему ради-

кальные реформы начались в правление сына Чиджына, государя Попхына (Попхын — посмертное храмовое имя, личное имя было Вонджон; 514–540). Именно при Попхыне Силла окончательно вошло в круг «цивилизованных» (т. е. до определенной меры централизованных и китаизированных) государств Восточной Азии того времени.

Важнейшей из административных реформ Попхына была «регуляризация», т. е. дальнейшая централизация и китаизация управленческого аппарата. Опубликование в 520 г. письменных законов китайского типа (*юллён*) означало складывание силлаской ранговой структуры из 17 рангов для центральных чиновников и 10 (по другим материалам — 11) «провинциальных рангов» (*веви*) для администраторов на местах (на уровне деревенских старост — *чхонджу*, помощников окружных правителей, и т. д.). Каждому рангу (как и в Китае) соответствовала теперь служебная одежда определенного цвета (к сер. VII в. высшим цветом считался фиолетовый), а также права на определенные предметы роскоши. Аристократы сильнейших *пу* с самого начала практически монополизировали высшие ранги в новой структуре. Однако они воспринимались теперь уже не как полунезависимые и равноправные государю «хозяева» традиционных политий, а как «государевы слуги», обязанные верностью государевому клану Ким.

Государя теперь начинают, подобно могущественному владыке Когурё, именовать «великим государем» (*тэван*). Он избавляется от необходимости лично участвовать в Совете Знати. Вместо него этот Совет возглавляет теперь *сандэдын* — «старший» аристократ. Доводя до государя волю знати, *сандэдын* в то же время и воздействовал на настроения аристократии в нужном монархии направлении. Государь же, из «первого среди знатных», становится верховным властителем, несравнимым по положению и престижу даже с могущественнейшими из своих знатных «вассалов». Он, подобно китайским владыкам, становится также верховным распорядителем времени: с 536 г. Попхын начинает, подражая китайским династиям, провозглашать свои собственные «девизы правления» (кор. *ёнхо*). Благодаря усилиям Попхына, Силла начинает восприниматься соседями как одно из «цивилизованных государств» китайского типа.

Некогда полунезависимые политии, *пу* теперь довольно быстро перерождаются в административные районы столицы. Их органы самоуправления вытесняются централизованной государственной администрацией. Основой влияния аристократии становится уже не господство над тем или иным *пу*, а владение наследственной землей (*сигын* — «кормленным наделом»), брачные и родственные связи с государевой семьей и служебное положение. Из должностей особое значение приобретает пост начальника учрежденного в 517 г. Военного Ведомства (*Пёнбу*), в руках которого концентрируется власть над силлаской регулярной армией.

Новая административная структура обладала большими, чем замкнутые *пу* прежних времен, возможностями к включению в свой состав знати вновь присоединенных земель. Так, согласившийся на добровольное присоединение к Силла государь южно-каяской политики Кымгван, Кухён, был приписан ко второму по значению *пу*, Сарян. Это было возможно теперь, поскольку *пу* стали административными районами, и принадлежность к ним уже не ассоциировалась с кровнородственными связями. Его земли были сохранены за ним как наследственная собственность клана (*сигын*), а его сыновья дослужились до наивысшего, первого ранга. Перспектива сделать подобную карьеру была соблазнительной для многих представителей периферийной знати. Это гарантировало необходимое для дальнейшей экспансии единство среди достаточно разнородного (состоящего из центральной и гетерогенной местной аристократии) привилегированного класса Силла.

Для «великого государя», поставившего себя несравнимо выше старейшей племенной знати и управляющего пестрыми по происхождению и традициям подданными, старая родоплеменная религия Силла, сводившаяся к поклонению локальным божествам Кёнджуской долины, была уже слишком узкой и примитивной. Она практически уравнивала обоженных предков государя с предками других знатных кланов (все они считались «спустившимися с Неба»), тем самым давая последним основания для сопротивления централизационной политике. Гораздо более привлекательным выглядел для центральной власти буддизм. Его универсалистские догматы позволяли сплотить воедино разнородное население молодого и растущего государства. Идея же превосходства Будды и монашеской общины (и, как подразумевалось, покровительствующей им государственной власти) над традиционными природными божествами была нужна для утверждения авторитета монархии по отношению к аристократии и ее старым родоплеменным культам. Наконец, буддизм был незаменим в начатых с 521 г. дипломатических отношениях с активно пробуддийской южнокитайской династией Лян. Оставаясь Силла небуддийской страной, силласцы были обречены на второстепенное положение в лянской дипломатической иерархии, по сравнению с активно покровительствовавшими буддизму Пэкче и Когурё.

Все это, а также существование в провинциях и столице значительных буддийских общин (основанных ранее когурёскими миссионерами), не могло не побудить Попхына к официальному санкционированию буддийского культа. Однако путь к признанию буддизма не мог быть простым. Аристократия, авторитет которой основывался на культах «сошедших с Неба» божественных предков, вряд ли могла легко согласиться с буддийским тезисом, что «монаху, достигшему просветления, даже небесные боги завидуют». Активными сторонниками буддизма был, прежде всего, сам монарх и его ближайшее окружение. Значительную часть последнего составляли незнатные люди, полностью предан-

ные верховной власти. Они искренне желали, чтобы власть опиралась на универсалистские, не связанные с родоплеменными ценностями нормы — такие, как, скажем, проповедуемые буддистами справедливость и милосердие. Именно энергия этой группы, ее готовность к самопожертвованию, и помогли Попхыну провести, через все трудности и препятствия, крупнейшую религиозную реформу в силлаской истории.

Согласно позднейшим источникам, в 520-е гг. Попхын-ван предпринял несколько попыток уговорить Совет Знати согласиться на официальное принятие буддизма, но натолкнулся на отчаянное сопротивление. Аристократы и слышать не хотели о государственной санкции на проповеди «странных бритоголовых людей в чужеземных одеждах» (монахов). Отчаявшись, сторонники буддизма из числа ближайших личных помощников государя решились в 527 г. на крайне рискованный шаг. С согласия вана, они начали строительство буддийского храма в священном для силласцев Лесу Небесного Зеркала (*Чхонгённим*), тем самым декларируя принятие буддизма де-факто. Разъяренные аристократы твердо потребовали у государя наказать виновных. Опасаясь, что инцидент приведет к серьезным политическим осложнениям для Попхына, один из преданных буддистов дворца, молодой чиновник из клана Пак, Ичхадон (другой вариант записи этого имени — Ёмчхок), взял всю вину на себя. Далее, гласит предание, приговоренный к смерти Ичхадон предупредил разгневанную знать, что гибель его во имя веры будет сопровождаться чудом. Когда мученику отрубили голову, из шеи якобы фонтаном брызнула кровь молочного цвета, что и заставило аристократов согласиться на принятие буддизма. Что еще, пологике предания, могли сделать они, если Будда, подобно местным божествам, «обладал властью чуда»?

Конечно, верить этому преданию буквально достаточно трудно, особенно если учесть его поразительное сходство с более ранними индийскими буддийскими легендами о жестоких царях и праведных мучениках. Но можно предположить, что, для более легкого восприятия чуждой и далекой от силласких традиций религии, ранние силлаские буддисты действительно были вынуждены прибегать к авторитету магии, утверждая достоинство и престиж своей веры с помощью историй о «чудесах» и «божественном вмешательстве» в судьбы верующих. Мученичество Ичхадона в какой-то степени помогло преодолеть сопротивление знатных консерваторов, но неприятие по отношению к новой религии все равно осталось в обществе сильным. Строительство первого большого общегосударственного храма, Хынньюнса, было завершено лишь в 544 г., и тогда же силласцам было официально разрешено уходить в монахи. Вплоть до смерти Попхына в 540 г. буддизм, по сути, оставался на положении дворцовой религии. Но события 527 г. все равно считаются поворотным моментом в судьбах силлаского буддизма. Посмертное храмовое имя первого силлаского буддиста на троне, Попхын, буквально

но означает «подъем [буддийского] закона». Это говорит о признании потомками его заслуг в деле укоренения в Силла новой веры.

Реформы Попхына были активно продолжены его преемником, государем Чинхыном (540–579), заложившим основы силлаской военно-государственной мощи. Из всех деяний Чинхына современников более всего впечатляло беспрецедентное расширение территории Силла. Действительно, Чинхын и его ближайший сподвижник, могущественный военный министр (*пёнбурён*) Исабу, сумели успешно провести экспансионистскую кампанию, сравнимую разве что с успехами когурёского Квангэтхо-вана. В 550–553 г. Исабу без особых потерь для Силла завладел стратегически ключевым районом Корейского полуострова — долиной р. Ханган, уже

Рис. 49.

Массивная (более чем метровой высоты) гранитная стела, поставленная в 818 г. в память мученичества Ичхадона. Пять сторон стелы занимает пространная надпись, повествующая о подвиге мученика. На шестой стороне мы видим рельефно выбитую сцену казни Ичхадона, с фонтаном белой крови, бьющим из шеи. Стела хранится в Кёнджуском Государственном Музее.

не одно столетие бывшей предметом ожесточенных войн между Пэкче и Когурё. Секрет его успеха был прост. Вначале, в союзе с Пэкче (традиционным, с 433 г. союзником Силла в антикогурёской борьбе), Силла отнял у Когурё часть долины. Затем же, войдя в тайный союз с Когурё, силлаское войско изгнало пэкческие гарнизоны из той части долины, что была захвачена Пэкче. Колыбель пэкческой государственности, долина Хангана оказалась включена в состав Силла как Синджу («Новая область»). Эта акция Силла (закономерно расцененная пэкчесцами как предательство), равно как и активная подготовка силласцев к аннексии северо-кайских земель (которые Пэкче считало своей сферой влияния), спровоцировала пэкческо-силласкую войну 554 г. В итоге относительно короткой войны пэкческое войско было наголову разгромлено. Аннексия северо-кайских земель, проведенная силласцами после этой победы, в 554–562 гг., была во многих случаях полудобровольной. Силласцы сохранили многие привилегии каяской аристократии и дали ей возможность служить на заметных постах в быстро расширявшейся бюрократической системе Силла. После того, как к 562 г. все имевшиеся очаги каяского сопротивления были без особых жертв подавлены, Силла оказалось полным хозяином практически всей территории нынешних провинций Южная и Северная Кёнсан, Северная Чхунчхон и Кёнги. Тем

самым Силла получило как плодородные и густонаселенные земли, так и полный контроль над торговым путем по р. Нактонган и выход к портам на Желтом море.

Не ограничившись этим, силласцы организовали крупномасштабный поход на север, по побережью Восточного (Японского) моря, и отняли у слабеющего Когурё старые земли племен *окчо* и тоне в современных провинциях Канвон и Южная Хамгён. В результате кампаний Чинхын-вана и Исабу Силла практически завладело большей частью земель Корейского полуострова. Когурё по-прежнему имело бо́льшую, чем у Силла, территорию, но только потому, что владело значительной частью Южной Маньчжурии. По ходу расширения силлаской территории Чинхын-ван устраивал торжественные ритуальные объезды (*сунхэн*) вновь завоеванных земель, собирая информацию об их населении, хозяйстве и культуре. Кроме того, он знакомился с местной знатью, упорядочивал местную администрацию, и, в целом, ритуально закреплял новые владения как часть силлаской территории. Четыре громадные каменные стелы с пышными иероглифическими надписями, поставленные Чинхыном в память этих объездов, сохранились до нашего времени.

Для регулярного управления покоренными территориями, силласцы делили их на «области» (*чу*), имевшие, скорее, характер военно-административных округов. В центре каждой «области» дислоцировалась присланная из центра бригада (*чон*), командир которой (*кунджу*) был одновременно и верховным администратором «области». Каждая «область»

Рис. 50. Гранитная стела полутораметровой высоты. Поставлена Чинхын-ваном на перевале Мауннён (уезд Ивон пров. Юж. Хамгён) в память об объезде самой северной части силласких земель в 568 г. В надписи на стеле (460 иероглифов) Чинхын-ван с гордостью повествовал о завоеваниях новых земель и укреплении «дружбы с соседями». Имелось в виду, по-видимому, тайное соглашение с Когурё, заключенное после разрыва с Пэкче. Интересна вводная часть стелы, объясняющая, как ван понимал конфуцианские принципы, а также перечисление имен, рангов и должностей сопровождавших Чинхына членов Совета Знати (*тэдынов*), чиновников и монахов в конце надписи.

имела в своем составе несколько небольших «округов» (*кун*). В каждом из них, в свою очередь, дислоцировался присланный из столицы полк (*тан*). Его командир (*танджу*), обычно в сотрудничестве с местной элитой (поселковые старосты — *чхонджу*), получавшей от Силла «провинциальные ранги» и считавшейся причисленной к силласкому чиновничеству, осуществлял все основные административные функции на

местах. Прежде всего, его главными обязанностями были сбор налогов (теперь уже достаточно регулярных) и мобилизации в армию и на принудительный труд (строительство крепостей, плотин, и т. д.). Часто зная из одной, присоединенной ранее, территории направляли служить военачальниками-администраторами на другие завоеванные земли. Так, одним из первых верховных администраторов области Синджу (долина р. Ханган) стал сын покорившегося Силла ранее последнего государя южно-каяской политики Кымгван. Верховная власть также осуществляла частые переселения столичных жителей («коренных силласцев») на вновь покоренные земли, а иногда переселяла и население одной покоренной территории на другую. Таким образом, население «перемешивалось», постепенно теряя связь с досиллаской местной родоплеменной традицией и приобретая новую идентичность — подданных Силла.

Процессу складывания единой силлаской этнокультурной общности должна была помочь и идеологическая политика Чинхына. При всей ее разносторонности, она преследовала одну главную цель — формирование комплекса универсалистских концепций, которые заставили бы одинаково идентифицировать себя с силлаской государственной структурой и старых, и новых подданных в равной степени. Наиболее заметной для современников была невиданная прежде по масштабам поддержка, оказываемая Чинхыном буддизму. Именно в его правление, начинают отправляться в Китай на учебу силлаские монахи. Из Китая они привозили с собой по возвращении и новые предметы культа (мощи Будды и подвижников — *шарира*, статуи Будды, и т. д.), и переведенные на классический китайский язык буддийские писания, и, самое важное, новые идеи и представления о космогонии, идеальных моделях государства и общества.

В то время среди китайских буддистов было популярно заимствованное из Индии представление об идеальном государе как *чакравартине*. *Чакравартин* (буквально — «вращающий колесо» [буддийского Закона-*дхармы*]) — это универсальный монарх, объединяющий мир на основе религиозно-этических принципов (справедливости и милосердия, прежде всего). По возможности, он делает это без применения насилия (по крайней мере, ненужного), с помощью «божественных сил» и выдвинутых по способностям «мудрых советников». В реальности, эта концепция требовала от правителя взвешенной и разносторонней «кадровой политики», предоставления возможностей для социального роста способным людям из самых разных общественных слоев. Кроме того, правитель, желавший показать себя как *чакравартин*, должен был покровительствовать буддийской общине-*сангхе*. Это «гарантировало» хорошую *карму* и благосклонность «божественных сил». В целом, от *чакравартина* ожидалось преимущественное использование идеологических и политических, но не насильственных методов управления. Концепция эта привлекала Чинхын-вана. В государстве, большая часть зе-

мель которого была присоединена в течение одного поколения и еще не ассимилирована до конца, методы *чакравартина*, особенно такие, как «возвышение достойных» (т. е., привлечение местных элит на сторону Силла) и покровительство *сангхе* (в которую входили уроженцы разных областей), были гораздо более безопасны, чем чрезмерное насилие, провоцирующие сопротивление на окраинах. Впрочем, популярные в Китае и Силла представления о *чакравартине* не отрицали и необходимости, в «крайних случаях», завоевательных походов и карательных экспедиций. Кровопролитие оправдывалось как «неизбежное зло» в процессе «умиротворения мира».

Как «истинный» *чакравартин*, Чинхын-ван предпринимает немало усилий для «вознаграждения заслуженных» (т. е. сторонников Силла) на вновь завоеванных землях. Он привлекает на службу в Силла талантливых и лояльных когурёсцев и каясцев. Среди них — будущий глава силлаской *сангхи* когурёский монах Херян и известный каяский музыкант Урык. Строятся новые буддийские монастыри в столице. Так, новый дворец государя был перестроен под буддийский монастырь Хваннён-са — Храм Божественного Дракона. Организуются невиданные раньше в Силла буддийские церемонии — скажем, поминальная служба по погибшим в боях с Пэкче воинам (572 г.). Как и подобает *чакравартину*, «подвижнику на троне», Чинхын к концу жизни вместе с женой формально уходит в монахи.

Однако покровительство *сангхе* сочетается у силлаского *чакравартина* со стремлением контролировать эту новую социальную силу. Приближенные ко двору монахи начинают с 551 г. назначаться «начальниками монахов в государстве», отвечая теперь перед государем за лояльность буддийской общины и хорошее соблюдение ею заповедей. В отношении надзора над буддистами, на Чинхын-вана большое влияние оказал пример северных династий Китая, с которыми были установлены отношения с 564 г. Там монахи были полностью подконтрольны властям и часто служили орудиями государственной политики.

Концепция *чакравартина*, в том виде, в котором она была принята Чинхыном, явно носила скорее политико-идеологический, чем религиозный характер. По сути, она кошунственно оправдывала завоевательные войны как «неизбежное зло», делая из завоевателя «справедливого вселенского государя». Однако сама идея опоры Власти на универсальные этические ценности, вместе с призывом к единению всех общин и слоев вокруг олицетворяемых ныне силласким троном «моральных истин», несомненно, при всех ее демагогических элементах, сыграла громадную роль в развитии религиозно-этических основ силлаской этнокультурной общности.

Одновременно с «освящением» трона через обращение к буддийской этике Чинхын-ван активно использует и популярную среди китайских верхов того времени конфуцианскую моралистическую фразеологию. Так,

вступительные части к знаменитым стелам Чинхын-вана (поставленным в честь объездов им новых земель) испещрены цитатами из конфуцианских канонов и историй (в основном из *Канона Документов* — *Шуцзин*). Они описывают «благотельное воздействие» «согласных Небесному Пути» «добродетелей» вана, «преобразующих» весь космос, в том числе и жителей «четырех сторон света». Однако практический итог «взращивания и воспитания» ваном «старых и новых подданных» все тот же, что и у «этического преобразования мира» *чакравартином* — вознаграждение во время объезда тех, кто «проявил преданность и верность, смело сражаясь с врагами ради государства» (т. е. силласких воинов и просилласких жителей покоренных районов). Скорее всего, именно конфуцианские и буддийские принципы освящались также и в первой письменной истории Силла, составленной комитетом под руководством аристократа Кочхильбу (одно время бывшего буддийским монахом и учившегося у когурёского проповедника Херяна) в 545 г.

Как конфуцианство, так и буддизм использовались Чинхыном как идеологии универалистской централизованной государственности. Подобная «однаправленность» сделала возможным их одновременное применение для воспитания силлаской молодежи в организации *хваран* («цветущая молодежь»). Эта организация сформировалась при Чинхын-ване на основе более ранних половозрастных объединений юношей и девушек, восходивших к «молодежным союзам» догосударственной эпохи. Состояла она из отдельных отрядов подростков 13–17 лет, возглавлявшихся 17–20-летними наставниками (*хваран*, или *куксон*) из высших аристократических семей и буддийскими монахами более солидного возраста (*сыннё нандо*). При Чинхын-ване какое-то время существовала организация *хваранов-девушек*, видимо, жриц традиционных культов (*вонхва*). Однако она скоро была ликвидирована, возможно, в результате усилившегося конфуцианского влияния. Членство в *хваран* стало привилегией мужчин. Членами организации *хваран* (*нандо*, «последователи») были в основном юноши из знатных семей, но иногда (в виде исключения) и простолюдины. Обучались они всему тому, что входило в комплекс необходимых знаний и умений для элитарного силласца конца VI в. — буддийским и конфуцианским (*Шуцзин*, *Канон Песен* — *Шицзин*, *Канон Ритуала* — *Лицзи*, и т. д.) писаниям, поклонению местным божествам моря и гор, военному искусству, и т. д. После окончания «курса» личные связи с влиятельными наставниками (*куксон*) могли помочь бывшему *нандо* в поступлении на государственную службу и продвижении в звании. В этом смысле организация *хваран*, хотя пока что очень непоследовательно и нерегулярно, выполняла функции Высшей Государственной Школы (типа той, что основал в Когурё государь Сосурим).

Основой этики *хваран* была полная, абсолютная преданность государству и товарищам, а также готовность в любой момент пожертвовать жизнью ради других. По сути, юношей обучали конфуцианским и буд-

дейским добродетелям верности и самопожертвования, «скорректированным» в нужном завоевателю Чинхыну и его наследникам направлении. Это делало возможным эффективное использование отрядов *хваран* в военных действиях. Подростки-*хвараны*, полностью находившиеся под влиянием внушаемых им государственных ценностей, по первому приказу с радостью бросались на вражеские копыя и храбро гибли в неравных схватках, воодушевляя жертвенной смертью силлаские армии. Организация *хваран*, воспитывавшая будущих лидеров общества в духе поставленной на службу трону конфуцианско-буддийской этики, была необходимым идеологическим компонентом централизованного государства Чинхын-вана.

Окончательно централизованная государственность (с сильным аристократическим элементом) оформилась в Силла в конце VI в. в правление внука Чинхына, государя Чинпхёна (579–632). Чинпхён и его главный помощник, *сандэдын* (председатель Совета Знати) Норибу (старый сподвижник Чинхына), активно приступил к формированию давно уже существовавших у Когурё и Пэкче центральных государственных учреждений. Были основаны главные центральные ведомства — *Вихвабу* (занимавшееся кадрами и общей организацией госслужбы; 581 г.), *Чобу* (занимавшееся взиманием налогов; 584 г.), *Ебу* (Ведомство Ритуалов и Дипломатии; 586), *Ёнгэкпу* (Дипломатическое Ведомство, занимавшееся преимущественно отношениями с Японией; 591 г.), и другие. Одновременно появлялись и специализированные ведомства, занимавшиеся изготовлением того или иного вида снаряжения (кораблей, колесниц, телег, и т. д.) для армии и дворца. В ведомствах оформлялась, по китайскому образцу, иерархическая структура подчиненности, разрабатывались и совершенствовались правила повышения по службе. Интересно, что при этом начальниками одного и того же ведомства могли назначаться несколько сановников, обязанных все важные решения принимать коллективно (подобно тому, как это делалось на Советах Знати). Таким образом, государство могло примирять амбиции соперничавших аристократических семей. Крепнет и армия — организованная из столичных жителей в 583 г. гвардейская часть («Полк Присягнувших [на верность]» — *Содан*) взяла на себя охрану дворца. В столице силами согнанных из провинции крестьян и ремесленников чинятся старые и строятся новые крепости. Это требует еще более четкой организации мобилизационных структур в обществе.

Следует заметить, что активное использование буддийско-конфуцианских концепций для сплочения населения и организация регулярных армии и чиновничества вовсе не означали преодоления аристократической натуры силлаского общества, предоставления всем силласцам равных возможностей. Наоборот, именно в последние десятилетия VI в. силлаское общество окончательно оформляется в сословия. В принципе,

как и большинство других раннеклассовых обществ, Силла имело три сословия в широком смысле слова — аристократов, свободных простолюдинов, и неполноправных (прежде всего, частных и государственных рабов). Абсолютное большинство населения составляли свободные простолюдины. Проводившаяся Чинхын-ваном и его наследниками политика «перемешивания» населения и внедрения универсалистских идеологий в общество действительно привела к значительному стиранию различий между «коренными» силласцами и «некоренным» (покоренным) населением. Однако обособленный статус аристократии и внутренние деления внутри этого сословия оказались к концу VI в., наоборот, еще жестче закрепленными.

Высшей прослойкой (статусной группой) аристократического сословия считалась *сонголь* («священная кость»). Возможно, под *сонголь* имелись в виду члены того ответвления правящего клана Ким, которое, с точки зрения доминирующих дворцовых клик конца VI в., обладало правом на престол, т. е. потомки наследника Чинхын-вана Тонньюна (Чинпхён, его братья, и их потомство, в том числе и женское). Однако полной ясности в этом вопросе пока нет. Титуловали «священной костью» и «государей» архаических времен (до начала VI в.), но, скорее всего, ретроспективно. К *чинголь* («истинная кость»), аристократической прослойке рангом ниже, относились, по-видимому, члены правящего клана Ким и знатных семей столицы, связанных с ним брачными альянсами (прежде всего Пак). Также к этой группе причисляли и некоторые провинциальные знатные кланы — в основном потомков правителей некогда независимых политий, добровольно покорившихся Силла. Лишь *чинголь* имела право на получение высших пяти служебных рангов, а, следовательно, и высших должностей в государственном аппарате (доступных лишь носителям этих рангов).

За *чинголь* шли полуаристократические прослойки *юктупхум* («шестой головной разряд»), *одупхум* («пятый головной разряд») и *садупхум* («четвертый головной разряд»). Существует предположение, что принадлежность к каждой из этих прослоек ограничивала пределы возможного карьерного роста. Согласно этому предположению, *юктупхум* имели право на 10–6 ранги, *одупхум* — лишь на 12–10 ранги, и *садупхум* — только на 17–12 ранги. Предположение это весьма популярно в корейской научной литературе, но материалами источников полностью не подтверждается. Ясно лишь, что члены полуаристократических групп служили на средних и низших должностях, часто там, где требовались специальные знания. Никто, кроме *чинголь* («настоящей» аристократии) и этих трех полуаристократических прослоек, не имел права на службу в госаппарате. Таким образом, аристократия практически монополизировала за собой управленческую сферу. За каждой из прослоек было законодательно закреплено право на определенный цвет и фасон служебной одежды, размер жилищ, тип колесниц и сбруи, и т. д.

В обществе, официально проповедовавшем равенство перед лицом универсального монарха (*чакравартина*) и право добродетельного и образованного на участие в управлении (важное положение послеханьского конфуцианства), на практике социальный статус индивидуума в основном определялся по рождению. Коренное противоречие между универсалистской идеологией и аристократическими реалиями силлаского общества правящие слои пытались разрешить идеологически, популяризируя «философию судьбы». Согласно этим представлениям, место человека в обществе якобы уже до его рождения определено «божественными силами», и, следовательно, сословная система соответствует идеальному космическому миропорядку. Часто идеология такого плана подкреплялась тенденциозным истолкованием буддийской теории *кармы*. Рождение аристократом рассматривалось как якобы результат накопления «кармических заслуг» в предыдущих жизнях. Однако, чем глубже проникали буддизм и конфуцианство в силласкую среду, чем шире распространялись грамотность и информация об окружающем мире в целом, тем сильнее чувствовались в полупривилегированных и непривилегированных слоях тенденции к критическому восприятию реалий «закрытого» аристократическосоословного общества.

Особенно серьезной была оппозиция привилегиям *чинголь* со стороны *юктунхум* и *одунхум*. Эти прослойки отличались высокой образованностью, хорошим знакомством с конфуцианской теорией и реалиями значительно более «открытого» и меритократического китайского общества. Позже, после основания в Китае «космополитичной» династии Тан (618 г.), часто принимавшей иноземцев на службу, некоторые члены прослоек *юктунхум* и *одунхум* даже эмигрировали в Китай. Они желали найти там применение своим административным и военным способностям, не дававшим им желаемого продвижения по службе в Силла. Другим выражением меритократических идеалов этих «лишних людей» аристократического Силла было их активное участие в религиозных буддийских движениях, акцентировавших метафизическое равенство духовных сущностей всех людей, равную возможность для всех овладеть высшей, вне-мирской истиной. Позже, к концу IX в., всеобщее недовольство жестким сословным и внутрисословным делением стало одной из главных причин социально-политического кризиса, приведшего в итоге к распаду и гибели Силла.

С 594 г. Силла становится формальным «вассалом империи Суй», объединившей к 589 г. практически весь Китай. Отношения с Суй имели для Силла особое значение. Эта китайская династия с начала 590-х гг. собиралась организовать крупномасштабную экспедицию для уничтожения Когурё. В связи с этим Силла хотело воспользоваться случаем и войти в союз с китайцами. В итоге силласцы желали получить, в случае успешного завершения войны, земли Когурё на Корейском полуострове:

Китай претендовал, прежде всего, на когурёские владения на Ляодуне. Такую же политику проводило в этот период и Пэкче. Поддерживая активные связи с Суй, Силла посылало туда целый ряд монахов на учебу. Силлаские государи копировали пробуддийскую политику суйских императоров, считавших буддийское учение духовным стержнем государства, основой для объединения громадной разноплеменной империи вокруг суйского трона. В это время в Силла возводятся на средства двора новые столичные монастыри. Приближенные ко двору образованные монахи (в основном те, кто побывал на учебе в Китае) становятся политико-дипломатическими советниками государя, расцветает буддийское искусство. Другой интеллектуальной «модой» этого периода был философский даосизм, аристократические адепты которого стремились к еще более активному усвоению достижений китайской культуры, преодолению «узости» силлаской традиции. В целом, именно в конце VI в., в процессе широкого и многостороннего восприятия характерного для Китая буддийско-конфуцианско-даосского синтеза, постепенно начинают закладываться основы «высокой» культуры новой силлаской этнокультурной общности, политически оформленной завоеваниями и реформами Чинхына и Чинпхёна.

г) Ситуация на Корейском полуострове в VII в. Объединение Корейского полуострова под властью Силла

Оставаясь сильнейшим из протокорейских государств, Когурё испытывало на рубеже VI–VII вв. серьезные внутривластные затруднения. При общем сохранении налаженной Чансу-ваном централизованной системы управления, аристократия сумела отвоевать, за счет власти монарха, немало прерогатив. Постепенно к концу VI в. на первый план в государственном управлении опять выдвинулся Совет Знати. Председатель этого Совета, *тэдэро* (1-й ранг), избиравшийся аристократами без особого вмешательства со стороны государя, брал на себя значительную часть функций центральной власти. Опирался он прежде всего на своих личных сторонников из числа знати и чиновничества. Подобная система не могла не приводить к частым столкновениям между аристократическими группировками, желавшими посадить «своего» претендента на пост *тэдэро*. Это уменьшало эффективность государственного управления в целом. В результате, скажем, предпринятые когурёской армией под командованием знаменитого полководца Ондаля в 590-х гг. попытки вернуть у Силла долину Хангана закончились провалом, а сам Ондаль погиб в битве.

Формально, конечно, государь оставался носителем верховной власти. Однако на практике его роль все больше сводилась к организации религиозных церемоний в честь священных предков династии (Чумона

и его матери, Богини Плодородия), сакральных весенних охот, и т. д., а также к улаживанию конфликтов между соперничавшими аристократическими группировками. Можно сказать, что политическая структура Когурё постепенно эволюционировала в сторону системы, которая после стала известна в средневековой Японии как *сёгунат*. В такой системе государь как верховный жрец и носитель формальной власти уступает реальную (прежде всего военную) власть сильнейшему из представителей аристократии.

Рис. 51. Позолоченная бронзовая статуэтка Авалокитешвары конца VI в., найденная в квартале Самяндон г. Сеула в 1967 г. Авалокитешвара (кор. Кваным) — бодхисаттва милосердия, часто изображаемая на Дальнем Востоке в облике женщины. Высота — 20 см. Общий стиль изображения — подражание суйскому, что говорит об активных связях силласких земель в долине р. Ханган с Китаем в конце VI в. В левой руке бодхисатвы — сосуд с чистой водой (*кундика*), используемой в буддийских ритуалах омовения. Правая рука зафиксирована в мудре (жесте) проповеди, т. е. бодхисаттва представлена прежде всего как носитель буддийской истины. Круглое, мягкое лицо, тонкая улыбка, нежно ниспадающие линии одежды как бы зрительно, фигурно воплощали абстрактные универсальные категории буддийского учения — доброту, милосердие, самосовершенствование. Буддийские философия, искусство и культ помогали объединению гетерогенного населения страны в одну этнокультурную общность.

Империя Суй, стремившаяся восстановить величие ханьского Китая и вновь захватить бывшие лоланские территории, рассматривала все эти изменения в когурёской политике (а равно и неспособность Когурё справиться с силласкими гарнизонами в долине р. Ханган) как проявления слабости своего восточного соперника. Не могла не воодушевлять суйского Вэнь-ди также и готовность Пэкче и Силла прийти китайским войскам на помощь. Поэтому, воспользовавшись в качестве предлога нападением союзных Когурё племен *мохэ* на Ляоси в 598 г. (имевшим явно превентивный характер), Вэнь-ди выслал в поход на Когурё 300-тысячную армию, подкреплённую морским флотом. Итог агрессии оказался, однако, далек от желаемого. Армия на суше еще до столкновения с когурёскими силами начала страдать от голода и эпидемий, а флот был раскидан бурями. В результате суйцы отступили без особых успехов, потеряв погибшими 80–90% личного состава.

Столкнувшись в лице Суй с сильным противником, Когурё прибегло к целому ряду военно-дипломатических мер. Когурёский государь Ёнь-

ян (590–618) пошел на целый ряд символических уступок, признавая себя «виновным» в «прегрешениях» перед номинальным «сюзереном» (Суй) и прося о мире. Формально он был «прощен» и мир был «дарован», но на самом деле (и когурёсцы прекрасно знали об этом) Суй приступила к активной подготовке следующего этапа агрессии. Используя передышку, когурёсцы нанесли военные удары по потенциальным союзникам Суй, Силла и Пэкче, и попытались завязать более тесные отношения с потенциальным противником Суй, Восточно-тюркским каганатом. К этому же времени (608 г.) относится и активизация обменов Когурё с Японией, куда направлялись когурёские монахи, обучавшие японцев изготовлению бумаги, чернил, ирригационных механизмов, и т. д. Кроме дипломатии, когурёсцы делали упор и на укрепление внутренней сплоченности правящего класса. Именно в это время (600 г.) ученый Ли Мунджин составляет новую версию истории Когурё (хронику *Синдзжин*), в которой, по-видимому, более явно выделялась традиция антикитайской военной борьбы.

Следующее нашествие было начато в 612 г. сыном Вэнь-ди, императором Ян-ди, горевшим желанием отомстить за «позор» отца. На Ляодун была направленная невиданная еще в истории войн Китая с неханьскими народностями двухмиллионная армия. Еще большее количество мобилизованных занималось подвозом продовольствия. К когурёской столице Пхеньяну послали суйский военно-морской флот. Однако «блицкрига» не получилось. Осажденные когурёские крепости Ляодуна упорно оборонялись, не давая главным силам суйцев продвинуться дальше на юг, в центральные районы Когурё. Потеряв терпение, суйский владыка послал ударные части (всего 300 тыс.) в поход прямо на Пхеньян, но результат был печален. Заманенные выдающимся когурёским военачальником Ыльчи Мундоком в ловушку и истощенные многодневным переходом по враждебной территории, суйцы были наголову разгромлены в битве на р. Сальсу (теперь называется Чхончхонган). В итоге из всех ударных частей уцелело лишь 2700 человек, и суйцы отступили с Ляодуна без каких-либо существенных результатов.

Еще одна агрессия в следующем, 613 г., закончилась таким же провалом. Суйцы не сумели взять когурёских крепостей на Ляодуне, и в итоге вести о начавшихся мятежах на юге Китая заставили императора в спешке отступить с когурёской территории со своей гвардией, оставив большую часть армии на уничтожение когурёским войскам. Позорный провал бессмысленной (как считали даже многие сановники суйского владыки) агрессии на северо-востоке и неисчислимые жертвы мобилизованного в войско крестьянства привели в 614–618 гг. к цепи народных восстаний и сепаратистских мятежей, закончившихся в итоге падением Суйского дома (618 г.). По некоторым данным, в 618 г. клонившаяся к гибели Суй в последний раз попыталась разгромить Когурё, но, естественно, безуспешно. В конечном счете, героическое сопротивление когу-

рёсцев китайской агрессии спасло формировавшиеся на полуострове этнокультурные общности от ассимиляции с ханьским этносом, внеся решающий вклад в падение Суйской династии.

Объединение Китая под властью империи Тан (завершено приблизительно в 624–628 гг.) означало, что угроза для Когурё сохраняется по-прежнему. Официально «признав» ошибки чрезмерно агрессивной предшественницы, Тан на самом деле продолжала суйскую политику. Укрепляя отношения с южными соперниками когурёсцев (особенно Силла), Тан готовилась к новым походам на северо-восток. Когурёсцы, в свою очередь, также проводили двойственную политику. С одной стороны, они признавали себя формальными «вассалами» Тан и делали ряд дружественных жестов в танскую сторону. С другой стороны, Когурё активно готовилось к обороне от ожидавшихся танских нашествий. Из мер, предпринятых Когурё в 620-е гг. для установления добрых отношений с Тан, можно выделить возвращение в Китай части пленных, захваченных во времена суйских кампаний, и официальное принятие даосизма, тогда находившегося под покровительством Танского дома (считавшего Лао-цзы, основателя этого учения, своим предком). Последняя мера, в частности, вызвала серьезное недовольство значительной части буддийского монашества, ибо часто дело доходило до передачи буддийских храмов под даосские святилища. В то же время с 631 г. Когурё возводит на своей северной границе оборонительную линию более чем в 100 км длиной (своеобразную «уменьшенную копию» Великой Китайской стены), надеясь таким образом эффективнее отбить ожидаемые нападения. Вскоре опасения когурёсцев по поводу танской политики подтвердились.

В 642 г. губернатор Восточной области Ён Гэсомун устроил силами областных войск государственный переворот. Ён Гэсомун, член известного и богатого аристократического рода, был, по-видимому, недоволен чрезмерно мягкой, как ему казалось, политикой государя Ённю (618–642) по отношению к Тан. Вана свергли и убили, большинство противников клана Ён в аристократически-чиновничьей среде было также физически уничтожено. Ваном стала креатура Ён Гэсомуна — племянник Ённю, Поджан. Однако практически монарх был оттеснен на положение символической фигуры. Вся реальная власть сосредоточилась в руках провозгласившего себя *тэмакниджи* (верховным министром) и председателем Совета Знати Ён Гэсомуна, который практически играл роль военного диктатора. Оправданием для установления подобной системы (практически идентичной с более поздними *сёгунатами* Японии) было, конечно же, чрезвычайное положение, сложившееся в результате постоянных китайских агрессий.

Однако, в свою очередь, переворот Ён Гэсомуна послужил для танского императора Тайцзуна (626–649) предлогом к нападению на Когурё. Интересно, что Тайцзун также пришел к власти путем военного перево-

рота – через убийство собственных братьев. В этом отношении он вряд ли имел моральное право упрекать Ён Гэсомун в «измене законному правителю» и «узурпации». Союзником Тайцзуна стало Силла. Попытки силласцев заключить с Когурё союз против Пэкче потерпели провал (642 г.), и силласцы сделали ставку на союз с Китаем одновременно против Когурё и Пэкче. Они желали таким путем полностью избавиться от соперников на Корейском полуострове. В 644–645 и 647–648 гг. 200- и 300-тысячные армии Тайцзуна вторгались на Ляодун, но каждый раз останавливались перед упорным сопротивлением когурёских крепостей (в 645 г. особенно прославилась своей обороной крепость Анси) и непривычным холодным климатом и были вынуждены отступать с серьезными потерями.

Несло потери и Когурё. После похода 644–645 гг. в китайский плен было угнано до 70 тыс. когурёсцев. Результатом непрерывных мобилизаций и войн были для когурёсцев участвовавшие голодные годы, общая деморализация, бегство значительного числа населения (включая членов привилегированного класса) в Пэкче и Силла. Стремясь предотвратить окончательное истощение ресурсов страны, Ён Гэсомун делал все возможное для улучшения отношений с Китаем, но безрезультатно. Китайские набеги продолжались (655 г.). Итогом более чем полустолетней китайской агрессии была гибель Когурё в результате войны против Тан и Силла в 660–668 гг. Нельзя не отметить, что героическое сопротивление когурёсцев предотвратило включение Корейского полуострова (или, по крайней мере, значительной его части) в состав Китая в период «пика» китайской экспансии в конце VI в. и тем самым сохранило самобытность формирующегося корейского этноса.

Рис. 52. Так современные корейские художники изображают великого когурёского полководца Ыльчи Мундока, победителя суйских войск в битве при Сальсу. Известно, что Ыльчи отличался не только военными, но и литературными талантами. Сохранилось составленное им китайское стихотворение, в котором Ыльчи, уговаривая суйского военачальника не предпринимать бессмысленный поход на Пхеньян (в итоге закончившийся гибелью и пленением 300 тыс. китайских солдат), писал:

*«Божественные планы [Ваши] проникают в [тайны]
Небесной грамоты,
Дивными расчетами [Вашими] изведаны очертанья земли.
Военные победы и заслуги [Ваши] уже высоки,
Так не желаете ли вспомнить о мере и остановиться?».*

В Пэкче в первой половине VII в. была восстановлена и укреплена политическая стабильность. Монархия и аристократия сумели прийти к обоюдному удовлетворительному компромиссу. С одной стороны, властный и расчетливый ван Му (600–641), герой многих позднейших легенд,

гарантировал привилегированное положение аристократии. Он назначал преимущественно выходцев из этой среды (носителей высшего ранга *чванхёна*) на ключевые должности в государственном аппарате. С другой стороны, аристократы в целом согласились на значительное усиление полномочий монархии. Представители основных знатных кланов (Са, Кук, Ён, Хэ, и др.) принимали самое активное участие в военных и внешнеполитических предприятиях Му-вана. Определенная мера внутреннего политического согласия позволила Пэкче в этот период развить значительную внешнюю активность. С переменным успехом шла непрерывная война против Силла: важной целью пэкческой политики оставалось возвращение утраченных в 475 г. и так и не отвоеванных Сонваном в 550–554 гг. территорий в долине р. Ханган. В 602 г. Пэкче потерпело от силласцев масштабное поражение, потеряв около 40 тыс. человек (по некоторым оценкам, две трети пэкческой армии). Однако Му-ван сумел использовать эту катастрофу как стимул к объединению всех слоев и группировок правящего класса перед лицом внешней опасности. Далее, в 620-е гг., Пэкче одержало несколько побед над силласцами, но поставленной цели — возвращения долины Хангана — достигнуть не смогло.

На дипломатическом поприще активно развивались отношения со вновь объединившей Китай империей Тан. С 621 г. пэкческие посольства направлялись в Тан практически ежегодно, а с 640 г. сыновья пэкческих аристократов получили возможность постигать основы конфуцианства в танской Высшей Государственной школе (*Госюэ*). В отношениях с Японией Пэкче проводило достаточно твердую линию, стремясь помешать налаживанию прямых связей между японцами и Китаем и тем самым сохранить за собой практическую монополию на распространение континентальной культуры на Японских островах. Пэкче продолжало посылать в Японию мастеров и специалистов. В частности, именно пэкчесцы впервые занесли на Японские острова технику изготовления черепицы, необходимой для строительства буддийских храмов.

Выражением стабильности и расцвета аристократической культуры Пэкче в период правления Му-вана стало строительство ряда крупных государственных буддийских храмов, в том числе Храма Будды будущего Майтрейи (Мирыкса), в родных местах государя к югу от столицы (ныне уезд Иксан, пров. Сев. Чолла). Построил Му-ван также и Храм Возвышения Государя (Ванхынса) на берегу реки Кымган в столице. По буддийским представлениям, Будда будущего должен после объединения *чакравартином* мира прийти на землю, чтобы спасти человечество от всех страданий. Обращаясь к этому культу, Му-ван подчеркивал, что он не в меньшей степени, чем силлаские государи Чинхын и Чинпхён, может считаться *чакравартином* — покровительствующим буддийской общине справедливым универсальным правителем.

Еще одной чертой, сближавшей пэкческий государственный буддизм с силласким, была общая вера в то, что будды и бодхисаттвы могут ма-

гическим образом защитить государство от врагов, при условии покровительства правителя буддийской общине. Другой интеллектуальной и религиозной «модой» в среде аристократии стал даосизм. В какой-то степени даосизм даже потеснил буддизм. Но в то же время даосские представления в значительной мере слились с буддийскими идеями, особенно в искусстве. Явно под влиянием даосской «моды», ориентируясь на покровительствовавшую даосизму Тан, Му-ван вырыл в 634 г. к югу от дворца большой пруд, насыпав там искусственную гору (копию священной даосской горы Фанчжан, места обитания бессмертных) и построив беседок и павильонов. Активно развивалось буддийское искусство и в провинциях. Именно в этот период в Пэкче начали создавать рельефные наскальные изображения будд и изготавливать большие буддийские статуи из гранита.

Рис. 53. Сохранившаяся до нашего времени каменная пагода Храма Майтрейи. Это самое древнее из сооружений подобного рода в Корее (до этого пагоды изготавливали из дерева). Сейчас высота сохранившегося сооружения не превышает 14 м, но в оригинальной форме пагода имела 9 этажей и была значительно выше. Храм всего состоял из трех пагод (одна посередине — деревянная, две по бокам — каменные) и трех залов для поклонения, но до нас дошла, хотя бы и в полуразрушенном виде, только эта (западная) пагода. Основанный Му-ваном, этот храм считался одним из самых крупных буддийских святилищ на всем Дальнем Востоке.

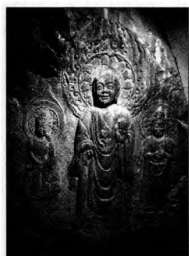

Рис. 54. «Буддийская триада» — изображения юного, светло улыбающегося Будды (в центре), Будды будущего Майтрейи (слева) и Бодхисаттвы Света Дипамкара (справа) на гранитной скале в уезде Сосан пров. Юж. Чхунчхон. На стиль этих культовых изображений первой половины VII в. явно повлияли рельефы буддийских пещерных храмов Китая.

В 641 г. к власти пришел последний пэкческий государь — сын Му-вана, получивший после смерти храмовое имя Ыйджа (641–660). С его воцарением политическая стабильность в стране была довольно быстро разрушена. В 642–643 гг. новый государь предпринял целый ряд решительных — и непродуманных — мер, определивших судьбу страны в следующие десятилетия. Целый ряд представителей аристократии (около 40 человек), настаивавших, по-видимому, на более осторожной внешней политике, был «вычищен» из столицы (сослан на дальние острова). Пэкче вошло в союз с захватившим в Когурё власть военным диктатором Ён Гэсомунем и предприняло решительную атаку на Силла. Взяв штурмом несколько силласких крепостей в современном уезде

Рис. 55. Пэкческая бронзовая курильница, обнаруженная в 1992 г. в развалинах государственного буддийского храма Нынсанниса в пэкческой столице Саби (ныне г. Пуё). Этот шедевр пэкческого ремесла изображает священную Вселенную такой, какой ее рисовала синтетическая буддийско-даосская космология. Подставка курильницы выделана в форме дракона, а навершие представляет собой фигуру феникса. И дракон, и феникс считались «благовещими», священными существами, важными элементами «истинного», сакрального мира даосов. Нижняя часть курильницы изображает многолепестковый лотос (буддийский символ чистоты среди мирской грязи), а верхняя (крышка) — пять священных даосских гор. Среди гор бродят, играя на различных музыкальных инструментах, бессмертные, познавшие истину отшельники, летают сказочные птицы, ездят на слонах буддийские архаты. Заметны и реалистические изображения охотников и воинов. Высота курильницы — 64 см.

Хапчхон (пров. Сев. Кёнсан), пэкчесцы убили коменданта одной из них, Ким Пхумсока. Ким Пхумсок был зятем могущественного силлаского аристократа Ким Чхунху (будущего государя Тхэджон-Мурёля), и его смерть была воспринята как государственное унижение. В следующем, 643 г., пэкческие и когурёские войска совместно попытались взять силлаский порт на Желтом море, Танхансон (побережье залива Намьянман), и тем пресечь силласко-танские контакты. Их остановил, однако, решительный протест танского Китая.

Меры 642–643 гг. практически «привязали» Пэкче к жесткой антикитайской и антисиллаской политике Когурё, сделав Ыйджа-вана заклятым врагом Силла. В то же время, лозунг «отомстим за Ким Пхумсока!» эффективно сплотил силласкую элиту вокруг противостояния с Пэкче. Осложнены были, вдобавок, отношения Пэкче с Японией, недовольной жесткими мерами в отношении аристократов, близких японскому двору. Чтобы избежать гибели, новые союзники — Когурё и Пэкче — должны были теперь нанести решительное поражение Силла и остановить продвижение Тан на северо-восток. Однако Тан была крупнейшим и сильнейшим государством всего тогдашнего мира, а Силла, благодаря успехам Чинхын-вана, уже владело большей частью полуострова. Учитывая неравенство экономических и военных возможностей, цели когурёско-пэкческой коалиции были вряд ли реалистичными, и события очень скоро показали это.

В 645–649 гг., воодушевленный удачами Ён Гэсомуна в борьбе с танским Китаем, Ыйджа-ван совершил несколько крупномасштабных экспедиций на западные пограничные районы Силла, но особых побед не добился. Талантливый силлаский полководец Ким Юсин (595–673) с успехом противостоял пэкческим атакам. Крупная неудача постигла

Ыйджа-вана и на дипломатическом фронте. Империя Тан, заключив в 648 г. формальный военно-политический союз с Силла, стала с 651 г. открыто угрожать пэкчесцам войной в случае продолжения атак на силлаские пределы. Определенное улучшение в 653 г. отношений с новым режимом, пришедшим к власти в Японии после переворота Тайка (645 г.), вряд ли могло оказать Пэкче серьезную реальную помощь. Скромные возможности Японии, окраины тогдашнего дальневосточного мира, вряд ли были сравнимы с мощью танской империи. Внутри страны знать начала протестовать против чрезмерной, с ее точки зрения, концентрации власти в руках *вана* и его любимцев и нереалистичной внешней политики. Это привело в 656 г. к новым «чисткам» — репрессиям против столичной аристократической среды.

Основной опорой автократического режима Ыйджа-вана стала государева семья и чиновники незнатного происхождения, выдвинувшиеся благодаря личным способностям и безграничной преданности монарху. В 657 г. сорока побочным сыновьям государя был присвоен высший ранг *чванхёна* — мера, в истории Пэкче беспрецедентная. Ряд же «старых» аристократов практически саботировал жесткую автократическую политику. Некоторые из них даже тайно сносились с силласцами, предвидя вероятное поражение своего правителя и будущую оккупацию страны силласкими войсками. В итоге, когда в 660 г. более чем 50-тысячная силлаская армия, в союзе со 130-тысячным китайским войском, атаковала Пэкче, решительно и до конца сражаться с завоевателями были готовы лишь личные любимцы государя. Одним из них был организовавший 5-тысячную дружину смертников воевода Кебэк, который даже убил своими руками перед боем жену и детей, чтобы они только не попали в плен. Однако их героических усилий было, конечно, недостаточно. В итоге Пэкче было разгромлено превосходящими силами врага.

В чем была основная причина поражений, понесенных когурёско-пэкческим альянсом и приведших эти два государства к разгрому? Выросшее на борьбе с северо-китайскими династиями и успешно отразившее суйскую агрессию, Когурё явно недооценило общую мощь нового противника — Танской империи. Когурёсцы были нереалистичны в оценке боеспособности танской армии, включавшей в себя мобильную и отчаянно храбрую тяжеловооруженную кочевую (в основном тюркскую) конницу и оснащенной самыми передовыми по тому времени стенобитными и камнемётными орудиями. Недооценили когурёсцы и серьезность завоевательных планов первых танских императоров, видевших в покорении «Восточного Заморья» (как тогда называли Корею) стратегически важный пункт общей мироустроительной программы («умирения» всех «варварских» окраин, входивших когда-то в сферу влияния Хань).

Пэкчесцы, привыкшие видеть в Когурё сильнейшую державу региона и доверявшие способности когурёсцев справиться с очередной вол-

ной китайской экспансии, недооценили военные возможности Силла. Им было трудно поверить, что силлаская армия сможет когда-либо продвинуться к пэкческой столице. Наконец, жесткие авторитарные режимы Ён Гэсомуна и Ыйджа-вана внесли определенный раскол в ряды правящих классов двух государств. Целый ряд когурёских и пэкческих аристократов предпочли в итоге силлаское или танское владычество суровому ограничению их привилегий автократическим правительством. В целом, можно сказать, что поражение Когурё и Пэкче было обусловлено как геополитической недалёковидностью правящих кругов этих государств, так и расколом в их рядах.

Рис. 56. Стела, поставленная аристократом Сатхэк Чиджком в 654 г. в его родных местах (ныне деревня Кванбук уезда Пуё, пров. Юж. Чхунчхон), недалеко от пэкческой столицы. Отстраненный от дел властным Ыйджа-ваном после не слишком удачного посольства в Японию, Сатхэк Чиджок увлекся на покое буддизмом. Как сообщается в надписи на стеле, он построил на свои средства зал для молебнов и проповедей и пагоду, «милосердный, величавый облик» которых «словно источал божественный свет». Сохранившийся от надписи текст (4 строчки по 14 иероглифов) вообще изобилует цветистыми оборотами, бывшими в моде в Китае во времена Южных и Северных Династий. Высота сохранившегося фрагмента стелы — 109 см.

Первая половина VII в. была для Силла периодом, когда завершалось оформление основных институтов централизованного государства (аристократический элемент в котором оставался достаточно сильным). 600–620-е гг. были отмечены относительной внутривластной стабильностью. Чинпхён-ван, один из «долгожителей» на силласком престоле (579–632), сумел сплотить вокруг своего трона все значительные аристократические группировки. Кроме того, атмосферу внутренней сплоченности создавала и постоянная внешняя напряженность. Не прекращались войны с Пэкче (часто достаточно победоносные для силласцев), Когурё не оставляло надежд на возвращение отобранных Чинхын-ваном земель в центральной и северной части полуострова.

Естественной в этой ситуации была политика союза с главным противником когурёсцев, империей Суй. Известно, что силлаский государь дважды (608 и 611 гг.) формально просил Суй об организации экспедиций против Когурё, как якобы «угрожающего» «верному вассалу» Суй, Силла. Это давало Суй возможность формально преподнести агрессию против Когурё как «карательный поход» на «взбунтовавшихся варваров». Неудача суйской агрессии и последовавшая гибель самой суйской династии были для Силла большим ударом. Однако с основанием Танской империи Силла поспешно восстановило себя в качестве формального «вассала» Китая

(621 г.) и с середины 620-х гг. постепенно вело дело к оформлению с Тан антикогурёского военного союза (с 640-х гг. также приобретшего антипэкческий характер).

Используя централизованную администрацию Суй и Тан в качестве примера, Чинпхён-ван сделал немало для упорядочения силласких управленческих структур. Дипломатическое Ведомство (*Ёнгэкпу*) было разделено на два, отвечающие теперь специально за отношения с танским Китаем и Японией (621 г.). Организован был, по китайскому образцу, Дворцовый Секретариат (*Нэсон*), заведующий всем усложнившимся дворцовым хозяйством (622 г.). Создали и специальное ведомство по награждениям отличившихся чиновников зерном (*Сансасо*; 624 г.). Укрепились еще более и армия. Шесть дислоцируемых в провинциях бригад (*чон*) были дополнены особой вспомогательной частью (*кунсадан*; 604 г.), специальным ударным пехотно-кавалеристским полком (*кынтан*; 607 г.) и другими вновь образованными частями и соединениями. Все эти реорганизации позволили силласкому войску совершить ряд удачных экспедиций, захватив, скажем, в 629 г. важную когурёскую крепость на северной границе. В этом походе впервые прославил себя потомок клана правителей южно-каяской политики Кымгван, Ким Юсин, которому впоследствии суждено было сыграть немалую роль в военно-политической истории Силла VII в.

Духовным лидером правящего слоя Силла этого периода был буддийский монах Вонгван (?–630). Выходец, скорее всего, из среды *юктупхум*, он получил блестящее каноническое образование в суйском Китае и сделал там карьеру толкователя сутр и проповедника. Вернувшись по особому распоряжению Чинпхён-вана в Силла в 600 г. в ореоле своей суйской славы, Вонгван занял при дворе практически позицию личного государева секретаря. Именно ему, как лучшему знатоку классического китайского письма в Силла, поручали составление важнейших государственных и дипломатических документов.

Канонически, буддизм Вонгвана основывался на идеях популярной в Китае уже с IV в. «Нирвана-сутры». Она давала всем живым существам, как носителям мистического духовного начала *буддхаты* («природы Будды»), надежду на конечное избавление от иллюзии профанической реальности и обретение просветления. Развитием этих идей было другое важное для Вонгвана и его круга представление — концепция *тамхагата-гарбхи* («зародыша Так Пришедшего», т. е. Будды). *Тамхагата-гарбха* — это затемненное мирскими иллюзиями чистое и истинное («просветленное») духовное «семя», образующее основу человеческого сознания. Эта основа может — и должна — быть очищена от насловений неизбежной в профаническом мире суетной грязи, причем процесс очищения (особенно в более поздних версиях теории) часто сводился к осознанию недвойственности, изначального единства «просветленного» и профанического миров, и конечной нереальности последнего.

Подобные идеи придавали независимую ценность каждому человеку, вне зависимости от его происхождения и социального статуса, но в то же время и примиряли непривилегированных и принижённых с реальностью. Все равно истинный, «просветлённый» мир был, согласно этому учению, рядом для каждого, а все ужасы профанического бытия (войны, социальное неравенство) объявлялись не более, чем иллюзорным сном. Примерно такое сочетание метафизического универсализма в теории с принятием «мирских» реалий на практике и было нужно поддерживавшей Вонгвана правящей элите Силла. Универсалистские постулаты помогали объединить пестрое, разнородное население вокруг покровительствовавшего буддийской общине трона, а философское «снятие» проблемы несовершенства реального, посюстороннего бытия — примирить жертв нескончаемых войн и мобилизаций с их незавидным положением.

Однако нельзя не отметить также, что усиленное внимание Вонгвана к этике, его уважение к каждому человеку (по преданию, он со всеми разговаривал, вежливо улыбаясь, вне зависимости от статуса собеседника), не могли не содействовать «привитию» в достаточно жестокой силлаской среде VII в. этических универсалий, характерных для духовно развитых, «классических», обществ. Именно от Вонгвана берут, в частности, начало «покаянные ассамблеи». На них участники, люди самого разного происхождения, гадали о совершенных ими в разных перерождениях грехах, приносили покаяние и обещали друг другу не грешить впредь. Подобные собрания «вводили» сложные этические представления о грехе и очищении через покаяние в самую плоть никогда не знавшего ничего подобного силлаского общества.

Впрочем, Вонгван, исходя из постулата о иманентности зла профаническому миру (и нереальности, иллюзорности этого мира с точки зрения продвинутого адепта), рассматривал творимое на службе государству насилие как «вынужденный проступок», неизбежный для мирянина (а часто и для монаха) и потому простительный. Так, будучи призван разработать этические заповеди для членов организации *хваран*, Вонгван согласился с тем, что, как миряне, находящиеся на государственной службе, *нандо* имеют этическое право на насилие (прежде всего убийство на войне) и, более того, обязаны проявлять храбрость в сражениях. Порочным же, с его точки зрения, являлось насилие чрезмерное, ненужное или противоречащее ритуальной практике. Эта логика хорошо служила и самому Вонгвану. В 608 г. он согласился написать для Чинпхён-вана письмо к суйскому императору с просьбой об отправке войск против Когурё. Оговорив, что в принципе, монах не должен искать жизни за счет других живых существ (т. е. обращаться к насилию в любой форме), Вонгван добавил, что, как подданный вана, он не имеет права на отказ (т. е. насилие по отношению к врагам государства входит в круг обязанностей подданного).

Вся эта сомнительная «этическая» эквилибристика хорошо показывает процесс приспособления радикальных пацифистских норм «идеального» буддизма (строго запрещавшего монахам любое, даже косвенное участие в насилии, о чем Вонгван хорошо знал) к требованиям военно-дипломатической государственной машины Силла, для которой Вонгван был специалистом по составлению дипломатических документов, и не более. Однако осуждать компромиссы Вонгвана достаточно сложно. Лишь готовность к сотрудничеству с государственным аппаратом могла гарантировать выживание силлаской буддийской общине.

Рис. 57. Монашеское надгробье (*ступа*) на могиле Вонгвана (деревня Туюри волости Анган, уезд Кёнджу, пров. Сев. Кёсан). Когда-то здесь, под горой Самгисан, стоял монастырь Кымгокса, в котором Вонгван жил в юности. С этими местами связан ряд легенд. Рассказывается, в частности, что отправиться на учебу в Китай Вонгвану помог дух горы Самгисан, крайне враждебно относившийся к соперникам Вонгвана из эзотерических буддийских сект. Эти легенды отражают сложный процесс адаптации буддизма к силлаской религиозной среде.

В правление старшей дочери Чинпхёна, государыни Сондок (632–647), государственными делами вершили в основном две группы аристократов — «старая», консервативная фракция, возглавлявшаяся Ыльдже (фактически игравшим роль первого министра) и Альчхоном (назначенным в 637 г. главнокомандующим — *тэджангуном*), и «молодая» группа. Лидерами последней были талантливый полководец Ким Юсин, внук государя Чинхына по боковой (не принадлежавшей к сословной группе *сонголь*) линии Ким Ёнчхун и сын Ёнчхуна, Ким Чхунчху. «Молодая» фракция придерживалась, судя по всему, радикальных экспансионистских взглядов во внешней политике. Она считала необходимым и возможным нанести окончательное поражение Пэкче и Когурё с помощью танских войск и затем объединить вокруг Силла большую часть земель полуострова. Во внутренней политике эта группа считала идеалом централизованную бюрократическую государственность танского образца и стремилась к значительному ограничению в пользу монархии традиционных для Силла аристократических привилегий. Неудивительно, что в области идеологии «знаменем» этой группировки было раннетанское конфуцианство, с его центральной идеей ритуала-*ли* — унифицированных норм взаимоотношений «преданных и послушных» чиновников с сакрализованной государственной властью. По мере того, как

непрерывные войны с Когурё и Пэкче создавали в стране напряженную обстановку «осажденной крепости» и все более сближали Силла с Танской империей как главным потенциальным союзником, позиции группы Юсина-Ёнчхуна заметно крепли. Однако решающую роль в захвате этой группой государственной власти сыграли события 642 г.

В этом году к власти в Когурё путем государственного переворота пришла решительно антикитайски настроенная группировка Ён Гэсомуна. Вошедший с ней в антисиллаский (и, по сути, антитанский) союз новый ван Пэкче, Ыйджа, совершил серию крупномасштабных нападений на Силла, взяв в том числе и крепость Тэя (Хапчхон) — стратегически важную цитадель на западных рубежах Силла. Комендант этой крепости, Ким Пхумсок, и его жена Котхасо — дочь сына Ким Ёнчхуна, Ким Чхунчху — сдались в плен и были убиты пэкчесами. Потеря крепости Тэя (и еще более чем 40 крепостей в том же регионе) поставили Силла под серьезную угрозу. Кроме того, гибель дочери и зятя накладывала, с точки зрения силлаского аристократического этоса, на Ким Чхунчху и весь его клан обязательство мести по отношению к пэкческому правителю. Отныне Ким Чхунчху, его клан и политические союзники (прежде всего Ким Юсин) получают в свои руки прекрасное эмоциональное оправдание своих планов по уничтожению Пэкче, а также и предлог добиваться верховной власти в стране. Ведь отомстить такому «кровнику», как пэкческий ван, можно было, только имея контроль над всеми ресурсами силлаского государства. И конечно же, группе Чхунчху-Юсина были остро необходимы внешние союзники. Сокрушить вошедшее в альянс с когурёсцами Пэкче в схватке «один на один» было вряд ли реальным.

Первым побуждением Ким Чхунчху было попытаться «вбить клин» в едва оформившийся пэкческо-когурёский альянс и перетянуть Когурё на силласкую сторону идеей совместного сокрушения Пэкче. С этим предложением Чхунчху поехал в 642 г. к Ён Гэсомуна в когурёскую столицу Пхёньян. Это было, несомненно, актом личного мужества, если учесть враждебные отношения двух стран. Однако реакция когурёсцев была, как и следовало ожидать, резко негативной. От Чхунчху потребовали вернуть захваченные еще Чинхын-ваном когурёские земли, т. е. прежде всего долину Хангана. Учитывая громадное стратегическое значение долины Хангана для Силла, условие это было практически невыполнимо. Чхунчху попал в тюрьму и едва избежал казни. Немалых усилий стоило ему вырваться из Пхеньяна.

После того, как Чхунчху и его окружению стало ясно, что, в условиях когурёско-пэкческого альянса, у Силла на Корейском полуострове нет союзников, силлаская верхушка берет курс на решительное сближение с Тан. Практически оформив военный союз с танским императором Тайцзуном, Силла послало 30-тысячную армию напасть на Когурё с тыла во время китайской агрессии против этого государства в 645 г. В про-

цессе беспрецедентного в силлаской истории сближения с Китаем группировка Юсина-Чхунчху подбирается все ближе к вершинам государственной власти. Юсин производится в главного воеводу (*тэджангуна*) и отвечает за ведение войны с Пэкче, а Чхунчху становится главным дипломатическим представителем Силла за рубежом. Его визит в Японию в 647 г. обеспечивает Силла относительно спокойный тыл на юге. Возвышение «молодой группировки» вызвало понятную озабоченность части консервативных «старших» аристократов, явственно опасавшихся чрезмерного крена в сторону государственной централизации. Итогом растущего внутривластного напряжения стали события 647–651 гг., в значительной степени определившие судьбы Силла во второй половине VII столетия.

В 647 г. официальный лидер силлаской аристократии, председатель Совета Знати (*сандэдын*) Пидам, поднял в столице вооруженный мятеж против государыни Сондок и группы Юсина-Чхунчху, которой, с его точки зрения, государыня чрезмерно покровительствовала. Вскоре после начала мятежа государыня скончалась. Точных свидетельств об этом нет, но кажется возможным, что она была убита мятежниками. Видимо, у Пидамы были серьезные шансы на победу. Однако после ожесточенной и кровопролитной борьбы войскам Юсина все же удалось разгромить выступление. После этого победители устроили масштабную «чистку» в рядах силлаской знати (казнено было более 30 человек). Избавившись от самых активных оппонентов, Юсин и его группа возвели на престол двоюродную сестру покойной государыни, известную по посмертному храмовому имени Чиндок (647–654). Новым Председателем Совета Знати стал лояльный Юсину «старый» аристократ Альхон. Реальная же власть фактически перешла в руки дуумвирата Юсин-Чхунчху.

В то время, как Юсин вел активные боевые действия на пэкческих границах, Чхунчху лично в 648 г. посетил Китай, был облакан танским Тайцзуном и окончательно оформил военный и дипломатический союз с Тан. Силла, в знак формального «вассалитета» по отношению к Танской империи, обязалась использовать танские «девизы правления» (и не провозглашать своих собственных), ввести китайские одеяния в качестве придворной формы и посылать членов правящего клана в заложники в Тан. Китай же, в свою очередь, согласился на посылку войск против Пэкче, и заручился силласким обязательством помочь в следующей войне против Когурё. В 651 г. государыня Чиндок, по танскому образцу,

Рис. 58. Памятная стела, поставленная в 1525 г. на месте древней крепости Тэя в честь Чукчука (имя переводится как «бамбук») — храброго силлаского воина, героически погибшего в 642 г. при штурме крепости пэкчесцами.

начала принимать ритуальные новогодние приветствия от сановников, что символизировало превращение аристократов в «преданных слуг» автократического государства. В том же году государственная дисциплина была укреплена с образованием нового Центрального Ведомства (*Чунсабу*), начальник которого (*чунси*), как «правая рука» государя, получал практически диктаторские полномочия. Первым начальником Центрального Ведомства стал преданный союзник Юсина, полководец Чукчи (как и Юсин, выходец из рядов организации *хваран*). В результате этих преобразований Силла фактически превратилось в военный лагерь, все ресурсы которого диктаторская группа Юсина-Чхунчху направляла на решение амбициозной военно-политической задачи — разгром, с танским содействием, Пэкче и Когурё.

После смерти государыни Чиндок в 654 г., представителей группы *сонголь*, способных претендовать на престол, не нашлось. Государственная власть официально перешла в руки члена группы *чинголь*, Ким Чхунчху. Потомкам он известен также под храмовым именем Тхэджон-Мурёль («Великий Воинственный Предок»; 654–661). Чхунчху и связанный с ним «двойным брачным альянсом» Юсин (Чхунчху был женат на сестре Юсина, а Юсин — на дочери Чхунчху) стали полновластными хозяевами страны, судьба которой была поставлена на карту. Поражение танско-силлаского альянса, не так уж и невероятное в свете прошлых побед Когурё над Суй и Тан, вполне могло означать гибель Силла и объединение полуострова военным диктаторским режимом Ён Гэсомуна.

Что же представляла собой духовная жизнь силласцев в этот период нескончаемых войн, политических потрясений и радикальной китаизации общества «сверху»? После смерти Вонгвана наибольшим авторитетом среди правящей верхушки пользовался буддийский монах Чаджан, сын влиятельного аристократа Ким Мурима. Имея по рождению все права на завидную военно-чиновную карьеру, Чаджан предпочел — вопреки настоятельным увещаниям высоко ценившего его способности государя — уйти в монахи и отправится на учебу в танский Китай (636–643).

В Китае Чаджан, одним из первых среди силласких буддистов, познакомился с начавшим набирать популярность учением секты Хуаянь («Величие Цветка»; кор. Хаом). Доктрина Хуаянь основывалась на привезенной в Китай из буддийских городов-государств Великого Шелкового Пути санскритской *Аватамсака-сутре* (вскоре переведенной на классический китайский). Она рассматривала мир как единое и в то же время бесконечно разнообразное духовно-материальное целое, радикально снимая философское противоречие между «общим» и «частным»; «абстрактно-духовным» и «конкретно-вещным». С точки зрения *Хуаянь*, каждая песчинка, оставаясь собой, отражала в себе в то же время всю бесконечно прекрасную духовную Вселенную, с ее нескончаемым множеством «просветленных» — будд. Чаджана, как и танских

императоров, эта доктрина привлекала как философское обоснование идеи единой централизованной государственности. Каждый элемент нового политического целого (скажем, инородная для Силла пэкческая или когурёская община) мог быть органически связан с центром, не отказываясь от своего исконного «я» — традиций, обычаев, привычек. Вскоре, благодаря усилиям Чаджана и его учеников, Хуаянь сделалась одной из важнейших духовных сил в Силла.

Другим элементом танской буддийской жизни, пришедшимся по нраву Чаджану и его дворцовым покровителям, была униформная монашеская дисциплина китайской *сангхи*. Поведение китайских монахов подчинялось строгим дисциплинарным правилам *винаи*, что повышало авторитет буддийской общины и покровительствующей ей государственной власти, а заодно и сводило на нет возможности для антиправительственных выступлений под буддийскими лозунгами. Наконец, видя, как понизился статус буддийских монахов в Китае по сравнению с суйскими временами (танский двор во многих случаях предпочитал покровительствовать даосам), Чаджан усвоил важный урок. Чтобы пользоваться государственными ресурсами, *сангха* должна активно сотрудничать с государственной властью, оказывать правящим кругам услуги в культово-идеологической области и тем сделать себя незаменимым элементом существующей политико-социальной системы. Именно теснейшая связь с «текущей» политикой стала важнейшим элементом буддизма Чаджана и его многочисленных последователей.

Возвратившись в Силла с множеством *суп* и буддийских культовых предметов, Чаджан, назначенный «Великим Начальником над монахами в государстве» (*тэгуктхон*), ретиво принялся ставить религию на службу государственной политике. В 645 г., в связи с заключением союза с Тан и началом «тотальной» войны против Пэкче и Когурё, Чаджан предложил поставить в центральном государственном храме Хваннёнса (Божественного Дракона) громадную девятиэтажную пагоду. За образец он хотел взять подобные монументальные сооружения в суйских столичных храмах. По мнению Чаджана, это должно было обеспечить Силла магическое покровительство «божественных сил» и облегчить завоевание пэкческих и когурёских земель, а также защитить страну от возможных японских атак с тыла. Предложение Чаджана было, при активной поддержке группы Юсина-Чхунху, принято Советом Знати. Пагоду строили силами мобилизованных силласких крестьян, под руководством приглашенного из Пэкче архитектора Абиджи (что должно было символизировать объединительные амбиции силласцев). Громадное сооружение (высотой 70–80 метров) доминировало теперь над столицей, внушая ее обитателям трепет перед могуществом государственной власти.

Чаджан официально объявил также, что Силла кармически связана с буддами прошлого и настоящего. На месте храма Хваннёнса якобы проповедовал некогда, в незапамятные времена, будда Кашьяпа (одно из

прошлых воплощений будды Шакьямуни), а горный массив Одэсан на севере страны — обиталище боддхисаттвы мудрости, Манджушри (один из главных героев *Аватамсака-сутры*). Пропаганда подобного рода была призвана обосновать силлаские претензии на объединение полуострова и оправдать бесконечные жертвы, приносившиеся подданными Силла на алтарь завоевательных амбиций правящей верхушки. Наконец, Чаджан возвел к югу от столицы новый монастырь, Тхондоса, сделав его центром дисциплинарной жизни силлаской *сангхи*. Именно здесь силлаские монахи обязаны были теперь принимать посвящение и приносить клятву в соблюдении монашеских заповедей.

Несмотря на весь государственный пыл Чаджана, карьера его складывалась достаточно неровно. Его влияние достигло пика в период правления государыни Чиндок, но с приходом к власти Ким Чхунчху знаменитый монах оказался отстраненным от политической жизни. Повидимому, группа Юсина-Чхунчху опасалась, что знатные родственники Чаджана могут стать потенциальными политическими соперниками. Кроме того, Юсин предпочитал покровительствовать эзотерическим буддийским сектам, молитвы и тайные ритуалы которых должны были прямо влиять на военные успехи в завоевательных походах. Вообще, даже будучи буддистами в личной жизни, Юсин и Чхунчху явно отдавали предпочтение танскому конфуцианству в качестве государственной идеологии. Некоторые члены их близкого окружения (скажем, специалист по составлению дипломатических документов Кансу — как и Ким Юсин, потомок каясцев) открыто называли буддизм «внемирской» религией, требуя тем самым ограничить щедрость двора по отношению к *сангхе*. В связи со всеми этими изменениями в идеолого-политической обстановке, Чаджану пришлось провести свои последние годы в отдаленном провинциальном монастыре.

Рис. 59. Примерно такой видится южнокорейским ученым громадная деревянная пагода монастыря Хваннёнса, возведенная по инициативе Чаджана.

По буддийскому преданию, смерть знаменитого монаха была трагичной. Манджушри объявил ему во сне, что желает видеть его, но в назначенный час взору Чаджана предстал лишь старик-нищий с мертвым щенком в котомке. Чаджан и его ученики решили, что нищий, посмеявшийся прийти к знаменитому наставнику, — не более, чем сумасшедший. Лишь когда пришелец объявил Чаджана «не готовым к просветлению» и растворился в воздухе «в ореоле драгоценного света», поняли монахи с запозданием, что это-то и был великий Боддхисаттва Мудрости! С горести, пове-

ствует предание, Чаджан бросился со скалы и разбился насмерть. Эта поучительная легенда хорошо показывает, как относились к политизированному буддизму Чаджана и аристократическому высокомерию «на-

чальника монахов в государстве» многие простые монахи и миряне. Однако многостороннее включение буддизма в государственную идеологию, столь решительно проведенное Чаджаном, несомненно, оставило важный след в силлаской религиозной традиции.

Рис. 60. Так изображают в современной Южной Корее инициатора экспансионистской политики силлаской верхушки сер. VII в., грозного полководца Ким Юсина. В позднейшем корейском фольклоре Юсин остался как сказочный герой, обладавший сверхъестественными способностями (умевший, скажем, угадывать будущее, превращать себя в птиц и зверей, и т. д.). Литературные предания рисуют его, в полном согласии с конфуцианскими агиографическими канонами, образцово почтительным сыном и преданным подданным. Широкую известность, в частности, получил эпизод, когда Юсин, возвратившись из одного похода и торопясь выступить в следующий, отказался даже повидаться с женой и детьми, ждавшими его у домашних ворот (т. е. пожертвовал личным благом ради общего).

Рис. 61. На этом месте в центре силлаской столицы, стояла некогда, по преданию, усадьба клана Ким Юсина (Чэмэджон). Сейчас здесь находится установленная в 1872 г. памятная стела.

Развязка более чем столетия войн между Силла и Пэкче наступила в 660 г. К этому времени Тан уже замирила тюрков Западного края, поставила район Великого Шелкового Пути под свой полный контроль и тем развязала руки для новых войн на северо-востоке. Громадная 130-тысячная армия под командованием прославившегося в сражениях с тюрками полководца Су Динфана была послана морем на Корейский полуостров для уничтожения Пэкче. В помощь Су Динфану поспешила 50-тысячная армия Силла под началом Ким Юсина, ставшего к тому времени Председателем Совета Знати (*сандэдыном*).

Пэкческое войско преградило силласцам дорогу на равнине у горы Хвансан (ныне волость Ёнчхон уезда Нонсан пров. Юж. Чхунчхон). Ядро его составил отряд смертников под командованием лично преданного вану Ыйджа полководца Кебэка. В завязавшейся неравной битве пэкческое войско было наголову разгромлено, а полководец Кебэк погиб. Сохранилось предание о том, что в этой битве силласцы применили «психологическое оружие». Сын одного из силласких генералов, *хваран* Кванджан (позже ставший героем народных преданий), бросился по велению отца в одиночку на вражеские ряды и мужественно погиб. После этого отец поднял его отрезанную голову, показал ее силласким воинам и прокричал: «Посмотрите на лицо моего сына! Он счастлив тому, что погиб ради государства!». Став свидетелями смелости и преданности

молодого бойца, силлаские войска якобы преисполнились боевого пыла и в яростной атаке разгромили противника. Так это было или нет, этот рассказ хорошо передает некоторые черты государственнической этики Юсина и его окружения.

Одержав победу при Хвансане, силлаские войска, соединившись с танскими частями, быстро атаковали оставшуюся практически беззащитной пэкческую столицу. После упорной обороны Ыйджа-вану пришлось сдаться на милость победителей. Особого милосердия, однако, силласцы не проявили. Так, сын Ким Чхунчху Поммин при стечении войска и народа торжественно унижил пэкческого наследника Юна, плюнув его в лицо. Он обвинил побежденного пэкческого владыку и его клан в жестокости — убийстве своей сестры Котхасо и ее мужа Пхумсока в 642 г. Тут же были жестоко казнены (разорваны на части) силласцы, предательски содействовавшие в 642 г. падению крепости Тэя. Все эти бесчеловечные жестокости означали, что официально поставленная группой Юсина-Чхунчху цель — отомстить за поражение 642 г. и гибель родных — успешно выполнена.

Часть бывших сановников Пэкче была (с понижением в чине) принята на силласкую службу, но сдавшуюся государеву семью, 88 пэкческих аристократов и более чем 12 тыс. жителей китайцы отправили в Тан. В бывшей столице Пэкче стал 10-тысячный танский гарнизон, а территория страны была разделена на пять наместничеств, перешедших под прямое китайское управление. Главным китайским администратором в бывшей пэкческой столице стал танский воевода Лю Жэньюань. Над значительной частью территории Корейского полуострова нависла реальная угроза китайского ига.

Реальность иноэтнического порабощения всерьез всколыхнула ослабленное социально-политическими конфликтами пэкческое общество. Практически сразу после падения столицы один из членов правящего семейства, Поксин, вместе с буддийским монахом Точхимом (видимо, претендовавшим на роль духовного лидера движения) поднял на севере и западе страны оставшиеся пэкческие гарнизоны. Восставшие засели в крепости Чурюсон (ныне волость Хансан уезда Сочхон, пров. Юж. Чхунчхон), угрожая расположившимся в центре страны танским и силласким войскам. Вскоре, в 661 г., войско Поксина осадило оккупированную вражескими войсками столицу, и лишь прибытие из Тан свежих подкреплений под командованием Лю Жэньгуя спасло танско-силлаский гарнизон от полного разгрома. Вслед за тем, в 662 г., Поксину, усилившему свою армию за счет многочисленных добровольцев, удалось разгромить спешившие на выручку гарнизнам Лю Жэньгуя и Лю Жэньюаня силлаские подкрепления. Танские оккупанты опять оказались изолированными в центральных районах Пэкче.

Однако войско пэкческих патриотов ослабили внутренние распри. Поксин, опасаясь возросшего влияния Точхима, предпочел избавиться

от чрезмерно активного буддийского монаха. Однако вскоре сын Ыйджа-вана Пуё Пхун, провозглашенный повстанцами новым государем, убил и самого Поксина, дабы сконцентрировать всю власть в своих руках. В итоге танские войска, усиленные прибывшими из Китая свежими подкреплениями, сумели прорвать блокаду, соединиться с силласкими силами и начать активную кампанию по «замирению» бывших пэкческих земель.

Решающая битва произошла в 663 г. под Чурюсоном, и силласко-танское войско сумело наголову разгромить как самих пэкческих повстанцев, так и пришедший им на выручку японский флот (Япония, видимо, опасалась, что волна танской экспансии дойдет и до Японских островов, и хотела нанести превентивный удар). Разуверившись в перспективах движения, неудачливый «государь» Пуё Пхун бежал в Когурё. Лишь несколько отрядов, с центром в крепости Имджонсон (волость Тэхын уезда Есан, пров. Юж. Чхунчхон), пытались продолжать сопротивление, но безуспешно. Часть из них была разбита в бою, а кого-то китайцы сумели и переманить к себе на службу посулами. К концу 663 г. на разоренных пэкческих землях сопротивление практически прекратилось.

Китайцы извлекли урок из происшедшего. Вместо Лю Жэньюаня главным администратором бывшего Пэкче был назначен ставший танской марионеткой сын Ыйджа-вана, Пуё Юн. Конечно, главной опорой его режима были оставшиеся на пэкческих землях танские войска (под командованием Лю Жэньгуя). Однако попытка — и безуспешная — привлечь на китайскую сторону часть пэкческой правящей семьи и знати знаменовала новый, более реалистичный и долгосрочный подход Тан к «умиротворению» вновь завоеванной колонии. В 665 г., под танскую диктовку, Пуё Юн заключил с Силла формальный мир, скрепленный торжественным ритуальным жертвоприношением белой лошади на священной горе Китая, Тайшань. На самом деле, это действие оказалось лишь прелюдией к новым конфликтам. Силласцы вовсе не желали спускать рукава взирая на превращение части полуострова в китайскую колонию, и уже через пять лет бывшим союзникам суждено было стать врагами. Пока, однако, «трещины» силласко-танского альянса еще не выдавали себя, ибо союзникам осталась самая трудная — уничтожение Когурё.

Рис. 62. Стела, поставленная Лю Жэньюанем в бывшей пэкческой столице в 663 г. в память о разгроме движения за восстановления Пэкче. Высота — 335 см. Содержит подробное описание военных действий 660–663 гг.

Рис. 63. Скала Накхваам («Опавших Цветов») на реке Кымган, под столичной крепостью Пэкче. По преданию, в трагические дни падения пэкческой столицы в 660 г., 3 тысячи дворцовых женщин Ыйджа-вана предпочли броситься с этой скалы и разбиться насмерть, но не сдаться на позор врагу. Это предание (явно сильно преувеличенное — ван вряд ли имел столь многочисленный штат наложниц и

служанок) в символической форме отражает травму, которую оставили в коллективном сознании пэкческих жителей насилия силласко-танских войск над беззащитными семьями жителей покоренных земель

Рис. 64. Чорёндэ — «Скала, с которой ловили дракона», расположенная недалеко от бывшей пэкческой столицы. По преданию, желая усмирить постоянно насылавшего на танских завоевателей бури и шторма дракона реки Кымган, китайский полководец Су Динфан поймал его на гигантскую удочку, используя в качестве наживки белую лошадь. Выщербы на скале Чорёндэ, как считается, — не что иное, как следы

драконьих лап. Это предание, по-видимому, отражает негативное отношение простых пэкчесцев к активно проводившейся китайскими завоевателями политике «переманивания» на свою сторону части пэкческой аристократии. Именно белую лошадь использовали в жертвоприношении, закрепившем подписание Пуё Юном и силласцами продиктованного танским владыкой мира. В подобных ритуальных актах пэкческие крестьяне и горожане вполне могли усмотреть хитроумную «приманку» китайской стороны.

Поход против Когурё был объявлен сразу же после разгрома Пэкче, в 661 г. Интересно, что эта акция встретила определенную оппозицию даже в среде танских сановников. Разочарованные более чем полувековым опытом бессмысленных и безрезультатных войн с когурёсцами, они считали новый поход неоправданной тратой сил, тем более что реальной стратегической угрозы блокированное танцами и их силласкими союзниками с юга и севера Когурё уже не представляло. Император, тем не менее, решил на выступление, исходя, как кажется, скорее из престижно-символических, чем из реальных политических соображений. Уничтожение «зазнавшихся варваров» должно было продемонстрировать мощь и непобедимость «Небесной Империи» и мироустроительную роль ее правителей, «Сыновей Неба», видевших себя единственными легитимными властителями всего цивилизованного мира.

Однако предостережения осторожных и реалистичных сановников оправдались. Танская армия (около 50 тыс. чел.) под командованием победителя пэкчесцев, Су Динфана, сумела дойти до Пхеньяна и осадить

его, но взять города не смогла и принуждена была отступить. То же самое, но в худшем варианте, повторилось и в следующем, 662 г. Су Динфан не смог довести до конца осаду Пхеньяна из-за холодов и недостатка продовольствия. Ряд крупных китайских отрядов был жестоко потрепан когурёскими частями. В сражениях 662 г. роль силлаского войска свелась к доставке продовольствия армии Су Динфана. Основное бремя в борьбе с Когурё несли Танская империя.

Очередное поражение, понесенное от «северо-восточных варваров», было серьезным ударом по танскому престижу и мироустроительным амбициям. Но и Когурё победа досталась нелегко. Более чем полустолетнее противоборство с китайскими империями вконец истощило страну. Политическую волю элиты к продолжению этого героического — и разорительного — противостояния поддерживала лишь железная хватка военного диктатора Ён Гэсомуна. Однако положение режима Ён Гэсомуна становилось все более безнадежным. Особенно сильным ударом был провал движения за восстановление Пэкче, означавший, что больше Когурё не на кого опереться в регионе. Переломным моментом явилась смерть Ён Гэсомуна в 666 г. и разгоревшаяся сразу после этого борьба между его сыновьями за наследие отца. В итоге старший сын Ён Гэсомуна, Ён Намсэн, был отстранен от власти и вынужден бежать вместе со своими сторонниками в Китай и сдаться на милость Тан. Seriously расколов когурёский правящий слой, этот инцидент дал китайцам «законный» предлог для новой агрессии, которую теперь можно было преподнести как «войну против узурпаторов».

В итоге масштабной танско-силлаской операции 667–668 гг. (силлаское войско играло, скорее, вспомогательную роль) Пхеньян был взят и Когурё как государство — сокрушено. Когурёские территории были реформированы в военное наместничество «Умиротворенный Восток» (*Аньдун духуфу*). Наместником назначили китайского полководца Сюэ Жэньгуя, сразу же приступившего к карательным операциям против рассеянных по провинциям отрядов когурёского сопротивления. Часть бывшей когурёской элиты была «награждена» танскими титулами и тем переманена на китайскую сторону. Но к управлению бывшими когурёскими землями коллаборационистов, как правило, не допускали, закономерно опасаясь, что они вновь изменят свою ориентацию и перейдут на сторону анти-танского сопротивления.

Жестокие карательные походы танских войск, их бесчеловечные акции по искоренению потенциальных «бунтовщиков» (в частности, около 40 тыс. когурёсцев было насильственно переселено в глубь Китая) не могли не вызвать массового недовольства. Оно перешло в 670 г. в вооруженное народное выступление под руководством когурёского аристократа Ком Моджама. Восставшие громили танские гарнизоны и расправлялись с китайскими чиновниками. Чтобы придать выступлению легитимность, Ком Моджам провозгласил одного из просилласки на-

строенных родственников последнего когурёского вана, по имени Ансын, новым государем. Силла вскоре начало активно помогать восставшим, что позволило им одержать ряд внушительных побед над танскими оккупантами. Вскоре Ансын был официально провозглашен когурёским ваном силласцами. После нескольких неудачных битв с танскими подкреплениями, Ансын, не желавший делить власть с Ком Моджамом, убил последнего и бежал в Силла. Там ему был дан удел в кормление и младшая сестра силлаского государя Мунму (личное имя — Поммин; 661–681) — в жены. Все эти акции практически означали расторжение силласко-танского союза и объявление силласцами войны Танской империи. Что же сделало недавних союзников врагами? Какие детали послевоенного «устройства» бывших пэкческих и когурёских земель вызывали недовольство Силла? Наконец, что давало силласцам уверенность в возможности победить Тан — крупнейшую державу тогдашнего мира?

В принципе, силласцы, сознательно шедшие на непомерные жертвы ради объединения полуострова под своей властью, не могли согласиться на переход значительной части протокорейских территорий под перманентное китайское управление. Китайские гарнизоны на пэкческих и когурёских землях означали, что любое ухудшение в отношениях с Тан — или очередная вспышка экспансионистских амбиций танских правителей — могли привести к вражеской атаке на Силла с севера и запада одновременно, что было чревато гибелью государства. Силлаские правители также хорошо знали, что в тайную «программу-максимум» Тан входило и подчинение Силла — перевод его на положение военного наместничества, управляемого местными марионетками китайцев и танскими военачальниками. Знали они и то, что танские военачальники предпринимали неоднократные попытки переманить золотом и посулами силласкую знать на свою сторону (такого плана предложения делались, скажем, Ким Юсину, но без особого успеха). Переход на китайскую сторону значительной части пэкческой и когурёской аристократии не мог не насторожить силлаские верхи. Это говорило о том, что для значительной части протокорейской элиты иноэтническое владычество было, при условии сохранения привилегий местной знати, приемлемым вариантом, и что коллаборационисты могут найтись и в Силла. Все эти обстоятельства делали для силласких правителей войну за изгнание танских гарнизонов с полуострова неизбежной.

Веру же в победу им давало не утихавшее антикитайское сопротивление на оккупированных пэкческих и когурёских землях, показывавшее силу этнических эмоций среди общинников и определенной части элиты. Для Силла, этнически и культурно близкого (хотя и не идентичного) к Когурё и Пэкче, союз с повстанцами должен был стать залогом победы в неравной схватке с гегемоном тогдашней Восточной Азии. При этом важно подчеркнуть, что, воюя с Тан, Силла вовсе не отрицало танской китаеццентричной модели мира. Наоборот, оно продолжало счи-

тать себя формальным «вассалом» «Небесной Династии». Танская культура продолжала оставаться референтной для силласких верхов, а их интерес к конфуцианству как средству достижения общественного единства, скорее, даже углубился.

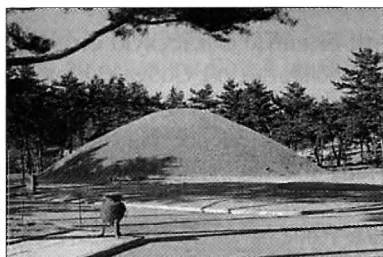

Рис. 65. Слева: могила государя-объединителя — Тхэджон-Мурёль-вана (личное имя — Ким Чхунху). Высота — 11 м, диаметр — 110 м. Могила расположена в западной части бывшей силлаской столицы, под горой Сондосан («Божественных Персиков»). Справа: постамент памятной стелы, посвященной Тхэджон-Мурёль-вану. По тогдашней общерегиональной «моде», постамент имел вид черепахи — символа долголетия и счастья. Над черепахой — изображения шести драгонов (черепаха символизировала женское начало, а драконы — мужское). Сама стела, текст которой был, по преданию, написан Ким Инмуном (брат Ким Чхунху), не сохранилась.

Прямые военные действия между Силла и Тан начались в 671 г. С самого начала усилия Силла были сфокусированы на изгнании танских войск с бывших пэкческих земель, откуда китайские гарнизоны могли легко угрожать центральным районам самого Силла. Успехи силласцев, достигнутые благодаря помощи местного населения, вызвали крайнее недовольство китайского военачальника Сюэ Жэньгуя, который направил Мунму-вану раздраженное послание с обвинениями в измене и «мятеже» против китайского «сюзерена». Вполне в нравах той эпохи, Сюэ Жэньгуй обвинял Мунму в самом страшном для конфуцианца проступке — сыновьей непочтительности. Новый силлаский государь, утверждал китайский полководец, не имел морального права изменять прокитайскую политику покойного отца.

В ответном послании Мунму-ван решительно отвергал обвинения в «измене вассальному долгу», подробно перечисляя заслуги силласких владетелей «на службе» Тан и объясняя начало военных действий против танских войск атаками пэкческого марионеточного режима Пуё Юна на силлаские пределы и необходимость предотвратить потенциальное нашествие танских войск на Силла. Письмо Мунму-вана, отличавшееся изысканностью витиеватого дипломатического слога, ясно указывало на основную линию силлаской внешней политики. Силла оставалось органической частью китаецентричной системы («вассалом

Тан»)), но в то же время не отказывалось от защиты своих реальных интересов — в том числе и вооруженным путем — от чрезмерных амбиций Тан (прежде всего территориальных). Как показало время, это мудрое сочетание культурного конформизма (подрывавшего легитимность танской экспансии) и независимой линии в реальной политике обеспечило Силла итоговый успех.

Уже в 671 г. Силла сумело захватить бывшую пэкческую столицу с окрестностями и создать в этих местах область (чу) Собури, ставшую форпостом в борьбе с танскими оккупантами. Однако на когурёских землях события разворачивались в значительно менее благоприятном ключе. В Пхеньяне были расквартированы 400 тыс. танских солдат. Они жестоко расправлялись с когурёским антикитайским сопротивлением и успешно уничтожали силлаские отряды. Победы танских войск и щедрые китайские посулы привлекли отдельных членов силлаской элиты на сторону Тан. В 673 г. силлаские власти были вынуждены устроить «чистку» прокитайской группировки, жестоко покарав многих ее членов. В том же году Тан начала активно использовать союзные войска кочевых племен Севера — *мохэ* и *киданей* — против Силла. Это вынудило силласцев восстановить пограничную службу, упраздненную было после разгрома Пэкче и Когурё. В стране вновь стала чувствоваться мобилизационная атмосфера, значительно ослабшая после триумфов 660-х гг. Напрягая последние силы, Силла одержало в 675–676 гг. ряд решительных побед над танскими войсками, освободив от оккупантов южные пределы Когурё (вплоть до р. Йесонган на севере) и практически всю бывшую пэкческую территорию. Особенно важен был разгром силласцами в ноябре 676 г. танского флота в устье р. Кымган, означавший полное изгнание танцев с пэкческих земель.

Танская политика в отношении «непокорного вассала на северо-востоке» была достаточно противоречивой и колеблющейся. Император Гаоцзун то «снял с должности» «провинившегося вассала» Мунму и «назначал» силласким государем бывшего в Китае в заложниках брата Мунму Ким Инмуна (674 г.), то «восстанавливал» Мунму «в должности». Последнее происходило после того, как танский император принимал «извинения» «провинившегося» и убеждался в невозможности разгромить силласкую армию и удержать вновь приобретенные владения на Корейском полуострове (675 г.). В конце концов, озабоченные осложнившимися отношениями с другими «окраинными народами» и поняв бесперспективность затяжной войны против Силла, танские правители предпочли перенести военное наместничество «Умиротворенный Восток» на Ляодун. Практически (но пока что не формально) они признали, таким образом, земли Корейского полуострова к югу от р. Тэдонган силласким владением. Определенная напряженность в отношениях Тан с Силла сохранялась вплоть до начала VIII в. (официальное признание Тан новые границы Силла получили лишь в 735 г.), но

все это время Силла формально оставалась «вассалом» Тан и продолжала активно заимствовать танские культурные достижения (скажем, новый календарь — в 674 г.).

Когурёские земли к северу от р. Тэдонган оставались владением Тан (по крайней мере, формально) вплоть до конца VII — начала VIII вв. После их захватило основанное в 699 г. когурёскими и *мохэскими* выходцами новое государство Бохай (корейское произношение — Пархэ). Вскоре во владение Бохай перешла и значительная часть главного предмета территориальных вожделений Тан — когурёской Южной Маньчжурии. «Внутренними вассалами» Тан остались *кидани* юго-западной Маньчжурии, но этот «вассалитет» был явно формальным. Громадные жертвы, принесенные Суйской и Танской империями на алтарь экспансии на северо-востоке, оказались практически бессмысленными.

Объединение под властью Силла большей части Корейского полуострова (вплоть до р. Тэдонган на севере, включая покорившийся в 662 г. остров Чеджудо на юге) означало, что созданы государственно-политические рамки, в которых могло теперь начаться формирование нового, корейского, этноса, унаследовавшего культуру всех трех основных протокорейских групп (*когурё*, *пэкче* и *силла*). Естественно, что ведущую роль в этом процессе играл силлаский этнокультурный компонент. Тому факту, что значительная часть земель протокорейских народностей перешла под контроль одного из протокорейских государств (Силла), избавившись от угрозы танской оккупации и став территориальным фундаментом для дальнейшего развития самостоятельной местной культуры, нельзя не придать большого значения.

Но одновременно нельзя закрывать глаза и на менее приятную сторону исторической реальности. Объединение протокорейских земель шло силовым путем и сопровождалось изнурительными непрерывными войнами, губительно отражавшимися на жизни наиболее незащищенных групп населения, подрывавшими экономику и культуру всех трех государств древней Кореи. Продолжавшиеся более века войны против Силла сделали враждебность к силласцам органической частью коллективной идентичности населения пэкческих и когурёских территорий. Это, в сочетании с достаточно замкнутой натурой доминируемого прослойкой *чинголь* сословного силлаского общества, весьма затруднило интеграцию бывших пэкчесцев и когурёсцев в состав нового, объединенного этноса. Вплоть до гибели Объединенного Силла (конец IX — начало X вв.) бывшие когурёсцы и пэкчесцы оставались отдельными субэтносами в составе силлаского этноса (корейского этноса в зачаточной стадии). При первой же возможности — предоставленной внутренним кризисом в силласком центре — они активно поддерживали сепаратистские мятежи на окраинах под лозунгами «восстановления Пэкче и Когурё». Все это показывает, что насильственное объединение «сверху», жестокими военно-политическими методами, вовсе не обязательно вле-

чет за собой настоящую интеграцию гетерогенных этнокультурных групп, создание действительно единого национально-культурного пространства. Процесс слияния бывших силласцев, пэкчесцев и когурёсцев в единый корейский этнос растянулся после гибели Объединенного Силла (935 г.) еще на несколько столетий, завершившись лишь в XIII–XIV вв., в процессе совместного, общенационального сопротивления монгольским завоевателям.

Важный момент, о котором следует упомянуть в связи с исторической оценкой объединения части Корейского полуострова под властью Силла, — вопрос о природе танско-силлаского союза и легитимности действий силласких правителей, привлекавших танские армии для решения конфликтов с другими протокорейскими государствами. Этот вопрос поднимается как официальной северокорейской историографией, так и ультранационалистическими историками Южной Кореи. И те, и другие обвиняют Ким Юсина и Ким Чхунчу в «национальной измене», характеризуя как «преступное» применение «внешних сил» против «соотечественников». В связи с этим необходимо напомнить, что сегодняшние националистические критерии не должны применяться к событиям VII в., к раннеклассовым обществам, элита которых говорила на разных языках, придерживалась различных обычаев и вовсе не считала друг друга «соотечественниками» (хотя определенное сознание близости всех протокорейских этносов уже выработалось, что помогло Силла привлечь недавних противников — население Пэкче и Когурё — на свою сторону в войне против Тан в 670–676 гг.). Когурё позволяло себе в начале VII в. проводить жестко антисуйскую и антитанскую линию не потому, что было «патриотичнее» Силла или Пэкче (которое, как и Силла, искало союза с Суй против Когурё), а просто потому, что было сильнее, имело опыт борьбы с китайскими династиями (формальным «вассалом» которых оно, тем не менее, оставалось) и желало подтвердить свой статус регионального лидера. Именно этот статус Силла, с китайской помощью, и хотело отнять у северного соседа.

То, что Силла, активно используя альянс с Тан, не забывало и о собственных интересах, прекрасно показывает кампания 670–676 гг. Попытки интерпретировать политику VII в. с точки зрения национальных критериев наших дней абсолютно абсурдны и не имеют никакой исторической ценности. Нельзя не согласиться, конечно, с тем, что развязанные силласкими правителями с сер. VI в. завоевательные войны против Когурё и Пэкче велись в интересах господствующего класса Силла, желавшего укрепить налоговую базу аппарата власти и повысить статус своего государства в системе международных отношений. Союз с Тан, подразжмевавший тотальную войну против Пэкче и Когурё, был заключен группировкой Юсина-Чхунчу, преследовавшей, кроме государственных, и более узкие фракционные интересы. Война и всеобщая мобилизация помогали монархии обрести практически автократические пол-

номочия, на которые ей бы иначе было весьма трудно рассчитывать в аристократическом обществе. Несомненно, война являлась трагедией для населения полуострова, более чем сто лет (середина VI — середина VII вв.) не знавшего практически ни одного спокойного года и регулярно подвергавшегося насилиям, грабёжам и мобилизациям. Как уже говорилось, для бывшего населения Пэкче и Когурё психологическим итогом войны были сильные антисиллаские эмоции, в итоге давшие о себе знать в процессе распада и гибели самого Силла. Однако в то же время нельзя отрицать и историческое значение событий середины VII в., создавших, при всей их трагичности, основу для формирования единого корейского этноса и новой, корейской культуры.

Источники и литература

А) Первоисточники:

1. Чэнь Шоу. *История Трёх Государств (Саньго чжи)*: Пак М. Н. «Описание корейских племен начала нашей эры (По Саньго чжи)» // *Проблемы востоковедения*, 1961, № 1; То же — *Российское корееведение. Альманах № 2*. М., 2001. С. 17–22.
2. Ким Бусик. *Самжук саги*. Изд. текста, пер., вступит. статья и коммент. М. Н. Пака / Отв. ред. А. М. Рогачев. М., 1959 (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия. I); М., 1995 (кн.2).
3. Lee, P. H. and de Bary, Wm. T. (eds.). *Sourcebook of Korean Tradition*. New York: Columbia Un-ty Press, 1997, Vol. 1, pp. 56–77.

Б) Литература:

1. Воробьев М. В. *Корея до второй трети VII века*. СПб, 1997. С. 113–247.
2. Lee, Ki-dong. «Bureaucracy and Kolp'um System in the Middle Age of Silla» // *Journal of Social Sciences and Humanities*, Vol. 52, 1980, pp. 31–58.
3. Lee, Ki-dong. «Shilla's Kolp'um System and Japan's Kabane System» // *Korean Social Science Journal*, Vol. 11, 1984, pp. 7–24.
4. Pankaj, N. M. «The Buddhist Transformation of Silla Kingship: Buddha as a King and King as a Buddha» // *Transactions of the Korea Branch of the Royal Asiatic Society*, Vol. 70, 1995, pp. 15–35.
5. Sasse, W. «The Shilla Stone Inscription from Naengsu-ri, Yongil-gun» // *Korea Journal*, Vol. 31, No. 3, 1991, pp. 31–53.

Часть 2

АРИСТОКРАТИЯ И ЧИНОВНИЧЕСТВО В КОРЕЕ: ОБЪЕДИНЕННОЕ СИЛЛА И КОРЁ (конец VII — конец XIV вв.)

Глава 6

ЗАВЕРШЕНИЕ ОБЪЕДИНИТЕЛЬНЫХ ВОЙН И РАСЦВЕТ ОБЪЕДИНЕННОГО СИЛЛА (661–780 гг.)

а) Усиление государственной централизации в конце VII в.

Бесконечные войны против Пэкче, Когурё и, наконец, танских армий дорого обошлись силласкому населению, измотанному бесконечными мобилизациями и «чрезвычайными» поборами. Однако для пришедшей к власти с воцарением Ким Чхунчху в 654 г. группировки Чхунчху-Юсина военная обстановка была политически полезной. Она позволяла подчинить традиционно сильную аристократию *чинголь* центральной власти и начать строительство централизованной конфуцианской монархии в согласии с идеалами императорского дома Тан — формального «сюзерена» Силла. Идеалом группы Чхунчху-Юсина была сильная централизованная власть, контролирующая страну через разветвленную сеть бюрократических учреждений и менее зависимая от аристократических клик (т. е. более политически автономная). Иногда южнокорейские исследователи характеризуют подобный идеал как «автократическую монархию» (*чондже ванквон*). Однако, употребляя этот термин, следует помнить, что речь, конечно же, не шла о неограниченном полновластии, характерном, скажем, для современных автократических диктатур в ряде стран мира. В контексте силлаской истории термин «автократия» условен, так как, сколь ни пыталась усилить себя центральная власть, покуситься на основные привилегии *чинголь* она себя не позволяла.

Политика утверждения централизованных бюрократических начал и конфуцианской морали опиралась на весьма узкий круг лично преданных правящему дому (т. е. Чхунчху и его потомкам) выходцев из рядов аристократии и привилегированных групп *юктунхум* и *одунхум*. Она способствовала преодолению замкнутого кланового сознания столичной

знати и, тем самым, объединению разноплеменного населения Объединенного Силла вокруг кёнджуского центра. Осуществление этой политики в обстановке тотальной войны активизировало социальную мобильность среди общинников, избавленных от традиционного контроля со стороны влиятельных аристократических семей и получивших возможность продвижения «вверх» через службу в войске и военные заслуги. В то же время эта политика осуществлялась крайне жесткими методами, вызвала в обществе серьезный раскол и в итоге потерпела полное поражение, практически лишившее Силла перспективы политической эволюции в направлении более зрелой централизованной государственности. Это поражение означало неизбежность кризиса и гибели силлаской системы, не отвечавшей, с ее замкнутостью и преобладанием консервативных аристократических начал, задачам управления обширным и пестрым по составу населения государством.

В 661 г. со смертью Ким Чхунху трон унаследовал его сын Поммин, известный под посмертным храмовым именем Мунму. Он сразу начал жестокую борьбу с потенциальными политическими противниками. Так, в 662 г. он казнил начальника Военного Ведомства (*пёнбурён*) и героя покорения Пэкче, знаменитого полководца Чинджу (и многих его сторонников), за «небрежение к государственным делам». Реальной причиной расправы была, по-видимому, оппозиция военачальника чрезмерно жесткой автократической политике. Раздорами в рядах силласких правящих кругов не преминули позже воспользоваться китайские политики. Они использовали в ходе танско-силлаской войны сына Чинджу, по имени Пхунхун (бывшего в Китае на учебе), в качестве проводника. Силлаская монархия также активно укрепляла себя «мягкими» методами: укреплением и расширением главной своей опоры, военных и административных институтов. В 665 г. было завершено формирование 10 провинциальных корпусов (*синчон*). Они состояли из «коренных» силласцев и дислоцировались в стратегически важных пунктах завоеванных земель. В 667 г. было расширено (фактически преобразовано в два родственных ведомства) *Ибанбу* — центральное ведомство, отвечавшее за принятие и применение уголовного законодательства. Не забывала правящая группировка и о личном обогащении, концентрируя военные трофеи (землю и пленных) в своих руках. Так, в 663 г. Мунму-ван пожаловал своему главному политическому союзнику Ким Юсину 500 *кэль* земли (1 *кэль* в силлаский период — около 3–4 гектаров). Не забыты были и подчиненные Юсина, отличившиеся в войнах против Когурё и Пэкче. В этот период власти ограничивались уничтожением своих открытых противников в военной среде. Так, в 668 г. казнен был Пак Тою — военачальник области (*чу*) Хансан, обвиненный в подготовке мятежа. В 673 г. та же участь постигла некоего Тэтхо, обезглавленного за сношения с китайскими войсками.

С середины 670-х гг., с исчезновением непосредственной внешней угрозы, политика властей стала жестче. Из обороны монархия перешла

в наступление на позиции знати. Даже недонесение о «изменнических намерениях» (а в реальности — просто о недовольстве государственной политикой) стало считаться преступлением. В 677–681 гг. было основано состоявшее из двух подведомств новое важное центральное учреждение — *Сарокса*, или Ведомство Пожалований. По-видимому, задачей этой организации было упорядочение земельных владений аристократии. Выводя земли и крестьян из-под контроля знати, власть хотела укрепить свои налоговые ресурсы. Решающий момент в неизбежном противостоянии монархии со знатью настал после смерти Мунму-вана в 681 г. В своем завещании, обильно иллюстрированном конфуцианскими и буддийскими поучениями, ван призывал наследника (известен под посмертным храмовым именем Синмун; 681–692) отменить «ненужные» налоги (т. е. в преддверии конфликта со знатью улучшить отношения с основной массой подданных) и «переплавить оружие в окраинных округах на сельскохозяйственные орудия» (т. е. демобилизовать внушавшие опасения части на пограничных территориях). Очень скоро Синмун-ван показал себя достойным продолжателем политики предшественников. Смерть властного и жесткого Мунму вселила в аристократов надежду на некоторое смягчение режима, но она оказалась напрасной. Сразу после прихода к власти Синмун обвинил в «подготовке мятежа» и казнил некоторых видных представителей *чинголь*, в том числе собственного тестя, знаменитого полководца и героя войны против Когурё Ким Хымдоля, вместе со множеством родственников и сторонников. Казнен был и бывший некоторое время до этого Председателем Совета Знати (*сандэдыном*) начальник Военного ведомства (*нёнбурён*) Ким Кунгван, вся вина которого заключалась в том, что он не донес вовремя о «изменнических умыслах» группы Хымдоля. Супругу Синмуна, как «дочь изменника», изгнали из дворца, а следующей женой вана стала дочь героически погибшего в боях против Пэкче *хварана* Ким Хымуна, влиятельных знатных родственников не имевшая.

Сравнительно короткое правление Синмун-вана было временем окончательного оформления военных, административных и идеологических структур Объединенного Силла. Сразу же после расправы над Ким Хымдолом и его сторонниками была укреплена преданная *вану* дворцовая гвардия, *Сивибу* (в ней служило до 180 кадровых офицеров). В 682 г., была, по образцу танского Китая, основана Высшая Государственная Школа (*Кукхак*), где лояльные двору интеллектуалы, в основном выходцы из сословий *юктупхум* и *оदупхум*, преподавали будущим чиновникам основы конфуцианской классики, китайской литературы и стихосложения. В *Кукхак* принимали студентов в возрасте от 15 до 30 лет. Им предоставлялось право учиться в течение 9 лет, после чего позволялось сдавать экзамены трех уровней сложности. Вскоре в филиал этой школы была превращена и организация *хваран*. С окончанием периода войн и конфуцианизацией традиционных силласких культов это объединение

молодежи, ранее делавшее упор на обучение местным ритуалам и воспитание воинских добродетелей, переродилось в дополнительный орган конфуцианского образования. В 686 г. из Китая была дополнительно выписана литература по ритуалам, ставшая теперь основой конфуцианизированного миропорядка в Силла. Неудивительно, что в этой новой ритуальной системе — в соответствии с концепцией «сыновней почтительности» — главными объектами государственного культа предков ванской семьи стали прямые предки самого Синмун-вана, прежде всего дед (Ким Чхунчху) и отец (Мунму-ван), к которым государь теперь обращался, скажем, за защитой от природных бедствий.

Важнейшим мероприятием Синмун-вана было завершение реорганизации системы местного управления. Вся территория страны была разделена на девять областей (*чу*). Это делалось в соответствии с конфуцианской традицией, приписывавшей деление Китая на девять административных районов мифическому «совершенному императору» Великому Юю. Три области лежали в пределах коренных силласких (и каяских) земель, три представляли собой бывшую территорию Пэкче и еще три включали южные земли бывшего Когурё (в том числе долину Хангана). Каждая область включала в себя около 10 округов (*кун*) и 20–40 уездов (*хён*). Всего в 685 г. в Силла насчитывалось 105 округов и 281 уезд. Кроме того, были выделены пять «малых столиц» (*согён*) — центров культурного и административного влияния Силла на местах, куда обычно переселялись чиновники и ремесленники из центральных районов. Всеми областями, округами и уездами управляли присланные из столицы чиновники, обладавшие на местах всей полнотой власти. Сепаратизм и самоуправство пресекали цензоры (*весаджон*), которых направляли в каждую область (по двое) и округ (по одному). Символом достоинства местных администраторов были бронзовые печатки (выдавались с 675 г.), а реальной опорой их власти служили расквартированные в каждой области воинские части (включавшие специальные подразделения, вооруженные катапультами и стрелометами). В мирное время главной функцией системы местного управления было наблюдение за состоянием крестьянских хозяйств (подробнейшие отчеты на эту тему составлялись регулярно, раз в три года), сбор налогов и податей и мобилизация населения на воинскую службу и трудовые работы. Местная администрация была реальной основой власти Мунму-вана и его потомков.

Желая прочнее привязать новых подданных к силласкому трону, Синмун-ван осуществил по отношению к ним ряд ассимиляционных мер. Прежде всего, были сформированы новые воинские части, так называемые «девять клятвенных корпусов» (*кусоджон*; название связано с приносившейся солдатами клятвой верности трону). Они состояли как из коренных силласцев (три корпуса), так и из когурёсцев, пэкчесцев и кочевников *мохэ*. Каждый корпус отличался по цвету нашивок (*кым*) формен-

ного костюма — зеленый и багровый у силласцев, черный с красным у *мохэ*, белый с синим у *пэкчесцев*, и т. д. По мнению некоторых южнокорейских историков, эти новые корпуса являлись также противовесом традиционным воинским формированиям, которые в некоторых случаях могли возглавлять потенциальные противники Синмун-вана из числа знати *чинголь*. Возможен был также переход бывших когурёских (с 686 г.) и пэкческих (с 673 г.) чиновников на силласкую службу, но со значительным понижением в ранге. Все эти меры были эффективны только отчасти. Скажем, несмотря на то, что Ансыну, главе бывших когурёских подданных, вошедших в союз с Силла против Китая и переселенных на бывшие пэкческие земли, было пожаловано достоинство *чинголь* и государева фамилия Ким, когурёские переселенцы подняли в 684 г. мятеж, подавление которого стоило значительных жертв. Довольно долго и после Объединения бывшие пэкческие чиновники продолжали, наряду с силласкими, упоминать в votивных надписях на предметах буддийского культа и старые, пэкческие, ранги и чины. Военное насилие помогло Силла решить политическую задачу объединения, по крайней мере, части протокорейских земель, но не привело к полному слиянию всех протокорейских обществ в единую этнокультурную группу.

Одним из главных направлений политики Синмун-вана были меры по дальнейшей концентрации экономической власти в руках центрального аппарата. В 687 г. государство начало, по примеру танского Китая, распределять земельные наделы чиновникам. Они получали не право собственности на землю, а лишь фиксированную часть урожая с надела. Обработка чиновных наделов была еще одной повинностью для окрестных крестьян. Таким образом, экономически усилилась главная опора монархии: состоявший прежде всего из представителей *юктупхум* и *оодупхум* административно-чиновный аппарат. Следующий шаг был предпринят в 689 г., когда у чиновников (высший слой которых, очевидно, принадлежал к *чинголь*) были изъяты «кормления» (*ногып*) — территории, урожай с которых шел им в качестве жалованья. Многие южнокорейские ученые также предполагают, что до 689 г. высшее чиновничество из *чинголь* могло осуществлять значительный контроль над населением и ресурсами своих *ногып*. Если это предположение обоснованно, то тогда «кормления» в какой-то степени можно сравнить с феодальными вотчинами. Их изъятие говорило о стремлении власти «под корень» подрубить потенциальные ростки феодализма в стране. Взамен «кормлений» аристократам стали выдавать «годовое жалование» (*седжо*), что ставило их в экономическую зависимость от монархии. В реальности, конечно, земли, рабы и слуги, столичные усадьбы и другие виды крупной наследственной собственности у аристократов все равно сохранилась, несмотря на все ограничения.

В какой-то мере реформы Синмун-вана позволили создать режим с достаточной степенью внутренней прочности. Скажем, государь был

достаточно уверен в себе для того, чтобы в 692 г. гордо отвергнуть требование Тан изменить посмертное храмовое имя Ким Чхунчху, в которое входил компонент «Тхэджон» (кит. Тайцзун; «Великий Предок»), совпадавший с посмертным титулом второго императора Тан. «Мой дед, объединивший Три государства, вполне достоин подобного титула», — без излишней скромности заверял китайцев Синмун. Но в то же время планировавшийся на 689 г. перенос столицы из Кёнджу в центр полуострова, на место нынешнего г. Тэгу, осуществить не удалось, и прежде всего из-за противодействия столичной аристократии, которая опасалась потерять свое влияние. Силла по-прежнему оставалось прежде всего аристократическим обществом, и на ядро традиционной системы, исключительное право *чинголь* на высшие пять должностных рангов (а, соответственно, и высшие чины и должности), Синмун покуситься не посмел.

б) Расцвет буддийской мысли. Вонхё и Ыйсан

Духовным «цементом» силлаского общества в период Объединительных войн и после их окончания был буддизм, ставший к тому времени подлинно общенародной религией. Одним из выдающихся буддийских мыслителей и практиков этого времени считается Вонхё (617–686 гг.) — комментатор и подвижник, оказавший сильное влияние и на буддийскую идеологию Китая и Японии. Вонхё происходил из принадлежавшего к *юктунхум* клана Соль и, хотя и родился и вырос в провинции (по-видимому, совр. уезды Кёнсан или Чхондо пров. Сев. Кёнсан), получил блестящее образование, был превосходно знаком с даосским и конфуцианскими учениями и мастерски владел литературным китайским языком. Можно предположить (хотя прямых свидетельств нет), что в ряды буддийской общины Вонхё привело глубокое внутреннее разочарование в мире, где царили войны, ненависть и насилие. Мечтой монаха Вонхё было попасть на учебу в Китай — тогдашний центр буддийской цивилизации Дальнего Востока. Особенно интересовало его новое истолкование доктрины *йогаচারы* (буддийского учения, видящего в мире лишь нереальное порождение реально существующего сознания) танским наставником Сюаньцзаном (602–664), который по возвращении в 645 г. из Индии перевел ряд важнейших доктринальных сочинений буддизма заново. Вонхё и его друг, (впоследствии знаменитый наставник) Ыйсан (625–702 гг.), несколько раз пытались в середине 50-х годов VII в. добраться до Китая, но в военной обстановке это было крайне сложно.

По легенде, во время одной из попыток друзья, застигнутые в темноте бурей, заночевали в пещере недалеко от цели их пути — побережья Желтого моря. Ночью, томимый жаждой, Вонхё испил воды из какой-то плошки (так ему, по крайней мере, показалось в тот момент), и вода бы-

ла весьма приятна на вкус. Однако, стоило наступить рассвету, Вонхё увидел, что пещера была ничем иным, как древней могилой, а «плошка» — черепом, в котором скопилась дождевая вода! По преданию, в этот момент к Вонхё пришло прозрение. Он понял, что мир существует лишь в нашем восприятии. Одна и та же яма в земле может казаться и удобной для сна пещерой, и могилой с черепами, но на самом деле не является ни тем, ни другим. Он также осознал, что Китай, с этой точки зрения, ничем не отличается от Силла — между вещами, продуктами нашего воображения, вообще нет различий. Прозрев тщету своих помыслов об учебе за границей, Вонхё вернулся домой. Ыйсан, между тем, остался верен первоначальным намерениям.

Оставив юношеские мечты об учебе в Китае (а значит, и о славе, и высоком положении в силлаской *сангхе*), Вонхё постепенно сближается с группой отшельников незнатного происхождения, предпочитавших держаться подальше от руководства буддийской общины. Эта группа проповедовала рядовым общинникам на доступном им языке идеи *амидаизма*. *Амидаизм* — учение, основанное на вере в полное избавление от страданий без сложной догматики, просто через молитвенное призывание будды Амитабхи, в Чистой Земле (санскр. *Сукхавати*) которого верующих ждет вечное блаженство. *Амидаизм* не требовал для спасения принятия или строгого соблюдения монашеских обетов. Многие из друзей Вонхё, формально будучи монахами, практически вели жизнь мирян, не стесняясь, скажем, есть мясо или предаваться шаманским пляскам в деревнях, если это могло помочь сближению с простыми верующими. Вонхё перенял этот стиль жизни. Именно в это время у него рождается идея единства *сангхи* и мира. Он постепенно пришел к выводу, что вести верующих к спасению можно, только полностью и чистосердечно разделив их горести и радости, и в то же время сохраняя идеал *нирваны* («угасание» — освобождение от кармической цепи перерождений) в сердце. Это убеждение вскоре переросло у Вонхё в философскую концепцию «недвойственности» — т. е. представление о внутреннем единстве всех дуальных оппозиций, образующих доступный сознанию мир. Особенно важно было, что Вонхё пришел к философскому «снятию» самой главной для буддиста оппозиции — между *нирваной* и *сансарой* (профаническим миром бытия). Он стал смотреть на мир как «уже спасенный внутри». Верующему достаточно было просто осознать присутствие *нирваны* внутри каждой пылинки окружающего мира, чтобы «вернуться к себе», к спасению, которое никогда и не оставляло его. Эти идеи Вонхё оказали впоследствии громадное влияние на развитие философии *чань (дзен)* в Китае.

Популярность Вонхё в самых широких слоях населения росла. Ким Чхунчху, перед лицом потенциальной аристократической оппозиции стремившийся заручиться поддержкой в народной среде, решает пойти на своеобразный союз с известным монахом. По легенде, Чхунчху воз-

желал, чтобы мудрец, подобный Вонхё, оставил бы для службы стране подобных ему потомков, после чего Вонхё сошелся с одной из рано овдовевших дочерей Чхунчху и родил сына. Сын Вонхё, Соль Чхон, стал одним из самых заметных конфуцианских ученых периода правления Синмун-вана, систематизатором системы *иду* (системы записи силлаского языка китайскими иероглифами, подбираемыми как по смыслу, так и фонетически). Для Вонхё открытое нарушение монашеских обетов означало возвращение в мир, к статусу верующего-мирянина и рядового подданного силлаского вана. Оформленный таким образом союз с монархией принес Вонхё открытую неприязнь сангхи. И без того популярность проповедей Вонхё была уже предметом зависти со стороны силлаского монашества. Готовность Вонхё пожертвовать монашеским статусом и открыто поддержать политику Чхунчху-Юсина объясняется, по видимому, убежденностью, что лишь победа Силла может положить конец кровопролитиям и что меры монархии по ослаблению аристократии в итоге улучшают положение народных масс. Вонхё делил вместе с солдатами Ким Юсина ужасы и тяготы неудачного похода против Когурё в 662 г. Однако главным его вкладом в укрепление Силла были обширные комментарии к ключевым буддийским текстам.

Рис. 1.

Таким изображают Вонхё в современной Южной Корее.

Комментарии эти, получившие широкую известность в Китае и Японии, сделали доселе интеллектуально малозаметное Силла серьезным центром буддийской мысли. Некоторые из них даже дошли до Индии и были переведены там на санскрит. Особое значение для развития буддийской философии имели комментарии Вонхё к знаменитому «Трактату о пробуждении веры в Махаяну» (*Махаяна шраддхотпада шастра*) — апокрифическому сочинению, пользовавшемуся большим авторитетом в дальневосточном буддизме с конца V в. Используя теорию «Трактата...» о том, что Единое Сознание (глубочайшая духовная основа, составляющая истинное содержание феноменального мира) объемлет обе противоположности (*нирванический* и *сансарический* элемент), Вонхё пытался философски «снять» вообще все видимые оппозиции, возвращая тем самым адепта к Единой, Невыразимой, Нерасчленимой и в то же время Всепорождающей Истине. Работы Вонхё, несомненно, повысили культурный статус Силла в тогдашней Восточной

Азии. Однако ему самому удалось, преодолев неприязнь и зависть основной массы столичного монашества, вернуться к монастырской жизни лишь за несколько лет до смерти, и то только благодаря активной поддержке двора. Учеников и продолжателей среди ученого монашества у Вонхё практически не было. Но немалое число крестьян и ремесленников, которым «беспутный монах» привил убежденность в возможности спасения через простую, но всепоглощающую веру в милосердное могущество будды Амитабхи, еще долго вспоминали о нем с благодарностью.

Чесокса, восстановленный в 1962 г. Так выглядит он теперь.

Рис. 2. По преданию, на месте своего рождения Вонхё построил один небольшой храм, а на месте родительского дома — другой. Храмы эти не сохранились, но фольклорные сказания сообщали, что располагались они где-то в волости Чаин уезда Кёнсан. В 1625 г. на предполагаемом месте рождения подвижника (по легенде, мать родила его под громадным каштановым деревом в Долине Каштанов) был построен храм

Рис. 3. Таким изобразил будду Амитабху, центральный в идеях Вонхё образ, неизвестный скульптор конца VII в. Это монументальное (почти трехметровое по высоте) изображение стоит в пещере под горой Пхальгонсан, у деревни Намсанны в уезде Кунви, провинции Сев. Кёнсан. В этих местах к северо-западу от силлаской столицы буддизм, в популярной своей форме, прижился раньше, чем в центральных районах страны. Соответственно, раньше началось и сооружение пещерных храмов — центров народного культа. В столицу Силла эта «мода» пришла лишь к середине VIII в.

Будда Амитабха (в центре) отличается строгим и серьезным, исполненным силы и веры выражением лица и осанкой и гармонично ниспадающими складками одежды. Руки Амитабхи сложены в мудру (символический жест) «изгнания дьявола прикосновением к земле». Этим жестом божества Земли приглашаются в свидетели того, что он достиг уже просветления, способного даровать всему живому избавление от «дьявольских» пут суетного бытия. По сторонам стоят в изящных позах помощники Амитабхи: справа — Бодхисаттва Мудрости Махасатхама (Всемогущий), а слева — Бодхисаттва Милосердия Авалокитешвара. Именно так зрительно представляли себе современники Вонхё облики буддийских божеств, способных услышать немудреные молитвы верующих и даровать им рождение в свободной от всех мирских страданий Чистой Земле. В принципе, как считалось, достаточно просто поминать имя будды Амитабхи в молитвенной фразе. Согласно учению Вонхё, Чистая Земля изначально дарована всем живым существам и потенциально присутствует в сознании любого человека. Помощь Амитабхи нужна лишь постольку, поскольку сознание индивидуума замутнено профаническими представлениями.

В отличие от Вонхё, создавшего оригинальную буддийскую доктрину, но не сумевшего найти себе преемников (откуда было монаху-расстриге взять монахов-учеников?), его спутник по неудавшемуся путешествию в Китай и близкий друг на всю жизнь, Ыйсан, пошел более традиционной дорогой. Ыйсан сумел в 661 г. попасть в Китай. По возвращении из Тан он основал свою монашескую школу («орден»). В Китае Ыйсан попал в ученики к Чжияню (602–668 гг.) — одному из первых теоретиков начавшей уже приобретать покровительство двора школы Хуаянь (*Аватамсака*). Напомним, что еще до Ыйсана интерес к ранней Хуаянь проявил другой силлаский монах, Чаджан. Однако философские устремления Ыйсана шли значительно глубже. К концу своего пребывания в Китае он, вместе с другим учеником Чжияня, Фацзаном (643–712 гг.), выдвигается в ряды ведущих теоретиков школы.

С Чаджаном Ыйсана объединяла, однако, жесткая приверженность *винае* — нормам монашеского поведения. Согласно популярной легенде, во время жизни Ыйсана в Китае в него влюбилась местная девушка. Однако Ыйсан, оставаясь верным монашеской дисциплине, отказался ответить на это чувство и даже, к концу своего пребывания в Тан, не сообщил девушке о том, когда уезжает. Случайно увидев Ыйсана на отплывающем корабле и поняв, что больше он не вернется, девушка бросилась в море, дав обет после смерти перевоплотиться в могущественного дракона и защищать любимого от всех напастей. По преданию, защита этого дракона (по имени Сонмё) не раз понадобилась Ыйсану после возвращения на родину. Легенда эта отражает представление буддистов того времени о силе монашеских дисциплинарных норм, способных ставить даже местных божеств на службу *сангхе*.

Возвращение Ыйсана на родину в 671 г., опоэтизированное вышеприведенной легендой, имело, на самом деле, и значительно более прозаический смысл: Ыйсан желал предупредить силласцев о готовящейся атаке танских войск. По другой легенде, значительную роль в отражении этой атаки сыграли прошедшие учебу в Китае монахи эзотерической секты. Они якобы сумели путем молитв магическим покровителям буддизма, Четирем Небесным Царям (*Чатваралокапала*), в специально посвященном им храме (Сачхонван-са — Монастырь Четырех Небесных Царей) вол-

Рис. 4. Позолоченное (полое внутри) литое бронзовое изображение Будды Врачевания в полный рост (180 см) из храма Пэннюльса на севере силлаской столицы (конец VIII в.). Статуи, подобные этой, обладали, как считалось, чудесными свойствами. Скажем, к статуе Бодхисаттвы Авалокитешвары из того же храма обращали молитвы те, чьи родственники или друзья не вернулись из дальних странствий.

шебным путем потопить танский флот, наслав на него страшную бурю. При всей фантастичности этого предания, оно показывает, что монастырь, посвященный небесным защитникам буддизма (а, следовательно, и буддийского государства Силла), играл роль духовной опоры страны в те дни, когда судьба ее висела на волоске. Молитвы монахов-эзотериков в тот решающий момент были, возможно, посвящены также другому популярному в Силла божеству — Будде Врачевания (*Бхайшаджья-радже*), считавшемуся могущественным помощником верующих во всех бедах.

Рис. 5. Слева: таким изображали силласцы могущественного Небесного Царя, победителя демонов и великодушного покровителя верующих.

Справа: лишь каменные колонны для монастырских флагов (*танган чиджу*) освящают теперь место давным-давно заброшенного и разрушенного Монастыря Четырех Небесных Царей. С точки зрения силласцев, место это было вдвойне священным. Здесь якобы обитали местные добуддийские божества. Здесь же якобы некогда останавливались и будды прошлого, завязавшие, таким образом, кармические контакты с силлаской землей. Государыня Сондок (632–647) считала, что этот священный участок соответствует Тридцать Третьему Небу (обиталищу Четырех Небесных Царей) в буддийской космологии, и приказала похоронить себя неподалеку.

Вернувшись в Силла, Ыйсан обнаружил, что контроль государства за *сангхой* усилился. С 664 г. запрещено было делать крупные приношения (земельные и имущественные) монастырям без разрешения властей. В 669 г., в дополнение к существующим органам монашеского самоуправления, монах Синхе был назначен инспектором по буддийским вопросам (*чонгван тэсосон*). В принципе, Ыйсан поддерживал политику группы Чхунчху-Юсина. Но контроль центра за буддийской организацией, которая, в согласии с идеалами Будды Шакьямуни, должна была быть автономна от мира, он вряд ли мог приветствовать. Решив удалиться из столицы вместе с учениками, Ыйсан, при поддержке двора, построил себе в 676 г. храм Пусокса в горах Собэксан на севере страны (ныне уезд Ёнпхун провинции Северная Кёнсан). Он перенес туда центр растущей школы Хваом (кит. Хуаянь), которая приобрела заметную по-

пулярность (прежде всего среди образованной элиты) в 670–690-х гг. Как считается, силлаский «орден» Хваом имел десять монастырских центров, и все они располагались вне столицы, большей частью в отдаленных горных местностях. Это говорило, прежде всего, о желании Ыйсана и его учеников соблюдать определенную дистанцию по отношению к государственным структурам.

Другой важной чертой общественно-политического поведения Ыйсана была его приверженность тому идеалу первоначального буддизма, который в иерархичном обществе Дальнего Востока было труднее всего соблюсти — равенству внутри монашеской общины. Сам Ыйсан по рождению принадлежал к *чинголь*, но ближайшим другом его был член сословия *юктупхум* Вонхё, а среди его учеников можно было найти выходцев из крестьян-батраков и даже рабов. С точки зрения Ыйсана, перед лицом истины все были абсолютно равны, и он любил подчеркивать это, отказываясь (как и его ученики) от владения чем-либо, кроме нескольких ряс и кружки для сбора подаяния. Хорошо известно, что Ыйсан был одним из немногих видных буддистов в корейской истории, отказавшихся от предложенного государем (Мунму-ваном) дара в виде земли и рабов. Не владея землей, Ыйсан и его ученики были вынуждены питаться подаянием, что сближало их с малоимущим провинциальным населением, интересы которого они пытались отстаивать в отношениях с государственной властью. Например, когда в 681 г. Мунму-ван захотел перестроить столичную крепость, Ыйсан решительно отговорил его, апеллируя не к буддийским, а к конфуцианским постулатам — зачем владыке, следующему Истинным Путем, изнурять народ на строительных работах, если он и так уже обладает всеми добродетелями? Очевидно, что в этом случае Ыйсан защищал интересы своей провинциальной паствы, совершенно не желавшей быть мобилизованной на тяжелые строительные работы в столице.

Феномен «народных» монахов аристократического происхождения, проповедовавших в массах, придерживавшихся эгалитарных доктрин и отражавших интересы масс в диалоге с властью, связан с пробуждением религиозного и политического сознания в провинции в эпоху войн, чужеземных вторжений и невиданных тягот. Но «диалог» с массами через посредство популярных монахов был выгоден и власти, искавшей в борьбе с аристократией поддержки «снизу» и нуждавшейся в предупреждении недовольства в период тяжелейших войн, когда сама судьба государства была поставлена на карту.

Философские воззрения Ыйсана в целом не выходили за рамки ранних хуаяньских космологических и онтологических схем. В то же время они несли осязаемый отпечаток личности «народного» монаха и тех условий, в которых проходила его жизнь и деятельность. В своем главном произведении, — состоявшей всего из 210 иероглифов (30 строк по 7 иероглифов, что несло символический смысл в буддийском космо-

гическом контексте) поэме «Картина Дхармового мира Единой Колесницы» (поэма также записывалась в форме *мандалы* и служила предметом медитации), — Ыйсан выразил убеждение в том, что ничто не существует независимо. Все в мире связано цепью *кармы*, отношениями взаимозависимости и причинности. Мир Принципа (Истины, *ли*) и мир феноменов (*са*), песчинка и Вселенная, одно мгновение и бессчетное множество *кальп* (т. е. вечность) — все существует лишь в диалектическом взаимодействии противоположностей. Это в итоге означает неполноту и относительность любого мыслимого существования вообще. Как можно говорить о том, что вещи существуют, если они лишены независимой и самодостаточной природы? Все эти идеи, идущие еще от философии *мадхьямаики* индийского мыслителя Нагарджуны (II–III вв.), развивались и в китайской *Хуаянь*. Оригинальность Ыйсана состояла в сильном акценте на «всеединство» связанного цепью *кармы* «дхармового мира» и в подчеркивании значения религиозной практики для «спасения». Для Ыйсана (и в этом он также вполне следовал раннебуддийской традиции) важно было не просто понять Истину, но и «пропустить» ее через себя в мистическом акте Просветления, к которому вела активная культовая практика. Персональным божеством самого Ыйсана была Бодхисаттва Милосердия Авалокитешвара, кармически связанная, с точки зрения мыслителя, с силлаской землей.

Судьба учения Ыйсана была по-своему столь же трагична, как и биография Вонхё. В отличие от Вонхё, Ыйсан был широко признан при жизни и имел немало учеников. Однако эгалитаристские тенденции и неприятие стяжательства нажили ему немало врагов. По легенде, лишь чудесное покровительство дракона Сонмё спасло Ыйсана от козней завистников и позволило основать храм Пусокса. После же смерти Ыйсана власть в школе Хаом перешла к его ученикам аристократического происхождения, которым идеалистические устремления Учителя были совершенно чужды. В итоге, к середине VIII в. школа Ыйсана мало отличалась от прочих сект аристократического буддизма силлаской столицы, разделяя общее увлечение знатных буддистов торжественными придворными церемониями, строительством богато украшенных храмов, переписыванием сутр и т. д. Эгалитаристская секта вряд ли могла выжить в иерархичном обществе, не изменив своей внутренней сущности.

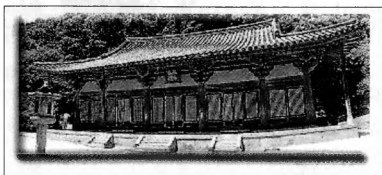

Рис. 6. Так выглядит в наши дни посвященный Амитабхе павильон храма Пусокса, Мурынсуджон. Здание представляет собой корёскую (XIII–XIV вв.) перестройку по образцу более раннего силлаского сооружения и является древнейшим сохранившимся образцом корейского деревянного

зодчества. Ыйсан, как и Вонхё, с большим вниманием относился к популярному культу Амитабхи и его рая — Чистой Земли. Он видел в этом религиозном направле-

нии «искусное средство» (санскр. *упайя*) для «подведения» простых, философски неискушенных верующих к более глубоким истинам буддийской мысли.

Рис. 7. По преданию, здесь, на берегу Японского (Восточно-Корейского) моря, под отрогами гор Сораксан, явилась Ёйсану после семидневного поста и моления бодхисаттва Авалокитешвара. Считается, что молитва Бодхисаттве Авалокитешваре на этом месте была важным религиозным опытом также и для Вонхё. Позже здесь (ныне уезд Янъян пров. Канвон) был основан монастырь Наксанса, являющийся центром культа Авалокитешвары по сей день. Место, где Ёйсану было явлено чудо, называют Ёйсандэ — Скала Ёйсана.

Рис. 8. Такой — женщиной в легких ниспадающих одеждах, с исполненным размышлений о страданиях живых существ лицом, широкими плечами и длинными ушами (символ добродетелей и долголетия) — изображали Великую Печальницу (*тэби*) Авалокитешвару во времена Объединенного Силла. Высота бронзовой позолоченной статуэтки — 23 см. В памятнике ощущается определенная формализация стиля, чрезмерное внимание к деталям, присущее культовой скульптуре VIII–IX вв.

в) Центральная власть и аристократия в первой половине — середине VIII в.

Политика укрепления централизованного режима, столь энергично проводившаяся правительством Синмун-вана, вошла в период кризиса, когда после смерти отца на трон взошел его шестилетний сын Ихон, получивший посмертное храмовое имя Хёсо-ван (692–702). Реально власть перешла в руки его матери, государыни Синмок, пытавшейся, но без особых успехов, продолжать политическую линию покойного супруга. Желая найти поддержку среди торговцев и богатых крестьян, государыня в 695 г. основала в столице два новых рынка. Заодно, вполне в духе конфуцианской традиции контроля над торговлей, она создала два новые ведомства рыночного надзора с более чем 30 чиновниками. В отличие от Китая, однако, силлаский двор своей собственной монеты не выпускал. Главным мерилom ценности оставались рис и полотно. «На-лаживание отношений» с верхушкой крестьянства выражалось в ряде символических шагов по поощрению «преданности подданных» престолу. Так, безвестный крестьянин из южных провинций, по имени Ми-

хиль, преподнесший двору большой золотой слиток, был вознагражден чиновничьей должностью. Во внешней политике важное символическое значение имело восстановление регулярных «даннических миссий» в Танскую империю (с 699 г.), укрепившее авторитет силлаской монархии и создавшее условия для продолжения политики конфуцианизации. Именно Китай был основным источником конфуцианских текстов.

Среди активно поддерживавших монархию групп (*юктупхум*, и т. д.) в этот период распространилось учение йогачары (кор. *юсик*) — популярной в Тан буддийской секты, видевшей в мире лишь порождение сознание, но (в отличие от Хуаянь) признававшей реальное существование *дхарм* (элементов) сознания. Среди силласких монахов одним из виднейших теоретиков йогачары был выходец из государственной семьи Вончхык (613–696 гг.), рано уехавший на учебу в Китай и по ряду политических причин на родину так никогда и не вернувшийся. Его теория, подобно философии его современника Вонхё, носила в значительной мере синтетический характер. Он пытался философски «снять» противоречия между новомодными взглядами своего учителя Сюаньцзана и традиционной для Китая йогачарой Парамарты (499–569 гг.). Возвращение на родину в 692 г. одного из учеников Вончхыка, силлаского монаха Тоджына, ознаменовало начало широкого распространения йогачары в Силла. По контрасту со школой Хваом, после смерти Ыйсана все более акцентирующей абстрактное философствование, йогачара была сильна своей практической стороной. Ударение на покаяние, соблюдение дисциплинарных норм и очищение сознания привлекало широкие слои верующих. Большое значение, в частности, придавалось в силлаской йогачаре культам Майтрейи и Амитабхи — божеств, помогающих избавиться от страданий и возродиться в духовном облике в «Чистой Земле» Сукхавати или на небе.

Рис. 9. В 719 г. отставной чиновник Ким Джисон (сословие *юктупхум*), горячий приверженец йогачары, построил в память о покойных родителях монастырь Камсанса к югу от силлаской столицы и установил там каменные статуи Майтрейи (слева) и Амитабхи (справа) в полный человеческий рост. В

надписях на задних частях статуй, выполненных Соль Чхоном, Ким Джисон рассказал, что, при всей любви к даосской мистике он видел лишь в йогачаре «философию действия», позволяющую прозреть «недвойственность» Бытия и Пустоты и, накопив «кармические заслуги», помочь также и ближним переродиться в «Чистой Земле».

«Правление» малолетнего Хёсо-вана оказалось недолгим. В 700 г., сразу после смерти государыни Синмок, в стране обострились политические конфликты. Источники отмечают, что правительство покарало в 700 г. группу столичных аристократов (среди них был и первый министр — *чунси*) за «участие в заговоре», а также наказало в 701 г. одного из провинциальных окружных правителей за «леность». Некоторые южнокорейские историки интерпретируют эти события как борьбу за власть между оппозиционными группами аристократов *чинголь* и сторонниками автократического режима. После смерти безвластного Хёсо в 702 г. на трон вззошел младший брат покойного, получивший посмертное храмовое имя Сондок (702–737). Иногда в литературе высказывается мнение, что приход Сондока к власти знаменовал определенный компромисс между соперничавшими кликами. Царствование Сондока считается «золотым веком» силлаской автократии, а также периодом расцвета ремесел, науки и искусства.

Начало правления Сондока ознаменовалось целым рядом природных и социальных бедствий — наводнением (703 г.), засухой (705 г.), массовым голодом (706–707 гг.) и землетрясением (708 г.). В обстановке кризиса государство получило предлог активизировать вмешательство в экономику, оказывая из «налогового зерна» регулярную помощь нуждающимся, руководя строительством плотин, распределяя среди крестьян семена. Таким образом, административный аппарат усилил контроль над хозяйством страны. Кроме того, невиданное по интенсивности развитие отношений с Тан (за 36 лет правления Сондока в Китай было направлено 43 миссии!) требовало подготовки роскошной «дани» (символа престижа Силла как «цивилизованного государства») танскому двору. Дипломатическая потребность стимулировала дальнейшее развитие дворцового ремесла, отличавшегося в VIII в. высоким уровнем специализации. Скажем, белением тканей занималось одно ведомство (*Пхёджон*), крашением — другое (*Ёмгун*), а нанесением цветного рисунка — третье (*Чханёмджон*). Недостижимый для мастерских знати уровень дворцового ремесла подчеркивал исключительное положение монарха и его семьи в структуре силлаского привилегированного класса.

Меры по конфуцианизации общества и укреплению идеологического контроля «центра» над аппаратом управления осуществлялись уже в ранний период правления Сондока. Так, в 711 г. всем чиновникам, чтобы поднять служебную дисциплину, были разосланы составленные в конфуцианском духе «предупредительные увещевания».

Особенно активизировалась центральная власть после того, как в 716 г. из дворца была изгнана жена Сондока государыня Омджон — дочь известного аристократа Ким Вонтхэ. Следующей женой Сондока (брак был оформлен в 720 г.) стала дочь высокопоставленного чиновника Ким Сунвона, на которого опиралась еще государыня Синмок. Затем двор приступил к осуществлению одного из важнейших пунктов аграрной политики дальневосточных монархий того времени — централизованному наделению крестьян землей (722 г.). По замыслу, всем крестьянам, как и в Тан, предполагалось раздать в пользование наделы (возвращаемые по достижении нетрудоспособного возраста) на прокорм и выплату налогов. В реальности, государственные наделы предоставлялись лишь безземельным или малоимущим. На владения остальных были просто составлены подробные кадастры, в соответствии с которыми и взимался налог. Крестьянский надел, в теории бывший «государевой землей», практически находился в распоряжении семьи и передавался по наследству, хотя купля-продажа недвижимости возможна была лишь с разрешения властей. Вместе с укреплением государственного контроля над земельным фондом продолжалось внедрение конфуцианства в качестве господствующей идеологии. В 717 г. присланные из Тан портреты Конфуция и его учеников были торжественно переданы для регулярного поклонения в Высшую Государственную Школу.

Усиление конфуцианства как идеологии власти не означало ослабление позиций буддизма. Наоборот, Сондок всемерно демонстрировал свою приверженность буддийским догматам, официально запретив, например, убиение живых существ в 705 г. и убой скота — в 711 г. (практически такие запреты были, конечно, неосуществимы). Власть использовала буддизм как надсословную, общенародную религию для смягчения противоречий в обществе. Идя навстречу распространенному в массах почитанию мирян-отшельников (т. е. начитанных в буддийской литературе верующих, живущих по монашеским канонам, но формально не ставших монахами), Сондок приглашал именно их (а не монахов) во дворец молиться о дожде в засуху (715–716 гг.). Стремясь легитимизировать власть понятными массам средствами, Сондок в одной из своих вотивных надписей (706 г.) объяснял, что его отец Синмун управлял страной с помощью буддийских добродетелей. Он сам, находясь на троне, якобы «крутит Колесо [Буддийского] Закона и избавляет народ от перерождения в трех злых мирах (аду, мире животных и голодных духов. — В.Т.)». В правление Сондока широкое распространение получил культ мошей Будды и святых (санскр. *шарира*) и магических заклинаний (санскр. *дхарани*). Считалось, что они чудесным путем влияли на благосостояние государства и личности. От этого периода в изобилии дошли ящички для мошей — реликварии (кор. *сарихам*).

Рис. 10. Золотая статуэтка сидящего Будды (высота — 12 см). Изготовлена по повелению Сондока в начале VIII в. Обнаружена в 1934 г. внутри трехэтажной пагоды храма Хванбокса в центре силлаской столицы, где начинал некогда свой монашеский путь Ыйсан. Вместе с этой статуэткой обнаружен был и позолоченный реликварий с votивной надписью государя (706 г.), содержащий ценную информацию об официальной идеологии того времени. Полное, округлое лицо Будды и естественно ниспадающие складки одежды выражают абсолютный покой и сосредоточенность. Мудра (символический жест) правой руки Будды означает, что Просветленный «дарует бесстрашие» верующим, т. е. освобождает их от духовного порабощения мирскими тревожениями и заботами (по-корейски такую

мудру называют *симвуеин*). Посвятив эту статую буддийским божествам и положив ее (вместе с мощами святых и свитком заклинаний *дхарани*) во второй этаж построенной государыней Синмок пагоды монастыря Хванбокса, государь Сондок хотел накопить «кармические заслуги». С их помощью он желал помочь своим покойным отцу (Синмуну), матери (Синмок) и брату (Хёсо) переродиться в «Чистой Земле», а также обеспечить порядок и покой в государстве.

Расцвету буддизма и конфуцианства способствовали также интенсивные контакты с танским Китаем, официально признавшим в 731 г. Силлаское государство «самым преданным из всех застенных вассалов», «страной гуманности и справедливости» и «обиталищем сведущих в литературе-*вэнь* благородных мужей». Одной из причин, по которым китайское правительство было заинтересовано в тесных контактах с Силла, было обострение в 720–30-х гг. отношений с Бохай (кор. Пархэ) — основанным в 698 г. *мохэским* (протоманьчжурским) государством с центром в горном районе Дунмо (окрестности совр. Цзилиня, КНР). Бохай контролировал значительную часть бывших когурёских земель севернее р. Тэдонган. Это государство было основано в ходе войны *мохэских* вождей (вошедших в союз с бывшим когурёским населением) против танской администрации, стремившейся контролировать земли «северо-восточных варваров». Неудивительно, что Тан желала ослабить новорожденное государство и способствовала созданию в среде *мохэской* элиты прокитайских фракций. Стремясь пресечь антибохайские маневры Тан, бохайский государь У-ван (719–737) послал в 733 г. свой флот в атаку на важный китайский порт Дэнчжоу (п-ов Шаньдун). Чтобы «покарать» Бохай за эту дерзкую акцию, Тан вновь вошла в военный союз с Силла. Союзники предприняли в 733 г. совместную атаку на Бохай, но потерпели полную неудачу, в том числе и из-за суровых погодных условий.

Для Силла, однако, эта акция имела немалый смысл. В благодарность за услуги в войне против Бохая империя Тан официально признала в 735 г. право Силла на владение землями Корейского полуострова к

югу от р. Тэдонган (тогда называвшейся Пхэган). Отношения с Тан, охладившиеся после войны за изгнание танских оккупантов с Корейского полуострова в первой половине 670-х гг., были окончательно восстановлены. Тогда же, в правление Сондок-вана, Силла, заботясь о предупреждении бохайских атак, начало прилагать усилия к колонизации бывших когурёских территорий между реками Йесонган и Тэдоган (т. е. северного силлаского пограничья), запустевших в ходе бесконечных войн VII в. Какое-то время значительную тревогу у Силла вызывали атаки заморского союзника Бохай — Японии. Под 731 г. корейские источники регистрируют нападение 300 японских кораблей на силлаские берега. Однако несколько позже, в 740–750 гг., танско-бохайские и бохайско-силлаские отношения нормализовались. Непосредственная военная угроза практически исчезла. Японцы вынашивали планы нападения на Силла в 759–763 гг., но вынуждены были отказаться от них из-за сдержанной реакции Бохая.

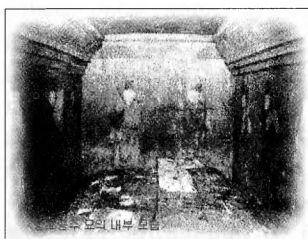

Рис. 11. Внутреннее убранство гробницы бохайской принцессы Чжэнсяо (756–792), дочери государя Вэнь-вана (737–794), обнаруженной археологами КНР в 1980 г. в Хуалуне (Маньчжурия). Фрески гробницы (один из немногих сохранившихся памятников бохайской живописи) изображают дворцовых служителей, окружавших принцессу в ее земной жизни: евнухов, музыкантов, прислужниц, и т. д. Здесь обнаружена также могильная надпись на классическом китайском (вэньяне), где в

самых изысканных выражениях, с множеством цитат из канонической конфуцианской и даосской литературы, восхваляются добродетели покойной и оплакивается ее безвременная кончина. Некоторые фразы (скажем, упоминание о том, что принцесса «вобрала в себя дух Горы Шаманок-Ушань» и «сродни была бессмертным небожителям») свидетельствуют о влиянии даосизма на официальную бохайскую идеологию и принятый в элитарных кругах литературный стиль. Отец принцессы, государь Вэнь-ван, в надписи называется чакравартином. Это говорит о том, что популярная в Силла с сер. VI в. идея универсального буддийского монарха, объединителя земель и хранителя Дхармы, была хорошо знакома и бохайским верхам. В надписи явно прослеживается стремление авторов на равных включить Бохай в общий контекст китайской культурной сферы: Вэнь-ван сравнивается с легендарными совершенномудрыми императорами китайской древности Чэн Таном и Юем, а его дочери — с дочерьми первого из мудрецов-владык китайских мифов Велико-го Яо.

В правление второго сына Сондока государя Хёсона (737–742), оппозиционная группировка (в которой лидировали родственники первой жены нового вана из клана Пак) безуспешно пыталась ослабить позиции сторонников сильной государственной власти, которых возглавлял дед Хёсона по матери Ким Сунвон. В итоге, после разгрома очередного аристократического заговора (740 г.), Ким Сунвон, организовав брак одной из своих дочерей со своим внуком Хёсоном (внутри-

клановые браки были характерны для силласких верхов), сконцентрировал в руках своей группировки основную политическую власть. При его поддержке после подозрительно ранней смерти Хёсона к власти пришел родной брат покойного вана (и тоже внук Сунвона по материнской линии), известный под посмертным храмовым именем Кёндок (742–765). Кёндок был практически последним сильным государем автократического периода. В его правление, запомнившееся потомкам целым рядом культурных достижений, были в то же время заложены семена политического конфликта, приведшего в итоге централизованную монархию к кризису.

Рис. 12. Каменные колонны для монастырских флагов (*танган чиджу*) — все, что осталось от храма Мандокса, заложенного в 671 г. для того, чтобы «молиться о процветании великого Танского государства» и тем успокоить гнев китайских властей, вызванный независимыми действиями силласцев на бывших пэкческих и когурёских территориях. В каком-то смысле этот храм был религиозным символом китайско-силласких отношений. По легенде, в год трагического для Тан мятежа Ань Лушаня (755 г.) 13-этажная пагода этого храма, «кармически связанная» с Тан, начала сотрясаться и грозила рухнуть. Эта легенда стала отражением необычной тесноты силласко-танских связей при Кёндок-ване.

С самого начала правления, наученный горьким опытом политических смут предшествовавшего царствования Кёндок стремился, укрепляя центральную власть, искать в то же время компромисса с аристократическими кругами и предотвращать, по возможности, серьезные конфликты в верхах. Так, уже в первые годы правления Кёндок Председателем Совета Знати (*сандэдыном*) с санкции трона стал Ким Салин — аристократ, игравший роль рупора оппозиционных сил (745 г.). Однако в то же время, начиная с 747 г., Кёндок берется за преобразование всей системы управления Силла по образцу Тан, с которой он поддерживал тесные контакты. Он желал таким образом обеспечить монархии полный контроль над всеми областями жизни. Политические преобразования сопровождались идеологическими мерами, усиливавшими роль конфуцианских доктрин и китайской классической учености в жизни страны. В Высшей Государственной Школе создаются новые преподавательские должности (747 г.), организуется новая система надзора за провинциальными чиновниками (748 г.), начинают официально — как и в Китае — поощряться образцовые «почтительные сыновья», жертвующие собой ради родителей (755 г.), меняются, по танскому образцу, наименования должности и функции первого министра (747 г.). Пиком преобразований был 757 г., когда на «благозвучный» китайский манер переделали названия практически всех административных единиц в провинциях — более чем две сотни топо-

нимов. Другая важная реформа последовала в 759 г. — «китаизированные» были практически все составленные на старосиллаский манер (т. е. силласкими словами, записанными иероглифами по звучанию) названия чиновничьих должностей, а штат ряда учреждений — расширен.

Эта политика покушалась на культурный базис сословия *чинголь* — восходящие к родоплеменным временам исконно силлаские традиции. Но она сопровождалась и определенными уступками раздраженной аристократии. Так, в 757 г. были восстановлены отмененные в 689 г. «кормления» чиновников (в основном раздававшиеся знати). Правда, теперь владельцы «кормлений» получали право лишь на налоговый доход со своих «владений», в то время, как до 689 г. они управляли зависевшим от них населением «кормлений». Однако для успокоения аристократии мера эта была недостаточной. Уже в 757 г. Ким Саин (в 756 г. публично критиковавший политику двора) демонстративно ушел в отставку в знак несогласия с реформами Кёндокка. Ван назначил на освободившийся пост своего преданного сторонника Синчхуна, но в 763 г., под напором растущего недовольства знати, Синчхун был вынужден уйти с должности и покинуть столицу. Вместе с ним двор покинуло еще несколько сторонников конфуцианской монархии. В итоге в 764 г. на должность первого министра (*сиджуна*) выдвинулся лидер оппозиционной аристократической группировки Ким Янсан, которому вскоре было суждено покончить с монополией потомков Ким Чхунчху на престол, тем самым завершив автократическую эпоху в силлаской истории.

Рис. 13. Две трехэтажные каменные пагоды (восточная и западная) — то немногое, что осталось от силлаского монастыря Тансокса («Храм Разрыва с Миром»; уезд Санчхон пров. Юж. Кёнсан), основанного, по преданию, во времена Кёндокка сторонниками автократии, которые были принуждены отойти от политики из-за усиления аристократических группировок в начале 760-х гг.

Возможно, основателем был ушедший к концу жизни в монахи Синчхун. Храм стоит в горах Чирисан, духам которых в период Объединенного Силла приносили государственные жертвоприношения. По преданию, в этом храме хранился портрет персонажа буддийской апокрифической литературы подвижника-мирянина Вималакирти (одного из любимых героев Вонхё), выполненный полупоупендарным силласким живописцем Сольго. По конструкции обе пагоды типичны для силлаского VIII в. Основание (*киданбу*) состоит из врытого в землю нижнего и относительно высокого верхнего «этажа», по бокам намечены «угловые колонки» (*уджу*).

г) Силлаское село VIII в.

Как жило силлаское село VIII в.? Редкую возможность совершить «путешествие во времени» и почувствовать реалии жизни силлаского крестьянства предоставляют четыре отчета о положении дел в селах. Составили их, по-видимому, в 756–757 гг. (есть и другие датировки). Обнаружены отчеты были в японском храмовом хранилище Сёсоин (храм Тодайдзи, префектура Нара) в 1933 г. В них завернули буддийское сочинение, вероятно, вывезенное из Силла. Отчеты составляли чиновники областной (чу) администрации, обязанные делать это раз в три года для исчисления сумм налогов и податей и количества военнообязанных. Содержание отчетов касалось четырех небольших деревень, расположенных недалеко от западной «малой столицы» Совон-согён (ныне г. Чхонджу пров. Сев. Чхунчхон). Отчеты были очень подробными. Учитывались не только площадь земель (с указанием типа полей и формы владения) или число людей (с разбивкой по возрастным категориям и статусу), но и количество плодовых деревьев, поголовье скота. Существует предположение, что четыре деревни были «дворцовым кормлением», т. е. налоги с них прямо шли на содержание дворцовой администрации. Гипотеза эта, однако, принимается не всеми. Видимо, отчеты хранились определенный срок в областной или дворцовой канцелярии, а затем были, за истечением срока давности, переданы в монастырь для «вторичного использования»: бумага в Силла была дорога и высоко ценилась.

Рис. 14. Реконструированные фрагменты древней крепости Сандансансон (совр. г. Чхонджу), возведенной впервые еще в пэкческие времена. После силлаского завоевания здесь была основана «малая столица» Совон-согён, перестроенная сыном полководца Ким Юсина, Вонджоном. За стенами крепости (длиной около 4 км) находились пруды (источники воды), склады, буддийские храмы. Сюда во времена войн и смут стекалось население близлежащих деревень, в том числе и тех, отчеты о которых были обнаружены в Сёсоине.

Судя по отчетам, четыре обследованные деревни были небольшие (средней площадью от 5 до 20 кв. км, включая поля и горный лес в окрестностях) и имели одного старосту (*чхонджу*). По-видимому, они составляли одно «административное село» (кор. *хэнджончхон*). Из других документов известно, что обычно такие старосты происходили из знатных местных кланов, лояльно относившихся к силласким завоевателям. Им часто давали чиновничий ранг (иногда даже довольно высокий — 9-й или 8-й): это означало, что они принадлежали к привилегированным группам (*одупхум* или *садупхум*, реже *юктупхум*). Староста с семьей имел в 3–4 раза больше земли, чем средний крестьянский «административный двор». Скорее всего, односельчане должны были обрабатывать эту землю бесплатно.

В каждой из деревенок жило по 70–140 человек, причем женщин было на 5–10% больше, чем мужчин — поскольку их не сгоняли на воинскую и трудовую повинности, то и смертность среди них была ниже. Условия жизни были тяжелыми: примерно половина новорожденных умирала в раннем детстве от болезней, и редко кто доживал до 60 лет (стариков и старух старше 60 в каждой из деревень было лишь по 1–2 человека). Крестьяне жили и трудились «дворами» (*ён*; моногамная семья с детьми, иногда с нетрудоспособными родителями), но базовой административной единицей был не «естественный», а административный «двор» (*конён*), куда входили три-четыре семьи — родственники или соседи. Именно административный «двор» отвечал за уплату налогов и выполнение повинностей. Включая зажиточные и бедные семьи в один административный «двор», власти тем самым получали гарантию уплаты бедняками налогов.

По числу трудоспособных членов семей и по зажиточности все административные «дворы» делились на 3 основные группы («богачи», «середняки» и «бедняки»), а каждая группа, в свою очередь — еще на три категории, т. е. крестьян в целом разбивали на 9 категорий, как и в Китае. Норма основного налога рисом (1/10 урожая) была общей для всех крестьян, а вот размер подати полотном различался в зависимости от категории. Уровень достатка деревни в целом оценивался по числу условных «счетных», или «идеальных» «дворов» (*кеён*). За «идеальный двор» принималась высшая категория середняков, двор «средних середняков» принимался как 5/6 «идеального двора», «низших середняков» — 4/6 и т. д. («Низшие бедняки» брались за 1/6). Все население деревни, разделенное на категории, пересчитывалось по числу «идеальных дворов» (скажем, 6 дворов «низших бедняков» составляли один «идеальный двор»), и на этом основании определялось количество трудоспособных мужчин (*чон*; 20–60 лет), которых забирали в армию (на 3 года) и мобилизовали на ежегодные трудовые повинности (максимум 30–40 дней).

Налогом, податями и повинностями не исчерпывались обязанности обитателей четырех деревень перед государством. От них требовалось также обрабатывать относительно небольшие «чиновничьи поля» (*кванмоджон*) в каждой деревне. Часть урожая с них шла в качестве жалованья чиновникам центрального аппарата. Кроме того, они выращивали для государства коноплю и орехи, разводили лошадей для армии. Если за уплату налога рисом и податей полотном отвечал каждый административный «двор», то за выполнение трудовой и воинской повинности и разнообразные дополнительные поставки натурой в столицу — вся община как целое. Низкий технический уровень и жесткая эксплуатация при непрестанном бюрократическом надзоре обрекали крестьян на хроническую бедность — более 60% всех административных «дворов» относились к «низшим беднякам». Отчеты регистрируют случаи бегства целыми семьями.

Богатых дворов в обследованных деревнях практически не было, однако некоторые середняки имели по одному-двум рабам и рабыням. Если крестьянам государство формально гарантировало право пользования их наделами (практически наследственной собственностью, но формально «получаемыми» от государя), то рабы никаких прав на недвижимость не имели и считались неполноправными «младшими» членами хозяйских семей. В этом смысле силлаское рабство относится к патриархальному типу. Статус раба наследовался. В рабы также часто продавали своих детей бедняки в нередкие неурожайные годы. В целом, документы из Сёсоина показывают крестьянскую жизнь времен авторитарного правления такой, какой она была в жестком сословном обществе с высоким уровнем имущественного неравенства и неусыпным бюрократическим контролем.

д) Культурная и религиозная политика в Объединенном Силла VIII в.

Систематическая и эффективная эксплуатация крестьянства давала государству возможность развивать науки, прежде всего астрономию, медицину и механику. Особенный интерес проявляло силлаское общество к астрономии, что было связано как с практическими потребностями (определение календаря и сроков сельхозработ), так и с традиционной для Восточной Азии верой в предзнаменования — связь небесных явлений с природной и социальной жизнью на земле. Первая «Башня для наблюдения за звездами» (*Чхамсондэ*) — прототип обсерватории — была построена в Силла в сер. VII в. При Кёндок-ване, в 749 г., была учреждена должность придворного астронома, которую позже, во второй половине VIII в., занимал потомок Ким Юсина, ученый, дипломат и администратор Ким Ам. Более поздние исторические сочинения сохра-

нили от Силла весьма подробную астрономическую информацию, прежде всего о явлениях, которые толковали как небесные предзнаменования (появлении комет, солнечных и лунных затмениях, «вторжениях» планет в «сферу луны» и т. д.). Знали силласцы солнечные и водяные часы — последние были впервые изготовлены в 718 г., а в 749 г. шесть мастеров-часовщиков были официально приняты на службу двором. Имелась при дворе также медицинская школа (с 692 г.) и специально нанятые лейб-медики (с 717 г.).

Составлением светских сочинений по гуманитарным наукам (истории, географии Силла и зарубежных стран и т. д.) занимались как дворцовые учреждения, так и частные лица, прежде всего представители высшего чиновничества и образованные монахи. Так, в период правления Сондок-вана прославился своим литературно-историческим творчеством начальник области (чу) Хансан (долина Хангана) Ким Дэмун. Ему принадлежат биографии известных монахов Силла (*Косынджон*), жизнеописания видных силласцев (*Керим чапчон*), труды по истории организации *хваран* (*Хваран сегу*) и силлаской музыке (*Акпон*), а также по истории и географии места своей службы — долины Хангана (*Хансан-ги*). К сожалению, из его сочинений сохранились лишь отрывки. Стремясь сохранить в своих сочинениях колорит силлаской традиции, с характерным для нее жанром аристократических родовых преданий и легенд, Ким Дэмун в целом был защитником автократической монархии. Из географических сочинений времен автократии сохранился дневник паломничества к священным буддийским местам в Индию («в пять индийских государств») силлаского монаха Хечхо (727 г.; найден в 1909 г. П. Пельо при раскопках в Дуньхуане). Дневник этот представляет собой ценнейший источник по истории и географии не только Индии, но и обширных территорий Синьцзяна и Средней Азии. Хечхо достиг в своих странствиях района нынешнего северного Афганистана и записал немало интересного о жизни согдийцев и других среднеазиатских народов.

В области художественной литературы и поэзии, несмотря на общую тенденцию к китаизации письменной культуры и более широкому использованию классического китайского языка, «песни на родном языке» (*хянга*), записанные оригинальной системой *иду* (с использованием иероглифов по звучанию для записи древнекорейской грамматики), продолжали оставаться важной частью дворцовых ритуалов. Под эти песни, которые сочиняли принадлежавшие к организации *хваран* монахи, проводились, например, буддийские дворцовые ритуалы, имевшие целью добиться милости Майтреи и избавиться от угрозы японского нашествия (760 г.). Культурная политика Кёндок-вана была столь же компромиссной, как и его политическая линия. Ориентация на китайские нормы сочеталась с приверженностью собственно силласким оригинальным традициям.

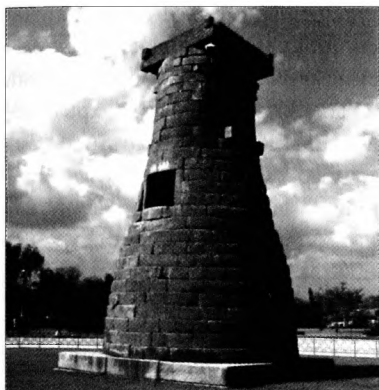

Рис. 15. Башня для наблюдения за звездами (Чхонсондэ) в столице Силла. Построена в 633 г. (по другим источникам, в 647 г.) и является одним из самых древних сохранившихся астрономических сооружений в Азии. Построенное из гранитных плит, почти 10-метровое здание несет значительную символическую нагрузку. Число «уровней» кладки, вместе с каменным квадратом на вершине — 28, что равняется числу созвездий, известных на традиционном Дальнем Востоке. Снизу и сверху от окна (ориентированного точно на юг) имеется ровно по 12 «уровней», что связано как с числом месяцев в году, так и с количеством двухнедельных «сезонов»

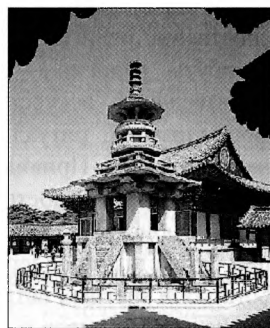
(24) в дальневосточном календаре. Число каменных плит, из которых построено здание, приблизительно равняется числу дней в году (365). Подобная символичность вполне понятна, если учесть, что здание, скорее всего, использовалось не просто для астрономических наблюдений, а также и для астрологических гаданий по звездам и для жертвоприношений духам звезд (*ёнсин*) перед началом сельскохозяйственного года. Некоторые южнокорейские ученые видят в этом здании не что иное, как своеобразную модель горы Шумеру (кор. Сумисан) — священного центра мира в индо-буддийской космологии. Если это так, то местоположение здания — рядом с традиционно священным лесом Керим, местом рождения легендарного основателя Силла Пак Хёккосе — свидетельствует о «наложении» традиционных и буддийских космологических концепций в силласком религиозном сознании.

При общей конфуцианизации общества буддизм оставался основой религиозного сознания. В аристократическом буддизме столицы наблюдался определенный духовный застой. Фокус интереса перемещался с собственно религиозной или доктринальной проблематики на внешние атрибуты религии — пышные дворцовые церемонии, великолепные произведения искусства, магически-культовые предметы. Подобная формализация, ритуализация религиозного сознания столичной знати неудивительна. Привилегированное сословие *чинголь* было более заинтересовано в «посюсторонней» реальности, чем в метафизических духовных поисках. Оно видело в ритуалистике важный способ демонстрации богатства и поддержания статуса. Однако «религиозное тщеславие» богатых и знатных патронов буддийского искусства времен Кёндок-вана имело для потомков и положительную сторону. Именно от этого времени дошли наиболее яркие произведения силлаского буддийского зодчества, скульптуры и книгопечатного дела.

Из буддийских храмов, заложенных при Кёндок-ване, лучше всего известны два храмовых комплекса в южных предместьях столицы, заложенные первым министром Ким Дэсоном в 751 г. и строившиеся в течение нескольких десятилетий — монастырь Пульгукса («Храм Земли Будд») и пещерный храм Соккурам («Часовня в каменной пещере»). Пульгукса (монастырь секты Хваом) служил зрительным воплощением

нирваны («страны Будды»), демонстрируя одновременно, сколь близко Силла к идеальному царству Будды, сколь тесны кармические связи между силлаской землей и буддийским учением. Конструкция этого храма была глубоко проникнута религиозным символизмом. Войти в храм верующий мог лишь, перейдя через два изящных каменных мостика (Белого и Синего Облака), перекинутых через лотосовый пруд. Пруд символизировал «море страданий», отделяющее нас от нирваны, а мостики — дорогу к избавлению от страданий через религию. Сооружены мостики были из 33 каменных плит каждый. Это символизировало восхождение к 33-му Небу (санскр. *Траястримшас*) — второму из 6 небес Мира Желаний (обиталища людей), где, согласно буддийской космологии, обитает защищающий закон Будды бог Индра. Над воротами стояла Башня Плавающих Теней (Помённу), воплощавшая (как и *Чхонсондэ*) гору Шумеру, центр мироздания в буддизме. Храм делился на три зоны, каждая из которых была посвящена Будде настоящего (Шакьямуни), Буддам прошлого и космическому Будде Вайрочане (символизирующему весь космос как воплощение «дхармового», нематериального тела Будды), и, наконец, Будде будущего Амитабхе. В честь Будды настоящего в центре храма были сооружены две пагоды — Пагода Шакьямуни (Соккатхап) и Пагода Будды Прабхутаратны (Таботхап), которые считают шедеврами каменного зодчества Восточной Азии. В целом, Пульгукса как единый комплекс как бы приводил верующего к просветлению архитектурно-художественными средствами. Восхищенный красотой, верующий глубоко переживал буддийские истины.

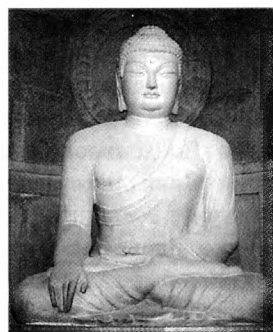
Рис. 16. Пагода Будды Прабхутаратны («Будды Многих Богатств») — одного из персонажей «Лотосовой сутры», который появлением своим и явлением чудесной пагоды засвидетельствовал истинность проповеди Будды Шакьямуни. Эта почти десятиметровая каменная пагода копирует декоративные приемы более раннего деревянного буддийского зодчества. Строгая ориентация четырех лестниц по сторонам света подчеркивает центральность положения пагоды в буддийском сакральном космосе. Как считается, первый «этаж» пагоды составляют четырехсторонние перила (символ четырех главных истин буддийского учения), второй — восьмисторонняя площадка с перилами (символ восьмичастного «благородного пути» к просветлению), а третий и последний — круглый каменный диск (символ окончательного просветления). По контрасту с этой богато украшенной, несколько «женственной» по облику пагодой, соседняя Пагода Шакьямуни отличалась «мужественными» чертами — скромными и прямыми линиями, строгой гармонией пропорций.

Соккурам — пещерный храм на горе Тхохамсан, недалеко от монастыря Пульгукса. Он представляет развитый этап пещерного храмового зодчества, традиции которого пришли в Силла из Пэкче еще в VII в.

Пещера для храма была сооружена искусственно. Пространственно она разделена на внешний покой (украшен изображениями восьми божеств — охранителей Буддийского Закона), коридор (с изображениями охранителей Силла — четырех Небесных Царей) и главный покой под арочным сводом. В центре главного покоя восседает Будда. По бокам можно увидеть всех главных божеств индо-буддийского пантеона (Индра, Брахма, и т. д.), учеников Будды и бодхисаттв. По замыслу создателей, в пещерном храме должна была быть воссоздана сцена проповеди Просветленного его ученикам. Технически создание подобного храма свидетельствовало об использовании достаточно сложных механических приспособлений и хорошем знании основ механики и свойств камня как материала.

Рис. 17. Главная скульптура Соккурама, изображающая Шакьямуни в момент просветления. Левой рукой Шакьямуни указывает на землю, прося богов земли подтвердить, что он уже накопил достаточно кармических заслуг для того, чтобы избавиться от наваждений демона Мары и достичь нирваны. Как и в случае с индийскими пещерными храмами, скульптура выполнена в строгой пропорции с основными измерениями покоя, что делает ее неотъемлемой его частью. Положение образа (направленного на юго-восток) силласы определили с таким расчетом, чтобы на него падали первые лучи солнца в священный для Силла день зимнего солнцестояния. По-видимому, в этот день в Соккураме проходили торжественные молитвенные церемонии с участием государя и придворной знати.

Другим буддийским культом, распространенным как среди знати, так и среди простого люда, была вера в магические заклинания — *дхарани*. Как считалось, они очищали сознание от связанных с материальным миром волнений и иллюзий (санскр. *клеша*), а также гарантировали покой и защиту верующих от зла. Чтобы как можно шире распространить столь эффективное и важное магическое средство, надо было найти быстрый и дешевый метод его копирования в большом количестве. Так родилась идея ксилографии — печатания текста с деревянных блоков. Кореysкие ученые считают, что самый древний из сохранившихся в мире ксилографов — это копия «Дхарани-сутры», обнаруженная внутри Пагоды Шакьямуни в храме Пульгукса и датируемая ранним периодом царствования Кёндок-вана (до 751 г.). Китайские ученые, соглашаясь с датировкой, считают, что этот древнейший в мире ксилограф был изготовлен в Китае и затем ввезен в Силла. В любом случае ясно, что Силла имело, в связи с необходимостью обслуживать буддийские культовые нужды, печатную технику на самом передовом для того времени уровне. Продолжалось и копирование сутр от руки — занятие, ведущее, как

считалось, к накоплению немалых «кармических заслуг». Хорошо известна, в частности, переписанная в 754 г. *Аватамсака-сутра* (главная сутра секты Хваом), украшенная великолепными изображениями будд, бодхисаттв и различных буддийских сооружений. Это — один из немногих дошедших до нас памятников силлаской живописи.

Основой популярного буддизма Силла продолжала оставаться легко доступная любому и эмоционально насыщенная вера в Амиабху и Майтрею (особенно в Амиабху), в их способность обеспечить перерождение навечно в «лучшем мире» (Чистой Земле или Небе Тушита соответственно) в награду за покаяние, духовное очищение и молитвенные усилия. К этому культу, привлекательному и для многих представителей высших слоев, Кёндок-ван проявлял немалое внимание: оказывал покровительство подвижникам-амитаистам, строил храмы в память выдающихся адептов прошлого, якобы достигших перерождения в «Чистой Земле» и т. д.

Среди популярных проповедников этого направления в данный период выделялся Чинпхё (718–?) — подвижник, не написавший, в отличие от Вонхё или Ёйсана, ни строчки, но получивший известность даже в Тан. По происхождению Чинпхё был связан с мелкой провинциальной знатью (его отец имел 11-й ранг) пэкческого происхождения. Это сформировало в нем критическое отношение к окружающей действительности: для бывших пэкчесцев силлаское общество так и не стало полностью «своим». По дошедшим до Тан и включенным в китайские источники легендам, уйти в монахи 12-летнего Чинпхё побудил эпизод на охоте, когда ему довелось случайно услышать жалобные стоны связанных им же и для забавы оставленных умирать в канаве лягушек. Раскаяние в совершенном насилии и стремление уйти из мира насилия и зла вообще — обычный психологический фон для ухода в монахи в буддизме. В конкретном случае с Чинпхё, воздействие на чувствительного и душевно ранимого подростка могло также оказать тяжелое положение крестьянства на бывших пэкческих землях.

Удалившись от мира, Чинпхё добивался просветления через жестокое умерщвление плоти, непрестанные посты и молитвы. В итоге, согласно преданию, к нему проявили милость бодхисаттвы Майтрея и Кшитагарбха (бодисаттва, отвечающий за помощь живым существам в настоящем мире, вплоть до пришествия Спасителя-Майтреи в будущем). В видении они научили его эффективному способу очиститься от грехов (для последующего перерождения в «лучших мирах») путем покаяния и соблюдения этических дисциплинарных правил. После просветления (740 г.) Чинпхё основывает у себя в родных местах посвященный Майтрее монастырь Кымсанса (уезд Кимдже пров. Сев. Чолла) и активно помогает окрестным крестьянам, не только проповедуя им духовную дисциплину, но и перераспределяя в пользу бедняков приношения зажиточных верующих. Слава о милосердных деяниях Чинпхё

постепенно растеклась по всей стране, и проповедь его получила в народе немалый успех. Бедняки, не имевшие возможности накапливать «кармические заслуги» путем сооружения статуй или храмов, обращались к внутреннему самоусовершенствованию как к единственной надежде на посмертное «спасение». По легенде, Чинпхё проповедовал не только среди людей, но даже и среди рыб и черепах Японского (Восточного) моря. Это предание метафорически отражает доступность и популярность его движения за раскаяние и самоочищение.

Стремясь поставить влияние Чинпхё на службу своей политике, Кёндок-ван и его семья провозгласили этого духовного вождя провинциальной бедноты своим учителем и торжественно «приняли заповеди» во дворце. Чинпхё пошел на этот компромисс, что отражало, возможно, его позитивное отношение к направленной на ограничение влияния столичной аристократии автократической политике. Все полученные во дворце подарки Чинпхё использовал на помощь беднякам. Среди учеников Чинпхё были как члены государевой семьи, так и выходцы из самых низших слоев силлаского населения. Чинпхё, как и Ыйсан, видел в *сангхе* сообщество равных, преследующих общие духовные интересы. Именно неустанная деятельность Чинпхё и его учеников внесла решающий вклад в утверждение культа Майтрейи и ритуалов покаяния (*чхамхве*) в качестве органической части духовного бытия корейцев.

Правление Кёндока завершило эпоху относительно стабильного доминирования потомков Ким Чхунчху на престоле. Сын Кёндока, известный по посмертному имени Хегон (765–780), имел несчастье взойти на престол в восьмилетнем возрасте, что означало неизбежное регентство его матери, государыни Манволь. Государыня оказалась слабой правительницей, и значительное (по мнению некоторых южнокорейских историков — решающее) влияние на государственные дела получили несколько сильнейших аристократов — бывший (760–763 гг.) первый министр Ким Он, первый министр (764–768) и Председатель Совета Знати (774–780) Ким Янсан, и группы их сторонников. Символом демонстративного отхода от политики Кёндока было произведенное этой группой в 776 г. «обратное переименование» всех измененных в 759 г. на китайский манер должностей в соответствии с их старосилласкими наименованиями. Период «аристократического реванша» был ознаменован вооруженными выступлениями в столице, в которых часть южнокорейских историков видит неудачные попытки сторонников автократической линии расправиться с аристократической оппозицией и предотвратить ослабление центральной власти. Мятежи заставили влиятельного аристократа Ким Янсана выступить с резкой критикой «упущений» в политике дворца (777 г.). В итоге, безвластный ван и его семья трагически погибли во время подавления одного из мятежей, после чего власть перешла к организатору подавления — Ким Янсану. Он получил посмертное храмовое имя Сондок-ван (780–785). Потомки Ким Чхунчху были, таким образом, навсегда оттес-

нены от трона. Перемены династии не произошло. Ким Янсан был членом правящей фамилии, и в принципе обладал формальным правом на трон. Однако низвержение линии Чхунчху означало перемены в политике. Новые правители, отражавшие интересы своих собственных кланов и столичной знати в целом, не имели никакого желания ущемлять традиционные prerogatives аристократии в пользу служилых слоев или укреплять централизованный государственный аппарат по танскому образцу. Государственная административная машина интересовала их постольку, поскольку она обеспечивала членов сословия *чинголь* гарантированными по рождению высшими постами. Создавать большие возможности для социальной мобильности для всех членов господствующего класса в широком смысле слова (чего желали сословия *юктунхум* и *одунхум* и провинциальная знать) новые правители не собирались. В итоге, с крахом автократической линии силлаская государственность обречена была остаться монопольной собственностью сословия *чинголь*, что противоречило как объективным интересам прочих групп господствующего класса, так и конфуцианским принципам. В конце концов, недовольство не принадлежавших к *чинголь* групп господствующего класса и сопротивление уставших от безудержной эксплуатации непривилегированных групп в провинции привело Силла к гибели.

Рис. 18. В центре основанного Чинпхё храма Кымсанса возвышается почти 20-метровое трехэтажное здание Павильона Майтрейи (Мирыкчон). По-видимому, святилище Майтрейи существовало в этом храме еще с силласких времен. Нынешняя постройка была возведена монахом Сумунем в 1635 г., после того, как большая часть зданий монастыря сгорела во время японского нашествия (1592–1598). Здание отличается уникальной трехэтажной конструкцией, вообще неизвестной в корейской буддийской архитектуре. Скорее всего, этот тип конструкции развился из трех- или пятиэтажных деревянных

пагод. Храм Кымсанса служит центром культа Майтрейи по сей день, привлекая также паломников из числа последователей «новых религий», так или иначе связанных с поклонением Бодхисаттве Будущего.

Источники и литература

А) Первоисточники:

1. Ким Бусик. *Самкук саги*. Изд. текста, пер., вступит. статья и коммент. М. Н. Пака / Отв. ред. А. М. Рогачев. М., 1959 (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия. I).

2. Lee, P. H. and de Bary, Wm. T. (eds.). *Sourcebook of Korean Tradition*. New York: Columbia University Press, 1997, Vol. 1, pp. 75–116.

Б) Литература:

1. Волков С. В. *Ранняя история буддизма в Корее*. М., 1985.
2. Волков С. В. *Чиновничество и аристократия в ранней истории Кореи*. М., 1987.
3. Глухарева О. Н. *Искусство Кореи*. М., 1982.
4. Пак М. Н. *Очерки по историографии Кореи*. М., 1987.
5. Buswell, R. E., *The Formation of Ch'an Ideology in China and Korea: The Vajrasamadhī-Sūtra, A Buddhist Apocryphon*. Princeton: Princeton University Press, 1989.
6. Grayson, J. H. *Korea — A Religious History*. London: Routledge Curson, 2002, pp. 11–77.

Глава 7

«ПОЗДНИЙ ПЕРИОД» В СИЛАСКОЙ ИСТОРИИ (780–935): СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕРЕМЕНЫ И ПАДЕНИЕ СИЛЛА

а) Кризис центральной власти в конце VIII–IX вв.

«Поздним периодом» в традиционной историографии называется эпоха, начавшаяся с оттеснением от трона потомков Ким Чхунху в 780 г. Она характеризуется растущей нестабильностью, и быстрым политическим и идейным созреванием противостоящих чинголь «младших» привилегированных групп (*юктунхум*, *одупхум* и провинциальная знать). Частично эти группы привлекаются дворцовыми кругами к сотрудничеству. Однако в целом уже к сер. IX в. они начинают осознавать несовместимость своих интересов с требованиями консервативной столичной знати. Идеологическим оружием противников аристократического двора становится как конфуцианство с его меритократическими идеалами, так и новая разновидность буддизма — *чань* (кор. *сон*). Буддизм *чань* привлекал «младшие» привилегированные слои акцентом на духовном равенстве и одинаковых потенциях для всех к «просветлению». В итоге, недовольство служилых групп (*юктунхум* и *одупхум*) и активные сепаратистские действия провинциальной знати, на фоне крестьянских восстаний, создали предпосылки для падения силлаской государственности. Наследовавшая Силла династия Корё унаследовала материальную и духовную культуру предшественницы. Но, в отличие от Силла, она сумела, создав сильный и разветвленный бюрократический

аппарат с четкими меритократическими принципами, удовлетворить интересы «младших» привилегированных групп.

С точки зрения политической истории, первым этапом «позднего периода» можно считать конец VIII — первую половину IX в. (приблизительно 780–851 гг.). Этот этап характеризовался хронической политической нестабильностью, постоянной борьбой за трон, а также первыми сепаратистскими попытками со стороны провинциальной знати — как находившихся на постах в провинции аристократов *чинголь* («компенсировавших» себя таким образом за неудачи в борьбе за трон), так и неслужилых «сильных людей» на местах (часто выдвинувшихся из непривлекательных слоев). Общий кризис сельской экономики, выражавшийся в периодическом голоде и эпидемиях, а также некоторое ослабление административного контроля в ходе смут толкнуло многих представителей низших слоев к нетрадиционным для силлаского общества социально-экономическим моделям — скажем, эмиграции в Китай и морской торговле. Это стало новым источником социальной мобильности. Наконец, регулярные контакты с Китаем и возможность для монахов и молодых конфуцианских студентов получить престижное образование в Тан вели к дальнейшей конфуцианизации определенных слоев привилегированного класса (прежде всего *юктунхум*). Они также способствовали импорту в Силла новых направлений в танском буддизме, прежде всего школы *чань*.

Смуты в центре и увеличившиеся налоговые требования приходящих к власти аристократических кланов (средства были нужны прежде всего на борьбу с политическими противниками из числа соперничающих клик) означали усиление эксплуатации провинциального крестьянства и были важной причиной общего кризиса сельской экономики — хронического голода, эпидемий и разорения села. В принципе, в традиционном обществе превышающая разумные нормы внеэкономическая эксплуатация непосредственных производителей всегда чревата, при малейших неблагоприятных колебаниях природных условий (недороде из-за засухи или наводнений), серьезными социальными последствиями — голодом и эпидемиями. Именно это и начало происходить в Силла с конца VIII в. И, как часто бывает, дисбаланс в социальной структуре начал приводить Силла этого периода к массовому насилию «снизу» — периодическим крестьянским бунтам.

Уже весной 786 г. недород поразил восточную часть страны, и к осени голод начался в столице. Неурожаи и голод в провинциях продолжались в 787–788 гг. Государство пыталось облегчить ситуацию в столице раздачей продовольствия из государственных складов, но в провинциях начались бунты. Массовый голод усилился в 789–790 гг., несмотря на все предпринимаемые властями меры — продовольственную помощь, мобилизацию общинников на починку дамб, а также переселение на северное пограничье (что имело также оборонно-стратегическое значение).

ние). Засухи, голод и эпидемии без перерыва продолжались в 795–798 гг. Дезорганизованное политическими потрясениями государство было бессильно справиться с ситуацией. После некоторого относительного «затишья» в начале IX в. государственный аппарат был вновь расстроен очередной вспышкой борьбы за трон в 809–810 гг., что не замедлило сказаться на экономике. В 814–816 гг. засухи и голод в западной части страны (побережье Желтого моря) привели к вспышкам восстаний (на подавление которых были отправлены войска из столицы) и массовой эмиграции в Китай, на Шаньдунский полуостров, где начала к тому времени складываться значительная силлаская колония. Многие из эмигрировавших в Китай силласцев были активно вовлечены в международную морскую торговлю на Желтом море. Те из них, кто сумел разбогатеть на этом промысле и сколотить собственные вооруженные отряды, становились впоследствии важными участниками силлаской политической жизни. Вспышки голода вновь поражали страну в 817 и 820 гг. В 821 г. дело дошло до массовой продажи голодающими детей в рабство. Затем, после серии сепаратистских мятежей провинциальной знати в 822 и 828 гг., ситуация вновь ухудшилась с начала 830-х гг. Голод и эпидемии 832–834 гг. привели к массовым восстаниям. После того, как государственный аппарат опять был дезорганизован серией переворотов и контр-переворотов в столице в 836–839 гг., в деревню опять пришли массовый голод и эпидемии (840–841 гг.). Впоследствии крупные вспышки голода стали поражать Силла регулярно — с периодичностью в 12–15 лет до 880-х гг., а после и значительно чаще. Разлад государственной машины, бессилие властей помочь голодающим усилило тенденции к самоорганизации на селе, власть и влияние местных лидеров (прежде всего деревенских старост — *чхонджу* — крупных сел), а также провинциальной знати, чиновничества и монашества, располагавших достаточными ресурсами для восстановления порядка на местах. В итоге, кризисная ситуация в провинции стала одним из важных факторов в укреплении на местах сепаратистских тенденций, приведших в итоге силласкую государственность к краху.

Главным фактором, «раскачивавшим» ситуацию на местах, была, несомненно, политическая нестабильность в центре. После относительно скорой кончины Ким Янсана к власти, в ходе острого противостояния с другими аристократическими кликами, пришел Председатель Совета Знати (*сандэдын*) Ким Гёнсин (посмертное храмовое имя — Вонсон; 785–798), опиравшийся, в том числе, на союз с кланом «Новых Кимов» (*Син Ким-сси*) — потомками Ким Юсина. Именно Вонсон и является реальным родоначальником правящего дома Силла «позднего периода». К нему восходит генеалогия большей части царствовавших после него силласких монархов. Будучи дальновидным политиком и нуждаясь в опоре для борьбы с противостоящими его клану аристократическими кликами, Вонсон предпринял ряд мер, направленных на союз со служи-

лым сословием. При нем (в 788 г.) в Силла были, в частности, впервые введены государственные экзамены на чин по классической литературе по трем классам (*токсо сампхумгва*). От этой меры должны были выиграть незнатные, но образованные выходцы из сословий *юктунхум* и *одинхум*, но монополии аристократов-чинголь на высшие ранги новая система не затрагивала. В реальности, ключевые посты оказались монополизированными ближайшими родственниками (прежде всего сыновьями и внуками) самого Вонсона, не без основания видевшего в выходцах из «чужих» аристократических кланов потенциальных соперников. Мятежи аристократов безжалостно подавлялись дворцовыми войсками, все более принимавшими характер личной дружины правящего дома.

После смерти Вонсона и наследовавшего ему внука, Сосона (799–780), власть при малолетнем государе Эджане (800–809) оказалась в руках дяди последнего, Председателя Совета Знати Ким Онсына (внук Вонсона), назначенного регентом. Опасаясь потери власти со взрослением Эджана, Ким Онсин предпочел в 809 г. убить племянника и сам взойти на трон (посмертное имя — Хондок; 809–826). Все трое — Сосон, Эджан и Хондок — были сыновьями и внуками старшего сына Вонсона, по имени Ингём: поэтому первая треть IX в. известна в силасской истории как период доминирования «линии Ингёма». Находясь у власти, Ким Онсин, как и его дед Вонсон, пытался укрепить положение своего клана союзом со «средними» служилыми сословиями, сделав несколько шагов в сторону конфуцианских порядков. Так, в 806 г. в целях экономии средств было запрещено строить новые буддийские храмы и проводить слишком пышные буддийские церемонии. Поддерживая теснейшие отношения с главным партнером (и формальным «сюзереном»), Танской империей, Ким Онсин проявлял интерес и к налаживанию связей с Бохаем и Японией (видимо, из торговых соображений). Однако ни жесты в сторону служилых слоев, ни дипломатическая активность не могли спасти режим Ким Онсына от недовольства соперничающих аристократических кланов. С расшатыванием власти центра на местах это недовольство начало принимать формы сепаратистских мятежей

Рис. 19. Отлитый в 771 г. колокол столичного монастыря Пондокса, посвященного памяти государя Сондока (702–737). Высота этого бронзового колокола — 3,78 м, вес — около 25 тонн. Отливку колокола в память своего отца Сондока начал еще Кёндок-ван, но закончена она была лишь в правление Хегон-вана. Для государственной машины Силла предприятие такого масштаба было немалым бременем. Интересна надпись на колоколе (830 иероглифов), объясняющая, что

«раздающийся меж Небом и Землею» «драконьему рыку подобный» звук колокола одаряет всех слушающих благодатью и ведет их за пределы мира слов, к конечной и невыразимой истине нирваны. Надпись также восхваляет трех государей (Сондока, Кёндокка и Хёгона) и добродетели регентши государыни Манволь. «Кармические заслуги», накопленные созданием колокола, должны были обеспечить благополучие Силла и способствовать обретению нирваны всеми живыми существами. Согласно надписи, главными ответственными за отливку колокола были Ким Он и Ким Янсан, что хорошо показывает их реальную роль в этот период. По легенде, чтобы колокол хорошо звучал, при отливке в котел с кипящим металлом был брошен ребенок. Повидимому, это предание отражает сложное отношение непривилегированных слоев к подобным способам накопления «кармических заслуг». Для общинников это религиозное предпринятие оборачивалось новым усилением налогового бремени. Рельефные изображения небесных музыканток (*ancap*) на колоколе считаются шедеврами силлаского искусства.

Самым крупным из них было восстание Ким Хончхана в 822 г. Ким Хончхан, выходец из клана, соперничавшего с Вонсон-ваном еще в конце VIII в., использовал свое положение правителя области Унчхонджу (бывшие пэкческие земли) для того, чтобы основать свое собственное «государство» Чанан и формально отделиться от Силла. Тот факт, что большая часть областных правителей на бывших пэкческих и каяских землях предпочла примкнуть к мятежникам, говорит о широком распространении сепаратистских настроений в силлаской провинции. Мятеж был подавлен после жестоких боев, но, несмотря на учиненную победителями безжалостную расправу (239 родственников и сторонников Ким Хончхана были казнены), уже через несколько лет (в 828 г.) вспыхнул новый сепаратистский мятеж в долине Хангана. Правящая клика стремилась создать себе опору в провинциях, прилагая значительные усилия к освоению северного пограничья. К северу от р. Ёсонган строились крепости, туда переселялось население с юга, и т. д. Однако общего подъема сепаратистских настроений в провинциях эти меры ослабить не могли.

В правление последнего государя из «линии Ингёма», Хындок-вана (826–836), при дворе стала возвышаться другая ветвь клана Вонсона — «линия Еёна» (потомки Еёна, младшего сына Вонсона). Эту ветвь, однако, ослабляли хронические распри между двумя ее «ответвлениями»: родственниками и потомками старшего сына Еёна, по имени Кюнджон (Председатель Совета Знати с 835 г.), и потомками младшего сына Еёна, по имени Хонджон. В результате вооруженной схватки, развернувшейся прямо во дворце после смерти Хындок-вана, сын Хонджона сумел уничтожить Кюнджона и часть его сторонников и взойти на трон (посмертное имя — Хыйган-ван). Однако торжество потомков Хонджона оказалось недолговечным. Уже в 838 г. новый узурпатор, на этот раз член бокового ответвления «линии Ингёма», ворвался со своей дружиной во дворец, расправился с приближенными Хыйган-вана, принудил самого вана к самоубийству и тут же взойшел

на освободившийся престол. Пока потомки Хонджона и «линия Ингёма» уничтожали друг друга, сын убитого Кюнджона, Ким Уджин, бежал на далекую окраину Силла, к командиру особого административного района Чхонхэджин (остров Вандо, часть современной пров. Юж. Чолла) Чан Бого.

Чан Бого был колоритной фигурой, типичной для своего времени. Выходец из простолюдинов, он в юном возрасте эмигрировал в Тан (возможно, из-за голода в Силла), служил в китайской армии, потом сумел разбогатеть на морской торговле с Японией и Силла и сколотить вокруг себя дружину. В 828 г., вернувшись на родину, Чан Бого получил от Хындок-вана право основать на морском пограничье Силла особый административный округ Чхонхэджин для борьбы с японскими и китайскими пиратами. Чан Бого, увеличив свою дружину до 10 тыс. воинов, сумел не просто уничтожить пиратов, но и взять под контроль морскую торговлю на Желтом море, создав своеобразную «торговую империю» и накопив громадные богатства. Решив приобрести еще и политическую власть, Чан Бого активно вмешался в борьбу на стороне Ким Уджина.

С помощью дружин Чан Бого Ким Уджин сумел в 839 г. расправиться с соперниками из «линии Ингёма», захватить столицу и провозгласить себя государем. В тот же год он умер, не выдержав всех перенесенных за три года кровавых смут нервных потрясений (посмертное имя — Синму). С победой Ким Уджина к власти пришла группа потомков Кюнджона из «линии Еёна», монополизировавшая престол до 861 г. Однако ее триумф омрачал тот факт, что победа была достигнута за счет помощи со стороны «чужака» в аристократическом кругу, Чан Бого. Последний уже в 845 г. потребовал у сына Ким Уджина, государя Мунсона (839–857), своей «доли пирога», а именно — женитьбы государя на его, Чан Бого, дочери. Допускать в свои сферы «безродного» провинциала аристократы *чинголь* не желали, и дерзкая просьба Чан Бого была отвергнута. Результатом была сепаратистская попытка со стороны вознегодовавшего на «неблагодарность» столичной знати морского торговца (846 г.). Волнения были подавлены лишь после того, как к Чану был послан убийца (846 г.), округ Чхонхэджин — ликвидирован, а все его жители (исключая тех, кто успел вовремя мигрировать в Японию или Китай) — переселены в глубь полуострова (851 г.).

С ликвидацией «удельного владения» Чан Бого монополизировавшая трон клика на какое-то время избавилась от провинциальных соперников и овладела ситуацией. Определенная реставрация централизованного административного контроля после ликвидации остатков «морской державы» Чан Бого в 851 г. завершает собой наполненный смутами первый этап «позднего периода» силлаской истории. Однако проблемы перманентного недовольства отчужденных от власти «средних» и «низших» групп правящего класса временное восстановление управленческой машины не решало. После некоторого «затишья» — относительно стабильного вто-

рого этапа (851–889 гг.) «позднего периода» силлаской истории — крестьянские восстания и сепаратистские мятежи разгорятся вновь, в конце концов подводя силласкую государственность к летальному кризису.

Рис. 20. Здесь, на острове Вандо у южного побережья Кореи, находился как центр основанного Чан Бого административного района Чхонхэджин, так и построенный на доходы от морской торговли храм Попхваса. Чан Бого был верующим буддистом и охотно привечал у себя не только силласких, но и японских и китайских монахов. Интересно, что в названии острова Вандо иероглиф «ван» означает как раз тот сорт камыша, из которого силлаские мореходы изготавливали паруса.

Видимо, изобилие материала для парусов на острове было одним из факторов, привлечших к нему внимание Чан Бого.

Второй этап (851–889) силлаского «позднего периода» характеризуется некоторой «разрядкой» в борьбе за власть между различными ветвями дома Вонсона. От последнего из потомков Кюнджона на троне, государя Хонана (857–861), власть перешла к одному из потомков Хонджона, Ыннёму (посмертное имя — Кёнмун; 861–875). Начиная с воцарения Кёнмуна, потомки Хонджона из «линии Еёна» владели троном вплоть до 912 г., когда власть в разваливающемся государстве перешла к их родственникам по женской линии из клана Пак. Воспитанный в конфуцианском духе бывший лидер организации *хваран*, Кёнмун проводил осторожную политику, пытаясь сплотить вокруг себя весь клан Вонсона. Как символ этой политики, он начал с 865 г. строить на могиле Вонсона большой буддийский храм Сунбокса. Строительство смогли завершить только его потомки через 20 лет.

Однако отчуждение всех прочих аристократических групп от власти вызывало периодические (раз в 3–4 года) мятежи и заговоры недовольной знати. В 874 г. мятежники сумели даже ворваться во дворец. Их с большим трудом уничтожила внутренняя охрана. То же самое продолжалось и в правление детей Кёнмуна — Хонгана (875–886) и Чонгана (886–887). Мятежи зачастую охватывали отдаленные районы (особенно долину Хангана), контроль центральной власти над которыми слабел день ото дня. Лишь определенная стабильность во дворце удерживала страну от полного развала. Желая расширить свою социальную базу, правящая группа пыталась использовать в придворных учреждениях (прежде всего связанных с дипломатией или составлением различных административных бумаг) образованных выходцев из «средних» сословий, прежде всего тех из них, кто учился в Китае и сдал там экзамены на ученую степень (это было позволено иностранцам с 821 г.). Однако на ключевые должности обладателей танских степеней (всего их известно около 50–70 человек) аристократия *чинголь* пускать не желала. В

итоге эта группа стала генератором оппозиционных настроений, часто блокируясь на более позднем этапе с сепаратистскими кликами. Недовольство конфуцианской служилой интеллигенции, «идейное» осуждение ею аристократических порядков стало важным фактором общего кризиса.

Временем окончательного распада силлаской государственности был третий этап (889–935) «позднего периода», начавшийся вскоре после воцарения дочери Кёнмуна, государыни Чинсон (887–897). Новая правительница, совершенно не имевшая государственного опыта, передоверила сложную административную машину группе из нескольких приближенных-фаворитов, которые воспользовались этим для собственного обогащения. Правящая группа требовала от местных чиновников взяток и подношений. Это оборачивалось чрезмерной эксплуатацией податного слоя и приводило к массовому разорению крестьянства, уходу бывших налогоплательщиков к «сильным домам» (местным аристократам и монастырям), обладавшим налоговыми льготами и защищавшим «своих» крестьян от чиновных вымогательств. Массовый переход крестьянства на положение крепостных местной знати подрывал налоговую базу государственного аппарата и усиливал сепаратистские настроения, особенно в бывших пэкческих и когурёских районах.

В конце концов, в 889 г. произошел социально-политический взрыв. В ряде областей и округов провинциальная администрация вообще отказалась платить налоги в казну. Это означало дополнительные поборы с «ближних» областей, все еще остававшихся под эффективным контролем центра, но здесь чаша крестьянского терпения перелилась через край. По всей стране начались крестьянские восстания, и местное управление было парализовано. Боевой дух восставших был столь высок, что в некоторых случаях, по сообщению источников, командиры правительственных карательных отрядов «взирали на палисады бунтовщиков в страхе и боялись идти вперед». К 891 г. северо-восток страны (район совр. пров. Канвон) оказался под контролем многочисленных и хорошо организованных отрядов повстанческого командира Янгиля.

Вскоре среди подчиненных Янгиля выдвинулся молодой военачальник Кунье, которому вскоре суждено будет сыграть немалую роль в политической истории последних лет Силла. Незаконный сын одного из поздних силласких государей (Хонана или Кёнмуна), он жил некоторое время монахом на севере страны. К 894 г. Кунье, отделившись от Янгиля, объявил себя самостоятельным «полководцем» и в течение 2–3 лет взял под свой контроль большую часть севера и северо-востока долины р. Ханган. В ситуации, когда отдаленные провинции начали переходить под контроль независимых владетелей, центр страны находился под постоянной угрозой повстанческих атак. Так, в 896 г. отряды «красноштанников» (крестьян-повстанцев, носивших красные штаны в качестве своеобразной униформы) разгромили органы мест-

ного управления на юго-западе, и дошли практически до окрестностей столицы, грабя имущее население. Отречение непопулярной государыни Чинсон от трона и ее смерть в 897 г. уже не могли исправить положения. Провинция принадлежала или повстанцам, или элитарным местным группам, сумевшим организовать свои войска и создать самостоятельную администрацию. В 905 г. новый государь Хёгон (897–912) запретил оставшимся верными Силла местным воинским командирам атаковать повстанческие станы, приказав ограничиться лишь обороной крепостей. Фактически центральная администрация признала отсутствие средств и возможностей для активной борьбы с провинциальными мятежниками и сепаратистами. Правительство сословия *чинголь*, контролировавшее теперь лишь окрестности столицы, доживало свои последние десятилетия.

б) Социально-политический распад Объединенного Силла и войны между его наследниками

Какова была реакция провинциальной знати на повстанческое движение и практическую утрату центром контроля на местах? Видя бессилие столичного аристократического режима, местные землевладельцы принялись организовывать свои вооруженные отряды, а самые влиятельные из них начали создавать собственные режимы, ведя дело к формальному отделению от Силла. Вооруженные отряды и новорожденные режимы местной элиты подавляли крестьянские бунты или же чинами, наградами и посулами привлекали крестьянских вожakov на свою сторону. Так, в огне смут и беспорядков, из местной землевладельческой и чиновной элиты и предводителей разного рода вооруженных групп (в том и числе и крестьянских повстанческих отрядов) создавался новый военно-землевладельческий класс, в определенной мере сходный с феодальным сословием средневековой Европы.

Типичной для этого класса была фигура «хозяина крепости» (*сонджу*), часто по происхождению выходца из провинциальных чиновников или сельских «старост» (*чхонджу*), владевшего земельными угодьями и контролировавшего окружающую его крепость район. Сидевшие на землях «хозяина крепости» крепостные были лично зависимы от него и отдавали ему большую часть урожая. Остальное население платило ему те же налоги, что раньше шли в силласкую столицу. Опорой таких «хозяев» были их личные дружины, младшие командиры которых часто были мелкими или средними землевладельцами. Как правило, часть изъятого у непосредственных производителей прибавочного продукта «хозяин крепости» передавал в качестве дани одному из контролировавших периферию сепаратистских режимов. Сформировавшаяся в ходе смут рубежа IX–X вв., эта иерархия действительно напоминает порядки евро-

пейского средневековья. Правда, она никогда не была столь строгой и кодифицированной, как в Европе или Японии. Точнее сказать, она не успела стать таковой. Традиция государственной централизации была уже столь укорена в формирующейся корейской культуре, что следующая династия, Корё (918–1392), восстановив контроль над страной, сумела в течение нескольких десятилетий вернуть общество к «норме» централизованного бюрократического управления. Однако и после этого, при всей бюрократизации и конфуцианизации общества, частная собственность знати на наследные земли практически сохранилась (в несколько уменьшенных масштабах).

Что представляли собой новые сепаратистские режимы, оказавшиеся на вершине недолговечной «феодальной иерархии»? Типичен пример Кён Хвона — провинциального силлаского командира, в 892 г. с 5-тысячной дружиной подчинившего себе значительную часть территорий бывшего Пэкче и объявившего себя «полководцем запада». Кён Хвон предпочел признавать влияние сильнейших повстанческих вожakov на местах, объявляя их своими «вассалами» и практически способствуя превращению крестьянских лидеров в местных феодалов. В частности, одним из его «вассалов» стал командир Янгиль. Другим средством укрепления своей власти над бывшими пэкческими землями были для Кён Хвона демагогические обещания «возродить» Пэкче, «неправедно погубленное» силласкими и танскими армиями (интересно, что сам Кён Хвон не был пэкчесцем по происхождению). Судя по тому, что подобные декларации находили горячий отклик у населения бывших пэкческих земель, потомки подданных Пэкче так никогда и не ассимилировались полностью в силлаской среде. В 900 г. Кён Хвон объявил о создании государства Позднее Пэкче (Хубэкче), провозгласил себя государем (ваном) и установил отношения формального «вассалитета» с одним из режимов, укрепившихся на юге Китая после фактической утраты Тан контроля над провинциями в 880–890-х гг. Новый государь достиг определенных успехов в борьбе с обессилевшим силласким правительством. Однако почти сразу у него появился серьезный соперник — режим Позднее Когурё (Хугогурё).

Основал Позднее Когурё (используя антисилласкую риторику примерно того же типа, что и Кён Хвон) бывший монах Кунье, в свое время служивший подчиненным Янгилья, но потом отделившийся и с дружиной в 3 тыс. 500 воинов поставивший к 898 г. под свой контроль большую часть земель севера и северо-востока. «Вассалами» Кунье становились как крестьянские вожаки, так и местные крупные и средние землевладельцы, располагавшие собственными вооруженными отрядами. К последним, в частности, принадлежал кэсонский (Кэсон — город в северной части долины Хангана, на севере совр. пров. Кёнги) феодал Ван Гон. Выходец из разбогатевшего на морской торговле знатного рода, он получил от Кунье должность начальника уезда и командира кавалерий-

ской части. После того, как в 897–899 гг. войскам Кунье удалось разгромить отряды Янгиля и установить контроль также и над южной частью долины Хангана (вплоть до районов совр. пров. Сев. Чхунчхон), удачливый полководец провозгласил себя в 901 г. ваном государства Позднее Когурё со столицей в Кэсоне. Установлена была и система должностей и ведомств, сильно напоминавшая силласкую. Видимо, никакой другой административной системы Кунье — сам выходец из силлаского правящего дома — представить себе не мог. Использовал Кунье и традиционные силлаские чиновничьи ранги, но присвоение ранга определялось теперь не происхождением, а исключительно воинскими заслугами и личной преданностью, что расширило рамки вертикальной мобильности в обществе и сделало Позднее Когурё грозным соперником более «закрытого» аристократического Силла.

Кунье, в 904 г. переименовавшему свое государство в Маджин и в 905 г. перенесшему столицу в Чхорвон (совр. уезд Чхорвон пров. Канвон), покорялись как феодалы северного пограничья, так и вожаки крестьянских отрядов («желтых кафтанов» и «красных кафтанов») восточного побережья. Он начал думать о покорении Силла и Позднего Пэкче и объединении всего полуострова под своей властью. В войне против Позднего Пэкче армия Маджина — в 911 г. заново переименованного в Тхэбон («Великое Владение») — действительно достигла заметных успехов. Отрядам Ван Гона, ставшего ближайшим помощником Кунье (первым министром — *сиджуном*), удалось даже отнять у Кён Хвона часть земель в совр. пров. Юж. Чолла, тем самым окружив центр Позднего Пэкче с двух сторон. Однако, при всех удачах в войнах с соперниками, слабым местом режима Кунье была внутренняя политика. Новый государь не уступал в жестокости силласким автократам периода Объединительных войн, казня своих подчиненных по малейшему подозрению. В числе репрессированных оказались даже жена Кунье (ложно обвиненная в прелюбодеянии) и два его сына (915 г.). Повод для недовольства давала и религиозная демагогия Кунье. Бывший монах объявил себя снизошедшим на землю Бодхисаттвой Майтрейей, сделав свою персону предметом обязательного культа. Эта попытка апеллировать к миллениаристским представлениям масс не нравилась феодалам из окружения Кунье, приверженным более традиционной интерпретации буддийского учения.

Растущее недовольство непредсказуемым лидером вылилось в 918 г. в государственный переворот. Наиболее влиятельные «вассалы» Кунье объявили новым ваном Ван Гона, популярного среди землевладельческой знати Севера. Кунье, на стороне которого практически никого не осталось, попытался бежать, но был убит местными жителями. Придя к власти, Ван Гон переименовал Тхэбон в Корё (наименование Когурё без среднего иероглифа; часто употреблялось как синоним Когурё уже в древности) и в 919 г. вновь перенес столицу в Кэсон. Внешне Кён Хвон

отнесся к гибели своего соперника Кунье и восшествию на престол Ван Гона с радостью, даже послав миссию с поздравлениями. Очевидно, Позднему Пэкче требовалась передышка в непрерывных войнах. Однако, при всем показном миролюбии Кён Хвона, было ясно, что отныне главным политическим конфликтом полуострова все равно станет соперничество между Поздним Пэкче и Корё. Как Кён Хвон, так и Ван Гон стремились объединить все корейские земли под своей властью. Период сосуществования Позднего Когурё (с 918 г. — Корё), Позднего Пэкче и Силла (900–936 гг.) часто называют эпохой Поздних Трех государств (Хусамгук). Однако активными субъектами военно-политической борьбы были прежде всего Позднее Пэкче и Корё. Разлагающееся Силла оставалось пассивным созерцателем схватки, имея мало возможностей воздействовать на ее исход.

Придя к власти, Ван Гон (известный также по посмертному храмовому имени Тхэджо — Великий Предок) начал проводить осторожную политику с явными конфуцианскими нотками, снизив налоги с крестьянства и активно привлекая местных феодалов на свою сторону: часто новым «вассалам» даже жаловалась государева фамилия Ван. Желая легитимизировать себя как законного преемника Силла, Ван Гон установил с силласким двором дружеские отношения и практически вошел с Силла в военный союз против Кён Хвона. Но слишком рано выступать в открытую против сильного Позднего Пэкче Ван Гон тоже не желал. У основателя Корё было достаточно забот с привлечением новых сторонников, подавлением оппозиционных выступлений и войной с кочевниками-*мохэ* на северных рубежах.

Войну против Ван Гона начал Кён Хвон в 926 г. В следующем году ему удалось взять приступом силласкую столицу. Там он убил государя (отомстив ему тем самым за союз с Ван Гоном), захватил в рабство тысячи пленных (в том числе многих представителей дворцовой знати) и разграбил дворцовые сокровища. Поражение союзника вынудило Ван Гона к решительным действиям. Корёская армия дала в том же году войскам Кён Хвона сражение в районе современного города Тэгу, но потерпела сокрушительное поражение и вынуждена была отступить. Ван Гон с трудом спасся лишь благодаря самопожертвованию нескольких своих подчиненных. Войска Позднего Пэкче захватили ключевые районы Мунгёна и Андона (пров. Сев. Кёнсан), перерезав тем самым сообщение между Корё и Силла.

Однако в 930 г. в войне наступил перелом. Армия Корё, усиленная беженцами из разгромленного *киданиями* в 926 г. Бохая, сумела одержать в районе Андона внушительную победу над силами Кён Хвона, отняв у противника практически всю современную провинцию Кёнсан. После этого влияние и авторитет Ван Гона увеличивались из года в год. В 931 г. он заключил с государём Силла Кёнсуном официальный союз, в 933 г. был признан «вассалом» династии Поздняя Тан (923–936 гг.), а в 934 г.

отнял у Позднего Пэкче часть современной пров. Чхунчхон. Триумфальным для Ван Гона стал 935 г., когда Кён Хвон, против которого восстали его собственные сыновья, принужден был бежать в Корё. Ван Гон встретил недавнего соперника с почестями, ибо переход Кён Хвона в «вассалы» Корё давал законный повод для полного разгрома Позднего Пэкче. Важным для легитимности объединительной политики Ван Гона было оформленное в том же году мирное присоединение Силла к Корё на выгодных для силлаского Кёнсун-вана условиях. Последний государь Силла, объявив себя подданным Ван Гона, получил должность министра, корёскую принцессу в жены и район бывшей силлаской столицы (переименованной теперь в Кёнджу) в качестве «кормленого владения».

Став, с точки зрения современников, легитимным преемником Силла и законным владельцем Позднего Пэкче (в связи с капитуляцией Кён Хвона), Ван Гон смог в 936 г. разгромить войска взбунтовавшихся против отца сыновей Кён Хвона и присоединить к Корё все пэкческие территории. Кён Хвон был пострижен в монахи и вскоре умер. Объединение бывших силласких земель было, таким образом, завершено. С переходом в 938 г. правителя о. Чеджудо (тогда назывался Тхамна) в «вассалы» Ван Гона под властью Корё оказалась большая часть земель полуострова. Победа Корё над Поздним Пэкче объясняется мудрой политикой Ван Гона, гарантировавшего местным феодалам сохранение их привилегий и имущества на условиях лояльности новому государству. Сыграли роль другие факторы. Корё располагалось богатыми ресурсами северных районов полуострова, имея возможность привлекать в свою армию как бохайцев, так и отряды «северных инородцев» (*мохэ, тели*, и т. д.).

Триумф Ван Гона означал, что из многочисленных феодальных владельцев, перешедших под власть новой династии, равно как и из высшего слоя их вассалов, постепенно образуется основа корёской государственности — господствующий класс средних и крупных землевладельцев. С нормализацией функционирования государственного аппарата важнейшим каналом социальной мобильности для этого класса становится государственная служба. Постепенно господствующий класс Корё приобретает характеристики землевладельчески-административной элиты, а сама государственность Корё — синтетический аристократически-бюрократический характер. Несомненно, социально-политическое устройство Корё было шагом вперед по сравнению с силлаской системой сословных групп и сословных привилегий. Даже у низших слоев провинциального землевладельческого класса появилось больше возможностей для выдвижения. Отмирание при новой династии жесткой силлаской иерархии сословных групп дает ряду корейских историков основание считать, что переход от Силла к Корё означал также для корейской истории переход от древнего к средневековому обществу. Государство Ван Гона в значительно большей степени, чем Силла, было привержено

меритократическим нормам конфуцианства, и потомки знати *чинголь* составили лишь одну, сравнительно небольшую группу знати в новом высшем обществе, состоящем теперь из множества разнообразных местных кланов и фамилий. Тем не менее силлаская культура, и особенно силлаский буддизм, были, хотя и не без изменений, в целом унаследованы новым корёским обществом.

в) «Девять школ» буддизма *сон* IX-X вв.

Что же представляла собой религиозная основа силлаского общества «позднего периода» — буддизм? Если в буддизме времен автократического правления четко различались «ученые» школы (скажем, учение Ыйсана) и простонародные культы (прежде всего связанные с верой в «спасителей» — Амитабху и Майтрейю), то в позднесилласком буддизме пропасть между «книжниками» и «спасающимися верой» была «заделана» с появлением нового популярного направления — *чань*-буддизма (кор. *сон*; то же, что японское *дзен*). Корейский *сон* был продолжением китайских *чаньских* школ. Его «привозили» на полуостров корейские монахи, возвращавшиеся домой после учебы в Тан. Главный принцип *чань/сон* — достижение «просветления» через внутреннее психологическое усилие по духовному «преодолению» внешнего мира, без зависимости от писаний и часто даже без соблюдения традиционной монашеской дисциплины (*винаи*). Он мог быть приложен и к столичному аристократу, и к провинциальному чиновнику, и к малограмотному крестьянину; в этом смысле новое направление отличалось беспрецедентной универсальностью.

Делало его популярным и другое обстоятельство. С точки зрения *чань/сон*, «просветления» вполне можно было добиться и в миру, и достижение этого идеала не исключало дальнейшей «включенности» в «посюстороннюю» активность, а, наоборот, оплодотворяло и осмысляло ее. В каком-то смысле (но, конечно, в другом культурном контексте), в *чань/сон* звучали те же нотки, что позднее прозвучат в распространившихся по Европе с XVI в. протестантских учениях — идея «мирского аскетизма», неразделимости религиозных идеалов и «мирской» повседневной работы. Поэтому и неудивительно, что новое направление активно поддерживали прежде всего неудовлетворенные действительностью средние и низшие слои господствующего класса — интеллектуалы из сословия *юктунхум*, провинциальные чиновники и средние землевладельцы, и т. д. *Сонские* монастыри располагались в провинции, и их настоятели часто были весьма популярны среди населения, становясь своеобразными духовными лидерами округи. В связи с этим местные феодалы часто стремились приблизить влиятельных подвижников к себе, официально становясь их «мирскими учениками» и жертвуя мона-

стырям большие участки земли. Поля *сонских* храмов обрабатывали как крепостные и арендаторы (в этом смысле монастыри ничем не отличались от прочих провинциальных феодалов), так и сами монахи: в *сонских* правилах, ежедневный труд был частью направленной на «просветление» духовной работы. В данном контексте, принадлежа с точки зрения отношений собственности к господствующему классу, *сонские* монастыри все же оставались эмоционально близки трудовым слоям населения, что позволяло им играть роль надклассовых «духовных центров», «медиаторов» социальных противоречий.

Наибольшую известность в позднем Силла и раннем Корё получили т. н. «девяти школ» (*кусан*) *сон*. Каждая из них имела свою генеалогию «праведников-основателей», свои центральные монастыри, свой «регион влияния» в провинции и своих покровителей в местной феодальной среде. Вообще в *сон* «линия преемственности», духовная связь между учеником и учителем была необычайно важна. Считалось, что именно через такой контакт (который по виду мог сводиться к обмену несколькими, часто внешне бессмысленными, репликами), а не через «море писаний», передается «просветление». Во многих случаях, однако, такая связь имела и вполне материальный оттенок. Избранному ученику (на которого учитель мог смотреть, как феодал на своего «вассала») передавался в управление монастырь с немалыми земельными угодьями.

Типичной для «девяти школ» была, например, сыгравшая позже важную роль в буддийской истории Корё школа Каджисан, названная так по горе в совр. уезде Чанхын пров. Юж. Чолла, где находился монастырь — центр влияния секты. Первым ее основателем считался провинциальный монах Тоый (посмертное имя: наставник Вонджок; конец VII — начало VIII вв.) из долины р. Ханган. В миру он носил фамилию Ван и, возможно, принадлежал к клану Ван Гона. Уехав в Китай на учебу в 784 г., он прожил там 37 лет и воспринял традицию Сидана (735–814) — знаменитого ученика великого *чаньского* наставника Мацзу (709–788). Вернувшись в Силла после долгого отсутствия, Тоый столкнулся с непониманием и враждебностью со стороны «ученых» сект, видевших в идее «просветления без опоры на тексты» не более чем «дьявольское наваждение»; остаток жизни ему пришлось провести в отдаленном горном монастыре. Однако ученик одного из учеников Тоыя, монах Чхеджин (804–880) из государева рода Ким, сумел после путешествия в Китай стать (не без поддержки двора) настоятелем монастыря Поримса на горе Каджисан и сделать этот храм центром своей школы (858 г.). При покровительстве и на средства одного из крупных местных землевладельцев, Ким Онгёна, объявившего себя его «учеником», Чхеджин отлил из железа большую статую Космического Будды Вайрочаны (858–859 г.). Среди более чем 800 учеников Чхеджина получил известность монах Хёнми (864–917), убитый властным и жестоким Кунье за откровенные и смелые проповеди, осуж-

давшие насилия и войны. В течение периода Корё монастырь оставался важным религиозным и экономическим центром района; существует он и по сей день.

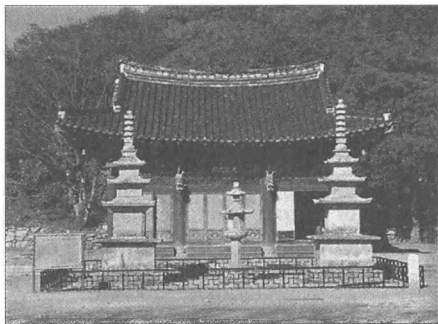

Рис. 21. Две «парные» трехэтажные пагоды и каменный фонарь (*соктын*; символ света буддийского учения) храма Поримса. Поставлены в 870 г. покровителем Чхеджина Ким Онгёном по указанию государя Кёнмуна, дабы обеспечить «благое перерождение» в «Чистой земле» предыдущему государю, Хонану. К концу периода Объединенного Силла каменные пагоды становятся меньше по размеру и более декоративны по облику, со множеством каменных миниатюрных

«наверший» на «шпигле» и явственно загнутыми уголками «крыш» между «этажами». В стране, все более подверженной сепаратистским тенденциям, искусство тоже становится «провинциальным», менее масштабным. В гармонии форм и легкости линий каменного фонаря мастер пытался выразить ту радость, что наполняет «просветленного» адепта *сон* среди тревог бытия.

Рис. 22. Железная статуя Космического Будды Вайрочаны из монастыря Поримса. Статуя (высотой в два с половиной метра) отличается «угловатыми», жесткими линиями лица, дающими представление о суровом и воинственном духе «позднего периода». Мудра статуи — большой палец левой руки в кулаке правой (*чиквонин*) — символизирует единство части и целого, индивида и космоса. Идея Вайрочаны занимает важное место в космологии Хваом. Как и многие черты мировоззрения Хваом, она была заимствована *сонскими* школами и широко ими популяризирована.

К востоку от горы Каджисан, в районе гор Чирисан, большим влиянием пользовалась школа Сильсансан, названная так по имени монастыря Сильсанса (уезд Намвон пров. Сев. Чолла). Его основал в 827 г. монах Хончхок (посмертное имя — наставник Чынгак), учившийся в Китае у Сидана вместе с Тоем. Известность школе принес ученик Хончхока Сучхоль (815–893). Выходец из обедневшего аристократического рода, он не ездил в Китай, но тем не менее получил известность своими проповедями при дворе Кёнмун-вана о различиях между *сон* и традиционными школами. Фраза, сказанная им ученикам перед смертью — «После бешеного шторма тучи расходятся и исчезают! Всегда помните, что светлая луна с запада на восток плывет!» — хорошо передает дух *сонского* «просветленного сознания» — поэтический, изящный, лаконичный.

Рис. 23. Гранитное надгробие (*пудо*) на могиле наставника Сучоля. Высота — 3 м. Сочетание круглой лотосообразной «подставки» внизу и восьмигранного «столба» с рельефами (тоже изображающими лотосы) посередине символично. Оно передает идею восьмичленного буддийского «благородного пути» к спасению, завершающегося просветлением (символ которого — круг). Композиция производит впечатление гармоничной законченности: смерть монаха рассматривалась как естественное слияние с «вечной пустотой», нирваной.

Духовную жизнь более близкого к столице района современного уезда Мунгён пров. Сев. Кёнсан определяла школа Хыйянсан, основанная в сер. IX в. монахом Тохон (посмертное имя — наставник Чиджын; 824–882). Никогда не бывавший в Китае, Тохон провозгласил себя «дхармическим наследником» самых ранних силласких адептов *чань*, в VIII в. распространявших на полуострове ранний *чань* «четвертого патриарха» Таосиня (580–651). Тохон принадлежал к *чинголь* и был достаточно богат для того, чтобы перевести в собственность одного из своих монастырей (и тем освободить навсегда от угрозы налогообложения или конфискации) 12 поместий с 500 *кэль* земли. Он сумел построить в уезде Мунгён на горе Хыйянсан крупный монастырь Понамса, используя пожертвования как почитавших его «воплощенным Буддой» членов королевской семьи, так и местных землевладельцев. Имея возможность всегда рассчитывать на поддержку со стороны местной элиты, Тохон часто вел себя очень независимо по отношению к силласким правителям, отказавшись, скажем, от приглашения ко двору Кёнмун-вана. В ответ на просьбу следующего государя, Хонган-вана, объяснить, что такое «сознание» (важнейшая концепция в *чань*), Тохон, посмотрев на лунную «дорожку» на воде пруда, показал на луну пальцем и сказал, что больше ему говорить не о чем. «Соль» лаконичного, четкого ответа была ясна современникам. Все в мире *чань* считал не более чем «тенью», плодом нашего сознания, «просветленная» суть которого невыразима в словах.

Монастырь Тохона пользовался постоянной поддержкой со стороны местных феодалов и после смерти его основателя. Под влиянием школы Тохона находился и ряд других провинциальных монастырей, в частности, весьма известный храм Ссангеса (уезд Хадон пров. Юж. Кёнсан) в горах Чирисан, основанный (точнее, значительно расширенный) в 838–840 гг. монахом Хесо (посмертное имя — наставник Чингам; 774–850), товарищем Тояя по учебе в Китае. Ссангеса, как и многие другие провинциальные сонские монастыри, был культурным центром округи. Он славился как разведением чая (непременного спутника *сонской* медитации в позднесилласком буддизме), так и традициями буддийской музыки, «импортированными» Хесо из Тан и «пересаженными» на местную почву.

На полпути между храмом Поримса и монастырем Ссангеса находилось святилище еще одной *сонской* школы — храм Тэанса (уезд Коксон пров. Юж. Чолла) школы Тоннисан. Основатель этой школы, монах Хечхоль (посмертное имя — наставник Чогин; 785–861), выходец из аристократического столичного клана Пак, известен был как большой начитанностью, так и немалым личным мужеством. Во время странствий по Китаю (где он прожил 15 лет, обучаясь, как и многие другие корейские монахи, у Сидана) он как-то был ошибочно принят за разбойника и приговорен к смерти, но сумел доказать свою невиновность, поразив танских чиновников спокойным и веселым выражением лица. Основанный им монастырь Тэанса был одним из крупнейших землевладельцев округи, имея примерно столько же земли, сколько и монах Тохон — немногим менее 500 *кёль*. Немалую известность получил ученик Хечхоля монах Тосон (821–898) — специалист в области геомантии (*пхунсу чири*; «наука» об «энергетических качествах» ландшафтов разных конфигураций, популярная также и в позднетанском Китае), «теориям» которого придавали очень большое значение как сам Ван Гон, так и его преемники.

К школе Хечхоля принадлежал и монах Юнда (посмертное имя — наставник Кванджа; 864–945), пользовавшийся уважением Ван Гона. Ответ Юнда на вопрос Ван Гона о том, как лучше облагодетельствовать подданных — «Коль Вы не забудете о том, что спросили, то страна и подданные и будут счастливы!» — хорошо показывает психологизм учения *сон*, делавшего упор не на слова, а на «просветленное» состояние сознания и «внутреннюю память» о духовном опыте. Большую роль в буддийских кругах новой династии Корё сыграл и ученик Тосона монах Кёнбо (посмертное имя — наставник Тонджин; 869–947), ставший учителем не только для самого Ван Гона, но и для его преемников, государей Хеджона (943–945) и Чонджона (945–949). Предсмертное завещание Кёнбо ученикам — «В мире Будды нет знатных и простых. Пусть будет ваше сознание чисто, как луна и вода; подобно туману или рассветной дымке, умейте уходить, не оставляя следов!» — точно выражает *сонский* акцент на «незагрязненном сознании» как цели духовного пути.

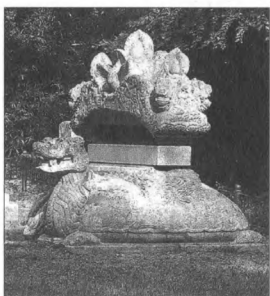

Рис. 24. Постамент в виде черепахи и головы безрогого дракона (*ису*) — все, что осталось от поставленной в 950 г. недалеко от монастыря Тэанса (вариант названия — Тхэанса) стелы в честь монаха Юнда. Монах, которого Ван Гон одарил землей и рабами, сравнивал, тем не менее, свое существование при дворе с жизнью журавля, привязанного к стрехе и лишенного возможности летать. Стела упала и раскололась примерно 150 лет назад. К счастью, ряд копий надписи на стеле сохранился в коллекциях древней эпиграфики. В скульптурном изображении черепахи — постаменте стелы — чувствуется живость и энергия, характерная для X в. — эпохи смут и бурных перемен.

Интересный пример связи *сонских* школ с местными сепаратистскими кликами дает школа Поннимсан, реальный основатель которой, монах Симхый (посмертное имя — наставник Чингён; 853–923), сам в Китай не ездивший (и даже «теоретически» отрицавший необходимость обязательно изучать универсальные *сонские* истины именно за границей), учился у одного из корейских наследников линии Мацзу. Потомок происходившего из Южной Кая клана Ким Юсина, Симхый предпочел в эпоху смут укрыться на родине предков в Кимхэ. Он построил свой храм недалеко от бывшей столицы Южной Кая, на горе Поннимсан в окрестностях современного города Чханвон. Обосноваться в этих местах Симхый смог только при помощи местных «начальников крепостей» — происходивших из «деревенских старост» (*чхонджу*) крупных землевладельцев братьев Со Юрхи и Со Чхунджи. Братья Со радостно пожертвовали Симхью и его ученикам землю, поскольку они нуждались во влиятельном посреднике, способном регулировать их отношения с сильным кланом потомков Ким Юсина, и благодетельствованный ими *сонский* монах из Юсинова клана был более, чем кто-либо другой, способен играть эту роль. Кроме того, присутствие знаменитого монаха обеспечило феодалам Кимхэ благосклонность силласких столичных властей. В 918 г. Симхый и 80 его учеников были призваны во дворец объяснять *сонские* истины государю Кёнмёну (917–924), перед смертью лично написавшему текст памятной стелы для Симхыя. После объединения полуострова под властью Корё и прекращения смут покровители школы из рода Со лишились в округе реальной власти, и центр секты был перенесен в монастырь Кодальса в долине р. Хангана (уезд Ёджу пров. Кёнги), ближе к резиденции корёского двора в Кэсоне: ученик Симхыя монах Чханю (869–958) добился от корёских государей такого же почета, как его учитель — от силласких правителей.

Рис. 25. Ступа на могиле Чханю. Сопоружена по распоряжению покровительствовавшего школе Поннимсан корёского государя Кванджона (949–975) уже после смерти последнего, в 977 г. Известна изображениями драконов и Четырех Небесных Царей. Стоит и сейчас на месте давно разрушенного храма Кодальса.

Интересный пример взаимоотношений между центральной властью, местной знатью и *сонскими* монастырями дает школа Сонджусан, центром который был храм Сонджуса в районе бывшей пэкческой столицы Унджина (ныне уезд Порён провинции Южная Чхунч-

хон). Основатель школы, монах Муём (посмертное имя — подвижник Нанхе; 800–888), был потомком Ким Чхунчху в восьмом поколении. Но к концу VIII в., клан его уже официально утратил знатность и считался принадлежащим к сословию *юктупхум*. После долгой (821–845 гг.) учебы в Китае у дхармических наследников Мацзу, Муём возвращается в Силла и строит свой храм, Сонджуса, на наследственных землях Ким Хына (801–847). Ким Хын, дошедший на государственной службе до должности первого министра, был (как сторонник потерпевшей поражение в междоусобице 836–839 гг. «линии Ингёма») вынужден удалиться из столицы и жил в своих родовых владениях на бывших пэкческих землях. Его можно считать типичным членом одной из наиболее значительных групп в среде крупных провинциальных землевладельцев позднего Силла — группы выходцев из среды столичной знати и высшего чиновничества, которых оттеснили в ходе дворцовых смут от центральной власти, оставив им, тем не менее, возможность жить на родовых владениях в провинции. Отличаясь, как правило, хорошим образованием и интересом к китайской культуре, члены этой группы охотно покровительствовали возвращавшимся из Китая сонским мастерам, видя в них не просто духовных наставников, но также и носителей цивилизующего начала.

По мере обретения Муёмом многочисленной паствы на бывших пэкческих землях, интерес к нему начали проявлять и центральные власти, заинтересованные в укреплении расшатанного авторитета в провинции. С особенным почитанием относился к Муёму государь Кёнмун, провозгласивший унджинского монаха своим учителем и даже пригласивший его для последнего наставления к своему ложу перед смертью. Муём всегда подчеркивал, что, хотя с точки зрения учения *чань*, контакты с верховной властью — вещь скорее постыдная, чем похвальная, они все же необходимы «для распространения Пути». Высокая популярность Муёма среди силласцев самых разных сословий объяснялась необычным сочетанием высокой образованности с демократизмом в быту. Муём, с легкостью цитировавший наизусть строки конфуцианских канонов, до самой смерти почти ежедневно работал в поле вместе с учениками, носил грубую одежду и удовлетворялся крестьянской пищей. Открытым для верующих всех уровней было и его учение. Муём любил повторять, что «даже необразованный мужлан может избежать пут суетного мира, ибо Будды и патриархи по рождению ничем не отличаются от простых смертных!» Дхармическим наследником одного из учеников Муёма был известный монах Хёнхви (посмертное имя — наставник Попкён; 879–941), пользовавшийся почетом при дворе Ван Гона и провозгласивший основателя Корё «совершенномудрым» в обмен на обещание последнего «стать рвом и стеной крепости Буддийского Закона» (т. е. покровительствовать *сангхе*).

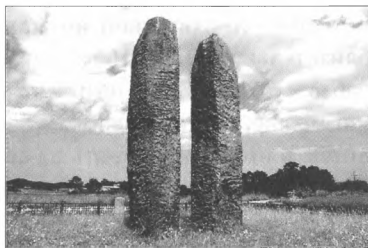

Рис. 26. Пятиэтажная пагода на месте, где некогда стоял монастырь Сонджуса. Эта сооружение занимает центральную позицию в комплексе из трех каменных пагод. Две другие пагоды стоят недалеко от центральной в восточном и западном направлениях. Материал — гранит, высота — 6,6 м. Не исключено, что число этажей этой пагоды связано с влиянием пэкческой традиции: для пэкческой буддийской архитектуры пятиэтажные пагоды были характерны. По сравнению с пагодами VII–VIII вв., стиль этой пагоды кажется значительно упрощенным и менее уверенным. По-видимому, это передавало мироощущение людей

середины IX в. — эпохи нестабильности и смут. Однако нельзя не отметить и гармонической красоты в сужающейся кверху конструкции. Недалеко от пагоды стоит и стела памяти Муёма — выдающийся памятник силлаской буддийской агиографии.

Биография основателя популярной в северо-восточных районах Силла (нынешняя провинция Канвон) школы Сагульсан, монаха Помиля (посмертное имя — наставник Тхонхё; 810–889), многим напоминает историю Муёма. Как и Муём, Помиль родился в семье влиятельных провинциальных аристократов, вытесненных со столичной арены. Один из предков Помиля соперничал за престол с Вонсон-ваном еще в конце VIII в., и, потерпев поражение, обосновался на родовых землях на северо-востоке страны, довольно скоро достигнув значительной автономии от центра. К тому же клану принадлежал и Ким Хончхан, известный сепаратистским мятежом 822 года. Подобно Муёму, Помиль учился в Китае у одного из учеников Мацзу. По возвращении в Силла Помиль построил на родном северо-востоке храм Кульсанса, используя земли и средства своих могущественных родственников, управлявших этими отдаленными местами.

Рис. 27. Каменные колонны для монастырских флагов (*танган чиджу*), стоящие на месте разрушенного монастыря Кульсанса (6 км от центра совр. города Каннин, пров. Канвон). Эти пятиметровые гранитные столбы считаются самыми большими по размеру из всех силласких сооружений подобного типа, что говорит о размерах и богатстве храма. По-видимому, состоятельность монастыря Кульсанса, известного как крупнейший из всех сонских храмов Силла, объясняется тесными связями Помиля с местной элитой.

Столь тесная связь с местной знатью позволяла Помиллю пойти дальше Муёма и не только теоретически утверждать «постыдность» связи с суверенами, но и в реальной жизни твердо отказываться от приглашений посетить столицу и стать государевым наставником. Ученики Помиля, про-

исходившие из менее могущественных семей, занимали, однако, более компромиссную позицию, получая как материальную поддержку от местных «сильных домов», так и символический престиж, ассоциировавшийся со званием «государева наставника», — от силлаского двора.

Не так далеко от сферы влияния Помиля, в районе современных уездов Вонджу и Ёнволь (пров. Канвон), располагались храмы еще одной *сонской* школы, Саджасан. В качестве основателя этой школы почитался выходец из среды крупных землевладельцев севера долины Хангана, наставник Тоюн (посмертное имя — Чхольгам; 798–868), вернувшийся из Китая примерно в одно время с Помилем и также унаследовавший *чань* школы Мацзу. Однако реальным основателем первого монастыря, принадлежавшего школе Саджасан, был ученик Тоюна и выходец из тех же мест, монах Чольджун (посмертное имя — наставник Чинхё; 826–900). Именно он, при материальной поддержке государя Хонгана, основал на горе Саджасан («Гора Льва»; уезд Ёнволь) храм Хыннёнса, ставший центром школы. Однако в смутные времена, когда и храм Хыннёнса, и его основатель подвергались нападениям мятежников-крестьян и разбойничьих шаяк (храм однажды сожгли дотла, а Чольджуна от смерти избавило, согласно его жизнеописанию, только чудо), покровительства безвластного двора было явно недостаточно. Чольджуну приходилось налаживать также отношения с могущественными местными правителями, готовыми помочь в защите школы от опасностей. У Чольджуна было весьма много учеников (около тысячи человек), что помогло распространить влияние школы по всей стране.

Последней из позднесилласких *сонских* сект оформилась школа Сумисан, основатель которой, монах Иом (посмертное имя — наставник Чинчхоль; 870–936), изучал *чань* преимущественно в Южном Китае. По возвращении на родину (909 г.) Иом вначале искал покровительства у кимхэского феодала Со Юрхи, упоминавшегося выше в связи с щедрой поддержкой, оказанной им монаху Симхый и школе Поннимсан. Приблизительно в 915–916 гг., однако, контроль Со Юрхи над регионом ослабевает, храм Иома начинает подвергаться нападениям «разбойников» (возможно, взбунтовавшихся крестьян), и образованному монаху приходится, в итоге, переезжать на север и обращаться за покровительством к Ван Гонгу. При корёском дворе Иом имел большой успех. Известно, что

Рис. 28. Монастырь Попхынса, стоящий сейчас на горе Саджасан (волость Суджу уезда Ёнволь) на месте разрушенного еще в период Корё храма Хыннёнса. Сохранилось надгробие Чольджуна и воздвигнутая в его память стела.

в одной из бесед Ван Гон спросил у наставника, не грешно ли, с буддийской точки зрения, использовать вооруженное насилие для «успокоения смуты» (т. е. борьбы за власть с политическими противниками). Ответ Иома: «К подданным должно относиться с любовью и беречь их жизни, но разве речь здесь идет о разбойничьих бандах?» — хорошо показывает, на какие компромиссы был вынужден идти придворный буддизм в процессе приспособления «неудобных» пацифистских стандартов раннего буддизма к политическим реалиям. После основания на дарованных двором землях в уезде Хэджу (совр. провинция Хванхэ, КНДР) монастыря Кванджоса (стоявшего на горе Сумисан — отсюда и название секты) школа Иома закрепила северную часть долины Хангана в качестве сферы своего влияния. Связь Иома с корёским двором и лично с основателем новой династии имела глубокий персональный характер. Известно, в частности, что, почувствовав приближение смерти, тяжело больной Иом нашел силы посетить Ван Гона (занятого в это время войной против сыновей Кён Хвона) и попрощаться с ним.

В целом, появление в Силла разнообразных *сонских* школ и их распространение в провинциях означали совершенно новый этап в духовной жизни полуострова. Тенденция *сон* искать «просветление» в обыденной жизни и изъяснять сложные философские вопросы в доступной форме, предпочтение, отдававшееся патриархами *сон* устному слову перед сложным письменным текстом, означали, что буддийская метафизика становится отныне неотъемлемым достоянием широких слоев населения, в том числе и низших сословий. Если распространение в провинциях культа Майтрейи и Амитабхи в VII–VIII вв. означало популяризацию буддийского культа, то «*сонская* волна» IX–X вв. вела к широкому и прочному проникновению в массы популярно изложенных основ буддийских доктрин. В результате буддизм становится основой ранне-средневекового культурного комплекса Корейского полуострова, базовым и определяющим компонентом массового сознания формирующегося корейского этноса.

Источники и литература

А) Первоисточники:

1. Ким Бусик. *Самкук саги*. Изд. текста, пер., вступит. статья и коммент. М. Н. Пака / Отв. ред. А. М. Рогачев. М., 1959 (Памятники литературы народов Востока. Тексты. Большая серия. I).
2. Lee, P. H. and de Bary, Wm. T. (eds.). *Sourcebook of Korean Tradition*. New York: Columbia Un-ty Press, 1997, Vol. 1, pp. 116–137.

Б) Литература:

1. Волков С. В. *Ранняя история буддизма в Корее*. М., 1985.

2. Волков С. В. *Чиновничество и аристократия в ранней истории Кореи*. М., 1987.
3. Глухарева О. Н. *Искусство Кореи*. М., 1982.
4. Adams, E. B. *Korea's Golden Age: Cultural Spirit of Silla in Kyongju* (revised edition). Seoul, Seoul International Publishing House, 1991.
5. Gardiner, K. H. J. «Korea in Transition: Notes on the Three Later Kingdoms (900–36)» // *Papers on Far Eastern History*, Vol. 36, 1987, pp. 139–161.

Глава 8

РАННИЙ ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ДИНАСТИИ КОРЁ — ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ БЮРОКРАТИЯ И «СИЛЬНЫЕ ДОМА» (936–1170 гг.)

а) Центральная власть, аристократия и чиновничество в X в.

Родившаяся из смуты позднесиллаского периода и закрепившая свое право на трон на основе компромисса с региональными «сильными домами», новая династия проводила политику бюрократической централизации в обществе, где повседневная жизнь провинции контролировалась крупными землевладельцами и их дружинами. Отряды провинциальных владетелей представляли серьезную угрозу для самого основателя династии и нескольких поколений его преемников на троне. Сподвижники самого Ван Гона, с помощью которых он приступил к созданию бюрократической монархии танского образца, также были землевладельцами разных уровней. Ситуация в обществе, где земля и влияние были монополизированы землевладельческой элитой, делала неизбежными серьезные уступки в централизаторской политике первых государей новой династии.

Достаточно долго провинциальные землевладельцы сохраняли у себя отряды вооруженных слуг, выполнявших функции местной полиции. Большая часть земель «сильных домов» так никогда и не была отнята у них. Под разными наименованиями («поля заслуженных сановников», «дарованные земли», и т. д.) земли эти сохранялись в наследственной собственности знати. Потомки перешедших на сторону Ван Гона местных «полководцев» и «хозяев крепостей» составили большинство высших чиновников при первых правителях Корё. Так как закон позволял носителям пяти высших служебных рангов посылать сыновей на службу без экзаменов, привилегированное положение близких Ван Гону, его сыновьям и внукам местных феодалов наследовалось их кланами. Клань эти обычно были также связаны брачными узами как между собой, так и с государевым двором. По совокупности вышеуказанных призна-

ков — наследственное землевладение (с элементами военно-полицейского контроля над соответствующими регионами), монополизация высших государственных должностей и создание особого «эндогамного круга» в обществе — эта группа крупных и средних землевладельцев на государственной службе может быть, с определенными оговорками, названа «аристократией» (*квиджок*), или «служилой аристократией». Конечно, нельзя забывать о коренном отличии того социального слоя, который мы (за неимением лучшего термина) именуем «аристократией» в Корё, от аристократии в европейских феодальных обществах: в то время, как основным источником престижа и привилегий для крупного землевладельческого клана в Корё была все же государственная служба, европейский аристократ пользовался безусловным престижем по рождению.

Поскольку, в корёской системе важным элементом аристократического статуса, наряду с наследственным имением, был чиновный пост, усиление центрального бюрократического контроля в целом служило интересам аристократии постольку, поскольку не затрагивались ее привилегии. Централизаторские реформы, заходившие «слишком далеко» — скажем, указ об освобождении незаконно поработенных знатью крестьян (956 г.) — вызывали, как правило, недовольство аристократии и приводили режим к кризису. Конечно, социальный состав корёского чиновничества (особенно среднего и мелкого, но в определенной части и крупного) аристократией не ограничивался. Однако именно аристократия занимала господствующие позиции в экономической и политической жизни, что и дает возможность определить корёское общество как «аристократическое». Сложный баланс интересов двора, стремившегося расширить свою социальную опору, и аристократии, желавшей сохранить свои привилегии, но в то же время и нуждавшейся в определенной мере бюрократического порядка, является главной характеристикой политической истории Корё.

Основатель новой династии Ван Гон прилагал все усилия к тому, чтобы укрепить связи с провинциальными «сильными домами» и гарантировать единство страны мирными методами. Для этого он широко использовал брачные альянсы с ведущими представителями местной знати. Первый государь Корё имел 6 главных жен (с рангом *ванху* — «государыня») и 23 второстепенных (с титулом *нуин* — «супруга»). Большей частью эти женщины происходили из ведущих «сильных домов», лояльность которых Ван Гон таким образом обеспечивал. Интересно, что, при этом, принцессы из дома Ван выдавались за представителей местной знати крайне неохотно: Ван Гон опасался претензий на престол со стороны аристократических кланов. Наиболее могущественным местным аристократам присваивалась государева фамилия Ван, что формально делало их членами правящего клана. Так, в род Ван был принят контролировавший регион Мёнджу (нынешняя пров. Канвон) «полководец» Ким Сунсик, военная помощь которого сыграла критическую роль

в разгроме сыновей Кён Хвона в 936 г. Земельные владения местной знати легализовывались обычно как «кормленные земли» (*сигын*, или, чаще, *ногын*), формально «пожалованные» центром тому или иному местному аристократу «за верность. Ближайшие сподвижники Ван Гона могли (с 940 г.) получать землю в центральном районе (окрестностях столицы), «согласно величине их заслуг». Особый интерес Ван Гон проявлял к району Пхеньяна, что объясняется как его стратегическим положением на границе с землями северных племен (киданей, чжурчженей), так и большими возможностями для мобилизации военной силы в этом обширном крае. Ван Гон часто посещал Пхеньян и стремился поддерживать особенно тесные отношения с знатью этого региона. За безопасность Пхеньяна отвечала стоявшая там дружина Ван Синьнёма (?–949) — племянника Ван Гона, безраздельно ему преданного. Ван Синьнём сумел наладить тесные союзные отношения с местной пхеньянской знатью, и воинские силы этого района служили гарантом стабильности в стране в случае дворцовых распрей или сепаратистских мятежей. В Пхеньян насильственно переселялись жители южных частей страны (922 г.), что способствовало смешению населения различных провинций и экономическому развитию северных регионов.

Лояльные Ван Гону местные аристократы часто официально назначались «губернаторами» (*сасимгван*) тех мест, реальный контроль над которыми все равно был в их руках. В то же время новая династия пыталась завязать более тесные отношения и с влиятельным слоем средних и мелких местных землевладельцев. Поскольку большинство из них формально имели чиновные должности или титулы, их часто обобщенно называют «местные чиновники» — *хяни*. С этой целью сыновья или младшие родственники наиболее заметных мелких и средних землевладельцев по очереди приглашались на определенный срок в столицу, где содержались на положении «почетных заложников». Им давалось жалованье, их советы по вопросам управления теми провинциями, из которых они сами были родом, высоко ценились, но в то же время их пребывание в столице было гарантией лояльности их влиятельных родственников по отношению к корёскому двору. Называли таких «представителей с мест» *киин* — буквально «человек из этой [провинции]». Для сбора с мест налогов на содержание двора и армии в провинции на нерегулярной основе посылались эмиссары центра — «хранители налогового зерна» (*чоджан*). Как правило, эту «одноразовую» миссию выполняли лояльные Ван Гону феодалы со своими собственными дружинами. Возможностей постоянно контролировать «чужие» регионы эти «вассалы» государя не имели.

Используя в основном систему Позднего Когурё времен Кунье, но также частично и опыт Силла, Ван Гон разработал систему из 16 официальных чиновничьих служебных рангов. Эти ранги присваивались, как правило, верным новой династии местным землевладельцам с уче-

том их военных возможностей и степени лояльности. Из главных бюрократических институтов раннего Корё интересы монархической власти (т. е. двора Ван Гона и его ближайших сподвижников) отражал в полной мере лишь *Нэбонсон* («Внутреннее Административное Управление»), отвечавшее за издание государевых указов, и *Пёнбу* («Военное Ведомство»), командовавшее дворцовой дружиной. Главный же официальный орган государственной власти, *Кванпхёнсон* (буквально «Ведомство Широкого Обсуждения»), включал в свой состав многочисленных выходцев из местных «сильных семейств» и в значительной мере определял и защищал интересы господствующего класса как целого, т. е. как центральной власти, так и местных землевладельцев. В целом, компромиссная политика Ван Гона обеспечила измученной смутами стране долгожданный мир, но к усилению центральной власти и окончательному оформлению бюрократического порядка не вела. Государь Корё оставался «первым среди равных» и мог править, опираясь лишь на консенсус в аристократической среде.

Период раннего Корё приходится на так называемую эпоху Пяти Династий и Десяти Государств в Китае (907–960 гг.) — время, когда, после гибели Тан, в Китае отсутствовала единая власть и сосуществовали несколько воевавших друг с другом региональных режимов. Военной угрозы раздробленный Китай для Корё не представлял и был интересен как торговый партнер и источник престижа, ассоциировавшегося, по установившейся традиции, с инвеститурой (установлением формального «вассалитета» по отношению к той или иной китайской династии). Ван Гон получил инвеституру (*чхэжпюн*) от режимов Позднего Тан (923–936) в 933 г. и Позднего Цзинь (936–946) — в 939 г. Он всячески поощрял развитие торговых связей и культурных контактов с китайскими территориями.

Потенциальную военную угрозу для Корё могло представлять основанное в 916 г. киданьским каганом Елюй Амбаганем (кит. Абаоцзи) государство Ляо, в 926 г. уничтожившее Бохай и захватившее некогда принадлежавшие Когурё маньчжурские земли. Значительное количество выходцев из Бохая, включая большую группу знати, осело в итоге в Корё. По-видимому, именно влиянием бохайских переселенцев объясняется враждебное отношение Ван Гона к Ляо и ко всем попыткам последнего превратить полуостровную монархию в своего союзника. Кидани дважды посылали к Ван Гонгу послов с дарами в виде лошадей и верблюдов, но реакция корёского правителя была однозначно негативной. Так, весь состав второго посольства (942 г.) был отправлен на морские острова в ссылку, а верблюдов загнали под один из столичных мостов и заморили там голодом. Однако, занятые бесконечными войнами с китайскими государствами Позднее Цзинь, Позднее Чжоу (951–960) и Сун (основано в 960 г.) кидани на тот момент не имели возможности отомстить Корё за провокационный жест. Киданьские нашествия начнут тревожить Корё лишь с конца X в.

Ван Гон умер в 943 г., оставив своим потомкам «Десятичастное наставление» (*Хунё сипчо*) — политическое завещание, которое должно было служить семейным руководством по управлению страной (и, видимо, к широкому распространению не предназначалось). Первым и главным пунктом завещания было утверждение, что управлять государством возможно лишь благодаря мистической помощи будд. В связи с этим потомкам предписывалось покровительствовать монастырям, но в то же время и «направлять» монахов «на путь истинный» в светских делах, не допуская распри внутри *сангхи*. Это предписание наглядно свидетельствует о значении религиозной санкции для власти в глубоко пропитанном буддизмом обществе и о стремлении нового режима контролировать буддийскую общину. В то же время второй пункт предписывал жестко контролировать постройку новых храмов, дабы они не «ослабили бы добродетельные силы земли» (тезис, взятый из популярных тогда геомантических теорий). Основатель династии предостерегал детей, что именно чрезмерно большое количество храмов и погубило Силла. Ясно, что за беспокойством о «добродетельных силах земли» скрывалось также стремление не допустить чрезмерной концентрации земельной собственности в руках монашеской общины.

В других пунктах «Наставления» элементы конфуцианской доктрины сочетались с напоминаниями о политических и культурных особенностях Корё. В противопоставление «дикости» киданей восхвалялись «образцовые» нравы и обычаи Китая, но в то же время утверждалось, что поскольку «природные особенности» у земель и населения Корё иные, то и к местной традиции, хотя бы она и отличалась от китайской, надо относиться толерантно. Особое внимание предписывалось уделять праздничным буддийским церемониям, включавшим также обряды поклонения божествам гор и рек и драконам морей (местным божествам, влившимся в буддийский пантеон). Вполне в духе конфуцианского учения наследникам предписывалось поощрять земледелие, не обременять народ чрезмерными налогами и внимать искренним увещаниям верных подданных. В то же время Ван Гон противопоставлял геомантическим «добродетелям» земель Пхеньяна (на знать которого он опирался) исконную «порочность» территории бывшего Позднего Пэкче и склонность ее насельников к мятежу, запретив приближать последних ко двору и давать им важные посты. Завещание Ван Гона отразило особенности сознания знатного корёсца X в., склонного воспринимать реалии через призму как буддийских и местных геомантических верований, так и конфуцианских догм.

Рис. 29. Могила Ван Гона к северу от бывшей корёской столицы Кэ-сона (ныне — территория КНДР).

После смерти Ван Гона на престол вступил его наследник, известный по посмертному имени Хеджон (943–945). Наследника поддерживала влиятельная клика местной знати во главе с землевладельцем из

уезда Хесон (ныне волость Мёнчхон уезда Танджин пров. Юж. Чхунчхон) преданным и близким соратником Ван Гона по имени Пак Сурхый. У Пак Сурхыя имелся серьезный соперник — аристократ Ван Гю из южной части долины Хангана (уезд Кванджу пров. Кёнги), две дочери которого были супругами Ван Гона, а третья — женой Хеджона. Ван Гю стремился возвести на трон сына Ван Гона от одной из своих дочерей, принца Кванджувона, и всерьез готовился устранить и Хеджона, и его покровителя Пак Сурхыя с помощью вооруженной силы. Как следствие, и государь, и Пак Сурхый шагу не могли сделать без вооруженной охраны: в результате, Хеджон рано скончался, по официальной версии, от сильного нервного расстройства («не был постоянен в гневе и радости», по терминологии того времени). Сразу же после смерти Хеджона Пак Сурхый очутился в ссылке, и вскоре был убит.

Однако здесь в игру вмешался правитель Пхеньяна Ван Синьнём, опасавшийся за свою безопасность в случае победы клики Ван Гю. Дружине Ван Синьнёма удалось возвести на престол второго сына Ван Гона, известного по посмертному имени Чонджон (945–949). Ван Гю, принц Кванджувон и их приближенные были физически устранены. Масштабной жестокой «чистке» подверглась значительная часть столичной знати (былые сподвижники и приближенные Ван Гона), которая подозревалась в нелояльности к новому режиму. Однако обстановка в Кэсоне оставалась по-прежнему тревожной и опасной для молодого (взошедшего на престол в 23 года) *вана*, и он задумал перенести столицу в более надежный Пхеньян. В Пхеньян была насильственно переселена значительная часть кэсонского населения (что вызвало немалое недовольство), пхеньянская крепость — отремонтирована, а из дружин лояльной двору местной знати набрана 300-тысячная «светлая армия» (*квангун*), для обороны от потенциально угрожавших северным районам киданей. Однако очень скоро, в 949 г., Ван Синьнём скончался, а вскоре подозрительно быстро скончался и государь (по официальной версии, его смертельно напугала молния, ударившая по одному из дворцовых павильонов). Власть перешла к его родному брату, известному под посмертным именем Кванджон (949–975), в правление которого в стране начал устанавливаться стабильный порядок.

В ранний период пребывания Кванджона на троне он опирался на дружины Пак Сугёна — землевладельца из северной части долины Хангана, служившего военачальником у Ван Гона и проявившего преданность режиму Чонджона. Вместе с тем с первых же шагов Кванджон начал делать все возможное для того, чтобы сделаться независимым от аристократов и превратить Корё из конфедерации полуавтономных уделов в централизованное государство. Стремясь укрепить свой престиж, он называл столицу Корё «императорским стольным градом» (*хвандо*) и одно время использовал собственный «девиз правления» (что обычно делали лишь китайские императоры). Тем не менее, он установил, с по-

зиции формального «вассалитета», теснейшие отношения с государством Позднее Чжоу и заимствовал целый ряд китайских бюрократических институтов. Позже отношения «вассалитета» и активный культурный обмен продолжались с империей Сун, к 979 г. завершившей объединение Китая.

Кванджон во множестве нанимал на службу китайских ученых бюрократов, которые нередко становились инициаторами реформ. Так, по предложению одного из китайских (чжоуских) иммигрантов в 958 г. была введена просуществовавшая потом практически без перерывов в течение примерно тысячелетия система экзаменов на государственную службу. Экзамены проводились обычно раз в два года по трем классам — словесности (*чесурон*; умение сочинять стихи и прозу на классическом китайском), конфуцианских канонов (*мёнгёнон*; знание основных канонических текстов) и «различных [второстепенных] занятий» (*чабон*; медицина, астрономия, гадание, юриспруденция и т. д.). Самым важным считался класс словесности — с конца X в. ежемесячное сочинение китайских стихов было вменено в обязанность столичным и провинциальным чиновникам. Вначале экзамен состоял лишь из одного испытания в столице, но с первой половины XI в., система усложнилась. Для прохождения экзамена первой ступени на степень *чинса* (кит. *цзиньши* — «продвинутого мужа») стали требовать или прохождения курса в столичном государственном университете, или сдачи предварительных экзаменов в родной провинции. Лица, успешно сдавшие экзамен первой ступени, имели право сдавать экзамен второй ступени (на получение должности), обычно проводившийся во дворце.

Первое время число отобранных было относительно невелико (по самому важному классу, словесности, — 2–3 человека за один экзамен), и основные должности продолжали занимать выходцы из знатных чиновных семей, допускавшиеся на службу «за заслуги предков». Однако с течением времени «удельный вес» чиновников, прошедших через экзамены, значительно увеличился. В XI–XII вв. по классу словесности на экзаменах второй ступени за один раз отбиралось примерно 30 претендентов, которых обычно сразу назначали на служебные посты. Всего за весь период существования династии Корё по этому классу прошло примерно 6300 человек — цвет корёского чиновничества. Условия допуска к экзаменам варьировались в зависимости от периода, но, в принципе, право сдавать их имели, как правило, не только выходцы из чиновных семей, но и свободные простолюдины, а иногда даже и часть «подлого люда» (неполноправного населения). Создавая новый, независимый от аристократического слоя, канал социальной мобильности и приводя на службу преданных конфуцианским идеалам образованных людей разного происхождения, экзаменационная система наносила удар по доминированию полунезависимых местных владетелей («сильных домов») в обществе.

Другой реформой Кванджона, подрывавшей экономическую основу господства аристократии, был закон 956 г. о «проверке статуса рабов», т. е. практически об освобождении незаконно порабощенных в смутное время Позднего Силла и раннего Корё знатью крестьян. Освобождать полагалось всякого, кто не являлся рабом по наследству или не попал в рабство «законным» образом. Ослабляя «сильные дома» экономически, государство одновременно укрепляло собственную налоговую базу. Бывшие рабы, став свободными простолюдинами, начинали платить налоги в казну. По сообщениям источников, никто из сановников — выходцев из среды крупных землевладельцев — открыто против нового закона не протестовал, однако после его принятия режим Кванджона потерял популярность. Это вынудило правителя-реформатора все больше опираться на лично преданных ему чиновников незнатного происхождения (значительная часть из них — китайские иммигранты) и чаще обращаться к репрессивной политике.

Переломным в политике Кванджона считается 960 г., когда, в частности, была заимствована китайская система придворных костюмов, со строгим соответствием каждого цвета определенной группе рангов. С этого времени двор начинает проводить регулярные «чистки» недовольных, часто по доносам, многие из которых, по сообщениям позднейших источников, были ложными. Источники рисуют достаточно мрачную картину: «дети доносили на отцов, а рабы — на господ», «карались даже заслуженные сановники и военачальники прошлых правителей», и, как итог, «тюрьмы были переполнены, и пришлось строить новые временные темницы». Репрессии не миновали и бывших сподвижников самого государя. Трое сыновей Пак Сугёна, некогда ближайшего сподвижника Кванджона, оказались репрессированными, и сам Пак Сугён вскоре умер от острого нервного заболевания (964 г.).

Нервы не выдерживали и у организаторов репрессий. Кванджон, чувствуя себя виновным в мучениях и смерти множества подданных, пытался найти психологическую компенсацию в фанатическом следовании догматам буддийской религии, запрещая, скажем, забой животных во дворце (вместо этого мясо приходилось покупать на рынке!) и тем самым демонстрируя верность принципу ненасилия. В столице строились новые монастыри, с невиданной пышностью проводились буддийские ритуалы. «Благочестие» государя имело и вполне определенную политическую подоплеку: образ правителя как покровителя буддийской веры должен был обеспечить реформам широкую поддержку.

Главными исполнителями реформаторских замыслов выступали, вместе с частью привлеченных на службу мелких корёских землевладельцев, полностью зависимые от государственной службы и милостей двора китайские иммигранты. Их привилегированное положение при дворе и некоторые особенно неосторожные меры Кванджона по

поощрению иммиграции из Китая (так, вновь прибывшим иммигрантам иногда передавались усадьбы репрессированных сановников) вызвали крайнее недовольство среди привилегированного класса: господствовало мнение, что в страну «слетелись бездарные проходимцы с севера и юга». Обстановка в стране все более накалялась, вынуждая двор уделять первостепенное внимание усилению спешно реорганизованного ведомства Дворцовой Охраны (*Чанвибу*). На содержание расширенного государственного аппарата (служителям которого присваивались с 958 г. служебные ранги китайского образца) требовались немалые средства, и впервые в корёской истории нерегулярные до того времени налоги и подати с провинций были систематизированы и упорядочены. Годовой бюджет двора увеличился, по сравнению с временами Ван Гона, почти в 10 раз, но подобное масштабное перераспределение прибавочного продукта в пользу центральной власти не могло не вызвать вражды со стороны крупных и средних землевладельцев, а также связанных с ними крупных монастырей. Предпринятая в 974 г. монахами одного из пхеньянских храмов попытка поднять антиправительственный мятеж (закончившаяся неудачей) хорошо показывает, сколь мощным было сопротивление реформам.

После смерти Кванджона в 975 г. двор взял курс на «разрядку» накалившейся обстановки и продолжение централизаторской политики компромиссными методами. Практически все осужденные были освобождены и реабилитированы. На какое-то время было разрешено лично, без посредства органов государственной власти, мстить доносчикам за репрессированных родных и близких. Однако подобного рода санкция на кровную месть, сильно напоминавшая о временах стычек между местными владельцами в позднесиллакий и раннекорёский периоды, привела к опасным для престижа господствующего клана эксцессам (жертвой мстителей мал даже один из сыновей Ван Гона) и вскоре была отменена. Пришедший к власти старший сын Кванджона, известный по посмертному имени Кёнджон (975–981), приступил к проведению централизаторской политики с мероприятий, встретивших широкую поддержку. Так, в 976 г. как центральным, так и местным чиновникам были розданы (на период их службы) «служебные поля», причем важным критерием величины надела служили «личные достоинства» (что ставило чиновничество в жесткую зависимость от двора). В следующем, 977 г., двор «пожаловал» наследственные вотчины «заслуженным сановникам», что практически означало окончательное признание прав аристократических землевладельцев на их собственность. Отнять эти вотчины двору было не так просто. Даже если сын того или иного аристократа обвинялся в преступлении, треть вотчины (в реальности часто и больше) переходила внуку (за исключением особо опасных государственных преступлений). Вотчины обрабатывались как посаженными на землю рабами, так и (большей ча-

стью) безземельными и малоземельными свободными крестьянами-арендаторами, обязанными, как и во времена Силла, отдавать хозяину половину урожая. Таким образом, двор одновременно узаконил крупное землевладение аристократов и обеспечил землей служилое сословие. Другой важной экономической опорой вотчинников было ростовничество, причем обычно процент достигал 33% годовых; эта практика была легализована указом Кёнджона в 980 г. Несостоятельные должники обращались в рабство, тем самым укрепляя устои вотчинной экономики.

Привлекая на свою сторону симпатий самых разных слоев господствующего класса, Кёнджон одновременно продолжал начатую отцом политику конфуцианизации и китаизации. В Китай начали, как и во времена Силла, посылаться на обучение корёские студенты (976 г.). Государь лично участвовал в приеме экзаменов на должность, что должно было значительно повысить престиж экзаменационной системы — важнейшего из нововведений Кванджона. Вместо китайских иммигрантов (значительная часть которых была изгнана со службы или даже физически уничтожена в первые месяцы после смерти Кванджона) опорой режима Кёнджона стали потомки клана силласких *ванов* (Ким) и сословия *юктупхум* (прежде всего род Чхве). Однако и сопротивление новшествам было, по-видимому, серьезным: именно поэтому, как кажется, и написал рано умерший (981 г.) Кёнджон в своем завещании, что смерть как бы сбросила с его плеч «неподъемную тяжесть».

По-настоящему основы корёской бюрократической системы были заложены преемником Кёнджона, одним из внуков Ван Гона, известным под посмертным именем Сонджон (981–997). Именно при нем Корё стало централизованным бюрократическим государством в полном смысле этого слова. Практически сразу по вступлении на престол Сонджон повелел высшим чиновникам изложить предложения по переустройству государственной структуры. На инициативу трона откликнулся Чхве Сынно (927–989), выходец из Кёнджу, представивший докладную записку из 28 пунктов, где давалась достаточно нелицеприятная оценка предыдущим пяти царствованиям (особенной критике подверглась жестокость и религиозное ханжество Кванджона) и излагались аргументированные предложения по перестройке управленческой системы и определению главных «векторов» государственной политики. Истовый конфуцианец (известный тем, что уже в 12 лет выучил наизусть «Лунь Юй»), Чхве Сынно осудил привилегии буддизма, критикуя эту религию как «непрактичную и эгоцентрическую», ибо целью ее является не благо общества, а личное избавление от страдания в будущей жизни. Лишь конфуцианство, утверждал Чхве Сынно, может служить всеобъемлющей философией государственной и общественной жизни. Чхве Сынно выражал недовольствие активной кре-

дитно-ростовщической деятельностью буддийских храмов, произволом буддийских монахов по отношению к низшим государственным чиновникам (путешествующие монахи позволяли себе избивать служащих почтовых станций за «ленивое обслуживание») и чрезмерными расходами государства на буддийские ритуалы и церемонии.

Чхве Сынно настаивал также на скорейшем создании нормальной системы провинциальной администрации, превентивных мерах против «северных варваров» (киданей и чжурчжэней) и общем упорядочении чиновно-ранговой системы. Идеальное государство в представлении Чхве Сынно несло на себе и отпечаток корёских реалий. Чхве Сынно не считал необходимым полностью и безоглядно заимствовать китайскую систему во всех сферах жизни (скажем, «повозки и костюмы» он предлагал использовать местные) и выступал против слишком частой отправки миссий в Сун, «дабы нас не презирали бы в Поднебесной». Он подверг критике и мероприятия Кванджона по освобождению поработанных землевладельцами крестьян, с ужасом представляя себе ситуацию, когда бывший раб начнет мстить господину или займет в местном обществе более высокое положение, чем клан хозяев.

Предложения Чхве Сынно отражали мировоззрение и социальную психологию корёского среднего и высшего чиновничества — конфуцианских бюрократов аристократического происхождения. Конфуцианская монархия означала для них, не в последнюю очередь, и гарантии их собственного привилегированного статуса. Недаром Чхве Сынно настаивал на том, чтобы государь обращался бы со своими сановниками в строгом соответствии с правилами этикета. Доклад Чхве Сынно, назначенного в 983 г. вице-канцлером Государственной Канцелярии (в 988 г. повышен в должности до канцлера), послужил основой при упорядочении корёской системы.

Рис. 30. Оглавление к главному источнику по истории династии Корё — «Корё са» («История Корё»). Этот монументальный труд из 139 глав составлялся историографами следующей династии, Чосон (1392–1910), на протяжении нескольких десятилетий, был завершён в 1451 г. и опубликован тремя годами позже. В жизнеописании Чхве Сынно, включенном в эту историю, можно найти и большую часть его докладной записки (из 28 пунктов сохранились 22).

б) Система управления и социальные отношения в раннем Корё

На вершине созданной Сонджоном по танским и сунским образцам (но и с учетом силласких прецедентов) административной системы находились три палаты (*самсон*) — Государственная Канцелярия (*Мунхасон*), Дворцовый Секретариат (*Чунсо*, первоначально назывался *Нэсасон*), и Государственный Секретариат (*Сансосон*). Интересно, что, в отличие от китайской модели, в Корё две первые палаты практически функционировали как единое учреждение, известное под сокращенным наименованием *Чэбу*. Восьми высшим чиновникам *Чэбу*, обобщенно именовавшимся *сонджэ*, — канцлеру Государственной Канцелярии (*мунха сиджун*; практически выполнял функции первого министра), двум его заместителям, двум заместителям начальника Дворцового Секретариата (должность начальника Дворцового Секретариата была чисто формальной) и трем их помощникам, — принадлежала основная роль в принятии важнейших решений. Обсуждать (и при необходимости — критиковать) их решения, а также критически оценивать всех вновь назначаемых на тот или иной пост должны были их подчиненные среднего и низшего звена, известные под общим наименованием *соннан*. Акцент на жесткую и нелицеприятную критику, делавшийся архитекторами корёской административной системы, должен был, в идеале, стабилизировать структуру и исключать возможность злоупотреблений властью.

Если *Чэбу* контролировало аппарат управления в целом, принимало решения по основным проблемам и отвечало за отбор кадров на службу, то функции исполнительной власти принадлежали, в принципе, Государственному Секретариату, а точнее — находившимся формально в его подчинении отраслевым министерствам — *пу*. Из них главными считались шесть — Церемоний (*Ебу*; отвечало также за дипломатию и образование), Финансов (буквально «Дворов», *Хобу*; заведовало налоговой системой), Армии (*Пёнбу*), Чинов (*Ибу*; заведовало кадровыми процедурами), Наказаний (*Хёнбу*; заведовало судебной системой, юридическими вопросами вообще, а также официальными реестрами рабов) и Общественных Работ (*Конбу*; отвечало также за дворцовое ремесло). Формально главами этих министерств были министры-*сансо*, но практически важнейшие решения контролировались особыми инспекторами-*пханса*, назначаемыми из числа служащих *Чэбу*. Реальная власть была сконцентрирована в *Чэбу*, поскольку должность главы Государственного Секретариата была номинальной. Практически 25 чиновников *Чэбу* высшего и среднего звена (1–7 ранги), в основном выходцы из аристократических семей, получившие конфуцианское образование и прошедшие через государственные экзамены, играли решающую роль во всех областях управления.

Параллельной *Чэбу* структурой (хотя и несколько ниже по статусу) был созданный Сонджоном в 991 г. Дворцовый Военный Секретариат

(*Чхумильвон*, или, сокращенно, *Чхувон*). Он находился под личным контролем государя и отвечал не только за общее состояние военных (в основном пограничных) дел, но также и за прием докладных записок «на Высочайшее имя» с мест и составление государевых указов и распоряжений. Совместное заседание высших чиновников *Чэбу* и *Чхумильвона* — *тобёнмаса* — было аналогией Верховного Государственного Совета более поздних времен. В основном на рассмотрение таких заседаний выносились военные и пограничные проблемы. Решения, как и на силласком Совете Знати, должны были приниматься только единогласно. Контрбалансом влиянию *Чэбу* и Дворцового Военного Секретариата (оба эти могущественные учреждения были известны под общим наименованием *Чэчху*) был Государственный Цензорат (*Осадэ*, или *Сахонбу*), в обязанность которого входила критика как чиновных злоупотреблений, так и ошибок и недостатков самого *вана*. Цензорат выполнял важные функции, обеспечивая «баланс и контроль» внутри бюрократической иерархии и удерживая государя от проявлений чрезмерного авторитаризма. Бюрократическая система раннего Корё, при всей ее сбалансированности и эффективности, отличалась высокой концентрацией власти и влияния в высшем эшелоне управления. Несколько десятков высших чиновников, в абсолютном большинстве своем выходцев из привилегированных землевладельческих кланов, обладали монопольным влиянием на все сферы управления.

Началом создания системы местной администрации считается 983 г., когда Сонджон, в согласии с предложениями Чхве Сынно, разделил страну на 12 областей (*мок*). Затем система подверглась ряду изменений. Так, в 995 г., после войны с киданями, были заново образованы, по танскому образцу, 10 провинций (*мо*), а области переведены в единицы военной организации. После ряда изменений в завершённом виде (начало XII в.) система провинциального управления выглядела следующим образом. Самой крупной единицей были пять провинций (*мо*) — две центральные (Сохэ на севере и Янгван на юге; между ними располагалась столичная область Кёнги, в определенные периоды также выделявшаяся в провинцию), две южные (Чолла и Кёнсан; названия сохранились до сегодняшнего дня), и одна восточная (Кёджу; западные районы современной пров. Канвон). К провинциям по статусу примыкали два особых пограничных округа (*ке*) — Северный и Восточный. Если в провинции посылались гражданские губернаторы (*анчхальса*), то пограничными округами управляли военные губернаторы (*нёнмаса*).

Основным звеном местного управления были административные единицы «среднего» порядка — управы (*ну*), округа (*кун*) и уезды (*хён*). Этим гражданским управленческим единицам в пограничных округах соответствовали военные протектораты (*тохобу*) и особые военно-административные районы (*чин*). Если в управы, округа и уезды из цен-

тра присылались гражданские чиновники (известные под обобщенным наименованием *сурён* — «местные управители»), то военными протекторатами и особыми районами управляли военные. Особыми административными единицами были три столицы — основная (совр. г. Кэсон), западная (нынешний Пхеньян) и восточная (Кёнджу, бывшая столица Силла). Несколько позже ранг «центральной столицы» (*кён*) был присвоен современному г. Сеулу. Столицы, особенно стратегически важная западная столица, пользовались особыми правами, там располагались дворцы (на случай пребывания там государя) и филиалы ряда центральных административных учреждений. Крупнейшим городом Корё, «государевой столицей» Кэсоном, управлял назначаемый центральной администрацией «городской правитель» — *пуюн*. Центральные чиновники заведовали также делами в каждом из пяти районов (*пу*) и 35 кварталов (*пан*), на которые Кэсон был разделен. В отличие от средневековой Европы, никаких прав на самоуправление кэсонские горожане — купцы и ремесленники — не имели.

Внешне корёская система местного управления кажется всеобъемлющей — административные единицы разного уровня покрывали всю территорию страны. На самом деле, административные возможности династии были ограничены. Из приблизительно 500 округов и уездов правители — главным образом по финансовым соображениям, — посылались примерно в 100 самых крупных; соседние округа и уезды поменьше (их называли *соккун* или *сокхён* — «подчиненный округ» или «подчиненный уезд») управлялись чиновниками крупных административных единиц «по совместительству». Ясно, что один присылаемый из центра правитель — даже с заместителем (*пхангван*) и несколькими помощниками (*соккван*) — вряд ли мог успешно справиться с делами 5–6 округов и уездов в малознакомой местности. В реальности, эффективно исполнять свои обязанности посланец центра мог лишь при помощи «местных чиновников» (*хянни*) — мелких и средних землевладельцев, получавших от центральной власти «местную должность» (*хянджик*) и права на чиновничий земельный надел. Положения о «наделах» для «местных чиновников» легализовывали их земельные владения, восходящие еще к смутным временам позднего Силла.

Основную роль в местном управлении — особенно там, куда центральные чиновники не посылались, — играли представители местных «сильных домов» в должностях *ходжан* («начальник над дворами») и *пуходжан* («заместитель начальника над дворами»). Практика передачи этих должностей по наследству означала признание центральной властью привилегированного статуса того или иного клана в соответствующем районе. «Местным чиновникам» давалось право на официальный общегосударственный символ привилегированного положения — чиновный костюм. Стремясь упрочить связь между местной и центральной элитой, власть поощряла сдачу «местными чинов-

никами» государственных экзаменов и их продвижение в ряды центральной бюрократии.

В целом, если центральная бюрократическая система Корё давала нескольким десяткам высших чиновников аристократического происхождения полный контроль над государственными делами, то система местного управления узаконивала административные прерогативы местной землевладельческой знати. На самом низшем уровне — в селах и деревнях — за уплату налогов и выполнение повинностей отвечали, как и в силлаские времена, старосты (*чхонджан* и *чхонджон*) «административных сел» (*хэнджончхон*). Как и в танском Китае, в Корё — прежде всего при посредстве сельских старост и «местных чиновников» — местные административные органы и Министерство Финансов (*Хобу*) раз в три года составляли «подворные регистры» (*ходжжок*) на все население. Однако на практике «сильные дома» имели возможности укрыть зависимые от них «дворы» от регистрации и налогообложения.

Вооруженной опорой государственного аппарата была армия, подразделявшаяся на столичные (*кёнгун*) и провинциальные (*чухёнгун*) части. В составе столичных частей имелось два корпуса (*кун*) придворной гвардии и шесть соединений (*ви*), отвечавших за охрану столицы и границ; гвардия, как считалось, занимала более высокое положение. Два корпуса-*кун* и шесть соединений-*ви* возглавлялись военачальниками-*санджангун* и состояли из 45 отрядов (*ён*) по тысяче солдат каждый под началом командиров-*чангун*. Всего, таким образом, столичные части имели в своем составе 45 тыс. бойцов; более 3 тыс. из этого числа относилось к офицерскому составу. Офицеры и младший командный состав (около 7 тыс. чел.) получали чиновничьи служебные наделы и относились по сословной принадлежности к привилегированным служилым слоям, хотя и считались стоящими ниже «истинного», гражданского высшего чиновничества. Обычно принадлежность к служилому военному сословию наследовалась; вакансии заполнялись выходцами из рядового состава, «местных чиновников», или богатых крестьян. Наследовалось и звание рядового столичных частей — крестьяне, принадлежавшие к особым «военным семьям», должны были с 16 до 59 лет проводить на службе один год из трех (на этот год они освобождались от налогов и повинностей). По тому же принципу происходило и зачисление в почти 200-тысячные провинциальные части, но статус «провинциальных военных семей» был ниже. В пограничных округах (*ке*) к «военным семьям» причислялось практически все крестьянское население. Провинциальные военные привлекались на службу — а также на строительные работы — по мере необходимости, но, по возможности, в период, свободный от полевых работ (в реальности этот принцип часто не соблюдался). Всего наследственное комплектование давало Корё до 250 тыс. подготовленных военнотружущих.

Рис. 31. Фамильный регистр будущего основателя династии Чосон (1392–1910) — полководца и чиновника Ли Сонге. Составлен в последние годы существования Корё (1390–1391). При династии Корё в регистры вносились не только крестьяне, но и представители привилегированных слоев. Один экземпляр регистра хранился в клане, второй передавался государственным административным органам. В регистр чиновничьей семьи заносились имена и должности предков (до прадеда по отцу и деда по матери), имущество (с указанием, от кого получено в наследство или как приобретено) и имена рабов.

В теории, военнообязанными в Корё были все здоровые мужчины 16–59 лет, в том числе и средние и младшие чиновники (ниже шестого ранга). В случае крупных конфликтов Корё, имевшее приблизительно два с половиной миллиона населения, теоретически могло привлечь на воинскую службу до 600 тыс. человек (хотя и с серьезными негативными последствиями для экономики). Такое количество солдат вряд ли позволяло всерьез соперничать за влияние с северными соседями: у чжурчжэньской империи Цзинь, например, в конце XII в. имелось до 40 миллионов подданных и до 1 млн. потенциальных солдат (включая запасников). Однако численность и технический уровень корёской армии были вполне достаточными для защиты собственно корёской территории в течение довольно долгого времени. С другой стороны, сочетание крестьянских работ с военной службой у рядовых и приниженное положение даже столичных офицеров по сравнению с гражданским чиновничеством были источниками социальной напряженности, вылившейся в итоге в военный переворот 1170 г. В отличие от аристократов Силла, корёские гражданские чиновники (по крайней мере, с конца X — начала XI вв.) обычно не получали даже базовой военной тренировки. От военных их отделяла пропасть не только по статусу, но и в культурном отношении, что еще более обостряло конфликт.

Как же вознаграждалась служба приблизительно трех тысяч гражданских и семи тысяч военных чиновников? Система *чонсигва* («должностных наделов»), впервые установленная в 976 г. (см. выше), а затем несколько раз реформированная (в 998, 1034 и 1076 гг.), предусматривала раздачу служебных наделов всем находящимся на действительной службе (в 998–1076 — и обладателям номинальных должностей) в соответствии с их рангами (их было 9) и степенями (18; каждый ранг включал две ступени). В принципе, жаловался, как и во всех дальневосточных бюрократических монархиях, не надел, а лишь право на налог с него. При этом определенная часть рисового налога с чиновных наделов

(от 0,5 до 2%, в зависимости от качества и урожайности земли) все равно шла в казенные склады.

Пожалование, в теории, не было собственностью получателя и должно было возвращаться в казну с отставкой. В основном жаловались земли в окрестностях столицы, где центральная власть могла предотвратить их незаконную «приватизацию». В пожалование входила как обрабатываемая земля, так и лесистые горные участки («на топливо»). Судя по источникам, непосредственные производители (крестьяне), обрабатывавшие пожалованную землю и платившие, через государственный налоговый аппарат, налог получателю пожалования, лично зависимыми от получателя официально не считались. В то же время реально пожалование могло оставаться за семьей получателя довольно долгое время и после ухода со службы: часть пожалования («поля на прокорм», *кубунджон*) оставалась за отставным чиновником вплоть до его смерти, а затем (в несколько урезанном виде) переходила к вдове и несовершеннолетним детям. На практике во многих случаях (особенно в периоды политических потрясений, когда государственный контроль ослабевал) чиновный клан теми или иными методами присваивал надельные земли, делая их наследственной собственностью (а крестьян превращая в частнозависимых, или, реже, даже в рабов). Выходцы из чиновных кланов и обладатели ученых степеней имели право на особое пожалование («поля для неслуживых», *ханнунджон*) даже если они на службу не поступали.

Высший размер пожалования (скажем, для канцлера Государственной Канцелярии) и низший (для обладателя восемнадцатой чиновной степени) различались примерно в 10 раз, что приблизительно соответствовало и китайским нормам того времени. Получали чиновники дважды в год и рисовое жалование, размер которого также был строго пропорционален рангу и степени. Доход от земельного пожалования и от жалования был приблизительно одинаковый. Одно время корёское правительство пыталось, по китайскому образцу, выдавать жалованье деньгами, но система эта в Корё так и не прижилась (как и денежное обращение вообще). По сравнению с Китаем, где земельные пожалования чиновникам с конца VIII в. потеряли значение, и исчисляемое в рисе жалование часто выплачивалось только деньгами (при династии Сун — даже бумажными деньгами), корёская система была достаточно «отсталой». Впрочем, по сравнению с тогдашней Европой, не имевшей ни системы регулярной выплаты жалования, ни сколько-нибудь организованной гражданской бюрократической службы вообще (все это пришло только во времена абсолютизма, к XVI–XVII вв.), все бюрократические монархии Дальнего Востока, включая Корё, обладали гораздо более сложной административной организацией. Некоторые особенности бюрократического быта времен Корё — порядок прихода на службу в час Змеи (примерно 9 часов утра) и ухода домой в «час курицы» (около

5 часов дня), проводимые каждые пять дней служебные совещания, и т. д. — кажутся вполне «современными» даже сейчас.

Рис. 32. Ворота «гостевой палаты» для чиновников (*кэкса*) провинциальной управы в городе Каннине (пров. Канвон). Возведены при Ван Гоне, в 936 г., позже неоднократно перестраивались. В «гостевой палате» могли останавливаться чиновники, выезжавшие в провинцию по делам службы.

Основную часть богатства служилого аристократического слоя составляли не служебные наделы, а унаследованные от предков (часто еще со времен смут Позднего Силла), дарованные государями или приобретенные частные земли разных категорий («дарованные земли»-*сэджон*, «поля заслуженных сановников»-*конымджон*, и т. д.), известные под общим наименованием «полей вечного пользования» (*ёнъопчон*). Надо сказать, что, хотя формально вся территория Корё считалась собственностью государства (в теории, этого принципа придерживалась любая бюрократическая монархия Дальнего Востока), в реальности крестьяне, как и в Китае в соответствующий период, практически владели своими наделями, передавая их по наследству, покупая и продавая. Государству выплачивался налог, формально считавшийся арендной платой за пользование номинально «государственной» землей.

Согласно исследованиям современных южнокорейских авторов Ли Сонму и Ким Ёнсопа, базовая налоговая ставка обычно составляла 1/10 урожая, но варьировалась в зависимости от качества земли и урожайности надела (по этому вопросу существуют и другие мнения). Владели землей в частном порядке и представители господствующего класса — чиновники и буддийские монастыри. В отличие от крестьян, «заслуженные сановники» (чиновники высших пяти рангов, владевшие полями *конымджон*) и монастыри налогов со своих частных земель не платили и повинностей не несли. Частные земли служилой аристократии и монастырей во многих случаях обрабатывались рабами, составлявшими еще одну важную часть имущества господствующего класса. Рабами становились как военнопленные, так и несостоятельные должники (ари-

стократия и монастыри широко практиковали ростовщичество). В голодные годы распространена была продажа в рабство членов семей. В других случаях имения знати и монастырей могли обрабатывать частнозависимые крестьяне (практически крепостные), искавшие в аристократических имениях или монастырях спасения от разорительных повинностей или произвола чиновников. Наконец, часть земель сдавалась в аренду лично свободным крестьянам соседних селений (арендная плата составляла половину урожая). Крестьяне во многих случаях также арендовали дворцовые земли-*нэджсанджон* и наделы, приписанные к государственным учреждениям (тогда арендная плата составляла четверть урожая). В случае, если сановник проживал в столице, имением заведовал особый управляющий — *чанду*, обычно из числа доверенной клиентелы. Границы имений обозначали особенные каменные столбы — *чансэпхё*, постройка которых обычно осуществлялась с санкции местного чиновничества (выступавшего, таким образом, гарантом частного землевладения).

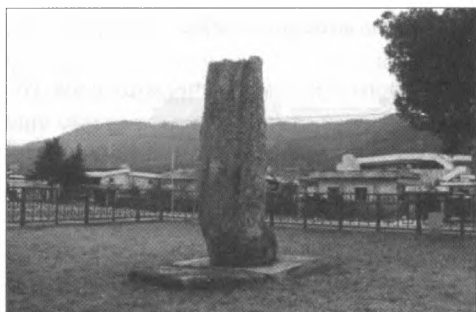

Рис. 33. Типичный корёский *чансэпхё*, обозначавший границы владений одного из крупнейших монастырей — Тхондоса (уезд Янсан пров. Юж. Кёнсан). Поставлен в 1085 г. по согласованию с Министерством Финансов (Хобу). Рубежи монастырских владений обычно отмечали 12 каменных столбов. В Тхондоса до нашего времени сохранились три из них. Полутораметровые столбы

имели не только административные, но и ритуальные функции. Как считалось, они отпугивали от монастырских пределов злых духов.

Кто же мог стать чиновником в Корё? Как уже говорилось выше, с 958 г. чиновничество набиралось через государственную экзаменационную систему, хотя допущение к службе «за заслуги предков» для выходцев из семей чиновников высших 5 рангов по-прежнему оставалось нормой. Всего, согласно исследованиям С.В.Волкова, через экзамены было взято на службу примерно 34% тех корёских чиновников, о которых сохранились биографические данные в источниках. Это несколько меньше, чем в Китае времен династии Сун, где, по расчетам того же исследователя, через экзамены рекрутировалось до половины всех государственных служащих. Это неудивительно — бюрократизация корёского общества была сопряжена с немалыми трудностями. Интересно, что традиционный взгляд на государственную службу как продолжение системы личных отношений в «высшем обществе» давал о себе знать и в самой процедуре экзаменов. В случае успеха экзаменуемый, по корё-

скому обычаю, становился «учеником» экзаменатора-*чигонго* и обязан был звать последнего *чваджу* («хозяин места») и «почитать подобно родному отцу» (что в конфуцианском обществе отнюдь не было пустым звуком). Группа «учеников» одного экзаменатора образовывала обычно «общество одногодков» (*тоннёнхве*). Учитывая официальное положение их членов, подобные общества часто играли серьезную роль во внутренней политике.

Самым верным путем к удаче на экзаменах была учеба в Государственном Университете («Школа Сынов Отечества», *Кукчагам*), продолжившем традиции силлаской Высшей Государственной Школы (воссоздан в 992 г., неоднократно переименовывался). Принималось туда до 300 чел., и еще 300 студентов могло поступить в Высшую Школу (*Тхэ-хак*) — столичное образовательное учреждение более низкого ранга. Как правило, на основные курсы, связанные с изучением конфуцианских классиков и дававшие право сдавать экзамен первой ступени по классам словесности и конфуцианских канонов (что и вело в итоге к службе в центральном аппарате), принимались лишь выходцы из семей чиновников 1–3 рангов (в Государственном Университете) или 1–5 рангов (в Высшей Школе). Были, конечно, и исключения, но, в целом, допуск к высшему образованию (и, соответственно, к чиновничьей службе) определялся принципом наследования. Впрочем, преимущественный прием в высшие учебные заведения для выходцев из чиновных семей был нормой и в сунском Китае. В этом смысле образовательная и экзаменационная системы были не только генератором социальной мобильности (каковым они и должны были быть в теории), но и заслоном на пути продвижения в правящий класс выходцев из неслуживых слоев.

Кроме Государственного Университета и Высшей Школы, в корёской столице, по сунскому образцу, была основана Школа Четырех Ворот (*Самунхак*), в которую брали, как и в Сун, детей чиновников средних рангов (до седьмого включительно) и, в некоторых случаях, талантливых простолюдинов. Конкуренцию трем вышеупомянутым государственным учебным заведениям составляли частные школы, прежде всего знаменитые «девять курсов» (*куджэ*), основанные в столице министром и конфуцианским ученым Чхве Чхуном (984–1068), который и сам несколько раз назначался экзаменатором-*чигонго*. Считалось, что почти все чиновники, успешно сдавшие экзамены в первой половине XI в., принадлежали к школе Чхве Чхуна. Вскоре пример Чхве Чхуна был подхвачен и другими сановниками, прежде всего теми, кто имел опыт работы в качестве экзаменатора, и в столице Корё появилось 12 частных школ (*сибидо*). Принадлежность к той или иной частной школе обычно означала также принадлежность к политической фракции основателя школы и серьезно влияла на дальнейшую карьеру. В первой половине XII в. провинциальные государственные школы (*хянгё*) появились также в большинстве округов и уездов. Они сочетали образовательные и куль-

товые функции, будучи одновременно и храмами в честь Конфуция и его учеников. Принимали в эти школы и детей «местных чиновников», что открывало им путь к карьере в центре. Заведовал образованием непосредственно правитель соответствующего округа или уезда. В целом, образовательная система Корё выполняла поставленные перед ней задачи, давая государству возможность рекрутировать на службу хорошо подготовленных людей с конфуцианским идейным «багажом» (что должно было обеспечить соблюдение минимальной служебной этики), а также предоставляя способным выходцам из «средних слоев» (детям суб-чиновников, «местных чиновников», и т. д.) каналы для социального выдвижения. В то же время, с теми ограничениями, которые были на нее наложены, она не угрожала аристократическим основам общества.

Рис. 34. Таким изображается в современной Южной Корее один из виднейших конфуцианцев Корё, Чхве Чхун, почтительно именовавшийся потомками «корейским Конфуцием». Чхве Чхун был не только начинателем частного образования, но и историком, составителем «истинных записей» (*силлок*) по правлениям семи корёских государей. Был он также и поэтом, великолепно владевшим классическим китайским языком. Известно, что когда в школу Чхве Чхуна заходили знатные и образованные гости, хозяин и ученики развлекались вместе с ними следующим образом. На свече проводилась цапапинка, и, пока свеча не догорала до этой цапапинки, все присутствующие должны были написать по стихотворению. К сожалению, произведения Чхве Чхуна почти не дошли до нас.

Какие же статусные группы, кроме аристократически-чиновной верхушки, существовали в Корё? Теоретически, как и любое классическое дальневосточное общество, корёский социум делился на служилые семьи (верхний слой которых составляла государева семья, родственные ей наиболее знатные кланы, и семьи высшего чиновничества), свободных полноправных простолюдинов (*янмин*) и низшую группу неполноправных и несвободных (*парии-чхонмин*). Свободный полноправный простолюдин мог (не только в теории, но зачастую и на практике), успешно сдав экзамены или выказав особые заслуги на военной службе, «пробиться» в ряды правящего служилого класса. Но для неполноправных простолюдинов социальное продвижение было крайне затруднено (законодательно — практически невозможно, на практике — возможно лишь в периоды потрясений, войн и смут). Среди правящего класса Корё было распространено мнение (отраженное и в знаменитом «Десятичастном наставлении» Ван Гона), что «семья чхонминов отличается от семени свободных людей». Проникновение чхонминов в «нормальное» общество приравнивалось к «загрязнению». Обычно при поступлении на службу кандидат должен был доказать, что среди восьми поколений его предков не было ни одного чхонмина. Не имели чхонмины и права становиться монахами. При браке чхонмина со свободным

простолюдином потомство считалось «загрязненным» и причислялось к *чхонминам*.

Как свободные простолюдины, так и *чхонмины* дробились на ряд категорий. Основную массу свободных простолюдинов составляли крестьяне-*пэкчон*, практически владевшие своими наделами (формально — «государевой землей», но таковой в теории была вся территория государства), платившие приблизительно десятую часть урожая в качестве налога и несшие тяжелый груз податей (в основном полотною) и трудовых повинностей (20–30 дней в году). Последнее было главным их отличием от служилых слоев, от податей и повинностей освобождавшихся. По отношению к крестьянам-*пэкчон* ремесленники-*конджан* считались более низкой группой (в соответствии с идеализировавшими аграрное общество конфуцианскими доктринами). Те из них, кто был приписан к дворцовым мастерским, отработывали 300 дней в году и получали государственное рисовое жалованье. Остальные работали в основном на заказ, поставляя в качестве подати определенное количество изделий и отработывая годовые повинности. Торговцы в основном сосредоточивались в столице, и об их сословном положении информации почти не сохранилось. Возможно, что богатые торговцы (особенно связанные с внешней торговлей), формально принадлежа к свободным простолюдинам, на деле были, наряду с «местными чиновниками» и суб-чиновниками, частью корёского «среднего класса» и имели возможности для социального роста.

К *чхонминам* относились, как и в Силла, прежде всего жители особых дискриминируемых административных районов — *хян*, *пугок* и *со*. Дискриминация объяснялась, как правило, «неверностью» жителей этих мест по отношению к правящей династии (имевшими там в прошлом место восстаниями, и т. д.). В реальности, к *хян* или *пугок* могли относиться, скажем, отдаленные районы предгорий, над которыми не сразу был установлен административный контроль. По отношению к *хян* и *пугок* действовала особая, жесткая, система налогов и повинностей. Им предписывалось, в частности, бесплатно обрабатывать наделы местных учреждений или монастырей и выполнять строительные и ирригационные работы. *Со* были коллективными поселениями ремесленников (прежде всего кузнецов), обязанных отдавать значительную часть изделий в качестве подати и обслуживать местные органы власти. Самим жителям дискриминируемых районов сдавать государственные экзамены или становиться монахами запрещалось.

Наряду с ними, к *чхонминам* относились, разумеется, рабы (*ноби*) — как государственные (например, приписанные к почтовым станциям или переправам), так и частные. Последние — наиболее бесправная и эксплуатируемая часть корёского населения — считались полной собственностью хозяев (прежде всего аристократов и монастырей), имевших право продавать и наследовать их (но не убивать). По официальным

расценкам, мужчина-раб старше 15 лет стоил 100 *пхилей* (рулонов) полотна. Однако, за исключением домашних рабов, находившихся в услужении у хозяев, рабы имели право вести свое хозяйство (большая часть дохода отдавалась хозяину), владеть землей, вести торговлю. Кроме рабов и жителей *хян*, *пугок* и *со*, *чхонминами* считались также представители определенных профессий: мясники (что было связано с буддийскими представлениями об «осквернении» себя убийством живых существ), плетельщики корзин, бродячие музыканты, и т. д. Забегая вперед, следует сказать, что, в то время, как дискриминация в отношении *хян*, *пугок* и *со*, ослабшая к концу Корё, была отменена следующей династией Чосон (в Китае подобные виды дискриминации исчезли уже в Х в.), рабовладение и дискриминация определенных профессий законодательно сохранились до конца XIX в. Официальная дискриминация служила источником социальной нестабильности: к концу XII в., в обстановке смут после военного переворота 1170 г., рабы и неполноправные жители *хян*, *пугок* и *со* начинают подымать одно восстание за другим, требуя равноправия для своих общин или даже уничтожения дискриминации неполноправного слоя вообще.

Что же представляло раннее корёское общество в экономическом отношении? Как и в силлаские времена, корёская провинция жила в целом натуральным хозяйством. На селе устраивались иногда нерегулярные ярмарки-*чанси*, но особенного значения для крестьянского хозяйства они не имели. На приобретение предметов роскоши большая часть непривилегированного слоя не имела средств, а простейшие ремесленные изделия изготавливались умельцами в деревнях или мастерами из ремесленных сел — *со*. Почти не было постоянных лавок и в провинциальных городах (даже в самых больших, таких, как Пхеньян). Ремесленное население работало на государство или, в меньшей степени, на заказ. Единственным центром торговли была столица Кэсон, с ее многочисленным чиновным населением. Кэсон, в отличие от прочих корёских городов, имел постоянные лавки и харчевни. Торговая сфера была тесно связана с государственной администрацией. Многие лавки торговали излишками с государственных или дворцовых складов. Как и в Силла, корёское государство жестко контролировало торговлю. Цены устанавливались и контролировались Ведомством Столичных Рынков — *Кёнси-со*. Установлена была, по ранним китайским образцам, и государственная монополия на добычу и продажу соли. Этим занималось Соляное Ведомство — *Тоёмвон*.

Государство не только контролировало торговлю, но и поощряло ее, поскольку налогообложение торговцев приносило значительный доход. Так, в 1102 г. в Пхеньян были специально направлены чиновники, в обязанность которых входило проследить за устройством в городе постоянных лавок. Контролировало государство и ростовщическую деятельность знати и монастырей, что было вызвано стремлением не допустить

массового разорения крестьянства. Так, в 981 г. запрещено было взимать процент, превышавший в итоге размер самой ссуды. Таким образом, выплата процента (обычно составлявшего 33% годовых) ограничивалась, по сути, определенным сроком. На практике, однако, это положение часто нарушалось.

Так же, как и внутренняя, внешняя торговля Корё была тесно связана с интересами и нуждами государства и господствующего класса. Основным внешнеторговым партнером Корё была Сунская империя. В корёских документах упомянуты более 5 тысяч сунских торговцев и приблизительно 130 торговых миссий. Поскольку упоминаются лишь миссии, представленные ко двору, ясно, что в реальности сунские купцы приплывали в Корё значительно чаще. Корёсцы также плавали к китайским берегам, но в основном торговля производилась китайскими купцами и на китайских судах, так как по размерам и размаху операций корёский купеческий капитал не мог даже отдаленно соперничать с сунским. Сунские купцы — в основном уроженцы близлежащего Шаньдунского полуострова — приплывали к пристани на о. Пённандо в дельте р. Ёсонган, неподалеку от Кэсона. В связи со слабыми возможностями частного корёского капитала, многие крупные сунские купцы предпочитали отдавать свои товары в качестве «подарков» двору (это называлось *сахон* — «частное подношение»), «отдававшему» затем сунских гостей корёскими изделиями адекватной стоимости. Корёский двор был центром как ремесленного производства, так и внешней торговли, что говорит о слабом развитии частной торговли. Двор импортировал из Сун в основном предметы культуры и роскоши — книги (особенно энциклопедии), лекарства (в том числе редкие южно-китайские и вьетнамские), благовония (для буддийских ритуалов), знаменитый китайский шелк, чай (весьма распространенный среди корёской знати и монашества к тому времени), лакированные изделия, и т. д.

За импорт корёсцы расплачивались золотом и серебром (издавна добывавшимися на Корейском полуострове), а также сырьем и простыми изделиями — конопляной тканью, женьшенем, бумагой (корёская бумага очень ценилась в Китае), веерами, кедровыми и сосновыми орехами, и т. д. В целом, торговля двора с Сун оборачивалась усиленной эксплуатацией податного населения (поставлявшего товары для обмена), но для развития корёской культуры имела громадное значение. Через Китай в Корё приезжали и арабские купцы (например, в 1024, 1025 и 1040 гг.), привозившие ртуть, редкие вьетнамские благовония, тропические лекарства, и т. д. Но, в отличие от Сун, органической составной частью арабских торговых путей, связывавших Средиземноморье с Ближним и Дальним Востоком, Корё все же не стало: по сравнению с китайскими товарами, корёские для арабов большого интереса не представляли. В торговле с Корё были крайне заинтересованы японцы, чей доступ к китайским товарам был более затруднен, чем у корёсцев. Однако японские

изделия — ножи, луки и стрелы, седла — особой популярностью в Корё не пользовались.

Что же служило средством обмена в Корё? В деревнях и провинциальных городах ссуды выдавались в основном рисом и конопляным полотном. Эти же средства использовались при покупке ремесленных изделий. В столице, по китайскому образцу, с 996 г. пытались использовать железные монеты, но большого успеха эта попытка не имела, в связи со слабым развитием торговли и обмена. Новая попытка ввести в стране денежное обращение была предпринята в 1102 г. Было отлито 12 тысяч связок медных монеток (в каждой связке — по тысяче 3-граммовых монет), использовавшихся для раздачи жалованья чиновникам. На практике, однако, новые монеты — называвшиеся «обращающееся сокровище Страны к востоку от моря» (*хэдон тхонбо*) — имели хождение лишь в столичных лавках. Для крупных сделок использовались серебряные бутылки весом в 1 *кын* (примерно 600 грамм), с обязательной государственной печатью, называвшиеся *хвальгу* — «широкоротые». Отливались бутылки так, чтобы по форме они напоминали географические очертания Корейского полуострова. Именно их чаще всего отдавали в обмен на сунские товары. В отличие от сунского Китая, бумажные деньги в раннем Корё хождения не имели. В целом, при всей своей ограниченности, корёские эксперименты с денежным обращением имели определенное значение для корейской истории. Впервые, хотя и с большим запозданием, Корея, использовавшая китайские монеты уже в период Древнего Чосона, начала выпускать свою собственную валюту.

Особенностью общественной жизни Корё было довольно высокое положение женщины, унаследованное от Силла. Корёские женщины получали при наследовании родительского имущества равную с братьями долю и сохраняли имущественные права на землю и рабов после вступления в брак. По традиции некоторое время после заключения брака (часто более трех лет) новобрачные жили в доме родителей жены. В раннем Корё господствовала моногамия. Несколько жен могло быть у государей, а наложниц имели лишь высшие представители аристократии. Женщина имела право на развод (но обязана была представить обоснование — скажем, «недостаточную знатность» рода мужа) и повторное замужество в случае смерти мужа (в чиновничьих семьях — после трех лет траура). Дочери наравне с сыновьями приносили жертвоприношения на могилах предков — ситуация, в более поздние времена немыслимая. Муж обязан был почитать родителей жены так же, как и своих собственных (сроки обязательного траура по тем и другим были одинаковыми). Наконец, убийство жены мужем каралось смертью — так же, как и убийство женой мужа или его наложницы. За нанесение жене телесных повреждений полагалось суровое наказание — ссылка или удары палками (в зависимости от тяжести повреждений). Подобная система отношений между полами говорит об относительно низкой сте-

пени конфуцианизации корёского быта, сохранении значительных элементов древнего общества.

Продолжая силлаские традиции, корёское государство уделяло большое внимание развитию и совершенствованию системы медицинского обслуживания. С начала XI в. при дворе уже имелось Аптечное Управление (*Саняккук*) и Медицинское Ведомство (*Тхэыйгам*), обслуживавшие как живших в столице родственников *вана*, так и чиновников высших 5 рангов на службе в центре. С 963 г. существовал государственный приют для инвалидов, хронически больных и нищих (*Чевибо*), с 1036 г. — две государственные больницы в столице (Восточный и Западный «Дома Великого Милосердия» — *Тэбивон*), а с 1114 г. — и государственное ведомство по борьбе с эпидемиями (*Хемингук*). Столичные врачи посылались на службу в каждую провинцию, где существовали государственные медицинские управления — *якчом* (совмещавшие функции больницы и аптеки). Для поступления на медицинскую службу надо было сдать государственный экзамен по медицине (входившей в класс «различных [второстепенных] занятий»). Обычно медицинские знания передавались в семьях врачей из поколения в поколение. Центрами медицинского обучения были также и некоторые монастыри. В Корё активно издавались классические китайские медицинские труды. Они даже экспортировались в сунский Китай. Пример корёских медицинских учреждений показывает, что бюрократическая организация дальневосточного типа позволяла даже небогатому Корё создать относительно сложную и развитую систему здравоохранения.

в) Внешняя политика Корё в X–XI вв.

В конце X в. самой серьезной внешнеполитической проблемой Корё являлось обострение отношений с усиливавшимся киданьским государством Ляо, главным противником которого была китайская империя Сун. Кидани опасались, что Корё, по просьбе Сун, нанесен по ним удар с фланга. Такие предложения Сун действительно делала государю Сонджону в 985 г., но тот предпочитал выжидать, следя за тем, какая сторона оказывается в выигрыше. На предложение киданьской стороны о мире и союзе (986 г.) Корё также не отреагировало, не желая рисковать связями с Сунской империей. Молчание Корё было истолковано киданями как враждебность, и в 993 г. 800-тысячная киданьская армия перешла через пограничную реку Амноккан и вторглась в пределы Корё. Корёсцы — предупрежденные враждебным киданям местным чжурчжэньским населением — заранее приготовились к отражению атаки. Однако численное преимущество и высокие боевые качества конницы позволили киданям разгромить передовые корёские отряды, дойти до р. Чхончхонган и форсировать ее.

Дальше, однако, киданьское войско наткнулось на упорное сопротивление корёской армии и продвинуться не смогло, что вынудило киданьского полководца пойти на переговоры с корёским военачальником Со Хи. Объявив, что Корё — наследник Силла, кидани потребовали от корёсцев «возвращения» когурёских территорий (т. е. корёских земель к северу от Пхеньяна). Очевидно, кидани, как победители Бохая, наследника Когурё, считали бывшие когурёские территории своей «законной добычей». Другое — и важнейшее — требование киданей состояло в разрыве отношений с Сун и признании Ляо номинальным «сюзереном» Корё. Кидани стремились не только возвысить этим свою империю, но и пресечь возможность сунско-корёского альянса. Уступить по первому пункту Со Хи решительно отказался — потеря района Пхеньяна и северного пограничья была бы для Корё слишком большим уроном. Основанием для отказа послужило то, что, как видно уже из названия Корё, династия считала себя наследницей Когурё и не могла отдать «земель предков». По второму пункту Со Хи был вынужден уступить: в 994 г. Корё на несколько лет прервало официальные отношения с Сунами и объявило себя вассалом Ляо, но это произошло после того, как оно получило от Сун подтверждение, что в настоящий момент Сунская империя не может оказать ему содействие в войне с киданями. Однако на развитие частной торговли и культурного обмена между Корё и Сун этот временный разрыв существенного влияния не оказал. Кроме того, ссылаясь на необходимость «расчистить пути» для обменов с Ляо, Со Хи смог в 993–995 гг., не вызывая возражений со стороны киданей, изгнать чжурчжэньское население из районов к северу от Пхеньяна и югу от Амноккана, укрепив корёский контроль над этой территорией. Переговоры Со Хи остались в истории Корё как пример дипломатического искусства.

Формальное «подчинение» северному соседу не избавило Корё от тревог. Предлогом для следующего вторжения киданей послужила вспыхнувшая при корёском дворе в 1009 г. династическая смута. При государе Мокчоне (997–1009), вступившем на престол в 18-летнем возрасте, значительное влияние на политику оказывала мать государя, родом из фамилии Хванбо. Её фаворитом был честолюбивый дальний родственник Ким Чхиян (?–1009), объявивший себя монахом, но в реальности больше интересовавшийся не ортодоксальным буддизмом, а даосской магией и шаманскими культами. От незаконной связи государыни с Ким Чхияном родился сын, которого государыня и хотела сделать следующим государем; Ким Чхиян, чтобы приблизить этот момент, собирался даже убить Мокчона. Мокчон же собирался сделать своим наследником Ван Суна — внука Ван Гона, незаконного сына вдовы государя Кёнджона. Интриги государыни и Ким Чхияна серьезно угрожали этому плану. Насильственно постриженный в монахи, Ван Сун несколько раз подвергался покушениям со стороны агентов Ким Чхияна.

Мокчон — серьезно больной и опасавшийся, в случае своей преждевременной смерти и торжества Ким Чхияна, за будущее династии Ванов, — попросил полководца Кан Джо (?–1010), охранявшего северные границы от чжурчжэней, позаботиться о Ван Суне и его политическом будущем. Кан Джо, сам стремившийся к власти, устранил Ким Чхияна и его клику (был убит, в том числе, и сын Ким Чхияна от государыни), но затем сверг с престола и убил и самого вана Мокчона. На престол возшел Ван Сун, известный по посмертному имени Хёнджон (1009–1031), а реальная власть перешла в руки клики Кан Джо.

Торжество его, однако, оказалось недолгим. Для Ляо все произошедшее давало прекрасный предлог для вмешательства в корёские дела и укрепления «сюзеренитета» над новым «вассалом». В 1010 г. киданьский император Шэнцзун с 400-тысячной армией лично выступил в поход против Корё, дабы «покарать Кан Джо за цареубийство». 300-тысячная армия Кан Джо потерпела поражение на северной границе. Сам цареубийца попал в плен и был казнен. Целый ряд пограничных отрядов и крепостей оказал киданям ожесточенное сопротивление. Так, Пхеньян киданьское войско взять не смогло. Кидани решили идти прямым маршем на Кэсон, оставив в тылу очаги сопротивления. Взятие ими Кэсона в 1011 г. было отмечено небывалыми грабежами и разрушениями. Сопротивление корёских отрядов в тылу — стоившее киданям несколько десятков тысяч убитыми — вынудило в конце концов последних отступить с корёской территории.

В качестве условия окончательного прекращения военных действий и примирения кидани выдвинули личную явку Хёнджона к ляоскому двору с «данью». На это Хёнджон пойти не мог, справедливо опасаясь за свою безопасность. Другое невыполнимое условие, предъявленное киданями корёскому двору — передача империи Ляо шести округов к югу от Амноккана. Округа эти были главной преградой на пути вторжений с севера, и пожертвовать ими Корё не могло. В 1013–1015 гг. кидани пытались захватить спорные округа силой, но больших успехов не добились. Постоянные набеги киданьских войск на северное пограничье подтолкнули Корё к возобновлению официальных контактов с Сунами, что еще более усилило враждебность Ляо. Кульминацией противостояния между двумя государствами был поход киданей на Корё в 1018–1019 гг.

Навстречу сотысячной киданьской армии, перешедшей Амноккан и направлявшейся к корёской столице, выступило более чем 200-тысячное корёское войско под командованием талантливого государственного деятеля и полководца Кан Гамчхана (948–1031) и его заместителя Кан Минчхома (?–1021). Пользуясь хорошим знанием местности, корёские отряды нанесли ряд болезненных ударов по киданьскому войску, уклоняясь от решительной битвы. Несмотря на понесенные потери, киданьский военачальник предпочел продолжать поход на Кэсон, но, встретив

в окрестностях столицы хорошо организованное сопротивление корёской армии, вынужден был отступить. С большим трудом киданям удалось к следующему, 1019 г., пробиться к крепости Куджу к югу от Амноккана, но здесь их уже поджидало в засаде войско Кан Гамчхана. Разгром киданей в битве под Куджу был полным — на родину удалось вернуться лишь несколькими тысячами воинов.

Военная победа над сильнейшей армией Дальнего Востока того времени не могла не поднять международный престиж Корё. Велика была и захваченная Кан Гамчханом добыча. Киданям пришлось забыть о таких требованиях, как «передача шести округов» или «личная явка корёского государя». В то же время и Корё не могло не признать реального соотношения сил, складывавшегося в тот момент в пользу киданьской империи. С 1022 г. отношения между Ляо и Корё нормализовались: Хёнджон признал себя номинальным вассалом киданей, принял киданьскую инвеституру и начал регулярно направлять в Ляо посольства с «данью». Официальные сношения с Сун пришлось на некоторое время прервать (торговля страдала от этого мало).

Рис. 35. Таким изображается в современной Южной Корее Кан Гамчхан. Знаменитый победитель киданей сдал государственные экзамены на гражданскую службу и, строго говоря, не был профессиональным военным. Его назначение на ряд полководческих должностей отражает существовавшую в раннем Корё практику назначения гражданских чиновников на военные должности. То же самое относится к заместителю Кан Гамчхана Кан Минчхому, выходцу из гражданской чиновничьей среды. Выйдя в старости в отставку, Кан Гамчхан увлекся литературой и создал ряд не дошедших до нас произведений на классическом китайском языке. В фольклорной традиции Кан Гамчхан превратился позднее в волшебного героя, не только защищающего страну, но и повелевающего силами природы. Известна, например, легенда о том, как он избавил жителей Кёнджу от надоедливой кваканья лягушек, послав письмо лягушачьему королю.

Стоит отметить, что военные действия не означали прекращения контактов между киданями и корёсцами на неофициальном уровне. В Корё проживало много киданей, которые предпочитали по разным причинам покинуть родину. Корёсцы активно торговали с северными соседями, сбывая им свои ремесленные изделия и получая в обмен отсутствовавшие на полуострове товары (скажем, баранину). Средневековье, в отличие от современности, не знало «тотальной» войны: боевые действия между правящими династиями вовсе не означали обязательную абсолютную враждебность их подданных друг к другу. Война на уровне государств и обмен на неофициальном уровне могли происходить одновременно.

Впоследствии отношения с киданями не раз осложнялись, что ставило страну на грань военного конфликта. Угроза с севера побудила Корё активно заняться освоением северных районов. Стремясь заручиться помощью союзников, Корё активно налаживало отношения с приграничным населением — чжурчжэнями. Их вождям и старшинам давались почетные титулы и должности, их миссии к корёскому двору щедро одаривались, а торговля с их деревнями — поощрялась. Многие чжурчжэни переходили в корёское подданство. Переезжая на жительство в Корё, они получали землю, освобождались на время от налогов и пользовались прочими привилегиями. Так, к первому поколению переселенцев применялось не корёское законодательство, а чжурчжэньское обычное право. Активные обмены с киданями и чжурчжэнями расширяли корёские культурные горизонты и делали Корё полиэтническим государством — продолжателем когурёской традиции.

Другой мерой по обороне от атак с севера было строительство пограничной стены по рубежам Корё (1033–1044 гг.), от устья Амноккана до побережья Японского моря (в районе современного города Вонсана, КНДР). Наряду с этой гигантской стеной, на севере строился ряд крепостей. Туда переселяли население южных районов страны. Эти меры сглаживали культурные, хозяйственные и лингвистические различия между южными и северными районами Корё и способствовали началу формирования гомогенного корейского этноса.

г) Расцвет корёской культуры в XI–XII вв.

Временем экономического и культурного расцвета раннего Корё был период правления Мунджона (1046–1083). Именно в это время были заложены основы административной системы, окончательно утверждены законы, касающиеся чиновничьих наделов, налогов, измерения площади и урожайности полей, наследования крестьянских участков, и т. д. Стабилизация налогообложения позволила Мунджону расширить созданную предшественниками систему государственных резервных складов, куда шла часть рисового налога и откуда крестьяне (под очень низкий процент или даже беспроцентно) могли получить ссуду зерном в неурожайный год. Продолжалась и активная политика на северных границах — «немирные» чжурчжэни «замирялись» вооруженной силой (как произошло, например, в 1079 г.), а более миролюбивые вожди и старейшины переходили в корёское подданство, получая богатые подарки и значительную автономию.

Немалыми были достижения этого периода в религиозной и культурной области. Мунджон разрешил в 1059 г. постригать в монахи по достижении 15 лет одного сына в семье с тремя сыновьями. Монастырям делались богатые пожертвования. Иногда по случаям праздников во

дворце устраивали пиршества для более чем 10 тысяч монахов (1047 г.). В окрестностях столицы строились новые монастыри — в частности, громадный «государев» храм Хынванса («Храм процветания государя») в уезде Токсу к югу от Кэсона (строительство началось в 1056 г. и продолжалось 12 лет). Храмы этого ранга наделялись землей и рабами из средств казны. Процветание не облагаемой налогами монастырской экономики приводило в монастыри торговцев и богатых крестьян, желавших освободиться от повинностей и разбогатеть. Многие монастыри открыто занимались торговлей и ростовщичеством. Их монахи носили мирскую одежду и не отказывались от мирского стиля жизни, не чуждались пьянства и драк. Нарушения дисциплинарных заповедей (*винаи*) побуждали правительство издавать строгие указы о снятии сана с недостойных священнослужителей. Один такой указ был издан Мунджоном в 1056 г.

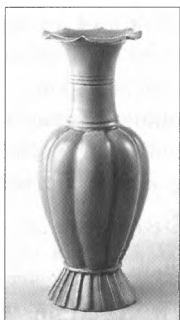

Рис. 36. Фарфоровая ваза вытянутой формы, найденная в могиле государя Инджона (изготовлен в 1146 г.). Подобная форма была типична и для сунских изделий, но прозрачный, ясный голубовато-зеленый цвет корёских сосудов сунские мастера воспроизвести, при всем желании, не могли. По-видимому, сосуд был изготовлен на юге полуострова, в печах на территории современного уезда Канджин.

В период правления Мунджона стабильность способствовала расцвету искусств и литературы. Корё, вслед за Сун и Ляо, начинает производство высокохудожественных изделий для аристократического и монастырского обихода — лакированной посуды с инкрустированным перламутром (*наджон чхильги*), металлических храмовых гонгов (*кымго*), реликвариев (*сарихам*) для мощей буддийских святых, узорной черепицы, бронзовых зеркал, и т. д. Продолжалась силлаская традиция отливки бронзовых колоколов для храмовых служб (*помджон*). Особенной известностью — в том числе и за пределами Корё — пользовался корёский голубой фарфор (*чхонджа*), непревзойденный по нежному зеленовато-серому цвету (символизировавшему буддийский идеал *нирваны* и «Чистой земли») и изящным линиям. Число оттенков этого цвета достигало шестидесяти. Именно в начальный период правления Мунджона (около 1050 г.) корёское искусство изготовления фарфора вошло в период зрелости. Основными потребителями фарфоровых изделий были столичные аристократы, двор и монастыри. Центры производства располагались в столичном регионе и на юге, в современных уездах Пуан и Канджин провинции Чолла.

Развитие в Корё ксилографического книгопечатания (печатания с деревянных досок) позволило осуществить крупнейший культурно-религиозный государственный проект эпохи — издание полного собрания буддийских сутр, комментариев и дисциплинарных правил (*Трипитаки*). Желание корёского двора иметь подобное собрание объясняется стремлением «не отстать от соседей» — империи Сун, первой издавшей *Трипитаку* в 971–983 г., и империи Ляо, издавшей ряд буддийских сочинений и, позже, Трипитаку по сунскому образцу в 1031–1062 г. (в 1063 г. киданьская *Трипитака* была послана в подарок Мунджону). В то же время корёский двор стремился, накопив «кармические заслуги» через издание и чтение сутр, обезопасить себя, силами Будды и буддийских божеств, от нападений воинственных северных соседей. Громадная работа по собиранию, корректированию и изданию буддийских сочинений была начата Хёнджоном в 1011 (по другой версии, 1019) г. Поводом послужил конфликт с Ляо (см. выше), помощи в разрешении которого корёский государь хотел просить у Будды. Частично работа (в основном исполнявшаяся в монастыре Пуинса недалеко от современного города Тэгу) была завершена к 1051 г., когда Мунджон лично провел торжественную церемонию с чтением вновь напечатанной *Аватамсака-сутры*. Полное завершение громадного труда относится к 1087 г. (уже после смерти Мунджона). Впоследствии эта *Трипитака* погибла в огне монгольского нашествия; новая Трипитака создавалась в ходе борьбы с монголами как способ накопления «кармических заслуг» для сопротивления врагам и как символ культурно-религиозного превосходства корёсцев над кочевыми «варварами». Кроме того, в конце XI в. к *Трипитаке* было добавлено собрание силласких и китайских буддийских комментариев, не вошедших в первое издание (*кёджан*).

Прогресс в искусстве, ремесле и книгоиздании был тесно связан с возобновлением официальных контактов с Сун с конца 1060-х — начала 1070-х гг. Ляо в этот момент было ослаблено конфликтами в правящей среде — прежде всего между адвокатами китаизации и приверженцами традиционных местных начал. Мунджон полагал, что, при сохранении ритуального «вассалитета» по отношению к киданьской династии, последняя вряд ли будет активно возражать против сунско-корёских контактов. Корёсцы были заинтересованы в китайских книгах, предметах искусства и роскоши, лекарствах. Их также глубоко интересовали начатые с 1069 г. реформы Ван Аньши (1021–1086), в которых они видели поучительную модель укрепления централизованной государственной власти. С сунской стороны, Шэнь-цзун (1067–1085) в перспективе намеревался заключить союз с Корё в целях борьбы с киданями. При сунском дворе активными сторонниками возобновления контактов с Корё были возглавляемые Ван Аньши реформаторы; консерваторы (особенно знаменитый литератор и государственный деятель Су Ши) видели в приеме корёских миссий лишь лишнее

бремя для сунской казны и подозревали корёских послов в шпионаже в пользу формального «сюзерена» Корё — Ляо. Частые контакты, прежде всего в форме официально-государственной «посольской торговли» (обмена корёских «подношений» на сунские «подарки»), были действительно выгоднее для корёского двора, чем для китайской стороны. Корёсцы получали книги: особенно они ценили необходимые для административной работы и литературного творчества энциклопедии, такие, как *Цзы чжи тун цзянь* («Всеобщее обозрение событий, способствующее управлению»; 1084 г.), и словари. Кроме того, Китай присылал роскошные шелковые одежды, яшмовые изделия, благовония, лекарства (иногда с одним посольством привозили до 100 видов лекарств). Хроническую болезнь Мунджона пытались лечить специально присланные сунским двором придворные китайские медики. В основном именно благодаря обмену с Сун Корё имело прекрасно укомплектованную дворцовую библиотеку (*Осовон*) и хорошую библиотеку Государственного Университета (*Кукчагам*).

Корёсцы посылали сунскому двору золотые и серебряные изделия, бумагу, тушь, женьшень (иногда до полтонны с одним посольством), а иногда и книги — в основном китайские произведения, утерянные в Китае в период смут после гибели Тан. Члены дипломатических миссий — китайских и корёских — практически всегда занимались также и частной торговлей (в Корё к их приезду открывали особый рынок). В корёской столице для сунских дипломатов и купцов имелось более 10 специальных государственных гостиниц (посольства могли насчитывать несколько сот человек). С официальными миссиями пришли в Корё сунская придворная музыка и танцы. Некоторые из них сохранились в корейском дворцовом репертуаре до начала XX в. В целом, корёскую культуру периода ее расцвета сложно представить вне «регионального контекста» эпохи, прежде всего теснейших связей с Северной Сун.

Интересным памятником интенсивных корёско-сунских контактов является «Иллюстрированное повествование о Корё» (*Гао ли ту цзин*), составленное в 1124 г. сунским ученым и дипломатом Сюй Цзином (1091–1153) по итогам его поездки в Корё с посольством в 1123 г. Посольство побывало в Корё незадолго до гибели Северной Сун в 1127 г. После 1127 г. отношения между Южной Сун и Корё свелись к редким миссиям. Сюй Цзин — как и других китайских послов до него — поразило, по контрасту с развитой культурой городской застройки сунского Китая, относительно бедный вид и малый размер корёских городских жилищ. Согласно его записям, в Кэсоне из 10 домов только 1–2 были крыты черепицей. По его впечатлениям, даже в столице почти не использовались монеты. Торговля велась на серебряные бутылки или полотно, процветал также примитивный бартер. Деньги, однако, использовались при покупке лекарств в государственных медицинских управлениях. Это отражало усилия двора по внедрению денежного обраще-

ния в быт, но, как отмечал сунский дипломат, особых результатов данные меры не принесли.

Молодой корёский государь Инджон показался китайскому гостю истинным конфуцианцем, строгим и последовательным в соблюдении этикета, и большим знатоком классических текстов. Восхищение вызвала и дворцовая библиотека Инджона, с великолепным собранием сунских текстов. Устраивавшиеся во дворце лекции по конфуцианской философии казались Сюй Цзину копией с собственно сунских придворных обычаев. Однако китайский посланец был немало удивлен привилегированным положением при дворе представителей нескольких знатных фамилий. Почти с недоверием записывал он рассказы о богатствах высшей знати, владевшей «целыми долинами как своими полями» и хранившей в кладовых «десятки тысяч *цзиней* (1 *цзинь* — около 500 гр.) мяса, сгнивавшего от неупотребления». Необычным для сунского гостя было и влияние буддизма на дворцовые церемонии — во время торжественного государева выхода перед процессией всегда несли буддийскую сутру, якобы магическим образом охранявшую двор и государство. Буддизм, с его неприятием насилия, влиял на корёские нравы и более глубоким образом. Забой скота считался «нечистым» и «недостойным» делом, а смертные приговоры были крайне редки и почти никогда не приводились в исполнение, заменяясь ссылкой. В целом, нарисованная сунским послом картина наглядно показывает как сходства, так и различия в экономике, духовной жизни и обиходе Китая и Корё времен расцвета раннекорёской культуры.

Интересной страницей в корёско-сунских культурно-религиозных контактах были путешествия по сунскому Китаю, предпринятые в 1085–1086 гг. одним из известнейших реформаторов корёского буддизма, ученым монахом Ыйчхоном (1055–1101; посмертный титул — государственный наставник Тэак). Четвертый сын Мунджона, рано постриженный в монахи и принявший обязанности административного главы школы Хваом, Ыйчхон отличался необычной любовью к знаниям и библиофильскими склонностями. Видя, что в Корё недостает буддийской литературы и особенно не хватает сунских сочинений, Ыйчхон стремился пойти по стопам основателя корейского Хваом Ыйсана и совершить путешествие по Китаю. Политическая обстановка, однако, не благоприятствовала его намерениям. Придворные опасались, что визит корёского принца к Сунам осложнит корёско-киданьские отношения. Ыйчхону пришлось инсценировать побег, «тайно» покинув страну на сунском торговом корабле (государь Сонджон, брат Ыйчхона, был, скорее всего, заранее предупрежден).

В Сунском Китае императорская семья и представители реформаторской партии (сторонники Ван Аньши) встретили Ыйчхона с необычной пышностью и почестями, надеясь таким образом укрепить связи с Корё и подготовить почву для совместной борьбы против Ляо. Ыйчхон за не-

сколько месяцев пребывания в Китае объехал практически все основные буддийские центры и завязал контакты примерно с пятьюдесятью учеными монахами — цветом китайского буддизма того времени. Учителем его стал популярный в то время в Южном Китае наставник секты Хуаянь, монах Цзинюань (1011–1088) из храма Хуэйюаньсы в окрестностях Ханчжоу. Цзинюань помог Ыйчхону разыскать в Китае большую часть отсутствовавших в Корё сунских буддийских сочинений. В свою очередь, и Ыйчхон не остался в долгу — после смерти учителя в монастыре Хуэйюаньсы на средства корёского двора были построены новые пагоды и павильоны, так что в итоге весь комплекс получил название «Гаолисы» («Корёский монастырь»). Часть его сохранилась и поныне, являясь вещественным напоминанием о путешествиях корёского монаха почти тысячелетие назад.

Из Китая Ыйчхон вывез более трех тысяч томов отсутствовавших в Корё сочинений. Они вскоре были каталогизированы и изданы в качестве дополнения (*кёджан*) к корёской *Трипитаке*. Каталог и несколько изданных Ыйчхоном сочинений дошли до нашего времени. Другим важным итогом поездки в Китай было знакомство со школой Тяньтай (кор. Чхонтхэ). Она опиралась в доктринальном отношении на *Лотосовую сутру* (*Саддхарма-пундарика*) и активно использовала медитационную практику. Доктрина Тяньтай была известна на Корейском полуострове с VI в. (главным образом, через Пэкче), но последователи этого учения в Корее, в отличие от Китая, никогда не были оформлены в отдельную секту. Ыйчхон, опираясь на сунский прецедент, решает восполнить этот пробел. Главным стимулом тут могло послужить желание Ыйчхона привлечь в новую секту побольше *сонских* монахов и тем ослабить *сонские* группы, традиционно тесно связанные с представлявшими для двора потенциальную угрозу аристократическими семьями. Ыйчхон в 1097 г. организовал секту (орден) Чхонтхэ и вовлек в нее значительную часть *сонского* монашества, что привело *сонские* группы к серьезному кризису. Контролируя две крупнейшие общегосударственные буддийские организации — секты Хваом и Чхонтхэ — Ыйчхон стал непререкаемым лидером в буддийских кругах и не раз использовал свой авторитет и в государственных делах. В частности, именно по его предложению (опиравшемся на сунскую практику) его старший брат государь Сукчон (1095–1105) пытался в 1102 г. ввести в Корё денежное обращение. Деятельность Ыйчхона демонстрирует не только широту сунского влияния на Корё, но и «обратный экспорт» элитарной книжной культуры из Корё в Сун: изданные Ыйчхоном буддийские сочинения (в частности, силлаские буддийские работы, плохо знакомые китайцам) широко распространялись в Китае. Контакты Ыйчхона с Цзинюанем послужили оживлению китайской секты Хуаянь, испытывавшей трудности в конкуренции с *чань*-буддизмом.

д) Корё и чжурчжэни

С конца XI в. важной внешнеполитической задачей корёского правительства стало урегулирование отношений с северными чжурчжэньскими племенами. Чжурчжэни — и прежде всего обитатели территорий к югу от р. Туманган — традиционно считали Корё «старшим государством», т. е. доминирующей силой в регионе. Многие из чжурчжэньских вождей не только посылали к корёскому двору миссии с «данью», но и получали почетные корёские чины и титулы, а часто и переходили в корёское подданство. Именно из Корё к чжурчжэням впервые пришел буддизм — чжурчжэньское слово *тайёла* («буддийский храм») происходит от соответствующего корейского термина, *чоль*. Корёские мастера принесли в чжурчжэньские становища культуру обработки серебра. В то же время «немирные» чжурчжэни причиняли корёским властям немало хлопот — пиратские налеты их боевых лодок тревожили даже бывшую силласкую столицу Кёнджу, отстоявшую достаточно далеко от северной границы (1011 г.). Корёсцы, под значительным влиянием ортодоксальной сунской концепции, рассматривали чжурчжэней как «природных варваров», «зверей в человеческом облике» и потенциальных грабителей. Даже перешедшие в корёское подданство чжурчжэни не пользовались полным доверием корёских властей. Оборона северной границы от «варварских» набегов постоянно оставалась серьезной заботой для кэсонского двора.

К концу XI в. в чжурчжэньской среде возвысился клан *ваньянь* (один из родов, проживавший в среднем течении реки Сунгари, и возводивший свою генеалогию к племенам чернореченских *мохэ* VI–IX вв.). *Ваньяньский* старейшина Уясу стал посылать отряды к корёским рубежам, делая своими данниками чжурчжэньские поселения, уже платившие «дань» корёсцам. Опасаясь нападения Уясу на корёские пределы, Сукчон отправил в 1104 г. известного полководца и государственного деятеля Юн Гвана (?–1111) на «покорение чжурчжэней». Результат, однако, был печальный — в боях с чжурчжэньской конницей корёское войско потеряло до половины личного состава. Юн Гван был вынужден заключить с чжурчжэньским предводителем унижительный мир и отступить. Урок не прошел для Корё даром. По предложению Юн Гвана было срочно сформировано новое, дополнительное, войско — Особая Армия (*Пёльмубан*). В его состав входили кавалерийский (*сингигун*) и пехотный (*синбогун*) корпуса, ряд специализированных отрядов (копейщики, лучники) и подразделения монахов и зависимых монастырских крестьян (*ханмагун*). Новое войско проходило интенсивную тренировку; в его состав принимались не только свободные крестьяне и горожане, но и рабы. Военные расходы государства беспрецедентно возросли.

В итоге, вскоре после воцарения нового государя, Еджона (1105–1122), Юн Гван смог смыть с себя позор 1104 г. В 1107 г. его 170-

тысячная армия пошла походом на чжурчжэньские земли. В результате двух лет боев корёское войско, понеся значительные потери, убило около 400 чжурчжэньских вождей и старейшин, разгромило и сожгло до 150 больших сел и небольших крепостей, отправило в столицу заложниками 346 пленных и основало на чжурчжэньских землях к югу от р. Туманган девять крепостей, населенных корёскими военными поселенцами. Жесткие меры по отношению к чжурчжэням Юн Гван оправдывал тем, что населенные ими земли раньше принадлежали Когурё, а предки чжурчжэней, *мохэ*, были когурёскими «вассалами». Таким образом, нападения чжурчжэней на Корё можно было, якобы, рассматривать как бунт «вассальных варваров» против «законного властелина». Однако Юн Гван захватил в 1107–1108 гг. больше земель, чем Корё могло эффективно контролировать; корёские крепости подвергались постоянным нападениям чжурчжэньских отрядов, и было очевидно, что они не выстоят после отхода главных сил. Поэтому в 1109 г. во время мирных переговоров Юн Гвану пришлось согласиться на требование Уясу о сносе девяти корёских крепостей и возвращении чжурчжэням всех захваченных земель. В обмен Уясу обещал отказаться от атак на корёские земли и исправно платить корёсцам «дань». В конце концов, крепости были снесены, и корёские воины и поселенцы покинули чжурчжэньские территории. Хотя война 1107–1108 гг. территориальных приобретений Корё не принесла, ее результатом стало относительное спокойствие на северных границах.

Дальнейшее развитие событий поменяло действующих лиц местами. Клан *ваньянь* объединил чжурчжэньские племена, и в 1115 г. младший брат Уясу, Агуда, был провозглашен государем новой империи, Цзинь, которая в том же году разгромила киданьские войска и взяла курс на захват северного Китая и установление региональной гегемонии. Корё пришлось отказаться от всех прошлых претензий на сюзеренитет над чжурчжэнями и молчаливо согласиться с тем, что с 1117 г. Агуда величал себя «старшим братом» корёского государя. Окончательно разгромив (в союзе с Сун) номинального «сюзерена» Корё, империю Ляо, в 1125 г., чжурчжэни потребовали от Корё уже официального признания «вассалитета» по отношению к Цзиньской империи. Несмотря на возражения многих влиятельных конфуцианских деятелей, привыкших видеть в чжурчжэнях «пограничных дикарей», фактически правивший в тот момент страной влиятельный вельможа Ли Джагём (?–1126) ответил на чжурчжэньское требование согласием, и Корё продолжило выплачивать чжурчжэням ту же номинальную дань, на тех же условиях, что оно платило до того киданям.

В ходе последовавшей за разгромом Ляо войны между бывшими союзниками, Цзинь и Сун, Корё стояло в стороне, решительно отвергая как предложения Сун об антицзиньском союзе, так и просьбы сунских придворных о посредничестве в переговорах о возвращении плененного

чжурчжэнями императора. В то же время ряд оппозиционных сепаратистских групп в Корё (например, группа Мёчхона в Пхеньяне) занимал жесткую антицзиньскую позицию, и вопрос о взаимоотношениях с чжурчжэнями поднимался в ходе антиправительственных мятежей (см. ниже). Хотя для корёской конфуцианской элиты цзиньцы так никогда и не стали «истинными» и «законными» хозяевами Срединного Государства, формально корёсцы продолжали признавать «сюзеренитет» Цзинь вплоть до разгрома чжурчжэньской империи монголами. Торговые и культурные контакты с Южной Сун были достаточно оживленными, но политического сближения корёсцы избегали, опасаясь гнева цзиньцев. В целом, внешняя политика Корё в деликатной ситуации противостояния и войн между Сун, Ляо и Цзинь демонстрировала высокую степень реализма — умения, пренебрегая стереотипами и формальностями, формулировать и отстаивать государственные интересы. Благодаря гибкой дипломатии Корё избежало разорительных войн с северными «варварскими» империями, сохранив государственную независимость и этнокультурную самобытность.

е) Двор и аристократия в XII в. Военное восстание 1170 г.

В ранний период Корё доминирующей прослойкой господствующего класса оставалась аристократия — несколько крупных землевладельческих фамилий, представители которых из поколения в поколение занимали высшие должности и были связаны брачными узами с государевым кланом и друг с другом. В условиях еще недостаточно упрочившейся власти ванов эти фамилии ожесточенно боролись за влияние, что создавало угрозу стабильности в государстве. На короткое время один или несколько аристократических кланов могли захватить реальную власть, верша дела, скажем, за малолетнего государя. Однако верховная власть ванского клана под угрозу не ставилась. Даже став на практике хозяином во дворце, могущественный аристократ продолжал считать себя верным вассалом правящей династии, ибо иное вряд ли было бы принято как господствующим классом, так и обществом в целом. В то же время и потеря влияния во дворце обычно не лишала аристократический клан земель и сословных привилегий. Наказание несли лишь те из его членов, кто серьезно запятнал себя чрезмерно жесткими действиями в отношении противников. Дворцовые смуты и провинциальные мятежи в ранний период Корё основ государственной системы не затрагивали и опасности для нее не представляли. Подавление той или иной смуты приносило баланс в отношения между могущественными кланами и гарантировало структуре стабильность на несколько десятилетий.

Примером сказанному может служить история клана Ли из Инджу, который приобрел земли и вооруженные отряды еще в период поздне-

силласких смут. Этот клан занял господствующие позиции в центральной бюрократической среде благодаря Ли Джаёну (?–1086), который выдал трех дочерей за Мунджона и дошел по службе до высшего поста — канцлера Государственной Канцелярии (*мунха сиджун*, т. е. первого министра). Сыном одной из дочерей этого предприимчивого сановника и был знаменитый путешествиями в Китае монах Ыйчхон. Все четыре сына Ли Джаёна занимали видные центральные посты, а с внуками его связаны серьезные политические потрясения в Корё в конце XI — начале XII вв. Один из внуков, Ли Джаый (?–1095), воспользовавшись малолетством и слабостью государя Хонджона (1094–1095), попытался с помощью вооруженных слуг свергнуть его и посадить на трон племянника — сына предыдущего государя Сонджона от своей младшей сестры. Если бы замысел Ли Джаыя удался, это означало бы на практике неограниченное доминирование клана Ли из Инджу при сильно ослабленной государевой власти. Переворот, однако, был предотвращен одним из братьев Сонджона, устранившим Ли Джаыя и 17 его видных сторонников и взошедшим на престол (Сукчон; 1095–1105). На некоторое время амбиции клана Ли из Инджу наткнулись на серьезную преграду (Сукчон отказался брать женщин из этого клана в жены), но большинство родственников Ли Джаыя, непосредственно не причастных к попытке путча, сохранили должности и земли.

Более серьезными были покушения на власть со стороны другого внука Ли Джаыя, по имени Ли Джагём (?–1126). Он выдал дочь за государя Еджона (1105–1122), поставил ее сына наследником (будущий государь Инджон, 1122–1146) и выдал за наследника еще двух своих дочерей, что гарантировало ему особое положение в государственной структуре. После смерти Еджона и восшествия малолетнего Инджона на трон честолюбивый Ли Джагём стал практически правителем государства. Он казнил и отправил в ссылку более 50 противников из числа высшего чиновничества, открыл в усадьбе собственное «домашнее» правительство (*Сундокту*) с самостоятельным чиновничьим аппаратом и принимал решения по основным внешнеполитическим вопросам (таким, как, скажем, вассалитет по отношению к чжурчжэньской империи).

После неудачной попытки противоборствующей группировки устранить Ли Джагёма вооруженным путём его «домашние войска» устроили небывалый пожар во дворце и насильственно перевели государя Инджона на жительство в усадьбу Ли Джагёма. Государь стал пленником могущественного сановника. По столице ходили слухи о попытках Ли Джагёма заставить Инджона отречься от власти (что вызывало ожесточенную критику со стороны большинства чиновников) и даже о двух попытках отравить царственного пленника. В конце концов, близким Инджону чиновникам (личному врачу государя Чхве Саджону и другим) удалось переманить на свою сторону одного из командующих «домашними войсками» Ли Джагёма, героя войн против чжурчжэней Чхок Чун-

гёна (?–1144), и арестовать как самого Ли Джагёма, так и его ближайших сторонников. Ли Джагём был отправлен в ссылку, где подозрительно быстро скончался. Но ряд членов его клана, некоторые из которых критически относились к действиям Ли Джагёма, сохранил земли и влияние.

Следующим испытанием для корёской государственности были пхеньянские события 1135–1136 гг., представлявшие собой гражданскую войну в ограниченных масштабах. Начало событиям было положено настойчивым желанием Инджона — крайне напуганного выступлением Ли Джагёма — найти опору в среде провинциальных землевладельцев, и прежде всего пхеньянской элиты, ряд представителей которой твердо встал в оппозицию Ли Джагёму в 1122–1126 гг. Инджон начинает часто навещать Пхеньян, и с 1127–1128 гг. сближается с известным пхеньянским геомантом Мёчхоном (?–1135) — честолюбивым буддийским монахом, больше интересовавшимся оккультными науками, чем буддизмом. Используя геомантические доводы (сожжение Ли Джагёмом столичного дворцового комплекса было подано как следствие «упадка добродетельных сил земли в столице», что противопоставлялось их «расцвету» в Пхеньяне), Мёчхон в 1128 г. убедил государя построить в окрестностях Пхеньяна новый дворец и при нем — громадное святилище восьми буддийско-даоским божествам, якобы охранявшим корёскую землю. Каждое из этих божеств ассоциировалось с одной из известных корёских гор, что свидетельствует о местных шаманистских корнях религиозных представлений Мёчхона, которые в ортодоксальной монашеской среде воспринимались крайне враждебно. Впрочем, аргументация Мёчхона в пользу геомантических «достоинств» Пхеньяна звучала по тому времени весьма убедительно. Так, одним из доводов было то, что Пхеньян, в отличие от Кэсона, стоял на реке (Тэдонган). В геомантической теории это имеет большое значение.

После строительства пхеньянского дворца Мёчхон и его сторонники при дворе (в основном чиновники пхеньянского происхождения) предложили объявить корёского вана Инджона «императором» и Корё — «империей», т. е. государством, равным Сун и Цзинь (1129 г.). В условиях международного кризиса того периода (падение Южной Сун в 1127 г. и т. д.), когда «императорами» объявляли себя многие правители региона (вождь восставшего против Ляо бохайского населения Гао Инчан, основатель кара-китайского государства в Средней Азии Елюй Даши, и т. д.), это предложение звучало не так уж и авантюристично. Однако для Корё, уже объявившего о «вассалитете» по отношению к Цзинь, расторжение «вассальных» связей с чжурчжэнями могло иметь крайне серьезные последствия. Существовала серьезная опасность, что чжурчжэни предпочли бы поход против Корё «потере лица» в международных отношениях. В этой связи, Мёчхон и его сторонники предложили напасть на Цзинь первыми. Однако корёская армия была неспособна

выдержать столкновение с сильнейшим в регионе цзиньским войском, и предложение Мёчхона, будь оно воплощено в жизнь, могло бы привести государство к гибели (победив Корё, чжурчжэни могли бы превратить Корейский полуостров в одну из своих провинций, что и произошло с Северным Китаем). Представляется, что громогласные внешнеполитические лозунги были для группы Мёчхона просто методом приобретения престижа во внутренней политике и не были рассчитаны на реализацию.

Провозглашенный Мёчхоном авантюристический курс на «покорение Цзинь», а также его требование перенести столицу в Пхеньян, угрожавшее положению кэсонской аристократии, серьезно встревожили придворную знать. Главой противников Мёчхона стал влиятельный сановник и известный конфуцианский ученый Ким Бусик (1075–1151; потомок государева клана Силла), сторонник осторожной политики в отношении Цзинь, осуждавший оккультные увлечения Мёчхона с ортодоксально конфуцианских позиций. В конце концов, Ким Бусику и его последователям удалось отговорить государя от переноса столицы в Пхеньян и беспрекословного следования требованиям Мёчхона. Учитывая, что в результате неудачной войны и придворных распр Южная Сун в 1141 г. признала поражение и заключила с Цзинь унижительный договор о номинальном вассалитете и подношении дани, поражение античжурчжэньской группировки при корёском дворе было благоприятным для судеб корёской государственности в широкой перспективе. Борьба с Цзинь в середине XII в., в период расцвета этой могущественной империи, была бессмысленной и могла привести Корё к гибели.

Почувствовав, что теряет влияние при дворе, Мёчхон вместе со своими союзниками и последователями из числа пхеньянской знати (Ю Дам, Чо Гван и другие) поднял открытое восстание, провозгласил основание в Пхеньяне нового «Государства Великих Свершений» (*Тэвижук*) и начал мобилизацию войск и лошадей (1135 г.). Придворная борьба между пхеньянской группировкой и ее противниками переросла в сепаратистский мятеж. Группировка Ким Бусика, получившая неограниченное влияние при дворе, приняла, однако, быстрые и энергичные меры по его подавлению. Сторонники Мёчхона при дворе были казнены, и карательная армия Ким Бусика отправилась в поход на Пхеньян. Быстрое и успешное продвижение войска Ким Бусика на север подорвало у восставших уверенность в победе, и в их среде начались кровавые распри. В конце концов Чо Гван убил Мёчхона и Ю Дама и начал искать примирения с Ким Бусиком, но кэсонские придворные группировки, решив раз и навсегда покончить с пхеньянским сепаратизмом, отказались простить Чо Гвана даже на условиях прекращения мятежа. В результате восставшие, запершись в Пхеньянской крепости, оборонялись около года, и капитулировали безо всяких условий лишь после гибели Чо Гвана во время попытки штурма (1136 г.). Провал мятежа восстано-

вил в придворных кругах Кэсона баланс власти и влияния: свои позиции укрепила группировка Ким Бусика (известного также составлением обобщающего труда по древней истории Кореи, *Самгук саги* — «Исторических записей Трёх государств», в 1145 г.) и ряд союзных ей клик. Все эти клики состояли из высших гражданских чиновников; военное чиновничество было к тому времени отстранено от активного участия в политической жизни.

Ранний период корёской истории заканчивается правлением Ыйджона (1146–1170), при котором существовавшие в раннем корёском обществе противоречия обострились до крайности. Молодой государь и окружавшие его аристократы (прежде всего сын Ким Бусика Ким Донджун) жили в невиданной роскоши. В окрестностях столицы строились — силами мобилизованных окрестных крестьян и солдат — новые буддийские храмы, изготавливалась или покупалась у сунских купцов роскошная утварь, с пышностью проводились буддийские празднества, буддийские и даосские молитвенные церемонии. Часто для строительства новых павильонов и беседок сносились десятки крестьянских жилищ (1157 г.). В то же время основная масса крестьянства страдала от участвовавших трудовых мобилизаций и произвола аристократов, самовольно захватывавших крестьянские земли и делавших лично свободных *янминов* крепостными. Засилье аристократии вызывало недовольство и у военнослужащих. Аристократы часто незаконно присоединяли наделы рядовых солдат к своим хозяйствам, а сами солдаты и их семьи страдали от повинностей и поборов. Офицеры были недовольны отсутствием перспектив для социального продвижения у всякого, не принадлежавшего к аристократической прослойке и не имевшего достаточного положения для поступления в Государственный Университет и сдачи экзаменов на чин. Особое раздражение у офицерства вызывали издевательства со стороны аристократов, видевших в военных что-то вроде личной охраны и часто для развлечения устраивавших — иногда в государственном присутствии — состязания по кулачному бою между военачальниками. Накопившееся недовольство во всех слоях непривилегированного населения начало прорываться в 1160-х годах в виде повсеместных мятежей и восстаний в провинциях (восстания в ряде регионов в 1162 г., мятеж на острове Чеджудо в 1168 г.). В конце концов, основное противоречие раннекорёского общества — между идеалом «регулярной» конфуцианской монархии и реалиями аристократического сословного господства — привело страну к масштабному восстанию военных 1170 г., изменившему ход корёской истории в целом.

Это восстание привело к власти новый, гораздо более широкий круг корёской элиты и суб-элиты, прежде всего офицеров и их дружинников. В этом отношении можно говорить о родственности событий 1170 г. социальному взрыву 889 г., сигнализировавшему крах привилегированной столичной аристократии *чинголь* и выход на историческую арену более

широких слоев местной и низшей чиновной элиты. В обоих случаях речь шла о вооруженном перераспределении власти и собственности (прежде всего земельной) в пользу обделенных аристократическим режимом мелких и средних землевладельцев. Но, в отличие от позднесиласской смуты, после которой централизованная власть не могла укрепиться на Корейском полуострове чуть ли не столетие, восстание военных в 1170 г. достаточно быстро (уже через два десятилетия) привело к формированию стабильного режима военной диктатуры, опиравшегося на более широкие социальные слои, чем аристократическое правительство Ыйджона. Корёское общество уже имело достаточно длительный опыт стабильной централизованной государственности для того, чтобы пережить шок и приспособить сложившуюся в ранний период бюрократическую систему к новым политическим реалиям.

Непосредственным поводом для переворота послужил инцидент в августе 1170 г. Государь и окружавшие его аристократы и евнухи устроили шумную пирушку в одном из монастырей в окрестностях столицы и для забавы приказали охранявшим их военным высокого ранга устроить состязание по кулачному бою. После состязания один из пьяных аристократов — и без того ненавидимый за роскошь и незаконные захваты земель — начал издеваться над проигравшим офицером, надавав ему пощечин под общий хохот знати и евнухов. Подобные случаи бывали и до того — так, могущественный сын Ким Бусика, Ким Донджун, любил для забавы жечь офицерам свечами бороды. Однако издевательство аристократа над старшим по возрасту офицером было, по нравам корёского общества, слишком серьезным оскорблением. Трое старших офицеров — Чон Джунбу (1106–1179), Ли Ыйбан (?–1174) и Ли Го (?–1171) — и до того собиравшиеся устроить переворот и уничтожить придворную аристократию, решили действовать. Подделав государев приказ, они собрали ненавидевшую чванную знать дворцовую охранную гвардию и распорядились «убивать всякого, кто носить гражданскую чиновничью шляпу». Солдаты с радостью принялись за исполнение долгожданного приказа — за несколько дней в столице были перебиты сотни чиновников, от придворной аристократии до писарей в ведомствах. Верхушка бюрократического общества была практически полностью физически уничтожена. Дворцовые сокровища и склады аристократических усадеб подверглись разграблению. Некоторые рядовые военные хотели убить и ненавистного народу Ыйджона с семьей, но новый хозяин столицы, всевластный военачальник Чон Джунбу, предпочел сослать государя с наследником на юг и возвести на престол брата Ыйджона, известного под посмертным именем Мёнджон (1170–1197). Новый *ван* был практически марионеткой в руках могущественных военных командиров. При формальном сохранении правления династии Ван Гона, государи Корё оказались отстраненными от реальной власти почти что на столетие. В корёской истории наступила новая эпоха: в об-

становке небывалой со времен позднего Силла смуты целый ряд социальных слоев начал борьбу за повышение своего статуса.

Источники и литература:

А) Первоисточники:

1. Lee, P. H. and de Bary, Wm. T. (eds.). *Sourcebook of Korean Tradition*. New York: Columbia Un-ty Press, 1997, Vol. 1, pp. 139–205, 217–225.
2. Rogers, M. C. «*P'yonnyon T'ongnok: The Foundation Legend of the Koryo State*» // *The Journal of Korean Studies*, Vol. 4, 1982–83, pp. 3–72.

Б) Литература:

1. Никитина М. И., Троцевич А. Ф. *Очерки истории корейской литературы до XIV в.* М., 1969. С. 5–151.
2. Choi, Byong-hon. «Toson's Geomantic Theories and the Foundation of Koryo Dynasty» // *Seoul Journal of Korean Studies*, Vol. 2, 1989, pp. 65–92.
3. Palais, J. B. «Land Tenure in Korea: Tenth to Twelfth Centuries» // *The Journal of Korean Studies*, Vol. 4, 1982–1983, pp. 73–205.
4. Rogers, M. C. «National Consciousness in Medieval Korea: The Impact of Liao and Chin on Koryo». — Rossabi, M. ed. *China Among Equals: The Middle Kingdom and Its Neighbors, 10th–14th Centuries*. Berkeley: University of California Press, 1983.
5. Shultz, E. J. «Military Revolt in Koryo: The 1170 Coup d'Etat» // *Korean Studies*, Vol. 3, 1979, pp. 19–48.

Глава 9

ПОЗДНИЙ ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ДИНАСТИИ КОРЁ: ВЛАСТЬ ВОЕННЫХ, МОНГОЛЬСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ И БОРЬБА С НИМ (1170–1392 гг.)

а) «Смутное время» конца XII в. Диктатура клана Чхве и борьба с монгольской агрессией в первой половине XIII в.

Политическая история Корё после драмы 1170 г. предстает продолжавшейся около четверти века непрерывной чередой переворотов, контр-переворотов, мятежей, бунтов и восстаний. Смута истощала производительные силы страны, накладывала невыносимое бремя как на незащищенные низшие слои населения, так и на привилегированную элиту, вынужденную постоянно рисковать имуществом и жизнью среди беспощадных кровавых схваток. В то же время политический кризис

конца XII в. был для всех социальных слоев и временем новых возможностей. Если подвергавшиеся до 1170 г. жесткой и унижительной дискриминации профессиональные военные получили доступ к высшей власти, богатству и привилегиям, то и для их дружинников — часто выходцев из маргинальных слоев — открылись немыслимые ранее возможности для социального выдвижения и обогащения. В то время, как многие видные представители гражданского чиновничества пали жертвами погромов и «чисток», низшие и средние бюрократы постепенно приватизировали «под шумок» свои служебные наделы в провинции, а заодно и превращали немалое число лично свободных крестьян в полукрепостных или крепостных арендаторов (*чонхо*). Расширили — за счет никем не ограничиваемой теперь скупки земель, а то и прямого захвата крестьянских наделов, — свои угодья и монастыри, а также целый ряд богатых «местных чиновников» и деревенских старост.

Одним словом, в обстановке смут в Корё утвердилась характерная для развитого средневекового общества поместно-арендная система землевладения и землепользования, при которой основная часть общественного продукта производилась безземельными (или малоземельными) лично зависимыми (крепостными или полукрепостными) арендаторами, сидевшими на частновладельческих землях. Сословие лично свободных податных крестьян *янинов* продолжало играть в обществе определенную роль, но значительно менее важную, чем в ранний период. Чиновники превратились после 1170 г. в сословие землевладельцев-аристократов, для которых чиновная служба стала просто способом облегчить захват земель и работников. Если к высшим сословиям средневековой Кореи вообще можно применить понятие «феодалы» (это — вопрос достаточно спорный), то наиболее справедливым было бы охарактеризовать таким образом землевладельцев позднего Корё, с их поместьями (*нонджан*) и дружинами (*кабён* — «домашние войска»).

Смутами пытались воспользоваться и непривилегированные слои населения. В ходе многочисленных восстаний «подлые» из особых дискриминируемых районов (*чхонмины*) часто добивались повышения статуса и перевода в категорию *янинов*. Множество крестьян, горожан и рабов, присоединяясь к дружинам того или иного военного лидера, совершали социальный «рывок», немыслимый в предыдущую эпоху. Статус зависимого арендатора (вынужденного отдавать около половины урожая хозяину) обрекал крестьянина на вечное полуголодное существование, но во многих случаях избавлял от произвола и вымогательств со стороны местных чиновников, от бремени трудовых мобилизаций и поборов. Жестоко эксплуатируя зависимых крестьян, крупные частные землевладельцы — передававшие свои угодья по наследству — были более заинтересованы в поддержании и развитии производительных сил деревни, чем правительственные чиновники, чей срок службы в одной местности не превышал трех лет. Недаром во многих случаях *янины* са-

ми просили о переходе на положение зависимых к тому или иному влиятельному землевладельцу или монастырю (это называлось *тхут-хак* — «отдать себя»), не в силах выносить больше бюрократический произвол.

Первые годы после переворота были ознаменованы беспрецедентной социально-политической нестабильностью и жестокой фракционной борьбой. Пришедшие к власти военные лидеры, истребляя друг друга, пытались поставить каждый свою клику в центр нового нарождавшегося порядка. Сразу после путча 1170 г. триумvirат Чон Джунбу — Ли Ыйбан — Ли Го захватил неограниченную власть, получив от марионеточного «вана» все возможные высшие чины и должности, как военные, так и гражданские. Но коллективная диктатура оказалась нестабильной формой власти. Первой жертвой фракционной борьбы стал убитый Ли Ыйбаном Ли Го (1171 г.). После этого главным органом власти дуумvirата Чон Джунбу — Ли Ыйбан стала «Главная Палата» (*Чунбан*), традиционный совещательный орган корёской армии, наделенный теперь политико-административными функциями. Чон Джунбу, Ли Ыйбан и их присные активно принялись за передел земельной собственности в свою пользу и в пользу своих дружинников, вызвав тем самым широкое сопротивление со стороны как части «старых» аристократов (чьи земли часто конфисковали для последующего перераспределения среди военных), так и широких масс населения.

Уже с 1172 г. начались народные волнения на традиционно неспокойном северо-западе, а в 1173 г. военный губернатор одного из особых пограничных округов, Ким Бодан, поднял мятеж с целью восстановить Ыйджона на престоле. Мятеж был подавлен, а ссыльный Ыйджон — убит в Кёнджу людьми Ли Ыйбана. Желая уничтожить в корне все возможности для реставрации прежней власти, военные сразу же после этого мятежа организовали масштабную «чистку» бывших гражданских чиновников, заменяя их на всех уровнях военными, а часто также грабя и убивая. «Военный террор» вызвал ряд новых восстаний провинциальных администраторов, опасавшихся за свое будущее. Из этих выступлений выделяется своим масштабом мятеж пхеньянского губернатора Чо Вичхона (1174–1176 гг.), в котором участвовали до сорока округов и крепостей. Сам мятеж был подавлен относительно быстро (за полтора-два года), но волнения на северо-западе продолжались до конца 1170-х гг. Организаторы карательного похода на Пхеньян — клика Чон Джунбу — воспользовались этим событием также и для устранения руками вооруженных монахов Ли Ыйбана и его сторонников (1174 г.). После этого Чон Джунбу на пять лет сосредоточил в своих руках диктаторскую власть и активно использовал эту возможность для захвата крестьянских земель, обогащая себя и дружину. На фоне общего недовольства произволом нового диктатора в 1176–1177 гг. вспыхивает восстание «подлых» (*чхонминов*) в дискриминируемом поселении ре-

месленников (*со*) в уезде Конджу (современная провинция Южная Чхунчхон) под руководством Мани и Мансои. Армия восставших взяла несколько уездных городов, разгромила трехтысячный карательный отряд и потребовала от правительства прекращения дискриминации в отношении их района. Интересно, что Чон Джунбу согласился выполнить это требование и перевел родную округу Мани в разряд регулярных уездов. Не удовлетворившись этим, восставшие продолжили борьбу, истребляя местных чиновников и монахов, и были разгромлены с большим трудом. Вскоре по их примеру на борьбу поднялись *чхонмины*, рабы и крестьяне в целом ряде южных уездов. Восстания конца 1170-х гг. сыграли значительную роль в смягчении дискриминационных практик по отношению к обитателям *хян*, *пугок* и *со*, заложив основу для их последующей отмены.

В 1179 г. мало популярный диктатор Чон Чунбу был свергнут и убит 26-летним военачальником Кён Дэсыном — выходцем из влиятельной «старой» семьи, не принимавшим активного участия ни в путче 1170 г., ни в последующих «чистках» и фракционной борьбе. В течение четырех лет своего правления (1179–1183 гг.) новый хозяин страны проводил разумную и осторожную политику, приближая к себе образованных выходцев из числа «старой» бюрократии и ограничивая, произвол военных. Итогом стало крайнее недовольство «новой» военной элиты, державшее Кён Дэсына и его группировку в постоянном напряжении — каждый день можно было ожидать нового путча. Не прекращались и бунты крестьян и особенно рабов в южных провинциях (особенно в плодородном уезде Чонджу, современная провинция Северная Чолла). В обстановке нестабильности Кён Дэсин был вынужден опираться прежде всего на личную гвардию (*Тобан*) из нескольких сотен беззаветно преданных ему бойцов («солдаты-смертники» — *саса*). Пользуясь своим привилегированным положением, бойцы личной гвардии правителя могли безнаказанно захватывать крестьянские земли.

После ранней смерти Кён Дэсына и краха его режима в 1183 г. его дружина, вызывавшая зависть и ненависть со стороны других групп правящего класса, была расформирована и подверглась ряду карательных мер (конфискации, ссылки). В следующем году к власти пришел новый диктатор, военачальник Ли Ыймин, остававшийся у руля правления вплоть до 1196 г. Ли Ыймин, неграмотный выходец из низших слоев населения (его мать была монастырской рабыней, а отец — мелким торговцем), выдвинувшийся благодаря способностям к рукопашному бою (*субак*) и активно участвовавший в истреблении гражданских чиновников в 1170 г. и подавлении выступлений Ким Бодана и Чо Вичхона, привел с собой во власть таких же, как он, честолюбивых рядовых военных, стремившихся к быстрому обогащению за счет «старой» знати и крестьянских земель. Однако в то же время с режимом Ли Ыймина сотрудничало уже довольно много образованных выходцев из «старой» бюро-

кратической элиты, без которых неграмотный диктатор не мог управлять страной.

Произвол и грабежи Ли Ыймина, его братьев, родственников и дружинников спровоцировали к началу 1190-х гг. ряд восстаний по всей стране, особенно в юго-восточной провинции Кёнсан. Выступление жителей города Кёнджу в 1190 г. власти не могли подавить несколько лет и в конечном счете пошли на компромисс с восставшими. К похожему способу диктатура Ли Ыймина собиралась прибегнуть и в отношении крупных крестьянских восстаний в той же провинции в 1193 г., возглавлявшихся монастырским служкой Ким Сами (уезд Чхондо) и крестьянином Хёсимом (уезд Ульсан). После того, как карательные отряды понесли несколько позорных поражений от восставших, Ли Ыймин вступил в тайные сношения с их лидерами, собираясь даже использовать их боевые возможности для усиления собственной власти. В конце концов, однако, режим нашел средства подавить эти выступления; в ходе карательных операций погибло более семи тысяч крестьян. Широкомасштабные выступления стоили населению немалых жертв, но давали и определенные результаты — постепенно уходила в прошлое дискриминация по отношению к жителям *хян*, *пугок* и *со*, богатые крестьяне утверждали свои права на землю.

В 1196 г. Ли Ыймин был свергнут и убит полководцем Чхве Чхунхон (1150–1219), основавшим стабильную «параллельную» династию правителей, которая распоряжалась реальной властью в стране более полувека, правя от имени сидевших на троне безвластных потомков Ван Гона. Чхве Чхунхон — образованный выходец из «старой» служилой семьи — стремился положить конец анархии, укрепить и консолидировать господствующий класс как целое и обезопасить его позиции от крестьянских выступлений. Для достижения этой цели он выбрал путь компромисса между «старыми» корёскими бюрократическими порядками и «новой» реальностью. Он планировал создание дуальной структуры, в которой над гражданской бюрократической системой господствовала бы «надстройка» в виде аппарата военной власти и которая была бы способна бороться с крестьянскими протестами и гарантировать собственность и привилегии всех членов господствующего класса. Необходимая для исполнения этих планов стабильность могла, с его точки зрения, быть обеспечена лишь беспощадным устранением оппонентов, что и было сделано в 1196–1197 гг., сразу после его прихода к власти. Истреблению подверглись все родственники Ли Ыймина и 36 ближайших соратников бывшего диктатора; еще большее число неугодных было отправлено в ссылку. Земли и имущество репрессированных обогатили нового правителя и дружину. Не церемонился Чхве Чхунхон и с государями. Четыре государя-марионетки сменяли друг друга на престоле по воле Чхве Чхунхона, процарствовав в общей сложности не более 15 лет, и лишь пятый, известный по посмертному имени Коджон (1213–1259), су-

мел — во всем следуя линии дома Чхве Чхунхона вплоть до конца 50-х гг. XIII в. — избежать изгнания из дворца и потери престола. Чхве Чхунхон казнил даже своего младшего брата, чьи амбиции, с точки зрения диктатора, угрожали стабильности режима. Самовластный правитель постоянно опасался заговоров и покушений — целый ряд крупных землевладельцев пытался, хотя и неудачно, составлять заговоры с целью устранения автократического режима (1209 г., 1217 г. и т. д.).

Не менее серьезным был и вызов со стороны непривилегированных слоев населения. В самом начале правления Чхве Чхунхона, в 1198 г., в столице был раскрыт заговор рабов. Его организатор, раб по имени Манджок, утверждал, что вопреки господствовавшим в корёском обществе идеям, рабы ничем не отличаются по рождению от свободных («разве рабье семя существует отдельно?»), приводя в качестве примера случаи, когда рабы по отцу или матери становились дружинниками военных диктаторов или даже диктаторами (Ли Ыймин). Раскрытие заговора стоило жизни более ста его участникам; весь инцидент, в то же время свидетельствует, что в ходе смут конца XII в. раннекорёская словесная система вступила в полосу кризиса. Уже в следующем году восстали крестьяне на востоке и юго-востоке страны; режиму Чхве Чхунхона, неспособному расправиться с этим весьма организованным и масштабным выступлением чисто репрессивными мерами, пришлось искать компромисса с крестьянскими вожаками и удовлетворить часть требований последних. Проявленная властью уступчивость дала импульс к новым выступлениям: восстанию рабов в Хапчхоне (пров. Кёнсан) в 1200 г. (подавлено местными землевладельцами), сепаратистскому мятежу провозгласивших своим лозунгом «возрождение Силла» кёнджуских землевладельцев и крестьян в 1202–1203 гг. и т. д. «Умирение» провинции требовало от нового режима значительной гибкости: в целом ряде случаев требования восставших (устранение дискриминации по отношению к тому или иному району, наказание коррумпированных чиновников, и т. д.) частично удовлетворялись, а их лидеры включались в ряды вассалов дома Чхве. В этом смысле определенная стабильность, достигнутая новой диктатурой к концу 1210-х гг., основывалась не только на истреблении потенциальных соперников в столице, но и на удовлетворении стремлений ряда провинциальных групп к повышению их социального статуса.

Политическим механизмом, обеспечивавшим доминирование дома Чхве, была особая система «чрезвычайных» властных институтов, «надстроенная» над регулярной бюрократической машиной. Прежде всего, вооруженной опорой режима служила более чем трехтысячная личная гвардия военного правителя, получавшая жалование из средств клана Чхве (владевшего обширными поместьями в южных частях страны), но в то же время на практике имевшая возможность и обогатить себя за счет захвата крестьянских земель. В то же время земли и рабы, не-

законно захваченные дружинниками режима Ли Ыймина, были при новом режиме частично возвращены прежним хозяевам. На политическом уровне, интересы новых правителей выражал и защищал *Кёджон Тогам* — особый орган власти, выполнявший полицейско-прокурорские функции (раскрытие заговоров против дома Чхве, расправа с политическими противниками), но также обладавший абсолютными полномочиями в кадровых и целом ряде других вопросов. Главой этого органа по наследству становились потомки Чхве Чхунхона по прямой линии (формально их назначал на эту должность ван Коджон).

Окончательно военный режим оформился при сыне Чхве Чхунхона, Чхве У (известен также как Чхве И; ?–1249), организовавшем в своей усадьбе в 1225 г. особое Политическое Управление (*Чонбан*) из лично преданных ему конфуцианских бюрократов; новый орган власти заведовал всеми кадровыми перемещениями. Новый правитель активно пользовался также советами конфуцианских ученых из организованного при его усадьбе в 1227 г. совещательного органа — Управления Литературы (*Собан*). К 20-м гг. XIII в. гражданские чиновники и ученые восстановили свое положение во властных структурах. Ряд крупных конфуцианцев того времени — потомок Чхве Чхуна писатель Чхве Джа (1188–1260), поэт и писатель Ли Гюбо (1168–1241) и другие — установили с Чхве У тесные личные отношения, признав себя вассалами нового правителя и получив высшие чины и возможность продвигать своих учеников по службе. К военным вассалам Чхве У относились, кроме гвардейских командиров *Тобана*, и офицеры «Трех Отдельных Корпусов» (*Самбёльчхо*) — «домашнего войска» клана Чхве, выполнявшего полицейские функции в столице и провинциях. В целом, новая система в значительной степени преодолела характерные для раннего Корё противоречия внутри правящего класса, предоставив как гражданским, так и военным чиновникам возможности для социального роста. В отличие от современного режиму клана Чхве (и типологически сходного с ним) военного правительства (*бакуфу*) Минамото Ёритомо в Японии (1192 г.), корёская военная диктатура шире использовала бюрократические структуры, контролируя — с помощью собственно военной «надстройки» — подбор и распределение кадров в регулярной административной машине.

В экономическом отношении при диктатуре клана Чхве продолжались процессы развала централизованной надельной системы, концентрации земель в руках крупных землевладельцев (духовных и светских), обезземеливания значительной части крестьянства и перехода его на положение лично зависимых арендаторов. Владельцами крупнейших поместий с тысячами арендаторов стали сами правители из клана Чхве и их ближайшие вассалы, а также тесно связанные с ними столичные и провинциальные монастыри (в основном секты *сон*). Переход к поместно-арендной системе в сельском хозяйстве способствовал повышению

производительности труда и развитию примитивных форм рыночных связей: владельцы крупных поместий стремились изъять как можно больше продукта для приобретения предметов роскоши и раздач дружине, а поэтому поощряли технические усовершенствования, распашку целины и т. д. Но в то же время в маленьком Корё, с его относительно небольшим земельным фондом, поместная система была крайне нестабильной. Отношения земельной собственности прямо зависели от расстановки политических сил: каждый новый переворот, каждая новая «чистка» приводили к перераспределению значительной части земельного фонда (прежде всего в плодородных южных районах), «перетряскам» в управлении поместьями и, в итоге, непроизводительной растрате прибавочного продукта. Нестабильности способствовало и недостаточное юридическое оформление новой системы поземельных отношений: во многих случаях новые правители и их дружинники захватывали земли по праву сильного. Их владения, никак не оформленные юридически, могли быть с легкостью изъяты властями при любых политических изменениях. В целом, доминирование властных, политических отношений над отношениями собственности, задерживавшее развитие хозяйства и в сунском Китае, еще сильнее сказывалось на экономике Корё. В ней присутствовали рудиментарные рыночные элементы, но их влияние сказывалось меньше, чем в сунской системе: корёские поместья по большей части оставались автаркическими «государствами в государстве» и сбывали на рынке лишь незначительную долю прибавочного продукта. Характерный для Сун денежный обмен с использованием бумажных денег и векселей в Корё времен режима Чхве распространения не получил.

Развитие Корё при диктатуре клана Чхве первоначально шло в благоприятных внешнеполитических условиях. Вплоть до 1210-х гг. бесспорными гегемонами Восточной Азии были противостоявшие друг другу чжурчжэньская империя Цзинь и государство Южное Сун. Оба соперника находились на похожем этапе социально-экономического развития; в то же время Цзинь добилась военного превосходства над Сун, что обеспечивало военно-политическую стабильность номинальным вассалам чжурчжэней, в том числе и корёсцам. Однако с конца XII в. ситуация начала меняться в связи с прогрессом в объединении монгольских племен, достигнутым вождем одного из монгольских родов, Темучжином (Чингисханом). В 1206 г. на знаменитом курултае у истоков реки Онон Темучжин был провозглашен верховным правителем Монголии. К тому времени новое государство было уже достаточно централизованным, обладая жестким военно-административным делением и регулярной стотысячной армией. Конное войско закаленных в непрерывных междоусобицах степняков, связанных как традициями родоплеменной солидарности, так и новым, очень суровым общегосударственным законом (за трусость одного воина в бою смертью кара-

лось все подразделение), было серьезнейшей угрозой для империй и государств Восточной Азии.

Сделав в результате успешного похода тангутское государство Си Ся своим вассалом (1210 г.), Чингисхан провел в 1211–1216 г. победоносную кампанию против чжурчжэней, взяв 862 цзиньские крепости, в том числе и цзиньскую столицу Пекин (1215 г.). Под контроль монгольских военачальников подпала значительная часть покоренного ранее цзиньцами Северного Китая, а монгольская армия обогатилась самой передовой по тому времени чжурчжэньской осадной техникой и вооружением. В состав полков Чингисхана влились представители самых разных этносов (китайцы, чжурчжэни, кидани, тангуты и т. д.), увеличив монгольское войско численно, обогатив его технически и превратив в сильнейшую армию Восточной Азии. Важным последствием всех этих событий для Корё было освобождение маньчжурских киданей от чжурчжэньского господства и кратковременное воссоздание ими к северу от корёских границ своей государственности под руководством военачальника Елюй Люгэ (1211 г.). В 1215 г. это новое государство было атаковано монгольскими армиями. Не выдержав их ударов, киданьские части переправились через пограничную реку Амноккан и начали грабить северные корёские территории, вплоть до Пхеньяна. Это неожиданное вторжение с трудом было отбито в 1216 г. корёским полководцем Ким Чхвирё (?–1234), но в 1218 г. под ударами монгольской армии кидани вторглись снова и дошли до уезда Кандон (провинция Южная Пхёнан). Разбить их Ким Чхвирё смог лишь с помощью монгольских войск и подчиненных монголам формирований чжурчжэньских перебежчиков (1219 г.).

В качестве платы за помощь монголы потребовали от Корё признания вассальной зависимости и выплаты огромной дани. Корёское правительство, однако, отнюдь не собиралось немедленно покоряться «невежественным варварам», все еще воспринимавшимся как дикое окраинное племя. В 1225 г. монгольский посол, который вызвал в Корё всеобщее возмущение пренебрежением к конфуцианскому этикету, и его свита были ограблены и убиты на корёской границе. Скорее всего, это было дело рук многочисленных в тех местах разбойничьих или повстанческих формирований, но монгольские власти решили, что посол был убит по наущению корёского двора, и прервали с Корё все отношения.

Монголы приступили к покорению Корё после смерти Чингисхана (1227 г.) и воцарения его сына Угедея (1229 г.), в ходе войны (1230–1234 гг.) с чжурчжэньской империей Цзинь, которая уже была полностью разорена их предыдущим походом 1211–1216 гг. Ведя в 1230–1233 гг. бои за подчинение Ляодуна, монголы послали в 1231 г. отдельный экспедиционный корпус под командованием Саритая на покорение Корё. Броском на юг монгольская конница разгромила главные силы ко-

рёской армии и к концу 1231 г. дошла до Кэсона и осадила корёскую столицу. Однако ряд крепостей на севере страны — в том числе стратегически важная крепость Куджу (современный город Анджу в пров. Юж. Пхёнан) — так и не был взят монголами. Война с самого начала приобрела партизанский характер. В ней активно участвовали не только подразделения регулярных войск, но и части, сформированные из рабов, дискриминируемых жителей *хян, со* и *пугок*, и даже крестьян-повстанцев. В ходе общенародного сопротивления завоевателям размывались границы между дискриминируемыми жителями *хян, со* и *пугок* и полноправными *янминами*, возникало чувство этнокультурной солидарности между населенниками различных районов страны.

Несмотря на отдельные успехи в боях с захватчиками, боявшийся разрушения столицы диктатор Чхве У, пошел на временный компромисс с Саритаем, и монгольское войско отошло, оставив в Корё 72 «губернатора» (*дарухачи*) и потребовав выплаты непропорционально огромной дани (в том числе ремесленниками и женщинами для монгольских гаремов). Но как только монголы покинули страну, Чхве У сразу же отказался от своих обязательств и взял курс на сопротивление степнякам (последовательно проводившийся им несколько десятилетий). Монгольские «губернаторы» были перебиты, а двор и клан Чхве эвакуировались на неприступный для степной конницы остров Канхвадо в Желтом море (окрестности современного города Инчхон), где столица Корё находилась до 1270 г. В том же, 1232 г., войско Саритая снова устроило карательный поход на «взбунтовавшихся» (с точки зрения монголов) корёсцев. Но в этот раз завоевателей постигла серьезная неудача. Они не смогли взять Кэсон, а при осаде крепости Чхоинсон стрелой корёского монаха-воина был убит и сам полководец Саритай. Монголы отступили на Ляодун, отложив завоевание Корё до более благоприятного момента. Так началась борьба корёсцев с Монгольской империей.

Остров Канхвадо, куда из Кэсона были насильно переселены многие жители, был неприступной крепостью, которая снабжалась продовольствием и припасами по морю. Закрепившись там, клан Чхве и государев двор приказали корёским военачальникам на материке при приближении монгольских войск уничтожать продовольственные запасы в деревнях. Двор требовал до конца защищать крепости, избегая лобовых схваток вне стен на открытой местности, в которых монгольская конница имела бы заведомое преимущество. Рекомендовалось также вести неустанную партизанскую войну с завоевателями, используя преимущества пересеченной гористой местности. Подобная тактика позволила двору вести поразительно долгую для небольшого полуостровного государства — три десятилетия — войну с несравненно более сильным противником. Но она не могла спасти от разорения крестьянство и предотвратить разграбление городов и монастырей. В огне монгольского нашествия погибла большая часть культурных памятников эпохи Трех госу-

дарств и Объединенного Силла, рукописная и ксилографическая литература этого времени.

Следующее (третье по счету) нашествие на Корё монгольские войска под предводительством полководца Тангу совершили после полного разгрома империи Цзинь и одновременно с «Великим походом на Запад» (т. е. Русь и европейские страны) — в 1235–1239 гг. На сей раз они дошли до южных районов полуострова. Беспощадному разграблению подверглись житницы Корё — плодородные долины провинций Чолла и Кёнсан. В огне пожаров погибали памятники буддийской культуры, в том числе хранившаяся в монастыре Пуинса недалеко от города Тэгу корёская *Трипитака* (1237 г.), а также знаменитый символ объединения полуострова под властью Силла — девятиэтажная пагода монастыря Хваннёнса в Кёнджу (1238 г.). *Трипитака* — символизировавшая объединявшее корёсцев и отделявшее их от шаманистов-монголов буддийское учение — была, за счет невиданных усилий, восстановлена на острове Канхвадо в 1236–1251 гг. (сейчас деревянные доски этого издания хранятся в монастыре Хэинса). Восстановление *Трипитаки* должно было, по замыслу Чхе У, не только воодушевить корёсцев на борьбу с «язычниками-варварами», но и умножить «кармические заслуги» государства, тем самым облегчив победу над врагом.

Народная воля к сопротивлению захватчикам, к которой апеллировал режим клана Чхе, позволяла корёсцам одерживать отдельные победы. Так, небольшие отряды захватчиков были успешно разгромлены гарнизонами и населением уездов Онян и Тэхын (современная провинция Чхунхон). В то же время укрывшиеся на острове Канхвадо главные силы корёской армии избегали генерального сражения с монголами, поскольку реальных возможностей противостоять численно превосходившей корёское войско монгольской тяжеловооруженной коннице у них не было. Однако монголы, не имевшие флота, также не могли штурмовать Канхвадо. Поняв, что война заходит в тупик, монголы в итоге отступили, но с целым рядом условий, в число которых входила выдача им сына корёского государя в заложники, наказание антимонгольски настроенных корёских сановников, возвращение столицы в Кэсон и т. д. Корёсцы послали им двух государевых родственников, ложно назвав их «государевыми сыновьями», но после вывода монгольских войск практически отказались от выполнения всех прочих требований. Монголы во главе с полководцем Амоганем совершили на Корё еще одну (четвертую по счету) карательную экспедицию в 1247–1249 гг., но и она не заставила корёсцев выполнить монгольские требования.

Новый этап наступления на Корё, так же, как и на другого противника монголов, Южную Сун, начался в 1251 г., с приходом Мункэ на великоханский трон. Прелюдией новой кампании против Корё была экспедиция 1253–1254 гг., принесящая монголам ряд поражений. Так, монгольскую осаду успешно выдержала крепость Чхунджу, среди за-

щитников которой было немало казенных рабов (за их заслуги они были после впоследствии освобождены и пожалованы должностями). Новый (пятый по счету) крупномасштабный поход на Корё был начат полководцем Чэлодаем в 1254 г. и был особенно болезненным для ослабленного уже бесконечной войной Корёского государства. Тактика Чэлодая заключалась в планомерном опустошении плодородных южных провинций Корё и массовом уничтожении или уводе в плен трудоспособного населения, что должно было подорвать снабжение острова Канхвадо продовольствием. Только в течение 1254 г. в плен попало более 200 тысяч корёсцев; еще большее число было убито завоевателями. По выражению летописца, «мертвые кости покрывали равнины»; страна была полностью разорена, и снабжение Канхвадо оказалось под угрозой. В условиях развала хозяйственной жизни, эпидемий и голода возрастало и недовольство режимом Чхве, который был неспособен защитить страну от врага и в то же время собирал высокие налоги с обнищавшего населения. Корёские полководцы в северной части страны (Чо Хви, Тхак Чхон, и другие), видя бесперспективность дальнейшего сопротивления и недовольство населения, перешли на сторону врага. Учитывая, что монголы начали строить флот для десанта на остров Канхвадо, придворные сановники (в основном гражданские) выдвинули предложения по прекращению войны путем принятия, хотя бы частично, требований противника.

Однако клан Чхве и его приближенные, многие из которых были выходцами из низов общества и выдвинулись в борьбе с монголами, отказывались от капитуляции. В результате конфронтации во властных кругах последний правитель из клана Чхве по имени Чхве Ый был в 1258 г. убит командирами «Трех Отдельных Корпусов», за спиной которых стояли гражданские сановники. В 1259 г. придворный совет во главе со старейшим гражданским сановником, известным литератором Чхве Джа (в свое время он сыграл значительную роль в упрочении власти клана Чхве, но теперь изменил курс), решил начать с монголами переговоры о мире. Корёскую миссию возглавил наследник престола, вскоре официально вступивший на трон (Вонджон; 1260–1274). В переговорах с Хубилаем (официально занимал великоханский престол с 1260 г.) корёской миссии удалось добиться относительно почетных условий. Монголы согласились не настаивать на немедленном возвращении корёской столицы в Кэсон, ограничиться вассалитетом Корё, не посылать туда новых *дарухачи*, и даже выдать корёсцам некоторых наиболее ненавистных предателей-перебежчиков. Причины «щедрости» Хубилая были просты — он желал укрепить свой тыл на северо-востоке для войны за окончательное подчинение отчаянно сопротивлявшейся Южной Сун (она была полностью разгромлена лишь в 1279 г.) и в перспективе использовать Корё как плацдарм для наступления на Японию. Кроме того, героическое тридцатилетнее сопротивление корёского народа дало мон-

гольским правителям понять, что безоговорочной капитуляции от Корё все равно ожидать не приходится. В этом было непосредственное значение корёского сопротивления монголам: не имея шансов на победу над превосходящими силами противника, корёсцы тем не менее добились в итоге для страны определенной автономии в рамках Монгольской империи. Кроме того, в ходе сопротивления монголам крепло этногосударственное самосознание корёсцев, чувство этнокультурной солидарности между различными сословиями и районами страны.

Однако и после падения режима клана Чхве и заключения формального мира с Хубилаем принятие корёсцами вассалитета по отношению к монголам проходило отнюдь не гладко. С точки зрения монголов, вассалитет подразумевал перепись населения, мобилизацию военнообязанных на поход против Японии и создание в Корё сети монгольских почтовых станций (*ям*); однако, с точки зрения многих корёских сановников, особенно военных, принятие всех этих требований означало потерю государственного достоинства. Особые возражения среди командиров «Трех Отдельных Корпусов», которым принадлежали основные заслуги в свержении диктатуры клана Чхве, встретили унижительные, с их точки зрения, требования посылки членов *ванского* клана в Пекин заложниками. Вплоть до конца 60-х гг. XIII в. в связи с трениями в среде корёской элиты возвращение двора в Кэсон постоянно откладывалось, что начало вызывать серьезные подозрения у Хубилая. Корёские военные даже предлагали убить монгольских послов и продолжить сопротивление. Разногласия в придворной среде привели в конце 60-х гг. XIII в. к кровавым столкновениям между противостоящими военными группировками. Вонджон вновь утвердился в 1270 г. на престоле, опираясь исключительно на поддержку монгольской охраны, которая сопровождала его после визита к Хубилаю. Началась новая эпоха: ваны использовали монголов, бывших противников, для подавления сопротивления военных клик и укрепления пошатнувшегося за время почти столетнего господства военных диктаторов авторитета центральной государственной власти.

Меры, предпринятые ваном для подавления сопротивления в военной среде, не могли не вызвать недовольства у главной воинской силы двора на острове Канхвадо — «Трех Отдельных Корпусов». В 1268–1270 гг. Вонджон устранил именно их командиров за оппозицию промонгольской линии двора. В конце 1270 г. *ван*, одновременно с приказом об окончательном возвращении двора в Кэсон, распорядился распустить «Три Отдельных Корпуса». В то же время распространились слухи, что двор намерен передать список бойцов этих корпусов монголам, которые якобы собирались репрессировать наиболее активных участников антимонгольского сопротивления. Страх перед перспективой монгольской «чистки», а также укрепившиеся за десятилетия сражений антимонгольские настроения, побудили отборные части к открытому бунту. Воз-

главляемые офицером Пэ Джунсоном бойцы «корпусов» сожгли списки личного состава, захватили значительную часть государственной казны, объявили захваченного ими во дворце члена государева клана «истинным» государем и пригрозили смертью каждому, кто покинет Канхвадо ради возвращения в Кэсон. Однако очень скоро под ударами монгольских отрядов бунтовщики были вынуждены перебраться на более чем тысяче кораблей на остров Чиндо у южного побережья провинции Чолла (недалеко от острова Вандо, где в 828–851 гг. располагалась «столица» купца Чан Бого). Там они создали своего рода «альтернативное государство» — со своими органами власти и чиновной структурой — и принялись собирать налоги с плодородных южных областей страны, фактически парализовав снабжение кэсонского двора рисом. Многие администраторы в провинциях Чолла и Кёнсан — где ранее располагались основные вотчины как клана Чхве, так и многих других боровшихся с монголами военачальников — изъявляли островному «правительству» покорность. На подавление мятежа в 1271 г. была направлена объединенная корёско-монгольская армия под командованием полководца Ким Бангёна (1212–1300) и нескольких монгольских военачальников. Новым союзникам удалось разгромить основные силы «корпусов»; в то же время остатки повстанческой армии сумели перебраться на остров Чеджудо, где сопротивление продолжалось до 1273 г. После разгрома движения Чеджудо стало одним из нескольких районов Корё, взятых монголами под прямое управление. Часть острова была превращена в пастбище; хозяйства Чеджудо должны были поставлять коней для монгольской армии.

б) Корё как сателлит империи Юань (сер. XIII — сер. XIV вв.)

Разгром антимонгольского выступления совместными силами монголов и корёского двора означал, что монгольская династия Юань стала для Вонджона и его потомков опорой в воссоздании централизованной монархии. Однако принятие вассалитета по отношению к монголам вовсе не означало исчезновения сформировавшегося к тому времени антимонгольского менталитета. Наоборот, именно представление о высшей ценности местной культурной и религиозной традиции, которую противопоставляли дикости язычников-завоевателей, легло в итоге в основу позднекорёского этногосударственного самосознания. Зависимость от монголов — сколь бы тесной она не была — всегда воспринималась как вынужденная, обусловленная военно-политическими факторами, но не культурным превосходством завоевателей.

С точки зрения монголов, Корё играло роль стратегически важного плацдарма для наступления на Японию. Для подготовки к этому походу в столице Корё было образовано специальное монгольское учрежде-

ние — «Ведомство по Покорению Востока» (*Чондонхэн Чунсосон*) — заведовавшее строительством боевых кораблей и мобилизацией корёских солдат и моряков. Для первого похода, назначенного на 1274 г., было мобилизовано 35 тысяч корёских ремесленников-кораблестроителей и 5 тысяч корёских солдат и моряков. Строительство более чем 900 кораблей легло на корёскую экономику — и без того подорванную тридцатилетней войной с захватчиками — тяжким бременем. Монгольская администрация использовала подготовку к японскому походу как предлог для установления тесного контроля над корёским бюрократическим аппаратом. Она использовала Корё и как дипломатического посредника — через кэсонский двор в Японию пересылались письма Хубилая с требованиями признать сюзеренитет монгольской державы над Японией (1266–1268). Корёский двор и по своей инициативе прилагал дипломатические усилия, желая убедить Японию согласиться на эти требования и тем предотвратить военное столкновение, в котором Корё поневоле пришлось бы участвовать.

Однако усилия Вонджона ни к чему не привели: *сиккэн* (военный правитель) Японии из клана Ходзё твердо отказался подчиниться монгольским домогательствам. В итоге более чем тридцатитысячный монгольско-корёский флот (с корёской стороны главнокомандующим был Ким Бангён) совершил в 1274 г. высадку в бухте Хаката в северной части острова Кюсю, но вынужден был отступить из-за неблагоприятной погоды и решительного сопротивления японских частей. Японцы планировали ответную атаку на Корё на 1275 г., но осуществить ее не сумели. Новое нашествие на Японию Хубилай предпринял в 1281 г., когда 140-тысячное монголо-корёское войско высадилось на севере острова Кюсю. Но в течение почти двух месяцев оно не смогло продвинуться в глубь острова из-за ожесточенного сопротивления японской армии. Затем вмешались природные силы: небывалый тайфун (которому благодарные японцы присвоили затем имя *камикадзе* — «божественный ветер») разметал большую часть кораблей захватчиков, и немногим уцелевшим судам пришлось срочно эвакуироваться обратно в Корё. Провал кампании по «покорению Востока» развеял миф о непобедимости монголов. «Ведомство по Покорению Востока» было переименовано, но сохранено и продолжало осуществлять контроль над внутренней политикой Корё. Итогами японских походов для Корё стали разорение и обнищание и без того истощенной страны и усиление зависимости от Юаней.

Как и обещал Вонджону Хубилай, под прямое управление монголов Корё, в отличие от Китая, не попало. Однако и без этого зависимость корёской администрации от монголов была беспрецедентно высокой. Вассалитет, который был номинальным по отношению к династиям Тан и Сун, обрел в этот период реальный смысл. Юань была первой китайской династией в истории китайско-корейских отношений, пытавшейся всерьез вмешиваться во внутренние дела полуострова и контролировать

корейскую бюрократию. Это объяснялось как ее опасениями по поводу сильных в Корё антимонольских настроений, так и финансово-экономическими соображениями — корёская экономика эксплуатировалась в пользу юаньского двора. Начиная с сына Вонджона, известного по посмертному имени Чхуннёл-ван (1274–1308), к посмертным именам всех государей Корё стали добавлять иероглиф «чхун» («преданный»), подчеркивавший зависимость династии Ван Гона от Юаней. Чтобы «монголизировать» корёскую династию, монголы ввели порядок, согласно которому корёский наследник отправлялся в заложники в Пекин, воспитывался там в монгольской среде и брал в первые жены юаньскую принцессу. Первый брак такого рода был заключен между Чхуннёл-ваном и одной из дочерей Хубилая, принцессой Циго. Сыновья от смешанных браков с рождения получали, вместе с корёскими, монгольские имена, приучались к монгольскому быту, овладевали монгольским языком как родным. «Монголизация» династии и части двора закрепляла подчиненное положение Корё в орбите мировой Юаньской державы, но в то же время и отдаляла «монголизированную» верхушку от основной массы корёсцев.

Чувство унижения вызывали символические перемены в государственном аппарате, означавшие понижение статуса административной машины Корё до уровня одного из юаньских «уделов». Так, Чэбу и Государев Секретариат (*Сансосон*) были слиты в одно учреждение, а подчиненные Государеву Секретариату отраслевые министерства — понижены в статусе до простых «управлений» (*са*) и частично слиты друг с другом. Понижена в статусе была и связанная с корёской монархией лексика — с 1276 г. государи Корё потеряли право на использование таких терминов, как «августейшее повеление» (*сонджэ*), «государева амнистия» (*са*), «его величество государь» (*чим; пхэха*), несовместимых, с точки зрения монголов, с вассальным положением страны. Высшим учреждением в стране продолжало оставаться монгольское «Ведомство по Покорению Востока». Его официальным главой стал государь Корё, который был, таким образом, включен в состав юаньского чиновничества. Все эти меры усиливали антимонольские настроения у основной части корёского общества, упорно противопоставлявшей «культурное» Корё «дикарям»-завоевателям.

Однако для определенной группы корёсцев, известной в истории под именем «проюаньских элементов» (*пувонбэ*), жесткий контроль Юаней над корёскими делами был шансом на продвижение в социальном статусе. Шанс получили выходцы из числа среднего и низшего чиновничества и простолюдинов, сумевшие выучить монгольский язык и приспособиться в качестве толмачей при направлявшихся к юаньскому двору корёских миссиях. В ситуации, когда монгольские власти имели право на вмешательство в дела Корё, а политика юаньского двора определялась не конфуцианскими нормами, а интересами и прихотями господствующей

щих фракций, от личных контактов корёских переводчиков с юаньскими сановниками часто зависела судьба страны. Типичным примером сказанного является карьера Чо Ингю (1237–1308). Получивший как переводчик признание от самого Хубилая и побывавший с корёскими миссиями в Пекине более 30 раз, Чо Ингю сумел заслужить доверие принцессы Циго и ее свиты, выдать дочь в качестве второй жены за наследника престола (первой женой всегда становилась монгольская принцесса) и стать наиболее влиятельным сановником при дворе Чхуннёль-вана. Клан Чо Ингю (клан Чо из Пхеньяна) был известен и как покровитель основанной еще Ыйчхоном во времена раннего Корё буддийской секты Чхонтхэ. Еще более необычным было возвышение переводчика Ю Би (?–1329) — выходца из числа жителей *пугок*, завязавшего связи с влиятельными сановниками юаньского двора и получившего от юаньского императора новое имя (Чхонсин — «чистый подданный»). Надо отметить, что неожиданное возвышение группы переводчиков, сильно напоминавшее социальный взлет столь же «безродных» военных в первые годы после переворота 1170 г., внесло значительный вклад в общую тенденцию к размыванию сословных барьеров, характерную для позднекорёского общества.

Выгодным для проюаньски настроенной местной знати и военных командиров было и то, что значительная часть северных корёских земель — два особых пограничных округа (*ке*) и район Пхеньяна — оказались с 50–60-х гг. XIII в. под прямым управлением Юаней (пограничные округа оставались под юаньским управлением до 1356 г.). Эти земли попали в наследственное управление тех корёских фамилий, которые согласились сотрудничать с завоевателями еще во времена пятого монгольского похода на Корё. Следуя примеру государевой семьи и «проюаньских элементов» двора и северного Корё, корёские аристократы начал принимать (наряду с корёскими) монгольские имена и учиться монгольскому языку и обычаям. Ряд монгольских наименований должностей («тысяцкий» — *чхонхо*, «темник» — *манхо*, и др.) и монгольских слов («вороной конь» — *карамаль*; «ручной сокол-однолеток» — *пора-мэ*, и т. д.) сохранялись довольно долго в корейском употреблении; некоторые из них дошли до наших дней. То же самое относится и к монгольским обычаям (например, наносить новобрачной красной краской пятно — *конджи* — на лоб), проникшим в престолярную среду. Однако в то же время «монголизация» встречала ожесточенный протест. Заимствуя некоторые элементы монгольского быта, корёские крестьяне и горожане продолжали враждебно относиться как к завоевателям, так и к их присным среди корёской верхушки. Временное усиление «проюаньских элементов» в конечном счете, вело к этнокультурной консолидации общества на основе антипатии к завоевателям.

Желая спровоцировать раздоры в среде корёского правящего дома и стимулировать дальнейшее сближение «проюаньских элементов» с мон-

гольскими правящими кругами, юаньский двор учредил должность так называемого «Шэньянского вана». В окрестностях города Шэньяна (совр. пров. Ляонин, КНР) еще со времен монгольских походов на Корё проживало множество этнических корёсцев — в основном потомков тех, кто был угнан в плен. Официально наследнику Чхуннёль-вана, по имени Ван Вон (монгольское имя — Идзир-буга; известен по посмертному имени Чхунсон-ван), должность «Шэньянского вана» была «дарована» в 1308 г. для того, чтобы он мог управлять жившими в районе Шэньяна корёсцами, а также в «благодарность» за его помощь юаньскому императору Хайсан-Гулику (Уцзун; 1308–1312) в борьбе за трон (1305–1308). В реальности же юаньская администрация надеялась, что «Шэньянский ван» — полностью контролируемый монголами удельный князь из корёской государевой семьи — станет противовесом кэсонскому двору и сможет ослабить Корё, выдвигая претензии на кэсонский престол.

Так и произошло. После смерти Чхуннёль-вана «Шэньянский ван» Ван Вон оказался на корёском престоле (1308–1313); большую часть времени он продолжал проводить в Пекине, наслаждаясь жизнью юаньского аристократа и совершенно не желая возвращаться в корёскую «провинцию». В конце концов, он передал корёский престол своему сыну (Чхунсук-ван; 1313–1330; 1332–1339), а должность «Шэньянского вана» — племяннику. Новый «Шэньянский ван», в союзе с теми из «проюаньских элементов», кто по разным причинам оказался в опале в Кэсоне (в частности, с переводчиком Ю Би), пытался опорочить нового кэсонского государя перед юаньским двором и захватить корёский престол. В результате корёскому вану пришлось, по приказу юаньского двора, на два года уступить престол сыну-наследнику (Чхунхе-ван; 1330–1332; 1339–1344). Позже, после смерти Чхунсук-вана, «Шэньянский ван» пытался захватить корёский престол вооруженным путем, но неудачно. Должность «Шэньянского вана» — постепенно сводившаяся просто к почетному титулу — сохранялась до самого конца правления юаньского дома, позволяя юаньским монархам иметь готового кандидата на кэсонский трон в случае возникновения при корёском дворе серьезной антимонгольской оппозиции. Абсолютное пренебрежение государственными интересами Корё со стороны «Шэньянских ванов» (так, второй из них, племянник Ван Вона, предлагал вообще превратить Корё в рядовую юаньскую провинцию) увеличивало разрыв между «монголизированным» меньшинством корёского правящего класса и антимонгольски настроенным большинством корёсцев, и подрывало, в конечном счете, позиции «монголизированного» правящего дома Ван в целом.

Положение большинства населения в монгольский период значительно ухудшилось. На истощенную страну легло двойное бремя: содержание своих и юаньских феодалов. Выплата монголам регулярной дани плюс многочисленные подношения юаньскому двору — все это означало новые поборы и тяготы. Ситуацию осложнял хаос в бюрократии

тической машине, произвол и насилия придворных временщиков и фаворитов, прежде всего из числа «проюаньских элементов», совершенно лишенных каких-либо представлений о конфуцианской этике. Реквизиционная политика «верхов» приводила к массовому обезземеливанию крестьянства и, в итоге, к концентрации земельного фонда в руках небольшого числа крупных вотчинников — в основном членов «монголизированной» элиты. Недовольство народа углублялось и новыми видами реквизиций, введенными корёским двором под нажимом юаньской администрации, а именно отправкой в юаньский Китай корёских ремесленников, ловчих соколов, женьшеня и т. д.

Особое недовольство вызывала принудительная отправка корёских девиц, предназначавшихся в жены монгольской знати, офицерам и солдатам. Занималось этим учрежденное по указанию Юаней в 1274 г. особое ведомство — «Управление Браков» (*Kërxon Togam*). Поскольку конфуцианская этика не позволяла отправлять монголам замужних женщин, с 1307 г. девицам 13–16 лет было запрещено вступать в брак до прохождения смотра в этом ведомстве. Некоторым из корёских женщин, попавших в гарем юаньских владык, удавалось добиться при монгольском дворе высокого положения, но такие случаи были единичными. В основном корёских девушек ждали на чужбине тяготы и горести — слишком велики были различия в культуре и нравах между корёсцами и монголами. Насильственный вывоз женщин из страны вызывал как протесты конфуцианской элиты (в виде направляемых к юаньскому двору мемориалов), так и массовое сопротивление в народе, выражавшееся, прежде всего, в распространении «незаконных» ранних браков. Считается, что именно в этот период возник корейский обычай формального обручения подростков 10–13 лет, доживший до начала XX в. Унижал корёсцев и насильственный вывоз из страны мальчиков для кастрации и последующей службы евнухами в юаньских гаремах.

В то же время юаньская агрессия и тяготы, обрушившиеся на корёское общество, ускорили процесс концентрации земельной собственности в руках нескольких десятков крупных вотчинников, которые монополизировали как значительную часть земельного фонда, так и политические власть и влияние (так называемые *квонмун седжок* — «властные кланы и сильные роды»). Разорвавшиеся крестьяне или становились вечными должниками активно занимавшихся ростовщичеством вотчинных семей и утрачивали личную свободу, или «отдавали себя» (*тхутхак*) в качестве неполноправных арендаторов (*чонхо*) в надежде защититься от чиновничьего произвола, или же просто теряли землю и права *янинов* (свободных крестьян) в результате насилия со стороны могущественных соседей. Олигархия из нескольких десятков семей, превратившая к началу XIV в. значительную часть корёских крестьян в своих арендаторов-полукрепостных или рабов, была по составу весьма разнородна. В нее вошла как часть раннекорёской аристократии (например, потомки Ким

Бусика — клан Ким из Кёнджу, или потомки Чхве Чхуна — клан Чхве из Хэджу), так и «новые» военные роды, выдвинувшиеся на службе диктаторам из рода Чхве (например, клан потомков полководца Ким Чхвирё — Кимы из Оняна). Весьма значительную часть новой элиты составляли семьи, выдвинувшиеся в контексте зависимости Корё от Юаней, — военные, сотрудничавшие с монголами (клан Кимов из Ан-дона — потомки подавившего выступление «Трех Отдельных Корпусов» Ким Бангёна), или переводчики, посредничавшие в контактах с ними (клан Чо Ингю — Чо из Пхеньяна). «Трамплином» к продвижению в ряды землевладельческой олигархии служили и родственные связи с монгольской элитой: таков был путь к успеху корёского чиновника Ки Джао (клан Ки из Хэнджу), дочь которого, попавшая в гарем последнего юаньского императора Тогон-Тимура (1333–1367), добилась любви монгольского владыки и стала императрицей (первой женой). Статус *квонмун седжок* был официально признан и закреплён: в 1308 г. Чхунсон-ван, вступив на корёский престол, опубликовал список из 15 знатных фамилий, брак с которыми был разрешен членам государева дома.

Используя раннекорёское правило, позволявшее потомкам носителей пяти высших служебных рангов поступать на службу без экзаменов (за «заслуги предков»), олигархия *квонмун седжок* — в основном не получавшая серьезного конфуцианского образования и предпочитавшая буддизм, военное дело и монгольский язык конфуцианской этике — монополизировала высшие чиновничьи ранги в Корё. Так, потомки полководца Ким Чхвирё (Онянские Кимы) были знамениты тем, что занимали должности первых министров на протяжении пяти поколений. Основную роль в закреплении политического статуса этой олигархии играли, наряду с крупной земельной собственностью, браки с корёской государственной семьей и юаньской знатью. Концентрация власти и собственности в руках ограниченного круга привилегированных фамилий означала, в условиях хаоса в центральной бюрократии, рост насилия и произвола по отношению к основной массе населения: захватов (*кёмбён*) крестьянских полей с помощью собственных вооруженных сил (*кабён* — «домашних войск»), порабощения свободных крестьян, издевательств над беззащитным простонародьем. Недовольство олигархической элитой приводило к постоянной социальной нестабильности, частым крестьянским восстаниям и провинциальным мятежам (самые крупные — в 1318, 1334 и 1361 гг.).

Постольку, поскольку усиление группы землевладельческих кланов и монополизация ими политического влияния ослабляли центральную власть и угрожали стабильности в обществе, двор пытался — хотя и очень нерешительно — ограничивать произвол олигархии, карая наиболее зарвавшихся и ненавистных народу титулованных насильников. Так, в 1298 г. было казнено за грабежи и вымогательства более 40 евнухов и

придворных. Неоднократно создавались особые учреждения по освобождению несправедливо порабощенных *янинов*. Часть насильственно отобранных земель была возвращена законным хозяевам (1336 г.) и т. д. Однако реальных масштабных результатов эти полумеры дать не могли — слишком глубоки были связи между кэсонскими правителями и землевладельческой элитой. Типичное для *квонмун седжок* бытовое, рутинное насилие по отношению к крестьянскому населению было присуще и некоторым кэсонским *ванам*: так, Чхунхе-ван (1330–1332, 1339–1344) был в конце жизни даже отрешен Юанями от престола и отправлен в ссылку в Китай за систематические грабежи, издевательства и изнасилования во время охот и пиров в провинции. Примером неудачной попытки двора ослабить засилье *квонмун седжок* служит введенная в 1309 г. монополия на соль, которая должна была, по идее, отобрать у олигархов доходные соляные промыслы и обеспечить крестьянство солью по твердой цене через систему государственных складов в уездах. Очень скоро эти государственные склады (*ыйёмчхан*) вновь оказались под контролем олигархов, продолжавших произвольно устанавливать высокие цены без оглядки на государственные расценки. В условиях полновластия олигархов при кэсонском дворе и контроля их «домашних войск» над округами и уездами, лишь коренная смена власти «наверху» могла привести к решительным реформам и стабилизации ситуации в стране.

Времена борьбы с монголами, монгольского господства и всевластия олигархических группировок были тяжелым испытанием. Но экстремальные обстоятельства стимулировали развитие культуры и немыслимые в прошлом по объему и глубине межкультурные контакты. В ходе сопротивления монголам в Корё активно развивалось книгопечатание: собранная на острове Канхвадо религиозная и культурная элита стремилась как сохранить конфуцианское культурное наследие, так и умножить «кармические заслуги» корёского государства изданием буддийской литературы. Кроме восстановления уничтоженной захватчиками *Трипитаки* (о чем уже говорилось выше), клан Чхве издал и ряд корёских конфуцианских сочинений, в том числе и многотомное собрание по этикету *Санджон когым ре* («Подробно установленный этикет прошлого и настоящего», 1234–1241). Как считается в корейской историографии, оно было первой в мире книгой, напечатанной металлическим наборным шрифтом (за два столетия до Гутенберга). Появляются исторические работы, призванные обобщить и прославить прошлое полуострова. В частности, особую известность (прежде всего как источник по силлаской истории) получила компиляция наставника Чхуннёнль-вана в буддийском законе монаха Ирёна (1206–1289) *Самгук юса* («Забытые деяния Трех государств», 1281–1283). В этом произведении — не являвшемся официальной историей и потому свободном от ограничений этого жанра — Ирён впервые объявил основанный мифическим Тангуном Древний Чосон предшест-

венником всех более поздних государств полуострова, тем самым перед лицом национального бедствия подчеркнув единство корёсцев, вне зависимости от региональной принадлежности. Многие исследователи считают, что распространение в период монгольского ига представления о Тангуне как о первопредке всех корёсцев знаменовало переломный пункт в процессе формирования на полуострове единого этноса — «прото-нации» докапиталистической эпохи. Однако при этом нельзя забывать, что точных данных о популярности культа Тангуна в народе нет, и, скорее всего, представления о этнокультурном единстве корёсцев были все же ограничены образованными кругами (что коренным образом отличает их от национализма в современном смысле слова).

Монгольское господство, при всей жестокости завоевателей и громадных потерях, было плодотворно для развития корёской культуры в том смысле, что, как «близкий вассал» Юаней и «государство императорского зятя», Корё оказалось вовлечено в теснейшие контакты с континентальным Китаем. Корёские государи, придворные и ученые получили возможность годами и десятилетиями жить в Пекине и китайских провинциях, свободно общаться с китайскими интеллектуалами, приобретать редкие и ценные издания. Включение корёской конфуцианской элиты в духовную жизнь культурного центра тогдашнего Дальнего Востока не замедлило сказаться на развитии корёской мысли. Уже конфуцианец и непримиримый борец с шаманизмом Ан Хян (1243–1306), дважды отправлявшийся с посольством в Пекин, начал изучать и популяризировать в Корё неоконфуцианство.

Неоконфуцианство — новое истолкование конфуцианского учения, предложенное группой сунских ученых (Чжоу Дуньши, Чэн Хао и Чэн И, Чжу Си). Оно заметно отличалось от ортодоксальных взглядов включением в конфуцианский контекст буддийско-даосских космологических мотивов. Этичность, имманентно присущая (с точки зрения конфуцианства) человеческой природе, объяснялась теперь как проявление в микрокосме макрокосмического Абсолюта — универсального принципа (*ли*), весьма сходного с идеей всеохватывающего Мира Истины (тот же иероглиф — *ли*) буддийской школы Хуаянь. Универсальная — и в то же время имманентная человеку — этичность освящала незыблемые и в неоконфуцианстве традиционные нормы поведения, основанные на семейной, возрастной и государственной иерархии. В социально-политической области неоконфуцианцы отстаивали сильное централизованное бюрократическое государство с автаркической (независимой от внешней торговли) экономикой, приматом земледелия над ремеслом и гарантиями для землевладельцев-чиновников (к этому слою принадлежали и сами основатели учения) от произвола двора. Будучи многим обязанными буддийским и даосским доктринам, неоконфуцианцы, тем не менее, видели в буддизме идейного конкурента и особенно были настроены против монастырского землевладения (сокращавшего государ-

ственный и чиновничий земельный фонд). Неоконфуцианство отличалось догматизмом, претензиями на абсолютную истину и нетерпимостью к идейным противникам — чертами, свойственными классическому конфуцианству в значительно меньшей степени. Проникновению этого учения в Корё способствовала созданная Чхунсон-ваном на покое в Пекине «Библиотека Тысячи Свитков» (*Мангвондан*), где приезжие корёские ученые могли встречаться и беседовать с глубоко увлеченными неоконфуцианством китайскими интеллектуалами юаньских времен. Ставшее через сотню лет государственной идеологией новой Чосонской династии, неоконфуцианство определяло впоследствии духовную жизнь Кореи на протяжении нескольких веков.

Импорт из Китая не ограничивался метафизическими доктринами. Заимствовались и тибетско-индийские мотивы в буддийском искусстве (навеванные популярностью ламаизма в монгольских правящих кругах), и культура хлопка (до того корёское простолудье носило лишь конопляные одежды), и техника изготовления пороха, и достижения мусульманской астрономии. Многие из разноплеменных подданных Юаней, разными путями попавшие в Корё, переходили в корёское подданство и часто играли видную роль в государственной и культурной жизни. В целом, космополитичная атмосфера юаньского Китая — уникальная в каком-то смысле и для китайской истории — стимулировала «рывок» в развитии корейской культуры. В этом смысле тесные связи промонгольской олигархии с юаньским Китаем — вызывавшие суровое осуждение как многих современников, так и немалого числа позднейших историков, — сыграли, несомненно, исторически позитивную роль.

в) Освобождение от монгольского ига и падение династии Корё (вторая половина XIV в.)

Господство проюаньской верхушки в Корё было в итоге подорвано кризисом Юаньской династии в Китае. К кризису привели как экономические, так и социально-политические факторы (хаос и неэффективность управленческой машины, расстройство денежного обращения, массовое разорение податного населения и усиление антимонгольских настроений в результате). В 1351 г. в Китае вспыхнуло широкомасштабное восстание популярной тайной секты «Белого Лотоса», призывавшей население к изгнанию чужеземцев под лозунгами «пришествия спасителя мира — Будды Майтрейи». Многие лидеры восстания вскоре были схвачены и казнены, но подавить это движение полностью монголам не удавалось более десяти лет. Лишенная налоговых поступлений со значительной части территорий, находившихся под контролем повстанцев, монгольская империя слабела на глазах, и этим не преминули воспользоваться корёские правители.

Вступивший на престол в год начала восстания Конмин-ван (1351–1374) решительно претворил в жизнь ряд мер, направленных на восстановление независимости Корё. Были возвращены элементы домонгольской управленческой системы (1352 г.), упразднен главный орган монгольского контроля над Корё — «Ведомство по Покорению Востока» (1356 г.), силой возвращены захваченные монголами корёские пограничные территории на севере (1356 г.), уничтожены самые активные из «проюаньских элементов», прежде всего клан Ки из Хэнджу и его присные (1356 г.). Однако номинально Корё осталось вассалом Юаней и было вынуждено даже посылать войска на помощь в подавлении антимонгольских народных движений в Китае (1354 г.). Это спровоцировало два крупномасштабных похода на Корё (в 1359–1360 и 1360–1361 гг.) китайских повстанческих войск, известных по принятому у них головному убору как «красные повязки» (красный цвет — цвет Майтрейи). Во время второго похода «красным повязкам» удалось взять и разграбить корёскую столицу, заставив вана искать убежища в Покчу (совр. город Андон, пров. Сев. Кёнсан). Оба нашествия, разорившие северные и центральные районы Корё, были в итоге отбиты корёскими войсками. В ходе битв с «красными повязками», а также с японскими пиратами, которые чуть ли не ежегодно устраивали грабительские рейды на корёское побережье (а иногда даже основывали на корёской территории свои постоянные базы), значительное влияние приобрели прославившиеся победами над захватчиками полководцы, прежде всего Чхве Ён (1316–1388) и Ли Сонге (1335–1408; будущий основатель династии Чосон). Важной политической опорой реформ Конмин-вана были также «средние слои» корёского имущего класса — средние и низшие землевладельцы-чиновники (*садэбу*), среди которых значительной популярностью начало пользоваться неоконфуцианское учение, ортодоксальное презрение которого к «варварам» и непримиримость к «ереси» оправдывали враждебность этой группы к «дикарям»-монголам и преимущественно буддийским «проюаньским элементам». Союз этой группы с Ли Сонге и военным окружением последнего и привел в итоге к свержению Корё и основанию новой династии Чосон.

Реформы Конмин-вана наталкивались на ожесточенное сопротивление «проюаньских элементов», опасавшихся за свое имущество и положение. Сразу после разгрома «красных повязок» Конмин-ван подвергся неожиданному нападению отряда промонгольски настроенного полководца Ким Ёна (?–1363) и только чудом остался жив (1362 г.). После этого служивший Юаням корёский полководец Чхве Ю попытался, с помощью десятитысячного юаньского отряда, вторгнуться в Корё и свергнуть Конмин-вана с престола, но был разгромлен армией Чхве Ёна и казнен (1364 г.). Основой влияния проюаньской группировки, состоявшей в основном из крупных земельных собственников (*квонмун седжок*), было владение наследственными вотчинами (обычно несколько-

ми в различных провинциях) с тысячами рабов и полукрепостных арендаторов, причем и земля, и рабы были во многих случаях захвачены насильственными, незаконными методами. Чтобы восстановить суверенитет Корё и окончательно вырвать власть из рук «проюаньских элементов», Конмин-вану требовалось, прежде всего, покончить с концентрацией земель и рабочей силы в руках *квонмун седжок* (т. е. провести крупномасштабную конфискацию земель и освобождение незаконно поработанных *янинов*) и восстановить налоговую базу сильного централизованного государства — полнокровный слой мелких лично свободных земельных собственников. Провести реформу такого масштаба мог лишь политик, преданный лично Конмин-вану и не связанный с крупными землевладельцами и их интересами.

Выбор вана пал на его личного наставника в буддийском законе (с 1365 г.), выходца из низших слоев населения (сына монастырской рабыни), монаха Синдона (?–1371). В 1366 г. Синдон был назначен начальником Управления по Упорядочению Земель и Податного Люда (*Чонмин Пёнджон Тогам*) с чрезвычайными полномочиями. Синдон решительно отбирал у крупных землевладельцев незаконно присвоенные земли и освобождал из рабства насильственно поработанных *янинов*, восстанавливая разрушавшийся с конца XII в. слой лично свободных крестьян и уничтожая социально-экономическую базу промонгольской группы. Одновременно восстанавливалась конфуцианская образовательная система, устанавливались отношения с изгнавшей монголов из Китая новой династией Мин (1368–1369 гг.), проводились — в основном силами войск Ли Сонге — военные экспедиции против монгольских цитаделей за Амнокканом. Решительная политика Синдона по восстановлению централизованной государственности и ликвидации зависимости от монголов была популярна в широких слоях населения (в народе Синдона называли «совершенномудрым»), но встречала яростное сопротивление верхушки правящего класса. В 1371 г. Синдон был обвинен в антигосударственном заговоре, сослан и вскоре казнен; пришедшая к власти промонгольская группировка Ли Инима (?–1388), Лим Гёнми (?–1388) и Ём Хынбана (?–1388) отстранила Конмин-вана от реального участия в политике и в итоге убила государя-реформатора (1374 г.).

В результате падения Синдона и прихода к власти клики Ли-Лима-Ёма были прекращены конфискации земель у крупных вотчинников, возобновились захваты и коррупция и произошел переход от односторонней поддержки династии Мин к балансированию между Минами и их соперниками, бежавшими за пустыню Гоби остатками монгольского двора (режим Северной Юань). В результате двор постепенно лишился как поддержки средних и мелких землевладельцев-конфуцианцев (*садэбу*), так и популярности в крестьянских массах; были испорчены и отношения с Минами, начавшими, как наследники Юаней, выдвигать претензии на некогда контролирувавшиеся монголами северные пограничные земли Корё.

С восхождением на трон ставленника группировки Ли-Лима-Ёма, малолетнего государя У-вана (1374–1388; по некоторым источникам, незаконного сына Синдона от рабыни) Корё вступило в полосу острого внешне- и внутривластного кризиса. На его северных границах продолжалась борьба новой династии Мин с монголами: обе стороны пытались привлечь Корё на свою сторону, и корёскому режиму стоило немалых трудов сохранить нейтралитет и отстраниться от прямого вмешательства в вооруженную борьбу за рубежом. В конце концов, в 1384–1385 гг. выбор в целом был сделан в пользу явного победителя, Минской династии, но отношения осложнялись претензиями минского двора на северное корёское пограничье. В южных и центральных районах страны шла постоянная ожесточенная борьба с японскими пиратами, которые опустошали побережье и парализовали транспортировку риса в столицу. В боях против японцев ряд побед одержали войска Чхве Ёна и Ли Сонге, использовавшие огнестрельное оружие (1377, 1378, 1380 гг.). Атмосфера внешнеполитического кризиса и постоянных боев с захватчиками способствовала укреплению влияния популярных военачальников — Чхве Ёна, которого назначили ответственным за оборону побережья (1380 г.) и Ли Сонге, ставшего военным губернатором северо-востока (1384 г.). Однако, несмотря на усиление реформаторски настроенной военной элиты (ее поддерживали широкие слои *садэбу* и она была популярна в народе), клика Ли-Лима-Ёма сохраняла влияние при дворе и использовала любые возможности для обогащения за счет захвата крестьянских земель и беззастенчивой коррупции. Владениями временщиков оказывались целые уезды; их доверенные рабы и слуги также занимались вымогательством, за несколько лет сколачивая крупные состояния. Часто подпись на документах о продаже земли клике Ли-Лима-Ёма и ее присным вымогалась пытками, в которых использовались ясеновые палки: в народе такие документы с горькой иронией именовали «ясеновыми купчими». Предел произволу был положен в 1388 г., когда Чхве Ён казнил Ли, Лима и Ёма и конфисковал все их имущество. Поводом к этому стало возмущение народа поведением Ём Хынбана, который арестовал и пытал среднего землевладельца, давшего отпор слуге Ёма, когда последний пытался захватить его надел. Защищаясь, землевладелец совершил убийство, после чего и был арестован Ёмом.

Меры Чхве Ёна были популярны в уставшей от произвола стране («народ от радости пел и танцевал на улицах»), но для того, чтобы окончательно покончить с хаосом и концентрацией земельных владений в руках нескольких кланов, нужны были коренные реформы. Однако осуществить их при зависимом от и слабовольном У-ване было невозможно. Историческая миссия ликвидации отжившего свое режима выпала на долю полководца Ли Сонге, тесно связанного с неоконфуцианскими идеологами из среды мелкого и среднего чиновничества. Воз-

можность для этого ему представилась в 1388 г., когда Чхве Ён покончил с произволом клики Ли — Лима — Ёма.

Притязания нового «созерена» Корё — династии Мин — на северное корёское пограничье раскололи взявший после уничтожения группы Ли-Лима-Ёма реальную власть дуумвират Чхве Ёна — Ли Сонге. Чхве Ён считал необходимым нанести военный удар по владениям Минов на Ляодуне, показать китайской династии боевые возможности корёской армии и навсегда покончить с китайскими претензиями. Ли Сонге не верил в возможность победы над минским войском и предлагая решить проблему дипломатическим путем. Однако при дворе победило мнение Чхве Ёна, назначенного верховным главнокомандующим. Ли Сонге и другой полководец, Чо Минсу (?–1390), были с 50-тысячной армией отправлены в беспрецедентный со времен Объединенного Силла поход на Китай. Однако, дойдя до пограничной реки Амноккан, Ли Сонге призвал офицеров и солдат повернуть обратно, выдвинув пять причин, по которым поход на Минов не представлялся возможным (невозможность выступления против «старшего государства», опасность японских пиратских нападений в тылу и т. д.). Поворот войск обратно на столицу практически означал мятеж, однако Ли Сонге получил поддержку как коллеги-полководца Чо Минсу, так и большинства офицеров, недовольных диктаторскими замашками Чхве Ёна.

Войско во главе с Ли Сонге вошло в столицу, свергло с престола У-вана (он вскоре был убит в ссылке), уничтожило его ближайших сторонников (прежде всего главного соперника Ли Сонге, верховного главнокомандующего Чхве Ёна) и посадило на престол поддержанного Чо Минсу сына У-вана, известного как Чхан-ван (1388–1389). Впрочем, уже в следующем году Чо Минсу был отстранен от власти (и вскоре погиб), а Чхан-ван — свергнут с престола и заменен безвластной креатурой Ли Сонге — Конъян-ваном (1389–1392). Вся власть была сосредоточена в руках Ли Сонге и его группировки реформистски настроенных неоконфуцианцев — выразителей интересов средних и мелких землевладельцев-чиновников (*садэбу*). Разделавшись в 1389 г. с гнездом японских пиратов — островом Цусима (корёский отряд под командованием Пак Ви напал на этот остров и сжег там более 300 пиратских судов) и тем обезопасив налоговые поступления из провинций в столицу, группировка Ли Сонге приступила, наконец, к кардинально важной для судьбы государства земельной реформе.

Официально декларируемой целью земельной реформы было восстановление идеального (но неосуществимого на практике) конфуцианского порядка, при котором всей землей владеет и распоряжается государство, распределяющее участки и служебные наделы крестьянам и чиновникам. В реальности Ли Сонге вовсе не собирался бороться за осуществление конфуцианской утопии. Собираясь уже с конца 1380-х гг. покончить с династией Корё и основать свою собственную, он желал

отобрать у олигархической элиты основу ее статуса — крупные земельные владения — и распределить «освободившуюся» землю в качестве служебных наделов между своими сторонниками. Речь шла, по сути, о более равномерном (и политически целесообразном для группы Ли Сонге) перераспределении той части земельного фонда, что была присвоена промонгольской олигархией. Первым делом предлагалось перераспределить землю в столичной провинции, т. е. соблюдался принцип выделения чиновничьих наделов в окрестностях столицы, установленный еще в раннем Корё. Конфисковать мелкую и среднюю земельную собственность «средних слоев» (*садэбу*, «местных чиновников», и т. д.) государство не собиралось. Право частного владения землей в принципе сомнению не подвергалось.

Реформа началась в 1388 г. с возврата государеву дому многочисленных поместий, ранее пожалованных буддийским храмам, и с проверки владельческих прав на землю по всей стране, имевшей целью выявление присвоенных олигархией участков. На основе земельной ревизии к 1390 г. был составлен новый поземельный кадастр (весьма неполный — его пришлось несколько раз дополнять позднее), а старые земельные документы — торжественно сожжены на улицах столицы. В 1391 г. был введен в силу новый Закон о ранговых наделах (*кваджон*). Не касаясь крестьянского землевладения, новый закон восстанавливал раннекорёский принцип выдачи служебных наделов в столичной провинции всем чиновникам действительной службы, с различиями по девяти рангам и восемнадцати степеням. В то же время закон сужал круг тех, кому давалось право на надел, а также сводил наделные земли к пахотной площади (в раннем Корё выдавались также и лесистые горные участки «на топливо»). В принципе, надел выдавался лишь на одно поколение (т. е. сын чиновника должен был, поступив на службу, получать новый надел), но закон оставлял достаточно «лазеек» для постепенного превращения наделов в наследственную собственность (специальная система «пенсионных наделов» для вдов и несовершеннолетних детей и т. д.). На практике служебный надел чиновника был наследственным владением (реально собственностью) тех крестьян, что его обрабатывали; чиновнику выплачивалась лишь фиксированная налоговая ставка (10% урожая — в среднем 30 *ту* риса с каждого *кёль*; 1 *ту* — примерно 10 литров зерна), которую крестьянин в любом случае платил государству. По получении налога со служебного надела чиновник был обязан отдать часть (2 *ту* с каждого *кёль*) государству как верховному собственнику всех земель.

Новый закон, при акценте на принцип государственного контроля над земельным массивом, освящал вместе с тем существование многочисленных категорий наследственных частных земель («поля заслуженных сановников» и т. д.) и признавал существование фонда наследственных земель (обрабатывавшихся арендаторами, платившими хозяину половину урожая) у мелкого и среднего чиновничества. Возвращая по-

земельные отношения, с некоторыми усовершенствованиями и поправками, к временам раннего Корё и ликвидируя расцветшую при монголах систему олигархических латифундий, новый закон в то же время упорядочивал и укреплял частное землевладение (прежде всего мелкое и среднее) как систему. Именно гарантированное право наследственного владения (практически собственности) на обрабатываемую арендаторами землю должно было стать экономической базой для мелкого и среднего конфуцианского чиновничества — социальной опоры новой династии, которую Ли Сонге предстояло основать.

Конфискация и перераспределение крупных поместий в 1388–1391 гг. подорвали экономическую базу противников Ли Сонге. На ключевых постах — прежде всего в армии и Государственном Цензorate — оказались сторонники Ли Сонге, а частью и члены его семьи; особенно активен был пятый сын, Ли Банвон (1367–1422). Устранению подвергались не только противники реформ, но и те умеренные реформаторы, что, выступая за ликвидацию олигархического землевладения, противились свержению династии Корё (как, скажем, убитый по приказу Ли Банвона в 1392 г. неоконфуцианец Чон Монджу). На первые роли вышли преданные Ли Сонге и его семье радикальные реформаторы из среды мелкого и среднего провинциального чиновничества — такие, как неоконфуцианский философ Чон Доджон (?–1398). Они считали, что клан Ли Сонге имеет право («Небесный Мандат») свергнуть дискредитированную династию Корё и основать новую династию на четких неоконфуцианских принципах. В конце концов, 17 июля 1392 г. (лунный календарь) группа влиятельных придворных — неоконфуцианских ученых и военных — официально «пригласила» Ли Сонге на престол (по конфуцианским стандартам, основателя новой династии на престол формально «возводили» приближенные, сам же он должен был скромно отказываться), покончив с династией Корё. Новая династия еще более полугодя продолжала использовать старое имя — Корё; новое имя, Чосон, было окончательно утверждено лишь в феврале 1393 г. Обещав управлять страной в согласии с правилами и обычаями предыдущей династии, Ли Сонге в то же время безжалостно расправился с большей частью членов корёского государева клана Ван (в том числе и бывшим государем Конъян-ваном) и тем устранил всякую возможность реставрации. «Управление в согласии с корёскими прецедентами» длилось очень недолго: уже через несколько лет новая династия начала вырабатывать собственные законы, оформляя новое общество, весьма непохожее на корёское.

Источники и литература:

А) Первоисточники:

1. Lee, P. H. and de Bary, Wm. T. (eds.). *Sourcebook of Korean Tradition*. New

York: Columbia Un-ty Press, 1997, Vol. 1, pp. 205–216, 225–258.

2. Rosen, S. «Korea in Mongolian Sources», — In Bouchez, D., Provine, R. C., and Whitfield R. (eds.). *Twenty Papers on Korean Studies Offered to Professor W.E. Skillend*. Paris: Centre d'etudes Coreennes, College de France, 1989. [*Cahiers d'etudes Coreennes*, Vol. 5 (1989)]

Б) Литература:

1. Ванин Ю. В. *Феодальная Корея в XIII–XIV вв.* М., 1962.
2. Волков С. В. «Корейское чиновничество периода Корё» // *Социальные группы традиционных обществ Востока*. Ч. 1. М., 1985.
3. Duncan, J. B. *The Origins of the Choson Dynasty*. Seattle: University of Washington Press, 2000.
4. Min, Hyon-ku. «Koryo Politics under the Mongol Control: Dynastic Continuity during the Period of Royal Absence» // *International Journal of Korean History*. Vol. 1, 2000, pp. 17–38.
5. Yi, Song-mu. «Kwago System and Its Characteristics: Centering on the Koryo and Early Choson Periods» // *Korea Journal*, Vol. 21, Issue 7, 1981, pp. 4–17.

Часть 3

БЮРОКРАТИЧЕСКАЯ НЕОКОНФУЦИАНСКАЯ МОНАРХИЯ В ОБЩЕСТВЕ МЕЛКИХ И СРЕДНИХ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦЕВ (династия Чосон, 1392–1910 гг.)

Глава 10

НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП УТВЕРЖДЕНИЯ БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ НЕОКОНФУЦИАНСКОЙ МОНАРХИИ: РАННИЙ ЧОСОН (1392–1598 гг.).

а) XV в. — стабилизация центральной власти и складывание социально-политической системы Чосона

Продолжая корёские традиции, чосонское общество сделало шаги вперед во всех областях экономической, общественной, политической и культурной жизни. С восшествием новой фамилии на трон закончился начавшийся с конца XII в. период смут и распрей; крестьянство и горожане получили возможность заниматься хозяйственной деятельностью, не подвергаясь чрезмерной и нерегулярной эксплуатации и не опасаясь грабежей, захватов и порабощения со стороны корёских олигархов и внешних врагов. Страна вступила в продолжавшуюся почти два века эпоху относительно мирного развития. Ликвидация военно-политической нестабильности — главного препятствия для развития производительных сил — сразу же положительно сказалась на хозяйстве страны. За первое столетие правления новой династии число ее подданных увеличилось с приблизительно 1 млн до почти 4 млн человек. Тенденция к устойчивому экономическому росту, в том числе и за счет внедрения новых сельскохозяйственных методов, продолжалась и в дальнейшем. Это говорит о положительном эффекте, который «бюрократическая стабилизация» имела на социально-экономический базис общества.

Прогрессом можно считать и завершившуюся к концу раннечосонского периода определенную «унификацию» господствующего класса, его оформление в единое *янбанское* сословие. В корёской системе гос-

подствующий класс подразделялся на несколько сословных групп — служилую аристократию (практически монополизировавшую политическую власть), среднее и мелкое центральное чиновничество, «местных чиновников», верхушку буддийского монашества, и т. д. Политические и экономические возможности каждой из этих групп были различны, переход из одной группы в другую — затруднен. С приходом к власти новой династии и вводом в действие значительно более регулярной бюрократической машины, а также благодаря росту производительных сил в сельском хозяйстве и усилению средних и мелких землевладельцев, различия между привилегированным меньшинством правящего класса (аристократией) и большинством чиновников-землевладельцев начинают стираться. Развитие государственной и частной образовательной системы, более регулярный процесс комплектования госслужбы через экзамены, общие для всех правила оценки заслуг и повышения — все эти черты чосонской системы постепенно уравнивали все основные группировки господствующего сословия в плане их социального положения (хотя сохранилась, скажем, дискриминация по отношению к военным чиновникам). Ряд групп (например, буддийское монашество) был исключен из состава господствующего класса.

С начала XVI в., с усилением конфуцианских ученых из среды мелких и средних землевладельцев (группировка *сарим*), переход к новому типу сословного общества был завершен. Новое господствующее сословие, *янбаны* (буквально «две группы» государственных служащих — гражданские и военные), отличалось однородностью. Большинство *янбанов* (даже самые бедные) владели землей, практически все получали конфуцианское образование, были связаны с государственной службой (для поддержания статуса одно из трех поколений *янбанской* семьи было обязано служить) и имели право и возможность сдать экзамен и занимать любую должность, вплоть до высших. В то же время политические возможности группировок, к служилому землевладельческому сословию не принадлежащих (скажем, евнухов) были сведены к нулю (что отличало Чосон от Минского Китая). Конечно, *янбанское* сословие осталось разделенным на группы и клики по самым разным признакам — региональному, идеологическому (принадлежность к той или иной школе в неоконфуцианстве), политическому, и т. д. Эти внутрисословные группы могли отличаться по уровню экономического или политического влияния, но не по основным характеристикам их хозяйственного или социального положения.

Значительной «унификации» подверглось и крестьянство. Жители *хян*, *пугок* и *со* были уравнены в правах с *янинами*. В результате нескольких проверок статуса рабов в начале правления династии значительное количество незаконно поработанных *янинов* было возвращено в состав лично свободных крестьян. Исчезли наследственные «военные семьи», как столичные, так и провинциальные — военная служба стала

(по крайней мере, формально) одной из обязательных для всех подданных (исключая, в большинстве случаев, *янбанов*) повинностей. В целом, чосонский период был временем слияния большинства эксплуатируемых групп в единое сословие *янинов* — лично свободных подданных, чьи отношения с государством строились на основе определенной законом «сетки» налогов и повинностей. Учитывая, что (по крайней мере, в теории) *янины* имели даже право на сдачу государственных экзаменов на должность, и что попытки представителей власти на местах «дополнительно» эксплуатировать *янинов* в свою личную пользу должны были пресекаться сетью явных и тайных контролеров, можно сказать, что их статус несколько повысился. Политика гомогенизации общества проводилась и в религиозно-идеологической сфере. Обряды и жертвоприношения, официально не признанные государством (прежде всего несовместимого с конфуцианством шаманистского типа), запрещались и преследовались. Над буддизмом, лишившимся своего привилегированного статуса, был установлен жесткий административный контроль. По всей стране (в том числе и в крестьянской среде) внедрялись неоконфуцианские обряды и мораль — поклонение жертвенным дощечкам предков, идеи жесткой вертикальной организации общества (подчинение женщины мужчине, младших — старшим). Немногое осталось от присущего Корё разнообразия локальных культов или бытового равноправия полов. В то же время, организованное насаждение неоконфуцианской ортодоксии имело и положительные стороны, скажем, распространение грамотности.

Конечно, оформление двух присущих бюрократическому государству основных сословий (служивого землевладельческого и лично свободного податного) не означало перехода к «раннему этапу Нового Времени» (о чем без достаточных оснований любят писать некоторые южнокорейские авторы). Межсословные барьеры, скорее, усилились. *Янбанское* сословие по степени замкнутости было ближе к европейскому дворянству, чем к гораздо более «открытому» для социальной мобильности господствующему классу Минского Китая. Даже дети *янбанов* от наложниц исключались в раннем Чосоне из числа полноправных *янбанов*. Возможности приобрести *янбанский* статус для выходцев из непривилегированных или «средних» групп предоставлялась лишь в особых случаях (военные заслуги, и т. д.). Размывание средневековых сословных барьеров началось с массовым разорением *янбанства* и выходом на историческую сцену богатого крестьянства и купечества лишь в конце XVIII — начале XIX вв. Другая типично средневековая черта раннечосонского общества — сохранение значительного числа рабов (казенных и частных — всего до 200–300 тыс. чел.). Ряд неполноправных сословных групп по-прежнему причислялся к париям-*чхонмин* (мясники, шаманы, бродячие актеры, и т. д.). Не было оформлено «среднее» (протобуржуазное) сословие, неразвитыми оставались частное ремесло и тор-

говля. Явно средневековый характер имела и идеология раннечосонского государства, неоконфуцианство. Она рассматривала мир как огромную космо-социальную иерархию, оправдывая сословное неравенство как продолжение космического порядка («янин ниже янбана, так же как Земля ниже Неба») и отрицая наличие у человека неотъемлемых индивидуальных прав (подчеркивались лишь обязанности: сына, жены, подданного). В этом смысле, о приметах Нового Времени в Корее можно говорить лишь с освобождением большей части государственных рабов и подрывом авторитета неоконфуцианской ортодоксии в начале XIX в.

В то же время, создание и распространение корейского алфавита в середине XV в., распространение печатных книг, перевод многочисленных конфуцианских и буддийских сочинений на корейский язык имели своим результатом относительно высокий уровень этнокультурного, государственного самосознания. Исчезают проявления регионального политического сепаратизма, характерные еще для середины XIII в. Формируется «прото-национальное» сознание: оставаясь частью общерегиональной культуры (конфуцианцем), чосонец, прежде всего образованный, начинает осознавать себя одновременно и корейцем — потомком мифического Тангуна, обладателем своеобразного исторического наследия, носителем отличного от Китая языка. К концу XVI в. можно говорить об оформлении корейского этноса (прото-нации) на докапиталистической стадии. Учитывая значительный прогресс не только в административной или сословной, но и в этнокультурной консолидации, ранний Чосон можно характеризовать как «продвинутое средневековое общество» — позднесредневековую бюрократическую монархию, постепенно создающую предпосылки для перехода, в последующие столетия, к следующим этапам исторического развития.

Первые шаги основателя новой династии были направлены на упрочнение внутренних и внешних позиций своего дома. Требовалось твердо обосновать право новой династии на власть в системе тогдашних идеологических стереотипов. С этой целью Ли Сонге (известен по посмертному имени Тхэджо; правил в 1392–1398) известил — на следующий же день после восхождения на престол — регионального «сюзерена», Минскую династию, о династических переменах в Корее и формально ходатайствовал о признании его прав на трон. Он также попросил выбрать имя для новой корейской династии из двух представленных им вариантов — Хварён (по месту происхождения его семьи в северо-восточной Корее) и Чосон (по основанному легендарным прародителем Тангуном Древнему Чосону). Минское правительство остановило свой выбор на втором варианте (ибо Древний Чосон упоминался в китайских источниках), и с этого момента Чосон стало официальным названием новой династии. Получение от Минов наименования для нового государства означало признание дома Ли Сонге de-facto. Сложнее было с

признанием *de-jure*, символизировавшимся вручением «вассалу» от «сюзерена» золотой государственной печати и письменной инвеституры. Желая закрепить свою позицию «сюзерена», а заодно и удовлетворить собственные нужды, Мины требовали от новой корейской династии возвращения бежавших в Корею чжурчжэней и выплаты непомерно большой «дани» лошадьми, золотом и серебром. Чтобы уклониться от последнего требования, Корею пришлось даже демонстративно отказаться на некоторое время от разработки золотых и серебряных рудников.

После долгих переговоров, часто на грани конфликта, золотая печать и текст инвеституры были официально посланы в Корею в 1401 г. Это сыграло большую роль и в легитимизации новой династии внутри страны: господствовавшая идеология рассматривала китайского императора как «Сына Неба», и правитель «окраинного государства», не имевший китайской инвеституры, был, с точки зрения образованных корейцев, узурпатором. Другим элементом утверждения легитимности новой династии было основание новой столицы: Кэсон, центр старой корёской аристократии, был слишком тесно связан с памятью о прошлом. В результате долгих поисков с использованием популярных в то время геомантических методов выбор в 1394 г. был сделан на центре уезда Ханян в долине реки Ханган, считавшейся еще в древности стратегически важным районом. Уже в 1395 г. силами мобилизованных крестьян и буддийских монахов в новой столице были построены наиболее важные с конфуцианской точки зрения ритуальные сооружения — Храм Государевых Предков (*Чонмё*), Храм Земли и Злаков (*Саджик*), государев дворец. В следующем году новая столица была обнесена крепостной стеной. С 1398 г. двор на некоторое время вернулся в Кэсон, но с 1405 г. вновь обосновался в новой столице, где и находился до самого конца династии. Современники официально именовали новую столицу Ханян, или Хансон, но в просторечье она называлась просто «Соуль» — «столица». Столица Южной Кореи, находящаяся на том же месте, именуется этим словом и по сей день (в русском языке — Сеул, в европейских языках — Seoul).

Придя к власти, Ли Сонге, следуя традиционным дальневосточным прецедентам, вознаграждал особыми титулами (включавшими титулование *консин* — «заслуженный сановник»), землей (наследуемой) и рабами группу преданных новому правящему дому сторонников (более 2 тыс. человек). В их число входили не только продвигавшие нового правителя к власти неоконфуцианские чиновники-ученые (такие, как Чон Доджон), но и множество безвестных офицеров из дружин Ли Сонге и его сыновей. Разнородная как по происхождению, так и по социальному и политическому положению группа «заслуженных сановников» должна была, по замыслу Ли Сонге, стать лояльным «ядром» *янбанского* сословия. Другим способом укрепления молодой монархии

была политика ограничений и регламентации по отношению к одному из крупнейших землевладельцев — буддийской церкви. Сам Ли Сонге (как и большинство корёсцев) был верующим буддистом, жертвовал деньги на постройку пагод и прислушивался к советам своего духовного учителя (с титулом *ванса* — «государев наставник») Мухака (1327–1405), известного также как специалист по геомантии (он сыграл решающую роль в выборе места для новой столицы). Но личные симпатии не помешали новому монарху отнять у монастырей освобождения от налогов и повинностей, перейти от регистрации монахов к продаже (за высокую цену) разрешений на поступление в монастыри (*точхон*) и начать борьбу против не признанных официально простонародных буддийских культов (с точки зрения конфуцианцев, разорительных для налогоплательщиков). Жесткая политика по отношению к буддийским храмам была продолжена и наследниками Ли Сонге. Другим элементом неоконфуцианской политики было создание в 1395 г. Управления по Упорядочению Дел Рабов (*Ноби Пёнджон Тогам*). Это учреждение рассматривало жалобы на несправедливое порабощение свободных «сильными домами» и монастырями, возвращая свободу тем, на кого не было должным образом составленных владельческих документов.

Сразу после прихода к власти Ли Сонге реорганизовал армию, создав в столице три отборных охранных корпуса и поставив эти «преторианские» части под командование доверенных родственников. Были немедленно предприняты меры по роспуску всех оставшихся еще «домашних войск» — опоры влияния «сильных домов». Тем не менее, опасаясь попыток реставрации, Ли Сонге сделал исключение для своих сыновей, разрешив им сохранить и даже увеличить личные вооруженные отряды. Эта мера придавала, в конце концов, борьбе за власть между сыновьями основателя характер «гражданской войны в миниатюре», сопровождавшейся мало совпадавшей с неоконфуцианскими нормами жестокостью и вероломством.

Официальным наследником Ли Сонге был заранее объявлен самый младший из его сыновей от двух «старших» жен — малолетний Ли Бансок, за спиной которого стоял могущественный сановник и видный неоконфуцианский мыслитель Чон Доджон. Чон Доджон считал, что в идеальной монархии государева власть должна жестко ограничиваться полномочиями главного министра как представителя бюрократии в целом, и готовил себя к этой роли при малолетнем государе. Притязания Чон Доджона и его группы натолкнулись, однако, на решительное сопротивление пятого сына основателя, Ли Банвона, сыгравшего ключевую роль в процессе установления нового режима. Конфликт Чон Доджона и Ли Банвона был не только простым столкновением сильных и амбициозных личностей: Ли Банвон выступал за авторитарную монархическую систему, где бюрократические институты прямо подчинялись бы не главному министру, а государю. В конце концов, не без основания

считая, что Ли Сонге больше симпатизирует группе Ли Бансока—Чон Доджона и что соперники могут устранить его первыми, Ли Банвон нанес в 1398 г. превентивный удар, приказав своим дружинникам уничтожить Ли Бансока и приближенных, прежде всего Чон Доджона.

Истребив в ходе братоубийственного путча соперников, честолюбивый Ли Банвон принудил отца к отречению, отдав трон второму по старшинству принцу, Ли Бангва (посмертное имя — Чонджон; 1398–1400). Реальная власть перешла в руки Ли Банвона и его клики. После того, как четвертый принц, Ли Банган, предпринял в 1400 г., с негласной подачи Ли Сонге и Ли Бангва, неудачную попытку уничтожить группу Ли Банвона, последний решил, что настало время выйти на передний план. Ли Бангва был принужден отречься от трона (и находился под мягким домашним арестом до конца жизни), окружение Ли Бангана — физически истреблено (сам принц — отправлен в ссылку), и на престол вззошел Ли Банвон (посмертное имя — Тхэджон; 1400–1418). Междоусобная борьба внутри клана Ли Сонге завершилась победой сторонников авторитарной модели. Сразу после прихода к власти Ли Банвон распустил все частные военные отряды, тем самым обезопасив свой режим от покушений. После того, как попытка вооруженного переворота, предпринятая в 1402 г. одним из пограничных военачальников северо-востока, Чо Саем (с негласного одобрения Ли Сонге, ненавидевшего братоубийцу-Ли Банвона), закончилась неудачей, авторитарный режим Ли Банвона вступил в фазу стабильности.

Стабильность эта поддерживалась весьма жесткими методами. Репрессировались все, кто хотя бы в малейшей степени мог подозреваться в покушении на верховную власть: скажем, были отправлены в ссылку (и позже принуждены к самоубийству) ближайшие сторонники Ли Банвона — братья его жены (из клана Мин), — замеченные в стремлении «плести дворцовые интриги». Убит (точнее, принужден к самоубийству: в обычных случаях *янбанам* смертная казнь заменялась приказом покончить с собой) был и отец жены наследника престола (будущего государя Седжона), обвиненный доносчиком в «критике государственной политики». Для систематического искоренения «крамолы» в 1414 г. было создано Специальное Полицейское Управление, *Ыйгымбу* («Ведомство по обсуждению запретного»), с более чем 250 сотрудниками, задачей которых было преследование противников режима в *янбанской* среде, а заодно и борьба с нарушителями конфуцианской нравственности. Одновременно с полицейскими репрессиями, режим уделял внимание и организации регулярной бюрократической машины. Формально высшим совещательным органом был состоявший из старших чиновников Верховный Государственный Совет — *Ыйджонбу* («Ведомство по обсуждению дел правления»). В реальности же после двух реформ бюрократической системы (в 1405 и 1414 гг.) большая часть делопроизводства была переведена в шесть отраслевых министерств (Чинов, Церемо-

ний, Армии, Финансов, Наказаний, общественных Работ), поставленных под прямой государев контроль: по всем основным вопросам министры докладывали прямо государю. Установлены были четкие правила оценки служебных заслуг и упущений чиновников: поведение и заслуги должны были стать основным критерием мобильности внутри бюрократического аппарата (закон 1402 г.). По примеру Сунской династии, перед дворцом в 1402 г. был установлен особый «барабан для жалоб» (*синмун-го*), в который мог постучать всякий, желавший донести лично государю на злоупотребления чиновников или «крамолу» (впрочем, вполне в духе сословного общества рабам запрещалось доносить на господ).

Реорганизованная бюрократия усилила контроль над населением. В 1413 г., по примеру Юаньской династии, был введен в действие Закон об «именных дощечках» (*хонхэ*) — своеобразных «внутренних паспортах». Эти дощечки, выдаваемые в упробах по месту жительства, должны были носить при себе все совершеннолетние: таким образом режим хотел предотвратить бегство податного люда от налогов и воинской повинности (в реальности, большинство уклонялось от ношения дощечек). Против буддийского землевладения (монастыри распоряжались приблизительно 10–12% всех земель) были приняты жесткие меры: сразу после смерти Мухака (1405 г.) 90% храмовых земель было конфисковано, более 80 тыс. монастырских рабов — приписано к государственным учреждениям, а все монахи, не имевшие государственного сертификата (*точхон*) — возвращены в мир. Государственные финансы были укреплены, а влияние буддизма — подорвано. В целом, реформы Тхэджона заложили основы рациональной, жестко централизованной государственности Чосона. Они стабилизировали страну политически, сделали государственную эксплуатацию податного сословия регулярной и предсказуемой, и тем создали основу для развития производительных сил, торговли и культуры. Они стали фундаментом, на котором в правление сына Тхэджона, государя Седжона Великого (1418–1450), экономика и культура позднего корейского средневековья достигли расцвета.

Стремясь придать бюрократическому авторитаризму черты идеального конфуцианского общества и обеспечить идеологический консенсус в среде элиты, Седжон особенно поощрял развитие конфуцианской учености. При нем была возрождена восходящая к китайским прототипам корёская система *кёнъён* — лекций по конфуцианской классике для государя и членов его клана. Через лекции, читавшиеся ведущими конфуцианскими учеными (обычно служившими на высоких постах), государь не только постигал философские тонкости, но и получал представление о настроениях в среде высшего и среднего чиновничества, что помогало формировать консенсуальную политику, приемлемую для *ян-банского* общества в целом. В 1420 г. была также возрождена придворная академия Чипхёнджон — «Павильон, где собираются мудрецы». Академия такого типа была впервые основана (по модели Танского Ки-

тая) корёским государем Инджоном в 1136 г., но вскоре пришла в полный упадок и вновь появилась на сцене лишь при Седжоне. 20 элитных ученых Чипхёнджона, в распоряжении которых имелась одна из лучших библиотек тогдашней Восточной Азии и штат секретарей и рабов, часто получали специальные отпуска для изучения литературы и составления энциклопедий, справочников и словарей. Академическая элита Чипхёнджона — конфуцианские ученые, видевшие в Седжоне образец «мудреца на троне» и преданные ему, — была кадровым резервом, из которого рекрутировалось высшее чиновничество. Ее труды стали основой для развития позднесредневековой культуры. В частности, в основном ее усилиями был в 1443–1444 гг. создан оригинальный корейский алфавит из 28 букв, предназначенный, прежде всего, для конфуцианской индоктринизации основной массы населения, плохо владевшей, в отличие от *янбанов*, китайским письменным языком и не имевшей возможности читать китайских классиков в оригинале. Распространение записанной алфавитом литературы внесло, в то же время, свой вклад в укрепление этнокультурного самосознания корейцев. Тому же способствовала и проводившаяся учеными Чипхёнджона работа по составлению и изданию трудов по корейской истории и географии — монументальной *Корёса* («История Корё») из 139 глав (1451 г.), *Пхальто чириджи* («Географическое описание восьми провинций», 1432 г.), и т. д. Другим идеологическим мероприятием Седжона было прекращение официальных жертвоприношений духам гор, морей и рек, до того времени считавшимся магическими «покровителями государства». Тем самым утверждался рациональный конфуцианский подход к политике — соблюдение этических норм, а не магические обряды, рассматривалось теперь как залог благополучия государства.

Седжон проводил активную внешнюю политику, прежде всего на северном пограничье страны — близком к северо-восточным районам, родине Ли Сонге и колыбели династии. Поддерживая с жившими на северных границах страны чжурчжэнями активные торговые отношения (чжурчжэни поставляли меха и лошадей, закупая ткани и продовольствие), корейское правительство рассматривало все земли к югу от Амноккана и Тумангана как «владение предков» и всеми силами стремилось вернуть контроль над ними. Чжурчжэньские вожди, как и во времена раннего Корё, привлекались раздачами почетных чинов и предметов роскоши, торговыми привилегиями. К 1434 г. было завершено строительство шести укрепленных административных центров (*юкчин*), практически контролировавших все северо-восточные земли к югу от Тумангана. Впоследствии, когда после 1860 г. Россия установила контроль над южно-уссурийским регионом, два из этих шести центров (Кёнхын и Кёнвон) оказались важными пунктами на российско-корейском пограничье. К 1443 г. завершилась также организация четырех округов на южном берегу Амноккана. Это означало, что границы

Кореи приобрели приблизительно те же очертания, какие они имеют и по сей день. Чтобы освоить и закрепить за Чосоном северные земли, Седжон проводил административное переселение крестьян и мелких чиновников южных провинций на север, используя как принуждение, так и различные стимулы. Корейское переселенческое население смешивалось с теми из чжурчжэней, кто принял чосонское подданство — до сих пор в диалектах северного пограничья Кореи можно найти немало чжурчжэньских слов.

Другим важным направлением внешней политики в царствование Седжона было урегулирование отношений с Японией, направленное на предотвращение пиратских набегов. Организуя карательные экспедиции против пиратских гнезд на о. Цусима (наиболее известна экспедиция 1419 г.), правительство Седжона в то же время стремилось удовлетворить потребности японцев в корейских товарах (прежде всего рисе) мирным путем, через регулируемые торговые контакты. По договору, заключенному Чосоном с *даймё* (феодальным князем) о. Цусима в 1443 г., японские торговцы получили право захода в три южных корейских порта и проживания там по торговым делам; при этом ежегодное количество японских судов и объем рисового экспорта строго ограничивались. Необходимо отметить, что формально торговля с чжурчжэнями и японцами понималась корейским двором как вид «формального вассалитета», аналогичный по структуре отношениям Кореи с Минской империей. Японцам и чжурчжэням, считавшимся менее «цивилизованными» народами, чем корейцы, давалось право преподнести «дань» чосонскому двору и получить в обмен «ответные подарки» — корейские предметы роскоши, рис и т. д. Представление о корейской монархии как о «наиболее цивилизованном среди варварских государств», следующим сразу за Китаем в культурной иерархии, разделялось и китайским двором.

Период правления Седжона запомнился как время общего подъема производительных сил, прежде всего в основном секторе экономики — сельском хозяйстве. Конфискация крупных поместий и массовое освобождение рабов сделали свободного крестьянина — земельного собственника и налогоплательщика — основной фигурой в селе. По некоторым подсчетам, из всего земледельческого населения начального периода правления Седжона примерно 70% владели пахотной землей. Новая власть привнесла в деревню стабильность, что не могло не стимулировать производство — крестьян получил уверенность, что излишки не будут несправедливо отобраны. За счет распашки целины, освоения северного пограничья значительно увеличился фонд обрабатываемых земель. Прирост общего урожая шел не только за счет расширения запашки, но и благодаря качественным улучшениям. Именно в этот период повсеместное распространение получил сбор двух урожаев в году (*имоджак*) — после уборки рисового урожая на «сухое» (неорошаемое)

рисовое поле высаживались бобы или ячмень. Все больше становилась доля более производительных орошаемых полей — в стране к середине XV в. имелось уже около 3 тыс. водохранилищ и плотин. Постепенно из южных провинций на север начала распространяться технология высадки предварительно выращенных на особой грядке рисовых саженцев на залитое водой поле (*уанбон*), дававшая более высокие урожаи, чем традиционный высев семян, но и требовавшая интенсивной ирригации. В целом, к концу правления Седжона средняя урожайность корейского рисоводства была примерно в два раза выше, чем при династии Корё. Интересно, что государство обеспечивало «научно-технологическую поддержку» прогрессивным тенденциям в сельском хозяйстве, прежде всего через печатание и распространение специальной литературы, скажем, энциклопедического труда *Нонса чиксоль* («Популярные беседы о земледелии») (1430 г.). Прямо связаны с нуждами земледелия были и достижения придворных техников, изготовивших для Седжона набор астрономических инструментов, новый календарь (с использованием достижений арабской астрономии) и, самое важное, бронзовые дождемеры для определения уровня осадков (1442 г.). Дождемеры рассылались по провинциям и использовались для наблюдений за количеством осадков. Эти данные были необходимы для установления оптимальных дат начала сельскохозяйственных работ и вычисления точной суммы рисового налога (зависевшей от того, насколько урожайным следовало считать данный год). На Западе — в Италии — подобные приспособления появились лишь в XVII в. Связь науки и техники с материальным производством, типичная для Европы Нового Времени (XVII–XVIII в.), проявлялась в Корее, как и в Китае, гораздо раньше — уже при позднесредневековых бюрократических режимах.

Стабильность, рожденная сочетанием жесткого авторитаризма Тхэджона и сбалансированной политики «просвещенного абсолютизма» Седжона, оказалась недолговечной. В правление наследника Седжона, государя Мунджона (1450–1452), бюрократический механизм продолжал еще слаженно работать, но неожиданная смерть Мунджона и вступление на престол малолетнего наследника, известного по посмертному имени Танджон (1452–1455), быстро привели страну на грань крайне кризиса. С одной стороны, согласно завещанию Мунджона, шесть отраслевых министерств были переведены из-под прямого государева контроля в подотчетность Верховного Государственного Совета. Мера эта означала, что контроль над аппаратом переходил в руки конфуцианской элиты, членов Верховного Государственного Совета, в основном пришедших на службу через академию Чипхёнджон. С другой стороны, влиятельный родственник государя великий князь (*тэгун*) Суян — второй сын Седжона, искусный полководец и талантливый государственный деятель, — воспринял усиление влияния конфуцианской элиты как угрозу благополучию династии и решил принять меры для восстановле-

ния авторитарного режима. Сколотив вокруг себя группу сторонников, Суян совершил в 1453 г. государственный переворот: виднейшие члены Верховного Государственного Совета были уничтожены, и реальная власть перешла, при бессильном Танджоне, в руки клики Суяна. Принудив затем Танджона к отречению (вскоре бывший государь был убит в ссылке), великий князь Суян взшел на престол; в истории он известен под посмертным именем Седжо (1455–1468).

На следующий год после узурпации виднейшие члены академии Чипхёнджон, видевшие в поступке Седжо худшее из преступлений (измену государю), составили заговор с целью убийства Седжо и восстановления Танджона на троне. Заговор закончился неудачей: выданные предателем, заговорщики (всего около 70 человек) были казнены после жестоких пыток. Шесть руководителей заговора — известных в поздней литературе как «шестеро погибших сановников» (*саюксин*) — стали примером добродетельных подданных в традиционной историографии, своеобразной «идеальной ролевой моделью» конфуцианского поведения. Расправа над заговорщиками и их сторонниками означала отдаление авторитарной монархии от конфуцианской элиты. После провала заговора придворная академия Чипхёнджон была разогнана, а лекции по конфуцианской классике для государя (*кёнён*) — отменены. Перевод шести министерств обратно в прямую подотчетность лично государю значительно ослабил Верховный Государственный Совет. Кроме того, многие представители конфуцианской элиты принципиально отказывались от службы «узурпатору» и «изменнику». В итоге, в государственном аппарате стала преобладать клика лично преданных Седжо сторонников (многие из них были причислены к «заслуженным сановникам» — *консин* — и получили во владение обширные поместья). В то же время многие конфуциански образованные землевладельцы (группировка *сарим* — «лес ученых»), оказавшись отстраненными от власти, занялись воспитанием учеников и укреплением своего влияния на местах. Итогом противостояния между бюрократическим режимом и конфуцианской элитой стало углубление корейской конфуцианской традиции, появление в ней сильного акцента на моральную автономию личности, право противостояния неэтичной власти.

Находясь в напряженных отношениях с широкими слоями землевладельческой элиты, правительство Седжо приняло ряд мер для ужесточения контроля над бюрократией. Так, в 1466 г. был отменен закон 1391 г. о ранговых наделах — чиновники получали теперь со вступлением в должность лишь должностной надел (*чикчон*), который с выходом в отставку возвращался в казну. После смерти Седжо, в 1470 г., этот порядок был ужесточен — налоги с наделов стала собирать центральная администрация, выдавая затем чиновнику лишь определенную сумму, практически ставшую частью жалованья. Позже, с 1556 г., выдача наделов прекратилась вообще, и чиновничество превратилось в получающих ка-

зенное жалование наемных служащих государства. Это означало также разрыв с позднекорёской традицией личной власти чиновной землевладельческой верхушки над крестьянством. Чиновники, сидевшие на жалование, не были уже для крестьян всемогущими хозяевами округи. Гарантировав крестьянские земли от «приватизации» чиновничеством, режим Седжо укрепил владельческие права крестьян на наделы и тем обеспечил себе их поддержку. Значительно менее популярными были меры Седжо, направленные на укрепление контроля над деревней. Так, жестче стал контроль над соблюдением законов о подворных регистрах (*ходжок*) и «именных дощечках» (*хонхэ*); усилилась слежка за населением по пятидворкам — соседским объединениям, члены которых отвечали друг за друга перед властями. Эти меры позволили режиму Седжо укрепить реорганизованную в 1457 г. в пять корпусов (*ови*) армию и проводить еще более активную политику освоения северных территорий, обеспечив как набор рекрутов для вспомогательных подразделений, так и возможность организовывать массовые переселения крестьян с юга на северное пограничье. Из операций на северной границе особую известность получила кампания 1460 г. против «немирных» чжурчжэней бассейна р. Туманган, завершившаяся переселением более чем 4500 крестьянских дворов с юга в этот район.

Жесткий контроль и активная военно-переселенческая политика ложились тяжелым бременем на крестьянство, вызывая немалое недовольство. Особенно сильным протест был на окраинах, где недовольство как местной землевладельческой элиты, так и эксплуатируемых слоев выливалось даже в ширококомасштабные мятежи. Хорошо известен, скажем, мятеж Ли Сиз — землевладельца-чиновника из северо-восточной провинции Хамгильдо (сейчас называется Хамгёндо), восставшего в 1467 г. с требованием назначать в провинцию чиновников лишь из числа местной знати. Восстание — активно поддержанное местным крестьянством — было подавлено с немалым кровопролитием, но результатом стало лишь дальнейшее усиление централизованного начала — существовавшие еще с позднекорёских времен уездные ассамблеи (*юхьянсо*; сословные собрания местного *янбанства*) были отменены. В идеологической области результатом трений двора с конфуцианской элитой было временное укрепление позиций буддизма, остававшегося популярной в народе религией. Правление Седжо было ознаменовано переводом на корейский язык и изданием (под руководством специально созданного дворцового ведомства) целого ряда буддийских сочинений, что способствовало широкому распространению корейской письменности.

Временем синтеза авторитарной традиции Тхэджона-Седжо и «просвещенного абсолютизма» в духе Седжона было правление Сонджона (1469–1494) — внука Седжо, отличавшегося любовью к знаниям, немалыми способностями в поэзии и каллиграфии. Оставив на ряде руково-

дящих постов «заслуженных сановников» времен Седжо, Сонджон в то же время продвигал по службе молодых членов группы *сарим*, поощрял выдвижение провинциальных ученых. Большое значение приобрело придворное Управление Литературы — *Хонмунгван*, наследовавшее ряд функций академии Чипхёнджон. Восстановлены были и упраздненные в конце правления Седжо местные ассамблеи *юхянсо*, ставшие важным инструментом контроля местной элиты над нравами и поведением населения. Символом умеренного бюрократического авторитаризма времен Сонджона стал завершённый в 1474 г. после нескольких десятилетий кропотливого труда специального правительственного ведомства Кодекс Законов Чосонской династии — *Кёнгук тэджон*. С одной стороны, Кодекс был бюрократическим регламентом, о чем говорит и его структура (каждая из шести глав Кодекса была посвящена работе соответствующего отраслевого министерства). С другой стороны, основные положения Кодекса были своеобразной «конституцией» Чосона, так как их соблюдение считалось обязательным и для монарха. То, что работа над исправлением спорных мест в Кодексе и внесением разного рода дополнений продолжалась еще целое десятилетие после его опубликования, хорошо показывает, какое значение придавалось этому правовому документу.

Кроме Кодекса, правление Сонджона было отмечено составлением и изданием целого ряда энциклопедических сочинений и сборников на корейскую тематику: *Тонгук ёджи сыннам* («Описание корейской земли и ее достопримечательностей»; 1481 г.), *Тонмунсон* («Собрание корейской литературы»; 1478 г.), *Акхак квебом* («Музыкальная энциклопедия»; 1493 г.), и т. д. Серьезное внимание начало уделяться общей конфуцианизации нравов, прежде всего привилегированного класса. Так, с конца XV в. началось обсуждение закона о запрещении вторичного замужества вдов, официального введенного несколько позже, с 1500 г. «Преданность» вдовы покойному мужу символизировала важнейшую из неоконфуцианских добродетелей — соблюдение этических норм в отношениях «младших» и «старших». В тот же период был запрещен уход в буддийские монахи женщины из «благородных» (*янбанских*) семейств, а также началось изгнание шаманов и шаманок из пределов столицы. Конфуцианство начало приобретать черты монополярной идеологии, обязательной для господствующих слоев и активно навязываемой простонародью.

При всех культурных достижениях этого периода, Чосон конца XV в. страдал от серьезных социально-экономических проблем. Коренились они, прежде всего, в долговременном хозяйничанье при дворе клик «заслуженных сановников», обладавших, несмотря на всю бюрократическую рационализацию второй половины XV в., достаточными возможностями для того, чтобы ставить государственный аппарат на службу семейным и клановым интересам. «Заслуженные сановники»

имели в наследственной собственности большие массивы пожалованных монархией полей. Будучи богатыми людьми и владея значительным числом рабов (также в основном пожалованных двором), «заслуженные сановники» имели возможность законно расширять свои поместья путем распашки целины и скупки крестьянских наделов (официально торговля землей, запрещенная основателем династии, была вновь разрешена с 1424 г.). Важным способом обогащения было для них ростовщичество, расшатывавшее устои крестьянской экономики. Однако самым серьезным ударом для крестьян было то, что к организованному ростовщичеству начал прибегать и государственный аппарат на местах, весьма часто укомплектованный коррумпированными ставленниками придворных клик. По законам, местные власти должны были беспроцентно ссужать нуждающимся крестьянам зерно для посева (эта система называлась *хванджа* — «возвратная ссуда», так как зерно возвращалось после уборки урожая осенью), но со временем чиновники начали под разными предлогами взыскивать с должников проценты и навязывать ссуды даже тем, кто в них не нуждался. Другим источником обогащения для бюрократов была система податей натурой. Так как часто в число податей включались не производившиеся в данной местности предметы или материалы, их поставка обычно поручалась откупщикам — богатым торговцам, поставлявшим двору «от лица» того или иного уезда требуемый продукт. Однако затем они взыскивали стоимость своих услуг вдвое или втрое с местных жителей и делились прибылью с чиновничеством. Другой формой вымогательства было «военное полотно» (*кунпхо*) — подушный налог натурой, выплачивавшийся военнообязанными вместо явки на действительную службу, и чаще всего взимавшийся в непропорционально больших размерах. Результатом коррупции стали разорение, голодные смерти и массовое бегство крестьян, а также ряд народных восстаний в провинциях (1489 г., 1494 г.). Конфуцианские интеллигенты из группировки *сарим*, не допускавшие «заслуженными сановниками» на ответственные посты, подвергали развал в управлении и произвол жесткой критике. Конфликт между двумя группировками правящего класса постепенно накалялся, что не могло не привести страну к политическому кризису.

Кризис вспыхнул в итоге в правление Ёнсангуна (посмертного имени не получил; 1494–1506), вступившего на трон подростком и отличавшегося рядом черт характера, сближающих его с младшим современником, Иваном Грозным, — мнительностью, садистской жестокостью, абсолютной нетерпимостью к возражениям. В значительной степени поведение малолетнего государя контролировалось кликой приближенных (возглавлявшейся родственниками государыни), стремившейся как избавиться от конкурирующих группировок в среде «заслуженных сановников», так и обезопасить себя от критики со стороны са-

римов. Первой мишенью сановников Ёнсангуна стали молодые конфуцианцы. Предлогом для гонений послужило включение одним из учеников неоконфуцианца Ким Джонджика (1431–1492) в предварительный текст официальной истории государства сатирического текста учителя, осуждавшего — естественно, с использованием эзопова языка, — узурпацию трона Седжо. Узнав о критике в адрес прадеда, Ёнсангун учинил расправу над последователями Ким Джонджика, казнив, после истязаний, пятерых наиболее известных конфуцианцев и отправив в ссылку двенадцать (1498 г.). Тело «государственного преступника» Ким Джонджика было вынуто из гроба и обезглавлено. Видя в конфуцианстве враждебную силу, Ёнсангун уничтожил критиковавший его поведение с конфуцианских позиций Государственный Цензорат (*Саганвон*). Он разогнал Государственный Университет (*Сонгюнган*), устроив на его месте павильон для попоек. Открыто игнорируя конфуцианские нормы, Ёнсангун собрал во дворец гетер-*кисэн* (корейский аналог японских гейш) со всей страны, целыми днями предаваясь разврату. Конфуцианцы, остававшиеся еще на службе, видели свой долг в критике безнравственного поведения государя, расплачиваясь за смелость должностями, здоровьем, а часто и жизнью.

Серьезный удар был нанесен кликой Ёнсангуна и по соперничавшим с ней группировкам «заслуженных сановников». Воспользовавшись трагическим моментом в биографии молодого государя — его мать была изгнана Сонджоном из дворца и казнена — члены клики настроили Ёнсангуна против большинства видных «заслуженных сановников». В 1504 г. ряд «заслуженных сановников» и придворных (в том числе и бывших наложниц Сонджона), обвиненный в причастности к гибели матери Ёнсангуна, был казнен, причем в ряде случаев государь лично расправлялся с «врагами матери». Эта расправа освободила клику Ёнсангуна от конкурентов по части коррупции и вымогательства, но в то же время и лишила режим опоры в среде господствующего класса. Недовольство тиранией стало распространяться и в народе, чему способствовали, в частности, расклеиваемые оппозицией по столице плакаты на корейском языке с критикой государя. Желая обезопасить себя от публичной критики, Ёнсангун запретил использование корейского алфавита и публично уничтожил ряд написанных алфавитом сочинений. Употребление корейского алфавита было объявлено «преступлением», в наказание за которое уничтожался не только «преступник», но и три поколения родни. В конце концов, недовольство всех слоев населения достигло критической точки, и в 1506 г. в результате почти бескровного переворота Ёнсангун был лишен трона (он вскоре умер в ссылке). К власти пришел его сводный брат, известный по посмертному имени Чунджон (1506–1544). В реальности решающим влиянием пользовались несколько «заслуженных сановников» — инициаторов переворота.

б) XVI в. — «неоконфуцианизация» Чосона и японская агрессия 1592-1598 гг.

Взойдя на престол, 19-летний Чунджон понял, что именно хозяйничанье «заслуженных сановников» привело страну к кризису и лишь привлечение *саримов* на ключевые посты может стабилизировать ситуацию. Однако в первые годы его правления влияние организаторов переворота 1506 г. оставалось безраздельным. Реформаторские стремления государя начали осуществляться лишь с 1511 г., с привлечением на службу талантливого и решительного конфуцианца Чо Гванджо (1482–1519) — ученика одного из последователей Ким Джонджика. Активное осуществление реформ началось в 1515 г., когда Чо Гванджо поступил на службу в Управление Литературы (*Хонмунгван*), став вскоре его директором, а также ближайшим советником государя и фактически архитектором правительственной политики.

Философской основой реформ послужили неоконфуцианские представления об идеальном обществе, где высокая степень образованности и духовной зрелости правителей и подданных исключает коррупцию и делает ненужным принуждение. В социально-политическом аспекте, реформы отражали интересы конфуциански ориентированных служилых землевладельцев, страдавших от хозяйничанья «заслуженных сановников» в государственном аппарате и желавших усилить свое влияние на местное общество. Чтобы покончить с засильем «заслуженных сановников», Чо Гванджо обратился к существовавшей в Китае во времена Ханьской династии системе выдвижения заслуженных ученых по рекомендациям столичных конфуцианцев и местных властей. В условиях Кореи XVI в., эта система (*хёллянкава* — «отбор мудрых и добродетельных») должна была обеспечить продвижение на центральные посты сторонников реформ из числа провинциальных конфуцианцев, не имевших средств на подготовку к регулярным государственным экзаменам. Рекомендованные экзаменовались в присутствии государя по упрощенной модели (требовалось представить комментарии по насущным вопросам дня, а не формально сложные стихи на заданную тему). Продвижению успешно сдавших экзамен давался «зеленый свет». 28 конфуцианцев (в основном приверженцев Чо Гванджо), взятых по этой схеме на службу в 1519 г., должны были составить «ударный отряд» реформ, заменив «заслуженных сановников» у кормила власти.

Контроль конфуцианцев над местным обществом должны были закрепить заимствованные из сочинений Чжу Си «деревенские союзы» *хянъяк*, к распространению которых приступили реформаторы. «Деревенские союзы» были формой организации местного общества (обычно на уровне каждого отдельного села), предусматривающей кооперацию как экономического (взаимопомощь в неурожайный год), так и морально-этического плана (совместное участие в конфуцианских церемониях,

совместный контроль над соблюдением конфуцианских порядков). Учитывая, что местные *янбанские* фамилии, имевшие больше земли и обладавшие авторитетом в качестве носителей конфуцианской учености и морали, не могли не играть в этих союзах первую скрипку, начатое Чо Гванджо движение за распространение *хяньяк* означало попытку закрепить за *янбанской* элитой лидерство на местном уровне. Больших успехов кампания Чо Гванджо за введение *хяньяк* сразу не принесла — «деревенские союзы» окончательно привились лишь во второй половине XVI в. Своеобразную аналогию кампаниям против «ведьм» и «еретиков» в Европе поздних Средних Веков и раннего Нового Времени — но, в отличие от Европы, практически бескровную, — представляла борьба соратников Чо Гванджо с буддизмом и даосизмом. Получив влияние при дворе, Чо Гванджо незамедлительно использовал его для конфискации земель и рабов у монастырей (1516 г.) и закрытия придворного ведомства даосских жертвоприношений Небу и Звездам (1518 г.). Последнее вызвало крайнее недовольство приверженного религиозному даосизму и склонного к суевериям Чунджона, серьезно подорвав доверие государя к реформатору.

Более серьезной причиной для недовольства государя и близких ему «заслуженных сановников» стало требование Чо Гванджо разжаловать как недостойных более трех четвертей «заслуженных сановников», получивших этот статус за участие в перевороте 1506 г., отобрав у них землю, рабов и титулы. Такого вызова привилегированная клика стерпеть не могла. Несколько видных «заслуженных сановников» осудили реформатора за «непочтительность к старшим» и «непомерные амбиции» и предостерегли Чунджона возможной узурпацией Чо Гванджо престола в будущем. Начав опасаться за свое положение перед лицом бескомпромиссного конфуцианца, Чунджон одобрил спланированную «заслуженными сановниками» расправу с реформаторами. Чо Гванджо и его ближайшим сторонникам было приказано покончить жизнь самоубийством (смертная казнь применялась к *янбанам* лишь в исключительных случаях), остальные члены реформаторской группировки были разжалованы и сосланы (1519 г.). Чо Гванджо сохранил мужество перед лицом смерти, заявив перед самоубийством, что продолжает чтить государя как родного отца. «Мученики 1519 г.» стали своеобразными «святыми» корейского неоконфуцианского пантеона, образцом верности идеалам для современников-*саримов*. Глава группировки «заслуженных сановников» Нам Гон (1471–1527), организовавший расправу над Чо Гванджо и его последователями, впоследствии сжег все свои рукописи в знак раскаяния.

Вслед за гибелью Чо Гванджо и его сторонников, сопровождавшейся также изгнанием со службы всех тех, кто сдал экзамены по системе *хёл-лянкава*, к кормилу власти опять вернулись конкурировавшие между собой клики «заслуженных сановников». После смерти всевластного пер-

вого министра Нам Гона в 1527 г. власть сосредоточилась в руках его старого противника, известного своей жестокостью и безнравственностью сановника Ким Алло (1481–1537), организовавшего в период своего хозяйничанья во дворце (1531–1537 гг.) целый ряд расправ с соперниками. Не прекращались и преследования конфуцианской интеллигенции, все громче критиковавшей произвол власть имущих. Отставка и самоубийство (по государеву приказу) Ким Алло и его группы (1537 г.) после попытки оклеветать и изгнать из дворца государыню Юн не изменили положения дел. У власти оказались братья государыни, известные как «группировка младших Юнов», и разгул коррупции продолжался по-прежнему. С небольшим перерывом в 1544–1545 гг., когда после смерти Чунджона власть захватила конкурирующая клика «старших Юнов», владычество братьев государыни и их присных продолжалось при государе Мёнджоне (1545–1567) вплоть до середины 1560-х гг. Расправы «младших Юнов» над дворцовыми соперниками часто сопровождались гонениями на оппозиционные конфуцианские группировки. Более чем двадцатилетнее владычество одной и той же клики привело государственный аппарат к развалу. Вымогательства доводили провинцию в неурожайные годы до массового голода и эпидемий (1526 г., 1546 г.). Множилось число «разбойников», в борьбе с которыми не помогали даже указы о выставлении голов пойманных и казненных на всеобщее обозрение (1523 г.). Ухудшение экономического положения и крайнее недовольство правящей кликой приводило к сериям вооруженных крестьянских выступлений (1540 г., 1557 г.). Во многих районах годами действовали группы крестьян-повстанцев, расправлявшиеся с коррумпированными чиновниками и раздававшие их богатство беднякам. Особенно прославилась наводившая в 1559–1562 гг. страх на чиновников провинции Хванхэ группа Лим Ккочона — корейского Робин Гуда, героя современных литературных произведений и фильмов.

XVI в. был временем усиления внешних опасностей. Крепли северные соседи, чжурчжэни, оставалась тревожной ситуация в Японии, погруженной в серию феодальных междоусобиц. Обеспокоенное участвовавшими столкновениями с чжурчжэнями (1524 г., 1530 г., 1541 г.), правительство активизировало политику насильственных переселений южного крестьянства на север (одна из таких кампаний была проведена в 1544 г.). Жесткие ограничения на несанкционированную торговлю вызвали в 1510 г. бунт японских торговцев, проживавших в трех южных корейских портах, вслед за которым последовали вторжения японских пиратов. В условиях усилившейся внешней угрозы правительство наделило Департамент Пограничной Охраны (*Пибёнса*) в составе Военного министерства особыми полномочиями, но уровень боеготовности армии все равно оставался неадекватным.

Кризис монополизированной «заслуженными сановниками» государственной власти сопровождался консолидацией влияния *саримов* на

местах. С середины XVI в. продолжалось распространение по всей стране «деревенских союзов» *хяньяк*. В рамках *хяньяк саримы* получили возможность примером, поощрениями и наказаниями укоренять среди односельчан конфуцианскую мораль и ритуалы. Другим инструментом контроля *янбанов* над округой были конфуцианские школы-академии — *совоны*. Их строительство началось с 1543 г. *Совоны* — как и китайские частные школы-академии, служившие им моделью, — были одновременно местом почитания известных конфуцианцев (в этом смысле выполняя функции культового центра), частной школой (готовившей и к экзаменам на чин) и местом проведения конфуцианских диспутов, обрядов и ритуалов. Для *янбанской* элиты, руководившей жертвоприношениями в *совонах* и обучавшей там учеников, школы-академии были средством закрепления своего престижа, а также институтом для подготовки молодого поколения *саримов* к жизни конфуцианского ученого. Экономически *совоны* были своеобразными «юридическими лицами», сдававшими в аренду землю и занимавшимися ростовщичеством. Те из *совонов*, что жаловались лично написанной государем вывеской (*саэк*), освобождались от налогов и повинностей. Это делало их экономическими центрами округи. Быстрый рост числа *совонов* со второй половины XVI в. — почти по два новых *совона* в год — говорил о росте авторитета местной конфуцианской элиты. Так как восстановленные при Сонджоне местные ассамблеи *юхянсо* часто монополизировались несколькими влиятельными фамилиями, молодые конфуцианцы начали с первой половины XVI в. организовывать «ассамблеи молодых ученых» (*самасо*), составившие *юхянсо* серьезную конкуренцию в качестве выразителя местных *янбанских* интересов. Консолидация влияния *саримов* на местах подготовила почву для их выдвижения на активные роли в столице с конца 1560-х гг.

Другой важной предпосылкой для политического «взлета» местной конфуцианской элиты был расцвет неоконфуцианской философской мысли в Корее XVI в., обеспечивший «теоретическую базу» для участия *саримов* в государственном управлении. Одним из первых мыслителей группировки *сарим* XVI в. считается Ли Онджок (1491–1553) — уроженец Кёнджу, сделавший чиновную карьеру, но также немало пострадавший от гонений Ким Алло и «младших Юнов». В философии Ли Онджок отстаивал примат универсального этического принципа *ли* и считал познание *ли* и следование ему (а в реальности — точное следование ритуально-этическим нормам) целью жизни истинного конфуцианца — «благородного мужа». Как «благородный муж», государь тоже должен был, по мысли Ли Онджока, уделять внимание духовному самосовершенствованию, одновременно приближая к себе способных помочь ему в этом конфуцианских мыслителей и выдвигая их на ключевые роли. Идеал «просвещенного монарха» впоследствии стал основой неоконфуцианской политической теории в Корее.

Другим было учение старшего современника Ли Онджока, мыслителя Со Гёндок (1489–1546), уроженца Кэсона, сдавшего экзамены, но отказавшегося от службы в пользу отшельнического образа жизни. Развивая идеи сунского мыслителя Чжан Цзая (1020–1078), Со Гёндок поставил в центр мироздания безначальную и бесконечную материальную субстанцию *чи* (кор. *ки*), вечное движение которой образовывало все в природе. Принцип *ли* в этой системе сводился к имманентно присущей *чи* логике изменений. Если системы, ставившие в центр принцип *ли*, были склонны видеть залог построения идеального общества в самосовершенствовании (постижении *ли*) монарха и его подданных (т. е. в конфуцианской индоктринизации), то последователи Со Гёндок — в отличие от своего учителя, активно участвовавшие в политической жизни — отличались большим вниманием к реалиям материального мира. Но при этом нельзя не заметить, что причисление Со Гёндок, с его натурфилософскими воззрениями, к «предшественникам научного материализма», которым отмечены труды историков философии в КНДР, является грубым проявлением вульгарного социологизма, совершенно искажающим реалии. Как многие конфуцианцы с даосскими склонностями, Со Гёндок признавал реальное существование духов (как концентрации *чи* человека после его смерти), что вряд ли соотносится с «научным материализмом». Считавшийся современниками воплощением добродетелей отшельника, Со Гёндок прославился тем, что — один из немногих — сумел устоять перед чарами кэсонской гетеры-*кисэн* Хван Джини, известной как редкой красотой, так и высоким поэтическим даром. Любя Хван Джини в глубине души, но не считая себя вправе вступить с ней в союз (она была ученицей Со Гёндок, а конфуцианская мораль строго разделяла отношения ученика с учителем и сексуальные эмоции), Со Гёндок выдал свое внутреннее состояние напряженного ожидания, томления и отчаяния в известном стихотворении на корейском языке:

Глупа душа моя — глупы мои дела!
Средь пиков горных в облаках её я ожидаю,
И шум опавшего листа меня тревожит...

Личные чувства оказывались второстепенными на фоне «горных», «облачных» высот конфуцианских понятий о долге.

Последователем Ли Онджока был Ли Хван (литературный псевдоним — Тхвеге; 1501–1570), крупнейший представитель философии *ли* в Корее. Родившись в чиновничьей семье уезда Андон (провинция Северный Кёсан), Ли Хван с ранних лет посвятил себя ученым занятиям, столь напряженным, что уже к двадцати годам он страдал от хронического расстройства желудка и плохого зрения. Успешно сдав экзамены, Ли Хван более тридцати лет находился на службе, к концу жизни полу-

чив самые почетные для конфуцианца должности — директора Управления Литературы (*Хонмунгван*) и ректора Государственного Университета (*Сонгюнган*). Однако, следуя своим убеждениям, ученый стремился служить в провинции. Там, борясь с коррупцией, он мог принести пользу народу. Мечтой жизни Ли Хвана было, уйдя со службы, заняться воспитанием учеников и «исправлением нравов» в родной округе, что он смог осуществить лишь в конце 1550-х гг., основав на родине школу-академию (*совон*), с 1574 г. расширенную, получившую наименование Тосан и вскоре ставшую признанным центром корейского неоконфуцианства. Отдавая себя всего воспитанию многочисленных учеников (многие из которых играли потом ведущие роли в политической жизни), Ли Хван не прекращал преподавания даже за месяц до смерти, уже будучи тяжело больным. Авторитет Ли Хвана в округе был непререкаем.

В философии Ли Хван следовал линии Чжу Си (его часто называли «корейским Чжу Си»), провозглашая познание принципа *ли* целью человеческого бытия. Путем осуществления *ли* в общественной жизни было, по мысли Ли Хвана, точное соблюдение ритуально-этических норм (кит. *ли*, кор. *йе*), возможное лишь при воспитании внутренней установки на «уважение» (*кён*) к объективной реальности (природе, окружающим людям). Те же требования — даже в более жесткой форме — Ли Хван предъявлял и государю, считая идеальной формой правления «просвещенную конфуцианскую монархию», управляющуюся в согласии с идеалами и пожеланиями *саримов*. Идеям Ли Хвана, оказавшим впоследствии влияние на японскую неоконфуцианскую мысль XVII–XIX вв., была свойственна нетерпимость к инакомыслию, характерная, впрочем, для канонического чжусианства вообще. Не только буддизм или даосизм, но даже неортодоксальные интерпретации конфуцианства (скажем, популярное в минском Китае учение Ван Янмина) безоговорочно отвергались как «ересь». Позднесредневековый догматизм неоконфуцианской мысли, помноженный на нежелание *саримов* делиться престижем и влиянием, сыграл впоследствии отрицательную роль в социальном и духовном развитии Кореи.

Морализм, свойственный Со Гёндокку и Ли Хвану, принял черты морального экстремизма у отшельника-философа Чо Сика (литературный псевдоним — Наммён; 1501–1572) из Хапчхона (провинция Кёнсан). Сурово осуждая хаос и коррупцию, царившие в стране во времена владычества «заслуженных сановников», Чо Сик всю жизнь отказывался идти на службу, хотя его рекомендовали на должности Ли Онджок и Ли Хван и приглашал государь Мёнджон. Отказываясь от службы и жалования, Чо Сик жил на родине в бедности, посвящая всё свое время воспитанию учеников, многие из которых стали впоследствии известными государственными деятелями и полководцами в период борьбы с японским нашествием (1592–1598 гг.). Критикуя увлечение Ли Хвана метафизическими построениями, Чо Сик акцентировал этическую практику,

идею «долга» (*ый*). Надпись «долг отделяет нас от внешних вещей» украшала небольшой кинжал, который ученый-отшельник носил с собой в знак бескомпромиссной верности идеалам. Не боясь рисковать во имя «долга», Чо Сик бесстрашно критиковал государя Мёнджона в лицо за потворство злоупотреблениям. Он часто отказывался разговаривать с приезжавшими в его провинцию на службу чиновниками, считая, что служить в эпоху коррупции и развала — недопустимый для конфуцианца моральный компромисс. Однако верность государю также входила в понятие «долга». В одном из своих стихотворений отшельник-ученый поведал, что, хотя его и не грели никогда «лучи государевых милостей», он все равно плакал, узнав о том, что «солнце взошло на западе» (т. е. государь Чунджон умер). Жесткость и бескомпромиссность Чо Сика привела впоследствии к тому, что его ученики образовали несколько замкнутых сект, обвинявших друг друга и всех остальных неоконфуцианцев в недостаточной «преданности принципам». После того, как эти секты потеряли влияние к сер. XVII в., учение Чо Сика и сама фигура отшельника-моралиста были практически преданы забвению.

Младшим из поколения конфуцианских мыслителей XVI в. был Ли И (литературный псевдоним — Юльгок; 1536–1584), выходец из чиновной семьи, владевшей небольшим поместьем к северу от Сеула. С юности прославившись необычными дарованиями — в частности, девять раз заняв первое место на экзаменах различных ступеней, — Ли И пришел на службу сразу после отстранения клики «младших Юнов» от власти в середине 1560-х гг. Он сделал блестящую карьеру, поочередно занимая посты министра Финансов, Чинов, Наказаний и Армии и читая государю лекции по конфуцианской философии. Подход Ли И к философии в корне отличался от позиций метафизика Ли Хвана и моралиста Чо Сика. С точки зрения прагматика Ли И, целью философствования было не метафизическое «познание *ли*» или личное самоусовершенствование, а конкретная, практическая польза (*силли*) в политике и экономике. Доктрины, институты и принципы не имели для Ли И самостоятельной ценности — отправной точкой было «соответствие моменту» (*сий*), т. е. требованиям дня. Главной задачей эпохи Ли И считал всеобъемлющую реформу (*кёнджан*) династии: облегчение бремени податей и повинностей и укрепление *янбанского* общества на местах. Предвидя возможность японского вторжения, Ли И выступал за военную реформу и создание сильной стотысячной армии, но этот его призыв не нашел отклика при дворе. Философия Ли И хорошо сочеталась с практической ориентацией политика-реформатора: материальная субстанция *ци* ставилась им в основу мироздания, а принцип *ли* понимался лишь как неотделимая от *ци* логика бесконечных метаморфоз материи. Если Ли Хван видел путь к воспитанию «уважения» к миру и познанию *ли* прежде всего в преодолении желаний и эмоций (радость, гнев, желание, любовь, и т. д.), то Ли И признавал эмоциональную жизнь — «мета-

морфозы *чи* в человеческом сердце» — столь же естественной и необходимой, как и метаморфозы *чи* в природе, выступая против «чрезмерного морализма» Ли Хвана и Чо Сика. Открытость Ли И проявлялась в его доброжелательном интересе к буддизму и даосизму, немыслимом для Ли Хвана. Гибкость учения Ли И была одним из факторов, позволивших группам его последователей играть ведущую роль в политике с конца XVII до середины XIX вв.

Последователи великих конфуцианцев XVI в. довольно скоро сплотились в группировки, объединенные не только преданностью идеям учителей, но и территориальным соседством, родственными узами, а также отношениями личного протектирования и общими политическими интересами. Наибольшую роль впоследствии сыграли группировки последователей Ли И, известные под общим наименованием «научной школы Центральной провинции» (*кихо хакхва*; это наименование связано с тем, что как Ли И, так и многие его ученики были родом из окрестностей Сеула), и несколько «линий» последователей Ли Хвана, обобщенно именуемые «Ённамской научной школой» (*ённам хакхва*; Ённам — одно из названий родной провинции Ли Хвана, Кёнсан). В условиях, когда ограниченное количество должностей в центральном аппарате и многочисленность претендентов вели к жесткой конкуренции *янбанских* группировок, философские дискуссии между последователями Ли И и Ли Хвана стали в итоге обоснованием для борьбы за чины, должности и власть, наложивший неизгладимый отпечаток на политическую историю конца XVI — середины XVIII вв.

Кризис, к которому привело страну хозяйничанье «младших Юнов» и их приспешников, а также усиление авторитета *саримов* на местах, заставили двор с середины 1560-х гг. начать выдвижение *саримов* на ключевые посты, что означало постепенное вытеснение «заслуженных сановников» из политики. Уже в последние годы правления Мёнджона высокие должности получили лидеры *саримов*, Ли Хван и Ли И, а с приходом к власти следующего государя, убежденного неоконфуцианца Сонджо (1567–1608), центральный аппарат быстро оказывается в руках конфуцианских ученых. Хотя реформаторские начинания, предпринятые пришедшими к власти учениками Ли Хвана, Ли И и Чо Сика, были достаточно ограниченными (было упорядочено взимание податей натурой и отбывание воинской повинности, приняты меры к более активной помощи голодающим, и т. д.), их назначения на должности помогли сплотить различные *янбанские* группировки вокруг двора. Положительный эффект привлечения *саримов* к управлению сказался в годы борьбы с японским нашествием 1592–1598 гг., когда провинциальные *саримы* сыграли ключевую роль в организации партизанской борьбы на местах, хорошо зная, что их заслуги не будут забыты и послужат основанием для продвижения на службу. Однако не прошло и десятилетия с момента появления *саримов* на

центральной сцене, как они начали образовывать придворные «партии», вступившие в ожесточенную борьбу друг с другом.

Феномен «партий» в позднесредневековой Корее связан с системой социальных связей в *янбанской* среде, разделенной на региональные группировки, «научные школы», а также группки зависимых от влиятельных покровителей молодых ученых. Лишь принадлежность к влиятельной группе, будь то региональная клика или сообщество последователей известного неоконфуцианца, позволяла *сариму*, в условиях жесткой конкуренции за небольшое количество центральных должностей, рассчитывать на служебный успех и признание. Баланс влияния между «партиями» мог иметь и положительный эффект на администрацию. Как никто другой, члены «партий» были кровно заинтересованы в выявлении коррупции и неэффективности соперников, и взаимный контроль соперничающих групп друг за другом мог предотвратить разложение государственного аппарата. Кроме того, влияние «партий» служило балансом власти государя, предотвращало возможные злоупотребления властью с его стороны. С другой стороны, длительная монополия одной и той же «партии» на власть разлагивала администрацию. Поскольку принадлежность к «партиям» была обычно наследственной, длительное отстранение одной из «партий» от власти означало серьезный удар по значительной группе *янбанских* фамилий, становившихся в итоге очагом недовольства. В конце концов, засилье «партий» превратилось к концу XVII в. в препятствие для поступательного развития страны.

Начало оформления «партий» связано с событиями начала 1570-х гг., когда между молодым *саримом* Ким Хёвоном (учеником Ли Хвана и Чо Сика) и сановником Сим Ыйгёмом разгорелся конфликт вокруг должности заведующего кадрами (*чоллан*) в министерстве Чинов. Должность эта, относительно невысокая по рангу, считалась ключевой, так как заведующий кадрами рекомендовал чиновников для назначений. Ясно, что каждая из влиятельных *янбанских* группировок стремилась контролировать эту должность, позволявшую проводить «своих людей» на основные посты. Конфликт начался с того, что Сим Ыйгём (представлявший интересы группы «старших» *янбанов* — влиятельных учеников Ли И) попытался помешать Ким Хёвону, одному из «младших» *саримов* (в основном ученики Ли Хвана и Чо Сика), занять должность заведующего кадрами. Попытка оказалась безуспешной — Ким Хёвон прошел на искомую должность и, уходя с нее, в отместку Сим Ыйгёму отказался рекомендовать брата Симы в качестве преемника. К 1575 г. конфликт перерос в открытый скандал, разделивший большинство *саримов* на две «партии». Сторонников Ким Хёвона, в большинстве своем обладателей низших и средних чинов, стали называть «восточными», или «восточной партией», так как дом Ким Хёвона находился на восточной окраине Сеула. Дом Сим Ыйгёма, в свою очередь, был расположен западнее

(ближе к государеву дворцу), и его сторонники, преимущественно обладатели высоких чинов, стали именоваться «западными», или «западной партией». Попытки Ли И предотвратить разлад в среде *саримов* — гибельный, с его точки зрения, для дела реформ, — ни к чему не привели.

Более того, в связи с неудачной попыткой вооруженного выступления, предпринятой в 1589 г. одним из близких «восточной партии» провинциальных *янбанов*, «межпартийная борьба» переросла в настоящую политическую войну. Воспользовавшись случаем, «западная партия» раздула инцидент и учинила над противниками расправу, казнив в течение 3 лет более тысячи сторонников «восточных», в основном прямого отношения к выступлению не имевших. Однако в 1591 г. «восточные», умело использовав оплошность противников в вопросе определения наследника престола, сумели добиться отставки и ссылки ряда видных «западных» и захватить ключевые посты. Стоило «восточным» получить доступ к распределению должностей, внутренняя конкуренция расколола «партию» на две клики. «Умеренные» (в основном ученики Ли Хвана), выступавшие за мягкость в решении судьбы проигравших соперников-«западных», разошлись с «радикалами» из школы Чо Сика, в духе своего учителя требовавшими суровых наказаний. «Умеренные» стали известны как «южане», а «радикалы» — как «северяне», опять-таки по расположению столичных резиденций их лидеров. Расколу чиновного *янбанства* на «западную», «южную» и «северную» партии суждено было сыграть определяющую роль в корейской политической жизни XVII столетия.

К концу XVI в. обстановка вокруг Корейского полуострова изменилась. С одной стороны, ослабевал «сюзерен» Кореи, Минская династия. С другой стороны, к 1590 г. военачальник Тоётоми Хидэёси, используя приобретенное у португальцев огнестрельное оружие, объединил феодальные княжества Японии в централизованное — и крайне милитаризованное — диктаторское государство. Обладая профессиональной трехсоттысячной армией, вооруженной неизвестными дотоле на Дальнем Востоке европейскими мушкетами (которые японцы вскоре начали производить самостоятельно) и полевой артиллерией, Тоётоми Хидэёси хотел предпринять завоевательный поход против ослабшей Минской империи. Рассчитывая на богатую добычу — в том числе на возможность продажи пленных португальским работоторговцам, — японский завоеватель в то же время желал «дать работу» самурайской армии и предотвратить тем самым возможное недовольство. Естественной «прелюдией» к походу на Китай должно было, по мысли Тоётоми, стать завоевание расположенной на пути к Китаю Кореи, представлявшаяся относительно легким предприятием: военная слабость страны была хорошо известна ее воинственным восточным соседям. Окончательное решение о походе на Корею было принято после того, как корейская сторона ответила решительным отказом на требование «пропустить» через свою

территорию собравшуюся в поход на Северный Китай японскую армию. Ясно представляя себе вероятность японского нашествия, корейская придворная верхушка, поглощенная «партийными» распрями, не приняла никаких подготовительных мер.

Между тем корейская армия была совершенно не готова к серьезной войне. «Военное полотно», которое собиралось властями с не желавших являться на действительную службу военнообязанных, использовалось для найма профессиональных солдат, но вместо учений последние чаще всего отправлялись на общественные работы, а в некоторых случаях и просто становились личной прислугой местного чиновничества. Огнестрельное оружие не совершенствовалось с середины XV в. и состояло в основном из примитивных пушек. Ничего подобного европейским мушкетам корейская армия не имела. Личным оружием воина оставались меч, копье, лук и стрелы. Наконец, по уровню профессионализма занимавшие высшие посты в корейской армии *саримы* — знакомые с военным делом в основном по древнекитайской классике — вряд ли шли в сравнение с военачальниками самурайского войска. Одним словом, для корейской элиты, привыкшей опираться на безусловную гегемонию «сюзерена»-Китая и презрительно относиться к «варварам с Японских островов», столкновение с реалиями Нового Времени — появлением вооруженных огнестрельным оружием больших профессиональных армий и началом складывания централизованной государственности в Японии — могло обернуться лишь катастрофой.

Высадка в апреле 1592 г. в районе Пусана 160-тысячной японской армии положило начало серии поражений корейского войска, скоро приведших страну на край гибели. Приморские крепости Кореи — Пусан и Тоннэ — оказались беззащитными перед атаками поддержанной артиллерией японских мушкетеров. Превратив юго-восточное побережье Кореи в свой главный плацдарм, японская армия выступила в поход на Сеул. Отчаянные попытки разрозненных корейских отрядов остановить ее были совершенно безуспешны — подготовка и вооружение корейских солдат находились несравненно ниже того уровня выучки и техники, которого удалось достичь к концу XVI в. профессиональному самурайскому войску. Бегство государя Сонджо и двора из Сеула спровоцировало в столице массовые беспорядки — к копившемуся десятилетиями недовольству коррупцией и произволом прибавилось возмущение безответственностью власть имущих, ничего не сделавших для обороны страны. Восставшие сожгли списки рабов, разгромили ряд правительственных учреждений. Не встретив сопротивления со стороны армии и жителей, японское войско вошло в Сеул уже через две недели после высадки в Пусане. Затем разделившись на две колонны японские силы продолжили наступление на север и без особых трудностей заняли как северо-западные, так и северо-восточные провинции Кореи, вскоре выйдя к китайской границе. Первая из поставленных Тоётоми задач —

захват Кореи — была без особого труда решена немногим более чем за месяц. Чосонская династия стояла перед угрозой краха.

Последней надеждой бежавшего на северную границу Сонджо была военная помощь «сюзерена»-Китая, видевшего в действиях Тоётоми вызов своей гегемонии в регионе и начавшего опасаться японской агрессии в своих собственных пределах. Первая китайская экспедиция, отправленная на помощь Корею в июле 1592 г., потерпела поражение в попытке отобрать у японцев Пхеньян. Более успешными были действия следующей экспедиции (50 тыс. человек) под командованием Ли Юйсуня (?–1598), взявшей в январе следующего года Пхеньян и заставившей японцев отступить на юг и стянуть основные силы в район Сеула. К северу от Сеула, под крепостью Хэнджу, победу одержали в январе и корейские войска, но взять Сеул китайско-корейскими силами так и не удалось: контратака японцев вынудила Ли Юйсуня отступить обратно к Пхеньяну и укрепиться там, отказавшись от активного наступления на юг.

Между тем, совершаемые оккупантами грабежи и убийства уже вскоре после начала вторжения подтолкнули корейское население к партизанской войне против врагов. В основном, партизанские отряды возглавлялись местными *саримами*: многие из их вожаков впоследствии сделали карьеру на государственной службе. Пользуясь знанием местности и поддержкой населения, партизаны наносили серьезный ущерб захватчикам, освобождая порой целые уезды и отбирая у японцев крупные крепости. Наряду с конфуцианцами, ряд отрядов возглавлялся авторитетными буддийскими монахами, имевшими возможность мобилизовать на борьбу сплоченные группы монахов и послушников. Помощь государству в момент смертельной опасности давала буддийской элите надежду на повышение статуса буддизма после войны, на прекращение преследований со стороны *саримов* и администрации. Наконец, одну за другой блестящие победы на море одерживал главнокомандующий флотом провинции Чолла адмирал Ли Сунсин (1545–1598) — талантливейший флотоводец в корейской истории. Используя, в частности, прототип современного броненосца — вооруженный артиллерией корабль, окованный железными плитами и тем защищенный от ядер противника (так называемый *кобуксон* — «корабль-черепаха»), — Ли Сунсин отразил попытки японцев высадить десант на берега Чолла, а потом сумел, уничтожив большую часть вражеского флота у южных берегов Кореи, прервать линию снабжения японского экспедиционного корпуса. В конце концов, японцы были принуждены с мая 1593 г. приступить к переговорам с китайскими дипломатами. К августу 1593 г. японский корпус эвакуировал большую часть Кореи, оставив за собой лишь плацдарм в районе Пусана. Приступили к эвакуации и китайские войска. К октябрю двор вернулся в Сеул, приступив к восстановлению административного контроля над страной и сепаратным мирным переговорам с японскими военачальниками.

Перемирие оказалось непрочным: мирные переговоры между Тоётоми и минскими дипломатами зашли в тупик, ибо Китай продолжал рассматривать Японию как «окраинное варварское государство» и потенциального «вассала», а Тоётоми считал себя победителем и региональным гегемоном, претендуя на часть корейских земель. С начала 1597 г. усиленная подкреплениями японская армия возобновила военные действия, но больших успехов не добилась. Вновь пришедшие на выручку Корее китайские войска отбили, с использованием артиллерии, атаки японцев в уезде Чхонан провинции Северная Чхунчхон, защитив подступы к Сеулу. На море японский флот продолжал терпеть поражения от соединений Ли Сунсина, успешно защитившего берега провинции Чолла. К концу 1597 г. японцам пришлось отступить к южному побережью Кореи. Со смертью Тоётоми Хидэёси в 1598 г. японские войска, в согласии с завещанием диктатора, начали окончательную эвакуацию полуострова. Блестящей победой увенчалось нападение армады Ли Сунсина на перевозивший отступавший экспедиционный корпус японский флот; в этой битве великий флотоводец Кореи погиб, сраженный случайной пулей врага. К концу 1598 г. эвакуация японских войск была завершена, а в течение следующих двух лет страну покинули и китайские части. Небольшое число угнанных в Японию корейских пленных и мирных жителей было возвращено дипломатическими усилиями корейского правительства в 1605 и 1607 гг. Регулярные дипломатические отношения с утвердившимся к тому времени в Японии режимом Токугава начали поддерживаться с 1609 г. Учитывая отказ режима Токугава от всех претензий, выдвигавшихся Тоётоми на корейские земли, можно считать, что Корея, при поддержке минского Китая, сумела выиграть войну, отстояв свою территориальную целостность. По циклическому наименованию 1592 года — *имджин* (год Дракона) — войну 1592–1598 гг. часто называют Имджинской.

Победа в Имджинской войне досталась Корее дорогой ценой. Шесть лет нашествия разорили страну. Десятки тысяч крестьян и ремесленников были уведены в плен в Японию, где часть из них (по некоторым подсчетам, 50–60 тыс. человек) была продана португальским и испанским работорговцам, а часть осела навсегда. Попавшие в японский плен корейские гончары и печатники сыграли ключевую роль в развитии керамического производства и книгопечатания в Японии в ранний период правления режима Токугава. Для Кореи, однако, убыль лучших ремесленников представляла невосполнимый ущерб. Культурные сокровища — буддийская скульптура, фарфор, книги — были погублены или расхищены. Площадь обрабатываемых земель сократилась в среднем по стране втрое, но в провинции Кёнсан, где японское войско стояло дольше всего — почти в шесть раз. В результате убыли населения и сокращения посевных площадей правительство вынуждено было вдвое поднять налоговую ставку на оставшихся крестьян, что, не в меньшей мере,

чем грабежи и насилия захватчиков, явилось тяжелым ударом по крестьянскому хозяйству. По некоторым подсчетам, на преодоление экономических последствий Имджинской войны ушло более ста лет. Следствием разорения крестьянства явилось усиление его зависимости от местных *янбанов*. Фигура малоземельного или безземельного крестьянина, батрачащего в поместье у мелкого или среднего землевладельца, стала типичной для корейской деревни XVII столетия. В то же время, война явилась и источником социальной мобильности: за военные заслуги рабы освобождались, а крестьяне получали *янбанские* привилегии. *Янбанское* сословие, пополненное за счет выслужившихся в войске крестьян, в целом усилило свои позиции в позднесредневековом обществе. Главным международным последствием Имджинской войны было быстрое ослабление Минской империи, финансы которой были расшатаны громадными военными расходами. Падение Минской династии под ударами маньчжуров в начале XVII в. станет еще одним испытанием для корейской государственности.

в) Система управления и социально-экономический уклад раннего Чосона

В завершение главы следует дать краткое описание основных черт политического, социального и экономического устройства Кореи XV–XVI вв. Политически, позднесредневековый абсолютизм опирался на стройную бюрократическую систему, державшую страну под жестким контролем, но в то же время способную, в большинстве случаев, предотвращать самоуправство монарха и его семьи. Согласно Кодексу Законов *Кёнзук тэджон* на вершине пирамиды власти находился Верховный Государственный Совет (*Ыйджонбу* — «Ведомство по обсуждению дел правления»), состоявший из высших чиновников: главного канцлера (*Ёныйджон*), двух его заместителей («левый» и «правый» канцлеры), их советников и помощников. По функциям этот Совет был преемником высшего совещательного и законодательного органа Корё — совместной коллегии старших чиновников Государственного и Центрального Секретариатов (*Чэбу*) и Дворцового Военного Секретариата (*Чхумильвон*), известной как *тобёнмаса*. Решения по основным делам оформлялись постановлением Верховного Государственного Совета и указом государя. Заседания Совета проходили в обязательном порядке в присутствии ведшего протокол историографа, что напоминало государю и канцлерам об их персональной ответственности перед Историей. Согласно чосонским законам, историограф был обязан присутствовать при всех встречах и беседах государя с канцлерами и другими высшими чиновниками, обеспечивая, таким образом, «прозрачность» государственного управления.

Главным «несущим звеном» центрального аппарата были шесть отраслевых министерств: Чинов (заведовало кадрами: назначением, перемещениями, жалованием, и т. д.), Церемоний (отвечало за конфуцианский церемониал, дипломатию, образование), Армии (соответствовало современному Министерству Обороны), Финансов (отвечало за налоги, подати, повинности, контроль над торговлей, и т. д.), Наказаний (совмещало функции современных Министерства Юстиции и Министерства Внутренних дел) и общественных Работ (отвечало за государственное строительство, ирригацию, контроль над ремеслом, и т. д.). Начиная с времени правления Тхэджона — за исключением коротких периодов нахождения слабых государей у власти — шестеро отраслевых министров (*пхансо*) находились в прямой подотчетности у государя. Это означало, что Верховный Государственный Совет отстранялся от рабочего контроля над главной «властной вертикалью» страны. В подотчетности шести министерств находился, в свою очередь, ряд «подчиненных ведомств» (*согамун*): так, Ведомство по делам рабов (*Чанъйеса*) подчинялось министерству Наказаний, а Медицинское Ведомство (*Хваринсо*; наследовало корёскому ведомству по борьбе с эпидемиями) — министерству Церемоний. Через сложную и разветвленную систему «подчиненных ведомств» монарх мог держать под надзором каждодневный ход дел практически во всех областях. Важным элементом этой абсолютистской «вертикали» был также Государев Секретариат (*Сынджонвон*), наследовавший ряд функций аналогичного учреждения в Корё: прием донесений и жалоб с мест, издание государевых указов, детальный повседневный надзор над работой шести главных министерств.

Чосонская административная структура предусматривала и существование органов, способных предотвращать произвол со стороны абсолютистской власти, отстаивать идеалы конфуцианской политики и интересы *янбанского* сословия как целого. Главными из этих органов были два Государственных Цензората. *Сахонбу* отвечал за контроль над чиновничеством и имел право оспаривать предлагавшиеся государем (по рекомендации министерства Чинов) кандидатуры на должности, а *Саганвон* давал критическую оценку решениям и личному поведению государя. Кроме того, критика в адрес государя была обязанностью влиятельного Управления Литературы (*Хонмунгван*), чиновники которого обычно назначались из числа популярных конфуцианских ученых, представлявших «общественное мнение» правящего класса. Хронику правления (*сачхо* — «черновики для истории»), составлявшуюся Управлением Историографии (*Чхунхугван*), государи не имели права читать: это должно было дать историографам возможность прямо и безбоязненно критиковать злоупотребления властью в назидание будущим поколениям. После смерти государя хроника становилась основой для составления официальной летописи его правления (*силлок* — «истинные записи»), в которой произвол или невнимание к кри-

тике обычно получали суровую оценку. Наконец, *кёнъён* — лекции для государя и двора по конфуцианской классике — давали конфуцианским ученым возможность представлять советы и рекомендации по политическим вопросам.

В целом, можно сказать, что в ранней чосонской монархии бюрократический абсолютизм сочетался с наличием ряда институтов, выполнявших сословно-представительные функции (прежде всего выражение и защита идеалов и интересов *янбанского* сословия). Конечно, в отличие от пережившей долгий период феодальной раздробленности и обладавшей автономными городами позднесредневековой Европы, такие институты в Корее не имели отчетливого выборного характера (ничего подобного Генеральным Штатам или Земским Соборам Корея не знала), будучи лишь частью бюрократической системы. На практике для цензоров или чиновников Управления Литературы критика в адрес государя или, скажем, «заслуженных сановников» в период их засилья у власти могла быть сопряжена с немалым личным риском, хотя как правовые нормы, так и общественное мнение в *янбанской* среде обычно были в таких ситуациях на их стороне. Но, тем не менее, при всей их неполноте и несовершенстве, корейские органы контроля *янбанского* общества над властью выполняли во многом те же задачи, что и институты сословного представительства в Европе, приводя политику центральных органов власти в соответствие с нормами и пожеланиями господствующего сословия.

Сочетанием «вертикального» контроля и элементов *янбанского* представительства отличалась и система местного управления. Страна была поделена на восемь провинций (*то*), очертания которых в целом сохранились и в современном административном делении Северной и Южной Кореи. Основной единицей были, как и во времена Корё, управы (*ну*), округа (*кун*) и уезды (*хён*). Однако, по сравнению с Корё, новая династия обладала лучшими административными возможностями. Корёские «подчиненные округа и уезды» (*соккун*, *сокхён*), управлявшиеся некогда по совместительству начальниками «главных» административных единиц (а на практике — местными «влиятельными семьями»), были переведены в «нормальные» административные районы (всего в Чосоне было приблизительно 320 управ, округов и уездов) и поставлены под регулярное управление присылаемых из столицы чиновников. Упразднены были также особые дискриминируемые районы (*хян*, *пугок* и *со*): их население, в корёские времена зависимое от местной знати, было переведено в состав лично свободных налогоплательщиков. Чтобы обеспечить беспристрастность и жесткое следование правилам и предотвратить сращивание центрального чиновничества с местными силами, правителей управ, округов и уездов (известных под оставшимся с корёских времен обобщенным наименованием *сурён*) никогда не посылали в их родные районы или в места, где

находились их поместья. Кроме того, их регулярно заменяли: максимум нахождения в должности местного правителя составлял, по *Кёнгук тэджон*, 1800 дней. Контроль над чиновниками должен был осуществлять провинциальный губернатор (*камчхальса*, или *камса*), имевший также значительные военные и юридические полномочия. Дабы предотвратить любые сепаратистские поползновения, он в обязательном порядке заменялся ежегодно.

Помощниками уездных правителей и губернаторов должны были выступать «местные чиновники» (*хяни*), самостоятельное влияние которых на управление было, в отличие от корёской практики, сведено к минимуму. Жестче стал сословный барьер, отделявший «местных чиновников» от «настоящих» *янбанов* — землевладельцев, семьи которых были причастны к службе в центральном государственном аппарате. В отличие от корёских времен, чосонские «местные чиновники» на службе у уездных и окружных правителей не получали ни наделов, ни жалования, кормясь «от дел» (т. е. за счет нерегулярных поборов с населения), что создавало почву для злоупотреблений. Общий контроль надо всей «вертикалью» местного управления осуществляли посылаемые из центра тайные ревизоры (*амхэн оса*), собиравшие жалобы населения и расследовавшие случаи коррупции, присвоения налогового зерна, злоупотреблений властью. Наконец, важным элементом системы уездного управления были местные *янбанские* ассамблеи *юхянсо*, представлявшие интересы провинциальных землевладельцев в отношениях с центральной властью. Особенным влиянием на эти зачаточные органы местного представительства пользовались служившие в центральном аппарате выходцы из данного района, политический и общественный вес которых заставлял местных администраторов проявлять внимание к позиции *юхянсо* по тем или иным вопросам.

В целом, администрация на местах была эффективна. Она избавила страну от опасности местного сепаратизма и умело находила компромисс между локальными и центральными интересами. Система пятидворок — соседских объединений, члены которых отвечали друг за друга перед властями, — позволяла администрации обеспечить на местах уровень законопослушания и порядка, невиданный в Европе того времени. Жесткий бюрократический порядок — регулярные отчеты (глав пятидворок перед деревенскими старостами, старост — перед уездными и окружными правителями, местных правителей — перед губернаторами, и губернаторов — перед центральной властью), ведение формализованной документации, частые проверки тайных ревизоров, и т. д. — делал Чосон одним из самых управляемых политических организмов тогдашнего мира. В то же время во многих случаях в период хозяйничанья «заслуженных сановников» при дворе фаворитизм в назначениях на местные посты влек за собой коррупцию и, как следствие, ухудшение социально-экономической ситуации в провинции.

Основой военной организации была система «пяти корпусов» (*ови*), каждый из которых объединял как столичные, так и провинциальные подразделения. Охранные гарнизоны различной численности существовали и в отдельных провинциях и уездах. В отличие от находившихся (за исключением монополизированных гражданскими бюрократами высших должностей) под командованием профессиональных военных «пяти корпусов», гарнизоны «по совместительству» командовал местный правитель или губернатор; лишь провинциальные военноморские части возглавлялись профессионалами. Усиливая контроль центрального чиновничества над провинциями, совмещение административных и военно-командных функций в то же время лишало значительную часть армии профессионального руководства: конфуцианские чиновники обычно не проявляли ни интереса, ни компетентности в военных делах. Большой проблемой было и взаимодействие между частями различных провинций, практически не имевшими возможностей координировать действия в ситуации военного конфликта.

Частично армия — и прежде всего отборные столичные соединения — комплектовалась по найму добровольцами, отбравшимися через военную экзаменационную систему (*сичхви*) и получавшими жалованье. В то же время теоретически все лично свободные (на практике, за исключением *янбанов*) с 16 до 60 лет были военнообязанными и могли привлекаться на службу как солдаты-призывники (*чонбён* — «регулярные воины»). По правилам, от двух до четырёх дворов, обычно связанных с призывником родственными или соседскими узами, должны были, вместо непосредственного несения воинской повинности, снабжать призывника всем необходимым для службы и помогать семье в период отсутствия кормильца. Достаточно скоро, однако, призывная система начала «давать трещины»: в мирной обстановке XV в. местные власти начали использовать призывников на общественных работах, превратив воинскую службу в форму трудовой повинности. Призывники уже к концу XV в. предпочитали откупаться от воинской обязанности полотном, что формально разрешалось центральными властями: предполагалось, что на полученные средства местные правители смогут нанять добровольцев, которых будет легче обучать военному делу на круглогодичной основе. Официальное признание системы «откупа полотном от армии» (*пангун сунхо*) означало отказ государства от принципа всеобщей воинской обязанности и переход к профессиональным вооружённым силам, вообще характерным для обществ позднего Средневековья и раннего Нового Времени. В то же время коррупция приводила к тому, что собранное с военнообязанных полотно (*кунпхо*) расхищалось чиновниками, делившимися прибылью с вышестоящими и тем самым избегавшими ответственности.

Пренебрежение к военным делам, пронизывавшее провинциальное чиновничество XVI в., было связано и с отсутствием военных знаний и

интересов у конфуцианских администраторов (никакого военного образования не получавших), и с твердой уверенностью, что «вассалитет» по отношению к Минскому Китаю — считавшемуся «центром цивилизованного мира» — автоматически избавляет Корею от внешних опасностей. При общем высоком уровне бюрократической культуры, при наличии одной из самых высокоорганизованных систем управления в тогдашнем мире, раннечосонская Корея была в военном отношении слабейшим государством региона. Это и продемонстрировала Имджинская война, когда почти весь полуостров был оккупирован японской армией немногим более чем за месяц, без серьезного сопротивления с корейской стороны. Местные охранные гарнизоны оказались почти полностью неуккомплектованными и во многих случаях практически несуществующими (результат регулярного расхищения «военного полотна»), а «пять корпусов», в том числе и элитные столичные части, не шли ни в какое сравнение с армией Тоётоми по вооружению и выучке. Забегая вперед, можно отметить, что попытки реорганизовать и усилить армию, предпринимавшиеся после окончания войны, особых результатов не дали: господство конфуцианских ученых-*саримов* в обществе вряд ли оставляло возможность для прогресса военных институтов. Отсутствие крепкой военной опоры и милитаристских тенденций было уникальной чертой корейского бюрократического абсолютизма, вряд ли обнаруживаемой где-либо еще в обществах на аналогичной ступени развития.

С точки зрения конфуцианской идеологии, чиновники рассматривались как «сыновья государя-отца», обязанные ему «беспредельной преданностью» в благодарность за «благодейния». Реалии сложной государственной машины мало соответствовали этой патриархальной схеме: привилегированная корпорация землевладельцев-чиновников руководствовалась скорее рациональными принципами и собственными интересами, чем идеями «преданности» и «благодарности». Чосонская бюрократия делилась на гражданскую и военную, с явной гегемонией первой: если гражданские чиновники имели право на занятие высших военных постов, то военные были совершенно отстранены от серьезных ролей в аппарате. В отличие от Минского Китая, где, наряду с «регулярным» чиновничеством, политическим влиянием могли обладать и выходцы из нечиновных групп (дворцовые евнухи, и т. д.), монополия чосонского чиновничества (прежде всего гражданского) на власть и влияние была полной. Как и при Корё, чосонское чиновничество было иерархически организовано в девять ранговых групп; каждый ранг состоял из двух подрангов, «основного» (высшего) и «дополнительного» (низшего). Высшие (выше третьего «основного») и средние (выше шестого «дополнительного») ранги — как и соответствовавшие им должности — были монополизированы *янбанским* сословием: к ним не допускались даже выходцы из «средних» сословий («местные чиновники», побочные сыновья *янбанов* и т. д.), не говоря уж о простолюдинах. Учи-

тывая, что высшие чиновники обычно совмещали еще целый ряд менее ответственных должностей, можно сказать, что степень монополизации бюрократического влияния в руках *янбанской* верхушки была очень высокой.

Стандартные процедуры выдвижения и назначения на должность, основанные на рациональных принципах, допускали в то же время лоббирование групповых интересов. Список приемлемых кандидатов на ту или иную должность составлялся заведующим кадрами (*чоллан*) в министерстве Чинов. Официальными критериями были личные и деловые качества и результаты работы на предыдущей должности, но в реальности заведующий кадрами очень часто руководствовался и интересами той *янбанской* группировки, к которой он принадлежал. При составлении списка за основу принимались рекомендации государя и высших чиновников, но в то же время у заведующего кадрами было право аргументировано отвергнуть любую из предложенных «сверху» кандидатур. После того, как государь, посоветовавшись с высшими чиновниками, выбирал одного из одобренных в министерстве Чинов кандидатов, свои соображения подавал Государственный Цензорат, также имевший право отвергнуть ту или иную кандидатуру. Должностное перемещение, произведенное в результате всех этих процедур, обычно отражало как реальные успехи кандидата на служебном поприще, так и политическую расстановку сил внутри чиновной корпорации. Поскольку общее число бюрократов в центральном аппарате не превышало в начале правления Чосонской династии 1200–1500 человек, министерство Чинов и Цензорат имели все возможности пристально следить за качеством работы каждого администратора. В целом, можно сказать, что, обеспечивая эффективную администрацию и очень высокую для докапиталистического общества степень управляемости, сложная иерархия чосонской бюрократии предоставляла в то же время различным *янбанским* группировкам немалые возможности для отстаивания групповых интересов.

Основным путем комплектования государственной службы были экзамены на чин (*кwaго*). В принципе, как и в Корё, в Чосоне допускался прием на службу сыновей, внуков и ближайших родственников высших чиновников без экзаменов («за заслуги предков»), но привилегией этой мог пользоваться более узкий круг семей — только сановники с рангом выше третьего (в Корё этой привилегией обладали носители 1–5 рангов). Кроме того, в раннем Чосоне, в отличие от Корё, «привилегированный» прием на службу вне экзаменационной системы ронял престиж протектируемого отпрыска чиновной семьи — избегать проверки канонических знаний и литературных умений считалось недостойным. Экзаменационная система Чосона была шире и сложнее, чем в Корё, включая, скажем, государственные испытания на военный чин, в Корё не проводившиеся. Как и в Корё, основной частью экзаменационной системы были экзамены на гражданский чин по конфуцианским канонам и клас-

сической китайской словесности. Регулярные экзамены (*синънёнси*), устраивавшиеся раз в три года, включали в себя, как и в Корё, две ступени. Экзамены первой, «малой», ступени (*соккwa*) проходили в два этапа: успешно сдав предварительный тест на родине, экзаменуемый получал право на участие в столичных экзаменах. Экзамены проводились по двум классам — каноническое конфуцианство и классическая словесность (сочинение стихов и прозы) — и, в отличие от Корё, канонам придавался больший вес, чем умению писать стихи на заданную тему. На основных (столичных) экзаменах отобранным по классу конфуцианской классики присваивалась ученая степень *сэвон* («учащийся»; иногда переводится как «лицензиат»), а отобранным по классу словесности — степень *чинса* («продвинутый муж»; иногда переводится как «доктор словесности»). Всего отбиралось по 100 человек по обоим классам.

Успешно пройдя экзамены первой ступени, новоиспеченный обладатель ученой степени получал, кроме безусловного почтения со стороны земляков (*сэвоны* и *чинса* обычно были лидерами *юхянсо*), право занять низший государственный пост или же поступить для дальнейшей учебы в столичный Государственный Университет (*Сонгюнган*). Выслужив определенный период или пройдя курс обучения (обычно трехсотдневный) в Государственном Университете, *сэвоны* и *чинса* могли сдавать экзамен второй, «большой», ступени (*тэккwa*). Последний (третий) тур этого экзамена проводился в присутствии государя и заканчивался отбором 33 победителей, которых брали на службу или повышали в должности. Победитель, занявший первое место (*чанвон*), становился «героем дня», получая также ощутимые служебные привилегии. Кроме регулярных экзаменов, проводилось и немало нерегулярных (часто приуроченных к придворным торжествам) — тем самым государство пыталось удовлетворить стремление *янбанов* приобрести через сдачу экзаменов право на должность и престиж. Ничего подобного корёской практике установления отношений личного «вассалитета» между экзаменатором и экзаменуемым Чосон не знал — раннечосонский экзамен был рациональной системой отбора наиболее образованных и талантливых, личных отношений не предусматривавшей.

В теории, право сдавать экзамены имели и лично свободные простолюдины (прежде всего крестьяне), получавшие вместе с ученой степенью *янбанское* достоинство и возможности для службы в госаппарате. На практике, однако, для многих сословных групп (скажем, для побочных сыновей *янбанов*, *сооль*) доступ к экзаменам на гражданский чин был закрыт, да и получить достаточное для сдачи экзаменов конфуцианское образование в контролируемых *янбанами* школах-академиях для крестьянина или «местного чиновника» было почти невозможно. Система конфуцианских экзаменов на гражданский чин, при всех ее рационалистических элементах, увековечивала сословную гегемонию *янбанов*

и их монополию на «ученый» престиж. Более открытыми для выходцев из других сословий были экзамены на военный чин (*мукхва*) и технические должности: переводчиков, лекарей, астрономов, юристов (*чанхва*). Для физически подготовленных или обладавших специальными навыками (скажем, медицинскими) выходцев из непривилегированных семей эти экзамены были единственным путем к приобретению чиновничьего статуса. Но перспективы продвижения на средние и высшие чины и должности, которые резервировались за сдавшими гражданские экзамены второй ступени *янбан*ами, выходцы из других сословий не имели.

Подготовку к сдаче государственных экзаменов обеспечивала развитая образовательная система. Обычно мальчики из *янбанских* семей начинали изучать китайскую письменность дома с 4–5 лет, а с 7–8 лет поступали в частные деревенские школы (*содан*), где преподавались основы конфуцианской классики. В такой школе могли учиться и дети из семей зажиточных крестьян или торговцев, но для них, в отличие от *янбанов*, путь к дальнейшей учебе в провинциальной государственной школе (*хянгё*) или в одной из пяти столичных школ (*хактан*) — куда поступали с 15–16 лет для подготовки к гражданским экзаменам первой ступени — был закрыт (исключением иногда могли быть дети «местных чиновников»). Не принадлежа к *янбанскому* сословию, невозможно было поступить и в столичный Государственный Университет (*Сонгюнган*), где 100–200 тщательно отобранных студентов готовили к сдаче экзаменов второй ступени. Наконец, монополизированы *янбанством* были и школы-академии (*совон*), где лекции и диспуты помогали молодым конфуцианцам углубить понимание классики. В то же время выходцы из непривилегированных слоев имели возможность поступить в правительственные технические училища, готовившие к экзаменам на технические должности (*чанхва*). Схоластический характер конфуцианских образовательных институтов в позднесредневековой Корее, полностью исключавших военные, технические или естественнонаучные знания из программы, сближает их с богословскими факультетами европейских университетов аналогичного периода. Впрочем, ничего подобного буйству средневековых европейских студентов в раннечосонской Корее представить было невозможно — для конфуцианских студентов как будущих чиновников умение «правильно» себя вести, быть почтительным к старшим и покровительственно-дружелюбным с младшими было добродетелью ничуть не менее важной, чем канонические знания.

В сословном отношении чосонское общество, как и корёское, делилось в теории на три наследственные группы — служивые землевладельческие семьи (*янбаны*), лично свободные простолюдины (*янмин*) и неполноправные несвободные (*чхонмины*). На практике существовал также и ряд промежуточных групп, слоев и прослоек; кроме того, региональная, клановая принадлежность и другие факторы дробили сословия изнутри на множество мелких «ячеек». Как и в Корё, парии-

чхонмины отделялись ото всех остальных сословных групп, именуясь «нечистым семенем» и не признаваясь полноценными людьми. Отличным от Корё было ужесточение сословных барьеров и строгое ограждение *янбанства* от прочих групп. Ситуация времен монгольского ига, когда в ряды проюаньской олигархической группировки входило немало простолюдинов и даже бывших рабов, выдвинувшихся благодаря знанию монгольского языка или воинским талантам, была предметом ожесточенной критики со стороны раннечосонских мыслителей. С их точки зрения, заслуги предков, семейные традиции и домашнее конфуцианское воспитание делали *янбанов* — вне зависимости от их физического возраста — «отцами» и «старшими» по отношению ко всем остальным. Долгом последних было «удовлетворяться своим естественным жребием» (*субун*) и исправно «платить долг благодарности» (*иоын*) *янбанскому* государству. Сословный порядок, приравненный к основному элементу неоконфуцианской социально-политической модели — отношениям «старших» и «младших» в патриархальной семье, — был, для *янбанских* идеологов раннего Чосона, вечен, нерушим и священ, как сама природа.

Критериев принадлежности к сословию *янбанов* было несколько. Во-первых, одно из трех поколений *янбанской* семьи обязано было, в принципе, служить в центральном аппарате: *янбан*, не имевший служилого деда (или хотя бы прадеда) по отцовской или материнской линии, находился под угрозой потери статуса. Во-вторых, *янбан* — как и средневековый европейский дворянин — должен был обосновать свои претензии на «благородство» генеалогически, документально подтвердив наличие «выдающихся мужей» — известных чиновников или ученых — среди предков. Отсюда и значение, придававшееся генеалогическим книгам *янбанском* быту. В-третьих, статус *янбана* должен был быть признан местным *янбанским* обществом. Предполагалось, что имена всех *янбанов*, «искони» известных в данной округе, должны были вноситься в составлявшийся ассамблеей *юхянсо* «местный [*янбанский*] список» (*хянъан*). Наконец, предполагалось, что, как «воспитатель» простолюдинов в конфуцианских добродетелях, *янбан* должен практиковать эти добродетели в собственной семье. Поддержание «благородного» стиля жизни было важным (с точки зрения современников — даже и важнейшим) критерием *янбанского* статуса. В согласии с конфуцианским идеалом «почтения к предкам», важнейшим элементом «благородного» быта были совершаемые всем кланом совместно жертвоприношения родоначальникам, а также тем «выдающимся мужам» их числа его членов, которым клан был обязан статусом. Жертвоприношения именным табличкам ближайших предков, стоявшим в сакральном центре *янбанской* усадьбы — «домашнем храме» (*камё*), — были важнейшей обязанностью главы семьи. Долгом *янбана* считалось торжественно «оповещать» таблички предков обо всех важных семейных событиях. «Почтение к

предкам» было частью всеобъемлющего идеала «сыновней почтительности» и «повиновения младших старшим», в духе которого *янбан* полагалось воспитывать с детства. Лишь безропотно исполняя отцовскую волю во всем (скажем, радостно соглашаясь на брак по семейному сватовству и усердно осваивая конфуцианскую классику под руководством старших родственников), а также пунктуально выполняя сложные траурные обряды и церемонии (траур по отцу полагалось носить три года), мог добиться отпрыск *янбанской* семьи престижа, полагавшегося «настоящему *янбану*».

Женщинам из *янбанских* семей подобало абсолютное повиновение и верность мужу, выразившиеся, скажем, в отказе от вторичного замужества после смерти супруга. Выход *янбанской* вдовы замуж исключал ее семью из числа «благородных». Кроме того, *янбан* — как и европейский дворянин — должен был доказывать своё «благородство» щедростью по отношению к гостям и разного рода зависимым людям; «честь» не давала ему права уклониться от помощи нуждающимся родственникам или односельчанам. Если престиж европейского дворянина основывался на военных умениях и заслугах, *янбану* вменялось в обязанность владение китайским литературным языком и знание конфуцианской классики — конфуцианские каноны входили даже в программу экзаменов на военный чин (правда, в элементарной форме). Военную подготовку, обязательную в европейских дворянских семьях, в Корее получали с детства лишь выходцы из военных дворянских кланов (*мубан*), составлявшие среди *янбанов* меньшинство и подвергавшиеся по отношению к гражданским *янбанам* (*мунбан*) дискриминации. Жертвоприношения, гостеприимство и образование для детей ложились на *янбанские* семьи серьезным финансовым бременем. На практике, поддержание *янбанского* статуса требовало достаточного количества земли и рабов. Разорившийся *янбан* лишался возможности продолжать жертвоприношения предкам или отдавать детей в школу, что обрекало его потомков на потерю статуса и, в лучшем случае, положение приживала у богатых родственников.

В принципе, *янбанские* семьи считались равными друг другу по правовому статусу: сколь ни влиятелен мог быть «заслуженный сановник» при дворе, он все равно обязан был почтительно относиться даже к бедному *янбану* из дальней провинции. В то же время *янбанство* было в реальности разбито на ряд групп и слоев, влияние и возможности которых были далеко не равнозначны. Так, *янбаны* из военных кланов пользовались меньшим престижем, чем *янбаны* гражданские. *Янбаны* из северо-западной провинции Пхёнан, даже успешно сдав экзамен, имели не слишком много шансов получить приличную должность: северные провинции традиционно дискриминировались. Наконец, у богатых *янбанов* из северного квартала Сеула (Пукчхон — «*янбанский* квартал» столицы), служивших на высоких должностях в течение нескольких поколений, было значительно больше шансов подготовить отпрысков к

успешной сдаче экзаменов на чин и обеспечить им протекцию по службе. Но аристократией в корёском смысле слова богатые чиновные семьи столицы не являлись (монополией на высшие должности они не обладали). В то же время все *янбаны* как сословие в равной степени пользовались общими привилегиями. Они освобождались от всех повинностей и налогов (отдавая в казну лишь небольшую часть дохода от служебного надела), не подвергались обычно телесным наказанием (за исключением обвиненных в самых тяжелых преступлениях, прежде всего государственной измене), имели право владеть рабами, а главное — допускались к государственным экзаменам на гражданский чин. Теоретически, сдавать экзамены имели право все лично свободные подданные, но на практике методы сословного отбора были достаточно эффективными: экзаменуемые должны были при подаче сочинения указать имена и должности четырех поколений предков. Также требовалось предъявить три письменные поручительства от местных *янбанов* или чиновников на действительной службе, вместе с выпиской из фамильного регистра (*ходжок*). В совокупности, все эти документы позволяли легко отличать *янбанов* от простолюдинов и «отсеивать» последних при отборе. Всего известны имена приблизительно 20 простолюдинов-*янминов* XV в., которым удалось сдать экзамены и получить гражданскую должность, но это было не более чем редкое исключение. Сплоченное неоконфуцианской идеологией, *янбанское* сословие успешно монополизировало политическую сцену, используя бюрократическую машину для поддержания своих привилегий.

Специфической частью привилегированного класса было «среднее сословие» (*чуньин*), жестко отделенное от *янбанства*, но в то же время отчетливо отличавшееся от простолюдинов. Сословие это было неоднородным, в него входило несколько групп различного происхождения и положения. Наиболее заметны были *сооль* — побочные отпрыски *янбанов*, их сыновья от вторых жен и наложниц. Вторыми женами и наложницами *янбанов* были в основном женщины из семей простолюдинов, и примесь «неблагородной крови» служила основанием для дискриминации по отношению к их потомству. К экзаменам на гражданский чин *сооль* не допускались, и основным путем их продвижения на службу были правительственные училища, готовившие к экзаменам на специальные технические должности (*чанкwa*). Именно *сооль* составляли значительную часть медиков, переводчиков, астрономов и техников раннего Чосона. Все эти должности, требовавшие высокого уровня профессиональных навыков, входили в общегосударственную бюрократическую систему, и занимавшие их *сооль* получали чиновный ранг, но, как правило, не выше шестого (в исключительных случаях, до третьего). Лишенные доступа к серьезным административным должностям, многие *сооль* — скажем, знаменитые медики или активно занимавшиеся частной торговлей во время поездок с посольствами в Китай переводчики

высокого ранга, — могли накопить значительное богатство, превосходя в этом смысле большинство провинциальных *янбанов*.

Несколько ниже по уровню стояли мелкие канцеляристы (*сори*) сеульских учреждений, к экзаменам на чин не допускавшиеся и имевшие право лишь на низшие ранги и должности: в лучшем случае, после нескольких десятилетий образцовой службы, они могли рассчитывать на 6–7 ранг и должность начальника незначительной почтовой станции. Еще ниже их по положению были «местные чиновники» (*хянни*) в провинции, фиксированного жалованья не получавшие, жившие на нерегулярные поборы с населения и находившиеся под двойным контролем: местного правителя и ассамблей *юхянсо*. Одним из немногих путей вертикальной социальной мобильности для физически подготовленных *хянни* могла быть сдача экзаменов на военный чин, формально дававший *янбанский* статус (хотя в реальности неродовитый военный *янбан* обычно не имел шансов ни на значительную гражданскую должность, ни на равноправное общение с «настоящими» *янбанами*). По определенным признакам — высокий образовательный уровень, экономические возможности, широкий кругозор, «полупривилегированное» социальное положение и т. д. — какая-то часть сеульских *чунъинов* сопоставима с городским патрициатом позднесредневековой Европы, но с одним важным отличием: как низшая бюрократическая прослойка, *чунъины* не могли претендовать на самоуправление и не представляли собой самостоятельной социально-политической силы. В жестких рамках сословной структуры, богатство и образование сами по себе, без сословных прав на высшие должности, не могли дать ни власти, ни влияния.

Основную массу населения составляли лично свободные простолюдины (*янмин*, *янины*), большинство из которых было крестьянами (*нонмин*). Прогресс в аграрной технологией и направленная против поземельной олигархии политика основателя Чосонской династии способствовали повышению жизненного уровня крестьянства. Более 2/3 крестьян владели к середине XV в. участками, хотя бы и небольшими. Если безземельные крестьяне вынуждены были арендовать *янбанские* поля и расплачиваться за это, как и во времена Корё, половиной урожая, крестьяне-землевладельцы платили лишь небольшой поземельный налог государству. Базовая налоговая ставка составляла 10% урожая, но конкретный уровень налога варьировался в зависимости от качества и плодородия земли, а также урожайности каждого года. Тяжелее поземельного налога были подати натурой, раскладывавшиеся обычно не по дворно, а на уезд или село как целое. В качестве податей двор часто требовал не производившиеся в данной области изделия, что делало неизбежным обращение к услугам откупщиков (*конин*), приобретавших и поставлявших необходимый продукт на свои средства, но потом — обычно в сговоре с коррумпированным чиновничеством — взимавших с

крестьян двойную или тройную плату за свои услуги. Другими источниками обогащения для лихоимцев были «военный налог» (плата полотном за освобождение от действительной военной службы) и «возвратная ссуда» зерном (*хванджа*). Кроме того, тяжелым бременем для крестьян являлись трудовые повинности, формально ограниченные шестью днями в году, но на практике часто продолжавшиеся значительно дольше, ибо коррумпированные чиновники не упускали случая использовать неоплачиваемый труд в собственных интересах.

Гнет податей и повинностей обрекал крестьян на примитивное существование: неурожаи периодически приводили к массовым голодовкам и эпидемиям в целых провинциях. Гарантией физического выживания крестьян в этих условиях было, как ни парадоксально, то же самое бюрократическое государство, гнет которого обрекал деревню на нищету: в голодный год спасти крестьян могла лишь раздача зерна с государственных складов. В отличие от западноевропейского крестьянина времен позднего средневековья, раннечосонские крестьяне не могли рассчитывать на то, что бегство в город избавит их от нищеты и зависимости: ни автономных городов, ни сильной и независимой цеховой или гильдейской организации Корея XV–XVI вв. не знала. Бедность, зависимость и безысходность способствовали развитию у крестьян иллюзий, надежд на «доброту батюшку-государя» и «честных чиновников», способных якобы положить конец произволу и коррупции.

В соответствии с конфуцианским идеалом «поощрения земледелия», торговцы — также относившиеся к свободным простолюдином — стояли ступенькой ниже крестьян в официальной иерархии. Сосредоточением торговли, как и при Корё, была столица. В то же время и в бывшей корёской столице, Кэсоне, ставшей теперь провинциальным городом, сохранились сильные коммерческие традиции. Торговцы Чосона делились на две группы с различным положением: привилегированное меньшинство крупных столичных коммерсантов, тесно связанное с государственной властью и ведущими фигурами двора, и большинство средних и мелких торговцев без «привилегированного доступа» к власти. Приближенное к бюрократической верхушке меньшинство крупных дельцов — прежде всего владельцы шести крупнейших торговых фирм — имело возможность зарабатывать на поставках двору и ведомствам жертвенной утвари и различных необходимых продуктов, а также на откупках. Прерогативы этих «придворных фирм» в торговле наиболее важными видами товаров (рыбой, шелком, холстом) были ограждены системой монополий. Взамен коммерческой олигархии приходилось выплачивать крупные налоговые сборы, не говоря уж о подношениях влиятельным бюрократам и придворным (служивших для последних существенным источником дохода).

С другой стороны, мелкие и средние торговцы регулярных налогов не платили, но жестко контролировались существовавшим с корёских

времен Вedomством Столичных Рынков (*Кёнсисо*), которое имело право проверять меры и весы, устанавливать максимальные цены на ряд ключевых продуктов. Торговцы могли быть мобилизованы на отработку трудовой и прочих повинностей, а также были обязаны снабжать припасами войска в военное время. Среди них выделялись «сидячие торговцы» столицы и крупных городов (владельцы постоянных лавок), и бродячие торговцы (*побусан* — «те, кто носят товар на спине или голове»), разносившие ремесленные изделия по ярмаркам-*чанси* в мелких городах и селах. Торговый люд раннего Чосона был организован в подобие региональных гильдий с ограниченными правами и не имел самоуправления — его зачатки появятся лишь несколькими веками позже, с активизацией коммерции и расширением сферы товарно-денежных отношений. Ранний Чосон, как и предшествовавшее ему Корё, находился по развитию торговли и денежного обращения на низком уровне, значительно отставая от Китая. Чосонское правительство — прежде всего из желания поправить собственные финансы — выпускало в обращение медную монету (*чосон тхонбо* — «обращающееся сокровище Чосона») и даже пыталось внедрить в оборот бумажные деньги. Эта попытка была безуспешной. Даже медная монета не пользовалась, как и при Корё, особенной популярностью: основным средством обмена оставались шелк, ткань и рис.

Более ограничена, чем при Корё, была внешняя торговля. Это было связано с проводившейся Минской династией изоляционистской политикой, а также и негативным отношением корейских неоконфуцианцев к международным торговым связям, рассматривавшимся как канал утечки ресурсов. Если торговлю с Японией вели получавшие особое разрешение корейские и японские купцы, то обмен с Китаем шел в основном через переводчиков-*чунъинов*, сопровождавших посольства к Минскому двору. Строго запрещался вывоз драгоценных металлов (широко экспортировавшихся при Корё) и камней, а также оружия и прочих железных изделий. Торговля с арабами, делавшая в свое время Корё частью мусульманской торговой сети в Евразии и Северной Африке, при Чосоне прекратилась. В целом, мощный бюрократический организм, рассматривавший с конфуцианских позиций торговлю как помеху в налоговой эксплуатации крестьянства (ведь мелкие и средние торговцы регулярных налогов не платили) и «дезорганизатора» натуральной экономики, был непреодолимым препятствием на пути развития торговых связей, как внутренних, так и внешних. Если опиравшиеся, в том числе, и на городские слои западноевропейские монархические режимы начали с XV–XVI вв. поощрять не только внутреннюю, но и заокеанскую экспансию формирующейся буржуазии (тем самым положив начало складыванию мировой капиталистической системы), то контроль раннечосонской бюрократической системы над торговлей и торговцами искусственно задерживал развитие внутреннего рынка и товарно-денежных связей в

Корею, обрекая в перспективе страну на роль сырьевой периферии капиталистических центров.

Выше, чем торговцы, стояли лично свободные ремесленники — в силу того, что их государство могло эксплуатировать более эффективно. В то же время значительное число ремесленников относилось к париям-*чхонминам* — наиболее угнетенному слою населения. Примерно 2800 сеульских казенных ремесленников 130 специальностей было приписано к тридцати столичным ведомствам (прежде всего — Министерству Общественных Работ) и, находясь на казенном содержании, выполняло государственные заказы, изготавливая оружие, ткани, предметы дворцового обихода (фарфор, и т. д.). Кроме того, еще более 3000 мастеров трудилось на казенные учреждения в провинции. В свободное время казенные ремесленники могли работать на заказ, но продажа их продукции облагалась налогом. Во многих случаях казна подвергала зависимых ремесленников ужесточенной эксплуатации, искусственно завышая нормы и не оставляя время для «доходных промыслов» на стороне. Особенно безграничной была эксплуатация в отношении казенных ремесленников из числа *чхонминов*, приниженное сословное положение которых делало их беззащитными. Правительство — исполняя функции, принадлежавшие в средневековой Европе ремесленным цехам, — регламентировало производство, требуя следования признанным образцам и ограничивая нововведения.

Кроме казенных, в городах и при больших монастырях существовали частные ремесленники. Хорошо известно было, скажем, производство бумаги и лапши в нескольких крупнейших монастырях юга страны. Ремесленники ряда специальностей, считавшихся «нечистыми» (кожевенники, плетельщики корзин, и т. д.), принадлежали к париям-*чхонминам* и жили отдельными поселками. Положение частного ремесленника не означало свободы от требований государственного аппарата, рассматривавшего ремесленников как удобную рабочую силу для мобилизации на трудовую повинность (крестьян запрещалось отрывать от сельскохозяйственных работ, но на ремесленников это ограничение не действовало) и поставщиков натуральных податей двору. Государственная эксплуатация и контроль, в сочетании с неразвитостью внешней и внутренней торговли и низким жизненным уровнем крестьянства, в основном удовлетворявшегося домашними изделиями, делали невозможной цеховую самоорганизацию ремесленного люда и блокировали переход к мануфактурной организации ремесленного производства.

На самой низшей ступеньке социальной иерархии стояли неполноправные несвободные парии-*чхонмины*. Костяк этой группы составляли рабы (*ноби*), как государственные (*конноби*), так и частные (*саноби*). Среди приписанных к различным учреждениям государственных рабов были и ремесленники, и некоторое число крестьян, и пестрая по составу группа слуг и прислужников, выполнявшая наиболее тяжелую работу

(скажем, посыльные на почтовых станциях). Среди частных рабов выделялись самая бесправная группа домашних прислужников, у которых часто не было даже возможности завести семью, и жившие семьями рабы-земледельцы, отдававшие хозяину больше половины урожая, но все же обладавшие свободой экономической деятельности. Из числа рабов-земледельцев наиболее преданные и грамотные могли назначаться управляющими *янбанских* хозяйств, что давало шанс разбогатеть, а иногда даже завести собственных рабов. Но и разбогатевший раб оставался бесправной собственностью хозяина, «говорящим животным» в глазах окружающих, считавших рабов, как и в корёские времена, «отдельной породой», отличной от «нормальных людей». Рабское состояние считалось, в духе конфуцианского морализма, следствием «прегрешений предков», которые следовало «искупать» послушанием, преданностью и почтительностью: раб в *янбанском* доме, вне зависимости от возраста, обязан был низко кланяться даже маленьким детям *янбана*, смиренно принимая любую грубость. Рабы свободно продавались и покупались, причем часто стоили дешевле, чем хорошая лошадь. Браки между рабами и свободными не признавались. Если сожителство имело место, потомство, «загрязненное рабской кровью», оставалось на рабском положении.

В начальный период существования династии число рабов уменьшилось благодаря переводу незаконно порабощенных проюаньскими олигархами крестьян и некоторой части монастырских рабов в разряд лично свободных. Но, несмотря на эти меры, в районах высокой концентрации *янбанства*, прежде всего в центральных и южных провинциях, доля рабского населения могла достигать до 30%, в основном за счет частных рабов в средних и крупных *янбанских* хозяйствах. В отличие от позднекорёского общества, где многим рабам в условиях постоянных войн и переворотов удавалось повысить свой социальный статус, в раннем Чосоне избавиться от рабского состояния было крайне нелегко: выкуп или перевод в лично свободные крестьяне за военные заслуги допускались лишь в исключительных случаях. Если в Корё, кроме рабов, важной группой *чхонминов* были жители *хян*, *пугок* и *со*, то в Чосоне на место региональной дискриминации пришла профессиональная: к *чхонминам* стали относить мясников, кожевников, плетельщиков корзин, бродячих актеров, шаманов и т. д. На положении, близком к *чхонминам*, находились и буддийские монахи. Потеряв былой государственный статус, буддизм превратился в раннем Чосоне в религию низших слоев населения, а монахи стали мишенью для нападков и объектом эксплуатации со стороны местной бюрократии и *янбанской* верхушки.

В целом, статусная система раннего Чосона, будучи прогрессом по отношению к аристократическому обществу предшествующего периода, в то же время представляла собой препятствие для складывания в обществе протокапиталистических начал. С одной стороны, корёские реалии,

когда несколько десятков олигархов распоряжались судьбой страны, канули в прошлое. Даже раннечосонские «заслуженные сановники», при всем их влиянии, были все-таки равными для возглавлявшейся *саримами* массы провинциального *янбанства*, в конце концов взявшей центральный аппарат под контроль. Образование, ученость и таланты, — конечно, при условии признания со стороны влиятельных вожак *саримских* группировок, — могли обеспечить карьерный рост даже небогатому и неродовитому *янбану*. В отношении социальной мобильности внутри господствующего сословия, ранний Чосон несомненно позитивно выделялся на фоне современных ему позднесредневековых обществ. Но с другой стороны, даже по сравнению с предшествующим периодом, межсословные «перегородки» стали жестче. Страдая от государственной эксплуатации или же произвола отдельных чиновников или *янбанов*, раннечосонский ремесленник или торговец — а уж тем более раб — не имел возможности приобретением «благородного» звания обезопасить себя от поборов и разорения. В условиях отсутствия другой формы защиты от произвола — городского самоуправления и гильдейской организации, — жесткость сословного деления обрекала экономику на застой и затрудняла прорастание «семян» протокапиталистических отношений в корейской почве. Другим тормозом социального прогресса в была большая, по позднесредневековым меркам, доля лично несвободных в общем числе эксплуатируемого населения. Статус *чхонмина*, означавший полное бесправие и отсутствие перспектив социального роста, лишал принадлежавшего к этому сословию крестьянина и ремесленника мотивации к труду и накоплению богатства. Преодоление двух главных противоречий раннечосонской сословной системы — жестких межсословных барьеров и бесправного положения *чхонминов* — началось лишь в XVII–XVIII вв..

Источники и литература

А) Первоисточники:

1. Lee, P. H. and de Bary, Wm. T. (eds.) *Sourcebook of Korean Tradition*. New York: Columbia Un-ty Press, 1997, Vol. 1, pp. 260–391.
2. Ha Tae-hung (tr.) and Sohn Pow-key (ed.). *Nanjung Ilgi: War Diary of Admiral Yi Sun-sin*. Seoul: Yonsei University Press, 1977.

Б) Литература:

1. Ванин Ю. В. *Аграрный строй феодальной Кореи XV–XVI вв.* М., 1981.
2. Волков С. В. «Социальный статус служилых слоев в дальневосточных деспотиях» // *Феномен восточного деспотизма*. М., 1993.
3. Концевич Л. Р. «Наставления народу о правильном произношении» // *Восточная коллекция*. 2007, № 4 (31). С. 33–45.

4. Концевич Л. Р. «Хунмин чоным» // *Корееведение. Избранные работы*. М., 2001. С. 55–220.
5. Choe, Ching Young. *The Rule of the Taewongun. 1864–1873*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1972 (Harvard East Asian Monographs, 45).
6. Ch'oe, Yong-ho. *The Civil Examinations and the Social Structure in Early Yi Dynasty Korea, 1392–1600*. Seoul: Korean Research Center, 1987.
7. Clark, D. N. «Choson's Founding Fathers: A Study of Merit Subjects in the Early Yi Dynasty» // *Korean Studies*, Vol. 6, 1982, pp. 17–40.
8. Deuchler, M. *Confucian Gentlemen and Barbarian Envoys. The Opening of Korea, 1875–1885*. Seattle & London: University of Washington Press, 1977.
9. Duncan, J. «Proto-nationalism in Premodern Korea». In Sang-Oak Lee and Duk-Soo Park (eds.). *Perspectives on Korea*. Sydney: Wild Peony, 1998
10. Kim-Renaud Young-Key (ed.). *King Sejong the Great: The Light of 15th Century Korea*. Washington, D.C.: International Circle of Korean Linguistics, 1992.
11. Palais, J. B. «Confucianism and the Aristocratic/Bureaucratic Balance in Korea» // *Harvard Journal of Asiatic Studies*, Vol. 44, Issue 2, 1984, pp. 427–468.
12. Song June-ho. «Dynamics of Elite Lineage Structure and Continuity in the Confucian Society of Traditional Korea». In Slotte W. H. (ed.). *The Psycho-Cultural Dynamics of the Confucian Family: Past and Present*. Seoul: International Cultural Society of Korea, 1986.

Глава 11

ПОСТЕПЕННЫЙ РАСПАД СОСЛОВНОЙ СИСТЕМЫ И РАЗВИТИЕ ТОВАРНОЙ ЭКОНОМИКИ В БЮРОКРАТИЧЕСКОМ НЕОКОНФУЦИАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ: ПОЗДНИЙ ЧОСОН (1598–1876 гг.).

а) XVII в. — борьба янбанских группировок и кризис сословной системы

При всей жесткости раннеchosонской системы сословных перегородок и ее идеологической надстройки — неоконфуцианской идеологии, — хода экономического и социального прогресса она полностью остановить не могла. Несмотря на все препятствия, изменения все же пробивали себе дорогу. Для Кореи, разоренной и опустошенной Имджинской войной 1592–1598 гг., два последующих столетия — XVII–XVIII вв. — стали временем глубинных изменений, подготовивших в итоге почву для эпохальной ломки традиционного уклада в девятнадцатом столетии. Прежде всего, в условиях относительно нормального функционирования контролировавшегося различными группировками саримов государственного аппарата активно восстанавливалась разо-

ренная японским нашествием экономика, продолжалось прерванное за-
сылем «заслуженных сановников» в первой половине XVI в. развитие
производительных сил. Развитие более производительных технологий в
сельском хозяйстве увеличило урожай, активизировало торговлю и при-
вело в итоге к невиданному ранее в корейской истории росту населе-
ния — с 2 млн. человек после опустошительной Имджинской войны до
почти 8 млн. (по некоторым подсчетам, даже 10 млн.) в конце XVIII в.
Важным следствием этого процесса было прогрессирующее расслоение
крестьянства — в то время, как меньшинство зажиточных крестьян обо-
гащалось на торговле излишками и прикупало соседскую землю, значи-
тельная часть составлявших большинство в деревне бедняков оконча-
тельно нишала, теряла землю, переходила на положение батраков или
уходила в растущие города. Одновременно с процессом имущественной
дифференциации «внизу» тот же процесс шел «вверх»: при количест-
венном возрастании *янбанского* сословия число доступных ему должно-
стей в государственном аппарате оставалось практически неизменным,
что вело к еще более ожесточенной борьбе за власть между *янбанскими*
партиями, долговременной монополизации основных постов победите-
лями и прогрессирующей маргинализации побежденных. В итоге
следствием усилившегося расслоения как «внизу», так и «наверху» стал
практический распад сословной системы: обогатившиеся рабы во мно-
жестве выкупались на волю, богатые крестьяне начали скупать *янбан-*
ские родословные и причислять себя к *янбанам*, в то время как обед-
невшие *янбаны* — особенно члены проигравших в политической борьбе
и полностью оттесненных от центрального бюрократического аппарата
«партий» — практически теряли свой привилегированный статус, мало
отличаясь от соседей-крестьян по реальному социально-экономиче-
скому положению. Относительное — и в большей мере фактическое,
чем формальное, — «выравнивание» статусов вело и к немыслимому
ранее распространению образования в крестьянской среде, расцвету по-
пулярной литературы на корейском языке, народного театра и музыки.
Распад сословной системы сказался и на положении оправдывавшей ее
неоконфуцианской ортодоксии, постепенно терявшей популярность в
острой конкуренции с более либеральными и практическими истолко-
ваниями конфуцианства, а также проникшим из Китая в конце XVIII в.
католицизмом. Активное восприятие значительной частью как марги-
нальных *янбанских* слоев, так и крестьянства католических идей, — ис-
толкованных как призыв к равенству и религиозной свободе лично-
сти, — хорошо показывало, сколь глубоко зашел кризис основанной на
наследственном неравенстве сословной системы и непримиримой к
инакомыслию неоконфуцианской идеологии. Однако перемены в базис-
ной структуре общества не сопровождались необходимыми для оформ-
ления новых типов производственных отношений кардинальными из-
менениями на надстроечном уровне. С обогащением определенной час-

ти крестьянства, появлением влиятельного слоя богатых купцов чиновное вымогательство только усилилось, а новые религиозно-идеологические течения, и прежде всего католицизм, подвергались жесточайшим кровавым репрессиям со стороны стоявших у власти неоконфуцианцев-ортодоксов. Проявляя определенный интерес к развитию военного дела, науки и техники, абсолютистский режим позднего Чосона, в отличие от современных ему меркантилистских правительств Западной Европы, ничего не делал для поощрения торговли и предпринимательства. При всем богатстве некоторой части простолюдинов-*янминов*, они оставались все так же сословно принижеными по отношению к *янбанам*, подвергаясь еще худшим поборам со стороны чиновных лихоимцев. В итоге накопившееся недовольство привело к середине XIX в. к общему кризису чосонского *янбанского* общества. Выходом из кризиса могли стать радикальные реформы — прежде всего полная отмена сословной системы и открытие страны международной торговле. Однако пойти по этому пути Корее помешала слабость и незрелость реформаторских сил, консерватизм как *янбанского* сословия, так и значительной части крестьянства. В итоге, в отсутствие радикальных реформ и в условиях усилившегося давления со стороны мировой капиталистической системы, принявшего в данных исторических условиях форму империалистической агрессии, Корея была практически обречена на роль отсталой периферии — вначале полуколонии развитых капиталистических держав, а вскоре и «полной» колонии Японии (1910 г.).

Имджинская война принесла громадные перемены в социально-политическую жизнь Кореи. Громадный урон, нанесенный хозяйству страны, не мог не отразиться и на государственных финансах. Налоги с разоренного крестьянства не могли покрыть возросшие расходы на армию и флот. В полной мере также стало ясно, что традиционное взимание различных податей натурой отжило себя: разоряя массу налогоплательщиков, натуральные подати обогащали небольшое число связанных с двором откупщиков, но не государственную казну. Правительство государя Сонджо видело две возможности выхода из тисков финансового кризиса. С одной стороны, безысходность ситуации заставила пожертвовать «чистотой принципов» сословной системы и начать открытую и официальную продажу *янбанского* статуса всем желающим в обмен на «поднесение зерна» в государственную казну — *напсок*. Покупателями могли выступать не только *чунины* и «местные чиновники», но и крестьяне, а также и отпущенные по той или иной причине на волю рабы. Последних в военный период стало несравненно больше, чем когда-либо: государство, не имевшее выбора в условиях смертельной опасности для независимого существования страны, начало широко практиковать освобождение рабов за военные заслуги или «пожертвования» в казну. Распространилась и официальная торговля незаполненными па-

тентами на вакантные должности (*конмёнчхон*), в которые, по внесении определенной суммы зерном, полотном или деньгами, вписывалось имя покупателя. В принципе, в самых чрезвычайных случаях подобные меры осуществлялись и до Имджинской войны, но в несопоставимо более узких масштабах. С окончанием войны продажа сословного статуса и должностей продолжалась: налоги с опустошенных провинций не могли наполнить близкую к полному банкротству казну. С другой стороны, правительство начало рассматривать возможность перевода натуральных податей в налог зерном, т. е. введения единого подворного налога взамен традиционно существовавшей комбинации налога и различных податей. Частичный перевод разорительных податей в налог зерном начал, в качестве одной из чрезвычайных мер, осуществляться уже во время войны. Избавление крестьян от груза податей и новые возможности для повышения сословного статуса экономическими методами объективно создавали как возможности, так и стимулы для активной хозяйственной деятельности, вовлекали значительные слои крестьянства в торговлю и, в конечном счете, обесмысливали средневековую сословную систему в целом: «священное» звание *янбана* начало превращаться в предмет торговли на государственном уровне.

Большие изменения привнесла война и в систему обороны, равно как и в политическую жизнь. В условиях практического развала старых «пяти корпусов» правительство срочно приступило к формированию боеспособных отборных частей по минскому образцу. Костяком отборных корпусов чосонской армии должны были стать части, находившиеся в подчинении основанного в 1593–1594 гг. Управления Боевой Учебы (*Хуллён Тогам*) — более четырех тысяч стрелков и пушкарей, лучников и копейщиков. Воины этих частей — набиравшиеся из самых разных слоев населения, включая как *янбанов*, так и освобожденных рабов, — были профессионалами, получавшими от государства содержание и жалованье. В провинции в то же время создавался целый ряд полупрофессиональных стрелковых частей, скажем, состоявшая из рабов и беднейших крестьян *Согогун*, где бойцам давали регулярную военную подготовку, не отрывая их полностью от земледелия. Распространение воинской службы и на низшие, неполноправные слои простолюдинов говорило о серьезном ослаблении средневековых сословных барьеров. В административных вопросах усилилось влияние выделенного в особый правительственный совещательный орган Департамента Пограничной Охраны (*Пибёнса*), в заседаниях коллегий которого стали участвовать как ведущие военачальники, так и руководители основных министерств и ведомств. Практически в условиях внешней опасности Департамент начал подменять собой Верховный Государственный Совет, давая, в частности, военным чинам несколько больший вес в политической жизни. В среде гражданского чиновничества как во время войны, так и после ее окончания доминировала в основном «северная» партия — ученики Чо

Сика, из среды которых выдвинулось значительное число известных партизанских лидеров. Придя к власти, «северяне» быстро раскололись на несколько более мелких группировок. «Межпартийная» и межгрупповая борьба играла в политической жизни противоречивую роль, замедляя и затрудняя процесс принятия важных решений, но в то же время и сдерживая коррупцию и фаворитизм за счет взаимного контроля членов противоборствующих группировок друг за другом.

Ситуация серьезно изменилась в правление сына Сонджо, Кванхэгуна (посмертного имени не получил; 1608–1623). Сильный и умелый политик, на плечах которого практически лежало руководство страной в период Имджинской войны, Кванхэгун немало сделал для решения насущных социально-экономических и политических проблем, развития корейской культуры. С 1608 г. в столичной провинции Кёнги, где голод и злоупотребления чиновников вызвали в 1607 г. крупный крестьянский бунт, начал осуществляться Закон о Едином Налоге (*Тэдон-бон*), согласно которому поземельный налог и все существовавшие до того подати натурой были заменены подворным обложением по твердому, единому для всех тарифу. Единый подворный налог было разрешено выплачивать не только рисом, но также полотном или деньгами, что стимулировало развитие торговли и денежного обращения. В течение XVII в. Закон о Едином Налоге был постепенно распространен на всю страну. Развитие контактов с Японией и Китаем обогатило корейское сельское хозяйство и быт: из Китая как раз в этот период был заимствован красный перец, а из Японии — привнесенный туда европейцами табак. С целью укрепить расшатанные войной закон и порядок, пресечь уклонение от уплаты налогов был восстановлен раннечосонский закон о «именных дощечках» — своеобразных «внутренних паспортах» дальневосточного абсолютизма, ношение которых укрепляло контроль бюрократии над населением. Для пополнения опустошенных войной библиотек государственные типографии издавали несравненно большее, чем ранее, количество литературы, в том числе популярные толкования конфуцианских классиков на корейском языке, способствовавшие повышению образовательного уровня масс, сближению «низовой» культуры с господствовавшей конфуцианской культурой верхов. В 1610 г. была издана «Энциклопедия корейской медицины» (*Тоный погам*) великого медика Хо Джуна, насущно необходимая для лечения больных в условиях сопровождавших послевоенные голодовки частых эпидемий. Наконец, в ситуации, когда возглавляемое ханом Нурхацзи чжурчжэньское (маньчжурское) государство начало серьезно угрожать Минской империи, Кванхэгун проводил искусную «двойную» политику, оказывая военную помощь формальному «сюзерену» Кореи — Минской династии, — но в то же время тайно приказывая корейским солдатам уклоняться от активного участия в боях и ведя сложные переговоры с маньчжурами за спиной Минов. Целью

дипломатических маневров Кванхэгуна было избавить обескровленную войной страну от нового иноземного нашествия.

Однако политическая опора Кванхэгуна была весьма слабой — его поддерживала лишь одна из группировок «северян», получившая название «большой северной партии». Остальные *янбанские* группировки — как многие «северяне», так и весьма влиятельные в чиновничьей среде «западные», — активно нападали на политическую линию Кванхэгуна, обвиняя его, в том числе, в «неблагодарности» по отношению к Минам, пришедшим Корею на помощь в Имджинской войне. Реалистичная внешняя политика Кванхэгуна, видевшего серьезную возможность захвата маньчжурами власти над ослабленным Китаем, столкнулась с конфуцианским догматизмом его противников, принципиально презиравших «северных варваров». В конце концов, Кванхэгун и его сторонники попытались сломить оппозицию авторитарными диктаторскими методами, устроив жестокую «чистку» в чиновничьей среде и физически уничтожив ряд противников, в том числе и старших членов государственной семьи, что в корне противоречило господствовавшим конфуцианским нормам. Однако как жестокость правящей «большой северной партии», так и сопровождавшееся многочисленными фактами коррупции монопольное пребывание ее верхушки у руля государственной власти возбудили в *янбанской* среде всеобщее недовольство. В итоге группа заговорщиков, возглавлявшаяся несколькими членами «западной» партии, смогла без особенного кровопролития устроить государственный переворот, казнить руководство «большой северной партии», отправить Кванхэгуна в ссылку, и посадить на трон его племянника, известного под посмертным именем Инджо (1623–1649). Новый государь пришел к власти под лозунгом поддержки Минов в борьбе с «маньчжурскими варварами», что, учитывая слабость Минов и явные успехи маньчжуров, сулило Корею новые разорительные войны.

Придя к власти путем переворота, Инджо столкнулся с теми же проблемами, что и Кванхэгун, но пытался решать их несколько иными путями. Если в экономике и социальной политике курс Кванхэгуна был продолжен без особых изменений (продолжалось внедрение Закона о Едином Налоге в южных провинциях, жестко контролировалось соблюдение закона о ношении «именных дощечек», и т. д.), то в политике Инджо попытался предотвратить приведшую Кванхэгуна к краху концентрацию власти в руках одной группировки. На должности выдвигались как «попутчики» победителей-«западных» — «южане», так и члены «малой северной партии», хотя ключевые должности все же резервировались за «западными». Политика эта, однако, наталкивалась на многочисленные препятствия. Прежде всего, как почти всегда происходило в «межпартийной» борьбе в позднесредневековой Корею, победители-«западные» почти сразу же раскололись на две новые группировки, одна из которых выступала за бескомпромиссно жесткую политику по

отношению ко всем остальным «партиям», и прежде всего «северянам». Стремление государя сохранить взаимный контроль и баланс столкнулось со стремлением сильнейшей группировки монополизировать максимальное число постов, неизбежным в условиях растущей конкуренции внутри численно увеличивавшегося *янбанского* сословия. Затем, практическая монополия нескольких лидеров «западных» на влияние при дворе вызвала крайнее недовольство у одного из практических организаторов переворота, военного чиновника Ли Гваля, поднявшего в 1624 г. мятеж и неожиданно быстро занявшего столицу. Впервые в истории Чосона мятеж вынудил государя бежать в провинцию. Выступление Ли Гваля, подавленное с большим трудом и крайней жестокостью, показала, сколь непопулярен был режим «западной партии»: целый ряд чиновников присоединился к мятежникам, а население столицы встретило их с почти что с восторгом. В народе были популярны сатирические песни, обличавшие «старых господ» («большую северную партию») и «новых господ» («западных») как представителей «одной жадной своры», ничем не отличавшихся друг от друга. Показал первоначальный военный успех выступления и слабость не сумевшей защитить столицу правительственной армии. Встревоженный Инджо основал особое ведомство по обороне столичной провинции и заново перестроил ряд крепостей в окрестностях Сеула, но, как показало последовавшее вскоре за мятежом первое маньчжурское нашествие, всего этого было совершенно недостаточно.

Инджо и «западная партия», пришедшие к власти под популистским неоконфуцианским лозунгом «бескомпромиссной борьбы с северными варварами», сразу же отказались от сбалансированной внешней политики Кванхэгуна и принялись проводить жесткий антиманьчжурский курс, позволяя, в частности, минским войскам использовать корейскую территорию как базу для войны против войск Нурхаци. В преддверии сражений с основными силами минской армии маньчжуры не могли позволить себе оставить в тылу враждебную Корею, и в 1627 г. наследник Нурхаци, Абахай (1627–1644), послал 30-тысячную армию в поход на Сеул. Советниками военачальников Абахая служили бежавшие к маньчжурам сторонники мятежника Ли Гваля, а официальным предлогом для «карательного похода» было «незаконное свержение» Кванхэгуна с престола. Войско маньчжуров без особого труда захватило Сеул, вынудив Инджо бежать, подобно корёским государям во времена монгольских нашествий, на остров Канхвадо и вскоре приступить к мирным переговорам. Итогом этих переговоров стал компромисс — Корея и маньчжурское государство признали друг друга «братьями» и союзниками, Корея отправила маньчжурам заложников и официально отказалась от антиманьчжурской политики, но в то же время подчеркнула, что остается дружественной и к Минам. Компромисс такого рода, однако, совершенно не удовлетворял корейскую неоконфуцианскую верхушку, ви-

девшую в союзе с «северными варварами» полную измену принципам и до конца не верившую в возможность поражения и падения Минов. Корея, отказываясь поставлять продовольствие маньчжурам, активно снабжала припасами воевавшие против них минские части, вызывая крайнее недовольство Абахая и его двора.

В конце концов, в 1635 г. маньчжурский владыка потребовал у Инджо признать Корею «вассалом» маньчжурского государства и разорвать все отношения с Минами. Негодование абсолютного большинства придворных было настолько сильно, что сообщивший об этих требованиях корейскому двору маньчжурский посол почел за лучшее бежать из Сеула ночью, оправданно опасаясь за свою жизнь. На следующий год после этого Абахай, к тому времени провозгласивший свое государство империей Цин и себя — «сыном Неба», повел в поход на Сеул 130-тысячную армию, не встретившую по пути серьезного сопротивления и уже через полмесяца захватившую без крупных боев корейскую столицу. Инджо, осажденный вместе с двором в одной из крепостей к югу от Сеула, вынужден был вскоре сдаться и принять все требования победителей. В условиях гибели Минской династии и перехода региональной гегемонии к Цинам признание Кореей «вассалитета» по отношению к последним было исторической неизбежностью, тем более что условия «вассальных» отношений с новым «сюзереном» мало чем отличались от традиционных форм (дань была несколько тяжелее прежней, и в число требований Цинов входило развитие пограничной торговли с Кореей, что при Минах не практиковалось). Однако для правящей «западной партии» полный крах ее «принципиальной» внешней политики был тяжелым ударом. В течение долгого времени «западные» отказывались признавать поражение и использовали ресурсы страны на подготовку к антиманьчжурскому реваншу, тем самым усиливая налоговое бремя и замедляя экономическое развитие страны. Два маньчжурских нашествия, результатом которых были массовые грабежи и увод тысяч корейцев в плен, также нанесли тяжелый удар по корейской экономике, не успевшей еще полностью оправиться от последствий опустошительной Имджинской войны.

Период смены династий в Китае был временем, когда Корея впервые вошла в прямой контакт с европейцами, к тому времени уже развивавшими активную деятельность на Дальнем Востоке. В принципе, португальские миссионеры высаживались — как капелланы армии Тоётоми Хидэёси, в которой было много христиан, — на корейских берегах уже во время Имджинской войны, но тогда их присутствие прошло практически незамеченным для корейской стороны. Неизвестным в Корее было и обращение многих оказавшихся в Японии корейских пленных в католичество, равно как и тот факт, что немало новообращенных было жестоко замучено преследовавшим христиан режимом Токугава в начале XVII в. Первыми европейцами, оставившими след в корейской исто-

рии, были трое голландских моряков, попавших в страну в результате кораблекрушения в 1628 г. Они были взяты на службу в Управление Боевой Учебы как эксперты по артиллерии, и двое из них пожертвовали своими жизнями, защищая новую родину во время маньчжурского нашествия. Интерес, проявленный рядом высокопоставленных чиновников к необычным пришельцам, не послужил, однако, стимулом к установлению каких-либо отношений с европейскими государствами: слишком глубоко было культивировавшееся конфуцианством презрение к «варварам» и их культуре. В 1630 г. побывавший в минской столице корейский посол встретился там с обосновавшимися в Китае с начала XVII в. иезуитскими миссионерами и привез домой ряд религиозных, географических и астрономических трактатов, изданных европейцами на китайском языке, а также «варварские диковины» — европейскую пушку, будильник и подзорную трубу. В атмосфере гегемонии ортодоксального неоконфуцианства, однако, большого внимания европейские трактаты и технические новшества не привлекли. Наконец, в 1644 г. в Сеул вернулся несколько лет проживший в цинской столице заложником сын Инджо, принц Сохён. Во время пребывания в Китае он тесно общался со служившими цинскому двору немецкими иезуитами и привез домой целый ряд самых различных европейских сочинений на китайском и астрономических приборов. Взойди принц Сохён, с его серьезным интересом к европейской культуре, на трон, Корея могла бы, возможно, обогатить себя контактами с Западом в той же степени, в какой это удалось регулярно торговавшей с голландцами Японии времен Токугава. Однако принц Сохён был заподозрен в чрезмерной близости к Цинам и скончался подозрительно быстро: через год после возвращения, якобы в результате неудачной медицинской операции. Жена его была казнена, а сыновья — сосланы. В итоге, достаточно редкий для корейского конфуцианца этого периода интерес принца Сохёна к западной культуре не оказал влияния на дальнейшее течение чосонской истории.

Вместо Сохёна государю Инджо наследовал его второй сын, оставшийся в истории под посмертным именем Хёджон (1649–1659). Социально-экономическая линия нового режима в целом продолжала политику Кванхёгуна и Инджо: Закон о Едином Налоге распространялся на все большее число провинций, денежное обращение активизировалось в связи с выпуском новой металлической монеты и началом обращения цинских денег в торговавших с Китаем приграничных районах. В политике власть все более концентрировалась в руках двух близких ко двору фракций «западных» — группировки среднего и высшего чиновничества из столичной провинции, более реалистичной и консервативной по взглядам, и группы занимавших не слишком высокое положение и отличавшихся бескомпромиссным следованием неоконфуцианской догме *янбанов* из провинции Чхунхон. Постепенно последняя группа и ее харизматический лидер Сон Сиэль (1607–1689) — воспитатель Хёджона,

пользовавшийся почти что безграничным личным доверием государя, — сумели монополизировать власть в своих руках. Основным пунктом политической программы Хёджона и полностью солидаризовавшейся с ним группы Сон Сиёля был «поход на Север» (*пукполь*) — выступление против «варварской» маньчжурской державы в союзе с оставшимися верными Мин силами в Южном Китае, успех которого должен был бы сделать Корею одним из ведущих центров конфуцианского мира. Учитывая успехи Цинов в покорении Китая и реальную слабость терпевшего одно поражение за другим антицинского движения в 1650-е гг., план Хёджона — Сон Сиёля выглядел достаточно фантастично. С другой стороны, требовавшееся планом усиление отборных профессиональных частей соответствовало интересам и желаниям значительной части корейской элиты, понявшей, на горьком опыте понесенных от японцев и маньчжуров сокрушительных поражений, в сколь опасное поражение ставила страну военная слабость. В согласии с планами Хёджона — Сон Сиёля до тысячи человек была увеличена личная гвардия государя, создан включавший отборные стрелковые и кавалерийские части новый столичный гарнизонный корпус (также около тысячи бойцов), начато организованное разведение лошадей для укрепления корейской кавалерии, и т. д.

Однако укрепление армии было неподъемным бременем для казны в еще не оправившейся от последствий японских и маньчжурских нашествий стране, где частым явлением стали голодовки и крестьянские бунты. Кроме того, внешнеполитическая ситуация была не слишком благоприятной для осуществления амбициозных планов Хёджона и Сон Сиёля. В Южном Китае антицинское сопротивление оказалось бессильным перед мощью цинских армий, а пограничный конфликт с Россией на севере, который, как надеялся Хёджон, мог бы ослабить Цинов, в серьезную войну не перерос. Более того, вопреки своей воле Корея оказалась вовлечена на стороне Китая в этот первый в истории отношений России со странами Дальнего Востока конфликт между Россией и Китаем. По указу Цинов — не подчиниться которому побежденная и ставшая формальным «вассалом» победителей Корея не имела практической возможности — дважды, в 1654 и 1658 гг. небольшие отряды корейских стрелков участвовали на маньчжурской стороне в вооруженных столкновениях между маньчжурской армией и русскими казацкими отрядами в Приамурье. По иронии истории, подготовленные для похода против Цин отборные стрелковые отряды оказались использованы, наоборот, для укрепления власти Цинов на севере их державы. Конфуцианский догматизм корейского руководства практически лишил это первое непосредственное знакомство корейцев с Россией всякого исторического смысла для корейской стороны: ни Хёджон, ни его окружение не проявили ни малейшего интереса к «северным большеносым варварам», против которых Цин вынудила их послать войска. Не имело для Кореи

серьезных последствий и долговременное (1653–1666) пребывание на ее территории части команды потерпевшего у берегов острова Чеджудо голландского судна. Корейская конфуцианская верхушка совершенно не интересовалась рассказами голландцев об их родине, и, после неудачной попытки одного из моряков найти контакт с маньчжурским посольством и добиться возвращения в Европу (эта попытка стоила смельчаку жизни), сочла за благо сослать голландцев на крайний юг страны, откуда большая их часть сумела в итоге бежать в Японию и вернуться домой. По рассказам одного из пленников, Хендрика Хамеля, в Голландии было вскоре издано первое описание доселе незнакомой европейцам Кореи, вскоре переведенное на все основные европейские языки. В то время, как в Европе накапливалась информация о Корее и возникал интерес к возможностям проникновения в эту страну, конфуцианское руководство Кореи, продолжавшее видеть в европейцах «окраинных варваров» и совершенно не замечавшее постепенного вовлечения соседних стран в создаваемую западноевропейскими абсолютистскими монархиями и буржуазией мировую капиталистическую систему, практически обрекало страну на изоляцию и отсталость.

По смерти Хёджона у руля правления оказался его сын Хёнджон (1659–1674), при котором «межпартийная» борьба «западных» и «южных» еще более накалилась. Реальным содержанием борьбы было стремление каждой из противоборствующих группировок монополизировать высшие уровни государственной власти, но по форме, в условиях господства конфуцианских догм, столкновения выливались в дискуссии по вопросам придворного этикета — крайне важного, с точки зрения господствовавших представлений, для «правильного устройства» космоса и общества. Сразу по смерти Хёджона между «западными» и «южными» вспыхнула ожесточенная дискуссия по вопросу о том, каков должен быть срок траура матери скончавшегося государя по сыну. Сон Сиёль — придерживаясь, с привычной для него жесткостью и бескомпромиссностью, буквы конфуцианских догматов, — утверждал, что траур должен быть годовым, ибо Хёджон был вторым сыном, тогда как «южные» стояли за приличествовавший лишь первому сыну трехгодовой траур, объясняя, что, «по смыслу», ставший государем второй сын соответствует в ритуальном отношении первому сыну. За всей этой средневековой казуистикой стояло реальное желание могущественной «западной» группировки утвердиться в качестве монопольных истолкователей конфуцианского догмата, и стремление их противников — «южан» — опереться на авторитет государевой власти в борьбе с превосходящим по силам соперником. Эта «первая дискуссия об этикете» завершилась победой группировки Сон Сиёля, но триумф ее оказался недолгим. Вскоре — в 1663 г. — в конфуцианских кругах разгорелась новая дискуссия о том, имеет ли право чиновник отказаться от выполнения государственного долга по соображениям долга семейного: ска-

жем, может ли чиновник, в семье которого были пострадавшие во время маньчжурского нашествия, отказаться от участия в приеме цинских послов (являвшихся в этом случае, с конфуцианской точки зрения, «врагами семьи»). На сей раз, по понятным соображениям, Хёнджон встал на сторону отстаивавших приоритет служебных обязанностей «южан» в противовес подчеркивавшему первостепенность конфуцианского принципа «сыновней почтительности» Сон Сиёлю. С этого момента влияние группировки Сон Сиёля постепенно начало сходить на убыль. Сильный удар по ней нанесла победа «южан» во «второй дискуссии об этикете» (1674 г.), где обсуждался вопрос о том, какой траур приличествовало носить матери Хёджона по скончавшейся невестке. В принципе, острое соперничество «южан» с «западными» играло и положительную роль в политике, предотвращая окончательную и полную концентрацию власти в руках исключительно «западной» группы. Однако превращение основных политических вопросов в предмет «межпартийной» борьбы лишало корейскую политику последовательности: так, со смертью Хёджона и постепенным ослаблением позиций Сон Сиёля началось свертывание мероприятий по усилению армии и подготовке к «походу на Север». Занятые схоластическими дебатами и борьбой за власть, высшие чиновники не имели возможности сосредоточиться на решении реальных проблем, в то время, как страна переживала тяжелую эпоху периодических голодовок и эпидемий (1662, 1663, 1668 гг.). Наконец, системе взаимного баланса и сдерживания, основанной на затянувшейся борьбе «западных» и «южных», не хватало долговременной стабильности: одна из группировок в итоге вполне могла добиться, хотя бы и временно, монополии на власть и вновь ввергнуть страну в политический кризис.

Именно это и случилось в период правления следующего государя, Сукчона (1674–1720), пришедшего к власти в 14 лет и не имевшего возможности так искусно поддерживать баланс влияния между «партиями», как это делал Хёнджон. При Сукчоне «межпартийная» борьба достигла своего пика, несколько раз выливаясь в радикальные «перемены власти» (*хвангук*) — смены партий у власти, сопровождавшиеся жестокими «чистками» в отношении побежденных. Балансу, поддерживающемуся на основе более или менее равноправного соперничества одновременно представленных у власти групп, пришел конец: целью «межпартийной борьбы» стала монополия на влияние и расправа с соперниками. Вначале в результате очередной, третьей по счету, «дискуссии об этикете», к власти смогли прийти усилившиеся к концу правления Хёнджона «южане», быстро устранившие из политической жизни своих противников: главный из них, Сон Сиёль, был отправлен в ссылку. Однако в 1680 г. политическая ситуация резко изменилась: подросший Сукчон начал видеть в монопольной гегемонии «южан» угрозу своей власти, и воспользовавшись доносами, обвинявшими «южан» в желании физиче-

ски расправиться с некоторыми из соперников и даже устранить самого Сукчона, заменив его на троне одним из родственников, устроил «генеральную чистку» (*тэчхульчхок*) «южной партии». Ряд видных «южан» был казнен, остальные отправлены в ссылку, и новыми гегемонами политической жизни вновь стали Сон Сиёль и его ученики. Их монопольное господство, впрочем, продолжалось недолго. В 1682–1684 гг. «западные» раскололись на две противостоящие группы: возглавлявшуюся Сон Сиёлем «фракцию стариков» (*норон*), и руководимую отошедшим от учителя учеником Сон Сиёля по имени Юн Джын (1629–1714) «фракцию молодых» (*сорон*). Если Сон Сиёль и «старики» сделали из Чжу Си объект почти религиозного почитания и причисляли «южан» к «еретикам» (*идан*) и «хулителям священных текстов» (*самун нанджок*) уже за малейшие сомнения последних в правильности чжусианских комментариев, то Юн Джын и «молодые» занимали более примирительную позицию, считая возможным и выдвижение «южан» на определенных условиях. Последняя позиция была более близка стремившемуся поддержать баланс политических сил Сукчону, и влияние Сон Сиёля при дворе начало уменьшаться со дня на день.

Баланс, однако, оказался крайне ненадежным. В 1689 г. за отказ признать сына Сукчона от любимой им наложницы Чан законным наследником все «западные», как «старики», так и «молодые», были полностью отстранены от власти: Сон Сиёлю было приказано покончить с жизнью, а более 100 человек — казнено и сослано. Кратковременный приход «южан» на освободившиеся посты закончился в итоге для этой «партии» политической трагедией: в 1694 г. в связи с раскрытием интриг наложницы Чан против других членов государевой семьи «южане» были жестко «вычищены» от власти и уже никогда больше не смогли к ней вернуться. Политическая гегемония окончательно перешла к «западным». Чередуя у власти «стариков» и «молодых», Сукчон старался и в этих условиях поддерживать определенный баланс, однако постепенно стала явной тенденция к почти монопольному преобладанию «стариков», искусно избавлявшихся от конкурентов. К концу правления Сукчона при дворе практически сформировался режим своеобразной «однопартийной диктатуры» последователей Сон Сиёля, ослаблявший в итоге государеву власть и пресекавший для не связанного с группировкой «стариков» основного большинства янбанства всякое серьезное участие в политической жизни. Значительное число янбанов, принадлежавших к разгромленным в бесконечных «чистках» фракциям, практически лишилось доступа к должностям даже при успешной сдаче экзамена, что приводило многие «благородные» семьи к разорению и, в конце концов, потере янбанского статуса. Так одним из побочных следствий ожесточенной «межпартийной» борьбы и итоговой монополизации власти «стариками» оказалось ускоренное разложение традиционной сословной системы: побежденные в борьбе

группировки практически лишались основной привилегии господствующего сословия, т. е. права на чиновную карьеру и участие в политической жизни.

Жесткая политическая борьба и маргинализация значительной части правящего сословия проходила на фоне значительного возрастания социальной нестабильности «внизу». Общий экономический рост, увеличение населения и развитие товарно-денежных отношений вели к обогащению высшего и среднего слоев крестьянства, но в то же время и к появлению значительного количества бедняков, продававших обогатившимся соседям остатки земли, уходивших в батраки и легко становившихся жертвами голодовок и эпидемий в неурожайные годы. Большая голодовка, сопровождавшаяся эпидемиями и бунтами отчаявшихся крестьян-бедняков, случилась в 1671 г.; за ней последовали голод в 1690 и 1695 гг., также приведшие к крупным вспышкам насилия на селе. Но самым страшным был беспрецедентный по масштабам голод 1696–1699 гг., во время которого погибло более 300 тыс. человек. Вслед за тем на страну обрушились небывалые эпидемии оспы и проказы, унесшие несколько десятков тысяч жизней (1708, 1718 гг.); за эпидемиями следовали новые бедняцкие бунты (1708, 1721 гг.). В обстановке кризиса в массах получили распространение всевозможные «пророческие книги», предсказывавшие как скорый конец правящей династии, так и «конец света» с приходом в мир спасителя человечества ото всех бед — бодхисаттвы будущего Майтрейи. Частым явлением стало и самозванство — ряд буддийских монахов и шаманов, обладавших большим влиянием на низшие классы позднечосонского общества, объявляли себя то «чудесно спасшимися» сыновьями «злодейски умерщвленного» принца Сохёна, то даже самим бодхисаттвой Майтрейей, пришедшим наконец избавить землю от страданий. Подобные социально-психологические феномены показывали как степень недовольства непривилегированного большинства системой сословных привилегий, так и чрезвычайно низкий уровень политического сознания позднечосонской сельской бедноты, по традиции искавшей накалившим эмоциям выхода преимущественно в освященных временах мистических миллениаристских теориях. Но сколь бы низок не был уровень крестьянского протеста, непрерывное брожение внизу наглядно демонстрировало правящему классу необходимость стабилизации политической обстановки в стране. В то же время ясно было, что «однопартийная диктатура» «стариков», обрекавшая большинство *янбанства* на маргинализацию и вызывавшая поэтому серьезное недовольство в рядах правящего сословия, к стабильности не ведет. В связи с этим уже в последние года правления Сукчона постепенно вызревала идея «равноудаленности» двора от «партий» — привлечения *янбанов* на службу исключительно по способностям, вне зависимости от «партийной» принадлежности.

б) XVIII в. — временная стабилизация центральной власти

Эта идея начала — с весьма хорошими результатами — осуществляться в правление двух сильных и талантливых государей XVIII в. — Ёнджо (1724–1776) и Чонджо (1776–1800). Ёнджо, пришедший к власти после того, как его старший брат и предшественник на троне, Кёнджон (1720–1724), сошел с ума и подозрительно рано скончался в атмосфере непрекращающихся наветов, интриг и «чисток» (в которых, за сравнительно короткий период пребывания Кёнджона на троне, погибло около 60 членов фракции «стариков»), с самого начала решительно принялся за проведение политики «равноудаленности», провозгласив даже, что «разжигание групповых распрей будет теперь приравняться к измене и мятежу». Решительные мероприятия сильного и целеустремленного государя включали жесткие репрессии по отношению к экстремистским группировкам всех основных партий и закрытие целого ряда (170 из примерно 700 существовавших) частных школ-академий (*совон*), ставших центрами сплочения для янбанских фракций и группировок и разжигания фракционной розни. Политика Ёнджо помогла ослабить «партии» и одновременно укрепить авторитет государственной власти, но и сопротивление встретила немалое: радикальные группировки из числа «молодых» и «южан» даже подняли в 1728 г. вооруженный мятеж (довольно быстро подавленный), считая, что Ёнджо, под видом политики равноудаленности, несправедливо покровительствует самой сильной из партий, «старикам». Их недовольство имело определенные основания: несмотря на всю риторику о «равноудаленности» и «таланте как единственном мерило достоинств», «партии» в реальности сохраняли свое значение, и сильнейшая из них, «старики», сыгравшая важную роль в процессе прихода Ёнджо к власти, продолжала в значительной степени определять течение политической жизни. Тем не менее, политика «равноудаленности» (известная в корейской историографии как *тханпхён-чхэк* — «меры по беспристрастному [отбору на службу]») дала свои результаты, укрепив в целом политический базис государственной власти и увеличив возможности для контроля над бюрократией «сверху». Кроме того, значительную популярность среди широких слоев *янбанства*, как столичного и провинциального, Ёнджо завоевало и его редкое пристрастие к конфуцианской мудрости (лекции по конфуцианской классике для государя, *кёнъён*, устраивались чаще, чем когда бы то ни было — почти каждые пять-шесть дней!), и строгий запрет на злоупотребление алкоголем и бытовую роскошь, призванный как-то сгладить, хотя бы внешне, углублявшееся расслоение в *янбанской* среде. В какой-то степени власть пошла навстречу и части требований «среднего сословия»: в 1772–1777 гг. был, скажем, окончательно отменен ряд оставшихся от раннечосонского периода формальных ограничений на продвижение *со-оль* — побочных отпрысков *янбанских* фамилий — по службе (впрочем,

некоторые ограничения все равно оставались в силе, да и в реальности дискриминация сохранялась по-прежнему). Наконец, для крестьянства огромное значение имело окончательное правовое оформление системы «откупа полотном от армии» (*пангун сунхо*): с 1750 г. призывникам была назначена твердая норма сдачи военным властям «военного полотна» (*кунхо*), превратившегося практически в форму регулярного подушного налога на взрослое мужское население страны. Официальная твердая норма была ниже, чем практиковалось ранее (1 *пхиль* полотна в год вместо 2 *пхиль*, требовавшихся до сих пор), что несомненно облегчило положение крестьянства; тем не менее, связанные со сбором этого налога всевозможные злоупотребления (взыскание полотна с несовершеннолетних или пожилых членов семей, а также бежавших соседей и родственников) не были окончательно устранены и остались одним из основных источников народного недовольства. Общее повышение статуса крестьянства, постепенное размытие норм сословного неравноправия было отражено и в других мерах этого периода: отмене ранее практиковавшихся только по отношению к простолюдинам жестоких наказаний (клеймение, переламывание коленей, и т. д.), строгий запрет на *янбанские* самосуды над крестьянами, и т. д. Достигнутая при Ёнджо социальная и политическая стабильность создала почву для развития торговли и ремесла, общего экономического и культурного подъема в стране.

Все эти позитивные тенденции были продолжены и в правление другого «просвещенного монарха» Кореи XVIII в., Чонджо, период пребывания которого на троне (1776–1800) часто называют «Корейским Ренессансом». Опираясь на достижения Ёнджо, Чонджо сумел распространить политику «равноудаленности» и на провинциальных «южан», практически отстраненных от политической жизни почти столетие, начиная с «чистки» 1694 г.: даже усилий Ёнджо было недостаточно для того, чтобы сломать неприязнь «западных» как целого (как «стариков», так и «молодых») к «южной партии», но Чонджо добился в этом больших успехов. Важным орудием политики «равноудаленности» было частое устройство нерегулярных экзаменов в провинциях (*тогва*), призванных облегчить дорогу наверх провинциальным талантам вне зависимости от их «партийной» принадлежности и столичных связей. Желая укрепить свой собственный авторитет как ученого конфуцианского лидера и поставить себя в доктринальном конфуцианском отношении выше признанных схоластов-вожаков «партий», Чонджо практически восстановил придворную академию времен Седжона, знаменитую Чипхёнджон, но теперь под именем Государственной Библиотеки — Кюджангак. Библиотека эта была не только книжным собранием, но также и образовательным учреждением, где относительно молодые (до 37 лет) чиновники центральных ведомств могли проходить курс обучения уже после сдачи экзаменов на чин. Чонджо, отличавшийся немалыми познаниями в китайской классике, регулярно лично читал лекции в Кюджан-

гаке; кроме того, ежемесячные тесты для слушателей проходили в государственном присутствии. Таким образом, для подающих надежды элитных чиновников государь становился не только мирским правителем, но и схоластическим, доктринальным авторитетом в конфуцианской классике, таким же интерпретатором «священного учения», как и Ли Хван, Ли И или Сон Сиёль — ученые вожаки «партий» и их учителя. Служащие Кюджангака, считавшиеся «личными учениками» государя, пользовались целым рядом экстраординарных, по чосонским меркам, привилегий: так, их не разрешалось арестовывать в служебное время. Однако даже несколько десятилетий последовательной «равноудаленной» политики не смогли полностью искоренить влияние «партий» в политической жизни. «Старики» по-прежнему оставались сильнейшей группировкой, в основном не выпускавшей ключевые посты из-под контроля. Именно они составляли большинство среди служащих Кюджангака — органа, который должен был, по замыслу Чонджо, стать символом политики «равноудаленности». В их среде — так же, как и в среде других «партий», — наметилось в то же время и новое разделение: на группировку, одобрявшую казнь государем Ёнджо его сына, принца Садо (отца Чонджо; причиной казни была психическая болезнь Садо, выражавшаяся, в частности, в произвольном убийстве прислуги, и т. д.), и группировку, осуждавшую этот поступок. Внутри этих двух больших группировок существовало еще и множество конкурировавших друг с другом мелких фракций, в то же время выступавших сплоченным фронтом против «чужаков», пытавшихся проникнуть на высшие посты. Другую опасность для политики Ёнджо — Чонджо представляли могущественные кланы их жен. Ёнджо и Чонджо опирались на эти кланы в борьбе против экстремистских «партийных» элементов, но имели в то же время все основания опасаться, что члены кланов их жен сплотятся в новую олигархию, способную подорвать авторитет государственной власти. Именно это и начало происходить после смерти Чонджо, с начала XIX в.

Рис. 1. «Пик Сонюбон на реке Ханган». Эта картина принадлежит кисти Чон Сона (1676–1759), выдающегося корейского живописца. Как считается, в его творчестве более отчетливо заметны элементы реализма, стремление «привязать» пейзаж к индивидуальным чертам определенных местностей Кореи и отойти от слепого следования китайским живописным канонам. Данная тенденция увязывается рядом южнокорейских исследований с тем вниманием, которое корейская культура XVIII в.

начала уделять поиску своеобразия — как своей страны в целом (специфика истории и обычаев которой стало еще более отчетливо подчеркиваться), так и отдельных местностей, а также индивидуальным особенностям людей. Современное понятие «индивидуальности» еще не вошло в этот период в культуру Кореи, но некоторый отход от средневекового схематизма, несомненно, можно проследить.

Другим важным направлением политики Чонджо было продолжавшее линию Ёнджо повышенное внимание к нуждам средних и низших сословий, отражавшее реальное усиление позиций этих слоев в условиях экономического подъема и активного развития внутренней и внешней торговли. Чонджо начал — что не было характерно для его предшественников — давать аудиенции простолюдинам, пытаясь вслушиваться в их нужды и тем самым предотвратить отчуждение масс от *янбанского* режима. Чонджо был известен также тем, что за время своего правления рассмотрел более 5 тысяч челобитных и ходатайств от представителей средних и низших слоев — больше, чем любой другой государь в чосонской истории. Вынесение смертных приговоров было окончательно утверждено как прерогатива государя, причем Чонджо прославился тем, что до десяти раз перепроверял дела «смертников», пытаясь найти те или иные смягчающие обстоятельства. Весьма важен для мелкой и средней частной торговли был указ 1791 г., отменивший оставшиеся еще от раннечосонского времени монополии «придворных фирм» на торговлю рядом товаров и поощривший провинциальных купцов к торговле в столице. Фактически этот указ знаменовал начало процесса формирования единого общенационального рынка. Интересно, что режим Чонджо, желая защитить отечественных ремесленников от конкуренции со стороны гораздо более развитого китайского ремесла, пытался прибегнуть и к рудиментарным формам протекционизма, ограничивая или даже запрещая импорт ряда предметов роскоши. Однако, несмотря на все усилия государственной власти, процесс маргинализации большинства *янбанства*, не имевшего доступа к правительственным должностям, уже не мог остановиться, а все более активное и независимое торгово-ремесленное сословие, низшие слои бюрократии и верхушка крестьянства совершенно не удовлетворялись неоконфуцианскими догмами, оправдывавшими неограниченное сословное господство *янбанской* элиты. В этих условиях с начала 80-х гг. XVIII в. в Корее — среди обедневших *янбанов*, низшей бюрократии, ремесленников, торговцев и части крестьян — начинает распространяться привнесенный из Китая католицизм. Популярность этого учения обуславливалась отторжением конфуцианских ритуалов и догм, проповедью равенства всех людей перед Богом (что истолковывалось католиками из простонародья как отрицание сословных различий), новым и радикальным для Кореи утверждением равных прав женщин с мужчинами в духовной сфере. Преследования — достаточно мягкие в правление Чонджо, но усилившиеся впоследствии, — не остановили распространения новой религии, ставшей со временем важным каналом для самостоятельного усвоения многих элементов европейской культуры передовой частью корейской интеллигенции.

в) XVII–XVIII вв. — развитие товарно-денежных отношений, социальные сдвиги и идеологические вызовы

В общем социально-экономическом отношении, XVII–XVIII вв. были временем серьезной структурной ломки внутри традиционного общества, периодом, когда, при общем сохранении основных форм позднесредневековой сословно-абсолютистской системы, прогресс в производстве и торговле начал подрывать эту систему изнутри. Прежде всего, в условиях относительной стабильности (единственной серьезной войной за эти два века были маньчжурские вторжения начала XVII в., но они продолжались относительно короткое время) в Корее, как и в современных ей Китае и Японии, быстро увеличивалось население — до приблизительно 8–10 млн. к концу XVIII в. Заметные сдвиги произошли в основной области производства — земледелии. В главном секторе земледелия, рисоводстве, важной переменной было распространение по всей стране пришедшей из Китая новой, передовой технологии сева: высадки предварительно выращенных на особой грядке рисовых саженцев на уже залитое водой поле (*ианбон*). Технология эта позволяла, выращивая саженцы на отдельной грядке, одновременно сеять и собирать урожай ячменя с основного поля перед пуском воды и высевкой риса, получая, таким образом, два урожая в год. Эта технология требовала еще большего развития «малой» ирригации, чем раньше: для своевременного пуска воды на поля к ним нужно было подвести каналы, а также заранее выстроить дамбы и водохранилища на случай засухи. Новые требования к ирригации активизировали строительство водохранилищ — к сер. XVIII их было уже около 6 тыс. Ирригационные работы проводились централизованно под руководством созданного в 1662 г. особого Ведомства Ирригации (*Чеонса*), в основном на основе мобилизации крестьянской рабочей силы. Развивалась также и техника земледелия на суходольных полях, где распространился высев «второстепенных» злаков (просо, ячмень) между бороздами: в условиях усиливавшегося аграрного перенаселения использоваться должен был практически каждый доступный клочок земли. Наконец, важной отраслью земледелия впервые в корейской истории стало выращивание технических культур: табака, батата (заимствован из Японии в XVIII в.), хлопка, и особенно ценящегося в медицине женьшеня. В результате всех этих изменений повысилась как урожайность полей, так и доходность хозяйства, последствия чего были весьма многообразными.

Во-первых, усилилось расслоение в среде крестьянства. Меньшинство предприимчивых и зажиточных крестьян, воспользовавшись как новыми технологиями и культурами, так и облегчившим груз натуральных податей Законом о Едином Налоге, начало перестройку своих хозяйств на коммерческий лад, сбывая на рынке излишки урожая и вкла-

дывая прибыль в скупку земель и дальнейшее развитие производства. В то же время в условиях перенаселения, частых неурожаев и эпидемий, значительная часть бедняков вынуждена была продавать удачливым соседям землю и зарабатывать на жизнь, арендуя землю состоятельных односельчан или просто батрача на них. В условиях начавшейся коммерциализации земледелия, отношения между арендатором и землевладельцем также стали приобретать безлично-формальный оттенок. Если раньше хозяин и арендатор (считавшийся «младшим», «сыном» хозяина) делили урожай пополам, причем в случае неурожая обычаи не позволял хозяину изымать у арендатора прожиточный минимум, то теперь распространение получила твердая ставка аренды, выплачивавшаяся вне зависимости от реального размера урожая. В то время, как хозяин гарантировал себе, таким образом, твердый рентный доход, арендатор оказывался в случае неурожая или болезни на грани голодной смерти. Не имея возможности продолжать занятие сельским хозяйством в новых, более жестких, условиях, тысячи разорившихся крестьян уходили в города, пополняя собой население разраставшихся бедняцких предместий и создавая резерв дешевой рабочей силы для быстро развивавшихся торговли и ремесла. Именно за счет массы люмпенизированных бывших крестьян население крупнейшего города страны, Сеула, разрослось к концу XVIII в. до 200 тыс. человек.

Во-вторых, серьезная дифференциация началась и в *янбанской* среде. Небольшая часть *янбанов* — прежде всего члены практически монополизировавшей высшие должности клики «стариков» — сумела, используя как немалое жалованье, так и доходы от коррупции, активно приспособиться к новой реальности, скупая крестьянскую землю, регулярно торгуя излишками урожая, а также занимаясь ростовщичеством и вкладывая деньги в оптовую торговлю и ремесло. Поскольку торговля считалась «неблагородным» занятием, то все сделки велись от имени управляющих *янбанских* хозяйств, часто рабов по сословному статусу, выполнявших на практике роль коммерческих агентов и скапливавших немалые состояния. Особенно много процветающих и высокодоходных *янбанских* имений было в плодородной провинции Чолла, на юго-западе страны. Такие имения сдавали значительную часть земли в аренду и привлекали труд множества батраков из числа люмпенизированных крестьян. В то же время, многие из членов разгромленных в политической борьбе группировок, практически отчужденных от политической жизни, не получая жалованья в течение нескольких поколений, продавали в итоге землю и фактически теряли *янбанский* статус. Во многих случаях, разорившиеся *янбаны* (*чанбан*) были вынуждены за плату наниматься в учителя сельских школ, попадая в итоге в зависимость от родителей учеников из числа зажиточных крестьян. Дифференциация как в крестьянской, так и в *янбанской* среде означала первые шаги к разложению сословной системы и формированию общественных клас-

сов в современном смысле этого слова, основанных не на родовой принадлежности, а на имущественном неравенстве.

В-третьих, появление значительных сельскохозяйственных излишков послужило основой для развития торговли. Важный толчок развитию крупной оптовой торговли был дан введением Закона о Едином Налоге. Если до появления этого закона откупщики (*конин*) взыскивали с крестьян стоимость натуральных поставок, часто разоряя целые уезды завышенными требованиями, то после перевода всех натуральных поставок в единый рисовый налог откупщики превратились, по сути, в коммерческих поставщиков различных товаров двору и ведомствам. Имея в своем распоряжении налоговый рис, официальные учреждения могли платить таким поставщикам заранее, давая тем самым последним значительные средства, часть которых могла использоваться для ростовщических операций или вкладываться в ремесленное производство. Число подобного рода поставщиков было весьма значительным — только на поставке топлива различным ведомствам специализировалось до 300 торговых фирм, крупных и помельче. Место поставщика считалось весьма прибыльным и само по себе являлось предметом торговли. Другой группой крупных и средних торговцев, приближенной к власти, были существовавшие с раннечосонских времен «придворные фирмы», долгое время — вплоть до 1791 г. — обладавшие официальной монополией на торговлю большинством товаров в Сеуле. Самых крупных «придворных фирм» было шесть, а общее число привилегированных «придворных торговцев» доходило до 500 человек. Отмена их привилегий помогла закрепить положение гильдий средних и мелких торговцев, составлявших основное население сформировавшихся к концу XVIII в. больших рынков Сеула — торговых рядов по центральной Колокольной улице, рынков у Больших Южных (Намдэун) и Больших Восточных (Тондэун) Ворот (все они существуют и по сей день). Из числа как государственных поставщиков, так и разбогатевших мелких торговцев стала выделяться прослойка содержателей постоянных дворов (*ёгак*) в столице и провинциях, которые, в союзе с подкупленными местными чиновниками, часто монополизировали сбыт определенных товаров в своей «сфере влияния», иногда даже насильно заставляя крупных приезжих купцов продавать им товары по дешевке оптом. Однако рядом с этой новой монополистической прослойкой сосуществовала масса средних и мелких провинциальных рыночных торговцев: к концу XVIII в. в Корее было уже более тысячи провинциальных рынков, около трех на каждый уезд. Среди торговцев выделялся ряд высокоорганизованных локальных гильдий: кэсонская купеческая гильдия, имевшая свои торговые заведения во многих частях страны, специализировалась на торговле женьшенем и экспорте этого популярного медицинского сырья в Китай, тоннэская купеческая гильдия, в руках которой находилась торговля китайским шелком с Японией, и т. д. Мерилом богатства,

вместо традиционных риса и полотна, все более становились медные деньги, в частности, выпущенные впервые в 1678 г. и неоднократно чеканившиеся позже монеты под названием *санпхён тхонбо* — «вечно одинаковое обращающееся сокровище». В целом, Корея, как и ее соседи — Китай и Япония, — вступила в период стабильности и роста, характеризовавшийся развитием товарно-денежного обращения и формированием первых зачатков торгового капитала в условиях господства преимущественно аграрной экономики.

Хотя Чосон и оставался, в целом, аграрной страной, развитие торговли, повышение уровня жизни некоторой части крестьянства, и увеличение городского населения вели к серьезному прогрессу и в ремесле. Изжившая себя раннечосонская система казенного ремесла практически прекратила функционировать к сер. XVIII в. — выяснилось, что для казны прибыльнее отпустить казенных ремесленников на волю и закупать у них продукцию через официальных поставщиков, чем платить им жалованье. В ведении казны осталось лишь несколько специфических отраслей (производство фарфора для дворцовых нужд, и т. д.); в остальных освобожденные от бремени казенной повинности ремесленники перешли к работе на заказ и на рыночную продажу. Во многих случаях, организаторами производства в прибыльных отраслях (изготовление популярной латунной посуды, тканей, и т. д.) были крупные торговцы-предприниматели (*мульджу*), пользовавшиеся наемным ремесленным трудом, хотя и в не слишком крупных масштабах. Важной областью вложения торгового капитала было горное дело в богатой природными ресурсами северной части страны. Официально добыча минералов — прежде всего драгоценных металлов, но также и серы, медных и железных руд, и т. д., — была монополией казны, но в реальности государство предпочитало сдавать рудники в аренду богатым предпринимателям, обычно в широких масштабах пользовавшимся наемным трудом. С развитием региональной специализации и концентрацией ремесленников определенных профессий в тех или иных районах (скажем, центром производства латунной посуды был район Ансона к югу от Сеула) начинается и создание ремесленных гильдий, пытавшихся отстаивать интересы своих членов. Однако необходимо помнить, что, в отличие от современных ему цинского Китая и Японии периода Токугава, поздний Чосон торговли ремесленными товарами с европейцами не вел, ограничиваясь региональной торговлей материалами (в основном женьшенем) и импортными товарами (китайским шелком) с Японией и Китаем. Чосонский фарфор и чай не проникали, в отличие от аналогичных китайских товаров, на европейские рынки, и поток серебра из Европы на Дальний Восток (преимущественно в Китай) обходил Чосон стороной. В результате, по сравнению с китайским, корейское ремесло оставалось относительно отсталым: не только китайские предметы роскоши, но даже и китайские товары массового спроса (шапки, ножи, и т. д.) актив-

но завоевывали корейский рынок, в то время как корейские ремесленные товары были практически совершенно неизвестны в Китае. Изоляционистская политика правящей конфуцианской верхушки превратила Корею в один из самых бедных и промышленно отсталых регионов Дальнего Востока.

Сдвиги в земледелии, торговле и ремесле серьезно размывали средневековую сословную систему. Разорившееся *янбаны* (*чанбан*) практически сливались с массой сельского населения; часто нужда заставляла их не только преподавать основы китайской школьной премудрости детям зажиточных крестьян, но и составлять за вознаграждение фальшивые родословные для разбогатевших простолюдинов, превращая последних формально в членов *янбанского* сословия. В то же время обогатившаяся на торговле верхушка янминов активно стремилась приобрести официально продававшиеся правительством незаполненные патенты на вакантные должности (*конмёнчхон*), делавшие обладателей не просто *янбанами*, но даже и чиновниками на действительной службе. Подобный патент был важен, ибо он не просто давал полагавшийся *янбану* социальный престиж, но также и освобождал обладателя от налогов, повинностей и чиновного вымогательства. Доступность *янбанского* звания привела и к широкому распространению внешних атрибутов принадлежности к «благородному сословию»: в зажиточных районах (прежде всего в центральной части столицы) *янбанское* платье стало обычной формой официального костюма для большинства населения, исключая беднейшие слои. Само слово «*янбан*» стало использоваться в столичной речи как местоимение третьего лица мужского рода, обозначая уже не члена привилегированного сословия, а любого из окружающих (оно осталось местоимением третьего лица и в современном корейском языке). Одновременно с практическим разрушением сословных перегородок повышался и образовательный уровень приобретающих *янбанское* достоинство зажиточных простолюдинов. Из их среды начинают выходить популярные поэты, писатели и ученые — явление, вряд ли возможное в предшествующие эпохи. Наконец, за счет выкупа на волю уменьшается и количество рабов. Этот процесс был ускорен освобождением практически всех государственных рабов (на тот момент их число составляло уже не более 66 тыс. человек) указом 1801 г. Постепенное исчезновение рабства как явления лучше всех показывало, что общество шло к преодолению средневековых институтов. Распад сословной системы, вместе с формированием общенационального рынка, постепенно вел к усилению роли национальной самоидентификации — вне зависимости от сословной или региональной принадлежности, подданные Чосона все больше осознают себя членами единого корейского этноса, носителями единой национальной культуры. Однако в то же время нельзя не отметить, что формально сословная система никуда не делась — сословные привилегии *янбанства* по-прежнему оставались закреплены в

праве, да и в сознании большинства корейцев. Политическую элиту страны — прежде всего группу «стариков» — составляли исключительно выходцы из старых и родовитых *янбанских* кланов; «нувориши», сумевшие приобрести *янбанское* звание за деньги, практически никогда не допускались к политической власти.

В историографии КНДР сильна тенденция к оценке социально-экономических перемен XVII–XVIII вв. как «процесса зарождения и становления основ капиталистического уклада». Но можно ли охарактеризовать торговлю и предпринимательство Кореи этого периода как «зародышевую форму капитализма»? В принципе, несомненно, что Корея — равно как и типологически близкий ей Китай — исторически двигалась в том же направлении, что и западноевропейские страны — к развитию товарно-денежных отношений и формированию более однородного общества с надсословной, национальной культурой. Однако исторический капитализм — это не просто продукт развития торговли или ремесла. С точки зрения социально-политических институтов, развитие капитализма в абсолютистской Европе было возможно благодаря существованию, еще с позднесредневековых времен, сильных органов городского самоуправления, серьезной роли буржуазии в политической жизни, а также меркантилистской политике дворянских абсолютистских режимов, активной защищавших «свою» буржуазию от иностранной конкуренции и создававшей ей условия для внешней экспансии. Эта экспансия, сделавшая Европу центром притяжения для товарных потоков со всего мира (индонезийские пряности, американское серебро, сибирская пушнина, и т. д.), также была важнейшим условием формирования в Западной Европе капиталистического «центра», постепенно сводившего весь остальной мир к положению «периферии». Сравнивая Корею XVII–XVIII вв. с современной ей Европой, нетрудно заметить, сколь беззащитны были торгово-ремесленные слои, при всем их экономическом влиянии, перед мощью монополизированной *янбанами* государственной власти. Ни о каком политическом влиянии протобуржуазных слоев в Корее не было и речи — единственными способами защитить свои интересы для предпринимательских гильдий были челобитные, а в самом крайнем случае — бунты. Корейские торговцы, особенно официальные поставщики и крупные оптовики, были зависимы от представителей государственной власти на местах в гораздо большей степени, чем их европейские коллеги — лишь легальные «подношения» и нелегальные (но почти всегда неизбежные) взятки могли спасти их предприятия от чрезмерных поборов и разорения. Кроме того, гораздо чаще, чем в Европе, покупателем и заказчиком выступало государство, в руках которого, благодаря регулярной налоговой эксплуатации крестьянского населения, находилась львиная доля финансовых резервов страны. Эксплуатируя торгово-ремесленную прослойку всеми легальными и нелегальными методами, *янбанское* государство, идеологиче-

ской базой существования которого была идеализировавшая натуральное хозяйство неоконфуцианская идеология, совершенно не собиралось способствовать экспансии корейского капитала за рубеж. Наоборот — корейское государство пошло даже дальше цинского Китая, полностью запретив корейским купцам торговлю с «варварами»-европейцами и тем самым лишив зарождавшийся торгово-промышленный класс доступа к мировым потокам капитала. Неудивительно, что в подобных условиях Корея, в отличие от Китая, не дошла даже до элементарных форм мануфактурного производства — ни средств, ни рынков сбыта у корейских *мульчу* не было. Поэтому правильнее было бы, скорее всего, говорить о высокой степени разложения средневековых форм, но не о появлении качественно нового уклада. Корея, при всех подвижках в торгово-ремесленном секторе, оставалась не только вне мировой капиталистической системы, но, по большому счету, даже вне региональной системы обмена — официальные ограничения сводили корейскую торговлю с Китаем к незначительным, по китайским масштабам того времени, объемам. В этих условиях Корея не имела реальных возможностей для противостояния империалистической экспансии, превратившей страну через столетие в «периферию» мировой капиталистической системы.

Догматизация неоконфуцианства и превращение его в идеологию «межпартийной» борьбы, а также начавшийся процесс разложения сословной системы «снизу» стимулировали, с середины XVII в., первые попытки ряда представителей конфуцианской элиты дать конфуцианской доктрине более либеральную интерпретацию, лучше приспособленную к решению насущных социально-экономических проблем. Обычно в корейской историографии неортодоксальные интерпретаторы конфуцианства позднечосонских времен классифицируются как школа *сирхак* — «За реальные науки». Однако более точным представляется определить *сирхак* не как школу, а как течение или тенденцию: увлекавшиеся неортодоксальными поисками интеллектуалы XVII–XIX вв. не были, строго говоря, членами одной школы, принадлежа часто к противоборствующим политическим группировкам. Больше всего интеллектуальных диссидентов на раннем этапе было — что и неудивительно — среди чаще всего находившихся в оппозиции «южан» и «молодых». Так, идейный вождь «молодых», Юн Джын, в острой дискуссии со своим бывшим учителем Сон Сиёлем призывал уделять больше внимания социально-экономическим реалиям страны и не истощать государственные ресурсы во имя бессмысленного и нереализуемого «похода на Север». Талантливый ученик Юн Джына, Чон Джеду (1649–1736), как и учитель, практически отказавшийся от государственной службы, попытался привнести в чосонское конфуцианство новую струю, синтезировав неоконфуцианские доктрины с популярными тогда в Китае идеями школы Ван Янмина. Критическая позиция «молодых» по многим принимаемым господствующей группой «стариков» политическим решениям была одним из факторов, удерживавших

правлящую клику от чрезмерного самоуправства и произвола. Однако за неортодоксальные поиски и политическую оппозиционность политическим оппонентам «стариков» часто приходилось платить дорогую цену. Так, идейный вождь «южан» Юн Хю (1617–1680), выступившей со своей собственной, оригинальной интерпретацией конфуцианских канонов и открыто отрицавший чжусианские идеи, был объявлен «хулителем священных текстов», сослан и принужден к самоубийству во время «генеральной чистки» «южан» в 1680 г. Тяжелой была судьба и другого оппонента Сон Сиёля, оппозиционного ученого Пак Седана (1629–1680), известного совершенно нетипичным для корейских конфуцианцев этого периода интересом к философскому даосизму, а также энциклопедическими познаниями в самых разных областях, включая, например, сельскохозяйственную технологию. Пак Седан, как и Юн Хю, был объявлен «хулителем священных текстов», со всеми вытекающими отсюда последствиями — рукописи его книг были торжественно сожжены, набор — рассыпан, а сам ученый — отправлен в ссылку, где он вскоре и умер. Но тягу оппозиционных интеллектуалов к свежим, неортодоксальным идеям нельзя было остановить никакими репрессиями. Типичным примером отрицания догм, тяготения к новым, реформаторским решениям могут служить идеи «южанина» Лю Хёнвона (1622–1673) — талантливого ученого-энциклопедиста, отказавшегося, в условиях непрерывных «межпартийных» склок, от служебной карьеры, и проведшего всю жизнь в деревне, за наблюдениями над реалиями крестьянской жизни и научной работой. Ряд предложений Лю Хёнвона — отмена рабовладения, выдача «местным чиновникам» регулярного жалования вместо порождавшего взяточничества «кормления от дел», реформирование схоластических экзаменов на чин и формирование более профессиональной, вооруженной специальными знаниями бюрократии — хорошо отражали реальные требования эпохи. В то же время многие идеи Лю Хёнвона — восстановление («в улучшенном виде») архаической «надельной системы» (теперь уже не только для чиновников, но и для крестьян), отказ от создания профессиональной армии и укрепление раннечосонской системы всеобщей воинской обязанности — носили явно утопический характер. Идеи Лю Хёнвона, практически не замеченные современниками, привлекли к себе внимание лишь значительно позже, к концу XVIII в., когда впервые увидел свет сборник сочинений мыслителя.

Продолжателем идей Лю Хёнвона выступил известный ученый-«южанин» следующего поколения Ли Ик (1681–1763). Энциклопедист, интересовавшийся буквально всеми областями знаний, от астрономии и всемирной географии до медицины и математики, и человек принципов, отказавшийся от государственной службы из-за отвращения к жестокой «межпартийной» борьбе, Ли Ик был известен как интересом к переводной европейской литературе на китайском языке, так и требованием постепенно освободить рабов и ослабить сословные ограничения. Именно

учениками Ли Ика были первые корейские католики конца XVIII в. В то же время теории Ли Ика о равном перераспределении земель между крестьянами и запрещении денежного обращения несли, как и идеи Лю Хёнвона, явный отпечаток книжного конфуцианского идеализма. Порожденные вполне объяснимым состраданием мыслителя к терявшим землю, люмпенизовавшимся и уходившим в города сельским беднякам, теории эти были совершенно нереализуемы в условиях коммерциализации земледелия и общего развития товарно-денежных отношений.

Во многих аспектах значительно дальше Ли Ика пошел один из последних крупных самостоятельных мыслителей-«южан» позднего Чосона, известный философ, поэт и государственный деятель Чон Ягён (литературный псевдоним — Тасан; 1762–1836). В отличие от предпочитавших оставаться вне бюрократии предшественников-«южан», Чон Ягён сделал блестящую карьеру при ценившем его идеи «просвещенном государе» Чонджо; опыт службы тайным ревизором (*амхэн оса*) и правителем уезда помог ему глубже познакомиться с насущными проблемами крестьянской жизни. Карьеру Чон Ягёна погубило его пристрастие к европейской миссионерской литературе на китайском языке, перешедшее в кратковременное религиозное увлечение католицизмом (он был даже крещен и получил христианское имя Иоанн). Если мудрый Чонджо проявлял определенную терпимость по отношению к подобного рода духовным поискам, то после смерти «просвещенного правителя» Чон Ягёну не помогло даже публичное отречение от христианства: он был сослан на крайний юг Кореи на долгие 18 лет и больше на службу не возвращался.

Своеобразно понятое христианство наложило глубокий отпечаток на философскую мысль Чон Ягёна: он, в отличие от ортодоксальных конфуцианцев, воспринимал Небо как личное этическое божество, творца всего сущего. Под сильным влиянием общей тенденции раннего корейского католицизма, Чон Ягён подчеркивал изначальное равенство людей перед Небом и по отношению друг к другу, трактуя старый конфуцианский тезис о том, что «всякий человек, коли его правильно выучить, может быть столь же велик, как государи Древнего Китая, Яо и Шунь», как основание для отмены сословных ограничений. Весьма радикальным для того периода было утверждение Чон Ягёна, что, поскольку «народ — мать правителей», то правители всех уровней, от начальника уезда до государя, должны, в принципе, выдвигаться (т. е., по сути, избираться) низестоящими. Никаких конкретных и практических способов осуществления столь радикальной идеи мыслитель, впрочем, не предложил: своего рода «прото-демократические» тенденции остались в его наследии на уровне абстрактных программных заявлений. Разделяя общую тенденцию оппозиционеров-«южан» к утопическим рецептам решения аграрных проблем, Чон Ягён первоначально пошел значительно дальше своих предшественников, предложив перевести землю в кол-

лективную собственность общин из тридцати дворов, с обязательством работать сообща и делить урожай «по едокам» поровну. Впоследствии, впрочем, Чон Ягён осознал несбыточность этого проекта — сильно напминавшего социалистические утопии современной мыслителю западной Европы, — и смирился с реалиями коммерциализованного среднего и крупного землевладения, ограничившись призывами к облегчению крестьянского налогового бремени и перераспределению лишь небольшой части земельного фонда. В то время, как предшественники Чон Ягёна сохраняли традиционную конфуцианскую точку зрения на ремесло и торговлю как «второстепенные» занятия, Чон Ягён занял гораздо более радикальную и практическую позицию, призывая активно поощрять технический прогресс и развитие путей сообщения. Корейские историки часто подчеркивают, что реформаторское конфуцианство Чон Ягёна во многих отношениях сопоставимо с различными идеологиями Нового Времени в Европе. Не отрицая определенных общих тенденций в идеях Чон Ягёна и западноевропейских мыслителей (впрочем, во многих случаях объяснявшихся прямым влиянием христианской теологии на корейского ученого), нельзя также не отметить одно коренное различие между Чон Ягёном и современными ему передовыми школами мысли в Европе (скажем, французскими энциклопедистами). Если последние, во многих случаях, целиком отказались от христианской догматики, то Чон Ягён продолжал числить себя конфуцианцем, подавая свои радикальные мысли как «новое истолкование» конфуцианских идей. В условиях позднечосонской Кореи, несоизмеримо более консервативной, чем Европа времен абсолютизма и Просвещения, о прямом отказе от средневековой конфуцианской схоластики не могло быть и речи.

Еще более радикальными меркантилистскими воззрениями отличался другой классик *сирхак* — Пак Чивон (1737–1805). Исходя из основного утилитаристского положения о том, что доктрины и идеологии есть не более чем средство к максимализации «всеобщей пользы» (*иён хусэн*), Пак Чивон к общим для оппозиционной интеллигенции идеям уравнительного перераспределения земельного фонда добавил гораздо более реалистичные призывы к защите корейского рынка от наплыва дешевых китайских товаров, рационализации денежного обращения и предотвращению инфляции. Побывав с посольством в Китае и лично убедившись в превосходстве цинских ремесленных технологий, Пак Чивон призывал также к модернизации корейского ремесла по цинским образцам, повышению конкурентоспособности корейских товаров и экспорту их на китайские и японские рынки. Зеркалом эпохи служат для нас до сих пор проникнутые иконоборческим юмором сатирические повести Пак Чивона, со страниц которых без всяких прикрас встают типичные фигуры тех лет: обедневший *янбан*, решивший продать *янбанское* звание богатому односельчанину, богатый торговец-монополист, способный скупать урожаи фруктов чуть ли не в целых уездах и округах, чван-

ные и лицемерные конфуцианские схоласты, видевшие в дружеских отношениях лишь способ приобрести нужные связи и сделать карьеру. Произведения Пак Чивона на редкость реалистично показывают, какого рода конфликты и проблемы порождает коммерциализация хозяйства, распад традиционного уклада. Один из учеников Пак Чивона, Пак Чегвон (1750–1805), пошел даже дальше учителя, призвав не просто экспортировать корейские продукты в Китай, но и пригласить в Корею находившихся в Пекине иезуитских миссионеров, чтобы те учили бы корейскую молодежь западным наукам и технологиям — астрономии, стеклоточному ремеслу, и т. д. Конечно же, в обстановке ожесточенных гонений против католиков никакого отклика подобные предложения в правительственных кругах не нашли. За интерес к «северной» (современной им китайской) учености группу учеников Пак Чивона часто называют «северной школой» (*пукхакпха*). Несомненно, «северная школа» ярко выразила самые радикальные тенденции *сирхак*, но влияние ее было даже более ограничено, чем влияние *сирхакистских* течений в целом. Основную часть последователей Пак Чивона составляли побывавшие с посольствами в Китае побочные сыновья (*сооль*) столичных *янбанских* семей, большей частью из группы «стариков»: основной массе *янбанства*, не говоря уж о непривилегированных сословиях, идеи «северной школы» оставались полностью неизвестны.

Спутником *сирхакистских* тенденций был и новый интерес к естественным и точным наукам среди части *янбанской* элиты. Так, признанным авторитетом в астрономии и математике считался друг Пак Чивона, известный ученый и чиновник Хон Дэён (1731–1783), познакомившийся в Пекине с европейскими астрономами и активно поддерживавший теорию о вращении Земли. При посредстве Хон Дэёна Корея впервые познакомилась с европейскими астрономическими инструментами. С 1799 г. в Корею из Китая проникают очки, вскоре ставшие важной частью *янбанского* быта. Другим важным заимствованием XVIII в. были европейские картографические методы; активно изучались также и составленные иезуитскими миссионерами трактаты по Евклидовой геометрии на китайском языке. Наряду с традиционными трактатами по земледелию и шелководству, появляются и первые работы по зоологии и фармацевтической науке: так, один из братьев Чон Ягёна составил в ссылке труд по ихтиологии, а другой — фармацевтический трактат. Однако экспериментальные методы оставались в целом чужды *янбанам*-ученым, предпочитавшим, в согласии с общей конфуцианской традицией, опираться на текстуальные источники или же элементарные наблюдения «невооруженным глазом». Кроме того, знакомство с европейскими точными и естественными науками ограничивалось миссионерской литературой на китайском языке: в отличие от, скажем, освоивших голландский язык японских натуралистов того же периода, корейские ученые совершенно не вла-

дели европейскими языками, что делало их представления о Западе вообще крайне абстрактными и ограниченными.

Основная часть прогрессивных *янбанских* интеллектуалов — практически вся «северная школа» и большая часть передовых «южан» из числа учеников Ли Ика — испытывала значительный интерес к западным точным наукам, особенно математике и астрономии, но к религиозному католицизму относилась достаточно холодно, видя в нем не более, чем недостойную конфуцианца «грубую разновидность буддийской ереси». Однако во второй половине XVIII в. Корея в целом испытывала религиозный подъем. Усложнение общественной структуры, разложение традиционных сословий и маргинализация значительной части населения как «вверху», так и «внизу» усилили интерес к религии в разных формах на всех ступенях общественной лестницы. В то время, как в среде *янбанства*, начавшего разочаровываться в неоконфуцианской догматике, вновь стала проявляться симпатия к преследуемому *янбанским* государством с XV в. буддизму, идеологией крестьянских мятежей во многих частях страны становились буддийские миллениаристские представления — вера в скорое пришествие Спасителя, бодхисаттвы Майтрейи, который спасет мир от страданий и принесет рай на землю. С 1760-х гг. среди крестьян северных районов страны получил популярность и занесенный из соседнего Китая простонародный католицизм, уже тогда начавший внушать властям серьезные опасения. В этой обстановке объектом религиозных поисков небольшой части учеников Ли Ика из числа *янбанов*-«южан» столичной провинции стал религиозный католицизм в той форме, в которой он проповедовался иезуитскими миссионерами в Пекине, использовавшими переведенные на литературный китайский язык христианские сочинения. В китаизированном католицизме их привлек весьма актуальный в эпоху конкуренции за должности и «межпартийной» розни акцент на личную мораль, проповедь религиозного равенства в среде верующих, а также идея личной духовной свободы, права на персональную, независимую от государства и господствующих идеологических догм духовную жизнь. Обращение в католицизм, будучи прежде всего индивидуальным религиозным актом, было в то же время и знаком социального протеста против полицейского абсолютистского государства, стоявшего на страже сословного неравенства и навязывавшего всем членам господствующего класса конфуцианские ритуальные нормы.

Первым из интересовавшихся католицизмом учеников Ли Ика обряд крещения прошел ученый-«южанин» Ли Сынхун (христианское имя — Пётр; 1756–1801), встретившийся с европейскими католическими священниками в 1783 г. в Пекине. Вернувшись на родину, этот пионер корейского христианства организовал в Сеуле подпольную церковь, где в мессах совместно участвовали как *янбаны* (в основном «южане» из школы Ли Ика), так и простолюдины, воспринимавшие теперь друг дру-

га как взаимно равноправных верующих. Слухи о новой религиозной организации, отменившей сословные различия для своих членов, разошлись по всей стране, находя особенно сильный отклик в столичной округе и провинции Чолла, где коммерциализация сельского хозяйства зашла особенно далеко и положение крестьян было самым тяжелым. Быстрое распространение новой религии вызвало крайнюю тревогу у властей, видевших небывалый «подрыв устоев» в подпольных церквях, где на равных участвовали верующие разных сословий, полов и возрастов. В 1785 г. христианство было официально объявлено вне закона, но от серьезных репрессий государь Чонджо пока воздерживался, надеясь, что «мода» на «заграничную ересь» «пройдет сама собой». Надежда эта была иллюзорной — число приверженцев новой веры быстро росло, и в 1791 г. двое из них, принадлежавшие к *янбанскому* сословию, шокировали правящую верхушку, публично и открыто отказавшись от конфуцианских жертвоприношений покойным родителям как от «идолопоклонства». Практически это было открытым вызовом «отеческой» власти конфуцианского государства, за которым более не признавалось право на вмешательство в личную духовную жизнь. Власти ответили на этот вызов казнью «отрицателей отеческой и государевой власти», сожжением китайских переводов христианской литературы и полным запретом на ввоз из Китая католических книг, но на более широкие репрессии «просвещенный государь» Чонджо не пошел. В 1795 г., несмотря на все запреты, в Корею сумел нелегально перебраться китайский католический священник, сделавший нелегальную корейскую церковь официальной частью Пекинской епархии. Наличие католиков среди «южан» дало «старикам» прекрасный повод для нападок на своих традиционных соперников, и только приверженность Чонджо «равноудаленной» политике удерживала контролируемый «стариками» репрессивный аппарат от жестокой расправы как с католиками, так и с оппозиционной интеллигенцией в целом. Но ясно было, что со смертью Чонджо над новорожденной корейской церковью нависала опасность.

г) XIX в. — социально-политический кризис и насильственная интеграция в мировую капиталистическую систему

Смерть Чонджо в 1800 г. явилась своеобразным водоразделом в истории позднего Чосона. С одной стороны, в условиях перенаселения и частых природных катастроф (засухи, наводнения, неурожайи) коммерциализация земледелия и сопутствующее ей обезземеливание значительной части крестьянства делают существование беднейших слоев деревни практически невыносимым. В неурожайные годы число голодающих начинает достигать 500–800 тыс. человек, иногда переваливая даже за миллион. В отличие от Европы того же периода, где обезземе-

ленные крестьяне имели обычно возможность найти работу в городах, на фабриках и мануфактурах, уровень развития торговли и ремесла в Корее начала XIX в. не создавал никаких перспектив для трудоустройства сотен тысяч маргинализированных, голодающих людей. Препятствия, создаваемые консервативной *янбанской* верхушкой на пути развития ремесла и внешней торговли, практически обрекали массу деклассированного сельского населения на бродяжничество или голодную смерть.

С другой стороны, бюрократическая система *янбанского* абсолютистского режима, и без того неспособная повести страну по единственно спасительному пути реформ и открытия внешнему миру, впала после смерти Чонджо в полный хаос, превратившись практически в коррумпированный паразитический организм, лишь усугублявший и без того тяжелое положение в экономике и социальной сфере. После смерти Чонджо на престол формально взошел его одиннадцатилетний наследник Сунджо (1800–1834), за которого реально страной стала управлять властная и жестокая государыня-регентша и окружавшая ее клика «стариков», в основном состоявшая из недовольных политикой Чонджо и яростно ненавидевших католическую «ересь» ультраконсерваторов. Стоило этой ортодоксальной клике прийти к власти, как жертвами беспрецедентных по жестокости гонений против католиков стало более 300 христиан, под пытками и перед угрозой казни отказавшихся изменить вере и пойти на компромисс с полицейским режимом. В числе мучеников были как практически все обратившиеся в новую веру ученики Ли Ика (включая Ли Сынхуна), так и тайно проникнувший в Корею китайский священник, а также и немало политических противников правящей клики из числа «южан», не имевших отношения к католицизму и ставших жертвой доносов. В атмосфере антикатолической истерии и массовых расправ один из *янбанов*-католиков попытался отправить французским католическим священникам в Пекин письмо с просьбой о присылке французской эскадры для того, чтобы оказать давление на корейские власти. Письмо это хорошо показывало степень отчуждения передовой части *янбанской* элиты от государственной власти; его обнаружение полицейскими агентами сделало, однако, репрессии еще более кровавыми. Преследования «выбили» значительную часть столичных католических активистов-*янбанов*, но одновременно сделали новую религию еще более популярной среди провинциальных простолюдинов, воспринимавших ее теперь как орудие сопротивления ненавистным сословным порядкам и полицейскому гнету.

С концом регентства в 1804 г. власть при слабом и далеком от политики Сунджо перешла в руки другой фракции «стариков», костяком которой был могущественный клан родственников жены государя — Кимов из Андона. Фактически этот клан монополизировал в своих руках администрацию почти на шесть десятилетий. Исключением было правление внука Сунджо, Хонджона (1834–1849), во время которого сильные

позиции занимал другой родственный государю клан — Чо из Пхунъяна. В условиях ничем не сдерживаемой гегемонии Кимов из Андона — наиболее активные оппозиционеры, «южане», были полностью оттеснены от власти в результате антикатолических репрессий — экзамены на чин превратились практически в формальность: должность могли получить или клевреты правящей клики, или же богатые *янбаны*, способные заплатить кому-либо из влиятельных андонских Кимов достаточную взятку. Должности — особенно доходные места правителей уездов в относительно зажиточных регионах — стали предметом открытой торговли, своеобразной «инвестицией»: став за взятку местным правителем, предприимчивый *янбан* стремился обобрать местных чиновников и население так, чтобы с прибылью возместить свои расходы, а заодно и накопить денег на покупку более высокого и почетного поста. Основными способами чиновного грабежа были открытое вымогательство (богатые купцы сажались в тюрьмы по фальшивым обвинениям и отпускались за выкуп), неправомерное взимание раздутых налоговых сумм в собственную пользу (реальные налоги часто доходили до трети урожая), внесение умерших или детей в военные регистры и незаконное взимание «военного полотна» с их родственников, а также взимание непомерно раздутых процентов с предоставлявшейся из государственных амбаров в период сева «возвратной ссуды». Не брезговало окончательно утерявшее конфуцианскую этику чиновничество и ростовщичеством, а также незаконным освобождением от налогов и повинностей за гигантские взятки: в результате недостающие налоговые суммы взымались с неимущих соседей. Полный хаос в административной системе — взятки теперь брали даже обязанные бороться с коррупцией тайные ревизоры! — делал практически невыносимой крестьянскую жизнь, и без того достаточно трудную в условиях усилившегося имущественного расслоения и люмпенизации беднячества. Невиданный «расцвет» коррупции и вымогательства препятствовал также и развитию торговли, накоплению капитала: опасаясь чиновного насилия, богатые торговцы не решались инвестировать деньги в дело, предпочитая покупать *янбанский* статус и низшие должности в надежде как-то защититься от официального разбоя. Государственно-бюрократическая надстройка Чосона совершенно не соответствовала изменившемуся базису общества, став самым крупным препятствием на пути социально-экономического развития. В этой ситуации неизбежным был массовый протест низов, принимавший в ряде случаев форму крупномасштабного социального взрыва.

Антикатолическая пропаганда правительства, обвинявшего своих идеологических противников во всех возможных преступлениях, от шпионажа до разврата во время молитв, не смогла перевести накопившееся в массах возмущение и протест в русло антихристианского движения. Наоборот, весьма скоро обрушивавшиеся на страну чуть ли не ежегодно природные бедствия подтолкнули оказавшихся на краю голод-

ной смерти крестьян к вооруженным антиправительственным выступлениям. В 1808–1811 гг. в северных районах страны проходит ряд бунтов: крестьяне, возглавлявшиеся наиболее страдавшими от чиновного вымогательства торговцами и зажиточными простолюдинами, начали штурмовать управы, расправляясь с наиболее ненавистными коррумпированными чиновниками. Репрессии по отношению к восставшим лишь усилили народный гнев, и в 1811–1812 гг. практически вся провинция Пхёнан оказалась объята пламенем крестьянской войны. Лидером этого выступления был Хон Гённэ (1771–1812) — провалившийся на государственных экзаменах выходец из обнищавшего *янбанского* рода, учивший крестьянских детей в сельской школе и пользовавшийся среди крестьян и торговцев за знания и редкое в *янбанской* среде владение боевыми искусствами. Используя предсказания апокрифических «пророческих книг» о скором явлении Спасителя Человечества, Хон Гённэ за более чем 10 лет подготовки к выступлению сплотил вокруг себя представителей самых разных социальных слоев — богатых торговцев (на деньги которых заготавливалось оружие), авторитетных в своих деревнях зажиточным крестьян, горных промышленников, вожаков многочисленных в ту пору разбойничьих шаек, а также немалое число обедневших *янбанов*. Объединяла эту достаточно разнородную коалицию как религиозная вера в скорое пришествие Спасителя, так и приверженность «светским» лозунгам восстания — искоренению коррупции и вымогательства, прекращению дискриминации в отношении выходцев из северных провинций на государственных экзаменах, отстранению скомпрометировавших себя клик от власти. Армия восставших, отличавшаяся необычно строгой дисциплиной и организацией, сумела низвергнуть местные органы власти в большей части земель провинции Пхёнан, но все же в результате почти полугода боевых действий была разгромлена правительственными войсками. Казненный карателями на месте Хон Гённэ стал героем народных легенд: крестьяне верили, что он чудесным образом спасся и вознесся на Небо, чтобы в один прекрасный день вернуться на землю и продолжить борьбу. В процессе подавления восстания и нескольких последовавших за ним выступлений меньшего масштаба провинция Пхёнан была буквально опустошена — число ее жителей в результате расправ, голода и эпидемий уменьшилось чуть ли не на треть. Тем не менее некоторые требования восставших правительству все же пришлось удовлетворить: были начаты расследования по фактам коррупции и налоговых нарушений в северных частях страны, официально отменена дискриминация выходцев из этих мест на экзаменах (хотя в реальности они по-прежнему оставались отчуждены от власти).

Строгое запрещение на частное изготовление и продажу оружия, введенное сразу же после крестьянской войны на севере страны, не помогло: бунты поднимались в одном районе за другим практически каждый год. В 1813 г. восставшие крестьяне на острове Чеджудо, распра-

живших с присланными из столицы чиновниками, на некоторое время практически захватили остров в свои руки. В следующем году голодающая беднота подняла бунт в самой столице, крайне напугав двор и чиновничество. В 1815–1820 гг. волна наводнений по всей стране — особенно сильных в плодородных южных провинциях — привела к массовым голодовкам и беспорядкам. В 1821 г. в Корею из Китая пришла эпидемия холеры, унесшая десятки тысяч жизней. Громадный ущерб был нанесен также практически всем районам страны смертоносной волной наводнений в 1832 г. Природные катастрофы, в сочетании с административным хаосом, не позволявшим вовремя оказывать эффективную помощь сотням тысяч голодающих, вели тысячи отчаявшихся людей к нищенству или бандитизму: фактически во многих сельских районах обстановку контролировали уже не чиновники, а разбойничьи банды. В городах, в свою очередь, все чаще стали обнаруживаться анонимные «грамотки», критиковавшие двор и власти и призывавшие народ к возмущениям. Одно из таких возмущений вспыхнуло в Сеуле в 1833 г.: возмущенная спекуляциями искусственно вздувавших цены на рис монополистических «придворных фирм», толпа начала громить лавки и склады. В этой обстановке все более популярным, несмотря на запрещения и жестокие преследования, становится католицизм. С возрастанием числа верующих до нескольких десятков тысяч человек, Корея была в 1830 г. выделена Римом в отдельный апостольский викариат. С 1836 г. в Корею непосредственно проникают французские миссионеры, тем самым фактически кладя конец изоляции страны от европейской сферы влияния.

С расширением европейской торговли и миссионерской деятельности на Дальнем Востоке, а особенно после победы Великобритании над Китаем в первой опиумной войне (1839–1842), с подписанием неравноправного Нанкинского договора (1842 г.) между этими двумя странами, фактически означавшего начало превращения Китая в полуколониальную периферию Европы, изоляция Кореи была обречена. Уже в 1816 г. корабли Великобритании — гегемона европейского капиталистического мира XIX в. — произвели картографическую съемку корейского побережья, после чего контуры Кореи на европейских картах стали довольно точными. В 1832 г. английское судно «Лорд Амхерст» было послано к корейским берегам с требованием открыть страну для торговли с Европой, а находившейся на его борту голландский протестантский священник попробовал начать среди жителей проповедь протестантизма, впрочем, без особого успеха. События в Китае — нараставший конфликт между английскими торговцами опиумом и китайскими властями, вскоре вылившийся в первую опиумную войну, — весьма встревожили корейское правительство, казнившее в 1839 г. после жестоких пыток трех проникших в страну французских миссионеров и десятки корейских верующих (среди которых немало было женщин и подростков). Однако

общей тенденции к укреплению корейского религиозного «подполья» и расширению его связей с внешним миром не могли сдержать никакие репрессии. В 1837 г. кореец Ким Дэгон (Андрей) из католической семьи, уже давшей церкви несколько мучеников, был отправлен французскими миссионерами на учебу в семинарию в Макао (позже — в Шанхае), где он — впервые в истории Кореи — выучил латинский и французский языки и был в 1845 г. — первым из корейских верующих — посвящен в священники. По возвращении в Корею в 1846 г. он был схвачен и казнен, но его пример возбудил во многих других верующих интерес к европейскому образованию и культуре. Расправа над миссионерами побудила Францию к посылке к корейским берегам в 1846–1847 гг. военных судов, с которыми корейскому правительству были переданы письменные требования о прекращении антикатолических гонений и открытии страны для торговли. Отрицательный ответ корейских властей французским представителям, пересланный через Китай, положил начало дипломатическим контактам между Кореей и Европой.

Определенный эффект, однако, французские протесты принесли: с середины 1840-х гг. преследования католиков смягчились, что позволило новой группе французских миссионеров проникнуть в страну и наладить активную работу в быстро увеличивавшейся католической общине, печатая религиозные книги на корейском языке, строя подпольные церкви и даже переправляя молодых христиан на учебу за границу. К концу 1850-х гг. в стране нелегально жило 12 французских священников, паства которых насчитывала более 20 тыс. человек. Объективный ход исторического процесса требовал от корейских властей легализации и расширения контактов с Европой, а также спешной перестройки армии и бюрократии на европейский лад и развития экономики на новой, индустриальной базе. Однако конфуцианская верхушка, плохо разбиравшаяся в ситуации в мире и по-прежнему относившая европейцев к «досаждающим Китаю пограничным варварам», была совершенно неспособна даже на те скромные реформы, что предлагались некогда «северной школой». Даже самые умеренные представители конфуцианской ортодоксии 1840–1850-х гг. искренне считали, что со временем торгующие с Китаем европейцы усвоят, как некогда монголы или маньчжуры, конфуцианские принципы и перестанут представлять опасность для региона. Более радикальные ортодоксы классифицировали европейцев как «полулюдей-полузверей», а в христианстве видели «врага небесных принципов». В то время, как соседи — Китай и Япония — уже начали, хотя бы и в ограниченных масштабах, переводить европейские сочинения и производить европейское оружие, Корея теряла время, упуская последние возможности предотвратить иностранную агрессию и модернизировать страну самостоятельно.

В 1850-е — начале 1860-х гг. ситуация как вокруг Кореи, так и внутри страны вновь обострилась. Формальный «сюзерен» Кореи, Китай,

терпел одно унижительное поражение за другим от англо-французских войск во второй опиумной войне (1858–1860 гг.). Захват англо-французским корпусом в 1860 г. Пекина, сопровождавшийся разрушениями, сожжением императорской резиденции и гибелью ряда культурных ценностей, поверг корейские власти в шок, вызвав у них глубокое ощущение кризиса: если даже могущественный Китай оказался столь бессилён перед «варварами», то что же говорить о его «вассале», Корее? Весть о подписании Китаем новых неравноправных договоров с европейскими державами в 1860 г. вызвала у корейской элиты серьёзные сомнения в реальной способности «суверена» защитить своего корейского «вассала» в случае европейского вторжения, осознание необходимости срочного укрепления собственных вооружённых сил. Немалым шоком для корейских правящих кругов было и подписание Японией, под нажимом американской эскадры, неравноправных договоров с европейскими державами в 1854–1858 гг. С другой стороны, в обстановке нагнетавшейся «сверху» уже полвека антикатолической, антиевропейской истерии, мало кто из представителей корейской конфуцианской верхушки осмеливался публично одобрить проводившиеся Китаем с начала 1860-х гг. мероприятия по «самоусилению», включавшие, в частности, приглашение европейцев на службу и заимствование передовой европейской техники.

Не вызывала особенного оптимизма и внутренняя ситуация. Шесть десятилетий бесконтрольной монополизации власти двумя кланами из «партии стариков» (Андонские Кимы и Пхунъянские Чо) привели административную систему к высшей точке хаоса. Никакие правительственные запрещения — указ против взяточничества на экзаменах, запрет на необоснованное раздувание налоговых сумм местными чиновниками, запрет на вымогательства — не помогали: вернуть дисциплину в бюрократический аппарат могли только жесткие чрезвычайные меры. В дополнение к административному хаосу, страну на рубеже 1850–1860-х гг. вновь постигли природные бедствия: наводнения (1857 г.) и эпидемии (1859–1860 гг.). В результате разлада хозяйства толпы деклассированного люда, промышлявшие бродяжничеством, воровством и разбоем, фактически парализовывали нормальное управление во многих районах. Пиком кризиса стала прокатившаяся по всей стране волна народных возмущений 1862–1863 гг., в которых участвовали десятки, если не сотни тысяч человек. Особенно сильными были бунты в плодородных южных провинциях, где чиновные грабежи и вымогательства приносили крестьянству наибольший ущерб. Отчаявшись добиться правосудия нормальным путем, толпы недовольных — во главе которых часто оказывались обедневшие местные *янбаны* — нападали на правительственные учреждения, избивая, изгоняя, а часто и убивая наиболее ненавистных коррумпированных бюрократов. Часто нападениям подвергались и усадьбы близких местному чиновничеству крестьян-богатеев, что хо-

рошо говорит о степени внутреннего расслоения в собственно крестьянской среде. Напуганное беспрецедентным общенациональным размахом крестьянского протеста, правительство, наряду с репрессиями по отношению к лидерам восставших, пошло и на существенные уступки. Был расследован и наказан ряд вызывавших особое возмущение случаев коррупции, и даже создано особое Ведомство по Упорядочению Администрации (*Иджончхон*), призванное искоренить злоупотребления в корне. Особенных результатов, однако, его работа не принесла, и вскоре оно было закрыто. Серьезная борьба с коррупцией, требовавшая привлечения к ответственности торговавших чиновными местами лидеров двух монополизировавших власть кланов, была практически невозможна без смены политического режима.

Такая смена власти произошла в 1863 г., когда, после смерти не оставившего потомства государя Чхольчона (1849–1863), на престол был возведен малолетний государь Коджон (1863–1907) из боковой ветви царствующей фамилии — практически последний правитель независимой Кореи. До совершеннолетия государя, с согласия доминировавших при дворе кланов Андонских Кимов и Пхунъянских Чо, к управлению страной был допущен Ли Хаын — отец малолетнего государя, имевший титул Тэвонгун (примерно соответствует русскому «великий князь»; 1820–1898). Обладая сильным характером и немалыми способностями, Тэвонгун, действуя от имени своего царственного отпрыска, сумел сосредоточить в своих руках практически диктаторскую власть на целое десятилетие (1863–1873 гг.). Десятилетие правления Тэвонгуна запомнилось современникам как время реформ, характер которых был связан как с объективными требованиями эпохи, так и с некоторыми особенностями личности реформатора. Представитель боковой ветви государева дома, выходец из относительно бедной семьи, Ли Хаын провел детство и юность в общении с сеульскими низами и пользовался большой популярностью среди рыночных «удальцов» (группы, требовавшие деньги у торговцев за «защиту») за силу и отвагу. Жизнь среди низов дала ему четкое представление о реальном положении масс и их нуждах, совершенно отсутствовавшее у абсолютного большинства влиятельных бюрократов того времени, полностью оторванных от народного быта. В то же время, как член *янбанского* сословия, Тэвонгун получил ортодоксальное конфуцианское образование, прекрасно рисовал и сочинял стихи на классическом китайском языке. Наставником его в каллиграфии и живописи был известнейший ученый и каллиграф эпохи, Ким Джонхи (1786–1856) — поздний представитель *сирхакистских* тенденций, хорошо знакомый с положением дел в Китае и выступавший за более широкие контакты с Цинской империей. Реформаторская программа умеренных *сирхакистов* оказала значительное влияние на политику Тэвонгуна. Среди членов семьи Тэвонгуна и приближенных фактического правителя страны было немало католиков (включая любимую няню

Коджона), и Тэвонгун, соприкасаясь с католическими кругами, имел достаточно полную информацию о масштабах европейского проникновения в Дальневосточный регион и серьезности их вызова конфуцианским традициям. Сам Тэвонгун, однако, к католицизму относился резко отрицательно, видя в призывах к «равенству всех перед Богом» идеологию антиправительственного сопротивления и считая дальневосточных христиан — как китайских, так и корейских — потенциальной «пятой колонной» европейских агрессоров. Последнее подозрение было небезосновательно — глубокий протест против сословной государственности, лежавший в основе восприятия католицизма в Корее, действительно часто выражался в содействии направленным против корейских властей акциям европейских держав.

С приходом в 1863 г. к власти, Тэвонгун начал реформы с серьезных перемен в кадровой политике, продолжавших линию Ёнджо и Чонджо на «равноудаленность» от партийных распри. Некоторые члены кланов Андонских Кимов и Пхунъянских Чо — соглашение с которыми и дало Тэвонгуну в руки бразды правления — были оставлены у власти, однако в целом монополии этой группы на высшие посты был положен конец. К службе на ключевых должностях стали привлекаться способные и хорошо зарекомендовавшие себя люди, вне зависимости от «партийной» принадлежности, связей и даже экзаменационных успехов. На ответственных постах оказалось и несколько поздних *сирхакистов* — так, ученый Пак Кюсу (1806–1876), внук великого *сирхакиста* Пак Чивона, унаследовавший традиции «северной школы», получил должность губернатора провинции Пхёнан. В определенных пределах, перестало играть роль и «благородное» происхождение — высшие гражданские должности остались, конечно, за *янбанами*, но на младших и средних постах появилось много выходцев из «средних» сословий, а среди близких к Тэвонгуну военных чиновников были даже бывшие бандиты и освободившиеся рабы. Меньше стала ощущаться и региональная дискриминация — выходцев из северных провинций можно было теперь найти даже на довольно ответственных постах. Меритократическая, рациональная кадровая политика была одним из элементов реформ Тэвонгуна, соответствовавшим требованиям новой эпохи. Большую популярность сразу же получили в народе и жесткие мероприятия новой власти, направленные на пресечение коррупции и злоупотреблений. Не ограничиваясь выявлением и жестоким наказанием коррумпированных чиновников, Тэвонгун попытался разрешить проблему в корне, передав систему «возвратных ссуд» в ведение крестьянских общин и тем лишив чиновников всякой возможности взимать неправомерные проценты за зерновые ссуды. Кроме того, «военное полотно» стало взиматься и с *янбанских* фамилий — тем самым исчез один из многочисленных стимулов к незаконной купле-продаже *янбанского* статуса, не защищавшего более от подушного налогообложения. Практика внесения в военные списки

младенцев и покойников, с последующим взиманием «военного полотна» с их родственников, начала, наконец, серьезно преследоваться. Для усиления борьбы с коррупцией систематизировано было законодательство — все указы, выпущенные в течение нескольких десятилетий, были объединены в новый, дополнительный кодекс «Тэджон Хветхон» (1866 г.). Эти реформы Тэвонгуна, нормализовавшие в какой-то степени работу администрации и способствовавшие дальнейшему расшатыванию сословных перегородок, удовлетворили насущные нужды широких слоев населения и принесли немалую популярность новому режиму.

Однако целый ряд мер Тэвонгуна, рассчитанный на укрепление престижа и авторитета центральной власти, вряд ли мог быть особенно популярным. Среди них, прежде всего, следует назвать перестройку в 1865–1867 гг. центрального сеульского дворца Кёнбоккун, сожженного во время Имджинской войны и с тех пор практически не восстанавливавшегося. Не ограничившись сносом на строительные работы более 30 тыс. крестьян и ремесленников (преимущественно из столичной провинции), Тэвонгун для финансирования строительства прибег как к выколачиванию «добровольных» пожертвований с зажиточных слоев населения, так и к намеренной порче монеты и введению в обращение китайских денег по завышенной стоимости. Результатом массовых мобилизаций, инфляции и бешеного роста цен было серьезное ухудшение реального положения значительной части населения, которое практически свело на нет определенные позитивные результаты затеянной Тэвонгуном реорганизации административной системы. Восстановленный к 1867 г. дворец, вместо того, чтобы укрепить престиж государственной власти, символизировал для масс *янбанскую* эксплуатацию и произвол. То, что строительство роскошного дворца происходило на фоне не прекращавшихся наводнений и эпидемий, лишь подливало масла в огонь народного гнева. Желая перевести возмущение масс в русло ксенофобских, антихристианских и антиевропейских эмоций, Тэвонгун начал в 1866 г. — услышав о преследовании католиков в китайской провинции Сычуань — беспрецедентную по масштабам и жестокости «охоту» на французских миссионеров и их паству, замучив девятых (из 12 нелегально находившихся в стране) французских священников и более 8 тыс. корейских христиан, а также подвергнув публичному сожжению христианские книги и предметы культа. Популярность христианства — связанную, прежде всего, с накопившимся в массах чувством протеста против системы внеэкономической эксплуатации и полицейского контроля — эти варварские меры совершенно не уменьшили. Однако важным их последствием, — серьезности которого Тэвонгун, по-видимому, не предвидел, — было то, что они дали как Франции, так и другим европейским державам желанный предлог для вмешательства в корейские дела и прямой агрессии против Кореи, ставшей практически последним оплотом неоконфуцианского изоляционизма в регионе.

Рис. 2. Миссионер, переодетый в корейскую траурную одежду. Корейский мужской траурный костюм включал закрывавший почти все лицо головной убор. Его и использовали для маскировки иностранные миссионеры, тайно проникая в страну.

Убийство французских миссионеров было воспринято французскими дипломатами в Китае как чувствительный удар по престижу Франции в регионе, который, в соответствии с исповедовавшимися европейцами того времени принципами отношений с неевропейским миром, не должен был оставаться без ответа. Кроме того, как французов, так и англичан беспокоил ущерб, который наносился провозглашенным Тэвонгуном запретом на импорт всех европейских товаров европейской торговле на севере Китая (через который и шла посредническая торговля с Кореей). С согласия Парижа, французские дипломаты и военные в Китае решили нанести по Корее «ответный удар» с помощью военно-морских сил, и в октябре 1866 г., после основательной рекогносцировки, семь кораблей французской Индокитайской эскадры, с полутора тысячами солдат и моряков на борту, направились в экспедицию на Сеул. Официальной целью «карательного похода» было провозглашено «свержение кровавого тирана Тэвонгуна», но в реальности французское командование желало просто запугать корейскую верхушку, показав ей мощь европейского оружия и тем заставив ее отказаться от антихристианской и изоляционистской политики. Французам без особого труда удалось захватить остров Канхвадо и тем блокировать Сеул с моря, но морской поход на столицу оказался практически неосуществим ввиду сезонного обмеления реки Ханган и малочисленности экспедиционного корпуса. Требования французов — примерное наказание участников преследования христиан и подписание с Францией договора о свободе торговли и миссионерской деятельности — были, что и неудивительно, с порога отвергнуты корейской стороной, решившей не вступать с интервентами в открытое сражение, но изматывать их партизанскими ударами. Потеряв около 30 человек в стычках с корейскими засадами и поняв, что дальнейшие военные действия бесперспективны, французы предпочли эвакуировать Канхвадо и вернуться на базу в Шаньдуне, предварительно дотла спалив город Канхва и разграбив находившееся там государственное книгохранилище (возвращения ряда увезенных тогда и хранящихся до сих пор во Франции ценных изданий Южная Корея требует — без особого успеха — по сей день). Считая себя «победителем» и уверившись в «ничтожности варваров перед нашими моральными принципами», Тэвонгун продолжил преследования христиан с новой энергией:

тем самым, результаты «карательного похода» были в реальности противоположны поставленным его организаторами целям. Однако нельзя не заметить, что уверенность Тэвонгуна в «величии» его «победы» была основана на недостаточном знакомстве с реальными намерениями и целями противника. Занятая экспансией в Индокитае, Франция и не собиралась втягиваться в серьезный и долговременный конфликт с Кореей, желая лишь устроить показательную «карательную акцию» и продемонстрировать возможности своего оружия и техники. Надежды Тэвонгуна на разжигание антиевропейской истерии в результате войны тоже оказались напрасными: три следовавших один за другим голодных года (1867–1869 гг.) и общее недовольство инфляцией и ростом цен побудили тысячи корейцев из северных провинций бежать на русскую сторону границы (в 1860 г., закрепив за собой по договору с Китаем Приморье, Россия получила общую границу с Кореей по р. Туманган), и не антиевропейская пропаганда, ни жестокие репрессии не могли остановить потока беженцев, составившего, по очень неполным данным, до 9 тыс. человек.

Новым, неожиданным оправданием для ксенофобской политики Тэвонгуна послужила предпринятая в 1868 г. авантюристическая акция проживавшего в Шанхае немецкого купца Опперта. Опперт — уже пытавшийся несколько раз наладить торговлю с Кореей, но неизменно наткнувшийся на отказ, — решил похитить из находившейся недалеко от побережья могилы кости отца Тэвонгуна, и, сделав их своеобразным «заложником», потребовать от правителя Кореи «открытия страны» — разрешения торговли с Европой и легальной проповеди христианства. На деньги сотрудников американского консульства в Шанхае (интересовавшихся перспективами торговли с Кореей) Опперт зафрахтовал корабль, нанял китайско-малайскую команду (не открывая ей цели экспедиции), и, пристав в апреле 1868 г. к корейскому берегу, довольно быстро добрался до искомой могилы: проводниками ему служили хорошо знавшие местность корейские католики. Попытка похитить кости наткнулась, однако, на неожиданные препятствия: погребальная структура оказалась слишком прочной, и очень скоро местные жители сообщили неудачливым авантюристам о приближении правительственных войск. Опперт был вынужден бежать к побережью и без особых успехов взять курс обратно на Шанхай, понеся лишь очень небольшие потери в столкновении с одним из местных гарнизонов. Однако акция его — хорошо показывавшая степень расистского пренебрежения западноевропейцев на Дальнем Востоке к нравам и обычаям «туземцев» — послужила как для Тэвонгуна, так и для консервативного большинства корейского *янбанства* в целом лишним доказательством того, что европейцы — не более чем «варвары, не умеющие даже уважать чужих могил», и заслуживающие лишь решительного вооруженного отпора. Однако показала она и другую, гораздо менее приятную для Тэвонгуна сторону

реального положения дел: не только католики (чья ненависть к режиму и лично Тэвонгуну была вполне объяснима), но и большинство рядовых крестьян относились к незванным пришельцам весьма доброжелательно, оказывая им всяческое содействие. Планы Тэвонгуна — собиравшегося в случае масштабной атаки европейцев организовать всенародную партизанскую борьбу против них на манер Имджинской войны — были, как оказалось, вряд ли легко реализуемы в условиях низкой популярности режима и *янбанской* государственности в целом.

Если французские попытки силой «открыть» Корею были в основном связаны с соображениями государственного престижа и традиционной политикой поощрения католического миссионерства, и в гораздо меньшей степени — с реальными торговыми интересами, то американский интерес к Корее с самого начала носил ярко выраженный коммерческий характер. В условиях упрямой изоляционистской политики Тэвонгуна, настойчивый «торговый экспансионизм» американцев не мог не привести, в конце концов, к серьезному «лобовому столкновению». Поводом послужила судьба американского торгового судна «Генерал Шерман», зафрахтованного английской торговой фирмой для осуществления экспедиции в северную часть Кореи. Европейцев давно уже интриговали слухи о якобы изобилующих золотом древнекорейских государевых могилах по р. Тэдонган; кроме того, торговые и судовладельческие фирмы на Дальнем Востоке соперничали друг с другом, стремясь первыми «пробиться» на неизведанный корейский рынок. «Капитан Шерман», нагруженный различными европейскими товарами, с командой из 24 человек (в основном китайские и малайские матросы), пристал в устье р. Тэдонган, но сразу же натолкнулся на решительный отказ корейских властей даже начинать переговоры о торговле: в стране действовал указ Тэвонгуна, запрещающий любой импорт европейских товаров. В то время, как власти приняли судно за английское (о существовании США корейские провинциальные чиновники того времени практически не знали) и сочли матросов «китайскими пиратами», католики из окрестностей Пхеньяна решили, что корабль был послан французскими властями, что бы избавить их от гонений: изображение королевы Виктории на привезенных матросами открытках было принято по ошибке за портрет Девы Марии. Довольно скоро грубое поведение команды привело к столкновениям с местными жителями, и губернатор провинции Пхёнан, *сирхакист* Пак Кюсу, почел за лучшее, последовав приказу Тэвонгуна, сжечь корабль традиционным способом — направив на него флотилию горящих лодок. Члены команды, сумевшие выбраться на берег, были убиты, а металлические детали корабля — подняты из воды и отправлены в Сеул, где их пытались использовать для воспроизведения европейского судна, но неудачно. Инцидент, — о котором американские дипломаты в Китае скоро узнали через корейских католиков и французских миссионеров — дал американской стороне желанный повод при-

ступить к «открытию» Кореи для торговли с применением силы. Вначале американцы хотели провести «карательную экспедицию» с французским участием, но потом решили действовать самостоятельно.

Решение «наказать» Корею за «оскорбление американского флага» было принято главой миссии США в Пекине Ф.Лоу и командующим Азиатским флотом США контр-адмиралом Дж.Роджерсом: последний взял на себя личное командование «карательной экспедицией», состоявшей из 5 кораблей и примерно 1200 солдат и матросов. В задачи экспедиции входило принудить корейскую сторону, по возможности, к заключению торгового договора или соглашения с США, а также произвести картографическую съемку побережья, дабы иметь потенциальную возможность планировать военные операции в Корее в будущем. В июне 1871 г. американская эскадра подошла к острову Канхвадо и вскоре была атакована береговыми корейскими батареями: корейские военные исполняли приказ Тэвонгуна о решительном сопротивлении любым попыткам европейцев проникнуть в страну. Атака, не принеся практически никакого урона американцам (ввиду низких огневых возможностей устаревшей корейской артиллерии), дала им еще один предлог для развязывания боевых действий. Американский десант при поддержке артиллерии захватил несколько фортов на острове Канхвадо, понеся, ввиду несравненного превосходства в вооружении, лишь незначительные потери и почти полностью уничтожив при этом корейские гарнизоны (около 250–300 человек, по разным подсчетам). Реляции Дж. Роджерса показывают, что защитники фортов сражались с изумлявшим американцев ожесточением и храбростью, предпочитая смерть плену, но были беззащитны перед огневой мощью артиллерии и стрелкового оружия противника. Попытка американцев продвинуться в сторону Сеула не увенчалась успехом и, поняв, что ни на какие переговоры режим Тэвонгуна идти не намерен, Дж. Роджерс предпочел в итоге отвести свою эскадру обратно в Китай. Обе стороны считали себя победителями: Дж. Роджерс и Ф.Лоу были уверены, что успешный штурм корейских фортов повысили престиж США в регионе и показали корейскому правительству степень военно-технического превосходства американцев, а Тэвонгун, считал, что к отступлению интервентов принудила «моральная высота наших принципов» и даже сложил триумфальное стихотворение о том, что, «как бы ни застилала Поднебесную пыль с европейских кораблей, солнце страны на Востоке [Кореи] будет сиять вечно». Желая подчеркнуть правильность и успехи своей политики, Тэвонгун прибег к бесцеремонному искажению результатов столкновения: если реальные потери американцев и корейцев были несопоставимы по величине (3 убитых американца на 250–300 погибших защитников острова Канхвадо), то в официальном сообщении корейского правительства они выглядели совсем иначе (якобы погибло лишь 53 корейских солдата). Искращения и фальсификации должны были скрыть от населения гу-

бительный для авторитета режима факт: реальных возможностей для действенного сопротивления европейской агрессии, будь та предпринята всерьез и в крупном масштабе, корейские власти не имели.

Жесткая антизападная политика, вполне средневековая по уровню опоры на метафизическую догматику (Запад подавался как «нарушитель космических принципов») и в то же время в определенном смысле «протонационалистическая» (Тэвонгун начал слегка третировать «сюзерена» Кореи, Китай, за «слабость перед лицом варваров»), вызывала сильные симпатии у значительной части *янбанства*. Однако народного возмущения *янбанским* сословным режимом она уменьшить уже не могла. В 1869–1872 гг. по стране прокатывается новая волна антиправительственных выступлений «низов», характеризовавшихся значительно более упорным, ожесточенным характером, в частности, более широким использованием оружия. Казни организаторов и вдохновителей выступлений — обычно популярных религиозных деятелей даосско-шаманского толка, использовавших разного рода апокрифические «пророческие книги» для того, чтобы поднять крестьян на борьбу, — лишь усиливали и без того господствующие в массах антиправительственные настроения. Однако к началу 1870-х гг. недовольство Тэвонгуном стало распространяться и на широкие *янбанские* слои. Особенный протест *янбанов* вызвали предпринятые Тэвонгуном меры по «упорядочению» школ-академий — *совонов*. Считая *совоны*, прежде всего, центрами консолидации «партий» и зная, какое количество освобожденной от налогообложения земли находится в руках этих институтов, Тэвонгун в 1871 г. повелел закрыть все *совоны* страны, кроме 47 наиболее почитаемых. Мера эта — несомненно, необходимая для покрытия растущих военных расходов, — не могла не вызвать ожесточенного противодействия в *янбанской* среде, для которой школы-академии были важнейшей частью «благородного» быта, а также символом сословного престижа и авторитета в округе. Но, кроме этого, *совоны* были и важным образовательным институтом, и их закрытие серьезно ухудшало образовательные перспективы молодого поколения провинциального *янбанства*. По небогатым сельским *янбанам* — так же, как и по простолюдинам, — больно била и подстегиваемая фискальными мерами Тэвонгуна инфляция, рост цен. В конце концов, группа влиятельных ученых *янбанов*, возглавляемая старым противником Тэвонгуна (и в то же время активным идеологом бескомпромиссной борьбы с Западом), Чхве Икхёном (1833–1906), начала активную петиционную кампанию, призывая Тэвонгуна уйти из политики и передать бразды правления в руки уже достигшего совершеннолетия Коджона. Кампания эта довольно скоро увенчалась успехом: чувствуя свою растущую непопулярность и не желая идти на конфликт с общественным мнением в среде господствующего сословия, Тэвонгун в конце 1873 г. добровольно отошел от дел, передав все реальные полномочия сыну. На практике, однако, значительное

влияние при дворе слабого и легко внушаемого Коджона принадлежало его жене, жесткой, решительной и честолюбивой государыне Мин (1851–1895), и ее клану Минов, быстро выдвинувшему своих членов и их протезе на все основные должности. Новый режим отменил многие меры предыдущего (в частности, прекратил ввоз китайской монеты, но разрешил импорт западных товаров через Китай), но очень скоро столкнулся все с теми же старыми проблемами — хроническими финансовыми трудностями и периодическими народными восстаниями.

Какую оценку следует дать политике Тэвонгуна? Воплотив в жизнь — хотя и в очень урезанном виде — некоторые части *сирхакистской* программы (выдвижение кадров по талантам и заслугам, борьба против коррупции, и т. д.), Тэвонгун практически проигнорировал самую существенную ее часть, а именно — поощрение ремесел и торговли и заимствование западной технологии. Если *сирхакисты* — и прежде всего «северная школа» — настойчиво призывали обратиться к передовому по региональным меркам цинскому опыту, то Тэвонгун с абсолютным пренебрежением отнесся к цинской политике «самоусиления» 1860-х гг., не видя нужды ни в западном вооружении (с его точки зрения, бессильном перед «величием моральных принципов»), ни в переводах западной технической и юридической литературы. Наконец, беспрецедентные по жестокости репрессии по отношению ко всем формам «низового» протеста — начиная с католицизма и кончая выступлениями под буддийскими и даосско-шаманскими миллениаристскими лозунгами — лишь ожесточили общее настроение в стране, подорвав всякую надежду на формирование общенационального единства в борьбе с угрожавшей Корее империалистической агрессией. В целом, можно сказать, что «консервативные полуреформы» Тэвонгуна — попытка насилием, репрессиями и шовинистической демагогией укрепить расшатанную систему «сверху», делая лишь минимальные уступки реальности, — были бесперспективны и обречены на исторический провал. Дав определенный позитивный эффект в начале, они быстро исчерпали свой потенциал и привели страну к политическому кризису, единственным выходом из которого могла стать отставка Тэвонгуна после 10 лет пребывания у власти.

Придя к власти, правительству Коджона-Минов пришлось сразу же столкнуться с важной внешнеполитической проблемой, от решения которой режим Тэвонгуна практически самоустранился — кризисом в корейско-японских отношениях. После «реставрации Мэйдзи» в 1868 г. Япония, твердо встав на путь строительства современной государственности, индустрии и армии, несколько раз пыталась возобновить традиционные дипломатические контакты с Кореей, но всякий раз безуспешно. Правительство Тэвонгуна, верное традициям средневекового формализма, придиралось к оформлению японских дипломатических документов, прежде всего к использованию титула «император» в отноше-

нии правителя Японии: с неоконфуцианской точки зрения, «императором» мог считаться лишь «сюзерен» Кореи — правитель Китая. Нарекания чиновников Тэвонгуна вызывали и европейские костюмы дипломатов новой Японии — непροстительное, с точки зрения корейской неоконфуцианской ортодоксии, нарушение традиционного регионального этикета. В реальности, правительство Тэвонгуна в принципе не одобряло выбранный новой японской элитой путь радикальной европеизации и индустриализации, считая его «капитуляцией перед варварами» и «предательством» всех традиционных ценностей. Отказы в восстановлении дипломатических отношений облачались в крайне резкую форму: чиновники Тэвонгуна отказывались принимать «неправильно написанные» официальные послания правительства Мэйдзи и давать аудиенции японским дипломатам, иногда даже произвольно задерживая последних. По-видимому, рассматривая себя как «победителя американцев и французов», Тэвонгун не допускал и мысли о том, что «варваризированный сосед», Япония, может представлять для него какую-либо угрозу.

В реальности, самоуверенность Тэвонгуна была основана не на анализе информации, а на полном непонимании японской ситуации. Японская элита 1860–1870-х гг. чувствовала себя униженной неравноправными договорами, навязанными западными державами силой и угрозами и, кроме того, приносившими еще и ощутимый ущерб японской экономике: не имея, по договорам, права самостоятельно устанавливать таможенные тарифы, Япония не могла защитить слабую отечественную промышленность от наплыва дешевых европейских товаров. Японии — слабому и неравноправному партнеру европейских империалистических держав на Дальнем Востоке — требовались как возможности «утвердить себя» вооруженным путем в качестве «равноправного» милитаристского государства, так и «свои», «защищенные» от империалистической конкуренции рынки сбыта для торговли теми же европейскими товарами по завышенным ценам. Китай — все еще относительно сильная в военном отношении держава с рынками, уже освоенными европейским капиталом, — вряд ли мог стать объектом японской экспансии, а вот слабая Корея, географически близкая, но в прямую торговлю с Западом все еще не вступившая, была идеальной мишенью для силового навязывания неравноправных отношений. Для японской элиты, и без того искавшей повод прибегнуть в отношении ближайшего континентального соседа к «дипломатии канонеров», высокомерие Тэвонгуна было идеальным предлогом. Уже в начале 1870-х гг. определенная часть японской правящей элиты выступала за немедленный «поход на Корею» (яп. *сэйкан*) для того, чтобы «смыть» якобы нанесенное Тэвонгуном «оскорбление», но относительная слабость вооруженных сил и сложные внутривластные соображения помешали Японии уже тогда последовать примеру США и Франции в организации «карательного рейда» против Кореи. Походящим моментом был сочтен 1875 г., когда Япония

уже достигла определенного прогресса в строительстве современной призывной армии, оснащенной современным европейским оружием. Выбранная японским правительством в 1875 г. стратегия серьезно отличалась от планов «похода на Корею», выдвигавшихся ранее: теперь предполагалось продемонстрировать в нескольких небольших столкновениях мощь нового японского флота и, запугав режим Коджона-Минов, принудить его к подписанию неравноправного договора с Японией по той же модели, что была ранее навязана европейскими державами самой Японии. Серьезную войну намечалось развязать лишь в случае упорного нежелания корейских властей подчиниться нажиму.

Дабы спровоцировать корейское руководство на столкновение, к берегам Кореи была в конце 1875 г. послана группа японских военных судов во главе с кораблем «Унъё». Произведя — без оглядки на запрещение корейского правительства — подробную картографическую съемку восточного и южного побережья Кореи, «Унъё» направился затем к ставшей уже «традиционной» мишени европейских «карательных экспедиций», острову Канхвадо, и встал на якорь прямо напротив одного из фортов. Под предлогом «поисков питьевой воды» матросы «Унъё» без разрешения корейских властей высадились на берег и направились в сторону корейских батарей. Прекрасно зная, что корейскому гарнизону было приказано незамедлительно открывать огонь в подобных случаях, капитан «Унъё» сознательно провоцировал инцидент. Как и рассчитывала японская сторона, корейцы открыли по японским матросам пушечный и ружейный огонь, но — и тут сказался уровень военной техники в изолированной от капиталистического мира неоконфуцианской Кореи — смогли лишь легко ранить двоих противников. Реакция корейского гарнизона дала японцам хороший предлог для того, чтобы, как и планировалось с самого начала, показать военно-технологическое преимущество вестернизированной армии правительства Мэйдзи. В ходе японской бомбардировки и последовавшего затем десанта другой, менее защищенный, корейский форт был с легкостью захвачен и сожжен, корейская сторона потеряла 35 человек только убитыми, а остальные 500 защитников форта обратились в бегство. Хотя поведение японцев с самого начала было открыто провокационным, а применение ими силы — совершенно диспропорциональным, японская сторона, объявив произошедшее, по европейскому примеру, «оскорблением флага», получила прекрасный предлог для навязывания режиму Коджона-Минов дипломатических и торговых связей на выгодных для себя условиях.

Уже в следующем, 1876 г., на Канхвадо был отправлен японский посол Курода Киётака с пятью кораблями и четырьмя сотнями солдат. Высадившись на берег, Курода начал демонстративно проводить «учения» сопровождавшего его подразделения и одновременно потребовал от корейских властей приступить к переговорам о подписании с Японией договора о «дружбе» и торговле. Мнения придворных разделились, но, в

конце концов, Коджон и его приближенные решили пойти на переговоры и согласиться в итоге на заключение договора. Влияние на их решение оказали несколько факторов: нежелание слепо следовать очевидно тупиковым курсом Тэвонгуна, рекомендация китайских властей не доводить дело до серьезного вооруженного конфликта (Китай опасался, что в этом случае ему будет нелегко выполнить «долг суверена» по оказанию помощи Корее), а также очевидное превосходство японского вооружения, делавшее всякое военное столкновение заранее проигрышным для Кореи. Основным сторонником примирения с Японией был пожилой *сирхакист* Пак Кюсу, считавший, в согласии с учением Пак Чивона и Пак Чега, развитие международной торговли в принципе неизбежным, а соседнюю Японию — не столь опасной, как крупные европейские империалистические государства. Решив — несмотря на отчаянные возражения ушедшего в отставку Тэвонгуна, предупреждавшего о неизбежной «гибели государства» в случае любых переговоров с «варварами», — все же пойти на примирение с Японией, корейский двор послал авторитетного сановника Син Хона (1810–?) на переговоры с Куродой, проходившие на острове Канхвадо. Итогом этих переговоров стал Канхваский договор, подписанный в том же 1876 г.

Подписание этого договора — первого современного дипломатического документа в корейской истории — имело громадное значение для исторических судеб Кореи. Этого не осознавали Коджон и его окружение, считавшие новый договор не более чем продолжением, в новых условиях, традиционных добрососедских отношений, поддерживавшихся Кореей с режимом Токугава. В реальности, однако новый договор практически положил начало цепи событий, приведшей в итоге к разрушению традиционного корейского общества и превращению страны сначала в экономическую и политическую «периферию» мировой капиталистической системы, а затем (с 1910 г.) — и в колонию Японии. Первая статья этого договора декларировала Корею — как и Японию — «независимым» (*чаджу*) государством, что отражало желание японской стороны освободиться от стеснявших дальнейшее проникновение на Корейский полуостров представлений о Корее как «вассале» Китая. Далее, договор открывал для торговли и проживания японских подданных как Пусан (традиционный центр торговли с Японией), так и два дополнительных порта (последующие договоренности определили «открытие» Вонсана и Инчхона). Никаких положений о тарифах договор не содержал, что на практике означало практическое освобождение японских торговцев в Корее ото всех таможенных ограничений (тарифное соглашение было подписано — на очень выгодных для японской стороны условиях — лишь в 1883 г.). В этом смысле Канхваский договор был значительно менее выгоден для Кореи, чем неравноправные договора с западными державами — для Китая и Японии: последние предусматривали все же тарифы в размере 5–10% на ввозимые европейцами дешевые

фабричные товары, а Канхваский договор практически обрекал корейское ремесло на заведомо бесперспективную, разорительную конкуренцию с поставлявшимися через Японию западными продуктами. Наконец, как и европейцы в Китае и самой Японии, японцы выговорили у корейской стороны право «экстерриториальности» — японских подданных, совершивших в Корее преступления, пусть даже и в отношении корейцев, мог судить лишь японский консул, но не корейские власти. Практически это означало, что японские торговцы освобождались от всякой ответственности за мошеннические действия в отношении корейских партнеров: защищать интересы обманутых корейцев совершенно не входило в задачу японских консульских властей. Согласие корейцев на кабальные условия Канхваского договора объясняется в одинаковой степени как реальной военной слабостью страны, не имевшей возможности оказать эффективное вооруженное сопротивление японскому нажиму, так и невежеством *янбанской* верхушки, совершенно не представлявшей разорительных последствий «свободной» торговли с капиталистическим миром для страны, где отсутствовало даже мануфактурное производство.

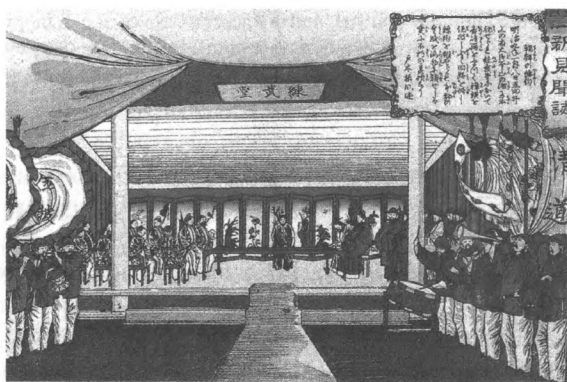

Рис. 3. Подписание Канхваского договора.

Иллюстрация из японского издания, 1880 г.

Подписание Канхваского договора можно в определенном смысле считать событием, завершающим традиционную историю Кореи. С включением в договорную систему отношений Корея практически уже в течение нескольких последующих лет стала рынком сбыта для привозимых на японских судах западных товаров и поставщиком сырья и сельскохозяйственных продуктов (в основном риса) на японский рынок — одним словом, классической «периферией» капиталистического мира. С приходом несколькими десятилетиями позже западного (в основном американского) капитала экономическая зависимость страны лишь усилилась. Корейское правительство уже с начала 1880-х гг. попало в тиски зависимо-

сти от «держав» — Японии, Китая, позже в определенной мере США, — поставлявших «периферийному» режиму займы и оружие, державших свои войска (якобы «для охраны дипломатических миссий») в корейской столице. В конечном счете, страна, с согласия США и Великобритании, была колонизирована новым центром капиталистического развития в Восточной Азии, Японией (1910 г.). Канхваский договор положил начало быстрому (занявшему в итоге немногим более 30 лет) разложению традиционного уклада и формированию на корейской земле «периферийного», зависимого капиталистического общества.

Источники и литература

А) Первоисточники:

1. Kim Haboush Jahyun (tr.). *The Memoirs of Lady Hyegyông, The Autobiographical Writings of a Crown Princess of Eighteen-Century Korea*. Berkeley: California University Press, 1996.
2. Lee, P. H. and de Bary, Wm. T. (eds.). *Sourcebook of Korean civilization*. Vol. 2: From the Seventeenth Century to the Modern Period. New York: Columbia University Press, 1993–1996, pp. 1–311.
3. Hamel, Hendrik. *Hamel's Journal and a Description of the Kingdom of Korea. 1653-1666*. Translation from the Dutch manuscript by Br. Jean-Paul Buys, of Taize. Seoul: The Royal Asiatic Society (Korea Branch), 1994, 1998 (revised edition).

Б) Литература:

1. Ванин Ю. В. *Экономическое развитие Кореи в XVII–XVIII вв.* М., 1968.
2. Волков С. В. «О некоторых особенностях социальной структуры традиционной Кореи» // *Российское корееведение*. Альманах. Вып. 3. М., 2003. С. 113–126.
3. Ермаков К. «Блистающая крепость» вана Чонджо // *Восточная коллекция*. 2007, № 4. С. 52–63.
4. Симбирцева Т. М. «Участие корейских отрядов в военных столкновениях Китая с Россией на Амуре в 1654 и 1658 гг. — первая встреча русских и корейцев» // *Вестник Центра корейского языка и культуры*. Вып. 5–6. СПб., 2003. С. 118–150.
5. Симбирцева Т. М. «Дневник генерала Син Нью 1658 г. — первое письменное свидетельство о встрече русских и корейцев» // *Проблемы истории, филологии, культуры*. Вып. XIII. М. — Магнитогорск, 2003. С. 336–343.
6. Симбирцева Т. М. «Первые изображения Кореи на русских географических картах XVII века» // *Восточная коллекция*. 2007, № 4. С. 12–20.
7. Deuchler, M. «Social and Economic Developments in Eighteenth-Century Korea». In Reid A. (ed.). *The Last Stand of Asian Autonomies: Responses to Modernity in the Diverse States of Southeast Asia and Korea, 1750–1900*. New York: St. Martin's Press, 1997.

8. Kang Man-gil. «Merchants of Kaesong». In International Cultural Foundation (ed.). *Economic Life in Korea*. Seoul: The Si-sa-yong-o-sa Publishers, Inc., 1978.
9. Kim Haboush Jahyun and Deuchler, M. (eds.). *Culture and the State in Late Choson Korea*. Cambridge, MA: Harvard University Asia Center, 1999.
10. Palais, J. B. *Confucian Statecraft and Korean Institutions: Yu Hyongwon and the Late Choson Dynasty*. Seattle: University of Washington Press, 1996.
11. Setton, M. «Tasan's 'Practical Learning'» // *Philosophy East and West*, Vol. 39, Issue 4, 1989, pp. 377–392.
12. Van Hove, H.J. *Hollanders in Korea*. Utrecht: Spectrum, 1989.

Глава 12

НЕУДАЧИ РЕФОРМИСТСКОЙ ПОЛИТИКИ КОДЖОНА И ЯПОНО-КИТАЙСКОЕ СОПЕРНИЧЕСТВО НА КОРЕЙСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ (1876–1894)

а) Консервативная реакция на Канхваский договор (1876–1880 гг.)

Заключение с Японией неравноправного договора обострило и без того кризисную обстановку в стране. Как и предупреждали сопротивлявшиеся подписанию договора консервативные конфуцианцы, вывоз корейского сырья в Японию нанес сильный удар по традиционной аграрной экономике. Так как наибольшим спросом на японском рынке пользовались корейские рис и бобы, цены на эти товары в конце 1870-х гг. значительно выросли. Удорожание основных пищевых продуктов тяжело отразилось на положении городской и сельской бедноты. Правительство также испытывало трудности в закупках риса для выдачи довольствия солдатам и мелким столичным чиновникам. Экспорт корейского текстильного сырья (хлопка) в Японию лишил местное ткацкое производство всяких перспектив развития, превратив Корею в рынок для привозимой японскими купцами дешевой западной (в основном английской) фабричной продукции. От массового экспорта корейских продуктов в Японию выиграли лишь местные компрадоры (корейские агенты японского купечества в открытых портах и столице) и крупные землевладельцы. Последние активизировали скупку крестьянских земель, ускорив тем самым процесс обезземеливания и деклассирования в деревне. Видя, сколь деструктивно влияет свободная распродажа ресурсов на ситуацию в стране, правительство попыталось защитить свой рынок, обложив японских торговцев в Пусане пошлиной (1878 г.). Последние, однако, разразились по адресу корейских властей бурными протестами, ссылаясь на отсутствие положений о тарифах в Канхваском договоре. Японское правительство всецело поддержало действия япон-

ского купечества в Корее, направив в Пусан военные корабли и оказав нажим на сеульские власти. В итоге Коджон был вынужден пойти на попятую. Вопрос о тарифах был снят с повестки дня «до достижения двухстороннего соглашения с Японией». Не имея, как и любая другая периферийная страна в мировой капиталистической системе, возможностей защитить свой рынок протекционистскими мерами, Корея была обречена на положение сырьевого придатка и рынка сбыта для европейской и японской индустрии.

Новые противоречия «наложились» к концу 1870-х годов на старые конфликты, свойственные позднему традиционному обществу: неэффективность бюрократического аппарата, чиновничий произвол, аграрное перенаселение. Ситуацию еще более усложнила серия обрушившихся на страну природных бедствий: пожары (1876 г.), неурожаи (1876, 1879 гг.), эпидемия занесенной из Японии холеры (1879 г.). Результатом стали вспыхивавшие каждый год бунты, как на местах, так и в Сеуле. Бунтовали не только крестьяне и городская беднота, но и столичные солдаты, недовольные хроническими задержками с выплатой рисового довольствия (1877 г.). Деклассированное население городов и деревень сбивалось в шайки «поджигателей» (*хваджок*), которые нередко блокировали сообщение между различными районами страны. Объектами воровства и грабежей становились даже центральные административные органы в столице. Против «бандитов» высылались карательные отряды с пушками (1880 г.), но это не меняло общей ситуации. Недовольство населения японской торговой экспансией выражалось в нападениях на японских купцов. Камнями забросали и кортеж посетившего Сеул японского посланника Ханабусы при въезде в столицу (1879 г.). Хронический внутренний беспорядок, с которым слабеющий двор был не в силах справиться, являлся серьезным препятствием на пути развития местного капитализма. В то же время он давал японцам предлог для принятия в отношении Кореи более жестких мер «ради установления порядка в стране».

В условиях углубляющегося кризиса среди правящей верхушки постепенно консолидировались две враждебные друг другу группировки. С одной стороны, с установлением дипломатических отношений с Японией сановники двора получили доступ к информации о реальном положении дел в мире. Корейское посольство, посетившее Японию в 1876 г. (после подписания Канхваского договора), было поражено уровнем оснащения и выучки европеизированной японской армии, равно как и успехами Японии в заимствовании европейских технических новшеств: пароходов, телеграфа, и т. д. Представление о японцах как о «варварах» и самодовольная убежденность в том, что лишь Корея является «единственным подлинным хранителем» цивилизации, пока что не претерпели коренных изменений, но реальный расклад сил в мире и регионе стал видеться придворной элите совсем по-другому. Постоянной

темой для обсуждений во дворце стала беспокойная ситуация в мире, уподоблявшаяся эпохе «Воюющих Царств» (453–221 гг. до н. э.) в истории Древнего Китая, когда сильные государства безжалостно уничтожали более слабых соперников. Крепло осознание того, что в эпоху всевластия европейских держав формальный сюзерен Кореи, маньчжурский Китай, на практике не способен защитить страну от серьезной агрессии. Узкому кругу высших придворных из наиболее влиятельных *янбанских* кланов становилось все более ясно, что лишь заимствование достижений западной технологии, прежде всего военной, может спасти Корею от колонизации империалистическими державами. К реформаторской тактике подталкивал и пример Китая, проводившего в этот период политику «самоусиления» — заимствования западной технологии для военных и промышленных нужд, развития путей сообщения, поощрения первых зачатков индустриального производства. Seriously опасаясь, что военное бессилие Кореи приведет к захвату полуострова одной из европейских держав, (что, в свою очередь, создаст угрозу китайским границам), Китай также осторожно подталкивал сеульские власти к расширению международных связей и заимствованию собственного опыта по усилению армии. Реформаторские идеи находили поддержку у сравнительно небольшого числа столичных чиновников, в основном из числа учеников поздних *сирхакистов* (особенно активны были ученики Пак Кюсу — внука известного *сирхакиста* XVIII в. Пак Чивона). Заимствование «варварских» технических достижений оправдывалось модной в то время в реформаторских кругах Китая теорией, согласно которой «восточное Дао» (традиционная конфуцианская этика и политический строй) и «западные умения» могут уживаться друг с другом, т. е. ограниченные, контролируемые реформы «сверху» не угрожают привилегиям конфуцианской элиты. Идеи придворных реформаторов поддерживались некоторыми зажиточными *чуньинами* (в основном переводчиками и врачами), обогащавшимися на торговле с Китаем и Японией и имевшими доступ к выходившей в Китае литературе и современном западном мире. Однако серьезной массовой базы придворные реформаторы не имели. Мелкие и средние землевладельцы, составлявшие основную часть правящего класса, видели в вывозе аграрного сырья за границу прежде всего угрозу стабильности в деревне, а в распространении западных идей — угрозу освящавшей сословно-классовую систему страны конфуцианской идеологии.

Именно мелкие и средние землевладельцы, в подавляющем большинстве своем отчужденные от центральной власти, и составили основную опору идеологической оппозиции реформаторам в среде правящего класса — движению «против ереси, в защиту ортодоксии» (*виджон чхокса*). Идеологи движения — известные философы и литераторы Чхве Икхён (1833–1906), Ким Пхёнмук (1819–1888) и другие — утверждали, что западные державы, «ничем по натуре не отличаясь от дикий

зверей», «идут вразрез с небесными законами» и ведут «истинную» (т. е. конфуцианскую) цивилизацию к деградации и гибели. Действия империалистических держав описывались представителями этого направления в терминах глобальной, космической катастрофы: «устои Неба» рушились, «Путь древних государей и мудрецов» утрачивался, цивилизация возвращалась к первобытному состоянию. Воспринимая превращение традиционных обществ Китая и Кореи в периферию капиталистического мира в крайне идеологизированных терминах, вожди конфуцианской ортодоксии в то же время достаточно объективно отмечали конкретные негативные последствия капиталистической экспансии для Кореи. Так, они осознавали, что обмен корейского аграрного сырья на западные промышленные изделия, обогащая западную буржуазию и японских посредников, приводит корейское общество к кризису: если

Рис. 4. Ли Ханно — крупнейший идеолог конфуцианского консерватизма в Корее XIX в.

корейский спрос на иностранные фабричные изделия лишь увеличивает прибыль западных фабрикантов, то иностранный спрос на корейский рис, при ограниченности урожая, вызывает скачок в ценах и массовые голодовки среди бедноты. Идеологи конфуцианства вполне реалистично предсказывали, что экономическая и религиозная экспансия Запада и Японии в конце концов перерастет в вооруженную агрессию, направленную на окончательное закабаление страны. При этом на причины популярности католицизма среди определенной части крестьянства и горожан конфуцианские консерваторы смотрели вполне реалистично. Духовный наставник Чхве Иххёна и Ким Пхёнмука, известный

конфуцианский философ Ли Ханно (1792–1868), писал уже в начале 1860-х годов: «Причина того, что западные варвары так дерзко проникают в нашу страну — в том, что наши простолюдины симпатизируют им. Симпатизируют им простолюдины из-за ненависти к государству, а ненависть эта порождена разгулом взяточничества и вымогательства, отнимающих у народа надежду на спокойную жизнь». Привлечь народ вновь на сторону монархии можно было бы, по мнению Ли Ханно, через уравнильное наделение крестьянских хозяйств землей; но и он сам, и его ученики хорошо осознавали утопичность этой идеи для современной им Кореи.

Вопреки оптимистическим представлениям окружения Коджона о Японии как традиционном «друге и соседе», якобы «в корне отличном» от агрессивных западных держав, конфуцианская оппозиция утверждала, что вестернизированная Япония ничем не будет отличаться от своих западных «учителей» в области внешней политики. Конфуци-

анские философы настойчиво предупреждали двор, что для «японских зверей в человеческом облике» договор о «дружбе» с Кореей — лишь клочок бумаги: они приступят к прямой вооруженной агрессии при малейшей возможности. Однако никакой практической альтернативы модернизации по западному образцу ортодоксы предложить не могли. Их рекомендации сводились к безусловному отказу от любых контактов с «заморскими разбойниками». На случай же, если разгневанные «разбойники» попробуют вторгнуться в Корею, рекомендовалось «взять на службу талантливых и верных подданных из провинции», «казнить предателей» и вооружить простонародье для отпора врагу. Окружение Коджона, представлявшее себе боевую мощь вооруженной новейшими европейскими ружьями и пушками японской армии, не могло относиться к подобным советам серьезно. Но и пренебрегать конфуцианской оппозицией опасно ввиду влияния ортодоксов в провинции. В условиях хронического недовольства подавляющего большинства непривилегированного населения, выражавшегося в ежегодных бунтах во всех частях страны, правительство не могло рисковать потерей опоры в среде господствующего класса. В итоге, в 1876–1880 гг. какие-либо практические реформы не осуществлялись. Страна оставалась столь же беззащитна, как и в момент, когда ей был силой навязан Канхваский договор. В то же время в Японии аналогичный

Рис. 5. Китайская карта мира 1730 г., служившая в Корее важным источником представлений о мире вплоть до конца XIX в. В центр мира на этой карте помещены «центральные равнины» (т. е. сам Китай), а Европе отведено незначительное место на периферии.

период ознаменовался созданием первых современных частных банков (1876 г.), прокладкой первой железной дороги (1877 г.), основанием газеты «Асахи» (1879 г.), приватизацией построенных государством первых современных промышленных предприятий (1880 г.). В то время, как Корея теряла время, строительство современного капиталистического общества шло в Японии быстрыми темпами. В 1878 г. японский финансовый капитал приступил к экспансии на Корейском полуострове — в Пусане открылся первый филиал японского банка «Дайити Гинко», сыгравшего позднее существенную роль в подчинении корейской экономики японскому капиталу. В открытых портах началась беспрепятственная циркуляция японской валюты. Дальнейшее промедление в осуществлении реформ означало превращение Кореи в полностью зависимый придаток японского рынка. Однако толчок преобразованиям был дан не ухудшающимся со дня на день экономическим состоянием страны, а внешнеполитическими событиями 1880–1881 гг.

Рис. 6. Контраст между визуальными имиджами Японии и Кореи в конце XIX — начале XX вв — японский порт Йокогама (слева) и Чонно, центральная улица корейской столицы (справа). Электричество и зачатки современной промышленности уже появились в Корее (см. линии электропередачи и дымящиеся трубы на снимке справа), а вот каменная застройка западного типа оставалась большой редкостью. Выявившееся уже к началу 1880-х гг. отставание страны в плане построения современных общественных институтов, инфраструктуры и промышленности сделало «догоняющее» — прежде всего по отношению к Японии — развитие императивом для корейских интеллигентов-«западников».

б) Полуреформы 1880–1882 гг.

Толчком к осуществлению реформ послужила отправка посольства в Японию в мае 1880 г. Свита посольства, возглавлявшегося доверенным сановником Коджона Ким Хонджипом (1842–1896), включала 58 человек; среди них были ведущие представители позднего *сирхакизма*, глубоко заинтересованные в проводившихся режимом Мэйдзи реформах.

За время пребывания в Японии Ким Хонджип и его коллеги осознали, что Корея имеет дело с другой, новой Японией, непохожей на восточного соседа былых дней. «Налоги собираются в строгом соответствии с законом, в армии господствует жесткая дисциплина, полиция строго следит за порядком, на улицах совсем не видно бродяг и попрошайек, а торговля процветает» — докладывал посол государю по возвращении об облике модернизовавшейся Японии, столь отличавшейся от пораженной коррупцией и бандитизмом Кореи.

Явственно выявившееся отставание Кореи от ее близкого соседа во всех сферах внушало двору серьезную тревогу. Беспокойства добавило и содержание бесед с японскими дипломатами, старательно внушавшими совершенно неосведомленным о реальном положении дел в мире членам посольства, что Россия якобы питает в отношении Кореи агрессивные умыслы и желает отторгнуть у корейского государства близлежащие к границе северные земли. Готовясь сами к дальнейшей экспансии на Корейском полуострове, дипломаты режима Мэйдзи всеми силами пытались выставить себя в роли «братьев корейцев по расе и культуре», якобы стремящихся «защитить Корею и Азию в целом от белого христианского империализма». Эта расистская паназиятистская демагогия казалась корейской верхушке тем более убедительной, что похожую позицию занимала в этот период, в связи с неудачным ходом переговоров с Россией вокруг территориальных проблем в Синьцзяне в 1878–1880 гг., и китайская дипломатия. Особенно усердствовал в «разъяснении» корейским дипломатам исходившей от России «опасности» помощник китайского посланника в Токио Хуан Цзуньсянь (1848–1905), пользовавшийся в то время большим авторитетом как талантливый поэт и один из первых в Китае знатоков современного международного права. Не довольствуясь многочасовыми беседами, он даже написал и передал Ким Хонджипу для вручения государю Коджону короткий трактат, озаглавленный «Стратегия для Кореи» (*Чаосянь цзэлюэ*). Объявив Россию уже в первых строках «самой большой и самой опасной страной в мире, лелеющей мечты о завоевании всех окрестных территорий из-за холодного климата ее коренных владений», Хуан Цзуньсянь предложил Корее «отражать российскую угрозу» путем укрепления вассальных отношений с Цинами (которые «любят Корею более любых других вассальных владений»), а также союза с Японией и установления дипломатических отношений с Америкой. Как и Ким Хонджип, на прямой вопрос Коджона об опасности японской агрессии ответивший, что японцы «не имеют никаких злых намерений», Хуан Цзуньсянь проявлял поразительную наивность, не видя в росте влияния Японии на корейские дела угрозы позициям Китая на полуострове и не замечая реальной подоплеки японской политики в корейском вопросе. Менее наивными, однако, были предложения Хуана открыть китайским купцам доступ в корейские порты и послать корейских студентов на учебу в Китай, преследовавшие вполне определенную цель — закреп-

ление старой корейской зависимости от Китая в новых формах в новой системе международных отношений. Однако наибольшее внимание корейского двора привлек, конечно, лейтмотив трактата Хуана — лишь укрепление международных связей, скорейшее развитие торговли и предпринимательства, а также строительство современной армии и флота могут спасти Корею в эпоху «европейских захватов в Азии». Не только японские «варвары», но и официальный сюзерен Кореи, Китай, настаивали на скорейшем проведении преобразований.

Рис. 7. Хуан Цзуньсянь — известный дипломат и поэт позднечинского времени. В 1879 г. составил одно из первых в Китае описаний реформ Мэйдзи, ставшее настольной книгой для будущих китайских реформаторов. С 1882 г. служил генконсулом Китая в Сан-Франциско, где пытался принять меры к защите страдавшей от расизма и иммиграционных ограничений китайской диаспоры.

Приняв трактат Хуана за основу реформаторской программы, Коджон приказал разослать копии «Стратегии для Кореи» по провинциям, для ознакомления местного *янбанства*. В намерения Коджона входило, используя авторитет «сюзерена»-Китая, убедить консервативное большинство правящего класса в неотложности преобразований. Однако эффект оказался на деле противоположным. Подавляющее большинство *янбанов*, ознакомившихся с трактатом, безоговорочно осудило его с ортодоксальных позиций. Мнение консервативного большинства выразила петиция двору, поданная прямым потомком великого конфуцианца Ли Хвана (Тхвеге), Ли Мансоном, и подписанная более чем десятью тысячами его единомышленников. С одной стороны, ортодоксы справедливо отмечали, что, в отсутствие всяких реальных доказательств «агрессивных намерений» России, было бы абсурдно сколачивать антироссийскую коалицию с участием гораздо более опасного для Кореи соседа — Японии. С другой стороны, бессмысленными объявлялись даже самые простые технические заимствования у Запада: «У нас издревле имелись добрые установления в сельском хозяйстве и ремесле, и зачем их менять?» Если петиция Ли Мансона требовала «всего лишь» наказания Ким Хонджипа «за ввоз еретической литературы» и уничтожения всех экземпляров злополучного трактата, то ряд индивидуальных петиций от особенно горячих ревнителей ортодоксии содержал даже личные нападки на Коджона, обвинявшегося в «измене делу совершенномудрых государей прошлого». Правительство жестоко репрессировало авторов наиболее резких петиций, но отрицательного настроения в основной массе привилегированного класса по отношению к планам реформ «сверху»

расправы с критиками изменить, конечно, не могли. В стране, где к моменту столкновения с империалистической экспансией извне еще не созрели даже семена нового, капиталистического уклада, обусловленные внешними импульсами реформаторские планы власти были лишены сколько-нибудь серьезной поддержки.

Рис. 8. Чхве Икхён — один из признанных лидеров консервативного конфуцианского движения конца XIX в. В 1881 г. протестовал против правительственных репрессий в отношении единомышленников Ли Мансона. Считался «совестью общества» — среди простонародья был известен как «Чхве — верный и преданный чиновник».

Несмотря на отсутствие консенсуса в обществе, Коджон приступил в конце 1880 г. к реализации — пока что достаточно скромной — реформаторской программы. Первой важной мерой была организация, по модели, уже использованной реформаторами в Китае, качественно нового центрального министерства — *Общего Управления Государственными Делами (Тхонни киму амун)*. Новообразованное учреждение было призвано отвечать, прежде всего, за дипломатию «нового образца», целью которой было заимствование современной техники, посылка студентов и специалистов на учебу за рубеж, и т. д. Одним из первых начинаний Общего Управления была отправка в 1881 г. придворной делегации (*чоса сичхальдан*) на более чем четырехмесячную стажировку в правительственные учреждения Японии. С учетом сложной политической ситуации в стране, делегация отправилась в Японию тайно. Официальным титулом двенадцати членов делегации был «тайный ревизор» (*амхэн оса*), а финансирование поездки производилось из личных средств Коджона. К каждому из членов делегации было прикреплено по несколько сопровождающих и персональный переводчик. Это должно было облегчить посланцам Коджона их нелегкую работу — в короткий срок перевести с японского на классический китайский (официальный язык корейской бюрократии) и проанализировать основную документацию японских министерств и ведомств, а также составить отчет о положении дел в различных сферах государственного управления или общественной жизни. С немалой помощью японских чиновников, заинтересованных в популяризации японской модели реформ в Корее, корейским стажерам удалось составить подробнейшие отчеты по состоянию дел в японской дипломатии (включая переводы всех японских договоров с западными державами и основных пунктов западного дипломатического протокола), армии, государственной казне, полиции, и т. д. Отчет о японской промышленности включал, в частности, первые в истории корейской технической мысли описания работы паровых двигателей и электрогенераторов. Важными успехами делега-

ции был и перевод японских руководств по сельскому хозяйству, промышленному производству стекла, и т. д. Несколько человек из числа сопровождающих осталось в Японии на дальнейшую учебу. Двое из них, Ю Гильджун (1856–1914) и Юн Чхихо (1865–1945), впоследствии отправились на учебу в США и прославились как реформаторские лидеры. В целом, стажировка корейской делегации в Японии в 1881 г. была первым серьезным знакомством корейской элиты с современной промышленностью и армией, механизмом работы капиталистической государственности. Общим мнением участников поездки было то, что промедление в реформах армии и государственного аппарата, создании современной индустрии (прежде всего военной) грозит Корее неизбежным поражением в случае военного столкновения с западными державами. Такой же вывод сделал из отчетов и рассказов своих придворных и Коджон. Однако при этом необходимо отметить, что как большинство делегатов, так и сам государь выступали лишь за технологическую модернизацию — заимствование современной техники и бюрократических институтов. При этом страна должна была, по их замыслу, остаться конфуцианской монархией, не допуская распространения христианства или западной политической идеологии. Внешние символы глубокой вестернизации японского общества периода Мэйдзи — такие, как западное платье, многоэтажные каменные дома и европейская кухня — вызывали у большинства членов корейской делегации лишь презрение к «идейной неустойчивости» восточных соседей. Но даже частичные консервативные реформы «сверху», за которые выступало правительство Коджона, вызывали жестокое неприятие у большинства *янбанов*. Сторонники же более радикальных преобразований вообще являлись абсолютным меньшинством — даже из членов корейской делегации 1881 г. лишь двое проявили интерес к кабинетной правительственной системе и местному самоуправлению. Корейское общество как целое проявляло пока что неготовность к серьезным социально-политическим преобразованиям.

Рис. 9. Традиционная корейская начальная школа (*содан*).

Фотография сделана американским астрономом Персивалем Лоуэллом (1855–1916), путешествовавшим по Корее в 1883 г.

С программой технологических инноваций было связано и другое проведенное Общим Управлением мероприятие — посылка более чем восьмидесяти корейских чиновников и ремесленников на учебу в Тяньцзиньский арсенал (1881 г.). По замыслу двора, там они должны были освоить производство ружей Маузера, пушек по технологии крупновских заводов, а также современные методы изготовления пороха и даже основы электротехники. Эта попытка «пересадить» европейские технические достижения на корейскую почву через посредство Китая оказалась, однако, неудачной. Выяснилось, что у большинства корейских стажеров не хватает подготовки и навыков даже для освоения новых технологий при помощи хорошо знакомого им классического китайского языка. Технологический разрыв между Кореей и окружающим миром оказался гораздо серьезнее, чем предполагал корейский двор. Кроме того, эффективному обучению мешали перебои с финансированием. В итоге, уже через год стажерам пришлось покинуть Китай. Их основным достижением можно считать закупку и ввоз значительного количества европейской технической литературы на китайском языке, а также партии современного ручного оружия.

С точки зрения дворцовых реформаторов, главной целью преобразований было укрепление армии, создание вооруженных и обученных на современный манер элитных частей. К решению этой задачи двор приступил в 1881 г., отобрав 80 лучших бойцов из столичных частей, сведя их в «Подразделение Особых Умений» (*Пёльгигун*), вооружив современным стрелковым оружием (ружья Пибоди) и поставив под команду одного из прикрепленных к японской миссии в Сеуле японских офицеров. Подразделение это, личный состав которого вскоре был увеличен до 400 человек, по замыслу Коджона, должно было исполнять роль дворцовой гвардии и модели для реформы всей армии в будущем. Сам факт появления в Корее прообраза современной армии имел, несомненно, большое значение. В то же время ясно было, что 400 бойцов нового подразделения вряд ли смогли бы защитить Корею, скажем, от нападения насчитывавшей в мирное время до 40 тыс. солдат и офицеров, комплектовавшейся на основе всеобщей воинской повинности и обученной европейскими специалистами армии Японии. Для преодоления отсталости в военном деле Корея тоже должна была бы ввести всеобщую воинскую повинность и выйти по численности военнотружущих хотя бы на японский уровень, но для этого у режима Коджона не было ни средств, ни административных возможностей. В то время как сотни японских офицеров проходили обучение и стажировку в Европе, у Коджона хватило средств и возможностей только на отправку троих корейских военнотружущих на учебу в японское военное училище в 1881 г. Но даже «зачаточная» по масштабам военная реформа 1881 г. вызвала в военном ведомстве Кореи финансовый кризис. В то время, как 400 солдат нового подразделения исправно снабжались всем необходимым, выдача рисового жалованья солдатам тради-

ционных столичных подразделений (около 5 тыс. человек) задерживалась более чем на 13 месяцев! Результатом растущего недовольства корейских военных стал армейский бунт 1882 г. (см. ниже).

Соглашаясь с дипломатами Китая в том, что установление дипломатических и торговых связей с основными западными державами может в перспективе сдержать «агрессию» со стороны России, корейский двор вел в 1881–1882 гг. активную подготовку к заключению договора, прежде всего, с США. Договор был в итоге подписан в 1882 г. при активном посредничестве Китая на весьма выгодных для корейской стороны условиях. Корея признавалась в договоре «суверенным государством», а ввозные пошлины на американские товары устанавливались на уровне 10–30%, что в будущем могло позволить Корее защитить свою промышленность от иностранной конкуренции. Предоставляя американским гражданам в Корее привилегию экстерриториальности (неприкосновенности и неподсудности местным законам), договор в то же время предусматривал, что эта привилегия может быть отменена в случае, если корейская судебная система будет реформирована по европейскому образцу. Корея и Китай попытались затем включить столь же выгодные для Кореи условия и в текст корейско-английского договора, но натолкнулись на отказ правительства Великобритании его ратифицировать. Дело было в том, что торговавшие со странами Дальнего Востока британские торговые фирмы заявили решительный протест, предупреждая, что выгодные для Кореи тарифы на импорт могут создать прецедент, которым воспользуется впоследствии и Китай в утверждении протекционистских таможенных пошлин. В итоге длительных и сложных переговоров корейской стороне пришлось в 1883 г. подписать крайне невыгодный договор, устанавливавший тарифы на ввоз британской продукции в размере 5–20%, и пошлину в 7,5% на импорт главного британского товара, тканей. Учитывая, что именно Великобритания была основным экспортером промышленных товаров на Дальний Восток, это означало провал попыток Кореи проводить протекционистскую политику в отношении собственной промышленности.

В целом, полуреформы 1880–1882 гг., вдохновленные информацией об изменениях в международной ситуации и переменах у соседей, не дали результатов. Хотя придворная элита и получила в этот период более ясное представление о современном мире, Корея по-прежнему не обладала ни современной армией, ни собственной индустрией. Бюрократический аппарат продолжал функционировать на традиционных принципах, а хроническая коррупция на местах оставалась почти непреодолимым препятствием для торгово-промышленной деятельности. Не облагаемый таможенными пошлинами ввоз европейских товаров через Японию разрушал совершенно не приспособленное к международной конкуренции традиционное ремесленное производство. И, самое важное, консервативные настроения продолжали господствовать как в

среде недовольных уступками «заморской ереси» конфуцианских «верхов», так и среди страдавших от негативных последствий включения Кореи в орбиту западной экспансии «низов». Недовольство новшествами ложилось на почву всеобщего возмущения официальной коррупцией, а также всевластием при дворе клана Минов — родственников жены и матери Коджона. Итогом растущего недовольства стала вспышка консервативной реакции — военный бунт 1882 г., еще более осложнивший внутреннее и международное положение страны.

в) Военный бунт 1882 г. и усиление китайского влияния в Корее

Начало 1880-х годов было отмечено общим ростом недовольства «низов», и более чем двухсоттысячное население столицы не являлось исключением. Значительную часть сеульских жителей составляли переселенцы из провинции, пытавшиеся спастись в столице от безземелья и произвола. Именно по этой люмпенизированной части населения жестче всего ударило повышение цен на продукты, связанное с вывозом риса и бобовых в Японию. Недостаток продовольствия, невозможность найти работу в разорявшихся в конкуренции с иностранными товарами ремесленных предприятиях приводили к криминализации низших слоев столичного населения. Разбой и грабежи, делавшие практически невозможным передвижение по столице ночью, часто были направлены против тех, кого простонародье считало ответственными за свои бедствия. Регулярным нападениям банд бродяг и воровским «рейдам» подвергались как дома наиболее ненавистных придворных из клана Минов, так и дворцовые здания, храм предков государевой семьи — символы власти и престижа правящей династии. В анналах полицейского управления (*пходочхон*) столицы за 1870–90-е годы насчитывается семь попыток проникнуть в дворцовые здания с целью воровства драгоценностей со стороны бывших солдат, бродяг и профессиональных воров — явление, не наблюдавшееся в предыдущие десятилетия. Стычки деклассированного населения с городской стражей иногда принимали характер уличных побоищ. Так, в мае 1884 г. несколько десятков «бандитов с факелами» (*хваджжок*) среди бела дня напали на четырех стражников (*пхогё*) на мосту Квантхонгё в самом центре Сеула и жестоко покалечили их на виду у толпы. Известность получил случай, когда некто Ким Хангу, бывший солдат родом из провинции Канвон, подделал в 1879 г. государеву печать и начал торговать поддельными документами о сдаче государственных экзаменов и назначении на чиновные посты. Объектами подделки становились и генеалогические книги государева клана и знатных *янбанских* семей.

Общее недовольство властью яснее всех выражали солдаты столичных частей, месяцами не получавшие жалованья и жившие впроголодь

на доходы от мелочной торговли и наемного труда. Их недовольство выливалось в акции протеста и в прошлом. Например, в 1877 г., не получив жалованья за несколько месяцев, они собрались в центре столицы и вывесили на видных местах копии челобитной с описанием своего бедственного положения. Зачинщики этой своеобразной «демонстрации» были сурово наказаны, но жалованье солдаты в конце концов получили. Объектом особой ненависти с их стороны были пользовавшиеся вниманием власти бойцы «Подразделения Особых Умений» (*Пёльгигун*). Обстановку еще более накаляли слухи о готовящейся реорганизации всех столичных частей по японскому образцу и планирующихся сокращениях личного состава. Тревога за свое будущее смешивалась у солдат с ненавистью к Японии, связанной прежде всего с губительным для корейской торговли и ремесла характером корейско-японской торговли.

Ростом «низового» недовольства решил воспользоваться отстраненный от власти Тэвонгун, рассматривавший политику реформ как «гибельное предательство» и считавший жизненно необходимым отстранение «неразумного юнца» Коджона от власти и возвращение к прежнему курсу. Уже в 1881 г. сторонники Тэвонгуна замыслили военный переворот, который должен был бы привести на трон побочного сына Тэвонгуна. Заговор был раскрыт, и побочный сын Тэвонгуна отправлен в ссылку и убит, но это только усилило враждебность бывшего правителя Кореи по отношению к новой власти и новому курсу. В конце концов, видя рост недовольства в столице, Тэвонгун через лично преданных ему людей установил связи с популярными среди солдат столичного гарнизона лидерами и ждал только момента, когда вспышка народного гнева снова передаст власть в его руки. Таким образом, конфуцианский консерватизм «сверху» и недовольство произволом, коррупцией и разорительным наплывом иностранных товаров «снизу» объединились в итоге для борьбы против «полуреформ» Коджона. Курс на ограниченные перемены всего за два года привел страну к политическому кризису.

Ожидавшаяся консерваторами «наверху» вспышка недовольства «низов» произошла в июне 1882 г., когда Управление Налогов и Выплат (*Сонхечхон*) приступило, наконец, к выдаче столичным солдатам задержанного за 13 месяцев (!) жалованья. Очень скоро радостные ожидания обнищавших солдат сменились вспышкой гнева: как выяснилось, чиновники, разворовав часть рисового жалованья, подмешали в оставшийся рис солому и песок, чтобы он соответствовал нормам по объему! Перепалка между солдатами и чиновниками перешла в драку, после чего несколько солдат было арестовано и подвергнуто пыткам. Слухи о том, что арестованных могут казнить, переполнили чашу народного терпения. Попытавшись выручить арестованных через петицию властям и не добившись успеха, родственники, соседи и сослуживцы — в основном обитатели бедняцких восточных и юго-восточных предместий столицы — начали громить чиновничьи усадьбы и расправляться с корруп-

пированными бюрократами. Первыми жертвами народного гнева, что и не удивительно, стали начальник Управления Налогов и Выплат Мин Гёмхо и его подчиненные, а за ними — другие члены клана Минов и их клевреты. Надежды Коджона, что вмешательство Тэвонгуна сможет успокоить толпу, оказались наивными: делая вид, что он «умиряет» восставших, Тэвонгун на деле включил в руководство движения своих людей, которые прилагали все усилия, чтобы превратить бунтующих простолюдинов в исполнителей воли Тэвонгуна и его фракции. Усилия их увенчались успехом. Видя в Тэвонгуне конфуцианского политического лидера, способного «изгнать варваров» из страны и восстановить нарушенные реформами «пути древних государей», восставшие сконцентрировали свои усилия на истреблении противников Тэвонгуна, прежде всего членов клана Минов. Разрушению подверглись даже буддийские храмы, в которых любила молиться главная противница Тэвонгуна — государыня Мин. С благословения Тэвонгуна, бунтующая толпа напала на казармы «Подразделения Особых Умений», убив при этом тренировавшего солдат японского офицера. Линчеванию подверглись и пытавшиеся выручить соотечественника сотрудники японской миссии. Всего было убито 13 японских подданных. Толпа подожгла также японскую миссию и попыталась расправиться с посланником и его свитой, но последние, отстреливаясь от преследователей, добрались до порта Инчхон (традиционное название — Чемульпхо), где были подобраны английским кораблем «Летучая Рыба» (Flying Fish), который доставил их в Японию. Учитывая, сколь разрушительны торговые отношения нового типа с Японией были для традиционного аграрного общества Кореи, накал антияпонских настроений в стане бунтовщиков вполне можно понять. Однако полное непонимание подстрекавшим их Тэвонгуном норм современного международного права, рассматривающих нападение на дипломатов как *casus belli* (достаточную причину для начала военных действий), имело трагические последствия для Кореи, оказавшейся в итоге объектом иностранного вмешательства.

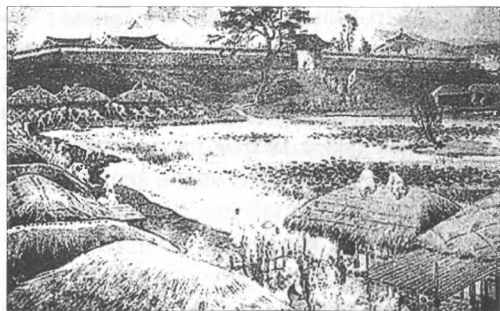

Рис. 10. Так изображает современный южнокорейский художник солдатский бунт 1882 г. в корейской столице

«Очистив» столицу от японцев, членов клана Минов и их сторонников, восставшие пошли на невиданное по тем временам нарушение традиционной этики общественных отношений. Толпа бунтовщиков ворвалась во дворец, желая расправиться с государыней Мин. Не найдя ее — государыне чудом удалось бежать и скрыться в поместье родственников в провинции, — восставшие учинили во дворце погром, истребляя как особо ненавистных сановников, так и всех попадавших под руку дворцовых служителей (14 июля). Этот инцидент хорошо показывает, сколь низко пал авторитет правящей династии. В конце концов, чувствуя угрозу и своей личной безопасности, Коджон вынужден был формально санкционировать приход Тэвонгуна к власти (25 июля). Торжественно вступив, по приветственные крики толпы, во дворец, добившийся своего Тэвонгун сразу же отменил практически все реформы 1880–1882 гг., упразднив Общее Управление Государственными Делами (*Тхонни киму аmun*) и распустив «Подразделение Особых Умений». Кроме того, он попытался навести порядок в налоговой политике, отменив ряд особенно ненавистных простолюдинам поборов. Относительно легкая победа консерватизма «сверху», поддержанного недовольными как развалом старой системы, так и экспансией капитализма из-за рубежа столичными «низами», хорошо показала, сколь эфемерны были результаты «преобразований» 1880–1882 гг. Попытка части верхов в отсталой и консервативной стране провести хотя бы самые элементарные реформы самостоятельно, с использованием китайских и японских образцов, но без прямого зарубежного вмешательства, потерпела полный крах. Однако и режим Тэвонгуна не имел реальных перспектив: Китай и Япония, имевшие в Корее как экономические, так и политические интересы, не могли допустить возврата к конфуцианской ортодоксии на правительственном уровне. В сложившейся кризисной ситуации иностранное вмешательство и потеря страной значительной части независимости были, по сути, неизбежны.

Как только японский посланник вернулся на родину и доложил о произошедшем, в правительстве началась серьезная дискуссия о возможности «легитимной» войны с Кореей. Обстановку накаляла и «патриотическая» пресса, раздувавшая антикорейские настроения. С учетом неготовности Японии к возможной войне с формальным сюзереном Кореи, Китаем, решено было, однако, ограничиться для начала предъявлением Тэвонгуну ультиматума с целым рядом требований. Требования включали не только компенсацию за гибель японских подданных, но и расширение торговых возможностей для Японии на полуострове (в частности, частичное открытие корейской столицы для японской торговли). Японского посланника, отправленного в Сеул предъявлять двору этот ультиматум, сопровождал батальон пехоты и семь военных судов. В случае отказа корейского правительства принять требования, инструкции предписывали посланнику оккупировать порт Инчхон и ожидать даль-

нейших указаний, т. е. приступить к подготовке агрессии против Кореи. Как и можно было ожидать, ультиматум, предъявленный посланником в крайне грубой форме на аудиенции Коджону (20 августа), был решительно отклонен Тэвонгуном. Вооруженных действий японцы, однако, начать не осмелились: у берегов столичной провинции уже стояла китайская флотилия (3 корабля) с 3 тыс. солдат на борту. Ожидая — и вполне оправданно, — что Япония использует инцидент для упрочнения своих позиций на полуострове путем дипломатического давления или открытой агрессии, Китай поспешил защитить свои интересы в Корее. Согласие на вооруженное вмешательство в корейские дела было официально получено цинским правительством от двух находившихся в Тяньцзине корейских дипломатов (Ким Юнсика и О Юнджуна), принадлежавших к фракции Минов и являвшихся сторонниками умеренной реформаторской линии. Реформаторы, таким образом, фактически признали, что собственными силами режим Коджона провести преобразования неспособен. Имея инструкции восстановить Коджона у власти и урегулировать корейско-японский конфликт, не нанося ущерба «сюзеренитету» Китая над Кореей, китайский командующий Ма Цзяньжун (1845–1899) арестовал Тэвонгуна (похитив фактического правителя Кореи во время торжественного дипломатического обеда) и отправил его в ссылку в Тяньцзинь, а также учинил кровавую расправу над восставшими. Государыня Мин (которую в столице считали погибшей) вернулась во дворец, а Коджон снова взял власть в свои руки. Впрочем, назвать его полномочия «властью» в полном смысле слова было уже затруднительно. Осознавая, что положение Коджона и государыни Мин непрочны, Китай с сентября 1882 г. особым эдиктом практически поставил Корею под свою прямую опеку. Трехтысячный экспедиционный корпус остался в Корее постоянно, вместе с китайским «резидентом», получившим право «направлять» корейскую политику, как внутреннюю, так и внешнюю. Провозглашенные в октябре 1882 г. цинским двором в качестве отдельного эдикта «Правила торговли с Кореей» (практически корейско-китайское торговое соглашение) давали наделенным экстратерриториальностью китайским торговцам право на ведение дел как в Сеуле (беспрепятственно), так и в провинциях (с разрешения местных властей). Эти привилегии означали, что губительный для корейского ремесла наплыв дешевых и качественных европейских товаров в страну усилится при помощи китайских купцов-посредников. Под контроль китайских офицеров попала и основная часть столичного гарнизона. Соглашение, подписанное в итоге корейским двором с японской стороной при посредничестве Ма Цзяньжуна (так называемый «Чемульпхоский договор»), обязывало Корею выплатить весьма обременительную компенсацию (500 тыс. иен; для сравнения, весь военно-морской бюджет японского правительства в 1880 г. составлял 2 млн. 600 тыс. иен) и давало японцам право разместить при японской миссии в Сеуле батальон солдат, а также торговать в столице.

Своевременное вмешательство Китая предупредило возможную японскую агрессию на полуострове, противостоять которой у Тэвонгуна все равно не хватило бы сил. Оно же, однако, закрепило и полуколонизальное, по сути, положение Кореи по отношению к Китаю, сделало возможным беспрепятственную эксплуатацию корейского рынка китайским торговым капиталом. Правительству Коджона предстояло теперь проводить реформаторскую политику под китайским контролем и при опоре на китайские штыки, что делало умеренную модернизацию «сверху» еще менее популярной в стране, да и ограничивало масштаб самих реформ. В политике, способной сделать Корею сильным и независимым государством с боеспособной современной армией, Китай заинтересован не был. В целом, полуколонизальный статус страны по отношению к консервативной Цинской империи делал серьезные радикальные реформы практически неосуществимыми. Кроме того, с одновременным размещением в столице китайских и японских войск Корея превратилась в арену потенциального военного противостояния двух сильных соседей. Будущее страны было поставлено под угрозу.

г) Закрепление китайского господства и складывание радикальной реформаторской группировки (1882–1884 гг.)

Восстановив путем силового вмешательства власть Коджона и встав на пути японской экспансии в Корею, Китай взял курс на укрепление своих позиций в стране, превращение традиционного формального вассалитета в реальный. Верховный контроль над корейской армией попал в руки китайского полководца У Чанцзина (1833–1884), командующего расквартированными в Сеуле китайскими силами. Один из его подчиненных, молодой офицер Юань Шикай (1860–1916), позже сделавший на родине головокружительную карьеру и сыгравший значительную роль в судьбах Китая в начале XX в., принял ответственность за формирование вооруженных сил «нового образца», взамен распущенного «Подразделения Особых Умений».

Рис. 11. Юань Шикай — после возвращения из Кореи стал одной из опор режима вдовствующей императрицы Цы Си, с 1901 г. был губернатором центральной провинции Чжили и отвечал за реорганизацию армии. С 1907 г. — министр иностранных дел Китая. После Синьхайской революции 1911–1912 гг. сумел сосредоточить всю власть в своих руках, до самой смерти являясь фактическим военным диктатором (формально — президентом) Китая. Пытался, хотя и неудачно, также провозгласить себя «императором».

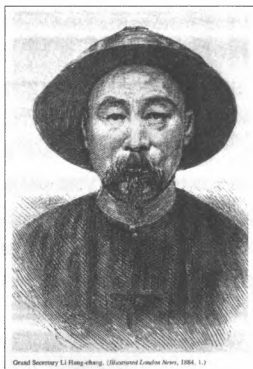
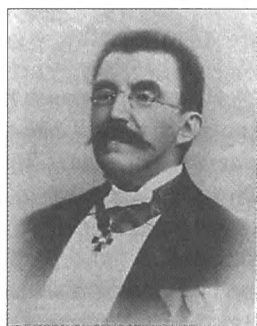

Рис. 12. Ли Хунчжан — начал свою карьеру участием в подавлении крестьянского восстания *тайпинов* в конце 1850 — начале 1860-х годов, а с 1870-х годов практически возглавил дипломатические сношения Китая с европейскими державами и Японией. Покровительствуя первым китайским капиталистам современного типа (и имея свою долю во многих индустриальных и торговых предприятиях позднего Цинского Китая) и активно привлекая европейские технологии и советников, Ли Хунчжан стремился использовать противоречия между европейскими державами для сохранения целостности Цинской империи и остатков ее влияния в регионе. (Рисунок из Illustrated London News, 1884).

Навербованная Юань Шикаем новая дворцовая гвардия (*чхингун*), численностью в две тысячи бойцов, была вооружена китайским оружием и обучалась цинскими офицерами. По сути, она должна была служить укреплению господствующих позиций Китая в Корее и предназначалась, прежде всего, для подавления антикитайских выступлений. В административной области, Общее Управление Государственными Делами было, по китайскому образцу, поделено на Внешнее и Внутреннее Управления (*Веамун* и *Нэамун* соответственно). Если первое отвечало за дипломатию и внешние сношения, то второе — за чеканку монеты, развитие торговли и производства, морскую таможню, и т. д. Во главе обоих ключевых учреждений встали или консервативные политики из группировки Минов, или близкие к ним умеренные реформаторы из других кланов, выступавшие за постепенные преобразования по китайскому образцу, с сохранением абсолютизма и сословных привилегий. Их деятельность «направляли» цинские советники, практически захватившие ключевые административные области в свои руки. Из группы назначенных по китайской «рекомендации» советников выделялся немецкий востоковед Пауль Георг фон Мёллендорф (1848–1901) — первый европеец, принятый в Корее на государственную службу с XVII века. Мёллендорф, с его знанием мировой ситуации, а также китайского и европейских языков, должен был возглавить рождавшуюся в начале 1880-х годов «новую» дипломатию, а также основать в Корее портовую таможню по образцу китайской. Протеже фактического правителя северного Китая Ли Хунчжана (1823–1901), служивший до приезда в Корею на китайской таможне, Мёллендорф занял, однако, достаточно независимую позицию, защищая прежде всего интересы Коджона. Консервативное руководство Внешнего и Внутреннего Управлений было согласно проводить реформы лишь постольку, поскольку они не угрожали «стабильности» режима и китайским интересам на полуострове. Практически все осуществленные прокитайскими бюрократами мероприятия были, так или иначе,

связаны с китайскими интересами: первые корейские торговые пароходы приобретались в Шанхае, преподавать английский язык молодым корейским дипломатам приглашались китайские переводчики, и т. д. Однако ряд молодых сотрудников Внешнего Управления, ориентировавшихся на Японию и бравших радикальную модернизацию восточного соседа режимом Мэйдзи за образец, решительно выступали против закрепления полуколониального статуса страны. В конце концов, их конфликт с консервативным прокитайским большинством вылился в 1884 г. в попытку государственного переворота.

Рис. 13. Пауль Георг фон Мёллендорф, снимок сделан после возвращения из Кореи в 1885 г. Поступив на корейскую службу по рекомендации Ли Хунчжана, Мёллендорф старался, тем не менее, защищать интересы корейского двора — так, как он их понимал, — и своих политических союзников из клана Минов. В 1884–85 гг., вопреки воле Китая, активно содействовал Коджону в налаживании и укреплении дипломатических связей с Россией. В записке, переданной в марте 1885 г. российскому посланнику в Токио Давыдову, он писал, что корейское государство «может нормально развиваться лишь в том случае, если третья держава, более сильная, чем Япония и Китай, возьмет ее под свою защиту. Этой державой может быть только Россия (...) Русскому правительству должно быть предоставлено определить отношения Кореи с Россией и высказаться за соглашение и гарантии нейтралитета и целостности Кореи (...) В любом случае было бы полезно поднять русское влияние в Корее». Идеи о придании Корее нейтрального статуса под гарантиями держав, в том числе России, были популярны уже с середины 1880-х годов среди немецких дипломатов на Дальнем Востоке, но вряд ли реализуемы в условиях империалистического соперничества в регионе.

Китайские чиновники и военные вели себя в Сеуле как у себя дома и часто блокировали жизненно важные для страны реформы, причем в откровенно вызывающей форме. Цинские солдаты чинили произвол по отношению к жителям Сеула. Скажем, они «прославились» избиениями и даже убийствами тех торговцев, что осмеливались требовать с незваных гостей плату за уносимые без разрешения из лавок товары. Грабежи, изнасилования и убийства, которые совершали китайские военные, были практически ненаказуемы. Солдаты «старшего государства» находились вне корейской юрисдикции, а китайские военачальники, откровенно презиравшие корейских «вассалов», отказывались принимать жалобы потерпевших. Считая себя хозяевами страны, цинские представители в Сеуле не скупились на грубые провокационные жесты. Так, на одном из городских ворот было приказано повесить надпись крупными иероглифами: «Корея — вассал Китая». Об учениях цинских войск в Сеуле, сопровождавшихся пушечной и ружейной стрельбой, корейский двор даже не предупреждали. Стоило корейским чиновникам выразить

малейшее недовольство, как цинские мандарины тут же грозили увеличить расквартированный в столице китайский контингент. Более того, корейская сторона была осведомлена и о том, что в среде приближенных Ли Хунчжана ходили разговоры о возможном включении Кореи в состав Китая на правах обычной провинции. Коджон и его ближайшее окружение, явственно ощущая, что, в конце концов, китайское влияние угрожает судьбам корейской монархии, постепенно проникались антикитайскими настроениями. Однако, не считая возможным встать в открытую оппозицию к Цинам, поддержка которых была столь важна перед лицом внутренней оппозиции и внешних угроз, Коджон думал уравновесить китайское присутствие развитием контактов с другими странами.

Поскольку сильнейшая империалистическая держава того времени, Великобритания, заинтересованная прежде всего в китайском рынке сбыта для своих товаров и в Китае как противовесе России на Дальнем Востоке, делала в начале 1880-х годов в своей дальневосточной политике ставку на укрепление цинской сферы влияния в регионе, то объектом самого пристального интереса со стороны Коджона стали США. Коджон, который, по выражению его придворных, «плясал от радости» по прибытии американского посланника Л. Фута в Сеул (май 1883 г.), вскоре послал в США первую корейскую миссию под началом одного из самых авторитетных молодых членов клана Минов, Мин Ёньика (1860–1914). Сопровождали первого корейского посла в Америку представители молодой реформаторской группировки Внешнего Управления — Ю Гильджун, Со Гванбом (1859–1897), Хон Ёнсик (1855–1884), и другие. Всем им предстояло вскоре сыграть активную роль в борьбе реформаторов с их консервативными оппонентами. Современная индустрия и военная мощь США произвели на корейских посланцев неизгладимое впечатление: по выражению Мин Ёньика, он, «родившись во тьме, наконец-то увидел свет».

Рис. 14. Члены первого в истории корейского посольства в США (Сан-Франциско, 1883). Второй слева в первом ряду — заместитель посла Хон Ёнсик. В середине первого ряда — сам посол Мин Ёньик. Крайний справа в первом ряду — работавший на таможне в Инчхоне китаец У Литан, обучавшийся в США и хорошо говоривший как по-английски, так и по-корейски. В самой Корее квалифицированных переводчиков с английского языка пока что не было...

Однако ни возможностей, ни намерения помочь Корее избавиться от полукOLONиальной зависимости у США не было. Американская актив-

ность на полуострове в 1880-х годах ограничилась в основном миссионерской и образовательной деятельностью. Той части корейской элиты, которая ставила своей целью достижение страной независимости от цинского двора и быстрое проведение радикальных реформ, нужен был другой союзник.

Ряд молодых реформаторов — в основном те из них, кто бывал в Японии с дипломатическими миссиями и имел связи в японских правящих кругах, — считал, что таким союзником может стать Япония, как родственное по культуре соседнее государство, достигшее самых больших в Азии успехов в модернизационной политике. Мировоззрению этой группировки, формировавшемуся в основном в процессе тесных контактов с японскими либеральными кругами, была свойственна открыто прозападная ориентация, откровенно критическая позиция по отношению к конфуцианской традиции. В отличие от Коджона и большинства его приближенных, считавших достаточным заимствование западной технологии (в основном военной) и некоторых бюрократических форм, радикалы про-японского толка видели источник «богатства и силы» как западных стран, так и Японии, в нормах правовой буржуазной государственности, власти закона, равенстве подданных перед законом, твердых гарантиях личной свободы и собственности. Воздерживаясь, как правило, от публичной критики конфуцианских норм, радикалы, как и их японские единомышленники, считали распространение христианства, как основы европейской культуры, благоприятным для развития страны, призывали всемерно способствовать деятельности европейских и американских миссионеров в Корее. Именно среди наиболее молодых по возрасту членов этой группировки, отправившихся на обучение в США и Японию, появились первые корейские интеллигенты, перешедшие в протестантизм и ставшие в итоге (к 1890-м годам) открытыми противниками конфуцианских традиций. Идеализируя западные конституционные формы — как республиканскую демократию американского типа, так и английскую конституционную монархию, — радикалы считали реально достижимой на первом этапе для Кореи «прогрессивную олигархию» японского образца, когда от имени монарха страной на деле правят ориентированные на модернизацию профессиональные бюрократы. В целом, радикальная группировка рассматривала передовые государства Запада как идеальную модель, а Японию — как реальный пример «догоняющей» модернизации для слаборазвитой страны. Один из лидеров радикалов, Ким Оккюн (1851–1894), любил повторять, что, в то время,

Рис. 15. Корейский посол Мин Ёньгук. 1883 г.

как Запад пришел к «богатству и силе» в течение нескольких сотен лет постепенного развития, Япония преодолела гигантскую историческую дистанцию немногим более, чем за десятилетие. «Лишь следование опыту Японии спасет Корею от неизбежной для слабого и отсталого азиатского государства колонизации европейцами», утверждал реформатор.

Конкретные планы радикалов, формировавшиеся на основе японского опыта, можно свести к «капиталистической революции сверху» — ускоренному буржуазному развитию под контролем и при посредстве сильного бюрократического государства. Предлагалось укрепить государственные финансы за счет рационализации налоговой системы (перехода к твердому поземельному налогу по японскому образцу) и внешних займов, заняться строительством современной промышленно-торговой инфраструктуры (прежде всего дорог), наладить современную банковскую систему, поощрять разработку рудников, строить образцовые предприятия тяжелой промышленности за государственный счет и потом передавать частным капиталистам (как и делалось в Японии), а также отменить все традиционные торговые монополии и льготы внутри страны, поощряя развитие капитализма в современных формах — акционерных обществ. Социальным фоном для радикальных перемен должна была стать отмена сословных институтов и привилегий *янбанства*, открытие государственной службы для талантов любого происхождения (включая простолюдинов), переход к современному всеобщему начальному образованию. В некоторых моментах, политическая программа радикалов шла даже дальше, чем реалии японского общества начала 1880-х годов, отражая влияние либеральных европейских идей. Так, притом, что сословия в Японии были официально отменены, в реальности верхние и средние эшелоны бюрократии были заняты почти исключительно выходцами из самурайских кланов.

Однако, требуя введения универсального начального образования, неприкосновенности личности и имущества для всех подданных страны и равного доступа к государственной карьере, радикальные корейские реформаторы, как и японские либералы, продолжали относиться к простолюдином как к объектам «просвещения сверху». Новые знания, которые реформаторы собирались распространять через прессу и образовательную систему, строились на их представлениях о нуждах страны, а вовсе не на народных традициях, опыте или требованиях. Будучи в основном сами выходцами из крупных землевладельческих фамилий, радикалы вовсе не собирались решать главную проблему большинства крестьянства — земельный голод, вызванный неравномерным распределением земли, — в соответствии с чаяниями «низов». Наоборот, как и режим Мэйдзи, радикалы собирались закрепить существовавшую ситуацию в земельных отношениях и тем самым увековечить преобладание крупного и среднего землевладения — а, следовательно, и экономи-

ческое бесправие бедняков-арендаторов. Неудивительно, что никакой поддержки «снизу» радикалы получить не могли: их идеями заинтересовались лишь некоторые торговцы, вовлеченные в отношения с японскими партнерами или сбыт западных товаров. Между тем, слабой была и поддержка радикальных планов «сверху». Если Коджон и часть дипломатов из его окружения (скажем, влиятельные сановники Ким Хонджип и Ким Юнсик) сохраняли дружелюбную заинтересованность в «неортодоксальных» реформаторских идеях (при этом отнюдь не разделяя радикальных воззрений в целом), то клан Минов и цинские чиновники в Сеуле были настроены откровенно враждебно, видя в Ким Оккюне и его единомышленниках не более чем агентов влияния Японии. Карьера реформаторов оказалась блокированной: доступ к политически наиболее важным должностям был для них на практике закрыт. В то же время группировка Минов продолжала вести политику, полностью противоречившую реформаторским идеям. Продолжался начатый еще Тэвонгуном выпуск ничем не обеспеченных новых денег с высокой нарицательной стоимостью, что привело к инфляции и дезорганизации денежного обращения. Официально закрепив средневековые привилегии гильдии бродячих торговцев (*побусан*), правительство ничего не делало для поощрения современных форм капитализма. В результате, к началу 1884 г. у радикалов, полностью отчаявшихся в перспективах постепенных реформ нормальным путем, созрела идея отстранить консерваторов от власти путем вооруженного переворота по модели «реставрации Мэйдзи» 1868 г., и при военной помощи Японии.

К японскому содействию в разных формах радикалы в своей практической деятельности в 1882–1884 гг. прибегали достаточно часто. Так, когда по инициативе одного из лидеров радикальной группировки, Пак Ёнхё (1861–1939), в Сеуле был впервые налажен выпуск газеты (октябрь 1883 г.), она печаталась на японском оборудовании, при помощи японских типографов. Основными источниками информации об окружающем мире для этой газеты — она называлась «Хансон Сунбо» и выходила раз в 10 дней тиражом в три тысячи экземпляров — были японские газеты, тексты из которых переводились присланным из Японии молодым «специалистом по корейским делам» Иноуэ Какугоро (1860–1938), заодно служившим неофициальным каналом связи между реформаторами и японскими правящими кругами. Японцами — но под руководством датских специалистов — был проложен первый в Корее телеграфный кабель, связавший с января 1883 г. Пусан с Нагасаки. По японским и американским образцам Хон Ёнсик приступил в 1884 г. к созданию современной почтовой системы. Пак Ёнхё и Юн Уннёл, служившие чиновниками в провинции, тренировали свои личные дружины (насчитывавшие по несколько сот человек) по японскому образцу, тайно закупая для них японское оружие. Несколько десятков молодых корейских офицеров отправили за государственный счет на учебу в токийское

военное училище сухопутных сил Тояма. Наконец, Ким Оккюн пытался — но безуспешно — получить у японского правительства или одного из крупных банков большой заем (три миллиона иен) на проведение преобразований в Корее, проведя в Японии более десяти месяцев в бесплодных переговорах в 1883–1884 гг. Поэтому неудивительно, что, когда в конце 1883 — начале 1884 г. отвлекшая Китай от корейских дел китайско-французская война во Вьетнаме предоставила удобный момент для организации вооруженного переворота в Корее, Ким Оккюн, не найдя поддержки у западных (английских и американских) дипломатов, обратился именно к японским представителям за поддержкой. Неудивительно и то, что реформаторы смогли желаемую поддержку получить — с точки зрения Японии, вытеснение китайских сил из Кореи должно было стать прелюдией к созданию японской сферы влияния на континенте.

Несомненно, что вынашиваемые радикальными реформаторами планы ускоренного развития капитализма и современной государственности были для своего времени прогрессивны в той же степени, в которой была прогрессивна, скажем, модель корейских радикалов — «реставрация Мэйдзи». Привнесение на корейскую почву базовых для гражданского общества концепций (равенства всех перед законом, правового государства, и т. д.) было несомненным вкладом в корейскую политическую мысль. Ясно также, что обращение радикалов к вооруженному насилию было вынужденным и неизбежным: торможение реформ консерваторами у власти в 1880–1884 гг. показывало, что существовавшая политическая система практически блокирует для страны перспективы быстрой и успешной модернизации. С точки зрения радикалов — и с ними трудно не согласиться, — господство клана Минов обрекало страну на провал реформ, отсталость и, в конечном счете, полную потерю независимости. Использование политического насилия, в этой перспективе, было неизбежным злом, вызванным крайними обстоятельствами. В принципе, можно понять и стремление группы Ким Оккюна привлечь Японию к вооруженному вмешательству в корейские дела: своими силами радикальная группировка не смогла бы даже нейтрализовать китайский гарнизон в корейской столице, не говоря уж о перспективе масштабной цинской интервенции после свержения клана Минов. В то же время модернизирующаяся Япония шла на дипломатические столкновения с Цинами (вокруг Тайваня, островов Рюкю, и т. д.) уже в 1870-е годы, а с начала 1880-х годов взяла курс на подготовку армии и флота к крупномасштабной войне с Китаем в будущем. Одним словом, с учетом реальных обстоятельств начала 1880-х годов политическая линия радикалов кажется вполне логичной — они пытались достичь своих целей единственно возможными в сложившейся ситуации средствами.

Но в то же время ясно и другое. Буржуазные реформаторы в стране без буржуазии, Ким Оккюн и его группа не имели серьезной опоры ни в «верхах», ни в «низах». Использование вооруженной силы в отношении

конфуцианского «отца страны», государя, делало их аутсайдерами в корейской политической системе, заодно дискредитирую всю идею реформ в целом. Зависимость этой группировки, не обладавшей ни серьезной властью и влиянием в Корее, ни контактами за пределами Дальневосточного региона, от Японии во всех отношениях была практически абсолютной. Представления об окружающем мире черпались из японских книг и газет (европейскими языками почти никто из реформаторов пока не владел), в Японии закупалось оружие для переворота (правда, в основном американского производства), из Японии реформаторы надеялись в дальнейшем привлечь капиталы и технику для развития индустрии в Корее, по японской модели предлагалось реформировать систему управления и общественные отношения. Отношения зависимости между радикалами и их японскими покровителями давали проницательным современникам, настроенным в пользу умеренных постепенных реформ, основания предполагать, что, одержи радикалы победу, зависимость от Китая просто сменилась бы для Кореи зависимостью от Японии. Использовать в истории сослагательное наклонение сложно, но можно с убежденностью сказать: даже в самом удачном случае, радикальные реформаторы были способны бы не более чем развить на Корейском полуострове периферийный капитализм, зависимый от локального центра, Японии, в техническом, финансовом, информационном и многих других аспектах. Позиция Кореи в международной капиталистической системе вряд ли бы изменилась коренным образом. В качестве периферии Японии, Корея стала бы полуколонией мирового (и прежде всего японского) капитала. Даже находись она под властью группы Ким Оккюна, ей крайне нелегко было бы избежать полной колонизации тем или иным империалистическим государством.

д) Попытка радикального переворота в 1884 г. и ее последствия

К лету 1884 г. социально-экономическая ситуация в стране вновь резко обострилась. Курс клана Минов и Мёллендорфа на пополнение казны за счет массового выпуска удешевленной монеты привел к новому росту цен (цены на рис выросли почти в три раза), поставил массы городского населения на грань голода, дестабилизировал торговлю и ремесло. Росло возмущение коррупцией, невиданным произволом как олигархов из клана Минов, так и их китайских покровителей. В то же время начавшаяся весной 1883 г. из-за Вьетнама франко-китайская война отвлекла внимание цинских правителей от Кореи. В корейскую столицу приходили одна за другой вести о поражениях китайских войск, а половина китайского корпуса в Сеуле (1500 чел.) была отправлена воевать с французами. В сложившейся обстановке вожди реформаторов пришли к выводу, что все созрело для переворота. Они надеялись, что

свержение режима Минов привлечет к ним народ, а китайские силы в Сеуле могут быть нейтрализованы японским батальоном, охранявшим японское посольство в корейской столице. Со своей стороны, японское правительство, уже начавшее перевооружение армии и флота в предвидении будущего столкновения с Китаем, было заинтересовано в том, чтобы испытать китайские силы на Корейском полуострове на прочность, и надеялось захватить в Корее господствующие позиции в случае успеха реформаторов. В итоге, Ким Оккюн сумел привлечь к заговору японского посланника Такэдзоэ Синъитиро (1842–1917). Главной вооруженной силой радикалов должны были стать тринадцать молодых корейских офицеров, вернувшихся с обучения в Японии, их подчиненные из корейской армии, личные дружины лидеров реформаторской группировки, а также японские солдаты. План предусматривал установление вооруженного контроля над дворцом, Коджоном и его окружением, физическое устранение основных членов клана Минов и их политических союзников, формирование — с формальной санкции Коджона — нового режима, и быстрое проведение «сверху» тех же преобразований, что изменили облик Японии в первые десятилетия после «реставрации Мэйдзи». Ким Оккюн, по-видимому, надеялся, формально сохранив монархию, сделать ее тем, чем была императорская «власть» в новой Японии — формальным институтом, легитимизирующим буржуазные преобразования и строительство современной государственности.

4 декабря 1884 г., в день, на который назначено было выступление, основные члены консервативной группировки (Мин Бёнсок, Мин Ёньик, Хан Гюджик и другие) собрались на банкет по случаю завершения строительства здания для организуемого на современный лад почтового ведомства. Желая выманить их из банкетного зала и затем перебить, Ким Оккюн и его сподвижники организовали массовые поджоги в соседнем квартале. Однако на крики «Пожар!» из здания выбежал лишь один из членов клана Минов, Мин Ёньик (бывший глава первого корейского посольства, отправленного в США), который и был тут же тяжело ранен. Не решившись устраивать побоище внутри здания, в присутствии иностранных дипломатов, Ким Оккюн и его сторонники поспешили во дворец, объявили королю о том, что якобы «китайские солдаты взбунтовались», и предложили искать убежище в одном из небольших дворцов на севере столицы и вызвать туда для охраны японских солдат. Напуганный заревом пожара вблизи дворца (а по предположениям некоторых историков, даже заранее извещенный реформаторами об их планах и сочувствовавший им), Коджон согласился на «временный переезд». В новом дворце он оказался под полным контролем дружин Ким Оккюна и японских войск. Завладев государственной печатью и получив таким образом возможность издавать правительственные распоряжения и указы, реформаторы от имени Коджона послали основным членам клана Минов и их сторонникам поддельные вызовы на срочную ау-

диенцию. Стоило их политическим противникам показаться во дворце, как их убивали подчиненными Ким Оккюна из числа обучавшихся в Японии корейских офицеров. Вековая монополия конфуцианского государства на политическое насилие оказалась грубо нарушенной. Ким Оккюн и его сторонники попрали корейские традиционные нормы, не допускавшие частных (не санкционированных государственной властью) вооруженных конфликтов между сановниками.

Установив контроль над государем и двором, реформаторы спешно начали публиковать указы, касавшиеся самых разных сторон политической и социальной жизни. Один из указов формировал новое правительство, в котором господствующие позиции были отданы реформаторам, а также некоторым деятелям, лояльным Тэвонгуну. Последнего реформаторы потребовали немедленно вернуть из Китая. Совершенно не разделяя его ультраконсервативных идей, Ким Оккюн и молодые реформаторы видели в нем популярного национального политика и считали его похищение китайцами унижением для Кореи. Другие указы отменяли сословное неравенство, ограничивали королевскую власть (основные дела передавались в ведение Совета Министров), вводили единую централизованную налоговую систему современного типа, отменяли кабальную зерновую ссуду (*хванджа*), объявляли о создании полиции современного типа (в старой Корее полицейская стража была только в столице и жалованья рядовым стражникам не платили, предоставляя им «кормиться от дел», т. е. обирать население) и суровых карах за коррупцию, запрещали произвольные наказания и поборы на местах, и т. д. Имей реформаторы возможность действительно воплотить в жизнь ту программу, которую декларировали их указы 4–5 декабря 1884 г., Корея могла бы действительно начать движение по «японскому» пути развития капитализма «сверху» (хотя периферийное положение по отношению к Японии вряд ли бы поменялось). Однако в реальности указы остались не более чем декларациями: практически все чиновничество, включая даже тех умеренных реформаторов, которым Ким Оккюн хотел дать ответственные посты, рассматривало действия организаторов переворота как государственную измену и не выказывало никакого желания следовать распоряжениям «самозванцев». От всяких контактов с группой Ким Оккюна отказался, например, умеренный реформатор Юн Уннёнль (отец Юн Чхихо — одного из первых корейцев, отправившихся учиться в Японию и затем США), заявивший, что убийства сановников, «насилие над волей государя» и использование иностранных войск способны лишь возбудить народный гнев и окончательно погубить дело реформ. С точки зрения столичных масс, и без того пропитанных анти-японскими настроениями, переворот был «мятежом японских варваров», а Ким Оккюн и его сторонники — «предателями, продавшимися японцам». Беспрецедентное для Кореи политическое насилие, к которому прибег Ким Оккюн, дало результат, обратный желаемому — пассивное

неприятие реформ сменилось у абсолютного большинства населения активной враждебностью к «убийцам и предателям». Реформаторы, и до того интеллектуально оторванные от местной «почвы», оказались в буквальном смысле слова изолированы от страны.

Расчет Ким Оккюна на то, что авторитет находившегося практически под стражей у реформаторов Коджона окажется достаточным для захвата аппарата власти и нейтрализации китайских сил в столице, оказался ошибочным. Государыня Мин через близких ей придворных сумела передать китайским командирам просьбу подавить мятеж. Одновременно она потребовала от Ким Оккюна перести двор в более просторный дворец Чхандоккун, который наличными силами японской миссии (всего около 120 солдат) было невозможно защищать. Согласие реформаторов — опасавшихся обвинений в «насилии над государевой волей» — выполнить это требование оказалось для них роковым шагом. 6 декабря 1884 г. дворец Чхандоккун был атакован китайскими войсками под командованием Юань Шикая, сумевшими быстро обратить в бегство японских солдат. Несколько реформаторов, во главе с Хон Ёнсыком, попытались перевести Коджона и свиту в другой дворец, но были опознаны кипевшей гневом на «японских прихвостней» толпой и убиты. Государь и двор оказались под полным контролем

Юань Шикая, а лидеры неудачного переворота — Ким Оккюн, Пак Ёнхё, Со Гванбом, и другие (всего 9 чел.) — бежали вместе с посланником Такедзое, его сотрудниками и спасавшимися от погрома японскими обитателями Сеула в Инчхон. Гнев толпы не оставлял японцев в покое и там (всего переворот стоил жизни примерно 40 японским подданным). В конце концов посланнику и его свите пришлось ретироваться в Японию, и вместе с ними ушли в изгнание и переодевшиеся в европейское (т. е., по представлениям корейцев тех лет, японское — собственно европейцы были в Корее еще очень редкими гостями) платье организаторы переворота. Тех членов их семей, что не покончили с собой сразу после провала выступления, ждали казни, длительное заключение в тюрьме, конфискация всего имущества. Репрессии, обращенные против тех, кто так или иначе был связан с Ким Оккюном и его группой, подорвали базу для распространения радикальных реформаторских идей. Некоторые умеренные реформаторы, с самого начала переворота отрেকшиеся от акции Ким Оккюна, сохранили влияние при дворе, однако идея следования японским путем реформ была дискредитирована. Консерваторы полу-

Рис. 16. Ким Оккюн (1851–1894) — реформатор-радикал Кореи 1880–90-х гг.

Репрессии, обращенные против тех, кто так или иначе был связан с Ким Оккюном и его группой, подорвали базу для распространения радикальных реформаторских идей. Некоторые умеренные реформаторы, с самого начала переворота отрেকшиеся от акции Ким Оккюна, сохранили влияние при дворе, однако идея следования японским путем реформ была дискредитирована. Консерваторы полу-

чили новые «доказательства» того, что «реформы делают из людей безнравственных животных», а радикальная реформаторская мысль оказалась под запретом на целое десятилетие. Делу капиталистических преобразований в стране был нанесен непоправимый ущерб.

Провал переворота был, с точки зрения японского руководства, серьезной неудачей в борьбе с китайским преобладанием на Корейском полуострове. Опасаясь до поры до времени идти на серьезное военное столкновение с Цинской империей, японское правительство предпочло «восстановить» свой пошатнувшийся престиж за счет грубого давления на корейскую сторону. Вскоре после провала переворота в Инчхон в сопровождении семи военных судов и двух тысяч солдат прибыл сам министр иностранных дел режима Мэйдзи, Иноуэ Каору (1835–1915), назначенный полномочным послом для улаживания инцидента. Переговоры с корейскими представителями, Ким Хонджином и Мёллендорфом, были типичным примером так называемой «дипломатии канонерок» — Япония недвусмысленно давала понять, что несогласие с выдвинутыми ею условиями станет предлогом для открытой агрессии. По рекомендации Китая, опасавшегося широкомасштабного конфликта с Японией в ситуации неудачной войны против Франции, корейская сторона пошла на подписание крайне унижительного и невыгодного соглашения, известного как «Хансонский договор» (1885; Хансон — старое официальное название Сеула). Этот договор обязывал корейское правительство «извиниться в письменной форме» перед японскими властями за «нанесенный Японии ущерб» (при том, что неудачный путч был открыто поддержан японскими дипломатами в Сеуле!), выплатить очень большую по тому времени сумму в 110 тысяч иен в качестве компенсации семьям погибших японцев, оплатить постройку нового здания японской миссии (взамен сгоревшего во время переворота), и даже найти и казнить убийц японских дипломатов. Япония же, в свою очередь, отказалась выдать корейским властям организаторов переворота, настаивая, что они имеют право на политическое убежище. Копируя дипломатические приемы, широко применявшиеся империалистическими государствами Запада по отношению к периферийным странам Азии и Африки, Япония тем самым подчеркивала своё превосходство над континентальным соседом, свой новый статус «единственной цивилизованной страны» Дальнего Востока.

Стремление как японского, так и китайского руководства избежать преждевременного столкновения на Корейском полуострове привело также к успешному завершению переговоров между двумя сторонами в Тяньцзине и подписанию Тяньцзиньского договора (1885). По этому соглашению, как Китай, так и Япония обязались вывести из Сеула свои войска, «рекомендовать» корейским властям в дальнейшем нанимать для обучения корейских войск «нейтральных» (т. е. европейских или американских) инструкторов, и заранее предупреждать друг друга в случае от-

правки войск в Корею в «чрезвычайных ситуациях»; немедленно после «восстановления порядка» войска следовало выводить. Практически все это означало, что Япония признает китайские доминирование над корейским правительством и соглашается ограничиваться экономическим проникновением в страну «мирными» методами. Естественно, отказываться вовсе от планов включения Кореи в свою сферу влияния Япония не собиралась; японские правящие круги желали выгадать время для того, чтобы усилить армию и флот до уровня, гарантирующего победу над Китаем в случае военного конфликта. Корею же договоренности между Китаем и Японией обрекали на еще более тяжелую зависимость от китайских «советников», чем раньше. Акция Ким Оккюна и его товарищей, сознательно направленная на ликвидацию зависимости по отношению к Китаю (одним из своих «указов» радикалы отменяли выплату формальной дани Цинам), в итоге не решила, но, наоборот, усугубила проблему.

е) 1885–1894 гг. — разложение традиционного уклада и неудачи модернизации

Конец 1880-х годов ознаменовался усилением зависимости Кореи от японского и китайского капитала. Тем дальше, тем более явным становилось, что страна превращается в источник дешевых сельскохозяйственных товаров для Японии и рынок сбыта для привозимой китайскими и японскими купцами западной и японской фабричной продукции. Зависимость не непосредственно от западного капитализма, а от «вторичного», «догоняющего» капитализма региональных центров — Японии и Китая — серьезно отличала Корею от большинства стран мировой периферии, где закреплялся западный капитал. В случае с Кореей, на раннем этапе (конец XIX в.) экспансия западных держав носила преимущественно культурный, религиозный и политический характер. В обстановке развала традиционной системы управления, упадка и разложения правящей династии экспансия японского и китайского капитала вела к дальнейшей маргинализации непривилегированных слоев, обостряя социальные конфликты, приводя общество в состояние системного кризиса.

Опутанная неравноправными договорами и не имевшая никакой возможности защитить свой рынок, Корея чем дальше, тем сильнее страдала от свободного экспорта зерновых и бобовых культур (преимущественно в Японию). Общая сумма экспорта риса увеличилась за 1885–1889 (в японской валюте) в 5 раз, а экспорта бобов — более чем в 20 раз. Для крестьян и горожан все это означало рост цен и новые акты произвола и грабежа со стороны чиновничества, стремившего нажиться на экспорте сельскохозяйственных товаров. По описаниям современников, к концу 1880-х годов привычным стало зрелище пустых государственных складов на местах — зерно, которое чиновники обязаны были

хранить на случай стихийных бедствий и голода, теперь продавалось ими в Японию. Засухи привели к массовым голодовкам в 1888–1889 гг., но помощь бедствующим крестьянам практически не оказывалась. Отчаяние масс отражала серия народных бунтов в провинции: беспокойно было даже в ближайших окрестностях столицы. Голодающие, отчаявшиеся люди тысячами бежали через границу на сопредельные территории России и Китая. Попытки отдельных чиновников на местах ввести, согласно традиционным правилам, запреты на вывоз зерна за пределы административного района на период неурожая терпели неудачу: японские дипломаты, недвусмысленно намекая на возможность применения силы, заставляли отменять запреты и даже выплачивать японским торговцам крупные компенсации за сорванные экспортные сделки. Защищаемая иностранными пушками «свобода торговли» оборачивалась для Кореи голодом, сопутствовавшими ему эпидемиями, гибелью слабейших и обнищанием выживших.

Японские торговцы в Корее, за исключением небольшого числа представителей средних и крупных фирм, принадлежали к низшим слоям населения. Зачастую это были люди, не сумевшие приспособиться к требованиям растущего капиталистического рынка у себя на родине и уехавшие в Корею в «поисках удачи», примерно так же, как европейцы уезжали в Америку или Австралию. Пользуясь своей неподсудностью корейским властям, нуждой корейского населения и отсутствием у корейцев представлений о современной торговле и рынке, они не гнушались ничем в борьбе за накопление капитала. Притчей во языцех были откровенно криминальные действия этих «рыцарей наживы» времен раннего капитализма в Восточной Азии — продажа заведомо негодных и устаревших механических инструментов, мошенничество, контрабанда золотого песка, использование уголовного насилия для «выбивания» долгов (при том, что кредиты давались японскими ростовщиками под грабительские проценты — до 10% за каждые 10 дней). Однако и формально законные приемы наживы — скажем, скупка урожаев риса «на корню» без учета тенденции к росту цен на него в период урожая, — были не менее эффективны в сколачивании состояний японскими колонистами. При невозможности легальной покупки японцами земли внутри страны рисовые поля и плантации женьшеня часто скупались на подставных лиц. В 1885 г. более половины стоимости проданных японцами в Корее товаров приходилось на изделия английского производства (в основном ткани), но к 1889 г. японские товары (ткани, одежда, простые бытовые изделия) составляли уже 74% экспорта. Это объяснялось не только развитием производства в Японии, но и необходимостью конкурировать с продававшимися китайскими купцами более дешевыми английскими товарами (китайцы скупали их у оптовиков в Гонконге и Шанхае, а японские купцы использовали более дорогие поставки через Нагасаки). Часто низкосортные японские товары навязывались об-

маном. Грабительская по своему характеру торговля с Японией делала внутренний корейский рынок сырьевым придатком японского, «в зародыше» уничтожала перспективы развития мануфактурного производства внутри самой Кореи.

Другую группу представителей дальневосточного торгового капитала, получавших барыши от проникновения на незащищенный корейский рынок, составляли китайские купцы. Численностью они значительно уступали японским — так, в 1891 г. в «открытом» порту Вонсан имели конторы более ста японских и лишь шесть китайских фирм. Однако, в то время, как значительную часть японских торговцев составляли выходцы из полукриминальной, деклассированной среды, серьезным капиталом не располагавшие (и прибегавшие зачастую к незаконным методам в процессе накопления капитала в Корее), китайские предприятия были значительно солиднее, располагали большим капиталом, умели завоевать доверие корейских партнеров и клиентов. Главным их покровителем был всемогущий «резидент» Юань Шикай, которого современники называли «хозяином корейского двора». Своей властью он выдавал своим предприимчивым соотечественникам разрешения на проезд и проживание во внутренних районах страны, которых японские конкуренты приобрести не могли. Китайцы имели возможности продавать импортные (в основном английские) ткани на местных рынках по всей стране, скупать «в глубинке» золото, кожи, женьшень, и даже вкладывать нажитые в Корее капиталы в первые корейские гончарные мануфактуры и шелковичные плантации. Доля китайцев в корейском импорте постоянно увеличивалась — если в 1885 г. она составляла всего треть от японской, то в 1890 г. китайские торговцы ввозили в Корею товаров примерно на ту же сумму, что японские. Конкуренция с вездесущими, богатыми и сплоченными китайскими торговцами была не под силу корейским предпринимателям, скованным по рукам и ногам правительственным контролем и непомерной по масштабам коррупцией. Отчаяние разоряемых международной «свободой торговли» корейских торговцев находила выражение в поджогах китайских лавок в Сеуле, особенно участвовавших в 1888–1889 гг., а также в своеобразной «забастовке» (коллективном отказе торговать) столичных лавочников в 1890 г. Чтобы обезопасить китайское предпринимательство в Сеуле, китайские лавки и фирмы были сконцентрированы в 1889 г. в районах рынков Намдэун (Южные Ворота) и Тондэун (Восточные Ворота), ставших первыми «чайнатаунами» в Корее. При всем том ущербе, который заведомо неравная конкуренция с китайским бизнесом наносила зарождавшемуся корейскому предпринимательству (китайских купцов, в отличие от корейских, защищал от вымогательства, поборов и произвола авторитет Юань Шикай и привилегированный статус, даваемый им «Правилами торговли с Кореей»), недовольство ими не было столь сильно, сколь ненависть по отношению к японским ростовщикам и торговцам. Сказыва-

лись, по-видимому, как традиционные стереотипы (Китай воспринимался как «центр Поднебесной», а Япония — не более, чем «окраинная страна», стоявшая ниже Кореи в культурной иерархии и перманентно враждебная ей), так и реакция на большую долю авантюристов и уголовников среди японских поселенцев в Корее.

Среди корейских торговцев первенствующую роль продолжали играть объединенные в одну общекорейскую гильдию бродячие купцы — *побусаны*. Гильдия это жестко контролировалась правительственным Коммерческим управлением (*Саннигук*), а практически — кланом Минов, обогащавшимся на поступавших от *побусанов* налогах и использовавшим хорошо организованных торговцев для расправ с политическими противниками. Монополия гильдии *побусанов* на межрегиональную розничную торговлю являлась одним из препятствий для развития раннего капитализма в Корее. Стремясь обогатиться на налоговых поступлениях от монополистов, правительство попыталось передать монопольные права на оптовую торговлю в открытых портах группе из 25 «официально лицензированных оптовиков» (*кэкчу*), но протесты иностранных купцов, использовавших в качестве посредников-компрадоров целый ряд других фирм, сорвали эту меру. В целом, беззащитность корейских предпринимателей перед коррупцией и административным произволом не давала развиваться в стране более передовым формам коммерции. Так, несмотря на официальное разрешение, корейские торговцы, не уверенные в безопасности своих капиталов, вплоть до самого конца XIX в. не образовывали акционерных обществ. Многие торговцы считали положение компрадора при иностранной фирме, защищенной правом экстерриториальности, более безопасным и надежным, чем самостоятельный бизнес.

После подавления акции Ким Оккюна Коджон и его окружение оказались практически на положении заложников у китайских военных и дипломатов. Юань Шикай, в эйфории после своей «героической победы над мятежниками», даже всерьез предлагал Ли Хунчжану поставить корейскую администрацию под прямой повседневный контроль китайских чиновников помимо корейского двора, т. е. на практике свести Корею к положению рядовой китайской провинции. Хотя это предложение и не было принято, поведение китайских представителей было само по себе явным вызовом государственной самостоятельности Кореи. Это, а также опасения по поводу возможного развязывания японо-китайской войны на корейской территории, побудили Коджона искать «третью силу», способную защитить Корею как от китайского гегемонизма, так и от угрозы японской экспансии. Ближайший советник Коджона Мёллендорф начал, с одобрения корейского государя, искать контакты с российскими дипломатами в Японии, зондируя почву по поводу возможности взятия Россией Кореи под защиту. Имелась в виду прежде всего защита от агрессивных посягательств со стороны Китая и Японии, а в качестве кон-

кретных мер предлагалась присылка российских офицеров для обучения корейской армии. Учитывая резко отрицательную позицию как Китая, так и прокитайски настроенных умеренных реформаторов по отношению к любым попыткам укрепить самостоятельность Кореи через прямые связи с западными странами, все переговоры велись Мёллендорфом, его помощниками и лично Коджоном в строгой тайне даже от верхушки корейского чиновничества. Однако смутные слухи об авансах Коджона в сторону России, в сочетании с желанием закрепиться на Корейском полуострове на случай «большой войны» против России в ситуации обострившегося колониального соперничества с царизмом в Центральной Азии, заставили напрямую вмешаться в корейские дела и главного иностранного покровителя цинского режима — Великобританию. 1 марта 1885 г. британский флот — не уведомив корейский двор, но заручившись неофициальным одобрением Ли Хунчжана, — оккупировал небольшой остров Комундо (порт Гамильтон) у южного побережья Кореи, с намерением сделать его важной военно-морской базой для нападений на Владивосток и Петропавловск-Камчатский. Протесты корейских властей не приносили никакого успеха: англичане, с согласия Ли Хунчжана, предлагали в ответ арендовать или купить у Кореи незаконно захваченный ими остров. Ситуацию осложнило то, что прокитайски настроенный умеренный реформатор Ким Юнсик разгласил попавшие в его руки документы о корейско-российских переговорах по поводу присылки военных инструкторов. Гнев Ли Хунчжана заставил корейцев отправить в отставку Мёллендорфа, после чего Юань Шикаю были даны полномочия «генерального резидента» (октябрь 1885 г.). Под прямой контроль цинских чиновников подпал главный источник валютного дохода для корейского двора — морская таможня. Цинские власти контролировали и телеграфные линии, связавшие Сеул с Инчхоном и северной границей Кореи (телеграфные коды для корейского языка даже не разрабатывались). Юань Шикай присвоил себе право определять основные направления не только внешней, но и внутренней политики Кореи, и даже составлял список чиновников, «желательных» для назначения на ключевые должности. Фактически без его одобрения не принималось ни одно сколько-нибудь значимое решение. «Независимость» Кореи была сведена к автономии во второстепенных вопросах. Во многих отношениях положение Кореи под китайским контролем мало отличалось от положения протекторатов европейских колониальных держав в Африке и Азии.

В сложившейся беспрецедентно тяжелой ситуации режим Коджона не оставлял попыток укрепить и стабилизировать политическую и социально-экономическую систему и добиться хотя бы некоторой «свободы рук» от удушающей китайской опеки путем завязывания более тесных контактов с державами Запада, поверхностной и выборочной перестройки некоторых корейских институтов на западный манер, а также

частичных реформ наиболее нетерпимых для масс элементов традиционного общества. Новые попытки найти защиту от китайского произвола у России результатов не дали: прокитайски настроенные чиновники из клана Минов сразу же передали копию направленной российскому представителю в Сеуле К.И.Веберу⁷ петиции Юань Шикаю, и все дело дало Китаю лишь новый предлог для еще более энергичного вмешательства в корейские дела (1886 г.). Опасаясь, что более тесные контакты с Западом и Японией представят угрозу китайской гегемонии, Юань Шикай усиленно противодействовал отправке корейских миссий в Японию, США и Европу, настаивая, чтобы корейские дипломаты первым делом являлись на аудиенцию к «посланникам старшего государства» (т. е. Китая) в стране назначения. Несмотря на все помехи, миссия корейского представителя Пак Чонъяна (1841–1904) — известного как умеренный реформатор — сумела посетить США (1887–1889). Однако попытка Пак Чонъяна получить в Америке заем на дело реформ окончилась неудачей, равно как и его усилия открыть в Вашингтоне постоянное корейское представительство — противодействие со стороны Юань Шикая было слишком сильным.

Избегая прямого конфликта с Юанем, Коджон концентрировал усилия на частичных реформах, с американской и европейской помощью, в «неполитических» сферах — здравоохранении, образовании, и т. д. Так, в 1885 г. в Сеуле открылась первая государственная больница европейского типа (*Кванхевон*), возглавлявшаяся американским миссионером-врачом Г.Н.Алленом (1858–1932), позже ставшим американским генеральным консулом в Сеуле, одним из главных посредников в проникновении американского капитала в страну. Больница была очень популярна (в год число пациентов доходило до 10 тыс. человек), но постоянно страдала от нехваток медикаментов и квалифицированного персонала. В 1885 г. другой американский миссионер, Г.Г.Аппенцеллер (1858–1902), открыл в Сеуле первую частную школу западного типа, которой лично Коджон через два года присвоил имя *Пэдждэ Хактан* — «Училища, воспитывающего таланты». В 1889 г. в этой школе стал издаваться первый в истории Кореи ежемесячный журнал — «Кёхве» («Церковь»). С 1886 г. преподавание английского языка и современных естественных наук велось специально приглашенными американскими учителями и во вновь

⁷ Вебер Карл Иванович (Карл Фридрих Теодор, родился в 1841 г.) — выходец из зажиточной интеллигентной семьи рижских немцев, дед был лютеранским священником, отец — преподавателем. К.И.Вебер закончил Восточный факультет Санкт-Петербургского императорского университета в 1865 г., хорошо владел китайским языком, к 1882 г. дослужился до поста российского консула в Тяньцзине (Китай). С июля 1882 г. принял на себя ответственность за заключение договора об установлении дипломатических отношений с Кореей, в апреле 1885 г. назначен российским поверенным в делах в Сеуле, а с 25 апреля 1888 г. — генеральным консулом России в Корее. Нес службу в Корее по август 1897 г.

открытой государственной школе западного типа — *Югён Конвон*. Среди студентов этого учебного заведения были и выходцы из самых влиятельных кланов при дворе, в том числе и сыновья олигархов из семейства Минов, при всей их прокитайской ориентации начавших понимать необходимость освоения «западных наук». С 1888 г. преподавали военные науки будущим корейским офицерам в специально организованной военной школе нового типа (*Ёнму конвон*) и три американских военных инструктора, старшим среди которых был прославившийся во время гражданской войны Севера и Юга бригадный генерал Вильям Дай (1831–1899), к тому времени вышедший в отставку. Однако косность корейской бюрократии и отсутствие средств практически свели на нет эту интересную попытку модернизировать корейские вооруженные силы. По донесениям российских военных путешественников, к 1889 г. в школе было только 20 учащихся (в то время как первоначально планировалось зачислить 60), занятия с которыми давали очень небольшой эффект. Эпохальным для корейского образования было открытие в 1886 г. миссионерской школы для девочек (ныне — Женский Университет *Ихва* в Сеуле) — ранее женщины доступа к публичному образованию не имели. В 1886 г. возобновилось и прекращенное после неудачного переворота в 1884 г. издание общедоступной газеты — теперь уже под именем «Хансон чубо», на еженедельной основе, с привлечением японских консультантов. Газету стали печатать не на китайском литературном языке, как раньше, а «смешанным шрифтом» с использованием как иероглифов, так и корейского алфавита, что делало издание более доступным. Таким образом, даже в период китайского засилья в политике Коджона имелись определенные реформаторские элементы.

Период 1885–1894 гг. был также временем первого знакомства со многими элементами современной культуры и быта, ранее в Корее неизвестными. Так, обосновавшиеся в Инчхоне европейские торговые фирмы (немецкая «Мейер и Ко» и другие) и европейские дипломаты в Сеуле именно тогда начали строить первые на корейской земле здания европейского типа с современными удобствами. Одним из них было, например, построенное в 1891 г. здание российской дипломатической миссии в Сеуле, частично сохранившееся до наших дней. Там же появились и первые европейские гостиницы с привычными для западных гостей кафе и барами. С 1890 г. в быт двора вошли кофе и индийский чай, приобретаемые при посредстве российской предпринимательницы немецкого происхождения А.Зонтаг (1854–1925), родственницы К.Вебера. Телеграфные линии и регулярное пароходное сообщение связали Корею с японским портом Нагасаки. Японцы были и организаторами первых в Корее акционерных обществ (1891 г.). Западные миссионеры напечатали первые в истории корейского языкознания корейско-французский (1880) и корейско-английский (1890) словари, начали издание корееведческого журнала «Корейский архив» (*Korean Repository*), рассчитанного на об-

разованную европейскую публику. Со строительством в Сеуле первой протестантской церкви (1887) началось и постепенное проникновение протестантизма, первоначально в основном в среду купцов и соприкасавшихся с иностранцами интеллигентов. С подписанием в 1888 г. «Правил для сухопутной торговли» с Россией, устанавливавших порядок миграции корейцев на российскую территорию, у местных российских властей открылась возможность для принятия тех корейских переселенцев на российском Дальнем Востоке (переселение на пограничные российские земли началось уже в 1860-е годы, и к 1891 г. в Приморской области проживало 12 857 корейцев), которые прибыли туда до установления дипломатических отношений между Россией и Кореей в 1884 г., в российское подданство. Корейцы зачислялись в сословие государственных крестьян, их сельские общества получали права на самоуправление по существовавшим на тот момент в Российской Империи законам и правилам. Впервые в истории Кореи части ее подданных была предоставлена легальная возможность войти в подданство европейского государства. Облик традиционной Кореи менялся медленно, но последовательно.

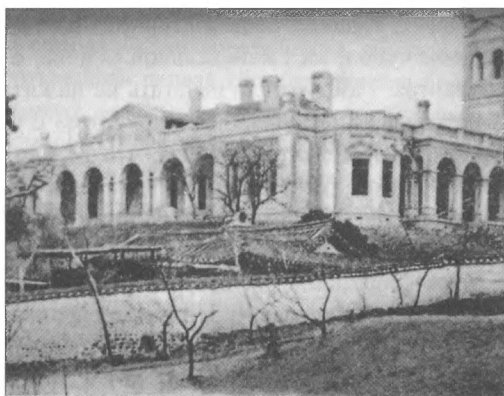

Рис. 17. Здание российской миссии в Сеуле, в квартале Чондон. Архитектор А. И. Середин-Сабатин. Фото начала XX в.

Однако успехи ограниченной верхушечной вестернизации мало влияли на массы населения и были недостаточны для разрешения стоявших перед страной задач. В условиях, когда, по сообщениям английских дипломатических источников, из-за коррупции и примитивных методов транспортировки до столицы доходила лишь треть собиравшихся в провинции налогов, у правительства не было средств на проведение действительно масштабных реформ — скажем, строительство собственной военной промышленности с западным оборудованием (арсенал в Сеуле был способен лишь чинить европейские ружья, но не произво-

дить их; производство пороха в стране также отсутствовало) или организацию эффективной армии. Борьба же с коррупцией была невозможна, ибо главную выгоду от нее получала олигархия Минов, открыто торговавшая «теплыми местечками» в чиновничьем аппарате. Известно, что и Коджон — в чьей личной кассе находились средства, составлявшие примерно 40% от всех ресурсов государственной казны, — активно «сотрудничал» с коррумпированными провинциальными администраторами, делившимися с ним «добычей». В то время как двор жил в роскоши и переправлял часть «теневых» средств на хранение в шанхайские и гонконгские банки, обнищавшая казна иногда задерживала даже жалование иностранных военных инструкторов более чем на год из-за нехватки денег. Отсутствие средств привело в 1888 г. и к закрытию газеты «Хансон чубо», столь много сделавшей для ознакомления корейцев с положением дел в мире. Поскольку за поставки оружия корейской армии отвечало сразу несколько некомпетентных и коррумпированных чиновников, то проводить нормальные учения было очень трудно — бойцы одной и той же части имели на вооружении стрелковое оружие французского, российского и американского производства самых разных типов и моделей, часто бракованное и устаревшее. Обучение в школах западного типа было доступно лишь для нескольких десятков выходцев из привилегированных семей, в то время как основная часть даже *янбанства*, не говоря уж о простолюдинах, продолжала жить традиционными представлениями о мире. Наконец, гегемония прокитайской консервативной клики не давала возможности начать реформирование узловых элементов общественной жизни — таких, как, например, средневековая сословная система. Коджон ограничился лишь полуреформами, объявив в 1885 г. о том, что дети рабов освобождаются из рабского состояния. В целом, период 1885–1894 гг. может быть охарактеризован как неудачная модернизация: частичное, непоследовательное и поверхностное внедрение некоторых элементов современного образования, военного дела и т. д. в корейскую жизнь ничего не давало для разрешения противоречий сословной системы, коррумпированной и неэффективной администрации традиционного типа, или для развития хотя бы самых простых форм современного капитализма. В то время, как реформы буксовали, неограниченный вывоз за рубеж аграрной продукции вел к росту цен, голоду во многих уездах, новым вспышкам народных волнений и, в конце концов, крестьянской войне 1894 г. — знаменитому *тонхакскому* восстанию.

Литература

1. Пак Б. Б. *Российская дипломатия и Корея. 1860–1888*. М. — СПб. — Иркутск, 1998.

2. Пак Б. Д. *Россия и Корея*. М., 1979. Изд. 2-е, доп., 2004.
3. Симбирцева Т. М. «Загадочный» барон П. Г. фон Мёллендорф и его прорусская деятельность в Корее (1882–1885) // *Вопросы истории Кореи*. Петерб. науч. семинар, 2001. СПб., 2002. С. 26–44.
4. Симбирцева Т. М. Из истории политической интриги в Корее: «тайные договоры» России с Кореей 1885 и 1886 гг. // *Российское корееведение. Альманах*. Вып. 3. М., 2003. С. 169–192.
5. Симбирцева Т. М. Первый русско-корейский Договор о дружбе и торговле (1884) в оценках южнокорейской историографии // *Вестник Центра корейского языка и культуры*. Вып. 8. СПб., 2005. С. 76–96.
6. Симбирцева Т. М. Русско-корейские «Правила для сухопутной торговли» 1888 г.: оценки южнокорейской историографии и факты // *Проблемы Дальнего Востока*. № 4. 2003. С. 147–157.
7. Тягай Г. Д. *Общественная мысль в Корее во второй половине 19 века*. М., 1960.
8. Ли Гваннин. *Исследования по партии реформаторов [1880–90-х годов]* (이광린. <<開化黨研究>>). Сеул, изд-во Ильчогак (일조각), 1973.
9. Ли Гваннин. *Исследования по корейской реформаторской мысли [конца XIX века]* (이광린. <<韓國開化思想研究>>). Сеул, изд-во Ильчогак (일조각), 1973.
10. Ли Наён. «Реформистские идеи начала 1880-х годов и попытка реформаторского переворота в 1884 г. — году капсин» // *Сборник статей по истории* (리나영, «1880년대 초의 개화사상과 개화파들의 1884년 (갑신)정변에 대하여» // <력사논문집>). No. 5. Пхеньян, 1961.
11. Пак Ынсук. *Исследования по попытке переворота 1884 г.* (박은숙, <甲申政變研究>). Сеул, изд-во Ёкса пипхёнса (역사비평사), 2005.
12. Хо Джонхо. *Буржуазно-революционное движение в Корее* (허종호, <조선에서 부르주아혁명운동>). Пхеньян, 1970.
13. Cook, H. F. *Korea's 1884 Incident: Its Background and Kim Ok-Kyun's Elusive Dream*. Seoul: Taewon Publishing Co., 1972.

Глава 13

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА, ПАДЕНИЕ КИТАЙСКОЙ ГЕГЕМОНИИ И РАДИКАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ 1894–1895 гг.

а) Истоки, характер и ход первого этапа крестьянской войны

Уже с конца XVIII в. корейское село вошло в полосу острейшего кризиса. Развитие обмена и появление — хотя бы и в зачаточных формах — коммерческого сельского хозяйства вели, в условиях быстрого роста населения, к обеднению и маргинализации значительных слоев

крестьянства, терявших землю, превращавшихся в батраков, а зачастую вынужденных обращаться к нищенству, бродяжничеству и разбою. Арендаторы, по обычаю (восходящему еще ко временам Корё) отдававшие хозяину половину урожая, равно как и получавшие очень скудное вознаграждение батраки, жили на грани голода и в традиционном обществе. В условиях же последовавшего за массовым экспортом риса и бобов в Японию в 1880-е годы невиданного роста цен на все виды продовольствия и потребительских товаров эти низовые группы сельского населения были поставлены в безнадёжную ситуацию. Отягчал их положение и постепенный упадок традиционных сельских ремесел, важного источника дополнительного заработка — импортные фабричные товары вытесняли примитивную по сравнению с ними традиционную продукцию. Все более ухудшалось и положение средних и относительно зажиточных слоев села — мелких сельских *янбанов* (потерявших возможность пойти на государственную службу и обычно совмещавших учительство в сельской школе с земледелием) и крестьян-середняков. Рост цен и инфляция — систематическое обесценивание монеты, проводившееся кланом Минов с целью «залатывания прорех» в государственной казне — лишали этот слой сбережений, делали невозможной нормальную хозяйственную жизнь. К экономическим бедам прибавлялись и социально-политические — вымогательство со стороны чиновников, собиравших «военное полотно» даже с мертвецов и грудных детей (числившихся в официальных списках трудоспособными мужчинами!), сгонявших силой крестьян на трудовые работы в свою пользу и накладывавших бесчисленные «дополнительные налоги», разоряло даже крепкие хозяйства. Богатые крестьяне и торговцы, не защищенные привилегиями *янбанства*, часто оказывались в еще более тяжелом положении. Многие коррумпированные местные администраторы регулярно сажали богачей в тюрьму по выдуманным обвинениям, требуя выкупы за освобождение. Нередко разбогатевшие крестьяне опасались перестраивать и расширять свои усадьбы, зная, что это может привлечь внимание чиновных вымогателей и привести семью к разорению. Иностранные путешественники 1890-х годов, называвшие корейских провинциальных чиновников «лицензированными вампирами», отражали создавшееся у масс к тому времени представление о полной гнилости традиционного административного аппарата. Отчаяние масс выливалось в бунты, ставшие к началу 1890-х годов практически ежегодными и охватывавшими значительную часть страны, а также насилие по отношению к японским торговцам. Особенно сильным было сопротивление крестьянства в сельских местностях плодородной провинции Чолла, коррупция и вымогательство в которой пользовались печальной «славой» по всей стране. К середине 1890-х годов крестьянские вожаки практически контролировали многие деревни, карая, при полной поддержке большинства жителей, вымогателей-чиновников и особенно ненавистных крестьянам

местных *янбанов*. Как часто бывает в традиционном обществе, массовое разочарование в существующих порядках не только вели к прямому насилию против государственной администрации и местных эксплуататоров, но и находили религиозное выражение. Наиболее известным корейским аналогом протестантских сект Западной Европы XVI в. и китайских *тайпинов* первой половины XIX в. было учение *тонхак* («восточное учение»), ставшее на какой-то момент знаменем крестьянской борьбы против бюрократического произвола, сословных привилегий и иностранной экспансии.

Основатель учения, уроженец Кёнджу по имени Чхве Джеу (1824–1864), был выходцем из среды разорившихся сельских *янбанов* (*чанбан*) — социального слоя, на себе ощущавшего всю тяжесть обрушившегося на страну кризиса, и в то же время достаточно образованного для того, чтобы попытаться отыскать базовое решение стоявших перед обществом проблем. За свою относительно недолгую жизнь Чхве Джеу изъездил всю страну, пытаясь — в итоге неудачно — вернуть своей семье благосостояние через занятие торговлей. Скитания по самым отдаленным уголкам Кореи дали молодому *янбану* живое представление о том, как далеко зашел распад чосонского общества, сколь тяжела жизнь обездоленных. Отличаясь восприимчивым характером и рано прорезавшимися духовными интересами, Чхве Джеу попытался найти приемлемый для всех выход из бездны отчаяния в религии. Объектом его интереса стали традиционно игнорировавшиеся конфуцианцами буддизм и даосизм, и даже строго запрещенный католицизм. Последний, впрочем, Чхве осознавал, скорее, как угрозу традиционному дальневосточному обществу — вести об «опиумных войнах» и произволе европейцев в Китае навели его на мысль о том, что проникновению европейской идеологии в Корею нужно поставить заслон. Однако официальное неоконфуцианство, скомпрометированное в народных глазах как идеология коррумпированной *янбанской* верхушки, такой роли явно выполнить не могло, а буддизм и даосизм казались слишком абстрактными для решения наболевших корейских проблем. Все это привело Чхве к идее создания новой религии, способной спасти страну и мир от зол — коррупции, административного хаоса, безжалостной эксплуатации, жестокого неравенства и «нашествия западных варваров». В соответствии с канонами корейской религиозной жизни, тексты *тонхак* описывают основание нового вероучения как «откровение свыше», пришедшее к Чхве после долгих, томительных постов и молитв. Главным в якобы полученном Чхве от верховного небесного божества *Хануллим* «откровении» был тезис о природном равенстве всех людей, каждый из которых метафизически «тождественен Небу» (*иннэчхон*). Идея о природе (*сон*) человека как тождественной метафизическому Небесному принципу (*ли*) уже существовала в неоконфуцианской догматике, но Чхве наделил ее новым смыслом, подчеркивая, что новое вероучение упраздняет в рели-

гиозном смысле, в том числе, сословные различия между людьми. Неоконфуцианские догмы, признавая универсальное равенство человеческой природы, идеологически освящали в то же время сословные различия через доктрину о «изначальном неравенстве человеческих способностей». Против этого тезиса и было направлено новое учение. Хорошо известен в традиции *тонхак* эпизод с освобождением Чхве его двух домашних рабынь после получения им «откровения» — рабство признавалось несоответствующим «небесному достоинству» человека. Впрочем, от других *янбанов* Чхве подобного милосердия не требовал и за немедленное упразднение сословных различий не выступал, довольствуясь установлением в той или иной степени эгалитарных порядков лишь в рамках общин своих последователей. Учениками Чхве становились как разорившиеся сельские *янбаны*, так и простолюдины, и даже рабы — картина, для неоконфуцианской традиции немыслимая. Надсословный характер и явные эгалитаристские тенденции в учении Чхве отражали чаяния сельского простонародья, видевшего в *янбанских* привилегиях основу для чиновного произвола и вымогательства. Из популярного даосизма Чхве заимствовал — и развил — идею о циклическом характере периодов расцвета и упадка в обществе, объявив, что «мир зла» идет к закономерному концу и вскоре сменится «раем на земле». Чтобы подготовиться к грядущим космическим и социальным переменам, люди должны были, по мысли Чхве, практиковать традиционные конфуцианские добродетели (уважение к старшим, преданность друзьям, и т. д. — в этой области Чхве остался консерватором), а также повторять магические формулы, способные обезопасить их от бушующего вокруг зла и насилия. Такое необычное сочетание конфуцианского морализма с элементами даосско-шаманской магии отражало пестрый социальный состав последователей нового «пророка». Мистик по натуре, Чхве не был революционером и не выдвигал конкретных социально-политических требований — «рай на земле», по его мысли, должен был наступить независимо от действий людей, которым предписывалось, прежде всего, неустанное моральное самосовершенствование. Однако распространение во всех слоях общества южных провинций Кореи ячеек последователей Чхве (*чонсо*), с их проповедью надсословного сплочения и взаимопомощи вызвало понятную тревогу у властей. Чхве несколько раз арестовывали, и в 1864 г. он был по приказу двора публично казнен в городе Тэгу как «еретик и смутьян». Казнь, в которой последователи Чхве видели мученичество за веру, лишь увеличила популярность нового учения. Ячейки *тонхак*, отличавшиеся дисциплиной и взаимовыручкой, стали к началу 1890-х годов важнейшей формой самоорганизации сельского общества южной части Кореи, организуя отпор коррумпированным чиновникам, помогая голодающим и больным, и т. д. До середины 1890-х годов деятельность этих ячеек в целом носила мирный характер, но к 1894 г. ухудшение экономической ситуации и новые витки

чиновного произвола, переполнившие чашу терпения крестьянства, превратили «альтернативную религию» простолюдов в идеологическое знамя крестьянской войны.

В хаотической обстановке начала 1890-х годов у местной администрации начало формироваться впечатление, что именно *тонхак* стоит за непрекращающейся серией волнений, мятежей и бунтов. Преследования сторонников запрещенной религии приобрели крайне ожесточенный характер; во многих случаях коррумпированные администраторы специально обвиняли местных богачей в «сочувствии еретикам», чтобы принудить их вносить крупные суммы в качестве отступного. В сложившейся обстановке сход лидеров ячеек, собравшийся в начале 1893 г. в уезде Самне (провинция Северная Чолла), потребовал от правительства легализации учения и официальной реабилитации Чхве Джеу, видя в этом единственный способ прекратить гонения. Те же требования выдвинул и второй сход весной 1893 г., но оба раза безо всякого положительного отклика со стороны властей. К середине 1893 г. лидеры ячеек разделились на две группы — высшее руководство (в том числе духовный наследник основателя учения, верховный лидер *тонхак* Чхве Сихён) предлагало продолжать петиционную кампанию и делать упор на мирную проповедь учения, в то время как ряд местных лидеров из уездов, особенно страдавших от коррупции и произвола, желал начать вооруженную борьбу с чиновными насильниками, а также изгнать из страны «японских и западных варваров». В какой-то мере можно сказать, что последняя группа стояла в безвыходной ситуации. Рядовые члены секты — разоряемые властью крестьяне — требовали от местного руководства секты решительных действий, и лидерам ячеек (зачастую выходцам из пришедших в упадок *янбанских* семей) приходилось волея-неволей бросать ненавистным народу администраторам открытый вызов.

Непосредственной причиной для массового выступления *тонхаков* послужили действия начальника уезда Кобу (провинция Северная Чолла) Чо Бёнгапа, «прославившегося» взаимием с крестьян грабительских «дополнительных налогов» за использование дамбы и водохранилища, построенных крестьянским же трудом, а также арестами и пытками деревенских богачей с целью выколачивания выкупа. Отчаявшиеся в возможности избавиться от чиновного грабителя законным путем, местные *тонхаки*, во главе с лидером ячейки, сельским учителем из разорившихся *янбанов* и талантливым поэтом Чон Бонджуном (1854–1895), напали на уездную управу, расправились с самыми ненавистными приспешниками вымогателя, освободили из тюрьмы его жертв, а также раздали награбленное правителем уезда зерно голодающим беднякам (15–20 февраля 1894 г.). После этого вооруженный отряд *тонхаков* ушел в горы, встав, таким образом, на путь открытого противостояния с властями. Поняв, что крестьян довела до бунта коррупция, правительство отстранило Чо Бёнгапа от должности, тем самым выполнив основное

требование восставших. Однако присланный в качестве «следователя по факту возмущения» (*анхэкса*) крупный сановник Ли Ёнтхэ (1854–?) увидел в *тонхаках* «банду бунтовщиков» и применил к населению Кобу жесткие репрессии, казня без суда семьи ушедших с Чон Бонджуну в горы участников бунта, а заодно обогащаясь на имуществе казенных. Бессмысленная жестокость была последней каплей, переполнившей чашу терпения крестьян провинции Северная Чолла. Призвав всех лидеров ячеек *тонхак* в окрестных уездах к оружию, Чон Бонджун вновь занял со своим отрядом Кобу и изгнал оттуда правительственную администрацию. Его примеру последовали ячейки *тонхак* уездов Тхэин, Муджан, Чонып, Пуан и ряда других. Под контролем восставших оказалась значительная часть провинции Северная Чолла. Выбрав Чон Бонджуна верховным командующим и двух других популярных вожаков, Сон Хваджуна и Ким Гэнама, его помощниками, повстанческая армия провозгласила своей целью «истребление коррупционеров, изгнание варваров, умиротворение народа и помощь государству» и начала расширять сферу своего контроля. Конечной целью повстанцев был поход на столицу. Как считают некоторые историки, часть руководителей восставших первоначально думала вернуть к власти Тэвонгуна, считавшегося «истинно кофуцианским» правителем и уважаемого за попытки борьбы с коррупцией.

Перед лицом относительно организованной, дисциплинированной, и поддерживаемой большей частью населения армии восставших (около 10 тыс. человек) правительственные войска проявляли полную беспомощность, терпя одно поражение за другим. Из отборных столичных частей, посланных на подавление мятежников, еще до начала решающих схваток бежало более половины солдат, не желавших рисковать жизнью ради вымогателей и коррупционеров. После того, как повстанцы в конце мая 1894 г. заняли центр провинции Чолла, город Чонджу, ряд представителей клана Минов (прежде всего известный тесными связями с Юань Шикаем сановник Мин Ёнджун), опасавшихся того, что на них будет возложена ответственность за хаос и коррупцию, которые довели массы до восстания, высказался за обращение к помощи китайских войск. Несмотря на возражения более дальновидных сановников, предвидивших, что вооруженное вмешательство Китая может привести к интервенции других держав и новой вспышке борьбы за гегемонию на Корейском полуострове, правительство Коджона, верное средневековым представлениям об «опоре на старшее государство», послало цинским властям официальную просьбу о присылке воинского контингента. Ли Хунчжан, недалеко видя считавший Японию слабым государством, неспособным всерьез покуситься на Корею, счел ситуацию хорошим предлогом для укрепления китайского влияния в Корее и, не ожидая никаких последствий, санкционировал посылку войск. 9–12 июня 1894 г. более 2 тыс. китайских солдат высадились на берег Асанского залива на

западном побережье Кореи. Тем самым, само того не ведая, цинское правительство совершило роковой шаг, ставший в итоге предлогом для вооруженного вмешательства Японии в корейские дела и, в конце концов, японо-китайской войны 1894–1895 гг.

Вести о прибытии китайских солдат застали повстанцев врасплох, внеся в их ряды смятение. Хотя восстание уже распространилось и на соседние провинции Кёнсан и Чхунчхон, было ясно, что с вооруженной современным оружием китайской армией корейские крестьяне — имевшие в своем распоряжении в основном мечи, пики, луки со стрелами и устаревшие ружья — не справятся. Осознавая серьезность положения, руководство восставших сразу же вступило в переговоры с осадившими Чонджу правительственными войсками и заявило о готовности сложить оружие на определенных условиях. Условия эти можно разделить в целом на две группы. Во-первых, требуя запрета на вымогательство, искоренения коррупции, снижения официальных налоговых норм и т. д., крестьяне стремились, по сути, восстановить традиционные порядки в несколько более приемлемой для них форме. Во-вторых, требуя запрета на вывоз зерна из страны и проникновение японских торговцев во внутренние районы, крестьяне желали оградить традиционное полунатуральное хозяйство от разрушающего воздействия мирового рынка. Ряд второстепенных требований имел характер своеобразной «реакционной крестьянской утопии» — так, восставшие желали демонтировать телеграфные линии. Командир правительственных войск Хон Гехун (?–1895) принял все требования, после чего между ним и повстанцами 11 июня 1894 г. было заключено так называемое Чонджуское соглашение, предусматривавшее, что те преобразования, которые требовали восставшие крестьяне, будут осуществляться совместно правительственными чиновниками и лидерами *тонхак*. После этого отряды *тонхаков* разошлись по родным уездам, располагая теперь преобладающим влиянием в общественно-политической жизни на местном уровне и возможностью осуществить на практике свои требования. Государственная администрация на местах, полностью парализованная восстанием, в основном соглашалась на сотрудничество с руководством *тонхак*, всеми силами стараясь сохранить хотя бы остатки своего влияния.

После заключения соглашения все 53 уезда провинции Чолла оказались под контролем *чипкансо* («управлений по поддержанию порядка») — органов самоуправления *тонхаков*, с которыми сотрудничали представители государственной власти. На уровне провинции администрацию *тонхак* представляло *тэдосо* — центральный орган повстанческой администрации. Не имея квалифицированных кадров для управления, *чипкансо*, как правило, привлекали к работе низших местных чиновников (*сори*) и *янбанов*, не запятнавших себя коррупцией и насилиями в особенно крупных масштабах, при условии принятия ими религии

тонхак. Деятельность *чипкансо* носила компромисный характер. С одной стороны, лидеры *тонхак* строго следили за справедливым расчетом налогов, делали все для предотвращения коррупции, конфисковали имущество наиболее ненавистных народу насильников. Запрещена была на территории провинции и торговая деятельность монополистов-*побусанов*, разорявшая деревенских торговцев. С другой стороны, лидеры *чипкансо* — многие из них были выходцами из сельских *янбанских* семей — строго следили за соблюдением порядка, препятствовали самосудам и грабежу имущества богачей деклассированными элементами деревни. Как сам Чон Бонджун, так и большинство его соратников считали себя верными подданными Коджона, выполнившими долг истинного конфуцианца — очистку местной администрации от «мелких людишек» (коррумпированных элементов). Лишь очень немногие из лидеров *тонхакских* отрядов — в основном за пределами провинции Чолла — видели свой идеал в низвержении чосонской династии и установлении власти нового, *тонхакского* правителя. В основном тем конкретным идеалом, который *чипкансо* пытались осуществить на практике летом 1894 г., была реформа местного управления и введение традиционной налоговой эксплуатации крестьянства в более-менее допустимые для самих крестьян рамки. Став «властью», *тонхакские* лидеры в основном пытались вести себя как «образцовые», в конфуцианском смысле этого слова, чиновники — заботливые в отношении народа, преданные правителю и династии. Тот факт, что часть из них была выходцами из крестьян, а сами *тонхакские* общины включали членов всех сословий, способствовал некоторому размыванию сословных различий. Однако бытующее в корейской левонационалистической историографии со времен колониального периода мнение о том, что *тонхаки* якобы требовали — и проводили в жизнь — полную отмену сословных различий, противоречит известным историкам фактам. Религиозное равенство между верующими различного сословного происхождения не переходило в контролируемых *тонхаками* районах в полную отмену сословных норм в светской жизни: те из *янбанов*, кто не был обвинен в коррупции, сохраняли свое привилегированное положение и землю. Наступление сословного равенства виделось многим *тонхакам* делом будущих времен, когда наступит «рай на земле», а не целью социально-политических преобразований.

Деятельность *тонхаков* по реформе местной власти имела, в определенной мере, прогрессивное значение. Останься провинция Чолла под контролем *чипкансо* на более продолжительное время, положительный эффект от ликвидации коррупции, вымогательства и гильдейских торговых монополий мог бы сказаться на укреплении крестьянского хозяйства, помочь росту местной торговли и предпринимательства. Реально от реформ *чипкансо* больше всех выиграли богатые крестьяне, чьему имуществу более не угрожала коррумпированная власть. Однако желание

тонхаков защитить местный рынок от японских торговцев было явно неосуществимо — Корея уже была опутана сетью неравноправных договоров, разорвать которую могла лишь современная военная сила, которой не было ни у повстанцев, ни у режима Коджона. Кроме того, идеология *тонхак*, при всех свойственных ей религиозно-эгалитаристских устремлениях, не выходила за рамки конфуцианского мировоззрения в широком смысле слова, представляя собой своеобразный религиозный вариант конфуцианства, популяризированный через синтез с даосской и шаманской магией. Равными *тонхаки* были лишь внутри религиозной общины, как почитатели верховного небесного божества и провозвестники грядущего «рая на земле»: вне общины от них требовалось неукоснительно проявлять уважение к старшим, быть преданными государю, бороться с «западными ересями» (католичеством и протестантизмом). Последние обвинялись *тонхаками*, в частности, в «аморальном упразднении жертвоприношений предкам», в результате чего якобы «души предков становятся одинокими и голодными». Одним словом, называть конфуцианский лозунг Чон Бонджуна «Защитим нашего государя, изгоним варваров» символом «раннего популярного национализма», как это делает левая националистическая историография в Южной Корее в наши дни, означает принимать желаемое за действительное, подстраивая реалии корейской истории под заранее заданные схемы. *Тонхаки* — отказывавшиеся воевать с армией Китая, «старшего государства», а затем и помогавшие ей в ходе китайско-японской войны (см. ниже), — оставались на конфуцианских позициях и видели Корею частью дальневосточного «цивилизованного мира», а вовсе не «нацией» в современном смысле этого слова. Консерватизм *тонхаков* и явно утопические элементы в их мировоззрении сыграли свою роль в изоляции восставших от умеренных реформаторов в среде столичной бюрократии, выступивших в конце концов союзниками японских интервентов в подавлении восстания.

б) Японская интервенция, китайско-японская война и второй этап крестьянской войны

Высадка китайских войск в Корею представила Японии прекрасную возможность начать давно планировавшееся вытеснение Китая с Корейского полуострова. Стремясь любым путем — в том числе и через вооруженное столкновение — вытеснить Китай из Кореи и превратить последнюю в зависимое государство (протекторат), японские власти преследовали несколько целей. Во-первых, они желали вытеснить с Корейского полуострова китайский капитал, успешно конкурировавший с японским в экспорте в Корею фабричных товаров. Во-вторых, Корея должна была стать поставщиком в Японию дешевого риса и других

сельскохозяйственных продуктов, потребность в которых на японском внутреннем рынке резко увеличивалась в связи с быстрым ростом населения и урбанизацией. В то же время планировалось и массовое переселение в Корею деревенской и городской бедноты с целью уменьшения социальной напряженности в самой Японии. В-третьих, почти неизбежная в ходе вытеснения китайского влияния с полуострова война с Китаем должна была послужить «сплочению нации», укреплению внутренних позиций олигархии Мэйдзи в обстановке постоянных вспышек социального протеста в деревне и городе (начало 1890-х годов было отмечено плохим урожаем, ростом цен и общей обстановкой недовольства в «низах»). Важна была война и для отношений режима с влиятельными группами интеллигенции, видевшими в «экспансии на континент» способ поднять Японию до уровня колониальных держав «цивилизованного» Запада, закрепить за страной ее новый «вестернизированный» статус. Наконец, в-четвертых, правительство Мэйдзи и само стремилось, показав западному миру военные возможности «новой» Японии, ускорить пересмотр навязанных Западом в конце 1850-х — начале 1860-х годов неравноправных договоров и перейти к системе равноправных военно-дипломатических альянсов с ведущими европейскими державами. «Дальние» планы японской элиты включали и превращение Кореи в базу для экспансии в сам Китай в случае ослабления династии Цин. Немедленная колонизация Кореи не являлась непосредственной целью войны — к 1894 г. у Японии не было ни достаточных средств, ни опыта, ни необходимой базы поддержки внутри значительной части корейского правящего класса. Однако ясно было, что включение Кореи в японскую сферу интересов, о котором любили рассуждать в середине 1890-х годов видные японские политики и интеллектуалы, могло быть также и промежуточным шагом к полной колонизации полуострова.

Подготовка к «большой войне» будущего шла полным ходом уже с начала 1880-х годов. В 1883 и 1889 гг. был радикально пересмотрен закон о воинской повинности и отменен ряд отсрочек и освобождений, что увеличило мобилизационные ресурсы в два с половиной раза. Сухопутные войска были реформированы по немецкой системе, для преподавания в военных академиях и консультационной работы в Генеральном Штабе приглашены ведущие немецкие офицеры. В Германии стажировался ряд японских военачальников, в том числе и один из будущих командующих китайско-японской войны (позже военный министр и премьер-министр) Кацура Таро. Строилась в стране и военная промышленность, к 1890-м годам значительно обошедшая китайскую по технологическим показателям и объему продукции. Собиралась разведывательная информация по Китаю и Корее — весной 1894 г. японский Генеральный Штаб был осведомлен о ситуации в лагере *тонхаков* значительно подробнее, чем правительство Коджона. Наконец, изданный в 1890 г. императорский «Манифест об образовании», провозгласивший

«безусловную преданность императору» основой «национальной морали», стал надежной основой для индоктринизации призывников в духе милитаристского коллективизма. Превращение Японии в сильную военную державу прошло, однако, практически незамеченным для китайских властей. Ли Хунчжан был уверен, что частые конфликты правительства с учрежденным с 1890 г. парламентом делают Японию «слабой страной», совершенно не понимая схожести позиций парламентской оппозиции (Либеральная Партия) и режима в вопросах внешней экспансии. Китай был практически не подготовлен должным образом к отражению японской агрессии.

Стоило японскому кабинету получить от Китая официальное уведомление о посылке контингента в Корею (Китай был обязан заранее уведомить Японию о посылке войск в Корею согласно положениям Тяньцзиньского договора 1885 г.), как японские части стали перебрасываться в Инчхон под предлогом «защиты жизни и собственности японских подданных в Корее», причем у самой Кореи японский кабинет даже не попросил согласия. В Японии уже 5 июня была развернута Ставка Командования, велась активная техническая работа по подготовке к масштабным военным действиям.

Заклучив с повстанцами Чонджуское соглашение, корейское правительство — понимавшее, что дело идет к столкновению между Японией и Китаем на корейской земле, — предложило обеим сторонам вывести войска в связи с «полным замирением» в провинции Чолла. Китай был готов вывести войска, если это сделает Япония, но возвращение к «статусу кво» совершенно не входило в расчеты японского правительства. Объявив, что восстание в провинции Чолла началось из-за «гнилости» корейской администрации, японское правительство предложило Китаю «совместно реформировать Корею», на что Ли Хунчжан ответил решительным отказом. В это время в самой Японии пресса развернула шовинистическую кампанию, требуя «во имя цивилизации изгнать из Кореи китайских варваров». Важным пропагандистским аргументом послужило, в частности, убийство Ким Оккюна в Шанхае (28 марта 1894 г.) агентом корейского правительства, совершенное с молчаливого одобрения Ли Хунчжана. Поскольку Киму было предоставлено политическое убежище в Японии, то убийство рассматривалось как «оскорбление японского флага». Корейское правительство, в отличие от Ли Хунчжана, было готово умиротворить японцев, начав реформировать местную администрацию, но японский кабинет интересовали не реформы сами по себе, а предлог для решительного столкновения с Китаем. В поисках подходящего повода для начала боевых действий они в ультимативной форме потребовали от Коджона разорвать традиционные «вассальные» отношения с Китаем. Коджон, не веривший в способность Японии разгромить Китай и считавший японские действия авантюрой, отказался. 23 июля 1894 г. японские войска, уже расположившиеся в корейской

столице, захватили дворец (убив и ранив при этом более 70 корейских солдат) и, сделав Коджона практически своим заложником, отстранили от власти прокитайски настроенных членов клана Мин. Вместо них главой правительства был сделан Тэвонгун, согласившийся сотрудничать с японцами ради устранения с политической арены своих старых соперников. Корейская армия была разоружена, Сеул оказался под японским военным контролем. 25 июля Тэвонгун, под диктовку японских дипломатов, известил китайскую сторону о разрыве «вассальных отношений» Кореи с Китаем и уполномочил японские войска на изгнание с территории Кореи китайских частей. В тот же день, без объявления войны, японский флот напал на китайскую эскадру у берегов Кореи. При нападении был потоплен зафрактованный китайским командованием британский корабль, на борту которого находилось более 900 китайских солдат. Демонстративный отказ японского флота спасать тонущих китайских солдат (в результате около 700 из них погибло, остальных спасли проходившие мимо европейские суда) вызвал негодование как в Китае, так и в Европе. Китаю оставалось или эвакуировать войска из Кореи и добровольно отказаться от влияния на полуострове, или начать войну, к которой он реально не был готов. Недооценив возможности японских вооруженных сил, Китай пошел на военный конфликт с целью защиты своей традиционной сферы влияния. 1 августа 1894 г. война была официально объявлена обеими сторонами.

С самого начала войны победа сопутствовала хорошо подготовленной и быстро захватившей инициативу в свои руки японской армии. Навязав 26 августа Корею «наступательный и оборонительный союз», японское командование, получившее теперь возможность мобилизовывать корейское население на перевозку грузов и тыловые работы, быстро стянуло свои войска на север страны, где, под Пхеньяном, сконцентрировались и цинские части. Казалось бы, на стороне китайских войска было и определенное преимущество в вооружении (посланные в Корею войска были снабжены импортным оружием — крупновскими пушками и винтовками Маузера), и симпатии корейского населения. По численности японская армия под Пхеньяном (17 тыс. солдат) несколько, но не столь значительно, превосходила китайскую (12 тыс.). Однако сказалось как отсутствие профессионального опыта у цинских военачальников (конфуцианских чиновников, не получивших должным образом современного военного образования), так и плохая выучка солдат: после нескольких дней боев китайские войска сдали 16 сентября Пхеньян и вскоре в беспорядке отступили за Амноккан. Грабежи корейского населения со стороны плохо контролируемых цинских солдат вскоре свели на нет прокитайские симпатии жителей северной части Кореи. Обнаруженные японцами в Пхеньяне письма Тэвонгуна китайскому командованию, в которых этот консервативный деятель объяснял насильственный характер навязанного Корею силой «наступательного и оборони-

тельного союза» и желал китайским войскам победы, послужили затем для японских дипломатов предлогом для того, чтобы вывести Тэвонгуна из корейского правительства и поставить у власти прояпонски настроенных политиков. На следующий день после Пхеньянской битвы подвергся разгрому на Желтом море и китайский флот. Цинская эскадра уступала японской как по численности судов (21 корабль против 27), так и по скорости кораблей (примерно на 30%) и их огневой мощи (более чем в шесть раз). Результатом столкновения двух флотов — первой масштабной битвы современных эскадр в мировой военной истории — была потеря Китаем четырех флагманских кораблей и более тысячи матросов. После этого поражения Ли Хунчжан, опасаясь потерять и оставшиеся корабли, запретил им выходить в море, отдав его под японский контроль. Японская пресса, в которой сразу с началом войны была введена предварительная цензура, не сообщила правды о значительных потерях японской стороны (около 600 человек). Вместо этого всячески раздувалась шовинистическая истерика, регулярно публиковались преувеличенные истории о «героизме и мужестве» японских солдат. Милитаризмом оказалось заражено практически все общество, даже малочисленные протестантские группы, в принципе стоявшие на пацифистских позициях. В новой истории китайско-японская война представляет один из важных примеров воздействия массированной, хорошо скоординированной милитаристской пропаганды в контролируемых СМИ на аудиторию.

Потерпев поражения на суше и море, Цинский Китай попытался обратиться к посредничеству России, Германии и США и добиться с Японией мира на более-менее приемлемых условиях. Однако серьезных успехов эти дипломатические маневры не принесли: «державы» считали, что «умеренное» ослабление Китая даст новые возможности для навязывания слабеющей Цинской империи концессий и выгодных условий торговли. Даже Великобритания, ранее считавшая сохранение цинского влияния основой для стабильной европейской торговли на Дальнем Востоке, постепенно стала переходить на прояпонские позиции, видя слабость цинских сил и степень дезорганизации административного аппарата. Немаловажную роль в деле создания благоприятного для Японии общественного мнения на Западе играли действия японского МИДа, через посредников из числа нанятых на японскую службу граждан США и Великобритании прямо подкупавшего ряд западных информационных агентств (в частности, влиятельное английское агентство «Рэйтеер»), обеспечивавшего нужное освещение военных действий во влиятельных английских и американских газетах. Глава японского МИДа Муцу Мунэмицу (1844–1897) открыто поставил своей целью предотвратить любую информацию о насилиях японской армии по отношению к китайскому населению от появления на страницах западной печати. Надо сказать, что в большинстве случаев его усилия увенчивались успехом.

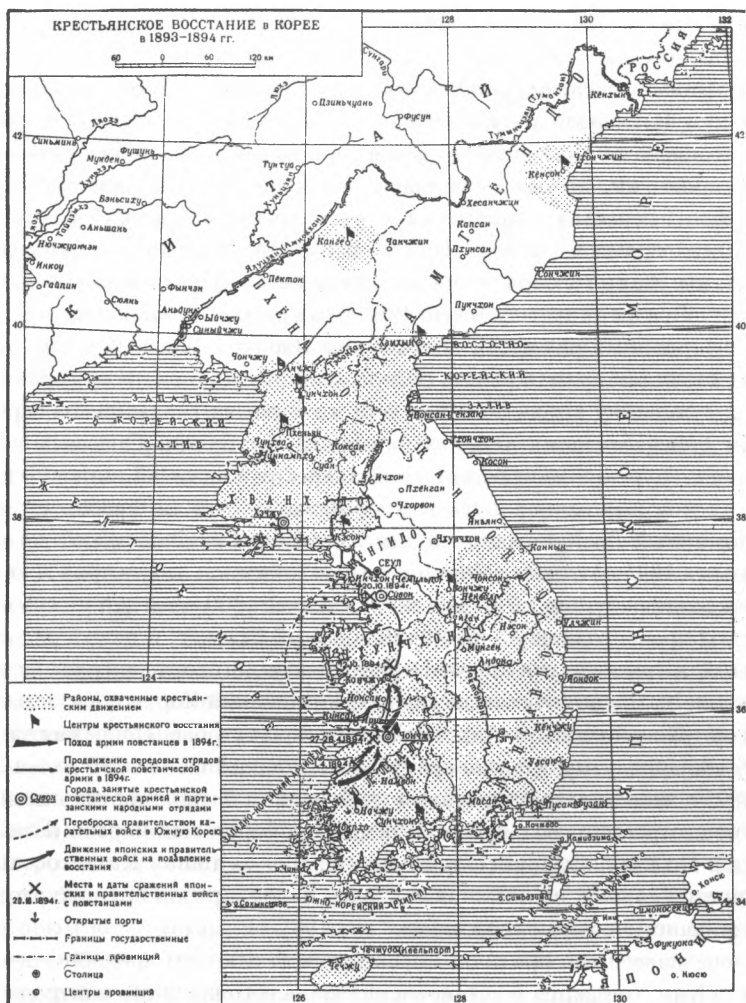

Рис. 18. Восстание тонхак — карта
(Источник: БСЭ. 2-е изд. Т. 22. М., 1953. С. 597)

Перейдя китайско-корейскую границу, японская армия быстрыми темпами оккупировала территорию Южной Маньчжурии, взяв 8 ноября важную крепость Далянь на полуострове Ляодун. Отвергнув попытки Китая начать неофициальные переговоры о мире, Япония решительно продолжала наступление, захватив 22 ноября порт и морскую базу Ляوشунь (Порт-Артур). Взятие Ляوشуня ознаменовалось резней китайского населения — погибло несколько десятков тысяч мирных жителей. Этот эпизод, получивший — несмотря на все помехи с японской стороны — определенное освещение в западной прессе, стал одним из

первых предупреждений о крайней жестокости, характерной для «примерного ученика» европейского империализма — японской военщины. Следующим объектом атаки стал важнейший порт на полуострове Шаньдун, Вэйхайвэй, окончательно взятый к 17 февраля 1895 г. В битве за Вэйхайвэй японцы впервые в мировой военной истории применили такой прием, как ночная торпедная атака. Флот северного Китая (Бэйянский флот) перестал существовать: часть кораблей сдалась, часть была потоплена прямо в гаванях. Теперь, контролируя основные пункты на побережье Желтого моря, японская армия могла двигаться на китайскую столицу. Вскоре (к началу марта 1895 г.) японцы установили контроль и над внутренними районами полуострова Ляодун. Перед цинскими властями стоял выбор: или начать общую мобилизацию сил всей страны на тотальную войну с захватчиками, или же переходить к мирным переговорам с неизбежными территориальными уступками. Опасаясь роста антиманьчжурских настроений и крестьянских восстаний, цинский двор выбрал в конце концов путь компромисса за счет интересов страны. Подписанный Ли Хунчжаном и Ито Хиробуми Симоносекский договор (30 марта 1895 г.) отдавал Японии остров Тайвань и полуостров Ляодун, а также контрибуцию в 200 миллионов таэлей (300 млн. иен — сумму, в два раза превосходившую японский военный бюджет) и целый ряд привилегий в торговле с Китаем. Первая статья договора признавала расторжение традиционных «вассальных» отношений Кореи с Китаем, т. е. крах китайской гегемонии на Корейском полуострове. Подражая западному империализму, Япония практически пошла значительно дальше — до 1895 г. западные государства не требовали от Китая территориальных уступок, ограничиваясь арендой китайских береговых портов (Гонконг и т. д.). По сути, Симоносекский мир не только лишил Китай остатков внешнего влияния, но и поставил страну перед угрозой прямого раздела империалистическими державами.

Поражение Цин, приход в Корею к власти открыто прояпонского кабинета Ким Хонджиба и установление японского военного контроля над значительной частью территории страны вызвали серьезную тревогу у *тонхакских* лидеров, опасавшихся, что Корея может потерять государственный суверенитет. Возмущение *тонхаков* на местах вызвали проводимые японцами насильственные мобилизации населения на тыловые работы и перевозку военных грузов. За действиями *тонхакских* лидеров внимательно следили японские агенты, прикидывавшиеся «сочувствующими» восстанию и стремившиеся спровоцировать *тонхаков* на новое вооруженное выступление, чтобы дать японской армии и прояпонскому режиму в Сеуле «законный» предлог разгромить все движение. В частности, японская разведка подбивала *тонхаков* выступить под знаменем «антикоррупционных реформ», рассчитывая, что лозунг будет популярен среди населения. С другой стороны, Тэвонгун, отстраненный японцами от власти, также призывал Чон Бонджуна и близких ему ли-

дерев восстать и тем помочь китайской армии в борьбе против японских войск. В общей атмосфере крайнего социального и политического напряжения, подогреваемого новостями о произволе японцев на корейской земле, местные ячейки *тонхак* в ряде провинций уже в августе 1894 г. начали нападать на японские части, расправляясь с японцами и теми из местных администраторов, кто помогал японским войскам мобилизовывать корейцев на тыловые работы. К сентябрю, после того, как стало известно о поражении китайских войск под Пхеньяном, мнения в среде *тонхакских* лидеров разделились. Чон Бонджун считал, что в период общегосударственного кризиса разумнее сотрудничать с правительством и не давать японцам предлога для карательных акций против провинции Чолла. Однако Ким Гэнам, поддержанный большей частью местных лидеров, высказался в пользу восстания с целью изгнания японцев из страны. В конце концов, после бурных дискуссий, мнение Ким Гэнама было поддержано организацией *тонхаков* как целым: даже духовный лидер *тонхак* Чхве Сихён, в принципе возражавший против вооруженной борьбы, дал согласие возглавить новое восстание. Это объяснялось, прежде всего, ощущением кризиса в связи с победами Японии в войне против Цин — *тонхакские* лидеры начали всерьез опасаться, что «островные варвары» (японцы) могут аннексировать Корею и уничтожить основы конфуцианской традиции и мироустройства. Большим шоком для лидеров секты явился штурм японцами государственного дворца — сакрального центра конфуцианской Кореи — 23 июля 1894 г. С тем, что для «обуздания островных варваров» необходимо как можно быстрее помочь войскам «старшего государства» (Китая), терпящим одно поражение за другим, согласилась даже очень осторожная группа духовных лидеров, возглавлявшаяся Чхве Сихёном. В октябре 1894 г. ополчение *тонхакских* ячеек со всей страны (по некоторым источникам, до 200 тыс. чел.) собралось под Нонсаном (провинция Южная Чхунчхон) и торжественно провозгласило начало анти-японской войны. С этого момента *тонхакские* группы по всей стране начали нападать на японские гарнизоны, активно разрушать строившиеся японцами в военных целях дороги и телеграфные линии. В провинциях Чолла, Чхунчхон, ряде районов провинции Кёнсан большая часть сельских районов оказалась под контролем восставших. Анти-японская направленность второго этапа крестьянской войны объясняет, почему к восставшим присоединялись как отставшие от основных частей соединения цинской армии, так и ряд конфуцианских интеллигентов и даже местных администраторов. В то же время про-японское реформаторское правительство в Сеуле, видя в новом восстании прежде всего консервативную реакцию на реформы (о реформах этого периода см. ниже), без всяких колебаний передало корейские правительственные части в распоряжение японского карательного корпуса. Не помогли отчаянные обращения *тонхакских* лидеров, не

желавших воевать против собственно корейских властей. Крупные землевладельцы и чиновники, составлявшие костяк прояпонского реформаторского режима, видели в *тонхаках* — крестьянах и разорившихся сельских *янбанах* — людей, совершенно чуждых им классово и идеологически, «невежд-консерваторов, способных лишь препятствовать развитию цивилизации». Опять, как и в 1884 г., реформаторское, ориентированное на Запад и/или Японию меньшинство правящего класса не побоялось пойти на союз с империалистическими силами и насилие против соотечественников ради достижения своих целей.

Хотя восставшим противостояли значительно меньшие по численности подразделения карателей — около 6 тыс. японских солдат (два батальона и два отдельных полка) и до 3 тыс. корейских (вытренированных японскими офицерами и снабженных японским оружием) — восстание было обречено на неудачу с самого начала: бамбуковые пики и фитильные ружья повстанцев никуда не годились против винтовок и полевых пушек их противников. Основная битва произошла в конце декабря 1894 г., когда несколько десятков тысяч *тонхаков* попытались штурмом взять центр провинции Южная Чхунчхон — Конджу. На подступах к городу, у перевала Угымчхи, они были встречены огнем японской артиллерии и полностью разгромлены в ходе продолжавшегося несколько дней ожесточенного сражения. По свидетельствам самих японцев, восставшие проявляли беспримерную храбрость, с пением магических формул штурмуя хорошо укрепленные японские позиции под залповым огнем полевых орудий. После битвы под Угымчхи японские войска и их корейские подручные, преследуя отступавшие *тонхацкие* части, перешли к наступлению в глубь провинций Чхунчхон и Чолла, безжалостно истребляя всех, подозревавшихся в «мятеже». Их помощниками стали организованные местными крупными землевладельцами отряды «самообороны»: убедившись в крахе администрации *чипкансо*, местная верхушка, желавшая избавиться от любых подозрений в сотрудничестве с *тонхаками* и оказаться на хорошем счету у прояпонских властей в Сеуле, выступила самым рьяным преследователем «мятежников». Чон Бонджун, пытавшийся скрыться в горах, чтобы продолжить сопротивление, был схвачен и, после тщательных допросов, осужден и казнен в Сеуле. Ряд лидеров восстания (в том числе Ким Гэнам) расстреляли прямо на месте поимки — японцы опасались, что население отобьет народных вожаков по дороге в Сеул. После нескольких лет жизни в подполье, расправа настигла и духовного лидера секты Чхве Сихёна. Те из *тонхаков*, что сумели скрыться от карателей в горах, впоследствии слились с антияпонскими партизанскими отрядами «армии справедливости» (*ыйбён*) — сил традиционалистского конфуцианского сопротивления. По некоторым подсчетам, расправа, учиненная японскими войсками в ходе борьбы против восставших, унесла жизни нескольких десятков тысяч корейцев. Бессудные расстрелы, сожжение целых деревень должны были

искоренить саму мысль о народном противостоянии японским оккупантам и прояпонским властям. Получилось, однако, наоборот, — жестокости карателей лишь укрепили антияпонские настроения среди крестьян, мелких торговцев и низовых слоев провинциального *янбанства*, вылившиеся впоследствии в несколько серий партизанских выступлений «армий справедливости» против агрессоров.

Давая общую характеристику движению *тонхак*, необходимо прежде всего отметить крайне сложный социальный состав его движущих сил. На различных этапах движения к нему примыкали практически все социальные слои провинциального общества, по тем или иным причинам недовольные существующим положением дел в стране — самые разные слои крестьянства, мелкие непривилегированные торговцы, сельские *янбаны*, и даже определенная часть конфуцианской интеллигенции и чиновничества. Всю эту пеструю по составу массу недовольных объединяли, по сути, две общие тенденции — антияпонские настроения (отчасти связанные с конфуцианским неприятием «варваров» и беспокойством за судьбы оккупированного японскими войсками государства, отчасти вызванные ухудшившейся социально-экономической ситуацией после открытия портов) и ненависть к тонкой прослойке коррумпированной высшей олигархии. В какой-то степени, объединяющим моментом был и общий контур позитивной программы — возвращение к «истинно» конфуцианской государственности, с «легкими налогами и честными чиновниками». Проблема состояла в том, что для Кореи конца XIX в., не имевшей никакой реальной возможности защитить себя от империалистической агрессии, такая программа была утопичной — ни Япония, ни западные державы не допустили бы нового закрытия корейского рынка. В реальности, столкнувшись со считавшим повстанцев «главным врагом» прояпонским режимом в Сеуле и превосходно оснащенной японской армией, разные силы в рядах *тонхаков* достаточно быстро заняли различные, зачастую противоположные, позиции. Часть местных *янбанов*, одно время сотрудничавших с движением, начала организовывать отряды «самообороны», преследуя в первую очередь местную *тонхакскую* бедноту, особенно ненавистную деревенской верхушке. Духовное руководство движения, поддерживаемое богатым крестьянством, часто отказывалось от сопротивления перед лицом превосходящих сил карателей, распуская ополчения по деревням и скрываясь от расправы до лучших дней. В то же время бедняцкие отряды, наиболее ожесточенно сопротивлявшиеся карателям, часто сливались потом с *янбанскими* «армиями справедливости» под общими антияпонскими, антизападными лозунгами. Одним словом, пестрый состав движения, очень плохое представление его лидеров и участников об окружающем мире, их наивная вера в возможность «легкого» возвращения к «хорошему» традиционному строю — все это обрекло движение на разгром. Однако громадные жертвы, принесенные *тонхаками*, нельзя считать на-

прасными. Религиозный эгалитаризм *тонхакских* ячеек способствовал ускоренному распаду сословной системы в провинциальном обществе. Самих *тонхаков* вряд ли можно назвать националистами (в их лексиконе не существовало даже термина, соответствующего понятию «нация» в современных языках), но их героическая борьба с японскими оккупантами стала впоследствии источником вдохновения для левых националистических течений. Религия *тонхаков*, в ореоле жертвенной гибели тысяч участников восстания, стала основой для множества новых, нетрадиционных религиозных течений в Корее XX в., стремившихся — самыми разными путями — отыскать место для более эгалитарных, коммунитарных форм жизни в жестоком мире неравенства и эксплуатации. В целом, опыт создания первой в корейской истории собственно корейской синкретической религии, а также опыт массовой народной борьбы с правящей олигархией и ее иностранными покровителями имели громадное значение для созревания в Корее современного общества.

в) Радикальные реформы «сверху»: 1894–1895 гг.

Захватив 23 июля 1894 г. дворец и поставив у власти прояпонский кабинет Ким Хонджипа — ставшего сторонником реформирования страны по японской модели еще со времени своей поездки с посольством в Токио в 1880 г., но проявившего осторожность и к группе Ким Оккюна не примкнувшего, — японские власти объявили, что «освобождение Кореи от власти отсталого Китая» даст возможность начать в стране «передовые реформы». Конечно, реформы в Корее как таковые японское правительство не интересовали, о чем вполне откровенно писал шеф японского МИДа Муцу Мунэмицу в своих мемуарах. Однако они надеялись, что ускоренная перестройка Кореи на японский манер «сверху» послужит японским интересам в самых разнообразных сферах. Так, упорядочение и активизация денежного обращения в стране должны были облегчить японским торговцам скупку риса и продажу фабричных товаров. Перевод образования на европейскую систему, с ликвидацией конфуцианских образовательных институтов, должен был подорвать корни конфуцианской оппозиции закабалению страны. Поощряя строительство современной инфраструктуры (телеграф, железные дороги) и развитие горнорудного дела, японцы рассчитывали прибрать к рукам наиболее выгодные проекты. В целом, с японских позиций, реформы должны были закрепить Корею в сфере японских интересов, по возможности оторвав страну от традиционных культурных корней.

Несколько иными были планы корейских реформаторов, пришедших на японских штыках к власти. С одной стороны, видя в модернизации единственный путь выхода из затянувшегося кризиса, эта группа была готова вместе с иностранными оккупантами пойти на кровавую распра-

ву с «антиреформистским» движением *тонхак*. Соотечественники-«консерваторы» представлялись ей большим препятствием для «цивилизации и прогресса», чем японские интервенты. Определенную зависимость от последних корейские «прогрессисты» считали неизбежной (видя в современном им мире множество примеров зависимой от европейцев государственности в Азии — Турция, Иран, Афганистан, и т. д.), а государственный суверенитет предполагали сохранить, балансируя между различными империалистическими державами (как это делал, скажем, Таиланд), используя противоречия между Японией, Россией, США, и западноевропейскими странами. Нейтралитет — под японским «покровительством» и с «гарантиями великих держав» — виделся этой группе самым реалистичным выходом для страны. Учитывая, что конкретных планов колонизации Кореи у Японии в 1894 г. еще не было, эти проекты нельзя считать полностью утопическими — хотя и сами их авторы отдавали себе отчет в том, что их успех зависит от международной ситуации и меньше всего — от самих корейцев. Во внутренней политике, конечные идеалы реформаторов года *кабо* (так их обычно называют по циклическому имени 1894 г. — года Лошади) были разнообразными. Часть из них, имевшая опыт жизни в США (Ю Гильджун, Пак Чонъян и другие), в принципе положительно относилась к демократическим принципам, но самым реальным в корейских условиях решением считала конституционную монархию, где реальная власть принадлежала бы реформистской, прозападной элите. Другая часть (в частности, сам Ким Хонджип) идеализировала японский опыт и выступала с более консервативных позиций за прочную централизованную государственность милитаристского, мобилизационного типа. Общим было, однако, принятие основ современного капитализма: «свободной» международной торговли, «свободы» частной собственности и предпринимательства, эффективной полицейской системы, гражданского общества, свободного от сословных ограничений и бюрократического произвола, и т. д. В условиях Кореи конца XIX в., где «свободными» предпринимателями могло реально стать ничтожное меньшинство населения — прежде всего крупные землевладельцы, вывозившие в Японию рис, и владельцы «административного капитала» в правительстве (прежде всего сами реформаторы), — это была классовая программа протокапиталистического меньшинства в разлагающемся традиционном обществе. Естественно, что реформаторы — сами выросшие в атмосфере традиционной конфуцианской культуры — пытались «подсластить пилюлю», облекая свои планы в привычные для *янбанского* слуха формулировки. Так, «свободная торговля» именовалась «великим принципом Поднебесной», полицейская система должна была ввести страну в «эру великого спокойствия», а «крепкий хозяин» сравнивался с «книжником, неустанно преумножающим свои познания». Однако сути реформаторской программы это не меняло.

Ситуация, когда современные институты устанавливались путем вооруженного насилия «сверху» и «извне», руками опиравшегося на иностранную армию элитарного меньшинства, — вообще характерная для колониальных и полуколониальных обществ — оказала серьезное негативное влияние на историю Кореи в следующем, XX, столетии. Презрительное отношение к массе населения как к «консервативным невеждам», объекту преобразований, проводимых «пионерами современности» во власти, стало впоследствии социально-психологической основой диктаторских, антидемократических методов, к которым столь широко прибегали и прибегают постколониальные режимы на обеих половинах Корейского полуострова. В обиход власти стали входить с того времени «спокойное» отношение к «неизбежным потерям» (истребление японской и корейской армиями десятков тысяч корейских крестьян в ходе подавления восстания *тонхак* даже не привлекло особого внимания реформаторов), привычка довольствоваться подчиненным положением по отношению к иностранным «покровителям», и т. д. В то же время нельзя отрицать, что реформаторские планы — каковы бы не были методы их осуществления и социально-психологический характер движущих сил реформ — были направлены, в том числе, и на решение давно назревших проблем, столь долго игнорировавшихся режимом клана Минов. Так, отмена сословных привилегий и борьба с коррупцией, в принципе, соответствовали интересам и чаяниям большинства населения. Однако грубый, насильственный характер реформ, вместе с авантюристическими акциями японских покровителей нового режима, сыграл в итоге решающую роль в отчуждении большинства населения от преобразований и привел ряд реформаторов к трагическому концу.

Первым этапом преобразований считается период с июля по октябрь 1894 г., когда кабинет Ким Хонджипа издал более 210 указов по реформам в самых разных областях. Указы разрабатывались особым государственным органом — Верховным Консультативным Советом по Гражданским и Военным Делах (*Кунгук кимучхо*) — находившимся под контролем реформаторов. Со стороны самой радикальной проамериканской фракции были даже предложения превратить этот Совет в парламент западного образца, но они были отвергнуты. Разработанные Советом и принятые кабинетом указы доставлялись на подпись к Коджону, самостоятельной роли в реформах не игравшему. Японское вмешательство в деятельность реформаторов осуществлялось в основном через японских «помощников» при Верховном Консультативном Совете и путем личного давления на Ким Хонджипа и его коллег, и было на этом этапе относительно слабым — основное внимание японские власти уделяли войне с Китаем.

Вторым этапом реформ считают период с октября-декабря 1894 г. по октябрь 1895 г. Начало этого периода характеризуется усиленным вмешательством с японской стороны, главным проводником которого был на-

значенный с октября 1894 г. новым японским посланником в Сеул Иноуэ Каору, тогдашний министр внутренних дел и один из самых авторитетных деятелей режима Мэйдзи. С победой над китайскими войсками под Пхеньяном и переносом военных действий на китайскую территорию, японская верхушка решила, что Корея уже не уйдет из сферы японского влияния, и принялась за перестройку структур власти в Сеуле в соответствии со своими интересами. Видя в Тэвонгуне и консервативном клане государыни Мин главное препятствие на пути установления японского контроля над страной, Иноуэ потребовал от Коджона перехода к «единовластия государя» (т. е. полного отстранения отца и жены от власти) и включил в состав кабинета Ким Хонджипа вернувшегося из Японии Пак Ёнхё — организатора неудачного переворота 1884 г. Иноуэ надеялся, что Пак Ёнхё, проживший в Японии десять лет в качестве политического беженца, лично близкий к японскому руководству и ненавистный клану Минов, будет послушным орудием в японских руках. Кроме того, во все министерства были посланы японские «советники» (всего около 40 человек), призванные контролировать ход преобразований в деталях. Верховный Консультативный Совет был упразднен. Коджон был вынужден принять требования Иноуэ в полном объеме и дать 7 января 1895 г. торжественную клятву (*хонбом*) из 14 пунктов, где, в частности, навсегда отвергалась зависимость от Китая и запрещалось всякое вмешательство в государственные дела со стороны родственников государя. В ситуации, когда финансы корейского правительства были полностью расстроены, Коджону были навязаны два японских займа (130 тыс. и 3 млн. иен) под высокие проценты, под залог доходов с корейских таможен. В обмен на займ Япония получила ряд концессий, в частности, на строительство железной дороги Пусан-Сеул, на разработку рудников, и т. д. Корейская армия оказалась под контролем японских офицеров — «военных советников». В целом, страна практически становилась японским протекторатом.

Ситуация, однако, резко поменялась после событий апреля-мая 1895 г., когда вмешательство России, Франции и Германии, инициированное Россией (т. н. «Тройственная интервенция»), вынудило японскую сторону пересмотреть условия Симоносекского мира и отказаться от аннексии Ляодунского полуострова. С общим укреплением российского влияния на дальневосточные дела изменилась и расстановка сил в корейской политике. Как консерваторы из клана Минов и близких ему группировок, которых Иноуэ собирался устранить с политической арены, так и проамериканские реформаторы, недовольные засилием в кабинете прояпонских сил, начали сближаться с российскими дипломатами и открыто просить о помощи России в освобождении от власти японских ставленников. Консолидации антияпонских сил и их сближению с российскими дипломатами немало способствовали и незаурядные политические таланты российского посланника в Сеуле, К.И.Вебера, сумевшего наладить взаимодействие с американскими представителями

и завоевать симпатии проамериканской группировки. Вскоре Пак Ёнхё, ставшему мишенью для резкой критики, пришлось вновь искать политического убежища в Японии, а в руководимый тем же Ким Хонджином новый кабинет (перестановки в правительстве произошли в июне-июле 1895 г.) вошли в немалом числе политики, близкие к российской и американской миссиям (Ли Ванён, Ли Бомджин, и др.). Правительство собралось расформировывать находившиеся под японским контролем воинские части, обоснованно сомневаясь в их надежности. Из-под ног японцев в Сеуле уходила почва. В этой обстановке новый японский посланник в Сеуле, Миура Горо, с полного одобрения своего начальства решил прибегнуть к «чрезвычайным мерам». Взяв в союзники Тэвонгуна, недовольного усилением клана Минов за счет альянса с российскими дипломатами, он организовал 8 октября 1895 г. нападение контролируемых японцами корейских частей и банд японских авантюристов на государев дворец с целью убийства государыни Мин — главного антияпонского деятеля в корейских политических кругах. Убийство, совершенное с дикой жестокостью — было одновременно перебито множество охранников дворца и женщин из государева гарема, а изуродованное тело самой государыни облили бензином и сожгли на месте преступления — вызвало шквал международных протестов, что вынудило японский МИД отозвать Миуру и устроить даже комедию «суда» над ним (естественно, его оправдали). Но главное было сделано — запуганный Коджон оказался под полным контролем японцев, в охраняемом прояпонскими корейскими частями дворце. Из кабинета Ким Хонджины были вычищены антияпонски настроенные деятели, и реформы по указке японских «советников» пошли так, как они шли до мая-июня 1895 г.

Рис. 19. Фото корейской придворной дамы в парадном облачении.

По одной из версий, на этой фотографии — сама государыня Мин.

были вычищены антияпонски настроенные деятели, и реформы по указке японских «советников» пошли так, как они шли до мая-июня 1895 г.

Третий этап реформ — с 8 октября 1895 г. по 11 февраля 1896 г. — ознаменовался рядом радикальных перемен, призванных еще более приблизить страну к японской модели. Был, по примеру Японии, упразднен традиционный лунный и введен солнечный грегорианский календарь, издан указ об основании государственных начальных школ современного типа. Наконец, с ноября 1895 г. правительство приказало всем мужчинам-корейцам отказаться от традиционной прически (в старой Корее волосы заплетались в «шишечку» на затылке — *сантху*) и перейти на европейскую стрижку. Указ этот был издан по образцу перемен в прическе в Японии периода Мэйдзи, но прояпонские ре-

форматоры совершенно не учли того, что в корейской культуре конфуцианские традиции, не позволявшие стричь волос и бороды (волосы на голове считались «даром родителей», и стрижка была нарушением «долга сыновей почтительности»), лежали гораздо глубже, чем в японской. Указ, проводившийся в жизнь грубо насильственным, оскорбительным для человеческого достоинства путем (бороды и волосы стригли вооруженные солдаты у городских ворот), сыграл роль последней капли, переполнившей чашу терпения *янбанства*, и без того ненавидившего японцев и их присных за убийство «матери страны» — государыни Мин. По всей Корее поднялись знамена «армий справедливости» — *янбанских* ополчений, уничтожавших японцев и прояпонски настроенных корейцев на местах и готовившихся идти на столицу для расправы с кабинетом Ким Хонджипа. К январю 1896 г. административный контроль на местах в большинстве провинций страны принадлежал восставшим, которых поддерживало большинство населения. В стране нарастал хаос, практически не собирались налоги. Видя, что реформы Ким Хонджипа закончились провалом и боясь, после гибели жены, и за собственную жизнь, Коджон наладил связь с российской миссией и пошел на решительную акцию против японцев и их ставленников. 11 февраля 1896 г., в женском паланкине (который дворцовый караул не имел права досматривать) Коджон бежал в российскую миссию, где объявил о роспуске кабинета Ким Хонджипа, сразу же вынес самому Ким Хонджипу и его министрам смертные приговоры, и приостановил действие ряда изданных кабинетом указов (в том числе и злополучного указа о стрижке волос). Как только весть об успешном бегстве Коджона в российскую миссию (это событие известно в корейской историографии как *агван пхачхон*) и смертном приговоре прояпонским министрам разнеслась по столице, ликующие толпы тотчас же привели приговор в исполнение, буквально растерзав на куски Ким Хонджипа и тех из его коллег, кто не успел или не захотел бежать в Японию. Для реформ, проводившихся на иностранных штыках, грубо насильственным, оскорбительным для большинства населения путем, это был закономерный результат.

Какие новшества несли стране те 600 с лишним реформаторских указов, что приняли сменявшие друг друга кабинеты под руководством Ким Хонджипа? Прежде всего, в соответствии с результатами китайско-японской войны, была торжественно провозглашена независимость Кореи от Китая, запрещено использование китайских «эр правления» в официальных документах и впервые в истории страны разрешено издание официальной документации с использованием корейского алфавита. В корейских школах ввели отдельное преподавание корейской истории (ранее считавшейся лишь дополнением к истории Китая и конфуцианской философии), а даты в учебниках и правительственных документах стали давать, используя «чосонскую эру» — с года основания династии.

Эти меры можно считать началом насаждения в Корее «национализма сверху» — государственных представлений о Корее как независимом национальном государстве со своей, непохожей на общерегиональную (китайскую конфуцианскую), культурой. Однако следует отметить, что переход корейской интеллигенции с конфуцианских на современные националистические позиции занял достаточно долгое время (и, в определенной степени, остался незавершенным вплоть до сегодняшнего дня). Традиционная интеллигенция — такие известные вожди «армий справедливости», как конфуцианский ученый Лю Инсок (1842–1915), например, — не отказалась от представлений о Китае как «центре цивилизации» вплоть до колониального времени. В этой среде крайне крепки были и представления о знании литературного китайского языка как синониме образованности, пренебрежительное отношение к корейскому алфавиту. С другой стороны, «новая» интеллигенция — воспитанная в Японии (куда архитекторы реформ 1894–1895 г. послали около 200 студентов на учебу за государственный счет) или в миссионерских школах в Корее (с которыми государство с 1894 г. заключало контракты, принимая ежегодно определенное число сведущих в иностранных языках выпускников на службу) — часто отличалась «компрадорским» пренебрежением к родной стране, крайним евроцентризмом или же сильными прояпонскими симпатиями. Как и в большинстве полуколониальных обществ, где отсутствовала сильная буржуазная государственность, формирование «официального» национализма в Корее шло медленно и непросто.

Далее, бюрократическая система была перестроена по японскому образцу — традиционные институты (шесть министерств и различные ведомства) были перестроены в семь министерств современного типа (финансов, образования, обороны, внутренних дел, иностранных дел, и т. д.), верховным государственным органом стал кабинет министров (*нэ-гак*), а все многочисленные старые дворцовые ведомства были сведены в одно Ведомство Двора со строго определенным и гласным бюджетом (цивильным листом). Все налоговые полномочия сконцентрировались у подчиненной Министерству финансов налоговой службы, взыскивавшей теперь все налоги только в денежной форме («рисовый налог» ушел в прошлое). Составляемый Министерством финансов ежегодный государственный бюджет стал, наконец, достоянием гласности. Эти реформы способствовали ликвидации многих традиционных злоупотреблений в налогообложении, что в какой-то мере снизило налоговое бремя крестьянства. Однако, с другой стороны, перевод всех налогов в денежную форму означал новые нагрузки для полунатурального крестьянского хозяйства — необходимость продавать часть урожая на рынке, часто перекупщикам и спекулянтам по заведомо заниженным ценам. В итоге, выиграли лишь уже встроившиеся в рыночные структуры богатые крестьяне, а кризис бедняцких хозяйств был усугублен. Перед угрозой по-

тери социального статуса встали и многочисленные конфуцианские бюрократы, уволенные со службы в процессе реорганизации министерств. Особенно сильно сокращения ударили по мелким провинциальным чиновникам — примерно три четверти из их числа (16 тысяч из 22 тыс.) не нашли себе места в новой, рационализированной системе местного управления. Многие из них вскоре пополнили ряды «армий справедливости». Несомненно, новая бюрократическая система выигрывала по сравнению со старой в эффективности и использовала ряд достижений развитых стран. Так, была отменена традиционная система круговой поруки для родственников, формально запрещены судебные пытки (в реальности их продолжали использовать, особенно в «политических» делах), создано внешне независимое судопроизводство, введен принцип состязательного процесса. Однако в то же время японская модель, использовавшаяся реформаторами, была далека от демократических идеалов. Скажем, полиции было дано множество чрезвычайных полномочий (вплоть до права «следить за домашней гигиеной»), использовать телесные наказания во внесудебном порядке и на месте запрещать публичные собрания и шествия), а вот старая система Государственных Цензуратов, ограничивавшая в какой-то степени произвол представителей власти, была ликвидирована. Сложно говорить и том, что новая система отвечала требованиям социальной справедливости. Так, ликвидированы были конфуцианские экзамены на чин (*кwaго*), а заодно и монопольное право *янбанов* на государственную службу (о практическом упразднении сословной системы см. ниже). Однако теперь поступление на службу стало зависеть или от министерской рекомендации (для высших чиновников), или от успешной сдачи экзаменов по «современным наукам» (география, математика, и т. д.). Практически это означало, что бюрократическая система стала монополией богатых землевладельцев и торговцев, «компрадорской» элиты, имевшей связи в правительственных кругах и деньги на то, чтобы дать детям современное образование. Во многих государственных институтах ведущую роль играли иностранные специалисты (из них, например, состоял почти весь руководящий состав таможи).

В сфере экономики новая власть стремилась прежде всего упорядочить денежное обращение, чтобы облегчить уплату налогов в денежной форме. Было решено, что Корея будет чеканить серебряные деньги и использовать медь и никель в качестве разменной монеты. Однако вскоре выяснилось, что достаточными запасами серебра правительство не располагает, и чеканка монеты ограничилась, в основном, медными и никелевыми деньгами. Нажим со стороны японских властей, а также нехватка собственно корейских денег и недоверие население к корейской валюте вынудили власти разрешить хождение иностранных — т. е. прежде всего японских — денег по всей стране по их нарицательной стоимости. Курс новой корейской валюты был привязан к иене. Таким

образом, на всю страну распространилась ситуация, существовавшая и ранее в «открытых» портах, где основной валютой были иены. Легализация иностранной валюты обогатила японских торговцев и корейских компрадоров, сделав в то же время страну в финансовом отношении практически колонией Японии. В денежном обращении продолжала господствовать неразбериха: наряду с японскими и корейскими деньгами, в стране ходили серебряные мексиканские доллары, цинские таэли, а на северо-востоке — и российские рубли. Это не могло не стать серьезным препятствием для накопления капитала у корейских предпринимателей. Стремясь стимулировать развитие современного капитализма в стране, власти разрешили основание частных банков (первый из них, Хансонский Банк, начал работу в 1897 г.), но самым надежным местом для вложения средств продолжали считаться японские и гонконгские банки. Вывоз капитала — прежде всего прибылей японских торговцев и корейских компрадоров — из страны шел по-прежнему. Разумным по замыслу можно считать такое мероприятие реформаторов, как унификация традиционных мер веса, длины и объема, что было призвано облегчить торговлю рисом. Раньше одни и те же меры имели различные стандарты в каждой провинции — а иногда различия наблюдались даже на уровне уездов и деревень, — что крайне усложняло работу оптовых торговцев на общекорейском рынке. Однако в реальности, принятие правительством единых стандартов мало повлияло на местную практику — традиционные меры веса и объема толкуются в различных регионах по-разному вплоть до сегодняшнего дня.

Эпохальными для страны были предпринятые реформаторами социальные преобразования. Стремясь, по японскому примеру, покончить с сословным делением, новые власти отменили исключительные привилегии *янбанов* на государственной службе, упразднили старые законы о монопольном праве *янбанства* на отдельные виды одежд и головных уборов и разрешили отставным чиновникам заниматься предпринимательством, тем самым разрушая *янбанское* представление о торговле как «презренном» занятии. Совокупность этих мер означала, на практике, юридическую ликвидацию *янбанства* как сословия. Однако отказ от сословных привилегий на бумаге еще не означал серьезных перемен в традиционных формах социального расслоения. Практически все реформаторы сами принадлежали к *янбанским* семьям, хотя многие из них были сыновьями и внуками наложниц, что ограничивало возможности для социального продвижения в сословном обществе. Вплоть до полной колонизации Кореи в 1910 г., почти никому из бывших простолюдинов, несмотря на все декларации о ликвидации сословной системы, не удалось подняться на высокий пост. Привилегированное положение бывших *янбанов* сохранилось даже в колониальной бюрократии — японские генерал-губернаторы стремились не ставить бывшего *янбана* в подчинение к выходцу из «простой» семьи, зная, что это приведет к

конфликтной ситуации. Своевластие бывших *янбанов* осталось характерной чертой корейской провинциальной жизни, особенно в консервативных юго-восточных районах. Таким образом, «социальная революция сверху», инициированная самими выходцами из традиционного господствующего сословия, имела сильный декларативный характер и обрекала общество на сохранение пережитков прошлого на долгий срок.

Другим важнейшим преобразованием была отмена рабства как института и запрет на торговлю людьми. Владение рабами было одной из важнейших привилегий *янбанства* (хотя на практике рабы могли быть и у разбогатевших простолюдинов), и отмена рабства была связана со стремлением реформаторов юридически упразднить *янбанские* привилегии. Освобождение рабов имело большое влияние на корейское общество, способствуя, прежде всего, активизации товаро-денежных отношений: бывшие рабы, становясь теперь слугами или батраками, требовали от хозяев жалованья в денежной форме. Однако на практике юридическое освобождение рабов не означало их уравнивания с бывшими хозяевами в социальном статусе — конфуцианский консерватизм корейской провинции обрекал рабов и их потомков на бытовую дискриминацию, требовал от них «уважения и повиновения» по отношению к бывшим хозяйским семьям. Официально была отменена и дискриминация в отношении ряда «подлых» профессий — бродячих артистов, кожевников, и служек при почтовых станциях. Однако, как и в случае с рабами, бытовая дискриминация в отношении выходцев из «подлых» семей сохранилась вплоть до конца колониального периода. Освобождение «сверху», не сопровождавшееся революционным движением на местах, означало, что реальные изменения будут непоследовательными и половинчатыми. Реформы коснулись и семейных отношений — отменены были ранние браки (мужчины получили право вступать в брак лишь с 20 лет, женщины — с 16) и старые запреты на повторное замужество вдов. Интересно, однако, что, отменив дискриминацию в отношении сыновей наложниц, реформаторы не стали отменять саму систему узаконенного многоженства — наложницы остались характерным признаком бывших *янбанских* семей (институт наложниц был формально отменен лишь в 1915 г. японской администрацией). В этом архитекторы реформ пошли на уступку консерваторам. В то же время многие реформы в области быта — например, указ о запрещении старых длинных курительных трубок и введении курительных трубок европейского типа, — поражают неуклюже бесцеремонным вмешательством в частные, не имевшие серьезного общественного значения вопросы. Верхом псевдопрогрессистской регламентации был, конечно, печально знаменитый указ о обязательном переходе на европейскую стрижку, в итоге спровоцировавший падение реформаторского правительства. Впоследствии этот указ был официально отменен, и исчезновение традиционной прически заняло достаточно

долгое время — в бывших *янбанских* семьях она часто была заметна и в конце колониального периода.

Находясь под японским контролем, правительства реформаторов не имели реальной возможности предпринять реальные усилия для укрепления корейской армии. Официально Коджон объявил о намерении перейти в будущем на современную призывную систему, но в реальности призывная армия так и не была сформирована в Корее вплоть до потери независимости в 1910 г. Переформированная в 1894 г. дворцовая охрана осталась под контролем американских военных инструкторов, приглашенных в Корею в 1888 г. для преподавания в военной школе нового типа, а два батальона «столичных войск» были взяты под начало японскими офицерами. Часть солдат из этих подразделений, вымуштрованная в японском духе, была использована посланником Миура Горо во время убийства государыни Мин. До этого контролируемые японцами корейские подразделения участвовали, вместе с японской армией, в подавлении восстания *тонхаков*. Открыто прояпонская позиция младшего и среднего корейского офицерства из этих частей вызвала сильнейшую тревогу у Коджона, вскоре после бегства в российскую миссию передоверившего армию российским инструкторам.

Споры об оценке «реформ года Кабо» идут в корейской историографии уже давно. С одной стороны, нельзя отрицать, что за полтора года работы реформаторам удалось перенести на корейскую почву — хотя бы формально — значительную часть тех современных институтов, на заимствование и освоение которых у режима Мэйдзи ушло почти 30 лет. В этом смысле, реформы представляют собой хороший пример так называемого «ускоренного роста», характерного для развития послевоенной Южной Кореи, когда достижения развитых стран перенимаются властями в течение очень сжатого промежутка времени. С другой стороны, социальные и политические издержки «ускоренного роста» были, несомненно, огромными. Соппротивление *тонхаков* было подавлено с небывалой жестокостью. Неподготовленность реформ и их верхушечный характер означали долговременное сохранение пережитков сословной системы, конфуцианской идеологии, традиционного быта и семейных отношений. Наконец, в социально-экономических терминах, главный выигрыш от механического переноса модели «свободного рынка» в ее периферийной, зависимой форме в Корею достался землевладельческому, компрадорскому и бюрократическому меньшинству, а также иностранному, в первую очередь японскому, капиталу. Деформированный, антидемократический периферийный капитализм, апологетами которого фактически выступали реформаторы, обрекал массы корейского народа на обезземеливание и люмпенизацию, создавал в стране обстановку хронической социальной нестабильности, сдерживать которую могли лишь авторитарные политические структуры.

Литература

1. Тягай Г. Д. *Крестьянское восстание в Корее. 1893–1895*. М., 1953
2. Табохаси Киёси. *Дипломатическая история японо-китайской войны (1894–1895)*. Пер. с япон. М., 1956.
3. Лю Ёнхик. *Исследования по «реформам года Кабо»* (유영익. <<甲午更張研究>>). Сеул, изд-во Ильчогак (일조각), 1990.
4. Но Ёнпхиль. *Исследования по «истории Тонхак» и «управлениям по поддержанию порядка»* (노용필, <<'東學史'와 執綱所 研究>>). Сеул, изд-во Кукхак чарёвон (국학자료원), 2001.
5. Grayson J. H. *Korea — A Religious History*. London: Routledge Curson, 2002, pp. 198–203.
6. Setton, M. «Confucian Populism and Egalitarian Tendencies in Tonghak Thought» // *East Asian History*, Vol. 20, 2000, pp. 121–144.
7. Weems, B. B. *Reform, Rebellion, and the Heavenly Way*. Tuscon, AZ: Published for the Association for Asian Studies by the University of Arizona Press, 1964.

Глава 14

«ПРОГРЕСС И РЕФОРМЫ» ПРИХОДЯТ В КОРЕЮ: БЕГСТВО КОДЖОНА В РОССИЙСКУЮ МИССИЮ, ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ КОРЕЙСКОЙ ИМПЕРИИ, ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ «ОБЩЕСТВА НЕЗАВИСИМОСТИ» (1896–1898)

а) Пребывание Коджона в российской миссии (11 февраля 1896 — 20 февраля 1897 г.) — умеренная «вестернизация» сверху

Провал «реформ года Кабо» не означал коренного изменения политики Коджона и его окружения. Понимая, что лишь постепенное создание в Корее сильной централизованной бюрократии западного типа обеспечит стабильность его режиму, Коджон продолжал осуществление преобразований, но после спровоцированной указом о перемене прически вспышки общественного негодования стремился умерить темп реформ и по возможности избегать открытых столкновений с традицией. В сфере международных отношений, правительство Кореи стремилось поначалу ориентироваться прежде всего на Россию — ибо лишь вмешательство России спасло Коджона от полного подчинения влиянию японцев и их ставленников. Однако чрезмерно активная роль в корейских делах не входила в тот момент в планы российской дипломатии — Россия была заинтересована прежде всего в укреплении своей сферы влияния в Маньчжурии и не желала обострять отношений

с Японией на корейском «фронте». В связи с этим на ряд просьб, переданных Коджоном через посетившего Николая II в связи с коронационной церемонией (лето 1896 г.) личного посланника Мин Ёнхвана (займ в три миллиона йен, присылка российских войск для охраны дворца или 200 военных инструкторов для обучения корейской армии и т. д.), российская сторона или ответила отказом, или отложила определенный ответ до «тщательного рассмотрения вопроса», или же согласилась удовлетворить их частично (как мы увидим ниже, военные инструкторы были в итоге посланы в Корею — но не 200, а только около 30). Россия ясно дала понять, что она не желает превращения Кореи в сферу влияния Японии, но в то же время не рассматривает Корейский полуостров как объект первостепенного интереса. Эта позиция России была с определенным удовлетворением воспринята и японской стороной, также не готовой пока к новому вооруженному конфликту ради закрепления в Корее. Два соглашения между российской и японской стороной — «Меморандум Вебер-Комура» (подписан в Сеуле 14 мая 1896 г.) и «Протокол Лобанов-Ямагата» (подписан в Москве 9 июня 1896 г.) — закрепили баланс сил между двумя державами в Корее. Обе стороны договорились предварительно консультироваться между собой перед оказанием какой бы то ни было финансовой или военной помощи сеульскому двору и соглашались на присутствие небольших воинских контингентов друг друга (российского — для охраны миссии, японского — для охраны миссии, японских кварталов и телеграфных линий) в стране. Корея, таким образом, становилась своего рода «нейтральной полосой», что было выгодно Коджону и его окружению, получившим определенную свободу рук в деле реформирования страны. Поскольку и сами российские дипломаты в Сеуле, стремясь ограничить японское влияние в правительственных сферах, поддреживали в 1896–1897 гг. тесные дружественные контакты с американскими дипломатами и миссионерами, то и управлявший Кореей из здания российской миссии Коджон всячески демонстрировал свою благосклонность к США и активно привлекал с страну американский капитал. Среди членов нового правительства большинство составляли проамериканские реформаторы. Фактический глава нового кабинета, Пак Чонъян, в 1887–1889 гг. ездил в США с дипломатической миссией и был известен как активный сторонник сближения с Америкой. Ряд членов нового кабинета — секретарь Пак Чонъяна Ли Санджэ (1850–1927), бывшие члены посланных в США дипломатических миссий Ли Ванён (1858–1926) и Ли Хаён (1858–1919), переводчик Ли Чхэён (1861–1900), выпускник американского университета Эмори (Джорджия) Юн Чхихо и другие — хорошо владели английским языком и либо были протестантами, либо проявляли доброжелательный интерес к европейской религии и науке. Первый раз в истории Кореи к власти была допущена вестернизаторская элита. Однако

сильные позиции, занимавшиеся консерваторами как в кабинете, так и в государственном аппарате в целом, крайняя ограниченность средств казны, и главное — двойственная позиция Коджона и его ближайшего окружения из клана Минов, желавших реформ, но боявшихся, что слишком радикальные преобразования могут подорвать их власть, — все это накладывало серьезные ограничения на реформистские начинания вестернизаторской части кабинета.

Рис. 20. Мин Ёнхван (1861–1905), близкий родственник государыни Мин и один из влиятельнейших политиков и дипломатов в окружении Коджона. В 1896–1897 гг. придерживался умеренно пророссийской ориентации, затем — ориентировался на США и стремился ограничить распространение в Корее японского влияния через укрепление связей с европейскими государствами.

Главным препятствием на пути превращения страны в современную промышленную державу была закрепленная неравноправными договорами структура торговых отношений Кореи с Японией, делавшая первую сырьевым придатком последней и увековечивавшая отсталость периферийной корейской экономики. Ослабление политического влияния Японии после бегства Коджона в российскую миссию совершенно не отразилось на торговой зависимости Кореи от восточного соседа — Корея продолжала экспортировать в Японию значительную часть производимых на рынок риса (примерно 5% всего среднегодового урожая) и бобов (около 17%), получая в обмен в основном текстильные товары, причем доля произведенных в самой Японии продуктов в этом экспорте выросла к концу 1890-х годов до 98%. Практически незащищенный тарифами корейский рынок стал «трамплином» для развития японской текстильной индустрии — «локомотива» индустриализации в Японии. С дополнительным открытием для иностранной (то есть прежде всего японской) торговли в 1897 г. двух портов — Мокпхо (на юго-западе страны) и Чиннампхо (на северо-западе) экспансия японской коммерции в Корее еще более усилилась. В стране продолжала свободно ходить японская валюта — у корейского правительства не было средств отчеканить серебряную монету в количестве, достаточном для рыночного обращения. Чеканились в основном медные деньги, часто подделывавшиеся японскими торговцами.

Желая предотвратить захват японцами полного контроля над нарождавшейся в Корее коммерцией и индустрией современного типа, но не имея военно-политических возможностей для того, чтобы разорвать режим неравноправных договоров, правительство Коджона старалось

привлекать в Корею американский и европейский капитал. Так, в 1898 г. на паях с американскими капиталистами двор Коджона основал «Сеульскую Электрическую Компанию», с монопольными правами на эксплуатацию трамвайных линий в столице. Трамвай начал ходить в Сеуле с 1899 г., но техническое обеспечение линий, равно как и управление компанией, полностью находились в американских руках. В 1895 г. американцам были переданы знаменитые Унсанские золотые рудники на северо-западе страны, дававшие четверть всего добывавшегося в Корее золота. Чистый доход от этих рудников составлял примерно 900 тыс. йен в год, но в качестве налогов в Ведомство Двора выплачивалось лишь 3500 йен. Кабальные условия концессии позволяли американскому капиталу расхищать природные ресурсы страны. Впоследствии концессии на корейские рудники получили также немецкие и английские предприниматели, в то время как с корейской стороны горнорудное дело было объявлено монополией двора. Корейские предприниматели, платившие Ведомству Двора большие налоги, оказывались в невыгодном положении по отношению к иностранным конкурентам. Другой крупной американской концессией было строительство железной дороги между Сеулом и Инчхоном (Чемульпхо), право на которое было в 1896 г. даровано американскому предпринимателю Джеймсу Морзе на баснословно выгодных условиях (корейское правительство выкупало все земельные участки в полосе отчуждения за счет казны!). Морзе начал строительство в 1897 г. но, столкнувшись с нехваткой средств, продал в том же году концессию японскому синдикату. Железная дорога, облегчившая перевозку японских импортных товаров в столицу, начала функционировать в 1899 г. Концессионная политика режима Коджона сделала Корею конца 1890-х годов, по выражению одного из современников, «охотничьими угодьями для концессионеров» и тем самым дополнительно затруднила рост незащищенного в отношениях с иностранными конкурентами молодого корейского капитала, но сделала очень мало для предотвращения японской экспансии. Наоборот, американские и европейские капиталисты, не имевшие ничего против колонизации Кореи при условии, что Япония гарантирует им их привилегии, охотно шли на сотрудничество с японским капиталом. Проамериканская внешняя политика Коджона не принесла ожидаемых результатов.

Проводя политику реформ, правительство Коджона пыталось поощрять развитие собственной корейской индустрии, но серьезных успехов не добились. С одной стороны, при отсутствии у государства возможности защищать отечественных производителей через таможенные тарифы зачаточное корейское производство не могло конкурировать с дешевыми японскими товарами. Скажем, даже те мануфактурные предприятия по производству латунной посуды, что существовали в окрестностях Сеула с конца 1880-х годов, пришли в упадок к концу 1890-х годов из-за массового ввоза японской металлической утвари. Ряд тек-

стильных фирм, основанных корейскими купцами в 1896–1900 гг., закрылся, не сумев наладить массового производства товара — японские товары не оставляли свободных ниш на рынке. С другой стороны, Ведомство Двора продолжало продавать региональные монополии на торговлю определенными видами потребительских товаров привилегированным оптовикам (*мого*), которые, в свою очередь, требовали от мелких торговцев уплаты поборов за право стать их «агентами». Такого рода эксплуатация со стороны монархии искажала структуру рынка и способствовала выводу капитала из обращения — накопив определенную сумму, торговцы предпочитали вкладывать деньги в недвижимость и не подвергаться больше риску быть обобранными Ведомством Двора или монополистами. Показательно, что главными акционерами немногих крупных предприятий в стране (Хансонский Банк, несколько пароходных компаний и т. д.) были в основном выходцы из чиновных кругов, сохранявшие связи при дворе и тем самым защищенные от поборов. С самого начала корейский капитал являлся бюрократическим по характеру. Лишь тесные отношения с двором могли гарантировать выживание и прибыль.

Не достигнув особенных успехов в развитии корейской экономики, вестернизаторский режим сделал упор на две другие сферы реформ — создание современного аппарата государственного насилия (армии и полиции) и перестройка системы образования на западный лад. Эти сферы, по понятным причинам, были для правительства реформаторов приоритетными. Отсутствие у Кореи армии, способной подавить массовое вооруженное выступление крестьянства, вынудило Коджона обратиться к Китаю за помощью против *тонхаков*, и в итоге сделало страну ареной китайско-японской войны, а традиционное образование продолжало оставаться форпостом конфуцианской оппозиции реформам. По просьбе корейской стороны, с конца октября 1896 г. подготовкой батальона дворцовой охраны из 800 солдат занималось 15 офицеров и унтер-офицеров Российской армии под командой полковника Генерального Штаба Д. В.Путята (1855–1915) — известного военного востоковеда и путешественника, автора ряда работ по китаистике. В число российских военных инструкторов входили поручики Афанасьев 1-й и Кузьмин, подпоручик А. В. Сикстель, военный врач Червинский и 10 унтер-офицеров. Затем 17 июля 1897 г. прибыла в Сеул и вторая партия русских инструкторов, в составе поручиков Н. Ц. Грудзинского и Афанасьева 2-го и подпоручика В.И. Надарова, также с десятком унтер-офицеров. Проработав в Корее вплоть до марта 1898 г., российская военная миссия оказала значительное влияние на развитие в стране современного военного дела. В корейской армии начали внедряться российские уставы, широко использовались русские команды и строевые песни. Однако, когда после года успешной работы Д. В. Путята и его начальник, тогдашний военный министр П. С. Ванновский (1822–1904),

предложили — в полном соответствии с изначальной просьбой корейской стороны — расширить контингент инструкторов до 150 офицеров и передать под их команду 6 тысяч корейских солдат, их инициатива натолкнулась на отчаянные протесты со стороны Японии и Великобритании, видевших в этом переход Кореи под «российскую военную опеку» и неофициально угрожавших России «крайними мерами» (т. е. войной). В итоге вопрос был снят с повестки дня, и Корея лишилась исторической возможности получить сильные и независимые от японского влияния вооруженные силы, которые были бы способны оказать реальное сопротивление японской агрессии. Кроме элитного дворцового батальона, новое правительство набрало также более 2 тысяч бойцов в провинциальные части. Главной их обязанностью было подавление крестьянских восстаний и выступлений «армий справедливости» — противостоять гораздо лучше обученной и вооруженной японской армии они, конечно, не смогли бы. В городских центрах были организованы полицейские подразделения по западным и японским образцам, однако дисциплина среди малооплачиваемых, плохо вымуштрованных полицейских оставалась на крайне низком уровне. Продолжая реформу образования, начатую еще правительством Ким Хонджиша, новый кабинет планировал основать 38 новых начальных школ и тем самым дать новому поколению *янбанства* и зажиточных горожан базовое образование западного типа. Однако недостаток средств на строительство школ, сопротивление консерваторов в самом Министерстве Образования, и нежелание *янбанов* отдавать сыновей в «варварские» школы во многом свели значение этой меры на нет. В целом, бедность казны (неизбежная в условиях, когда опутанная неравноправными договорами страна не имела права свободно устанавливать тарифы на ввоз и вывоз товаров) и внешнеполитическая несамостоятельность режима Коджона обрекали курс реформ на непоследовательность и незавершенность. Исторические задачи создания в Корее современной армии, способной защитить страну от агрессии извне, и новой системы образования, выполнены не были.

В то время, как реформы «сверху» явно пробуксовывали, значительным успехом реформаторов было создание зачатков современного гражданского общества в стране путем основания газеты нового типа — с использованием корейского алфавита и элементов разговорного языка (практически без китайских иероглифов) и воинственно прозападнической политической ориентацией. Официальным основателем газеты «Тоннип синмун» («Независимая Газета» — имела в виду независимость от Китая и конфуцианской традиции) был Со Джэпхиль (1864–1951) — один из младших участников неудачного переворота 1884 г., бежавший затем в Японию, а потом уехавший на учебу в США, ставший там доктором медицины, женившийся на американке и даже принявший американское гражданство и новое имя — Филипп Джэсон.

Рис. 21. Фотопортрет Со Джэпхилиа и один из номеров его газеты.

Однако в реальности газета неофициально спонсировалась кабинетом Коджона и в основном отражала точку зрения реформаторов из правительства, особенно в ранний период своего существования. В частности, когда Коджон находился в российской миссии, газета придерживалась дружелюбной линии в отношении России, рассматривала российскую армию и систему общинного самоуправления в российских деревнях как образцы для подражания для Кореи. Но самым важным в редакционной линии было стремление Со Джэпхилиа сократить разрыв между прозападной реформаторской группой и читающей публикой (зажиточными горожанами и землевладельцами, мелким и средним *янбанством*), создать в стране широкий слой активных сторонников преобразований. Редакционная статья в первом номере газеты объявляла, что новое издание собирается «подробно сообщать народу о действиях правительства, но одновременно и оповещать правительство о ситуации в стране, раскрывать перед всеми алчное хищничество несправедливых чиновников и любые незаконные деяния, творящиеся в народе». Если в традиционном обществе поток информации о ситуации на местах шел «снизу вверх» — от местных чиновников в центр — и был, в принципе, открыт только для двора и высшего чиновничества, то теперь любой грамотный кореец мог стать в какой-то степени действующим лицом публичного информационного процесса, знакомясь через газету с ситуацией в стране, направляя в редакцию письма (читательские письма публиковались в каждом номере), высказывая свое мнение по политическим вопросам. Таким образом в стране формировались зачатки гражданского общества — политического сообщества, все члены которого имеют доступ к информации и возможности формулировать и защищать на информационном поле свои интересы. Такие выражения, как «народные права», были впервые введены в корейский язык газетой «Тоннип синмун». Конечно, нельзя забывать, что за ширмой передовых лозунгов издателей «Тоннип синмун» таилось желание правящей группы создать выгодное для себя общественное мнение, расположить читающую публику в

пользу преобразований, которые, с учетом неполноправного положения Кореи в капиталистической системе, были крайне болезненны для огромного большинства населения. Пропагандируя западные порядки, «Тоннип синмун» описывала США чуть ли не как «рай на земле», восхваляла «цивилизацию», якобы принесенную колониальным народам Британской Империей, доказывала «неизбежность и прогрессивность» раздела империалистическими державами «реакционного и отсталого Китая», и даже почти открыто заявляла, что лишь протестанское христианство может быть религией «цивилизованных народов». Сервильная преданность «цивилизованным державам», вообще характерная для компрадорских элит в периферийных обществах, сочеталась у западных реформаторов с лютой ненавистью к *тонхакам* и «армиям справедливости», расправы японцев и правительственных войск над которыми были для «Тоннип синмун» предметом для «поздравлений». Однако, несмотря на всю свою ограниченность, новая газета сыграла большую роль в вовлечении средних слоев корейского общества в современный политический процесс, привитии в среде *янбанов*, зажиточных торговцев и богатых крестьян националистических идей и идеалов гражданского общества. Английское приложение к газете, которое с 1 января 1897 г. стало выходить как отдельная газета под названием «The Independent» («Независимый»), много сделало для распространения информации о Корее в западном мире. Не довольствуясь пропагандой через газету и желая объединить сторонников реформ в одну политическую ассоциацию, Со Джэпхиль основал в июле 1896 г. «Тоннип Хёпхве» («Общество Независимости»), объединившее первоначально в основном западнически настроенных чиновников, но также и некоторых членов прояпонской группировки. Желая символически закрепить независимость Кореи от Китая, «Тоннип Хёпхве» воздвигло, по проекту российского архитектора-самоучки А. И. Середина-Сабатина (1860–1921), «Ворота Независимости» (по образцу Парижской триумфальной арки) на месте тех ворот на дороге, соединяющей Сеул с северной границей, через которые ранее следовали китайские посольства. Открытие этих «Ворот» 20 ноября 1897 г. стало торжественным актом, продемонстрировавшим, что правящая элита Кореи следует отныне не традиционным конфуцианским, а современным националистическим идеалам. В период пребывания Коджона в российской миссии деятельность «Тоннип Хёпхве» спонсировалась Коджоном и его семьей и целиком отражала устремления правящей группы.

В целом, по своему направлению реформы периода пребывания Коджона в российской миссии были продолжением реформаторской политики 1894–95 гг., но, в отличие от контролировавшихся и в значительной мере навязывавшихся японцами мероприятий кабинета Ким Хонджипа, проводились режимом Коджона самостоятельно, в большем соответствии с возможностями и нуждами страны. Идеологическим стерж-

нем реформаторской политики был корейский национализм — желание видеть страну равным партнером «цивилизованных держав», богатым и сильным государством западного типа. Национализм этот являлся по своему характеру «верхушечным» — судьбы крестьянских масс, разорвавшихся в процессе присоединения Кореи к мировому рынку, интересовали реформаторов в последнюю очередь. По идейному содержанию своему он был также периферийным, зависимым — традиционная культура страны отвергалась реформаторами как «варварство», а западные державы безудержно идеализировались. Однако, при всей своей ограниченности, идеи национализма, постепенно проникавшие в 1896–97 гг. в средние слои корейского общества, не могли не войти в противоречие с политическими реалиями и прежде всего — зависимостью режима Коджона от различных внешних сил, его неспособностью защищать национальные интересы, его нежеланием допускать более широкое участие образованных средних слоев в политическом процессе. В конце концов, это противоречие вылилось в 1898–99 гг. в открытое столкновение между более консервативными элементами двора и радикализовавшимся «Обществом Независимости».

б) Провозглашение Кореи империей и радикальное националистическое движение (12 октября 1897 — конец 1898 г.)

20 февраля 1897 г. Коджон с семьей и двором вернулся, наконец, в заново отстроенный дворец Кёнунгун (ныне называется Токсугун), под защиту подготовленного российскими инструкторами батальона дворцовой охраны. Дворец располагался в нескольких минутах ходьбы от российской миссии, так что в случае необходимости Коджон всегда мог отдаться еще раз под ее покровительство. Надо сказать, что, в принципе, вера, что Россия может служить противовесом японской экспансии на Корейском полуострове и тем самым гарантом корейской независимости, оставалась одним из краеугольных камней политических убеждений Коджона вплоть до конца его правления. Однако с другой стороны, Коджон опасался (и не без оснований), что чрезмерное усиление российского влияния на корейские дела может спровоцировать Японию и ее британских покровителей на жесткие вооруженные акции, радикально дестабилизировать обстановку вокруг Кореи и, в результате, привести к потере Кореей государственного суверенитета. Именно это желание Коджона поддерживать «равноудаленные» отношения с основными державами, имевшими интересы в регионе, и объясняет разлад, наметившийся между корейским двором и российской миссией после того, как летом-осенью 1897 г. политика России на корейском направлении активизировалась. Другим объяснением этого разлада было то, что при корейском дворе интересы России зачастую представляли — и отнюдь

не всегда бескорыстно — чиновники из консервативных группировок, враждебные тем реформаторским силам, к которым Коджон в данный момент испытывал определенное доверие. В любом случае, конфликт между российской миссией и дворцовой проамериканской группировкой радикализировал националистические настроения нарождавшегося к концу 1890-х годов в Корее гражданского общества, что имело важные политические и идеологические последствия.

12 октября 1897 г. Коджон официально принял императорский титул, переименовав Корею (государство Чосон) в Корейскую Империю (*Тэхан Чегук*) и тем самым символически поставив себя на один уровень с владетельными домами соседних держав — Романовской династией в России, Цинской императорской династией в Китае и императорским домом Японии. В реальности, однако, политическую ситуацию в стране продолжал определять баланс сил между Россией, с одной стороны, и Японией, с ее британскими покровителями, — с другой. Россия взяла с мая 1897 г. курс на более активное укрепление своих позиций в Корее, но сразу же столкнулась с серьезным сопротивлением. С одной стороны, проамерикански настроенные члены реформаторской группировки были крайне недовольны беспрецедентной близостью к Коджону доверенного лица К.И.Вебера, русскоязычного переводчика Ким Хоннюка (казнен в 1898 г. по обвинению в попытке отравить Коджона), которого они обвиняли — надо отметить, не без весьма серьезных оснований, — в фаворитизме и коррупции. Учитывая, что коррупция как таковая поразила к тому времени практически все высшее чиновничество страны, можно предположить, что особое недовольство Ким Хоннюком объяснялось также и его «подлым» происхождением (проамериканская группировка включала в основном лиц *янбанского* происхождения), отсутствием у него формального образования и близостью переводчика-самоучки к консервативной фракции при дворе. С другой стороны, стремясь подорвать доверие Коджона с способности и желанию России прийти Корее на помощь, японская сторона вела активную дипломатическую игру, в частности, огласив содержание конфиденциального «Протокола Лобанов-Ямагата» и тем самым показав, что Россия желает компромисса в корейском вопросе. В результате к лету 1897 г. ряд требований К.И.Вебера, прежде всего в вопросах предоставления российским предпринимателям горнорудных концессий, стал наталкиваться на сопротивление ведущих деятелей проамериканской фракции — фактического главы кабинета Пак Чонъяна и министра иностранных дел Ли Ванёна. По настоянию К.И.Вебера, увидевшего в поведении Ли Ванёна угрозу российским интересам в Корее, строптивый министр был отстранен от руководства внешней политикой и переведен на должность министра образования, но эта мера вызвала серьезное недовольство американских дипломатов. Поддержка американской миссии и проамериканской реформаторской группировки была окончательно потеряна

Россией после того, как в октябре 1897 г., в результате жестких требований со стороны нового российского посланника А.Н.Шпейера, на ключевые посты пришли консервативные сановники, ряд которых (например, новый министр юстиции Чо Бёнсик, лично близкий А.Н.Шпейеру), уже обвинялись газетой «Тоннип синмун» в коррупции. Вслед за этим А.Н.Шпейер пошел на еще более жесткий нажим, вызвавший в итоге новое обострение российских отношений с Великобританией и Японией и националистическую реакцию в широких слоях корейского общества.

Добившись от Коджона передачи Чо Бёнсику по совместительству функций министра иностранных дел, А.Н.Шпейер заставил корейское правительство (в том числе и угрозами вывести из Сеула российских инструкторов) назначить российского финансового чиновника К.А.Алексеева начальником корейской таможни и главным финансовым советником с правом руководить составлением госбюджета и принимать решения о внешних заимствованиях, т. е. фактически «хозяином корейской казны». Этот ход вызвал, однако, ожесточенное сопротивление не только со стороны проамериканской фракции при дворе и японской миссии, но и со стороны Великобритании, представитель которой, Дж. Мак Леви Браун, уже выполнял определенные К.А.Алексееву функции. Английское посольство отказалось принять текст уведомления корейского министерства иностранных дел об увольнении Брауна и назначении Алексеева, продемонстрировав тем самым полное пренебрежение государственным суверенитетом Корейской Империи. В октябре 1897 г. в порту Инчхон (Чемульпхо) стала на якорь российская эскадра, а уже через месяц — британская. Жесткий ход А.Н.Шпейера привел старых колониальных соперников, Российскую и Британскую империи, на грань вооруженного конфликта. В конце концов, к январю 1898 г. Браун и Алексеев пришли к компромиссу о разделении своих функций, но инцидент уже успел вызвать крайне острую реакцию как со стороны опасавшегося новой войны на корейской территории Коджона, так и со стороны видевшего в жестких действиях А.Н.Шпейера покушение на суверенитет Кореи образованного корейского общества. «Медовый месяц» российско-корейских отношений ушел в прошлое, и руководители «Общества Независимости», поощряемые американской и японской дипломатией, перешли на отчетливо антироссийские позиции. Несвоевременные и необдуманные действия А.Н.Шпейера сделали Россию — державу, избавившую в феврале 1896 г. двор Коджона от полного подчинения Японии и не имевшую в тот момент каких-либо территориальных амбиций на Корейском полуострове, — главной «угрозой национальной независимости» в глазах деятелей «Общества Независимости». Тот факт, что именно Россия стала объектом националистической антипатии, объясняется, помимо просчетов российской дипломатии, и тем, что британская и японская пропаганда уже с 1880-х годов распростра-

няли представления о «русской угрозе» среди правящей элиты страны. Антироссийские и прояпонские воззрения отличали и ряд влиятельных американских миссионеров, работавших в стране. Таким образом, ранний корейский национализм с самого начала оказался втянут в орбиту межимпериалистического соперничества, отличаясь при этом зачастую некритическим отношением к тем представлениям о мире, которые создавались и распространялись центральными державами мировой капиталистической системы того времени — Великобританией и США.

Ведя в 1897–98 гг. переговоры с Китаем об аренде южной части Ляодунского (Квантунского) полуострова (закончившиеся 15 марта 1898 г. подписанием соглашения о 25-летней аренде этой территории), Россия желала обеспечить себе морской путь из Владивостока на Ляодун. С этой целью А.Н.Шпейер потребовал в январе 1898 г. от корейского правительства предоставить в аренду для строительства угольных складов территорию на острове Чорёндо на рейде Пусана, находившемся приблизительно на полпути между Владивостоком и Ляодуном. Требование было подкреплено демонстрацией силы — российские военные корабли стали на якорь в порту Пусана. Вскоре последовало и другое требование — создать Русско-Корейский Банк, на счетах которого находились бы средства Ведомства Двора и Министерства Финансов и который получил бы право на выпуск корейской валюты. Отрицательно относясь к требованиям А.Н.Шпейера (прежде всего из опасения, что они спровоцируют Японию, с английской поддержкой, на новое вооруженное вмешательство), Коджон, тем не менее, не желал лишаться российской военной помощи и не считал возможным ответить России отказом.

Однако, стоило пророссийски настроенному новому министру иностранных дел Мин Джонмуку ответить на требования российского дипломата согласием, лидеры «Общества Независимости» — в большинстве своем уже отстраненные по настоянию А.Н.Шпейера и Ким Хоннюка от правительственных должностей — сразу же перешли к решительным действиям. После нескольких дней обсуждений на публичных заседаниях «Общества», куда допускались все желающие и где ораторы возбужденно обличали «страну, которая хочет обратить нас в рабов и использовать на строительстве Транссибирской железной дороги», 135 членов «Общества» обратились 21 февраля 1898 г. к Коджону и его двору с петицией. Этот документ, требовавший от Коджона «отказаться от политики опоры на иностранные государства и обеспечить независимость страны», можно считать одной из первых деклараций нарождавшегося корейского национализма. Обстановка еще более обострилась после того, как глава пророссийской партии Ким Хоннюк подвергся 22 февраля нападению убийц и лишь по чистой случайности остался жив. Выдвинутые А.Н.Шпейером Коджону требования явиться в российскую миссию и принести личные извинения еще более подстегнули националистические антироссийские настроения в столице. Разлад на-

метился и в правительстве — ряд видных консерваторов потребовали отставки, считая пророссийский курс Мин Джонмука опасным для стабильности в стране. В самом Министерстве Иностранных Дел произошло невиданное доселе событие — чиновники объявили «забастовку», отказавшись работать под началом «русской марионетки» Мин Джонмука и тем самым вынудив последнего попросить об отставке. Столицу охватила атмосфера патриотического возбуждения. На заседаниях «Общества Независимости» Со Джэпхиль призывал всех его членов морально подготовиться к аресту и тюремному заключению, но не отступать перед «русскими происками». Широкие слои горожан, до того считавшие внешнеполитические вопросы прерогативой правительства, начали вовлекаться в политику, воспринимать национальные интересы как лично важные для каждого из членов нации. Так преодолевалось свойственное традиционному обществу отчуждение нечиновных слоев от политической жизни, формировалось гражданское общество современного типа.

Кульминацией кризиса стали события 7–12 марта 1898 г. Видя, что вопрос о Чорёндо и Русско-Корейском Банке зашел в тупик, А.Н.Шпейер прибегнул к последнему средству в его распоряжении, направив Коджону официальный запрос о целесообразности присутствия в Корее российских военных инструкторов и финансового советника. Фактически это был ультиматум — Коджону предлагалось или пойти на решительные меры для подавления националистического движения, или смириться с перспективой прекращения российской военной помощи. Сам Коджон солидаризовался с позицией пророссийской фракции и считал ухудшение отношений с Россией крайне опасным для будущего страны. Однако «Общество Независимости» использовало новый для Кореи политический прием, устроив 10 марта 1898 г. на главной улице столицы громадную (с участием более чем 10 тыс. человек) политическую демонстрацию — так называемое «Общенародное собрание» (*Манмин кондонхве*). Участники этого невиданного для Кореи массового митинга — торговцы, студенты, мелкие чиновники — произносили, под оглушительный грохот аплодисментов, пламенные речи о необходимости «борьбы за защиту наших национальных прав», унижительности для корейского национального достоинства «вмешательства со стороны России». Одним из ораторов был Ли Сынман (1875–1965) — тогдашний студент миссионерской школы *Пэджэ Хактан* и активист «Общества Независимости», ставший в 1948 г. первым президентом Южной Кореи. Как образцовый порядок, царивший во время митинга, так и патриотическое единодушие его участников поразили иностранных наблюдателей, увидевших в событии важную веху на пути Кореи к современному обществу. В то же время нельзя не отметить, что действия организаторов и вдохновителей митинга, Ли Ванёна и Юн Чхихо, активно поддерживались американскими

и японскими дипломатами, видевшими в чрезмерном, на их взгляд, усилении пророссийской фракции прежде всего угрозу своим собственным интересам.

В конце концов, видя, что принятие российских требований нанесет непоправимый ущерб его авторитету, Коджон 12 марта оповестил А.Н.Шпейера о том, что не считает пребывание российских советников в стране необходимым. 19 марта К.А.Алексеев вместе с группой российских военных инструкторов покинули Сеул. Вслед за этим 25 апреля 1898 г. российский посланник в Японии Р.Р.Розен и глава японского МИДа Ниси Токудзиро подписали в Токио соглашение, предусматривавшее взаимные предварительные консультации в случае посылки военных или финансовых советников в Корею и отказ от прямого вмешательства в корейские внутренние дела. Соглашение означало, что обе державы признают Корею своеобразной «нейтральной зоной», воздерживаясь от попыток установить над ней эксклюзивный контроль. Естественно, такая «сдержанность» была временной. Япония продолжала укреплять в Корее свое влияние на всех уровнях, скупая земельные участки в «открытых портах» и усиливая в стране экономическую активность. Россия также продолжила активную концессионную политику, рассматривая северную часть Кореи как буферную зону, необходимую для обеспечения безопасности российских интересов в Маньчжурии. Тем не менее, хотя бы временный отказ обеих держав от политики нажима и давления давал, по выражению Юн Чхихо, «золотой шанс» для упрочнения суверенитета страны, строительства в Корее современной государственности. Вопрос был в том, сможет ли по-прежнему слабый и коррумпированный режим Коджона — к марту 1898 г. уже уволивший практически со всех ответственных постов наиболее дееспособных и энергичных деятелей проамериканской группировки — этим шансом воспользоваться. Как показали дальнейшие события, и Коджон, и большая часть его приближенных, наживавшихся на взяточничестве и казнокрадстве и мало компетентных в вопросах современного государственного управления, предпочитали «плыть по течению», заботясь прежде всего о собственном положении и доходах. В результате усиливалась зависимость страны от Японии, активно готовившейся к войне против России за контроль над ресурсами Корейского полуострова. Именно Япония вела дело к колонизации Кореи, но этого вплоть до конца 1904 г. упорно не замечали многие националистические лидеры, ослепленные антироссийской пропагандой.

Одержав победу в вопросе об аренде территории на острове Чорёндо и Русско-Корейском Банке и осознав себя серьезной политической силой, вожди «Общества Независимости» продолжили политические кампании против всего того, что, по их мнению, препятствовало превращению Кореи в независимую страну. Естественно, важной мишенью для организации патриотических компаний оставалась Россия. Скажем,

стоило новому российскому посланнику Н.Г.Матюнину потребовать у корейского правительства в мае 1898 г. права на скупку земельных участков на рейде портов Чиннампхо и Мокпхо, как «Общество Независимости» немедленно выступило с протестом, призвав правительство, в частности, предать гласности всю дипломатическую переписку с российской миссией по земельному вопросу. Этот протест представил для Коджона, опасавшегося, что уступки России спровоцируют аналогичные требования и с японской стороны, хороший предлог для того, чтобы уклониться от продажи российским властям островных территорий. Протесты «Общества» вызвали и требования союзницы России, Франции, по предоставлению прав на разработку угольных шахт в окрестностях Пхеньяна. Как только 11 сентября 1898 г. распространилась новость о том, что переводчик Ким Хоннюк, считавшийся главой пророссийской фракции при дворе, попытался отравить Коджона и наследника, подсыпав им через своих агентов опиум в кофе, «Общество» сразу же устроило массовый митинг для осуждения «изменника», в то же время потребовав, — знак эпохальных перемен в сознании! — чтобы к обвиняемому не применялись традиционные пытки. Протесты — но отнюдь не столь ожесточенные — вызывали у «Общества» и железнодорожные концессии, дарованные Коджоном японцам. В то же время «Общество» всячески поощряло отъезд корейских студентов на учебу в Японию. Весьма дружелюбным было отношение «Общества» к американской активности в Корее, как деловой, так и религиозной.

Кроме «патриотической мобилизации на всенародную борьбу с русским вмешательством», «Общество» завоевало немалую популярность в средних слоях столичного населения — среди студентов, торговцев, ряда реформистски настроенных *янбанов* — своими усилиями в деле осуждения коррупции, борьбы против незаконных поборов и притеснений. Развернутые «Обществом» кампании по защите торговцев и землевладельцев, ложно обвиненных чиновными насильниками в «преступлениях» и лишенных имущества, равно как и гласное осуждение наиболее видных вымогателей из числа высшего чиновничества на массовых митингах, снискали националистическим лидерам популярность прежде всего среди мелких и средних имущих слоев, чьей предпринимательской деятельности и препятствовал чиновный произвол. Эта популярность давала лидерам «Общества» — в основном бывшим чиновникам, к 1898 г. уже не занимавшим постов в центральной администрации — право громкогласно называть себя «представителями народа» и требовать, чтобы их мнение учитывалось в государственной политике. В стране сложилась беспрецедентная ситуация — власть чиновной элиты оказалась реально ограниченной группой проамерикански настроенных реформаторов, мобилизовавших в свою поддержку достаточно широкие слои имущего класса с помощью националистической, либеральной риторики западного типа — призывов к патриотизму, но также и требова-

ний ряда базовых свобод (неприкосновенности личности и имущества, свободы слова и собраний, и т. д.). Столь быстрая популяризация новых, прежде незнакомых корейскому обществу идей стала возможна, с одной стороны, из-за полной дискредитированности существующих институтов власти, а с другой стороны, под влиянием регионального прецедента: Япония, переориентировавшаяся на западные политические ценности, постепенно становилась, после военной победы над Китаем, господствующей силой на Дальнем Востоке.

Добившись ряда уступок от властей и чувствуя уверенность в своих силах, лидеры «Общества» повели с сентября 1898 г. настоящую «политическую войну» против консервативных и пророссийски настроенных членов кабинета, обвиняя их в коррупции, некомпетентности и злоупотреблениях. Лидером этой кампании стал после отъезда Со Джэпхилиа в США (апрель 1898 г.) его близкий политический союзник Юн Чхихо, пользовавшийся популярностью среди политически активного студенчества, но в то же время довольно близкий ко двору, ценившему его как переводчика с английского и знатока американских реалий. Комбинируя личные контакты с Коджоном (Юн Чхихо имел возможность получать частые аудиенции во дворце) с нетрадиционными для Кореи того времени политическими методами (демонстрации, массовые митинги и т. д.), Юн Чхихо и его группе удалось добиться, по выражению американских дипломатов, «мирной победы» — к 15 октября 1898 г. наиболее видные пророссийские деятели (Чо Бёнсик) и консерваторы оказались в отставке, и в правительство вернулись союзники реформатора Пак Чонъяна. Однако, понимая, сколь непрочно положение реформаторов в кабинете министров, полностью подчиненном окруженному консерваторами абсолютному монарху, Юн Чхихо решил пойти дальше. Следуя опыту японского либерального движения 1870–80-х годов, «программой-минимум» которого было создание хотя бы частично выборной консультативной и законодательной ассмблеи, Юн Чхихо подал Коджону петицию с просьбой рассмотреть вопрос о созыве выборного консультативного органа, но натолкнулся на отказ.

После этого в «Обществе Независимости» возобладало мнение, что, с учетом сопротивления консерваторов, самым практичным было бы превратить Верховный Тайный Совет (*Чунчхувон*) — до этого выполнявший при дворе достаточно формальные функции — в частично выборный консультативный и законодательный орган, который мог бы выдвигать и обсуждать законопроекты, прорабатывать отправляемые кабинету и Коджону на утверждение законы, доводить до кабинета и двора «мнение народа», а также требовать привлечения к ответственности коррумпированных чиновников. По мысли Юн Чхихо и его соратников, половина членов этого Совета должна была бы назначаться Коджоном, а оставшаяся половина — избираться, но не прямо «народом», а «Обществом Независимости» в качестве его «представителя» (прямые выборы

планировалось ввести через несколько десятилетий, когда «малообразованный простой люд созреет для демократии»). Практически речь шла о том, чтобы имущие слои столичного населения были бы представлены в политическом процессе и имели бы возможность оказывать поддержку придворной реформаторской группировке и сдерживать влияние консерваторов. Митинг, на котором 29 октября 1898 г. обсуждался вопрос об организации Совета, получил название «Общего Собрания Чиновников и Народа» (*Кванмин Кондонхве*), так как в нем приняли участие и представители реформаторского кабинета Пак Чонъяна. Митинг принял решение подать Коджону петицию из шести статей, в которой, в частности, говорилось, что лишь «единение чиновников и народа может укрепить самодержавную власть императора Кореи и дать ему возможность не опираться на иностранцев». Таким образом, реформаторы объясняли Коджону, что политическая активность средних слоев не ослабляет, но, наоборот, укрепляет центральную государственную власть. Петиция также содержала такие требования, как принятие решений о даровании иностранцам концессий и заключении договоров только с согласия Верховного Тайного Совета, гласное ведение государственных финансовых дел, право подсудимого на состязательный судебный процесс, четкое соблюдение чиновничеством легальных норм. Национализм сочетался в петиции с естественным для зарождающегося предпринимательского слоя желанием защитить себя от произвола и вымогательств. Коджон, видя в предложенной «Обществом Независимости» реформе Верховного Тайного Совета возможность укрепить собственную власть, благосклонно принял петицию и 4 ноября 1898 г. опубликовал новое «Положение о Верховном Тайном Совете», в котором предусматривалась выборность половины его членов. Выборы были запланированы «Обществом Независимости» на 5 ноября 1898 г. Ряд западных дипломатов уже рапортовал о том, что Корея начинает переход к «парламентской политике».

Триумф проамериканской реформаторской группы был, однако, недолог. Стоило главе пророссийской фракции Чо Бёнсику и его консервативным союзникам ложно обвинить Юн Чхихо в желании свергнуть монархию, ввести республику американского типа и самому стать президентом, как Коджон немедленно отдал приказ об аресте лидеров «Общества Независимости», вынудив Юн Чхихо искать убежище у американских миссионеров. Через несколько дней массовые демонстрации торговцев и студентов на центральных улицах Сеула, а также вмешательство американских дипломатов вынудили Коджона освободить арестованных. Деятели «Общества Независимости», однако, не были удовлетворены этой мерой, и, понимая, что, покуда Чо Бёнсик и другие консерваторы остаются у власти, курс реформ всегда будет под угрозой, потребовали наказания Чо Бёнсика, Мин Джонмука и других лидеров пророссийской фракции. Центр Сеула превратился в арену настоящих

уличных боев между поддерживавшими «Общество Независимости» студентами и торговцами и стоявшей на стороне консерваторов привилегированной гильдией монополистов-*побусанов*. В конце концов 21 ноября 1898 г. Коджон услали Чо Бёнсика и Мин Джонмука в отставку, но и это уже не могло остановить разбушевавшиеся толпы, требовавшие судебной кары для «профессиональных предателей Родины» и немедленного созыва Верховного Тайного Совета с участием выборных делегатов. По отзывам японских дипломатов, в конце ноября 1898 г. столица находилась в состоянии «полной анархии». Коджон пошел на ряд дальнейших уступок, предлагая созвать Верховный Тайный Совет, но лишь в качестве консультативного органа, но и это не могло остановить радикалов из «Общества Независимости» (в их числе был и будущий президент Ли Сынман), которые даже нанимали профессиональных «рыночных силачей» («охранявших» торговцев и облагавших их «данью») для массовых драк с *побусанами*. Юн Чхихо и другие умеренные лидеры, готовые к компромиссу с правительством Коджона, практически утратили контроль над событиями. В этих условиях режим Коджона, заручившись согласием иностранных миссий (всерьез опасавшихся за судьбу своих коммерческих предприятий в атмосфере разгула уличного насилия), предпринял 23–25 декабря 1898 г. решительные меры против демонстрантов и их лидеров. Демонстрации были запрещены и стали разгоняться военной силой, а радикальные лидеры «Общества Независимости» — посажены за решетку. Потеряв свою массовую опору, не смогли удержаться у власти и такие умеренные реформаторы, как Пак Чонъян, которого вскоре вынудили уйти из правительства. Юн Чхихо и ряд других умеренных националистов был отослан из столицы на малозначительные провинциальные посты, в то время, как на министерские должности вернулись Чо Бёнсик и его союзники. Газета «Тоннип син-мун» перешла в ведение американских миссионеров, а вскоре была выкуплена правительством и закрыта. Так — потерей контроля над молодыми радикалами со стороны умеренных лидеров, жесткими мерами власти и возвращением консерваторов на правительственные должности — закончилась первая безрезультатная попытка ввести в стране элементы парламентского режима.

Вопрос об оценке развернутого «Обществом Независимости» в 1897–98 гг. движения за политические реформы давно уже вызывает споры в корейской историографии. В то время как умеренные националисты 1910–30-х годов видели в деятелях «Общества Независимости» своих непосредственных предшественников, левое движение Кореи с 1920-х годов критически подходило к идеализации ранними националистами японских и западноевропейских политических структур и их невниманию к положению малоимущего и неимущего большинства, подчеркивая прежде всего классовую ограниченность реформаторских группировок. Интересно, что с 1960-х годов северокорейская историо-

графия подходит к вопросу об исторической оценке «Общества Независимости» более положительно, подчеркивая, что, в отличие от организаторов неудачного переворота 1884 г. или прояпонских реформаторов 1894–95 гг., «буржуазные демократы» Юн Чхихо и Со Джэпхиль немало сделали для мобилизации масс на дело реформ, распространения «патриотических идей» и «защиты прав народа». В то же время критически оценивается «узкая классовая база» движения и свойственная его лидерам идеология «преклонения перед Америкой». В Южной Корее консервативные националистические историки из Сеульского Государственного Университета (проф. Син Ёнха) традиционно оценивали «Общество Независимости» как «родоначальника патриотической борьбы против иностранной агрессии с прогрессивных позиций в современной корейской истории», «единственную реальную реформаторскую силу в Корее конца 1890-х годов», тем самым солидаризуясь с проамериканской и антироссийской позицией Юн Чхихо и Со Джэпхиль. В то же время левые националисты-историки из Университета Ёнсе (проф. Ким Ёнсон) и Университета Корё (проф. Кан Мангиль) подчеркивали узко-классовый характер идеологии раннего национализма, его пренебрежение к нуждам крестьян-арендаторов (о земельной реформе лидеры «Общества» — сами, в основном, средние и крупные землевладельцы — не упоминали), его зависимый характер по отношению к американскому и японскому влиянию, а также непоследовательность лидеров «Общества», желавших привить в Корее ограниченные элементы парламентаризма, но при этом остававшихся «верноподданными» коррумпированного и консервативного режима Коджона. Какая из этих оценок более соответствует контексту эпохи?

Прежде всего, несомненно, что раннее националистическое движение конца 1890-х годов внесло немало нового в политическое сознание и политическую культуру Кореи. Образованные слои населения впервые познакомились с идеями «естественных прав», парламентаризма, правового государства. Естественно, первая попытка «привить» представления о гражданском обществе как субъекте современной государственности была крайне поверхностной и непоследовательной. Реформаторы пропагандировали политические права «народа», но не отдельной личности (тем самым подразумевая, что личные интересы должны подчиняться национальным — так как их понимают «национальные лидеры»), и, при всей своей идеализации западного парламентаризма, делали все, чтобы приспособить свои политические планы к реалиям самовластия Коджона. К огромному большинству неграмотного и бедного сельского населения Кореи, жившему по-прежнему в мире традиционных представлений, реформаторы относились со свойственным периферийным компрадорским элитам пренебрежением, приправленным изрядной долей страха перед перспективой народных выступлений под антизападными лозунгами. Неудивительно, что газе-

та «Тоннип синмун» называла *тонхаков* и бойцов *ыйбён* «изменниками и разбойниками», и с радостью рапортовала о «победах» японских и корейских карателей над ними. В целом, политические планы ранних националистов сводились к допущению реформаторской части имущей элиты к ограниченному участию в политическом и созданию правовых гарантий для предпринимательской деятельности. В этом смысле северокорейские оценки движения как буржуазно-демократического кажутся несколько преувеличенными — о демократии как таковой речи, по сути, не шло. Однако то, что даже эти робкие требования оказались в итоге отвергнуты консервативной дворцовой верхушкой, не могло не сказаться крайне отрицательно на перспективах капиталистического развития страны. Найдя двор компромисс с националистическими деятелями, предпринимательские слои смогли бы, несомненно, с большей уверенностью вкладывать средства в развитие зачатков индустрии в Корее. Положительную оценку можно дать и вкладу, внесенному ранними националистами в развитие форм политического самовыражения в Корее. Такие методы политической борьбы, как открытые массовые дискуссии, митинги и демонстрации, использование прессы, создание постоянных политических организаций, проведение публичных кампаний, были впервые опробованы на корейской почве «Обществом Независимости».

Литература

1. Ким Рехо. «Гибель королевы Мин. Новая версия» // *Корея. Сборник статей. К 80-летию со дня рождения проф. М. Н. Пака*. М.: МЦК МГУ, 1998. С. 123–136.
2. Пак А. В. *Общество Независимости («Тоннип Хёнхве») и его место в национально-освободительном движении в Корее в конце XIX — начале XX вв.* Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Институт Востоковедения РАН. М., 2006.
3. Пак Чон Хё. *Россия и Корея в 1895–1898 гг.* М., 1993.
4. Симбирцева Т. М. «Убийство во дворце Кёнбоккун» // *Восточная коллекция*, № 4, 2004. С. 127–142.
4. Ли Минвон. *Убийство королевы Мин и бегство Коджона в российскую миссию* (이민원, <明成皇后弑害와 俄館播遷>). Сеул, изд-во Кукхак чарёвон (국학자료원), 2002.
5. Син Ёнха. *Исследования по «Обществу Независимости»* (愼鏞廈. <獨立協會研究>). Сеул, Изд-во Ильчогак (일조각), 1976.
6. Chandra, V. *Imperialism, Resistance and Reform in Late Nineteenth Century Korea: Enlightenment and the Independence Club (1896–98)*. Berkeley: Institute of East Asian Studies, University of California, 1988.

Глава 15

**НОВЫЙ ВИТОК УМЕРЕННОЙ «ВЕСТЕРНИЗАЦИИ СВЕРХУ» —
МОНАРХИЯ КОДЖОНА В 1899–1904 гг.****а) Курс Коджона — дипломатические маневры
и укрепление абсолютной монархии**

Пришедшая к власти после подавления реформаторского движения группировка, состоявшая преимущественно из пророссийских (Чо Бён-сик, Ли Ёнъик) и прояпонских (Пак Чесун, Ли Хаён, Ким Ёнджун и др.) деятелей консервативной ориентации, с самого начала столкнулась с немалыми проблемами как внешнеполитического, так и внутреннего характера. В области внешней политики соперничество России и Японии отнюдь не прекратилось с подписанием «Соглашения Розена-Ниси», перейдя в 1899–1901 гг. в форму закулисных маневров. Так, с «открытием» в 1899 г. порта Масан (недалеко от Пусана) для иностранцев и Россия, и Япония начали там скупку земель с намерением в дальнейшем использовать их и как военно-морские угольные склады. Слухи об успехах России в получении права на аренду ряда земельных участков подвигли Японию к тому, чтобы потребовать от режима Коджона арендных прав на стратегически важный остров Коджедо недалеко от Масанской бухты. Лишь нажим главного союзника Японии, Великобритании, не желавшей обострять отношений с Россией, избавил правительство Коджона от японского давления в вопросе о Коджедо.

Однако после того, как оккупация Маньчжурии российскими войсками, участвовавшими в подавлении антизападного восстания *ихэтуаней* в Китае в 1900 г., ужесточила позицию Великобритании и США в отношении российской экспансии в дальневосточном регионе, стала жестче и позиция Японии по вопросу о российском влиянии в Корее. Россия, осознавая свою неготовность к войне, шла на значительные уступки, в частности, предложив в 1901 г. признать преобладающие позиции японцев в Корее на условиях признания Японией российских интересов в Маньчжурии и нейтрализации приграничной зоны в северной части полуострова. Однако пришедший к власти в 1901 г. кабинет экспансиониста Кацура Таро (1847–1913), заключивший в 1902 г. официальный военный союз с Великобританией, форсировал подготовку к войне против России и готов был согласиться на мирное урегулирование японо-российских противоречий лишь на условии полного отказа России от всех интересов в Корее и предоставлении Японии возможностей для закрепления в Маньчжурии. Великобритания, финансировавшая подготовку Японии к войне, соглашалась, в свою очередь, смириться с российским преобладанием в Маньчжурии — но не в Корее! — лишь в случае отказа России от противостояния английскому влиянию в Афганистане и Тибете, на что Россия также пойти не могла. Ситуацию

осложнял разнотой в российской дальневосточной политике, где сталкивалась умеренная линия министра финансов С.Ю.Витте (1849–1915), стремившегося разграничить сферы влияния России и Японии мирным путем или хотя бы оттянуть войну, и жесткая линия лично близкого царю Николаю II дельца А.М. Безобразова (1855–1931), призывавшего не уклоняться от вооруженного столкновения с японцами и не уступать Японии российские интересы в Корее. Интересы самого А.М. Безобразова — лесорубная концессия на китайско-корейской границе, охранявшаяся российскими частями — представляли для японцев прекрасное доказательство «агрессивных намерений России» и служили оправданием для подготовки к военной оккупации Корейского полуострова. К 1903 г. противоречия между сторонами достигли такого накала, что стало ясно — не пойдя Россия на радикальные уступки японской экспансии (согласие на использование всей территории Кореи японцами в стратегических целях и т. д.), и война неизбежна. Что же делал режим Коджона для того, чтобы предотвратить планируемую Японией военную оккупацию территории Корейского полуострова?

Рис. 22.

Карта Кореи из журнала «Вестник иностранной литературы». СПб., 1904

Рис. 23. Иностранные дипломаты в Сеуле, 1903 г. На снимке присутствуют дипломаты Германии, Франции, Китая, США, Англии, Бельгии и России. Крайний слева — Вильям Сэндз, американский советник корейского двора в 1899–1903 гг. Второй слева — русский военный агент в Корее подполковник фон Раабен.

В ситуации, когда с каждым днем угроза независимости страны становилась все более весомой и ощутимой, правительство Коджона продолжало политику лавирования между «великими державами», наивно надеясь, что их поддержка сможет защитить корейский суверенитет. Самой «благорасположенной» по отношению к Корее державой Коджон по-прежнему считал США. В его окружении сохраняли свое влияние проамерикански настроенные придворные — новая супруга Коджона из клана Ом, ряд членов клана Мин (в том числе ранее склонявшийся в сторону России дипломат Мин Ёнхван) и некоторые другие. Заинтересованность в сотрудничестве с США проявлял и пророссийски настроенный министр финансов Ли Ёнъик, пользовавшийся почти абсолютным доверием Коджона. Все они надеялись, что американская торгово-промышленная экспансия обезопасит Корею от посягательств соседей, и прежде всего Японии: на государство, в которое вложены значительные американские инвестиции, считали Коджон и ряд его приближенных, Японии будет нелегко покуситься без оглядки на американское и европейские правительства. Однако в реальности большая часть американских концессионных проектов в Корее — за исключением высокоприбыльных Унсанских рудников — ожидаемых барышей не приносила, в связи с чем и интерес к Корее в американских деловых кругах был несравненно ниже, чем к Китаю или Японии. С 1897 г. официальным курсом американской дипломатии в отношении Кореи была «политика нейтралитета», в связи с чем, в частности, американским миссионерам было в жесткой форме «рекомендовано» не поощрять свою паству к любым формам антияпонского сопротивления. К 1903–1904 гг. администрация президента Т.Рузвельта перешла к открыто прояпонской политике, основанной на опасениях, что преобладание России в Маньчжурии негативно скажется на американском предпринимательстве в этом регионе.

Игравшие при дворе Коджона важную роль американские советники — скажем, американский дипломатический советник Вильям Сэндз, служивший в Корее в 1899–1903 гг., — считали, что корейская бюрократия была слишком коррумпирована для того, чтобы всерьез реформировать страну. Видя, в принципе, в нейтрализации Кореи по бельгийской модели (т. е. придании стране статуса нейтральной под гарантии ее территориальной неприкосновенности со стороны великих держав) идеальный вариант решения «корейского вопроса», они в то же время рассматривали японское господство как приемлемый, если не самый реалистичный, способ «цивилизации» Кореи.

Россия в 1899–1904 гг. продолжала играть роль основного противовеса японским амбициям на Корейском полуострове. Деятели пророссийской группировки — Чо Бёнсик, Ли Ёнъик и другие — оставались на ключевых постах в кабинетах этого периода, хотя их позиции подвергались все более ожесточенным атакам со стороны других придворных клик, особенно прояпонской. Так, главным соперником Ли Ёнъика при дворе был министр юстиции Ли Гынтхэк (1865–1919), первоначально близкий к российской миссии, но с конца 1903 г. переориентировавшийся в сторону Японии и позже активно способствовавший японской колонизации страны. Влияние российской дипломатии при дворе Коджона оставалось достаточно сильным для того, чтобы расстроить, например, планы Сэндза и Мак Леви Брауна по единовременному заимствованию корейской казной больших сумм из банков соответственно США и Японии — планы, которые поставили бы Корею в полную финансовую зависимость от этих держав. В то же время отсутствие у правительства Николая II четкой, проработанной программы действий в Корее и преобладающее влияние с 1902–1903 гг. группировки Безобразова, действия которой в северных районах Кореи вызвали противодействие даже со стороны пророссийски настроенных придворных (требование в июле 1903 г. передать под российскую аренду местность Ённампхо на границе с Маньчжурией, расцененное как покушение на территориальную целостность Кореи, и т. д.), постепенно ослабляли возможности российской дипломатии в Сеуле. К лету 1903 г. Коджон и его окружение отчетливо скорректировали свой курс в сторону «нейтральной линии», стараясь по возможности противостоять экспансии Японии, но и не сближаться чрезмерно с Россией. В то же время позиции прояпонской группировки продолжали укрепляться. В августе 1903 г. она добилась, в частности, передачи Японии права на строительство стратегически важной железной дороги Сеул — Пхеньян — Ыйджонбу, нанеся существенный удар боровшейся за эту концессию российской дипломатии. Достроенная в годы русско-японской войны, эта линия, связывавшая Сеул с северной границей страны, активно использовалась японцами для перевозки войск и военных материалов.

В то время, как дипломатическая и военная экспансия Японии сдерживались в известной мере российским влиянием, экономическая и финансовая зависимость Кореи от бурно развивавшегося восточного соседа продолжала углубляться. Япония оставалась в 1899–1904 гг. главным торговым партнером Кореи, по-прежнему используя корейские рис и бобы для снабжения разраставшегося городского населения и корейский рынок — для сбыта японского текстиля. С переходом Японии в 1898 г. на золотой стандарт важное значение приобрел и импорт золота из Кореи. В дополнение к японским серебряным йенам выпуска начала 1890-х годов и казначейским билетам, полулегально обращавшимся на корейском рынке, японский «Дайити Гинко» (Первый Банк Японии, через корейские филиалы которого шли доходы от корейской морской таможни) начал с мая 1902 г. выпускать особые банковские облигации для Кореи, имевшие статус «японской валюты для корейского рынка». Их можно было в любой момент обменять на японские иены по более выгодному курсу, чем постоянно падавшую в цене корейскую валюту. Несмотря на все протесты корейского правительства против фактического присвоения частным японским банком функций государственного банка Кореи, и спорадические бойкоты со стороны части корейского купечества, эти облигации оставались в широком обращении вплоть до 1905 г., когда Корея стала японским протекторатом и облигации «Дайити Гинко» обрели статус основного платежного средства.

«Дайити Гинко», на счетах корейских филиалов которого 60% средств приходилось на корейские правительственные учреждения, был основным кредитором корейского правительства в 1899–1904 гг., предоставив ему займов примерно на 1 млн. 800 тыс. иен. Постепенное подчинение финансовой системы страны японскому капиталу делало практически невозможным развитие самостоятельного индустриального капитализма в стране. Японские банки не имели ни малейшего желания предоставлять будущим корейским капиталистам льготные кредиты, без которых трудно представить себе становление крупного производства. Японский контроль распространялся и на ключевые области инфраструктуры. Так, японский синдикат построил в 1901–1905 гг. железную дорогу Сеул-Пусан, значительно облегчившую японской торговле проникновение во внутренние районы страны. В ходе русско-японской войны 1904–5 гг. эта дорога также активно использовалась для перевозки войск и военных материалов. Земельные участки в полосе отчуждения дороги выкупало, согласно подписанному с японским синдикатом неравноправному соглашению, корейское правительство, вынужденное, за недостатком средств, занимать для этих целей деньги у японских же банков!

Контроль японского капитала над страной укреплялся. К началу русско-японской войны Корея уже была, в экономическом и финансовом

смысле, фактически японской полуколонией, и ее превращение в протекторат Японии в 1905 г. лишь закрепило юридически этот факт. В то же время значительная часть политической элиты страны — Коджон и пророссийская, а также проамериканская группировки при дворе, — не имея возможности остановить экономическое закабаление страны, пыталась тем не менее остановить политическую экспансию Японии путем дипломатических маневров. Постольку, поскольку вплоть до начала русско-японской войны Россия обладала влиянием на полуострове, эта политика позволяла, по крайней мере, сохранять статус кво. Однако с началом войны и оккупацией страны японскими войсками правительство оказалось бессильным перед требованиями японской стороны, что и низвело Корею, в конце концов, в положение протектората Японии. Почему же режим Коджона не сумел в 1899–1904 гг. — за те пять лет, пока суверенитет страны поддерживался балансом российского и японского влияния, — хоть как-то подготовить государственный аппарат и армию к защите независимости Кореи? Почему он даже не попытался мобилизовать силы народного сопротивления захватчикам? Для ответа на эти вопросы необходимо кратко рассмотреть внутреннюю политику корейской монархии в 1899–1904 гг.

После разгрома в конце 1898 г. радикального модернизаторского движения, для Коджона и всех основных придворных группировок (в том числе и умеренной проамериканской) основной задачей стало укрепление абсолютной власти монарха. Понимая, что корейская монархия сможет выжить в изменившихся международных условиях лишь при условии адаптации к западным формам, Коджон и его окружение продолжали перестраивать аппарат власти — в основном по японской модели. При этом, однако, отвергались даже символические шаги в сторону конституционного правления или местного самоуправления. Современное государство понималось теперь Коджоном и близкими ему придворными прежде всего как полностью подчиненная монарху машина подавления любой попытки возмущения или протеста. Торжественно провозглашенный 17 августа 1899 г. «Основной Закон Корейской Империи» (*Тэхангук Кукче*) объявлял, вслед за японской конституцией 1899 г., «абсолютную власть» корейского государя «вечной и неизменной формой правления» и давал ему «священные и неограниченные полномочия» в вопросах командования вооруженными силами, заключения договоров, и т. д. При этом, однако, в отличие от японской конституции, корейский «Основной Закон» не содержал даже упоминаний о правах подданных, парламентских выборах или независимой судебной власти. В этом смысле, идеалом современной государственности для Коджона в 1899–1904 гг., была, скорее всего, не конституционная монархия японского образца, в которой реальная власть принадлежала олигархическим группировкам в правительстве и подчиненной им бюрократии, а абсолютизм Николая II — режим, на тот момент не предусматривавший ни

политических партий, ни парламента, ни элементарных гражданских свобод.

Рис. 24. Солдаты старой корейской армии на учениях. С 20 октября 1896 г. до марта 1898 г. ее подготовка находилась в руках российских военных инструкторов, использовавших переведенные на корейский язык российские воинские уставы.

В «абсолютной власти» Коджон видел возможность безбоязненно устранять все кажущиеся «угрозы» для своего режима. Так, согласно внесенному 29 сентября 1900 г. в уголовные законы страны дополнению, любые «преступления против императорского дома и государства» в обязательном порядке карались смертной казнью с конфискацией имущества. Законы этого типа отнюдь не были мертвой буквой — смертной казнью в 1900 г. был наказан, скажем, видный деятель «реформ года Кабо» и бывший активист «Общества Независимости» Ан Гёнсу, подозревавшийся в участии в заговоре с целью добиться отречения Коджона от престола в 1898 г. Ряд бывших активистов «Общества Независимости» (в частности, будущий первый президент Южной Кореи Ли Сынман) и вернувшихся из Японии корейских студентов, также обвинявшихся в заговоре с целью свержения Коджона, оказались в тюрьме. С 22 июня 1901 г. указ Полицейского Управления запретил любые «сборища для праздной болтовни» — даже 3–4 человека, собравшиеся вместе для обсуждения политических или общественных тем, могли быть арестованы и наказаны. Арест и наказание «смутьянов» не представляли для режима Коджона каких-либо технических проблем — в столице суд производился чиновниками Министерства Юстиции, а в провинции — по-прежнему местными администраторами. Административная власть совмещала функции судебной. Главной опорой монархии была армия, столичные части которой (дворцовая охрана — *сивидэ*, и гвардия — *чхинвидэ*) насчитывали до 4 тыс. солдат и офицеров. Всего в штаты корейской армии входили 691 офицера и 24704 солдата, однако реальная численность военных на действительной службе не превышала 16 тыс. человек. Сформированная по японским, французским и российским образцам, вооруженная немецким, японским, французским и американским оружием (на 1901 г. — около 60 тыс. ружей и 61 орудие) и включавшая артиллерийские и инженерные части, новая армия Коджона была способна эффективно подавлять крестьянские протесты на местах. Для войны с Японией, однако, эта армия была слишком невелика и плохо подготовлена. В 1903 г., чувствуя приближение русско-японского конфликта,

Коджон издал указ о переходе на призывную систему комплектования вооруженных сил, но реформа эта так и не была воплощена в жизнь.

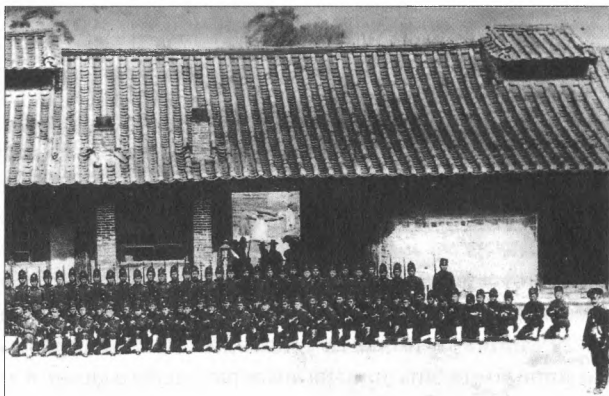

*Рис. 25. Корейские солдаты с русским инструктором, 1897 г.
Фото из журнала «Вестник иностранной литературы». СПб., 1904.*

Создание армии и полиции западного типа, закупки современного вооружения, отправка дипломатических миссий в европейские страны, США и Японию, наем иностранных советников и специалистов и т. д. требовали больших расходов. Только затраты на содержание двора и армии поглощали к 1904 г. до половины всех государственных средств, причем с 1899 г. по 1903 г. военный и дворцовый бюджет вырос при-

*Рис. 26.
Император Коджон,
начало XX в.*

мерно в три раза. Трудности казны усугублялись концентрацией наиболее перспективных источников налоговых поступлений в ведении Ведомства Двора — т. е., практически под контролем Коджона и его доверенных лиц. Отменив положения «реформ года Кабо» о переводе системы налогообложения под полный контроль Министерства Финансов, Коджон передал Ведомству Двора доходы от монополии на продажу женьшеня, налоговые поступления от рудников и аренды государственных земель, и т. д. В итоге к 1904 г. под контролем Ведомства Двора оказалось примерно 44% всех государственных доходов. Громадные по корейским масштабам недокументированные суммы, полученные в основ-

ном в качестве взяток от желающих получить должность в государственном аппарате (взятки за трудоустройство платили даже рядовые полицейские!), находились в личном распоряжении Коджона и его семьи. Казна, доходы которой значительно уменьшали также постоянные хищения налоговых сумм местным чиновничеством, часто не имела

средств даже на жалование мелким столичным служащим и принуждена была делать официальные заимствования у Ведомства Двора. Желание упорядочить взимание поземельного налога заставило правительство приступить с 1898 г. к составлению нового общегосударственного земельного кадастра — до русско-японской войны до двух третей всех земельных владений было описано, а их хозяевам выданы новые владельческие грамоты (*чонтхо мунквон*). Однако, поскольку и эта мера не спасла правительство от финансового кризиса, Коджон прибег к инфляционной «накачке» экономики никелевой монетой, чеканка которой обходилась дешевле всего. В итоге за 1894–1904 гг. цены на основные продовольственные товары выросли в пять раз, а налоговые ставки — в три раза. Инфляция подрывала экономические возможности мелких и средних хозяйств, тем самым затрудняя развитие капитализма «снизу». Лишь крупные землевладельцы и чиновники, зарабатывавшие японскую валюту на продаже риса, бобов и других сельхозпродуктов и имевшие доступ к счетам в японских банках, могли накапливать первоначальный капитал.

Официальным оправданием политики перевода финансовых ресурсов под непосредственный контроль Коджона и его окружения была необходимость финансировать модернизацию страны и первые шаги по созданию корейской индустрии и финансовых институтов. Нельзя отрицать, что определенные шаги в этом направлении были сделаны — в 1898 г. была расширена и реформирована военная школа нового типа, в 1899 г. — открыты столичное медицинское училище и коммерческая школа, в 1900 г. — горная школа, в 1902 г. — центр обучения шелководству. Ежегодно за государственный и частный счет десятки студентов отправлялись на обучение в Японию. Фактически в Корее в результате развития современных образовательных институтов зарождалась новая интеллигенция, приверженная идеалам модернизации и национальной государственности западного образца. Печатавшиеся Министерством Образования учебники естествознания, всемирной истории, корейской истории и географии формировали у учащейся молодежи новую модель мира, в центре которой находилась нация, а не конфуцианские этические догмы.

Начали появляться — или при прямом участии Коджона и его приближенных, или под их покровительством, — и первые промышленные предприятия. Так, доверенное лицо Коджона и один из распорядителей его личных средств Ли Ёнъик открыл предприятие по производству фарфора. Правительственный Монетный Двор производил бумагу западного типа. Близкий Коджону чиновник Ким Джонхан (1844–1932) из Ведомства Двора основал компанию по железнодорожному строительству. Покровительствовал двор также Корейскому Пароходному Товариществу (*Тэхан Хёнтон Кисон Хвеса*) и нескольким текстильным фабрикам в окрестностях столицы. Средства Ведомства Двора использова-

лись на строительство мощеных дорог и мостов современного типа, облегчавших внутреннюю торговлю. Однако инфляция и связанное с ней удорожание иностранной техники и материалов, а также конкуренция со стороны японских товаров и невозможность (из-за системы неравноправных договоров) защитить корейского производителя высокой пошлиной на импорт делали инвестиции в производство менее выгодными, чем в экспорт риса и бобов, цены на которые на японском рынке постоянно росли. Кроме того, вложения в индустриализацию и развитие инфраструктуры составляли лишь относительно небольшую часть расходов Ведомства Двора — на закупку оружия для дворцовой охраны и предметов роскоши для двора, приемы и развлечения, перестройку дворцов в Сеуле и т. д. уходило больше. В итоге к 1904 г. в Корее было лишь 222 официально зарегистрированных промышленных и торговых фирм, большую часть из которых составляли мелкие торговые предприятия. Абсолютная монархия так и не смогла создать конкурентоспособный бюрократический капитал. Налоговые сборы и иностранные кредиты уходили на содержание репрессивного аппарата, а не на настоящую модернизацию страны.

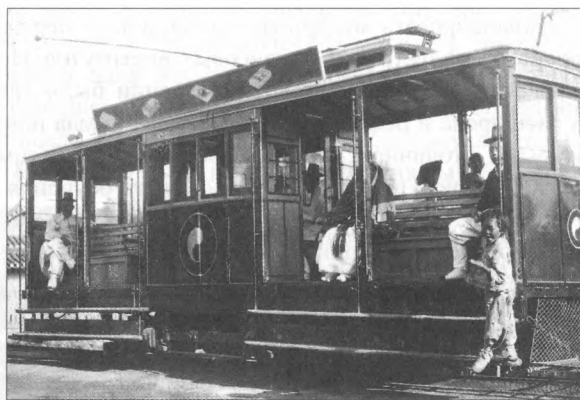

Рис. 27. Сеульский трамвай (1903 г.). Трамвайное движение открылось в Сеуле в мае 1899 г. Распоряжались им иностранные предприниматели — американские бизнесмены Г.Колбран и Г.Боствик. Трамвай перевозил относительно небольшое число пассажиров (до 10 тыс. в день), но был для сеульских жителей популярным символом модернизации.

Обращение к репрессиям, однако, было логически неизбежным продолжением политики, фактически превратившей государство в источник личных доходов для Коджона и его приближенных. Вместе с инфляцией и наплывом подрывавшего кустарное деревенское производство японского импорта корейских крестьян по-прежнему разоряли коррупция и вымогательства. Провинциальные чиновники, покупавшие должности за взятки, стремились выжать из крестьян как можно больше в короткие

сроки — часто еще и потому, что деньги на взятки брались займы под высокий процент у японских ростовщиков. Деньги выколачивались под предлогом взимания всяческих «местных налогов», самовольно вводимых администраторами. Обращения в столичные суды практически не помогали — ходатаев с мест, как правило, арестовывали по обвинению в «клевете». В итоге вооруженные выступления крестьянства не прекращались, особенно в провинции Чолла (в 1899 и 1902 гг.), где жива была память о борьбе *тонхаков*. В 1899 г. восстали против грабительских налогов на посадки женьшеня крестьяне в окрестностях города Кэсона в центральной части страны. В 1900–1906 гг. в центральной и южной частях страны активно действовали отряды «друзей бедняков» (*хвальбиндан*), громившие усадьбы чиновников и богачей и раздававшие беднякам отнятое добро. Лидеры этих отрядов из числа разорившихся *янбанов* распространяли по стране прокламации, требуя запретить экспорт зерна в Японию, установить твердые цены на продукты и обеспечить земель безземельных крестьян. Ряд выступлений был направлен против произвола католических общин, злоупотреблявших покровительством французских дипломатов и часто незаконно присваивавших себе административные функции. Интересно, что именно в этот период впервые заявил о себе корейские рабочие — в 1903 г. грузчики порта Мокпхо бастовали против низких зарплат и эксплуатации со стороны японского купечества.

Вооруженные выступления жестоко подавлялись, но именно разоряемые карательными отрядами крестьяне и пополняли вновь ряды повстанцев. В 1904 г. дороги Кореи оставались небезопасными для торговцев, а в отделенных районах администраторы чувствовали себя настолько неуверенно, что предпочитали платить «дань» вожакам сильных крестьянских отрядов. Потеряв в значительной мере престиж традиционного конфуцианского правителя и так и не став лидером современного национального государства, Коджон поддерживал свою власть прежде всего вооруженной силой. Его политика не удовлетворяла нужды и интересы подавляющего большинства населения страны, но и не сделала новорожденную Корейскую Империю достаточно сильной для того, чтобы противостоять колонизаторским амбициям Японии. Политическая независимость страны поддерживалась лишь балансом внешних влияний, и прежде всего ролью сдерживавшей японские амбиции России. Режим Коджона был слишком отчужден от масс, слишком неподготовлен в военном и административном отношении для того, чтобы возглавить народное сопротивление в случае иностранной агрессии против Кореи.

В чем же была причина того, что вместо глубоких реформ, серьезной перестройки администрации на современный лад и широкого, планомерного поощрения ростков капитализма Коджон, практически смирившись с полуколониальным статусом страны в экономической и финансовой

сфере, занимался лишь укреплением репрессивных структур и созданием возможностей для обогащения своей клики? С одной стороны, нельзя не упомянуть объективных препятствий международного плана — система неравноправных договоров, незащищенность корейского рынка от японской конкуренции, грабительская охота империалистических держав за концессиями оставляли корейской экономике мало возможностей для развития. Однако явно пассивная позиция Коджона и его окружения в вопросе о неравноправном положении Кореи в мире, его неумение использовать хотя бы имеющиеся ограниченные возможности для обеспечения экономической независимости страны, его готовность раздавать концессии и привилегии иностранным предпринимателям, допускать в Корею хождение японской валюты и брать кредиты у японских банков показывают также и на внутрисполитические причины провала реформ. Коджон, его клика и поддерживавший ее социальный слой крупных землевладельцев-чиновников, экспортеров риса, бобов и минеральных ресурсов, сумели после 1876 г. встроиться в региональную экономическую систему на правах периферийной элиты — ущемленной по отношению к правящим классам восточноазиатского экономического центра (Японии), но зато с гарантированной возможностью обогащаться в процессе неравноправной торговли между центром и периферией. Коджон, несомненно, не желал утраты страной политической независимости, но явно предпочитал просто собирать подношения у желающих получить чиновный пост (в основном это были крупные землевладельцы, вовлеченные в торговлю с японцами) и не рисковать с неприбыльными на первых порах масштабными вложениями в развитие национальной промышленности. Именно такая политика и обрекала страну на закабаление. Большинство крупных землевладельцев, при условии сохранения за ними прав на земли, не возражали ни против неравноправных договоров, ни против японской экспансии. Наоборот, многие надеялись, что японцы смогут подавить крестьянский протест более эффективно, чем армия Коджона. В отсутствие четкой, разработанной системы коммерческого законодательства и государственной протекционистской политики, этот слой считал вложения в скупку земель более надежными, чем в текстильные или фарфоровые фабрики. Одним словом, корейская политическая и экономическая элита предпочла получать ренту со своих земельных владений и административного капитала и не «экспериментировать» в промышленности, социальной области или политике. Официальная националистическая риторика режима Коджона — введение «имперских» флага, гимна, «императорских» праздников и т. д. — вовсе не означала, что правящий класс Кореи этого периода действительно заботило национальное сплочение корейцев или подъем национальной экономики. Для того, чтобы национализм по-настоящему завладел бы сознанием хотя бы части корейской землевладельческой элиты, понадобился горький опыт колониального порабощения.

б) Импорт слов, идей и институтов — процесс вестернизации в корейской культуре

Обстановка хронического социально-политического кризиса, болезненное понимание того, насколько отстала Корея — в терминах современной государственности, экономики, военного дела — от Запада и Японии, приводили представителей «новой» интеллигенции к мысли о необходимости догнать развитые страны через «пересадку» на корейскую почву общественных институтов западных стран, типичного для них националистического мировоззрения. Пример Японии, который был для «новых» интеллектуалов начала 1900-х годов символом национального успеха, показывал, что превращение подданных традиционного общества в активных, патриотичных граждан современного государства достигается, прежде всего, через распространение образования, издание популярных газет, а также религиозную реформу. В Японии уже в 1872 г. начальное образование (минимум шестнадцать месяцев занятий в младшей школе) стало обязательным, а целый ряд основанных в 1870–80-е годы государственных и частных институтов среднего и высшего образования сыграл решающую роль в формировании нового образованного среднего и высшего класса — опоры реформ Мэйдзи. В таких учебных заведениях Японии, как основанный известным идеологом модернизации Фукудзава Юкити (1835–1901) в 1868 г. Университет Кейо или военное училище Тояма, получали образование и первые корейские реформаторы 1880–90-х годов Японские газеты — их издавалось более 800 уже в середине 1890-х годов — служили источником информации о мире для корейской элиты. Религия *синто*, сделанная режимом Мэйдзи основой официального национализма, была для корейской интеллигенции примером того, как игнорировавшиеся конфуцианством религиозные чувства могут быть использованы на благо современной государственности. Учитывая влияние японского примера, неудивительно, что именно образовательная работа, издание газет и религиозные поиски стали для «новой» интеллигенции начала 1900-х годов синонимом национального дела.

Уже в 1895 г. в ходе «реформ года *кабо*» корейская образовательная система была официально перестроена по западным и японским образцам. В школах «нового типа» — начальной (5–6 лет обучения, поступление с 8 лет) и средней (аналог европейской гимназии, 7 лет обучения) — преподавались корейская и мировая география и история, естественные науки, иностранные языки (обычно японский или английский). Новшеством для корейского образования было введение гимнастики как обязательного предмета — в конфуцианской Корее физическая культура не считалась обязательной для молодых *янбанов*. Гимнастику часто преподавали выпускники военной школы, придавая предмету форму своеобразной «начальной военной подготовки». Это отражало пред-

ставления официального национализма о подданном как прежде всего о потенциальном солдате, готовом выступить на защиту «империи» и «императора» Коджона. Впрочем, и предметы с сильной традиционной окраской — китайская иероглифика и построенная на конфуцианских догматах этика — оставались частью расписания. Уже в 1896–97 гг. режим Коджона распорядился открыть 38 государственных начальных школ, а к 1904 г. их число достигло приблизительно 50. Однако, по описаниям живших в тогдашней Корее западных миссионеров, школы эти, представлявшие собой, как правило, несколько учителей, преподававших 10–15 подросткам, и не имевшие обычно даже собственных специальных зданий, мало соответствовали западным или японским стандартам. Государственная средняя школа была только одна — основанная в 1900 г. в корейской столице. Недостаток государственных школ пытались восполнить сочувствовавшие идеям модернизации придворные и богатые землевладельцы, открывавшие частные школы на свои средства. Так, известный дипломат Мин Ёнхван основал в 1895 г. школу *Хынхва* («Прцветание и Изменения»), где в 1900 г. обучалось английскому и японскому языкам, а также землемерному делу более 130 юношей. Среди них был в частности, Чу Сигён (1876–1914) — один из «отцов» современной корейской лингвистики. Большой вклад в распространение современного образования вносили протестантские миссионеры из США и Канады, основавшие в 1895–1904 гг. ряд женских школ в Сеуле, Пхеньяне, Кэсоне, Инчхоне (Чемульпхо) и Мокпхо. Хотя миссионеры — в основном культурно и политически весьма консервативные люди — считали своей задачей прежде всего пропаганду христианства и воспитание будущих домохозяек в духе патриархальной викторианской идеологии, появление целого ряда женских школ объективно способствовало пробуждению у женщин социального и национального сознания. Выпускниками этих школ были первые в Корее женщины-врачи и учителя, а позднее — и ряд участников антиколониального движения.

Начальное и среднее образование «нового типа» в Корее 1899–1904 гг. получали лишь дети незначительного меньшинства населения — в основном средних и крупных землевладельцев, соприкасавшихся с иностранцами торговцев, зажиточных горожан. Большинство корейских мальчиков продолжало ходить в традиционные местные конфуцианские школы, причем часто провинциальные *янбаны* отказывались посылать детей в «новые» школы по идеологическим соображениям, опасаясь «духовной порчи и христианской ереси». Однако даже те зачатки современной государственной образовательной системы, что появились в Корее в 1899–1904 гг., имели большое значение для «пересадки» на корейскую почву идеалов Нового Времени. Те учебники, что составляло (или переводило) и печатало для государственных и частных школ Министерство Образования (*хакпу*), становились путеводителями в новый мир не только для учащихся, но и для множества конфуцианских интеллигентов, болез-

ненно осознававших кризис корейского общества и государственности и пытавшихся найти выход в следовании европейским и японским моделям. Многие учебники были посвящены актуальным для мыслящих людей Кореи того времени событиям мировой истории. Так, в 1899 г. была переведена с японского и издана «История американской войны за независимость» (*Мизук тоннип са*), где, в частности, протестантизм подавался как «духовная основа американского патриотизма, позволившего стране сбросить британское иго». За относимой ранее к «суевериям» «христианской ересью» признавалась важная *государственная* роль — и это не могло не изменить отношения многих образованных корейцев к новой вере. В 1900 г. популярность завоевал выпущенный Министерством Просвещения перевод трактата известного китайского реформатора и идеолога модернизации Лян Цичао (1873–1929) о неудачной попытке проведения реформ «сверху» в Китае в 1898 г., известной как «сто дней реформ». Впоследствии, в 1905–1910 гг., сочинения Лян Цичао станут важным источником для развития ранней националистической идеологии в Корее. Учебники по математике (1900 г.), химии (1903 г.), геометрии (1904 г.) привлекали внимание образованных людей Кореи к достижениям западной науки, способствовали изменению традиционного пренебрежительного отношения к точным и естественнонаучным знаниям как «придатку» гуманитарной мысли.

В то же время переводившаяся и использовавшаяся в корейских школах западная литература — скажем, переведенное в 1902 г. сочинение популярного викторианского автора Сэмюэла Смайльза (1812–1904) «Самопомощь» (1859), доказывавшее, что «прилежание выведет любого в люди», — способствовали внедрению в корейские образованные слои не критической идеализации капитализма, наивной веры в то, что принятие «западных ценностей» сделает Корею равноправным партнером западных держав. Своеобразной «колонизации сознания», то есть восприятию подчиненного, неравноправного положения Кореи как неизбежного следствия «лени и неорганизованности» корейцев, способствовали и переводы либеральной экономической литературы (в основном через посредство японского языка), описывавшей колонизацию «отсталых, погрязших в лени восточных стран» как «естественный процесс цивилизации мира» и превозносившей блага «свободной торговли» — неконтролируемого вывоза ресурсов из стран периферии. В условиях тяжелейшего социально-политического кризиса и разочарования в традиционных ценностях викторианская апологетика капитализма и колониализма воспринималась частью молодой прозападной интеллигенции как «новое откровение», способное заменить устаревшие конфуцианские идеи в качестве господствующей общественной идеологии. В то время, как для более патриотически-настроенных интеллигентов призывы Смайльза к «предприимчивости и трудолюбию» означали необходимость ускоренного развития индустрии в стране, многие представи-

тели правящего класса использовали викторианское положение о «естественности» колониализма как оправдание сотрудничеству с японскими агрессорами.

Школы «нового типа», как государственные, так и основанные на частных средства приближенных Коджона, вносили немалый вклад в постепенную трансформацию социальной структуры Кореи. После того, как в ходе «реформ года Кабо» были упразднены старые конфуцианские экзамены на чин, на службу в государственный аппарат стали принимать по результатам экзаменов по «современным наукам», а сдать такие экзамены успешнее других могли прежде всего выпускники «новых» школ. С некоторыми из частных школ Сеула государство даже заключало особые контракты о приеме их выпускников на службу сразу после сдачи выпускных экзаменов. С учетом того, что официально монополия *янбанов* на государственную службу была отменена, все эти нововведения открывали выходцам из простолюдинов теоретическую возможность приобщиться к государственной власти. Конечно, «равные возможности» система предоставляла лишь в принципе — для поступления в «новые» школы требовалось знание базовой иероглифики и, как правило, рекомендация местных «влиятельных особ», что вряд ли было доступно для сыновей бедняков. Министерские рекомендации требовались и при приеме на любой ответственный пост внутри государственного аппарата. Однако, при всех своих несовершенствах, новая система открывала дорогу «вверх» для сыновей зажиточных торговцев или средних землевладельцев крестьянского происхождения, готовых к освоению современных знаний. Доля выходцев из этих слоев в рядах госслужащих оставалась небольшой, но постоянно росла, тем самым подрывая основы традиционного сословного уклада. Особенно много выходцев из непривилегированных слоев было среди тех чиновников, которых двор использовал на дипломатическом поприще. От них требовалось знание современных разговорных языков, к которым *янбаны* традиционно относились пренебрежительно. Так, исполнявшие в конце 1890-х — начале 1900-х годов должность послов в Японии Ко Ёнхи (1849-?) и Ли Хаён (1858–1919) были выходцами из городской торговой среды, выдвинувшимися благодаря знанию японского и английского языков соответственно. Однако ни официальная отмена *янбанских* привилегий, ни появление первых простолюдинов на государственной службе не могли сразу кардинально поменять общественных отношений на местах. *Янбаны*, как правило, по-прежнему пользовались неоспоримым авторитетом в провинциальной среде и редко допускали чужаков в свой круг. Консервации традиционных социальных форм способствовало и то, что именно *янбаны* преобладали в среде крупных и средних землевладельцев.

Толчком к изданию новых газет был успех созданной Со Джэпхилем газеты «Тоннип синмун», показавшей корейской элите, сколь эффекти-

вен может быть контроль над средствами массовой информации в деле политической мобилизации масс. В то время, как Со Джэпхиль призывал к радикальной переоценке ценностей, строительству новой культуры на протестантских, западных основаниях, большинство популярных газет 1899–1904 гг., не без влияния консервативного правительственного курса, придерживалось более умеренной линии. Так, издававшаяся реформаторами-конфуцианцами газета «Хвансон синмун» («Сеульская газета», основана 5 сентября 1898 г.) объявляла «прогресс и реформы» ничем иным, как «приспособлением идей Конфуция и Мэн-цзы к современным условиям», тем самым давая умеренно консервативным *янбанам* возможность принять правительственную политику реформ, не отказываясь в то же время от источников их авторитета — традиционных конфуцианских ценностей. В духе популярной также в умеренно реформаторских кругах Цинского Китая конца XIX в. теории «сочетания восточного Дао и западных институтов», эта газета объявляла, скажем, конституционную монархию и парламентаризм «способом сплотить верхи и низы», и видела задачу прессы в том, чтобы «никого не боясь, доводить истинные вести о положении низов до слуха верхов» — так же, как это делали с помощью петиций конфуцианцы в традиционной Корее. Практическим образцом «прогресса и реформ», а заодно и «защитником желтой расы от агрессивных поползновений России», была для этой газеты Япония, корень успехов которой издатели видели прежде всего в «безусловной и абсолютной преданности всех японцев императору». В отличие от «Тоннип синмун», издававшейся почти без иероглифов, чисто корейским письмом, «Хвансон синмун» пользовалась смешанным китайско-корейским шрифтом, обильно украшенной классическими китайскими риторическими оборотами, что делало ее популярной среди *янбанской* интеллигенции. Число подписчиков «Хвансон синмун» доходило до трех тысяч человек, а финансовую помощь этой газете оказывал из средств Ведомства Двора сам Коджон, черпавший из ее статей информацию о зарубежных странах. Эта информация, в основном основывавшаяся на сообщениях лондонского агентства Рейтер (депеша которого в переводе на корейский язык газета начала печатать с 5 января 1900 г.) и японской прессы, подавалась, однако, в форме, соответствовавшей прежде всего интересам британской, американской и японской дипломатии. Однако роль «Хвансон синмун» нельзя, конечно же, сводить к простому навязыванию британского или японского видения мира. Стремясь отыскать корни «прогресса и реформ» в корейской конфуцианской традиции, эта газета популяризовала работы прогрессивных конфуцианцев XVIII–XIX вв., особенно Чон Ягёна (1762–1836). Тем самым однобокому «западническому» мировоззрению противопоставлялось реформистское понимание дальневосточной традиции. Редакционные статьи «Хвансон синмун» писали талантливые конфуцианцы-реформаторы Пак Ынсик (1859–1925) и Чан Джиён (1864–1920),

сыгравшие позже ключевую роль в развитии корейской националистической мысли.

Наряду с «Хвансон синмун», немалой известностью в начале 1900-х годов пользовалась газета «Чегук синмун» («Имперская газета», основана 10 августа 1898 г.), также редактировавшаяся группой реформистски настроенных конфуцианцев. В отличие от «Хвансон синмун», однако, эта газета использовала — как и «Тоннип синмун» — чисто корейское алфавитное письмо, практически без китайских иероглифов, что делало ее доступной для простолюдинов и женщин, обычно не получавших классическое конфуцианское образование, но зачастую знакомых с относительно простым алфавитным письмом. Собственно, целью «Чегук синмун» и было просвещение масс — популяризация реформаторских идей в наиболее доступной форме. Число подписчиков газеты колебалось от двух до четырех тысяч, но реальное влияние ее распространялось гораздо шире. По отзывам современников, на улицах столицы часто можно было увидеть торговцев, солдат и даже рикш, сбивавшихся в кружок и слушавших, как грамотный коллега читает им статьи из «Чегук синмун». Особенно популярна газета была среди женщин (иногда ее даже называли «женской»), о правах которых — на образование, вторичное замужество после смерти мужа, общение вне дома и даже брак по любви! — она писала много и часто. Впрочем, просвещение женщин подавалось не как самоцель, а просто как средство приблизить отсталую Корею к уровню «цивилизованных стран». Важное место занимала в газете и тема защиты имущества и прав простолюдинов от нескончаемых чиновных поборов и вымогательства. Газета объясняла, что лишь минимальные правовые гарантии для массы мелких и средних собственников смогут стимулировать предпринимательство, что и поможет режиму Коджона сделать Корею сильнее и стабильнее. Провал же реформ, считали авторы газеты, будет равнозначен гибели страны — ее, так же, как и Китай после подавления восстания *ихэтуаней* в 1900 г., практически низведут на уровень полуколонии. Постоянный автор газеты, будущий президент Южной Кореи Ли Сынман, писавший свои эмоциональные статьи из тюрьмы, считал, что наибольшую опасность для страны представляет Россия — «жадный тигр, который смотрит на весь мир, как на кусок мяса». В Японии же — как и «Хвансон синмун» — газета видела прежде всего образец быстрых и эффективных реформ. Таким образом, внешняя политика двора, в 1899–1904 гг. ориентировавшегося прежде всего на Россию как на фактор, сдерживавший японские амбиции, расходилась с прояпонскими настроениями среди значительной части реформаторской интеллигенции. Среди сотрудников «Чегук синмун» были Ли Хэджо (1869–1927) и Ли Инджик (1862–1916), впоследствии получившие значительную известность как авторы первых «новых» прозаических произведений (романов и повестей, написанных с использованием современных западных форм и приемов) в истории

корейской литературы. Газета печатала выпусками ряд переводных произведений западных литератур, тем самым способствуя формированию аудитории для западной и вестернизированной корейской прозы. В целом, просветительские усилия «Хвансон синмун», «Чегук синмун» и ряда других корейских газет 1899–1904 гг. привели к заметной популяризации реформаторских идей — по крайней мере, среди части интеллигентов, землевладельцев, мелких и средних торговцев. Новые термины — «конституционализм», «естественные права», «хозяйственное развитие», «прогресс» — постепенно внедрялись в разговорный обиход, дополняя и в то же время постепенно вытесняя традиционные конфуцианские представления об обществе и государстве.

Важную роль в процессе постепенного отхода от традиционных представлений о государстве и обществе сыграли и религиозные перемены. В то время как в Японии символом официального национализма стало сконструированное на основе традиционных культов государственное *синто*, а в религиозной жизни продолжал доминировать буддизм, в Корее как нарождавшиеся предпринимательские слои северной части страны, так и *янбаны*-реформаторы проявили активнейший интерес к христианству — и прежде всего протестантизму — как духовной основе построения нового общества. Что же привлекло их к религии, еще сравнительно недавно, в 1860-е годы, подвергавшейся жестоким гонениям и презрительно именовавшейся «западной ересью»? Популярность христианства в Корее можно объяснить несколькими факторами. Во-первых, идеологи конфуцианства и буддизма по различным причинам не смогли встать в Корее 1899–1904 гг. в авангарде перемен. Очень небольшая часть конфуцианцев — главным образом те из них, кто, как Пак Ынстик или Чан Джиён, активно участвовали в газетно-издательской деятельности в столице, — уже на рубеже веков осознали, что конфуцианство, чтобы сохранить ведущую роль в духовной жизни страны, должно преодолеть неоконфуцианский догматизм, взять инициативу в деле просвещения и политической мобилизации масс, стать центром притяжения для всех, болеющих за судьбу страны — одним словом, своего рода национальной этической религией. Этими идеями пронизан трактат Пак Ынсика «О религии» (1901 г.) и масштабная работа Чан Джиёна «Истоки корейского конфуцианства» (1900 г.). Однако абсолютное большинство видных конфуцианских идеологов этого периода оставалось на позициях традиционалистской догматики, в то время, как те немногие буддийские лидеры, что были заинтересованы в «новой культуре», были тесно связаны с японскими буддийскими миссионерами, тем самым обеспечивая себе репутацию прояпонских элементов. То же можно сказать и о преемнике учения *тонхак*, религии *чхондогё* («Учение Небесного Пути»), лидер которой, Сон Бёнхи, спасаясь от правительственных преследований, уехал в 1901 г. на учебу в Японию и вскоре послал в различные учебные заведения Японии несколько десятков своих при-

ближенных последователей. В то время, как симпатии к Японии — якобы «защитнице желтой расы от белой угрозы» — были достаточно распространены среди корейских реформаторов до 1904 г., то после превращения Кореи в японский протекторат в 1905 г. тесные политические связи с японскими религиозными и политическими институтами могли толковаться однозначно как «антинациональная позиция». В этом смысле положение христиан, находившихся под покровительством европейских и американских, но — как правило — не японских религиозных организаций, было гораздо более совместимо с требованиями националистической идеологии.

Во-вторых, большую роль сыграла и сознательно избранная протестантскими миссионерами тактика — демонстрировать «туземцам» преимущества «европейской христианской цивилизации» через широко-масштабную деятельность в области образования и медицины, так, чтобы Корея воспринимала протестантизм как синоним «прогресса». На фоне более чем скромных достижений властей в этих областях — что было связано как с финансовыми проблемами корейского правительства, так и с политикой первоочередного финансирования армии и полиции — успехи миссионеров действительно впечатляли. Так, в 1904 г. канадский пресвитерианский миссионер Эвисон, работавший в Корее с 1888 г., построил на пожертвование американского предпринимателя Северанса в 15 тыс. долларов (добавив к нему 10 тыс. долларов из миссионерского фонда) больницу им. Северанса в центре Сеула, являющуюся вплоть до сегодняшнего дня крупнейшим медицинским центром города. Лечебницы и аптеки имелись при каждой миссионерской станции, а среди находившихся в стране протестантских миссионеров около 20 человек — американцев, канадцев и австралийцев — имели медицинскую квалификацию. Лучшие детские приюты и дома престарелых в Сеуле принадлежали католической церкви, а ведущие провинциальные школы для девочек — *Суный* (Пхеньян), *Чонмён* (Мокпхо), *Чинсон* (Вонсан) и др., — были открыты в 1903–1904 гг. пресвитерианами и методистами. Таким образом, для многих патриотически настроенных молодых корейских интеллигентов крещение по протестантскому или католическому обряду было равнозначно приобщению к «новой культуре», которая была для них единственным способом укрепить и обогатить страну.

Наконец, в немалой степени привлекали корейских реформаторов и те социальные изменения, которые ассоциировались с внедрением христианских идей. Хотя большинство протестантских и особенно католических миссионеров в Корее принадлежали к консервативным направлениям, а зачастую и отличались откровенно расистским отношением к своей корейской пастве, целый ряд социально-культурных особенностей западного христианства, пережившего к тому времени уже почти два столетия либерально-демократических влияний, рассматривались в Ко-

рее как передовые и заслуживающие подражания. Особенно касается это отношения к женщине, которую неоконфуцианская догматика исключала из общественной жизни. Ряд редакционных статей в газете «Тоннип синмун», написанных с открыто протестантских позиций, объяснял читателям, что «Бог сотворил мужчину и женщину равными», и приниженное положение женщины в Корее, выражавшееся, например, в отсутствии женских школ, существовании института наложниц, насилии в отношении женщин в семье и т. д., являлось как нарушением «естественного порядка вещей», так и символом «дикости» Кореи в глазах обитателей «цивилизованных стран». Просветительская работа протестантских публицистов давала скорые результаты — уже в начале 1900-х годов ряд церквей, особенно в менее конфуцианизированных северных районах страны, рекомендовал христианским супружеским парам строить отношения на взаимном уважении, избегать насилия против женщин в семье, отдавать девочек в школы, и т. д. Особенно осуждалось наложничество, как «недопустимое для христианина». Хотя речь шла всего лишь об очень ограниченном участии женщин в общественной жизни (так, практически всегда школы для мальчиков и девочек строились отдельно) и упор делался на воспитание женщины как «мудрой матери и хорошей жены», способной воспитать «цивилизованным» следующее поколение корейцев, а не на борьбу за женские права как самоценность, беспрецедентные для конфуцианской Кореи инициативы христиан в женском вопросе обеспечили приток женщин-верующих в церкви. Некоторые из них, получив при посредстве миссионеров современное образование, становились пионерами в просвещении, медицине, благотворительной деятельности. Так, протестанткой была первая корейская женщина-врач, практиковавшая западную медицину, Эстер Пак (1877–1910). Родившаяся в Сеуле в бедной семье, она начала свою медицинскую карьеру ассистенткой у американского миссионера-врача Розетты Шервуд, а затем закончила Балтиморский Женский Медицинский Колледж, вернулась в 1900 г. в Корею и даже удостоилась личной благодарности от Коджона за заслуги в подготовке медсестер и лечении больных. Кроме возможностей, открывавшихся христианскими церквями на пути к равноправным отношениям полов, импонировали корейским реформаторам и уважительный взгляд протестантов на торгово-промышленную деятельность, и их кампании против пьянства, курения и азартных игр, вполне сочетавшиеся с новым националистическим идеалом «чистоты от пороков и «беззаветной патриотической службы».

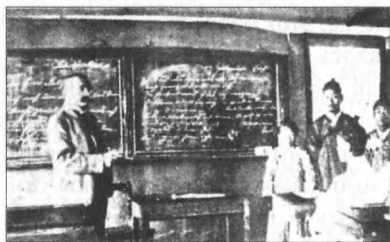

Рис. 28. Учитель-иностранец
в классе с корейскими детьми.
Корея, начало 1900-х годов.

Рис. 29.

Гавань Чемульпхо (Инчхона), 1904 г. Этот портовый город, рейду которого вскоре суждено было стать первой ареной морских сражений русско-японской войны 1904–1905 гг., был важным каналом проникновения современных товаров, учреждений и идей в Корею.

К середине 1900-х годов западные христианские церкви уже обладали в Корее ощутимым влиянием. Значительную долю среди как примерно 55 тыс. крещеных корейцев (около 35 тыс. католиков и 20 тыс. протестантов к 1907 г.), так и среди более чем ста тысяч посещавших библейские школы и общества чтения Библии составляли общественные лидеры — публицисты, активисты националистических организаций, преподаватели «новых» дисциплин, богатые торговцы и первые предприниматели современного типа. Проводниками их влияния на общество были протестантские и католические газеты, журналы, около двух сотен христианских школ, а также церковные больницы, лечебницы, миссионерские станции, сиротские дома, и т. д. Уже в середине 1900-х годов немалая часть корейского образованного круга стала вполне всерьез воспринимать утверждения некоторых христианских энтузиастов о том, что лишь полная христианизация Кореи может стать залогом «спасения нации». В условиях дискредитации неоконфуцианской ортодоксии христианство стало рассматриваться, сознательно или бессознательно, как ее «современный» религиозный заменитель. Однако на православие, проповедовавшееся с 1900 г. Русской Духовной Миссией в Сеуле, этот образ не распространялся: православных корейцев насчитывалось всего несколько десятков, и в большинстве своем они были так или иначе связаны или с российскими дипломатами, или с корейскими поселениями в Российском Приморье. Успеху российской миссионерской работы в Корее препятствовали как очевидные факторы политического характера (враждебное отношение к России как со стороны про-японских группировок, так и среди находившихся под влиянием популярных в Англии и отчасти США русофобских настроений корейцев-протестантов), так и плохая материальная обеспеченность российских миссионеров, не дававшая им возможности продемонстрировать корейской пастве те «преимущества цивилизации», на которые делали упор католики и особенно протестанты. Даже на публикацию законченных к 1910 г. уникальных корейских переводов из церковнославянских богослужебных книг (часослов, панихиды, и т. д.) у Миссии не было средств!

Рис. 30.

Вид на гавань Чемульпхо с балкона Дипломатического клуба, построенного в 1902 г. российским архитектором-самоучкой А. И. Серединым-Сабатиным. 1904 г.

Процесс вестернизации Кореи в форме западного христианского влияния на значительную часть «новой» элиты может рассматриваться с разных точек зрения. Так, проявленный корейскими реформаторами в 1900-е годы энтузиазм по отношению к западному «просвещению» в его христианской форме, быстрый рост числа христианских школ и больниц убедительно опровергают утверждения японской колониальной пропаганды о том, что якобы лишь японская колонизация могла принести в Корею «блага цивилизации». Ясно, что, сумеет ли страна сохранить политическую независимость, корейские реформаторы и сами смогли бы развить современную образовательную, медицинскую, просветительскую инфраструктуру, причем с использованием не только японских, но и, прежде всего, западных моделей. Наоборот, как будет показано ниже, политика ограничений и выборочных репрессий по отношению к корейской христианской интеллигенции, проводившаяся японскими властями в 1910-е годы, оказала крайне пагубное влияние на формирование в Корее институтов современного гражданского общества. Нельзя отрицать, что осуществлявшийся корейскими христианами с 1900-х годов целенаправленный «импорт» западных институтов — не только воскресных школ и христианской прессы, но и, скажем, спортивных клубов, вечерних курсов грамоты и ремесел для городской и сельской бедноты и т. д. — обогатил корейскую общественную и культурную жизнь. С другой стороны, однако, нельзя не забывать и про то, что восприятие христианства и европейской цивилизации было для корейской элиты и формой духовной «самоколонизации». Часто оставаясь конфуцианцами в быту, используя конфуцианские и даже буддийские термины для перевода христианской лексики, корейские реформаторы-христиане в то же время быстро усваивали от своих западных учителей нетерпимое и пренебрежительное отношение к конфуцианству и буддизму, вообще к корейским обычаям и традициям, особенно к тем, что классифицировались миссионерами как «предрасудки» (шаманизм, геомантия, и т. д.). Считая самих себя «избранниками Господа», неопиты воспринимали некрещеных корейцев как «темных, невежественных язычников», видели в них «объект просветительской работы», а не взрослых, самостоя-

тельных людей. С пренебрежением воспринимались не входящие в ареал католической или протестантской культуры северные соседи Кореи — Россия и Китай, не говоря уж, скажем, об исламском мире. Подобная позиция придавала корейскому христианскому национализму в его ранних формах периферийный, крайне зависимый от Запада характер, но в то же время вела умеренных христианских националистов к перспективе компромисса с японским колониализмом — постольку, поскольку последний одобрялся западными державами или, как это происходило в конце 1930-х годов, ставил своей задачей борьбу против «варварского русского большевизма и анархии в Китае». Неудивительно, что после 1945 г. в Южной Корее именно христиане (особенно протестанты) праворадикального толка выступали в авангарде «антикоммунистического крестового похода» против СССР и КНР, отличаясь особенно фанатичной непримиримостью в отношении режима КНДР — «марионетки коммунистических варваров». В итоге колониальная, по сути, деформация западного христианства в Корее усугубила трагедию страны, ставшей жертвой интересов великих держав. Однако в условиях экономической периферизации Кореи в мировой системе в начале XX в. такого рода деформированная трансплантация западных культурно-религиозных ценностей была в какой-то степени неизбежна.

Рис. 31. Пристань и первые сооружения современного типа в Чемульпо (конец XIX — начало XX вв.), самые ранние образцы европейской архитектуры в Корее. Построены по проектам А. И. Середина-Сабатина.

Литература:

1. Волков С. В. «Деятельность иностранных военных инструкторов и реформы корейской армии в конце XIX — начале XX вв.» // *Российское корееведение*. Альманах. Вып. 5. М.: Восток — Запад, 2007. С. 31–57.
2. Волков С. В. «Русские офицеры-исследователи Кореи» // *Российское корееведение*. Альманах. Вып. 3. М., 2003. С. 193–202.
3. Епископ Хрисанф (Щетковский). «Из писем корейского миссионера (Репринт 1904 г.)» // *Российское корееведение*. Альманах. Вып. 5. М.: Восток — Запад, 2007. С. 353–406.

4. Иванова В. И. *Новая проза Кореи*. М., 1987.
5. Пак В. П. *Просветительское движение и система образования в Корее во второй половине XIX — начале XX в.* М., 1982.
6. *По Корее. Путешествия. 1885–1896 гг.* Сост., предисл. и прим. Г. Д. Тягай. М: ИВЛ, 1958. (Русские путешественники в странах Востока).
7. Симбирцева Т. М. «Сеульский строитель» // *Восточная коллекция*. № 3. 2009. С. 57–71.
8. Хохлов А. Н. «Первый преподаватель русского языка в Корее Н. Н. Бирюков: педагог, организатор военной разведки и дипломат» // *Проблемы Дальнего Востока*, № 2. 2008.
9. Ли Хончхан. *Общая история корейской экономики* (李憲稔, 韓國經濟通史). Сеул, изд-во Поммунса (법문사), 1999. С. 225–272.
10. Лю Дэён. *Корея в период реформ конца XIX — начала XX вв. и американские миссионеры* (류대영, 開化期 朝鮮과 美國 宣教師). Сеул, Институт исследований по истории корейского христианства (韓國基督教歷史研究所), 2004. С. 288–455.
11. Paik, L. G. *The History of Protestant Missions in Korea*. Seoul: Yonsei University Press, 4th edition, 1987 [1929].
12. Schmid, A. *Korea between Empires*. New York: Columbia University Press, 2002.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА ИСТОРИИ КИТАЯ

Династии	Годы правления
Эпоха Ся	2070–1600 гг. до н. э.
Эпоха Шан	1600–1046 гг. до н. э.
Эпоха Западная Чжоу	1046–771 гг. до н. э.
Период Весны и Осени	770–476 гг. до н. э.
Эпоха Восточная Чжоу	
Период Воюющих царств	475–221 гг. до н. э.
Династия Цинь	221–206 гг. до н. э.
Династия Западная Хань	206 г. до н. э. — 25 г.
Династия Восточная Хань	25–220 гг.
Период Троецарствия (Вэй, Шу, У)	220–280 гг.
Династия Западная Цзинь	265–317 гг.
Династия Восточная Цзинь	317–420 гг.
Эпоха Южных и Северных династий	420–589 гг.
Династия Суй	581–618 гг.
Династия Тан	618–907 гг.
Эпоха Пяти династий	907–960 гг.
Династия Северная Сун	960–1127 гг.
Династия Южная Сун	1127–1279 гг.
Династия Юань	1271–1368 гг.
Династия Мин	1368–1644 гг.
Династия Цин	1644–1911 гг.

ТРАДИЦИОННАЯ ПЕРИОДИЗАЦИЯ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО ЧОСОНА

(в конфуцианской историографии Кореи XIV–XIX вв.)

1-й период — правление Тангуна и его наследников (2333–1122 гг. до н. э.).

2-й период — правление Цзи-цзы (Киджа) и его наследников (1122–194 гг. до н. э.).

3-й период — правление Вэй Маня (Вимана) и его наследников (194–108 г. до н. э.).

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ ИСТОРИИ КОРЕИ ДО 1904 г.

(составила Т. М. Симбирцева)

400–150 тыс. лет назад — ранний палеолит, предположительно — начало заселения Корейского полуострова.

150–40 тыс. лет назад — средний палеолит; этим временем датируются первые находки человеческих останков на территории Корейского полуострова.

40–12 тыс. лет назад — поздний палеолит; складывание современного физиологического типа и отчетливое выделение монголоидных расовых признаков у насельников Корейского полуострова.

5000–4000 гг. до н. э. — неолит, «догребенчатый» период; главное занятие — рыболовство (раковинные кучи) и охота.

4000–3000 гг. до н. э. — ранний неолит; появление «гребенчатой керамики».

3000–2000 гг. до н. э. — средний неолит; дальнейшее развитие «гребенчатой керамики», зарождение земледелия, плетения и ткачества.

2000–1000 гг. до н. э. — поздний неолит; широкое распространение земледелия и примитивного животноводства на территории Корейского полуострова.

Начало I тыс. до н. э. — IV–III в. до н. э. — период бронзы на Корейском полуострове. Формирование маньчжуро-протокорейского этнического субстрата.

IV–III в. до н. э. — наступление эпохи раннего железа — решающий этап в процессе перехода к раннеклассовому обществу.

III в. до н. э. — возникновение конфедерации протокорейских вожеств Чосон.

Рубеж II–I в. до н. э. — распространение железа до самого юга полуострова.

108 г. до н. э. — падение Чосона под ударами войск династии Хань. Формирование на его месте китайских округов: Чженьфань (Чинбон), Линьтунь (Имдун), Сюаньту (Хёнтхо), Лолан (Наннан).

82 г. до н. э. — округа Чинбон и Имдун упразднены из-за непокорности местных народов китайскому владычеству. В 204 г. на месте бывшего Чинбона образован новый китайский округ Тэбан.

- 57 г. до н. э.** — традиционная дата основания государства Силла. Столица: Сораболь (нынешний г. Кёнджу).
- 37 г. до н. э.** — традиционная дата основания государства Когурё. Столицы: Куннэсон; с 427 г. — Пхеньян на Тэдонгане.
- 18 г. до н. э.** — традиционная дата основания государства Пэкче. Столицы: Хансон; с 475 г. — Унджин; с 538 г. — Саби.
- I в. н. э. — III в. н. э.** — формирование ранней государственности, в первую очередь, у двух северных протокорейских племен — *пуё* и *когурё*. Менее развитые гегемоны южнокорейских племен *махан*, *чинхан* и *пёнхан* — Пэкче, Саро и Куя (Кымгван), сохранив сильные элементы племенного строя, заложили основы раннегосударственных институтов.
- 313–314 гг.** — китайские округа ликвидированы под ударами когурёских и пэкческих войск.
- 369 г.** — начало военного соперничества Когурё и Пэкче за гегемонию на полуострове. Вначале преимущество было на стороне Пэкче, но в 396, 400, 407 и 475 гг. Когурё нанесло Пэкче сокрушительные поражения.
- 372 г.** — основание в Когурё Высшей Государственной Школы *Тхэхак* (прототипа будущих государственных конфуцианских университетов). Эта дата считается началом распространения конфуцианства на Корейском полуострове.
- 372 г.** — принятие буддизма в Когурё.
- Ок. 372 г.** — начало контактов Пэкче с Японией и с южнокитайской династией Восточная Цзинь (317–420). С этого времени Пэкче — главный посредник в распространении «престижных товаров» из Китая в южной Корее и на Японских островах.
- 375 г.** — составлены *Соги* («Исторические записи») — первая летопись в истории Пэкче. Автор — Ко Хын (Гао Син). Примерно тогда же составлены и первые исторические хроники Когурё — *Юги* («Записи о прошлом»).
- 384 г.** — основание первого буддийского храма в столице Пэкче, с чего ведется отсчет истории буддизма как государственной религии в этом государстве.
- IV–V вв.** — формирование каяских протогосударств (Кымгван, Тэгая) в долине р. Нактоган.
- Конец IV в.** — трон Силла окончательно закрепляется за кланом Ким, составившим основу силлаской центральной аристократии.
- 413–491 гг.** — правление Чансу-вана, «золотой век» государственности и культуры Когурё, которое стало самым сильным государством полуострова.
- 433 г.** — союз Пэкче с Силла. Силла выходит из когурёской сферы влияния и начинает проводить самостоятельную внешнюю политику.
- 520 г.** — опубликование письменных законов китайского типа (*юллён*) и начало складывания ранговой структуры в Силла.
- 523–554 гг.** — правление Сон-вана — период культурного и социально-политического расцвета Пэкче, эпоха его административно-политической централизации.

- 532, 562 гг.** — присоединение к Силла каяских протогосударств Кымгван и Тэгая.
- 545 г.** — составлена *Кукса* («История государства») – первая летопись Силла. Автор Кочхильбу.
- 550–553 гг.** — Силла завладело стратегически ключевым районом Корейского полуострова — долиной р. Ханган.
- 554 г.** — Победа Силла над Пэкче в битве под силлаской крепостью Квансансон. Закрепление долины Хангана за Силла.
- Конец VI в.** — окончательное оформление центральных государственных учреждений в Силла.
- 594 г.** — Силла становится формальным вассалом империи Суй.
- 598 г.** — первый неудачный поход на Когурё 300-тысячной суйской армии.
- 612 г.** — второй неудачный поход на Когурё 2-миллионной суйской армии. Ее разгром в битве на р. Сальсу.
- 617–686 гг.** — годы жизни Вонхё, выдающегося силлаского буддийского мыслителя и практика, оказавшего сильное влияние и на буддийскую идеологию Китая и Японии.
- 625–702 гг.** — годы жизни знаменитого буддийского наставника Ёйсана, основателя школы («ордена») Хваом (кит. Хуаянь).
- 642 г.** — заключен союз Пэкче с когурёским военным диктатором Ён Гэсомуном против Силла.
- 644–645, 647–648 гг.** — вторжения армий танского императора Тайцзуна на Ляодун остановлены упорным сопротивлением когурёских крепостей.
- 648 г.** — заключение военного союза между Силла и китайской династией Тан.
- 660 г.** — гибель Пэкче в результате совместных военных действий силласких и танских войск. Его территория разделена на пять наместничеств, перешедших под прямое китайское управление. Угроза китайского ига. Начало борьбы пэкческих патриотов против китайского засилья.
- 661 г.** — начало войны Тан и Силла против Когурё.
- 663 г.** — битва под Чурюсоном. Силласко-танское войско разгромило пэкческих повстанцев и пришедший им на выручку японский флот. Переход Тан к «умиротворению» вновь завоеванной колонии.
- 668 гг.** — взятие Пхеньяна танско-силласкими войсками. Гибель Когурё и создание на его территории китайского военного наместничества «Умиротворенный Восток» (*Аньдун духуфу*). Конец периода Трех государств.
- 670–676 гг.** — освободительная война Силла против Тан, изгнание китайцев с полуострова.
- 668–935 гг.** — период существования государства Объединенное Силла. 676–780 гг. — период его расцвета.
- 681–692 гг.** — реформы Синмун-вана, окончательное оформление военных, административных и идеологических структур Объединенного Силла.

- 682 г.** — основана первая в истории Силла конфуцианская академия *Кукхак*, из Китая выписана литература по ритуалам, усиление конфуцианизации Силла.
- 699–926 гг.** — период существования государства Бохай (Пархэ), элита которого состояла из *махэской* (протоманьчжурской) знати и потомков когурёской аристократии.
- 702–737 гг.** — царствование Сондок-вана — «золотой век» силлаской автократии, период расцвета ремесел, науки и искусства.
- 731 г.** — Танский Китай признал силлаское государство «самым преданным из всех застенных вассалов», «страной гуманности и справедливости». Источники регистрируют нападение 300 японских кораблей на силлаские берега.
- 733 г.** — неудачный совместный поход Тан и Силла на Бохай.
- 735 г.** — официальное признание империей Тан права Силла на владение землями Корейского полуострова к югу от р. Тэдонган.
- 747 г.** — реформы вана Кёндокка по преобразованию системы управления Силла по образцу Тан, дальнейшее усиление роли конфуцианских доктрин и китайской классической учености в жизни страны.
- 765–769 гг.** — правление Хегон-вана, конец автократического периода в силлаской истории.
- 780–851 гг.** — первый этап «позднего периода» политической истории Объединенного Силла. Хроническая политическая нестабильность, борьба за трон и первые сепаратистские попытки со стороны провинциальной знати. Начало распространения *чань* (кор. *сон*)-буддизма и формирования *кусан* – *сонских* «девяти школ».
- 785–798 гг.** — пребывание на троне Ким Кёнсина (посмертное имя — Вонсон-ван) — родоначальника правящего дома Силла «позднего периода». К нему восходит генеалогия всех царствовавших до 912 г. силласких монархов, которые вели свое происхождение либо от старшего сына Вонсона — по имени Ингём, либо от младшего сына Вонсона — по имени Еён.
- 788 г.** — впервые введены государственные экзамены на чин по классической литературе по трем классам (*токсо сампхумгва*).
- 800–836 гг.** — период доминирования в силлаской династийной истории потомков «линии Ингёма», закончившийся Хындок-ваном (826–836).
- 828–851 гг.** — время существования «морской державы» Чан Бого (особого административного округа Чхонхэджин). Его ликвидация завершила полный смут первый этап «позднего периода» силлаской истории.
- 839–861 гг.** — период доминирования в силлаской династийной истории потомков «линии Еёна» со стороны Кюнджона, старшего сына Еёна. Закончился Хонан-ваном (857–861).
- 851–889 гг.** — второй этап «позднего периода» силлаской истории, относительно стабильный. Ослабление борьбы за власть между ветвями дома Вонсона.
- 861–912 гг.** — период доминирования в силлаской династийной истории потомков «линии Еёна» со стороны Хонджона, младшего сына Еёна. Закончился ваном Хёгоном (897–911).
- 912 г.** — власть в разваливающемся государстве перешла к родственникам предшественников вана по женской линии из клана Пак.

- 889–935 гг.** — третий этап «позднего периода», время окончательного распада силлаской государственности, начавшееся вскоре после воцарения государыни Чинсон (887–897).
- 900–936 гг.** — время существования сепаратистского государства Позднее Пэкче (*Хубэкче*), провозглашенного провинциальным силласким командиром Кён Хвоном.
- 901–935 гг.** — время существования сепаратистского государства Позднее Когурё (*Хугогурё*) — Маджин — Тхэбон. Основатель — бывший монах Кунъе (?–918).
- 900–936 гг.** — эпоха «Поздних Трех государств» (*Хусамгук*): Позднего Когурё (с 918 г. — Корё), Позднего Пэкче и Силла.
- 918 г.** — государственный переворот в Тхэбоне. Свержение Кунъе. Провозглашение новой династии Ван Гоном, который переименовал Тхэбон в Корё и перенес столицу в г. Кэсон.
- 918–1392 гг.** — период существования государства Корё.
- 931 г.** — заключение Ван Гоном официального союза с ваном Силла Кёнсуном
- 933 г.** — династии Поздняя Тан (923–936 гг.) официально признала Ван Гона своим «вассалом».
- 935 г.** — бегство Кён Хвона, против которого восстали его сыновья, в Корё; его встреча с почестями Ван Гоном, у которого появился законный повод для полного разгрома Позднего Пэкче. Мирное присоединение Силла к Корё на выгодных для силлаского Кёнсун-вана условиях. Конец Объединенного Силла.
- 936–1170 гг.** — «ранний период» Корё, заканчивается ваном Ыйджоном (1146–1170).
- 943 г.** — кончина Ван Гона, чье политическое завещание «Десятичастное наставление» (*Хунё сипчо*) стало для его наследников руководством по управлению страной.
- 958 г.** — принятие законов о введении системы экзаменов на чин (*квэго*), которая просуществовала потом почти тысячелетие, а также системы экзаменов для монахов *сынхва*. Создание системы рангов для монахов. Закон о «проверке статуса рабов».
- 963 г.** — основание в Кэсоне государственного приюта для инвалидов, хронически больных и нищих (*Чевибо*).
- 975–981 гг.** — централизаторская деятельность вана Кёнджона, направленная на укрепление социальной опоры династии, дальнейшую конфуцианизацию и китаизацию общества.
- 976 г.** — возобновление посылки в Китай на обучение корёских студентов.
- 981–997 гг.** — правление вана Сонджона, реформы по созданию административной системы по танским и сунским образцам, с учетом силласких прецедентов.
- 984–1068 гг.** — годы жизни Чхве Чхуна, «корейского Конфуция», зачинателя частного образования в Корее и историка.

- 992 г.** — основание в Кэсоне конфуцианской академии Кукчагам (Школа Сынов Отечества).
- 993, 1010–1011, 1018–1019 гг.** — киданьские нашествия. Корё отстояло свою фактическую самостоятельность и территориальную целостность, но формально признало себя «вассалом» киданьской империи Ляо.
- 996, 1102 гг.** — попытки ввести в стране денежное обращение.
- 1009 г.** — династическая смута: убийство вана Мокчона (997–1009) полководцем Кан Джо, в руки которого перешла реальная власть. Это дало повод для второго нашествия киданей (1010–1011 гг.).
- 1011–1087 гг.** — создание первой ксилографической *Трипитаки* (*Тэджангён* — «Полного собрания буддийских священных текстов; сутр, комментариев и дисциплинарных правил»). Она погибла во время монгольского нашествия в 1232 г.
- 1024, 1025, 1040 гг.** — приезд в Корё через Китай арабских купцов.
- 1033–1044 гг.** — строительство пограничной стены по северным рубежам Корё от устья Амноккана до побережья Японского моря.
- 1036 г.** — основание в Кэсоне двух государственных больниц (Восточный и Западный «Дома Великого Милосердия» — *Тэбивон*).
- 1046–1083 гг.** — Правление вана Мунджона — время экономического и культурного расцвета Корё. Широкую известность приобретает корёский голубой фарфор (*чхонджа*, в Европе его называли позже селадон), считающийся и сегодня одним из высших достижений корейской культуры.
- С конца 1060-х гг.** — возобновление официальных контактов Корё с Сун (в связи с ослаблением Ляо).
- 1085–1086 гг.** — путешествия по сунскому Китаю известнейшего реформатора корёского буддизма, ученого монаха Ыйчхона (1055–1101; посмертный титул — государственный наставник Тэгак).
- 1097 г.** — создание Ыйчхоном буддийского ордена Чхонтхэ, одного из крупнейших в стране, наряду со школой Хваом. Кризис *сонского* буддизма.
- 1114 г.** — создание государственного ведомства по борьбе с эпидемиями (*Хемингук*).
- 1123 г.** — посещение Корё сунским ученым и дипломатом Сюй Цзином (1091–1153), написавшим по итогам этой поездки «Иллюстрированное повествование о Корё» (*Гаоли туцзин*, 1124).
- 1127 гг.** — признание Корё, под угрозой чжурчжэньского нашествия, вассалитета по отношению к чжурчжэньской империи Цзинь.
- 1135–36 гг.** — сепаратистский мятеж Мёчхона в Пхеньяне.
- 1145 г.** — издана летопись *Самгук саги* («Исторические записи Трех государств») Ким Бусика (1075–1151) — самый старый из сохранившихся до наших дней трудов по древней истории Кореи.
- 1160-е годы** — повсеместные мятежи и восстания всех слоев непривилегированного населения, вызванные произволом аристократов.

- 1170 г.** — военный переворот, организованный офицерами дворцовой охраны, и физическое уничтожение всей верхушки бюрократии из привилегированной столичной аристократии *чинголь*. Захват реальной власти военным триумвиратом Чон Джунбу — Ли Ыйбана — Ли Го. Начало «военного террора».
- 1170–1258 гг.** — период «военного правления»; от имени безвластных государей страной управляют кланы военных сановников, подчинившие себе регулярную гражданскую администрацию.
- 1176–1177 гг.** — восстание ремесленников в уезде Конджу под руководством Мани и Мансои.
- 1196–1258 гг.** — вся власть сосредоточена в руках военного клана Чхве.
- 1215, 1218 гг.** — нашествие киданей, которых Корё разбило с монгольской помощью.
- 1231 г.** — поход войск монгольского полководца Саритая (при хане Угедее, сыне Чингисхана). Осада Кэсона. Начало народной партизанской войны. Временный союз Чхве У с Саритаем, отход монгольских войск. Перенос столицы на Канхвадо (до 1270 г.).
- 1232 г.** — второй поход Саритая и его гибель при осаде Кэсона.
- 1234–1241 гг.** — издание кланом Чхве многотомного собрания *Санджон когым ре* («Подробно Установленный Этикет Прошлого и Настоящего»), которое считается в Корее первой в мире книгой, напечатанной металлическим наборным шрифтом (за два столетия до Гуттенберга).
- 1235–1239 гг.** — третий поход монголов на Корё (полководец Тангу), во время которого они дошли до самого юга, разграбили плодородные долины Чолла и Кёнсан.
- 1237–1251 гг.** — подготовлено второе издание корейской ксилографической *Трипитаки* на 80 тысячах табличек (ныне хранится в храме Хэинса в горах Каясан — Всемирное наследие ЮНЕСКО № 737).
- 1243–1306 гг.** — годы жизни Ан Хяна, который первым начал изучать и популяризировать в Корё неоконфуцианство.
- 1246 г.** — первая предполагаемая встреча русских и корейцев — на коронации монгольского хана Гуюка, сына Удэгея, в Каракоруме.
- 1247–1249 гг.** — четвертый поход монголов на Корё (полководец Амогань).
- 1254 г.** — пятый поход монголов на Корё (Чэлодай) — особенно опустошительный. Конфликт при дворе между сторонниками капитуляции и поборниками активной борьбы с монголами (клан Чхве).
- 1258 г.** — убийство последнего правителя из клана Чхве — Чхве Ыя. Переговоры о мире с монголами (Хубилаем). Принятие вассалитета по отношению к монгольской империи (с 1279 г. — к династии Юань в Китае).
- 1270 г.** — возвращение двора с острова Канхвадо в Кэсон. Начало эпохи, когда ваны Корё стали опираться на монголов в воссоздании централизованной монархии.
- 1271–1273 гг.** — подавление антимонгольского мятежа военных объединенной корёско-монгольской армией. Остров Чеджудо, центр выступления, стал

одним из нескольких районов Корё, взятых монголами под прямое управление.

1274–1351 гг. — эпоха «монголизации» династии Корё, когда к посмертному имени ванов стали добавлять иероглиф «чхун» («преданный»), подчеркивавший их зависимость от Юаней. Установился порядок, согласно которому корёский наследник отправлялся в заложники в Пекин, воспитывался там в монгольской среде и брал в первые жены юаньскую принцессу.

1274 г. — учреждение Ведомства Управление Браков (*Кёрхон Тогам*) для принудительной отправка корёских девиц в жены монгольской знати, офицерам и солдатам.

1274, 1281 гг. — безуспешные походы монголо-корёских войск с Чеджудо на Японию.

1283 гг. — завершено издание *Самгук юса* («Забытые деяния Трех государств») монаха Ирёна (1206–1283) — «неофициальной» истории древней Кореи, где впервые упомянут миф о Тангуне.

1308 г. — введение монголами должности «Шэньянского вана» как противовеса корёскому двору.

1318, 1334 и 1361 гг. — крупнейшие крестьянские восстания и провинциальные мятежи.

1351–1374 гг. — правление Конмин-вана, восстановление независимости Корё: возвращены элементы домонгольской управленческой системы, отвоеваны захваченные монголами северные пограничные территории (1356), наказаны «проюаньские элементы».

1359–1360 и 1360–1361 гг. — походы китайской антимонгольской армии «красных повязок» на Корё. Выдвижение полководцев Чхве Ёна (1316–1388) и Ли Сонге (1335–1408).

1366–1371 гг. — реформы государева буддийского наставника Синдона.

1371 г. — казнь Синдона по обвинению в антигосударственном заговоре. Захват власти промонгольской группировкой Ли Инима, Лим Гёнми и Ём Хынбана (Ли-Лима-Ёма). Вступление Корё в полосу острого внешне- и внутривнутриполитического кризиса.

1374 г. — убийство Конмин-вана.

1377, 1378, 1380 гг. — победы войск Чхве Ёна и Ли Сонге в боях против японцев.

1380 г. — назначение Чхве Ёна ответственным за оборону побережья.

1384 г. — назначение Ли Сонге военным губернатором северо-востока.

1388 г. — казнь Ли-Лима-Ёма. Переход реальной власти к дуумвирату Чхве Ёна-Ли Сонге. Поход корёской армии во главе с Ли Сонге на Китай (Ляодун). Мятеж Ли Сонге. Убийство Чхве Ёна. Переход реальной власти к Ли Сонге и группировке неоконфуцианцев, представителей средних и мелких землевладельцев-чиновников.

1388–1391 гг. — земельная реформа Ли Сонге: перераспределение земель промонгольской олигархии, возврат государеву дому поместий, пожалованных

буддийским храмам. Поземельный кадастр (1390) и Закон о ранговых наделах-*Кваджонбон* (1391).

1389 г. — корёский отряд под командованием Пак Ви уничтожил оплот японских пиратов на острове Цусима.

17 июля 1392 г. (лунный календарь) — восшествие Ли Сонге (посмертное имя — Тхэджо) на престол. Провозглашение новой династии. Господствующей государственной религией и идеологией впервые в истории Кореи объявлено (нео)конфуцианство.

Февраль 1393 г. — минской династией утверждено название новой династии в Корею — Чосон.

1392–1598 гг. — период «раннего Чосона».

1394–1395 гг. — основание новой столицы — Ханян (в дальнейшем именовалась Хансон, Кёнсон / Кэйдзё, Сеул).

1398 г. — «первая война принцев» (убийство наследника престола Ли Бансока и ближайших соратников Тхэджо претендовавшим на престол пятым сыном вана-основателя Ли Банвоном). Отречение Тхэджо от престола в пользу второго сына — Ли Бангва (посмертное имя — Чонджон, 1398–1400).

1400 г. — «вторая война принцев», когда в соперничестве за престол столкнулись дружины Ли Банвона и его старшего брата Ли Бангана. Ли Банвон победил, и безвластный Чунджон уступил ему трон. Ли Банвон стал третьим ваном династии Чосон (посмертное имя — Тхэджон, 1400–1418).

1406 гг. — начало времени жесткой антибуддийской политики (*окпиль чончхэк*). Конфискация земель (90%) и рабов буддийских монастырей, в результате чего влияние буддизма полностью подорвано.

1413 г. — введение административного деления, близкого к современному (8 провинций). Закон об «именных дощечках» (*хонхэ*), усиливший контроль за населением.

1414 г. — создано Специальное Полицейское Управление *Ыльгымбу* («Ведомство по Обсуждению Запретного») для систематического искоренения «крамолы».

1418–1450 гг. — правление государя Седжона Великого — «золотой век» чосонской государственности, экономики и культуры.

1420 г. — возрождена придворная академия *Чипхёнджон* — «Павильон, где собираются мудрецы».

1434 г. — завершено строительство шести укрепленных административных центров (*юкчин*), контролировавших все северо-восточные земли к югу от Тумангана. Территория страны расширилась до современных размеров.

21 декабря 1443 г. (19 января 1444 г. по европейскому летоисчислению) — первая запись (в летописях династии Чосон), в которой говорится о создании ваном Седжоном Великим корейского буквенно-слогового фонетического алфавита *онмун* — высшего достижения национальной культуры средневековой эпохи.

21 сентября (лунный календарь) / 9 октября 1446 г. — составлен *Хунмин чоньым* («Наставление народу о правильном произношении») — эдикт вана

Седжона о возведении *онмуна* — национального алфавита — в ранг государственного письма.

1449–1451 гг. — составлена «История Корё» (*Корёса*) в 139 *квонах*.

1453 г. — узурпация трона принцем Суяном, свергнувшим юного вана Танджона (1452–1455) и взошедшим на трон (посмертное имя — Седжо, 1455–1468).

1454 г. — неудачный заговор членов академии *Чипхёнджон* против Седжо. Казнь 70 заговорщиков и разгон *Чипхёнджона*. Появление оппозиционной к власти группировки конфуциански образованных землевладельцев — *сарим* («лес ученых»).

1457 г. — реорганизация армии в пять корпусов (*ови*).

1460 г. — кампания против «немирных» чжурчжэней бассейна р. Туманган. Переселение 4500 крестьянских дворов с юга в этот район.

1466 г. — отменен закон 1391 г. о ранговых наделах (*Кваджонбон*). Чиновники стали получать со вступлением в должность лишь служебный надел (*чикчон*), который с выходом в отставку возвращался в казну.

1467 г. — мятеж Ли Сиз — землевладельца-чиновника из северо-восточной провинции Хамгильдо (совр. Хамгёndo).

1469–1494 гг. — правление вана Сонджона — время синтеза авторитарной традиции Тхэджона-Седжо и «просвещенного абсолютизма» в духе Седжона.

1474 г. — принятие главных законов страны: *Кёнгук тэджон* (Кодекс Законов) и *Кукчо орей* (Уложение о пяти государственных ритуалах), укрепивших конфуцианские основы Чосона.

1489, 1494 гг. — народные восстания в провинциях.

1491–1553 гг. — годы жизни Ли Онджока, одного из первых мыслителей группировки *сарим*.

1494–1506 гг. — правление Ёнсангуна (посмертного имени не получил), корейского «Ивана Грозного», свергнутого сводным братом (посмертное имя Чунджон, 1506–1544) в результате военного переворота.

1500 г. — принятие закона о запрещении вторичного замужества вдов. Конфуцианство в его неоконфуцианской интерпретации постепенно приобретает черты монопольной идеологии.

1501–1570 гг. — годы жизни выдающегося неоконфуцианского философа Ли Хвана (Тхвеге) — «корейского Чжу Си».

1510 г. — бунт японских торговцев, проживавших в трех южных корейских портах (в связи с жесткими ограничениями на несанкционированную торговлю). Вторжения японских пиратов.

1515–1519 гг. — реформы Чо Гванджо, направленные против засилья «заслуженных сановников» и основанные на неоконфуцианских представлениях об идеальном обществе.

1519 г. — казнь Чо Гванджо и его ближайших сторонников («мученики 1519 г.»), которые стали объектом поклонения, образцом верности идеалам для современников-*саримов*.

- 1524, 1530, 1541 гг.** — военные столкновения Чосона с чжурчжэнями на северных границах.
- 1526, 1546 гг.** — массовый голод и эпидемии.
- 1527–1567 гг.** — эпоха расцвета коррупции и господства при дворе конкурировавших между собой клик «заслуженных сановников».
- 1536–1584 гг.** — годы жизни выдающегося неоконфуцианского мыслителя и государственного деятеля Ли И (Юльгока).
- 1540, 1557 гг.** — вооруженные крестьянские выступления.
- 1543 г.** — основание первого *совона* — конфуцианской школы-академии в Пхунги (провинция Кёнсан).
- 1555 г.** — повышение статуса Пограничного ведомства Пибёна до высшего государственного (совещательного) органа Чосона по рассмотрению вопросов внутренней, внешней и военной политики. Сохраняло этот статус до 1865 г.
- 1556 г.** — прекращение выдачи ранговых наделов; чиновничество превратилось в получающих казенное жалованье наемных служащих государства.
- 1559–1562 гг.** — деятельность (провинция Хванхэ) отряда Лим Ккокчона — корейского Робин Гуда.
- Середина 1560-х гг.** — начало выдвижения *саримов* на ключевые посты. Постепенное вытеснение «заслуженных сановников» из политики.
- 1563–1610 гг.** — годы жизни Ли Сугвана, выдающегося ученого, в трудах которого содержалось первое упоминание о католицизме и его доктрине в Корее. Предтеча движения *сирхак* («за реальные науки»).
- 1575 г.** — обострение дворцовой борьбы. Возникновение двух соперничающих придворных «партий»: «восточной» и «западной».
- 1589–1591 гг.** — новое обострение «межпартийной борьбы» при дворе. Раскол «восточной партии» на «южную» и «северную».
- 1592–1598 гг.** — Имджинская война против японского нашествия. Первое посещение Кореи европейцами (португальцами-капелланами армии Хидэёси). Блестящие победы адмирала Ли Сунсина (1545–1598). Конец раннечосонского периода.
- 1598–1876 гг.** — эпоха «позднего Чосона» (конец средневековья).
- 1608–1623 гг.** — правление Кванхэгуна (посмертного имени не получил). Свергнут «западной партией», противницей любых контактов с «северными варварами» (маньчжурами).
- 1608 г.** — Закон о Едином Налоге (*Тэдонбон*) — упразднение системы натуральных повинностей и замена их рисовым эквивалентом.
- 1609 г.** — установление регулярных дипломатических отношений с Японией (режимом Токугава).
- 1610 г.** — издание «Энциклопедии корейской медицины» (*Тоный погам*) великого медика Хо Джуна.

- 1622–1673 гг.** — годы жизни Лю Хёнвона — ученого-энциклопедиста, одного из ранних представителей школы *сирхак*, выступавшего за отмену рабовладения, реформирование схоластических экзаменов на чин и пр.
- 1623–1649 гг.** — правление Инджо, пришедшего к власти под лозунгом поддержки Минов в борьбе с «маньчжурскими варварами».
- 1624 г.** — мятеж Ли Гваля в столице. Бегство Инджо в провинцию.
- 1627 г.** — первое маньчжурское нашествие. Поход 30-тысячной армии хана Абахая на Сеул. Бегство Инджо на о. Канхвадо. Мирные переговоры, закончившиеся компромиссом: Корея отправила маньчжурам заложников, но подчеркнула, что остается вассалом династии Мин.
- 1628 г.** — принятие первых европейцев (трех голландских моряков, попавших в страну в результате кораблекрушения) на государственную службу в Управление Боевой Учебы.
- 1629–1680 гг.** — годы жизни оппозиционного ученого-энциклопедиста Пак Седана, одного из ранних представителей школы *сирхак*.
- 1630 г.** — побывавший в минской столице корейский посол встретился там с обосновавшимися в Китае с начала XVII в. иезуитскими миссионерами.
- 1635 г.** — маньчжурский владыка Абахай потребовал у Инджо признать Корею «вассалом» маньчжурского государства и разорвать все отношения с Минами.
- 1636 г.** — второе маньчжурское нашествие. 130-тысячная армия маньчжур захватила Сеул. Корея становится «вассалом» маньчжурской империи Цин. Начало подготовки к антиманьчжурскому реваншу — «походу на Север».
- 1645 г.** — загадочная смерть наследного принца Сохёна, несколько лет прожившего заложником в Пекине, где он тесно общался с маньчурами и немецкими иезуитами. Его жена и дети казнены.
- 1649–1659 гг.** — правление Хёджона, основным пунктом политической программы которого был «поход на Север» (*пукчоль*) — война против «варварской» маньчжурской державы и превращение Кореи в центр конфуцианского мира.
- Середина XVII в.** — возникновение школы *сирхак* («за реальные науки»).
- 1653–1666 гг.** — пребывание в Корее группы голландских моряков из команды корабля *Sperwer* Ост-Индской компании, потерпевших кораблекрушение у берегов Чеджудо. Одним из них был распорядитель судовой документации Гендрик Гамель.
- 1654, 1658 гг.** — участие корейских отрядов (во главе с генералами Пён Гыпом и Син Нью) в составе объединенного маньчжуро-китайского войска в военных столкновениях с русскими казаками на Амуре (во второй и пятой албазинских войнах).
- 1658 гг.** — первая документально подтвержденная личная встреча корейцев и русских. Описана в дневнике генерала Син Нью *Пукчон ильги* — «Подневные записи о походе на север».

- 1662, 1663, 1668, 1671, 1690, 1695 гг.** — массовые голод и эпидемии.
- 1663 г.** — «первая дискуссия об этикете» при дворе.
- 1668 г.** — в Амстердаме вышла на голландском языке первая книга о Корее в Европе — *Дневник Гамеля*. Вскоре она была переведена на все основные европейские языки.
- 1674 г.** — «вторая дискуссия об этикете» при дворе.
- 1674–1720 гг.** — правление Сукчона, когда «межпартийная» борьба при дворе достигла апогея.
- 1678 г.** — первое изображение Кореи на русской карте «Чертеж Сибири», составленной главой русского посольства в Китай в 1675 г. Николаем Гавриловичем Спафарием (1636–1708). Указ о начале чеканки и повсеместного употребления монет *санпхён тхонбо* («вечно одинаковое обращающееся сокровище»).
- 1681–1763 гг.** — годы жизни Ли Ика — выдающегося ученого-энциклопедиста, чьими учениками были первые корейские католики конца XVIII в.
- 1682–1684 гг.** — раскол «западных» на две противостоящие группы: «фракцию стариков» (*норон*) во главе с Сон Сиёлем, и «фракцию молодых» (*сорон*) Юн Джына.
- 1689 г.** — «западные» («старики» и «молодые») отстранены от власти. Казнь Сон Сиёля и его сторонников за отказ признать сына Сукчона от любимой им наложницы Чан законным наследником.
- 1694 г.** — «южане» навсегда отстранены от власти в связи с раскрытием интриг наложницы Чан против других членов государственной семьи.
- 1696–1699 гг.** — беспрецедентный по масштабам голод, погибло 300 тыс. человек.
- 1708, 1718 гг.** — эпидемии оспы и проказы, унесшие несколько десятков тысяч жизней.
- 1708, 1721 гг.** — бедняцкие бунты. Распространение мистических миллениаристских течений.
- 1724–1776 гг.** — правление Ёнджо, когда Чосон вошел в «золотую пору» стабильности и расцвета. Успешное осуществление политики «равноудаленности» ослабило «партии» и укрепило авторитет государственной власти.
- 1737–1805 гг.** — годы жизни выдающегося мыслителя и писателя Пак Чивона — классика движения за реальные науки *сирхак*, основателя ее «северной школы» (*пукхакпха*).
- 1750 г.** — правовое оформление системы «откупа полотном от армии» (*пангун сунхо*).
- 1762 г.** — казнь наследного принца Садо.
- 1762–1836 гг.** — годы жизни Чон Ягёна (литературный псевдоним — Тасан), философа, поэта и государственного деятеля, одного из последних крупных самостоятельных мыслителей-«южан» позднего Чосона.

- 1772–1777 гг.** — отменены все ограничения на продвижение *сооль* — побочных отпрысков *янбанских* фамилий.
- 1776–1800 гг.** — годы правления «просвещенного монарха» Чонджо. «Корейский Ренессанс». Расцвет науки, искусства и литературы. Со смертью Чонджо Корея вступила в период затяжного кризиса.
- 1777 г.** — создание тайного Общества по изучению «западного учения» в Чхонджинаме (пров. Кёнги). Начало истории христианства как корейской религии.
- 1783 г.** — крещение в католическую веру в Пекине под именем Петра Ли Сынхуна (1756–1801), сына секретаря корейского посольства и близкого друга члена Общества по изучению «западного учения». Крещение совершил французский миссионер Луи де Грамон.
- 1785 г.** — христианство официально объявлено вне закона.
- 1786–1856 гг.** — годы жизни великого каллиграфа и крупного ученого Ким Джонхи, одного из последних представителей *сирхак*.
- 1791 г.** — указ, отменивший монополии «придворных фирм» на торговлю рядом товаров и поощривший провинциальных купцов к торговле в столице. Знаменовал начало процесса формирования единого общенационального рынка.
- 1791 г.** — первая казнь христиан (двух чиновников, публично отказавшихся от конфуцианских жертвоприношений покойным родителям как от «идолопоклонства»).
- 1801 г.** — указ об освобождении государственных рабов. Первое массовое избиение христиан («гонение года *синню*»). Казнены свыше 300 католиков, включая Ли Сынхуна.
- 1804–1863 гг.** — эпоха *седо чончхи* — безраздельной гегемонии при дворе государевых родственников из кланов Андонских Кимов и Пхуньянских Чо, приведших административную систему в полный упадок.
- Начало XIX в.** — зарождение научного корееведения в России. Основоположник — начальник 9-й (1808–1821) Российской духовной миссии в Китае архимандрит О. Иакинф [Бичурин Никита Яковлевич, 1777–1853].
- 1808–1811, 1813 гг.** — крестьянские бунты в северных районах страны, а также на Чеджудо.
- 1811–1814, 1815, 1827 гг.** — массовые гонения на христиан.
- 1811–1812 гг.** — крестьянское восстание под руководством Хон Гённэ (пров. Пхёнан).
- 1815–1820, 1832 гг.** — волна наводнений по всей стране, массовые голодовки и беспорядки.
- 1816 г.** — корабли Великобритании произвели картографическую съемку корейского побережья, после чего контуры Кореи на европейских картах стали довольно точными.
- 1821 г.** — эпидемия холеры, унесшая десятки тысяч жизней.

- 1822–1846 гг.** — годы жизни Ким Дэгона (Андрей), самого почитаемого корейского святого католического пантеона. Он первым из корейцев получил священнический сан, умер мученической смертью.
- 1831 г.** — создан Корейский апостолический викариат во главе с епископом Б. Бругьером.
- 1832 г.** — посещение Кореи английским судном «Лорд Амхерст» с требованием открыть страну для торговли с Европой и попыткой проповеди протестантизма.
- 1833 г.** — бунт в Сеуле горожан, возмущенных искусственным вздуванием цен на рис.
- 1836–1837 гг.** — в страну тайно прибыли первые европейцы-миссионеры, три французских священника Имбер, Мобан и Шастан. Казнены в 1839 г. во время «гонений года *кхэ*».
- 1846–1847 гг.** — посылка Францией к корейским берегам военных судов с письменными требованиями о прекращении антикатолических гонений и открытии страны для торговли. Отрицательный ответ корейских властей через Китай положил начало дипломатическим контактам между Кореей и Европой.
- 1854 г.** — первое посещение Кореи русскими – экспедицией адмирала Е. В. Путятина. Секретарем экспедиции был великий русский писатель И. А. Гончаров, описавший это путешествие в знаменитой книге «Фрегат “Паллада”».
- 1856 г.** — на китайской джонке в Корею прибыл четвертый викарий Корейский, епископ Симеон Франсуа Берне с еще двумя французскими священниками. Число католиков в Корее превысило 20 тысяч человек.
- 1857, 1859–1860 гг.** — природные бедствия: наводнения и эпидемии.
- 1860 г.** — возникновение у Кореи общей границы с Россией в результате заключения последней Пекинского договора с Китаем. В 1860–1895 гг. Россия следовала в Корее политике невмешательства в происходившие в этой стране события.
- Начало 1860-х годов** — зарождение религии *тонхак* («восточное учение»). Основатель — Чхве Джеу (1824–1864).
- 1862–1863 гг.** — волна народных возмущений по всей стране. Самое значительное — «Чинджуская гроза».
- 1864 г.** — начало переселения корейских крестьян в Россию.
- 1863–1873 гг.** — период диктаторского правления (регентства при малолетнем Коджоне) отца вана, великого принца Тэвонгуна (Ли Хаын, 1820–1898). Попытки укрепления централизованного государства и престижа правящей фамилии. Гигантское дворцовое строительство по восстановлению дворца Кёнбоккун. Упразднение *совонов*. Начало империалистического проникновения в Корею.
- 1866–1871 гг.** — самое большое в истории Кореи гонение на католиков. Казнены 9 французских священников и 8 тысяч корейцев.

1866 г. — начало экспансии против Кореи империалистических держав. Инцидент с американским судном «Генерал Шерман». Нападение на о. Канхвадо французской эскадры под командованием адмирала Роза.

1867–1869 гг. — массовые голодовки, особенно в северной части страны. Активизация корейского переселения в Россию. Только в конце 1869 г. сюда бежало около 7 тысяч крестьян.

Декабрь 1869 г. — в пограничном городе Кёнхыне состоялись первые в истории русско-корейские переговоры (на местном уровне), которые также были и первыми переговорами корейцев с европейцами.

1868 г. — авантюристическая акция проживавшего в Шанхае немецкого купца Опперта, который попытался разграбить могилу отца Тэвонгуна (в пров. Чхунхон), выкрасть его останки и заставить (в замен их возвращения) Корею подписать договор об открытии страны.

1871 г. — нападение на о. Канхвадо американской эскадры адмирала Д. Роджерса.

1876 г. — Канхваский договор. «Открытие» Кореи внешнему миру, начало ее втягивания в орбиту мирового капиталистического рынка. Корейское посольство посетило Японию. Формирование двух враждебных группировок при дворе: за и против реформ. Первая отстаивала тезис *тондо соги* — «восточная нравственность — западная техника», лозунгом второй было *виджон чхокса* — «защитим истину, изгоним ересь».

1876–1914 гг. — годы жизни Чу Сигёна, «отца» современной корейской лингвистики.

1876, 1879 гг. — пожары, неурожай, эпидемия холеры.

1880 г. — отправка в Японию большого посольства во главе с сановником Ким Хонджином. Составлен и передан ему для вана Коджона антироссийский трактат Хуан Цзуньсяня «Стратегия для Кореи» (*Чаосянь цзэлюэ*).

Начало 1880-х гг. — формирование радикальной группировки *кэхва ундон* («за открытость») во главе с Ким Оккюном, ориентировавшейся на Японию.

1880–1882 гг. — реализация Коджоном первой реформаторской программы. Организация нового центрального министерства — Общего Управления Государственными Делами (*Тхонни киму амун*). Псылка первых стажеров и студентов за рубеж — в Японию (тайно) и Китай. Приглашение иностранного (японского) военного инструктора.

1882 г. — первый договор Кореи с «западным» государством — США (май). Аналогичные договоры подписаны с Англией и Германией (июнь), но они не были ратифицированы из-за протеста торговых кругов этих стран против невыгодных, по их мнению, условий.

1882 г. — бунт солдат столичного гарнизона (*имо куллан*). Усиление китайского влияния, переход Китая к политике закабаления Кореи (*есокхва*). Кабальный «Чемульпхоский (Инчхонский) договор», навязанный Корее Японией. «Правила торговли Китая с Кореей». Установление китайского контроля над основной частью столичного гарнизона. Обострение китайско-японского противостояния в Корее. Приглашение на службу первого европейца — немец-

кого востоковеда Пауля Георга фон Мёллендорфа (1848–1901), в качестве главы таможен и зам.министра иностранных дел.

1883 г. — повторные договоры с Англией и Германией; поездка первой корейской миссии в США под началом Мин Ёньика (1860–1914). Проложен (японцами) первый в Корее телеграфный кабель Пусан — Нагасаки. Налажен выпуск газеты современного типа (*Хансон сунбо*), печатавшейся на японском оборудовании и публиковавшей переводы из японских газет. Приезд на работу в таможене Чемульпо первой группы европейцев.

1884 г. — первый Русско-корейский договор о дружбе и торговле (7 июля). Отправка молодых офицеров на учебу в токийское военное училище. Прибытие в Корею первого протестантского миссионера, американского врача Г. Н. Аллена. Неудачная попытка переворота, организованного представителями группировки «за открытость» *кэхва ундон* во главе с Ким Оккюном (*капсин чонбён*, 4 декабря).

1885 г. — «Хансонский (Сеульский) договор» между Кореей и Японией о компенсациях за “нанесенный Японии ущерб” (январь). Захват Англией корейского острова Комундо (1 марта). «Тяньцзиньский договор» между Японией и Китаем, по которому стороны обязались не посылать в Корею военных инструкторов и вывести оттуда свои войска (апрель). Неудачная попытка Коджона получить покровительство России, пригласив русских военных советников. Отставка Мёллендорфа. Открытие в Сеуле первой государственной больницы европейского типа (*Кванхевон*) и первой частной школы западного типа *Пэджэ хактан* («Училище, воспитывающее таланты»).

1886 г. — начало преподавания английского языка и современных естественных наук американскими учителями во вновь открытой государственной школе западного типа *Югён конвон*. Открытие в Сеуле первого в истории Кореи учебного заведения для девочек — миссионерской школы *Ихва*.

1886–1888 гг. — выход еженедельной общедоступной газеты «Хансон чубо» — первой, издававшейся не на китайском литературном языке, а “смешанным шрифтом” (иероглифы и корейское письмо).

20 августа 1888 г. — подписаны «Правила об установлении русско-корейской сухопутной торговли».

1894 г. — начало крупнейшего в истории Кореи крестьянского восстания *тонхаков*. Высадка для их подавления китайских войск на западном побережье Кореи стала предлогом для вооруженного вмешательства Японии и начала китайско-японской войны.

28 марта 1894 г. — убийство Ким Оккюна в Шанхае агентом корейского правительства.

23 июля 1894 г. — захват японцами дворца Кёнбоккун. Создание прояпонского кабинета Ким Хонджица, который с июля по октябрь 1894 г. издал более 210 указов по реформам в самых разных областях (первый этап т. н. «реформ года *кабо*»).

1 августа 1894 г. — 30 марта 1895 г. — японо-китайская война, завершившаяся победой Японии и подписанием Симоносекского договора. Его первая статья утверждала расторжение традиционных “вассальных” отношений Кореи с Китаем. Конец двухтысячелетней эпохи *садэ*.

Октябрь — декабрь 1894 г. — начало второго этапа «реформ года кабо», усиление вмешательства в их ход Японией. Второй этап тонхакского восстания, антияпонский.

Декабрь 1894 г. — разгром тонхакского войска объединенной японо-корейской армией под Конджу (Южная Чхунхон). Казнь Чон Бонджуна.

Апрель 1895 г. — «Тройственная интервенция», когда вмешательство России, Франции и Германии, инициированное Россией, вынудило Японию пересмотреть условия Симоносекского мира. Отказ России от традиционной политики невмешательства в дела Кореи. Начало консолидации антияпонских сил во главе с государыней Мин и периода кратковременного (1895–1898) возрастания российского влияния на Корейском полуострове.

8 октября 1895 г. — убийство японцами и их корейскими сторонниками государыни Мин. Приход к власти в Корее прояпонской группировки.

8 октября 1895 г. — 11 февраля 1896 г. — третий этап «реформ года кабо», призванных еще более приблизить страну к японской модели. Указ о запрете традиционной мужской прически (*сантху*), рост антияпонских выступлений «армий справедливости» (ноябрь). Вводится европейский (грегорианский) календарь. (1 января 1896 г.)

11 февраля 1896 г. — 20 февраля 1897 г. — пребывание государя Коджона и наследника в русской дипломатической миссии.

14 мая 1896 г. — «Меморандум Вебер-Комура» — первый русско-японский меморандум, по которому Япония признала новое правительство Кореи и соглашалась на совместное с Россией «преподание советов» вану.

Май — июнь 1896 г. — участие корейской делегации во главе с Мин Ёнхваном в коронации императора Николая II. Достигнута договоренность о направлении в Корею русских военных инструкторов.

9 июня 1896 г. — московский «Протокол Лобанов-Ямагата», устанавливавший юридическое равенство России и Японии в Корее.

Июль 1896 г. — декабрь 1898 г. — деятельность «Тоннип Хёпхве» («Общества Независимости»). Его орган — газета «Тоннип синмун» — первая, издававшаяся почти без иероглифов, чисто корейским письмом.

20 октября 1896 г. — 18 марта 1898 г. — деятельность в Корее российских военных инструкторов.

1897 г. — начала выходить англоязычная газета «The Independent». Открытие первого частного банка (Хансонского). Завершение строительства в Сеуле Ворот Независимости (*Тоннимун*) по проекту российского архитектора-самоучки А. И. Середина-Сабатина (1860–1921).

13 сентября 1897 г. — 19 марта 1898 г. — деятельность в Корее русского финансового советника К. А. Алексева.

12 октября 1897 г. — провозглашение Корейской Империи (*Тэхан Чезук*).

3 марта 1898 г. — 1901 г. — деятельность в Корее Русско-Корейского банка.

25 апреля 1898 г. — токийский «Протокол Розена — Ниси», по которому Россия и Япония признали Корею «нейтральной зоной» и обязались воздерживаться от попыток установить над ней односторонний контроль.

Август — сентябрь 1898 г. — основаны *Чезук синмун* («Имперская газета») и *Хвансон синмун* («Сеульская газета»), издававшиеся реформаторами-конфуцианцами. Первая — на чистом корейском алфавитном письме, вторая — смешанным китайско-корейским шрифтом.

Май 1899 г. — в Сеуле открыто трамвайное движение.

17 августа 1899 г. — провозглашен «Основной Закон Корейской Империи» (*Тэ-хангук Кукче*).

1900–1906 гг. — партизанская деятельность в центральной и южной частях страны отрядов «друзей бедняков» (*хвальбиндан*). Начало массового обращения в протестантизм корейского населения, особенно в северной части страны.

1900 г. — открытие Русской Духовной Миссии в Сеуле. Первый глава (до 1904 г.) — Хрисанф (Щетковский, 1869–1906).

29 сентября 1900 г. — принято дополнение в уголовные законы страны, по которому любые «преступления против императорского дома и государства» карались смертной казнью.

1901–1905 гг. — строительство японским синдикатом железной дороги Сеул–Пусан.

30 марта 1902 г. — заключение Англо-японского союза.

Май 1902 г. — японский «Дайити Гинко» (Первый Банк) начал выпускать особые банковские облигации, имевшие статус «японской валюты для корейского рынка».

1903 г. — забастовка грузчиков порта Мокпхо.

Август 1903 г. — передача Японии права на строительство железной дороги Сеул — Пхеньян — Ыйджонбу.

8 февраля 1904 г. — начало русско-японской войны.

1904 г. — миссионерами построена больница им. Северанса в центре Сеула, являющаяся и ныне крупнейшим медицинским центром города.

ПРАВИТЕЛИ КОРЕИ С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН до 1905 г.

1. ПЕРИОД ТРЕХ ГОСУДАРСТВ

**Правители Государства Когурё,
согласно данным традиционной историографии**
(историчность правителей Когурё до середины I в. н. э.
оспаривается современными исследователями)

Тонмён-ван	37–19 гг. до н. э.	Мичхон-ван	300–331 гг.
Юри-ван	19 г. до н. э. — 18 г. н. э.	Когугвон-ван	331–371 гг.
Тэмусин-ван	18–44 гг.	Сосурим-ван	371–384 гг.
Минджун-ван	44–47 гг.	Когугян-ван	384–391 гг.
Мобон-ван	48–53 гг.	Квангэтхо-ван	391–413 гг.
Тхэджо-ван	53–146 гг.	Чансу-ван	413–491 гг.
Чхадэ-ван	146–165 гг.	Мунджа-ван	491–519 гг.
Синдэ-ван	165–179 гг.	Анджан-ван	519–531 гг.
Когукчхон-ван	179–197 гг.	Анвон-ван	531–545 гг.
Сансан-ван	197–227 гг.	Янвон-ван	545–559 гг.
Тончхон-ван	227–248 гг.	Пхёнвон-ван	559–590 гг.
Чунчхон-ван	248–270 гг.	Ёнъян-ван	590–618 гг.
Сочхон-ван	270–292 гг.	Ённю-ван	618–642 гг.
Понсан-ван	292–300 гг.	Поджан-ван	642–668 гг.

**Правители Государства Пэкче,
согласно данным традиционной историографии**
(историчность правителей Пэкче до середины III в. н. э.
оспаривается современными исследователями)

Онджован	18 г. до н. э. — 27 г. н. э.	Асин-ван	392–405 гг.
Тару-ван	28–77 г. н. э.	Чонджи-ван	405–420 гг.
Киру-ван	77–128 гг.	Куисин-ван	420–427 гг.
Кэру-ван	128–166 гг.	Пию-ван	427–455 гг.
Чхого-ван	166–214 гг.	Кэро-ван	455–475 гг.
Кусу-ван	214–234 гг.	Мунджу-ван	475–477 гг.
Сабан-ван	234 г.	Самгын-ван	477–479 гг.
Кои-ван	234–286 гг.	Тонсон-ван	479–501 гг.
Чхэкке-ван	286–298 гг.	Мурён-ван	501–523 гг.
Пунсо-ван	298–304 гг.	Сон-ван	523–554 гг.
Пирю-ван	304–344 гг.	Видок-ван	554–598 гг.
Ке-ван	344–346 гг.	Хе-ван	598–599 гг.
Кынчхого-ван	346–375 гг.	Поп-ван	599–600 гг.
Кынгусу-ван	375–384 гг.	Му-ван	600–641 гг.
Чхимню-ван	384 г.	Ыйджа-ван	641–660 гг.
Чинса-ван	385–392 гг.		

**Правители Государства Силла,
согласно данным традиционной историографии**
(историчность правителей Силла до середины IV в. н. э.
оспаривается современными исследователями)

Хёккосе	57 г. до н. э. — 4 г. н. э.	Кирим-ван	298–310 гг.
Намхэ-ван	4–24 гг.	Хырхэ-ван	310–356 гг.
Юри-ван	24–57 гг.	Нэмуль-ван	356–402 гг.
Тхархэ-ван	57–80 гг.	Сильсон-ван	402–417 гг.
Пхаса-ван	80–112 гг.	Нульджи-ван	417–458 гг.
Чима-ван	112–134 гг.	Чаби-ван	458–479 гг.
Ильсон-ван	134–154 гг.	Соджи-ван	479–500 гг.
Адалла-ван	154–184 гг.	Чиджын-ван	500–514 гг.
Порхю-ван	184–196 гг.	Попхын-ван	514–540 гг.
Нэхэ-ван	196–230 гг.	Чинхын-ван	540–576 гг.
Чобун-ван	230–247 гг.	Чинджи-ван	576–579 гг.
Чомхэ-ван	247–261 гг.	Чинпхён-ван	579–632 гг.
Мичху-ван	262–284 гг.	Сондок-ёван	632–647 гг.
Юре-ван	284–298 гг.	Чиндок-ёван	647–654 гг.

2. ПЕРИОД ОБЪЕДИНЕННОГО СИЛЛА

Тхэджон-Мурёль-ван	654–661 гг.	Хиган-ван	836–838 гг.
Мунму-ван	661–681 гг.	Минэ-ван	838–839 гг.
Синмун-ван	681–692 гг.	Синму-ван	839 г.
Хёсо-ван	692–702 гг.	Мунсон-ван	839–857 гг.
Сондок-ван	702–737 гг.	Хонан-ван	857–861 гг.
Хёсон-ван	737–742 гг.	Кёнмун-ван	861–875 гг.
Кёндок-ван	742–765 гг.	Хонган-ван	875–886 гг.
Хегон-ван	765–780 гг.	Чонган-ван	886–887 гг.
Сондок-ван	780–785 гг.	Чинсон-ёван	887–897 гг.
Вонсон-ван	785–798 гг.	Хёгон-ван	897–912 гг.
Сосон-ван	798–800 гг.	Синдок-ван	912–917 гг.
Эджан-ван	800–809 гг.	Кёнмён-ван	917–924 гг.
Хондок-ван	809–826 гг.	Кёнэ-ван	924–927 гг.
Хындок-ван	826–836 гг.	Кёнсун-ван	927–935 гг.

3. ДИНАСТИЯ ВАН (ГОСУДАРСТВО КОРЁ)

Тхэджо	918–943 гг.	Ыйджон	1146–1170 гг.
Хеджон	943–945 гг.	Мёнджон	1170–1197 гг.
Чонджон	945–949 гг.	Синджон	1197–1204 гг.
Кванджон	949–975 гг.	Хиджон	1204–1211 гг.
Кёнджон	975–981 гг.	Канджон	1211–1213 гг.
Сонджон	981–997 гг.	Коджон	1213–1259 гг.
Мокчон	997–1009 гг.	Вонджон	1259–1274 гг.
Хёнджон	1009–1031 гг.	Чхуннёль-ван	1274–1308 гг.
Токчон	1031–1034 гг.	Чхунсон-ван	1308–1313 гг.
Чонджон	1034–1046 гг.	Чхунсук-ван	1313–1330 гг.
Мунджон	1046–1083 гг.	Чхунхе-ван	1330–1344 гг.
Сунджон	1083 г.	Чхунмок-ван	1344–1348 гг.
Сонджон	1083–1094 гг.	Чхунджон-ван	1348–1351 гг.
Хонджон	1094–1095 г.	Конмин-ван	1351–1374 гг.
Сукчон	1095–1105 гг.	У-ван	1374–1388 гг.
Еджон	1105–1122 гг.	Чхан-ван	1388–1389 гг.
Инджон	1122–1146 гг.	Конъян-ван	1389–1392 гг.

4. ДИНАСТИЯ ЛИ (ГОСУДАРСТВО ЧОСОН)

Тхэджо	1392–1398 гг.	Кванхэгун	1608–1623 гг.
Чонджон	1398–1400 гг.	Инджо	1623–1649 гг.
Тхэджон	1400–1418 гг.	Хёджон	1649–1659 гг.
Седжон	1418–1450 гг.	Хёнджон	1659–1674 гг.
Мунджон	1450–1452 гг.	Сукчон	1674–1720 гг.
Танджон	1452–1455 гг.	Кёнджон	1720–1724 гг.
Седжо	1455–1468 гг.	Ёнджо	1724–1776 гг.
Еджон	1468–1469 гг.	Чонджо	1776–1800 гг.
Сонджон	1469–1494 гг.	Сунджо	1800–1834 гг.
Ёнсангун	1494–1506 гг.	Хонджон	1834–1849 гг.
Чунджон	1506–1544 гг.	Чхольчон	1849–1863 гг.
Инджон	1544–1545 гг.	Коджон	1863–1907 гг.
Мёнджон	1545–1567 гг.	Сунджон	1907–1910 гг.
Сонджо	1567–1608 гг.		

ПЕРИОДИЗАЦИЯ КОРЕЙСКОЙ ИСТОРИИ

Период	КНДР	Республика Корея	СССР
원시사 (первобытная история)	600–400 тысячеле- тия до н. э. — сере- дина III тысячелетия до н. э., первобытно- общинный строй	700–500 тысячеле- тия до н. э. — X–IV вв. до н. э.	До начала I тысячелетия н. э.
고대사 (древняя история)	2333–108 г. до н. э. Древний Чосон, ра- бовладение	X–IV вв. до н. э. — X в. н. э. (Древний Чосон, Три государства, Объединенное Силла)	До середины VII в. (создание Объеди- ненного Силла), за- рождение феода- лизма
중세사 (средне- вековье)	I в. до н. э. — 1860-х гг., феодализм	X–XIV вв., ари- стократическое / государственно- бюрократическое общество (точный характер является предме- том дискуссий)	До середины XVII в., феодализм
근세사 (история раннего Нового Времени)	нет	с XV в. по 1860-е гг.	нет
근대사 (новая история)	1860-е — 1920-е гг., конец политики изо- ляции, до начала ре- волюционной дея- тельности Ким Ир Сена	1860-е — 1945 г. конец политики изоляции, до освобождения	Со второй половины XVII в. до 1917 г., кризис феодализма, появ- ление элементов капитализма.
현대사 (новейшая история)	С 1920-х гг. до сего дня (строительство «чучхейского госу- дарства»)	С 1945 г.	С 1917 г. (Октябрь- ская революция), эпоха строительства социализма. В современной рос- сийской историо- графии обычно вместо 1917 г. бе- рется Освобожде- ние в 1945 г. как пе- реходный пункт к новейшей истории Кореи.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

(составила Т. М. Симбирцева)

- Абаоцзи 217
Абахай 340, 341
Абиджи 147
Авалокитешвара (кор. Кваным)
132, 168, 172, 173
Агуда 250
Алексеев К.А. 463, 466
Алкин С.В. 11
Аллен Г.Н. 420
Альчхон 143, 145
Амогань 267
Амитабха 166–168, 172, 186, 188,
204, 213
Ан Гёнсу 479
Ан Хян 278
Ансын 154, 164
Ань Лу-шань 179
Аппенцеллер Г.Г. 420
Арён 91
Аримицу Кёити 33
Асин, ван Пэкче 100
Афанасьев 1-й 457
Афанасьев 2-й 457

Безобразов А.М. 474, 476
Браун, Дж. Мак Леви 463, 476
Брахма 187
Бхайшаджьяраджа 170
Вайрочана 205, 206
Ван Аньши 245, 247
Ван Вон (см. также Идзир-буга,
Чхунсон-ван) 274
Ван Гон 200–203, 205, 208, 210,
211, 214–219, 222, 223, 231, 234,
261
Ван Гю 219
Ван Синънём 216, 219
Ван Сун (см. также Хёнджон, ван
Корё) 240
Ван Янмин 308, 358

Вангом (см. также Тангун) 62
Ванин Ю.В. 286, 333, 384
Ванновский П.С. 457
Вебер Карл Иванович 420, 421, 445,
454
Ви Ман (см. также Вэй Мань)
72–75
Ви Уго (см. также Вэй Ющой) 74
Видок, ван Пэкче 119
Вималакирти 180
Витте С.Ю. 474
Волков С.В. 11, 213, 286, 333, 384,
496
Вонгван 141–143
Вонджок (см. также Тоый) 205
Вонджон (см. также Попхын, ван
Силла) 120, 122
Вонджон 181
Вонджон, ван Корё 268, 269, 271,
272
Вонсон, ван Силла (см. также Ким
Гёнсин) 193, 195, 197
Вонхё 165–169, 172–174, 180, 188
Вончхык 174
Воробьев М.В. 159
Вэй Мань (см. также Ви Ман)
72–75
Вэй Ющой (см. также Ви Уго) 74
Вэнь-ван 178
Вэнь-ди 132, 133
Вяткин Р.В. 78

Гао Инчан 253
Гао Син (см. также Ко Хын) 99
Гаоцзун 156
Глухарева О.Н. 191, 214
Грудзинский Н.Ц. 457
Гуттенберг 277

Давыдов П. 404

- Дай Вильям 421
Деревялко А. П. 11, 31
Джарылгасинова Р.Ш. 96
 Джэсон, Филипп (см. также
 Со Джэпхиль) 458, 459

 Еджон, ван Корё 249, 252
 Еён 195–197
 Елюй Амбагань (кит. Абаоцзи) 217
 Елюй Даши 253
 Ёкояма Сёдзабуро 253
 Ём Хынбан 281, 282
 Ёмчхок (см. также Ичхадон) 122
 Ён Гэсомун 134, 135, 137, 138, 140,
 144, 146, 153
 Ёнджо, ван Чосона 348–350
 Ённю, ван Когурё 134
 Ёнсангун 301, 302
 Ёнъян, ван Когурё 133

 Зонтаг А. 421
Иванова В.И. 497
 Идзир-буга (см. также Чхунсон, ван
 Корё) 274
 Им Хёджэ 39, 45
 Ингём 194–196
 Инджо, ван Чосона 339–342
 Инджон, ван Корё 244, 247, 252,
 253
 Индра (кор. Хванин) 62, 186, 187
 Иноуэ Какугоро 408
 Иноуэ Каору 414, 445
 Иом (см. также Чинчхоль) 211–213
 Ирён 61, 277
 Исабу 124
 Ито Хиробуми 438
 Ичхадон (см. также Ёмчхок) 122

 Кан Гамчхан 241, 242
 Кан Джо 241
Кан Мангиль 9
 Кан Минчхом 241, 242
Карапетьянц А.М. 78
 Кацура Таро 433, 473

 Кашьяпа 147
 Квангэтхо, ван Когурё 100–102,
 197, 123
 Кванджан 149
 Кванджа (см. также Юнда) 208
 Кванджон, ван Корё 209, 219, 221–
 223
 Кванхэгун 338, 339, 342
Квон Хаксу 45
 Кебэк 139, 149
 Кён Дэсын 260
 Кён Хвон 200–203, 213, 216
 Кёнбо (см. также Тонджин) 208
 Кёнджон, ван Корё 222, 223, 240
 Кёнджон, ван Чосона 348
 Кёндок, ван Силла 179, 180, 183–
 185, 187, 189
 Кёнмён, ван Силла 209
 Кёнмун, ван Силла (см. также Ын-
 нём) 197, 198, 206, 207
 Кёнсун, ван Силла 202, 203
 Ки Джао 276
 Киджа (см. также Цзи-цзы) 62, 71
 Ким Алло 305
 Ким Ам 183
 Ким Бангён 270, 271, 276
 Ким Бусик 96, 159, 190, 213, 254,
 255, 275
Ким Воллён 30, 34, 45, 78
 Ким Гёнсин (см. также Вонсон,
 ван) 193
 Ким Гэнам 429, 440
 Ким Джисон 174, 175
 Ким Джонджик 302, 303
 Ким Джонхан 481
 Ким Джонхи 371
 Ким Донджун 255
 Ким Дэгон 369
 Ким Дэмун 184
 Ким Дэсон 185
 Ким Ён 2809
 Ким Ёнджун 473
 Ким Ёнсоп 231
 Ким Ёнчхун 143, 144

- Ким Инмун 155, 156
Ким Кунгван 162
Ким Мурим 146
Ким Оккюн 406, 409–413, 415, 418, 434
Ким Он 189, 195
Ким Онгён 205, 206
Ким Онсын (см. также Хондок, ван Силла) 194
Ким Поммин (см. также Мунму, ван Силла) 154–156, 161–163, 171
Ким Пхёнмук 387, 388
Ким Пхумсок 138, 144, 150
Ким Рехо 472
Ким Саин 179, 180
Ким Сами 264
Ким Сунвон 178
Ким Сунсик 215
Ким Уджин 196
Ким Хангу 397
Ким Хёвон 311
Ким Хонджип 390, 391, 408, 414, 438, 444–447, 458, 460
Ким Хоннйок 462, 464, 467
Ким Хончхан 195
Ким Хымдоль 162
Ким Хымун 162
Ким Хын 210
Ким Чхвирё 265, 276
Ким Чхиян 240
Ким Чхунчу 138, 143–146, 148, 150, 155, 158, 160, 161, 163, 165–167, 180, 189–191, 210
Ким Юнсик 401, 408
Ким Юсин 138, 141, 143–145, 147–149, 154, 158, 160, 161, 167, 181, 183, 193, 209
Ким Янсан 180, 189, 190, 193, 195
Ко Ёнхи 488
Ко Хын (см. также Гао Син) 99
Когугвон, ван Когурё 98
Коджон, ван Корё 261
Коджон, ван Чосона 371, 378, 379, 381, 382, 386, 388–391, 393–396, 398, 400, 402, 403, 406, 408, 411, 413, 418, 420, 421, 432–435, 447, 453–456, 458, 460–466, 468, 469, 471, 473, 474, 476, 478, 479–481, 483, 486, 489
Кои-ван 89
Ком Моджам 153, 154
Конмин, ван Корё 280, 281
Конфуций 176, 489
Концевич Л.Р. 10, 12, 96, 333, 334
Конъян, ван Корё 283, 285
Котхасо 144, 150
Кочхильбу 127
Кузьмин 457
Куисин, ван Пэкче 103
Кунъе 198, 200, 201, 205, 216
Курбанов С.О. 9
Куроода Киётака 381
Кшитагарбха (кор. Чиджан) 188
Кынчхого, ван Пэкче 98, 99
Кэро, ван Пэкче 102–105
Кюнджон 195–197

Лао-цзы 134
Ларичев В.Е. 11
Ли Банвон (см. также Тхэджон) 285, 292, 293
Ли Банган 293
Ли Бангва (см. также Чонджон, ван Чосона) 293
Ли Бансок 293
Ли Бомджин 446
Ли Ванён 446, 454, 462, 465
Ли Гваль 340
Ли Гваннин 424
Ли Ги Бэк 10
Ли Го 256, 259
Ли Гынтхэк 476
Ли Гюбо 263
Ли Джагём 250, 252, 253
Ли Джаён 252
Ли Джаый 252
Ли Ёнтхэ 429
Ли Ёнъик 473, 475, 476, 481

- Ли И (см. также Юльгок) 309, 310, 312, 350
Ли Ик 359, 360, 363, 365
Ли Инджик 490
Ли Иним 281
Ли Мансон 392
Ли Минвон 472
Ли Мунджин 133
Ли Наён 424
Ли Онджок 306, 308
Ли Санджэ 454
Ли Сиз 299
Ли Сонге (см. также Тхэджо, ван Чосона) 229, 280–283, 285, 290–293
Ли Сонму 231
Ли Сунсин 314, 315
Ли Сынман 465, 470, 479, 490
Ли Сынхун 363, 365
Ли Хаён 454, 473, 488
Ли Ханно 388
Ли Хаын (см. также Тэвонгун) 371
Ли Хван (см. также Тхвеге) 307–312, 350, 393
Ли Хончхан 497
Ли Хунчжан 403, 418, 419, 429, 434, 436, 438
Ли Хэджо 490
Ли Чхэён 454
Ли Ыйбан 256, 259
Ли Ыймин 260–263
Ли Юйсун 314
Ли Юнджо 30
Лим Ккокчон 305
Лим Гёнми 281
Лоу, Ф. 377
Лоуэлл, Персиваль 394
Лю Дэён 497
Лю Ёнъик 453
Лю Жэньгуй 150, 151
Лю Жэньюань 150, 151
Лю Инсок 448
Лю Хёнвон 359
Лян Цичао 487
Ма Цзяньчжун 401
Майтрейя (кор. Мирык) 136, 137, 174, 184, 188–190, 201, 204, 213, 279, 347, 363
Манволь 189, 195
Манджок 262
Мани 260
Мансои 261
Манджушри 148
Мара 187
Матюнин Н.Г. 467
Махасатхама 168
Мацзу 205, 209–212
Мёллендорф, Пауль Георг фон 403, 404, 410, 414, 418, 419
Мёнджон, ван Корё 256
Мёнджон, ван Чосона 305, 308–310
Мёчхон 251, 253, 254
Мин, государыня 379, 397, 413, 446, 447, 452, 455
Мин Бёнсок 411
Мин Гёмхо 399
Мин Джонмук 464, 465, 469, 470
Мин Ёнджун 429
Мин Ёнхван 455, 475, 486
Мин Ёнъик 405, 406, 411
Минамото Ёритомо 263
Миура Горо 446, 452
Михиль 173
Мокчон, ван Корё 240, 241
Му, ван Пэкче 135–137
Муём (см. также Нанхе) 210, 211
Мунджон, ван Корё 243–247
Мунджон, ван Чосона 297
Мунджу, ван Пэкче 104, 105
Мункэ 267
Мунму, ван Силла (см. также Ким Поммин) 154–156, 161–163, 171
Мунсон, ван Силла 196
Мурён, ван Пэкче 114, 115
Мухак 292, 294
Муцу Мунэмицу 436, 442
Мэн-цзы 489

- Нагарджуна 172
 Надаров В.И. 457
 Нам Гон 304, 305
 Наммён (см. также Чо Сик) 308
 Нэмуль, ван Силла 106
 Нанхе (см. также Муём) 210, 211
 Наора Нобуо 25
Никитина М.И. 257
 Николай II 454, 474, 476, 478
 Ниси Токудзиро 466
 Но Ёнпхиль 453
 Нульджи, ван Силла 109
 Нурхацци 340

 О Юнджун 401
Окладников А.П. 11
 Ондаль 131
 Омджон 176
 Онджо 86
 Опперт, Эрнест 375

Пак А. В. 472
Пак Б.Б. 423
Пак Б.Д. 424
Пак В.П. 497
 Пак Ёнхё 408, 413, 446
 Пак Кюсу 372, 376, 382, 387
Пак М.Н. 11, 96, 159, 191
 Пак Седан 359
 Пак Сугён 219, 221
 Пак Сурхый 219
 Пак Тою 161
 Пак Хёккосе 91, 109, 185
 Пак Чегэ 362, 382
 Пак Чесан 109
 Пак Чесун 473
 Пак Чивон 361, 372, 382, 387
Пак Чон Хё 472
 Пак Чонъян 420, 443, 454, 462, 469, 470
 Пак Ынсик 489, 491
Пак Ынсук 424
 Пак Эстер 493

 Парамарта 174
 Пельо, П. 184
 Пидам 145
 Пирю 87
 Пию, ван Пэкче 103
 Поджан, ван Когурё 134
 Поксин 150
 Помиль (см. также Тхонхё) 211, 212
 Поп, ван Пэкче 118
 Попкён (см. также Хёнхви) 210
 Попхын, ван Силла 120, 122
 Прабхутаратна (кор. Табо) 186
 Пуё Пхун 151
 Пуё Юн 151, 152, 155
 Путята Д.В. 457
 Пхунхун 161
 Пэ Джунсон 270

 Роджерс, Дж. 377
 Розен Р.Р. 466
 Рузвельт Т. 475
Рю Бёнхун 30

 Садо 350
 Саритай 265, 266
 Сатхэк Чиджок 140
 Седжо (см. также Суян) 298–300
 Седжон Великий 294, 297, 299, 349
 Середин-Сабатин А.И. 422, 460, 495, 496
 Сидан 205, 206
 Сикстель А.В. 457
 Сим Ыйгём 311
Симбирцева Т.М. 9–11, 384, 424, 472, 497
 Симхый (см. также Чингён) 209, 211
 Синдон 281, 282
Син Ёнха 471, 472
 Син Нью 384
 Син Хон 382
 Синмок 173, 175–177
 Синму, ван Силла 196
 Синмун, ван Силла 162–165, 173, 177

- Синчхун 180
 Со Гванбом 405, 413
 Со Гёндок 307, 308
 Со Джэпхиль (см. также Джэсон, Филипп) 458, 459, 465, 468, 471, 488
 Со Хи 240
 Со Чхунджи 209
 Со Юрхи 209, 211
 Соль Чхон 167, 175
 Сольго 180
Сон Боги 30
Сон Бёнхи 491
 Сон Сиёль 342–345, 350, 358
 Сон, ван Пэкче 115, 117, 118
 Сонджон, ван Корё 223, 226, 247, 252
 Сонджон, ван Чосона 300, 302
 Сондок, государыня 143
 Сондок, ван Силла 175–178, 184
 Сосон, ван Силла 194
 Сохён 342
 Су Динфан 149, 152, 153
 Су Ши 245
 Сукчон, ван Корё 248, 249, 252
 Сукчон, ван Чосона 345–347
 Сумун 190
 Сунджо, ван Чосона 365
 Сучхоль 206, 207
 Суян (см. также Седжо) 297, 298
Сыма Цянь 78
 Сэндз, Вильям 475, 476
 Сюаньцзан 165
 Сюй Цзин 246
 Сюэ Жэньгуй 153, 155
Табохаси Киёси 453
 Тайцзун 134, 144
 Такэдзоэ Синъитиро 411, 413
 Тангу 267
 Тангун (см. также Тангун-Вангом) 61–63, 71, 74, 79, 277, 278, 290
 Танджон, ван Чосона 297, 298
 Таосинь 207
 Тасан (см. также Чон Ягён) 360
 Тейяр де Шарден, П. 25
 Темучжин 264
То Юхо 30
 Тоётоми Хидэёси 312–315, 321, 341
 Тогон-Тимур 276
 Тоджын 174
 Тонджин (см. также Кёнбо) 208
 Тоннион 129
 Тонсон, ван Пэкче 105
 Тории Рюдзо 33
Торкунов А.В. 9
 Тосон 208
 Тохон (см. также Чиджын) 207, 208
 Точхим 150
 Тобый 205–207
 Тоюн (см. также Чхольгам) 211
Троцевич А.Ф. 257
 Тхак Чхон 268
 Тхвеге (см. также Ли Хван) 307, 392
 Тхонхё (см. также Помиль) 211
 Тхэджо, ван Когурё 80
 Тхэджо, ван Корё (см. также Ван Гон) 200–203, 205, 208, 210, 211, 214–219, 222, 223, 231, 234, 261
 Тхэджо, ван Чосона (см. также Ли Сонге) 229, 280–283, 285, 290–293
 Тхэджон, ван Чосона (см. также Ли Банвон) 294, 299, 317
 Тхэджон-Мурёль, ван Силла (см. также Ким Чхунчху) 138, 143–146, 148, 150, 155, 158, 160, 161, 163, 165–167, 180, 189–191, 210
 Тэвонгун (см. также Ли Хаын) 371–376, 378–380, 382, 398–402, 408, 412, 429, 435, 438, 445
 Тэгак (см. также Ыйчхон) 247
 Тэтхо 161
Тягай Г.Д. 424, 453
 У, ван Бохая 177
 У, ван Корё 282
 У Литан 405

- У Чанцзин 402
Угедей 265
У-ди 74
Урык 112, 126
Уясу 249, 250
- Фацзан 169, 171
Фудзита Рёсаку 33, 34, 45
Фукудзава Юкити 485
Фут, Люциус 405
- Хаджи 111
Хайсан-Гулик (см. также Уцзун) 274
Хамель Хендрик 344
Хан Гюджик 411
Хван Джини 307
Хванин 61, 63
Хванун 61, 62
Хегон, ван Силла 189
Хеджон, ван Корё 208, 218
Херян 127
Хесо (см. также Чингам) 207
Хечхо 184
Хечхоль (см. также Чогин) 208
Хёгон, ван Силла 199
Хёджон, ван Чосона 342–345
Хёнджон, ван Корё 241, 242, 245
Хёнджон, ван Чосона 344, 345
Хёнми 205
Хёнхви (см. также Попкён) 210
Хёсим 261
Хёсо, ван Силла 173, 175, 177
Хёсон, ван Силла 178, 179
Хо Джонхо 424
Хо Джун 338
Холодович А.А. 12
Хон Гённэ 367
Хон Гехун 430
Хон Дэён 362
Хон Ёнсик 405, 413
Хонан, ван Силла 197, 198
Хонган, ван Силла 197, 207, 211
Хонджон 195–197
Хонджон, ван Корё 252
Хонджон, ван Чосона 365
Хондок, ван Силла 194
Хончхок (см. также Чынгак) 205
Хохлов А.Н. 497
Хрисанф (Щетковский) 496
Хуан Цзуньсянь 391, 392
Хубилай 268, 269, 271, 272
Хыйган, ван Силла 195
Хындок, ван Силла 195, 196
- Цзинюань 248
Цзи-цзы (см. также Киджа) 62, 71
Циго 272
Цинь Кай 65
Цы Си 402
- Чаджан 146–148, 169
Чан Бого 196, 197
Чан Джиён 489, 491
Чансу, ван Когурё 101, 102, 131
Червинский 457
Чжан Цзай 307
Чжиянь 169
Чжоу Дуньи 278
Чжу Си 278, 303, 308
Чжэнсяо 178
Чжэнь (кор. Чин) 103
Чингам (см. также Хесо) 207
Чингён (см. также Симхый) 209
Чингисхан 264, 265
Чиндок, государыня 145, 146
Чинджу 161
Чиджын (см. также Тохон) 207
Чиджын, ван Силла 119
Чинпхё 188, 189
Чинпхён, ван Силла 129, 131, 136, 140–143
Чинсон, государыня 198, 199
Чинхё (см. также Чольджун) 212
Чинхын, ван Силла 123–129, 131, 136, 138, 140, 143, 144

- Чинчхоль (см. также Иом) 211
 Чо Бёнгап 428
 Чо Бёнсик 468–470, 473, 476
 Чо Вичхон 259, 260
 Чо Гван 254
 Чо Гванджо 303, 304
 Чо Ингю 273, 276
 Чо Минсу 283
 Чо Саый 293
 Чо Сик (см. также Наммён) 308–311
 Чо Хви 268
 Чогин (см. также Хечхоль) 208
 Чольджун (см. также Чинхё) 211
 Чон Бонджун 428, 429, 432, 438–440
 Чон Джеду 358
 Чон Дживон 116
 Чон Джунбу 256, 259, 260
 Чон Доджон 285, 291, 292
 Чон Монджу 285
 Чон Сон 350
 Чон Ягён (см. также Тасан) 360–362, 489
 Чонган, ван Силла 197
 Чонджи, ван Пэкче 103
 Чонджо, ван Чосона 348–351, 364, 365
 Чонджон, ван Корё (945–948) 208, 219
 Чонджон, ван Чосона 293
 Чу Сигён 486
 Чукчи 146
 Чукчук 145
 Чумон 79, 81, 86, 113, 131
 Чун 72
 Чунджон, ван Чосона 302–305, 309
 Чхан, ван Корё 283
 Чханю 209
 Чхве Джа 263, 268
 Чхве Джеу 426–428
 Чхве Ён 280, 282, 283
 Чхве И (см. также Чхве У) 263, 266, 267
 Чхве Икхён 378, 387, 388, 393
 Чхве Саджон 252
 Чхве Сихён 428, 439
 Чхве Сынно 223, 224, 226
 Чхве У (см. также Чхве И) 263, 266, 267
 Чхве Чхун 233, 234, 263, 276
 Чхве Чхунхон 261–263
 Чхве Ый 268
 Чхве Ю 280
 Чхеджин 205, 206
 Чхок Чунгён 252
 Чхольгам (см. также Тоюн) 211
 Чхольчон, ван Чосона 371
 Чхонсин (см. также Ю Би) 273, 274
 Чхуннёль, ван Корё 272–274, 277
 Чхунсон, ван Корё 274, 276, 279
 Чхунсук, ван Корё 274
 Чхунхе, ван Корё 274, 277
 Чынгак (см. также Хончхок) 206
 Чэлодай 268
 Чэн И 278
 Чэн Тан 178
 Чэн Хао 278
Чэнь Шоу 96, 159
 Шакьямуни 116, 148, 186, 187
 Шпейер А.Н.
 Шунь 360
 Шэнцзун 241, 245
 Ыйджа, ван Пэкче 137, 138, 140, 151, 152
 Ыйджон, ван Корё 255, 256
 Ыйсан 165, 166, 169–174, 188, 189, 247
 Ыйчхон (см. также Тэгак) 247, 248, 273
 Ыльдже 143
 Ыльчи Мундок 133, 134
 Ыннём (см. также Кёнмун, ван Силла) 197, 198, 206, 207
 Эвисон 492
 Эджан, ван Силла 194

Ю Би (см. также Чхонсин) 273, 274
 Ю Гильджун 394, 405, 443
 Ю Дам 254
 Юань Шикай 402, 403, 413, 417–
 420, 429
 Юй 163, 178
 Юльгок (см. также Ли И) 309, 310,
 312, 350
 Юн Гван 249, 250
 Юн Джын 258
Юн Сонтхэ 18
 Юн Уннёл 408, 412
 Юн Хю 359
 Юн Чхихо 394, 412, 454, 465, 466,
 468–471
 Юнда (см. также Кванджа) 208

 Янгиль 198, 200, 201
 Ян-ди 133
 Яо 62, 178, 360

Kim-Renaud, Young-Key 334
Lee, Ki-dong 159
Lee, P.H. 96, 159, 191, 213, 257, 285,
 333, 384
Min, Hyon-ku 286
Nelson, S.M. 30, 45, 78
Pai, Hyung Il 78
Paik, L.G. 497
Palais, James B. 257, 334, 385
Pankaj, N.M. 159
Provine, Robert C. 286
Rogers, Michael C. 257
Rosen S. 286
Sasse, W 159
Schmid A. 497
Setton, Mark 385, 453
Shultz, Edward J. 257
Sohn Pow-key, см. также Sohn P.K
 30, 333
Song, June-ho 334
Van Hove, H.J. 385
Weems, Benjamin B. 453
Whitfield, Roderick 286
Yi, Song-mu 286

Adams, Edward B. 214
Bary, Wm.T.de 96, 159, 191, 213,
 257, 285, 333, 384
Bouchez, Daniel 286
Buswell, R.E. 191
Chandra, Vipin 472
Choe, Ching Young 334
Ch'oe, Yong-ho 334
Ch'oe Mongnyong 78
Choi, Byong-hon 257
Clark, Donald N. 334
Cook, Harold F. 424
Deuchler, Martina 334, 384
Duncan, John B. 286, 334
Ha, Tae-hung 333
Hamel, Hendrik 384
Gardiner, K.H.J. 96, 214
Grayson, J.H. 191, 453
Kang, Man-gil 385
Kim, Jeong-hak 30, 45
Kim Haboush, Jahyun 384, 385

Contents

Author's Preface to the Second Edition

Purpose, Structure and Peculiarities of This Book	9
Russian Transcription of Korean Words	12
The Administrative Division of Korea	12

Introduction. The Geography, Nature and Climate of Korea	14
--	----

PART 1. PREHISTORIC PAST OF THE KOREAN PENINSULA.

ANCIENT PROTO-KOREAN CULTURES (BEFORE

THE UNIFICATION IN 7TH C. A.D.)

Chapter 1. The Problem of the Paleolithic Age	25
Chapter 2. The Neolithic Age (5th millennium – 10th c. B.C.)	31
Chapter 3. a) The Bronze Age (10th-3rd C. B.C.). The Problem of the Origins of Ancient Chosŏn	46
1. The Bronze Age (10th-3rd c. B.C.)	47
2. The Problem of Origins of Ancient Chosŏn	61
b) The Early Iron Age. The Rise and Fall of Ancient Chosŏn. Chinese Colonization of the North of the Korean Peninsula (3rd – 1st c. B.C.)	66
1. The Early Iron Age	66
2. The Rise and Fall of Ancient Chosŏn	71
3. Chinese Colonization of the North of the Korean Peninsula	75
Chapter 4. The Culture of the Developed Iron Age. History of the Early Three States (1st-3rd c. A.D.)	78
a) The Formation of Early Statehood by the Koguryŏ Tribes in the North of the Peninsula (1st-3rd c. A.D.)	79
b) The Mahan Tribes in the South and the Problem of Early Paekche (1st-3rd c. A.D.)	87
c) The Southern Tribes Chinhan and Pyŏnhan and the Problem of Early Silla (Saro) and Kaya (1st-3rd c. A.D.)	91
Chapter 5. The Further Development of the Three States and the Unification of the Korean Peninsula by Silla (4th – 7th c.)	97
a) Maturing of Statehood in Koguryŏ and Paekche and Their Struggle for the Peninsular Hegemony (4th-5th c.)	97
b) Gradual Development of Early Statehood in Silla. Changes in the Proto-States of Kaya (4th-5th c.)	107
c) Koguryŏ, Paekche and Silla in the 6th c. Strengthening of Silla	113
d) Situation on the Korean Peninsula in the 7th C. Unification of the Peninsula by Silla	132

**PART 2. ARISTOCRACY AND BUREAUCRACY IN KOREA:
THE UNIFIED SILLA AND KORYŎ (END OF 7TH C. –
END OF 14TH C.)**

Chapter 6. The end of Wars for the Unification and the Golden Age of the Unified Silla (661-780)	161
a) Strengthening of the State Centralization in the End of the 7th c.	161
b) The Efflorescence of Buddhist Thought: Wŏnhyo and Ŭisang	166
c) Central Power and the Aristocracy in the First Half – Mid-8th c.	174
d) The Silla Peasants of the 8th c.	182
e) Cultural and Religious Policy in the Unified Silla of the 8th c. . . .	184
Chapter 7. Late Period: Social Changes and the Fall of Silla (780-935) . .	192
a) Crisis of Central Power in Later Half of the 8th - 9th c.	192
b) Social and Political Dissolution of the Unified Silla and Wars Between its Successors	200
c) The “Nine schools” of the Sŏn-Buddhism in the 9-10th c.	205
Chapter 8. The Early Koryŏ: the Centralized Bureaucracy and the Local Strongmen (936-1170)	215
a) Central Power, Aristocracy and Bureaucracy in the 10th c.	215
b) State Administration and Social Relations in Early Koryŏ	226
c) The Koryŏ Foreign Policy in the 10th -11th c.	240
d) The Efflorescence of the Koryŏ Culture in the 11th -12th c.	244
e) Koryŏ and the Jurchen	250
f) Court and Aristocracy in the 12th c. The Military Revolt of 1170	252
Chapter 9. The Late Koryŏ: the Military Rule, Mongolian Invasion and anti-Mongol Resistance (1170–1392)	258
a) “Time of Troubles” in the Late 12th c. The Dictatorship of the Ch’oe Clan and the anti-Mongol Struggle in the First Half of the 13th c.	258
b) Koryŏ as a Yuan Satellite (mid-13th – mid-14th c.).	271
c) Liberation from the Mongolian Yoke and the Fall of Koryŏ (second half of the 14th c.)	280

**PART 3. BUREAUCRATIC NEO-CONFUCIAN MONARCHY
IN THE SOCIETY OF SMALL AND MIDDLE-SIZED
LANDOWNERS (THE CHOSŎN DYNASTY, 1392–1910)**

Chapter 10. The Incipience of the Bureaucratic Neo-Confucian Monarchy: Early Chosŏn (1392-1598)	288
a) The 15th c. – Stabilization of Central Power and Formation of the Chosŏn Socio-Political System	288
b) The 16th c. – “Neo-Confucianization” of Chosŏn and the Japanese Invasion (1592-1598)	304
c) System of State Administration and the Socio-Economical Patterns of Early Chosŏn	317

Chapter 11. Gradual Dissolution of the Hereditary Status System and Development of the Commodity Exchange Economy in the Bureaucratic Neo-Confucian Society:	
Late Chosŏn (1598-1876)	335
a) The 17th c. – Struggle between the Yangban Factions and the Crisis of the Social System	335
b) The 18th c. – Temporary Stabilization of the Central Power	349
c) The 17th – 18th c. – Development of the Commodity Transactions, Social Changes and Ideological Challenges	353
d) The 19th c. – Social and Political Crisis and the Forcible Integration into the World Capitalist System	365
Chapter 12. Failures of the Reform Policy of Kojong and the China-Japan Rivalry at the Korean Peninsula (1876-1894)	386
a) The Conservatives' Reaction to the Kanghwa Treaty (1876-1880)	386
b) Palliative Reforms of 1880-1882	391
c) The Military Rebellion of 1882 and the Strengthening of the Chinese Influence	398
d) Intensification of the Chinese Interventions and Formation of the Radical Reform Faction (1882-1884)	403
e) Abortive Coup of 1884 and Its Consequences	411
f) 1885-1894 – the Decay of the Traditional Society and Failures of Modernization	416
Chapter 13. The Peasant War, Fall of Chinese Hegemony and the Radical Reforms of 1894-1895	425
a) Origins, Character and the Course of the First Stage of the Peasant War	425
b) The Japanese Intervention, the Sino-Japanese War and the Second Stage of the Peasant War	433
c) Radical Reforms “from Above”: 1894-1895	433
Chapter 14. “Progress and Reforms” Come to Korea: King Kojong's Flight to the Russian Legation, Proclamation of the Taehan Empire; Rise and Fall of the Independence Club	454
a) Kojong's Stay in the Russian Legation (Feb. 11, 1896 – Feb. 20, 1897) – Moderate “Westernization from Above”	454
b) Proclamation of the Taehan Empire and the Radical Nationalist Movement (Oct. 12, 1897 - end of 1898)	462
Chapter 15. A New Stage of the Moderate “Westernization from Above”: Kojong's Monarchy in 1899–1904	474
a) Kojong's Policy of Diplomatic Maneuver and the Strengthening of the Absolute Monarchy	474
b) Import of Words, Ideas and Institutions: Process of Westernization in Korean Culture	486

ATTACHMENTS

Chronological Table. History of China	499
Traditional Periodization of Ancient Chosŏn History (in Korean Confucian Historiography of the 14th -19th c.)	500
Chronological Table. History of Korea until 1904 (comp. by T. Simbirtseva)	500
Chronological Table. Rulers of Korea from Ancient Times until 1910	519
Table of Periodization of Korean History	525
Index of Names	526

V.M. Tikhonov, Kang Man 'gil

History of Korea (in two volumes). Volume 1: From the Earliest Times to 1904

The present edition is simultaneously a university-level textbook and an absorbing book for general reading. It represents history of Korea from the earliest times till 1945 as seen by Vladimir M. Tikhonov, who graduated from St. Petersburg University in 1994 and presently is a full professor of the University of Oslo (Norway). The book is based on primary sources and includes data and interpretations from South Korean and Western academic literature. The author shows the logic of the historical process on the Korean peninsula, reveals its general and peculiar features. Extensive material on religions and ideology of the traditional and modern Korea is included. Volume 1 is a corrected and expanded version of V.M. Tikhonov's "History of Korea from the Earliest Times till 1876" (Moscow, 2003). Its contents are prolonged till 1904 and supplied with maps, chronological tables and the index of names. Volume 2 deals with history of Korea of the 20th century. Its last part is a translation of a part of a famous book by the patriarch of South Korean Marxist historiography Kang Mangil "The History of Contemporary Korea" (Kochyŏ ssŭn Hanguk hyŏndaesa), which covers the period of 1945-1992.

Тихонов В. М., Кан Мангиль

История Кореи: В 2 т. Т. 1: С древнейших времен до 1904 г. / Ред., сост. хрон. табл., сост. указателя Т. М. Симбирцева. (Orientalia et Classica: Труды Института восточных культур и античности: вып. 41.) М.: Наталис, 2011. 533 с.

ISBN 978-5-8062-0343-5

ISBN 978-5-8062-0344-2

Настоящее издание – одновременно и учебник, и увлекательная книга для чтения. Оно представляет историю Кореи с древнейших времен до 1945 г. в трактовке выпускника Санкт-Петербургского университета, ныне профессора Университета Осло (Норвегия) В. М. Тихонова и основано на первоисточниках, с привлечением сведений и трактовок, почерпнутых из южнокорейской и западной научной литературы. В книге прослеживаются закономерности исторического процесса на Корейском полуострове, выявляются его общие и особенные черты. Представлен обширный материал по религии и идеологии традиционной и современной Кореи. Первый том – это исправленное и расширенное переиздание книги В. М. Тихонова «История Кореи с древнейших времен до 1876 года» (М., 2003), содержание которой доведено теперь до 1904 г. и дополнено хронологическими таблицами, картами и указателем имен. Второй том посвящен XX веку. Его особенность в том, что его заключительная часть – это перевод части знаменитой книги южнокорейского историка Кан Мангиля «Новый взгляд на новейшую историю Кореи» (Кочхё ссын Хангук хёндэса), которая охватывает историю Южной Кореи за период с 1945 по 1992 гг.

УДК 950(519)

ББК 63.3(5)я73

Учебное пособие

В.М. Тихонов, Кан Мангиль

ИСТОРИЯ КОРЕИ

В 2 т.

Т.1

С древнейших времен до 1904 г.

Компьютерная верстка – Г. Конюхова

Подписано в печать 14.06.2011.

Формат 60×90 $\frac{1}{16}$

Усл. печ. л. 34

Тираж 300 экз. Заказ № 800

Издательство «Наталис»

Отпечатано в ООО «Чебоксарская типография №1»
428019, г. Чебоксары, пр. И. Яковлева, 15

